

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

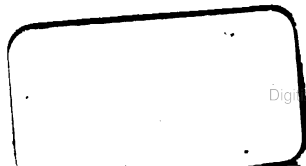
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Ln 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

25-6-1 1866

І Ю Л Ъ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

	СТР.
I. Разсказъ болгара. М. Стецевича	1
II. Полмиліона. Романъ миссъ Амелин Эдвардсъ. <i>Окончаніе первой части</i>	43
III. Калифорнія во время завоеванія ея америганцами. Отрывокъ изъ записокъ русскаго странника. В. А. Риттера	78
IV. Последній изъ идеалистовъ. Отрывокъ изъ ненаписанной повѣсти. П. П. Страхова.....	105
V. Трудъ и наслажденіе. <i>Статья третья и послѣдняя</i> . Разные виды наслажденія. — Пьянство, его исторія и болѣзни. — Страсть къ наркотическимъ веществамъ. — Рискъ и азартныя игры. — Любовь и ея стрѣлы. — Значеніе принциповъ и идеаловъ. П. П. Соловьева.....	125
VI. Любовь къ природѣ въ новѣйшемъ обществѣ. <i>Статья Э. Револю</i>	150
VII. Петербургскія трущобы. Романъ. <i>Часть пятая</i> . Голодные и холодные. Главы XX — XXII. В. Крестовскаго	177
VIII. Политическая хроника. Политика Россіи, Франціи и Англіи въ настоящей войнѣ. — Наши среднеазиатскія дѣла и отзывъ о нихъ газеты «Times». — Ходъ военныхъ событій въ Германіи и Италіи.....	1
IX. Интересы литературы и науки на Западѣ. 19	
X. Новыя русскія, англійскія, французскія и нѣмецкія книги	42

Приложеніе. Новымъ подписчикамъ «Отеч. Зап.» на 1866 г., которые до сихъ поръ не могли быть удовлетворены общианымъ приложеніемъ «Петербургскихъ Трущобъ» (первыя четырехъ частей романа), приложеніе это выдается при этой книжкѣ «Отеч. Записокъ» во второмъ изданіи, вновь отпечатанномъ.

ПОДПИСКА НА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейна, № 38).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАНІИ

А. КРАЕВСКИМЪ И С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СЛXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

РАЗСКАЗЪ БОЛГАРА.

Родина моя — Валахія. Невдалекѣ отъ г. Журжи есть селеніе Парепань — мѣсто моего рожденія. Жилъ я тамъ съ родителями до осьмилѣтняго возраста, а въ 1844 году перешелъ съ ними въ Турцію. Поселились мы въ рушукскомъ санджакѣ, въ с. Пиргоса.

Отецъ мой — упокой его Господи — былъ купецъ; онъ умеръ спустя годъ по переселеніи въ Турцію. Торговлю отецъ велъ не обширную, но, умирая, кромѣ вздоха и сожалѣнія, что оставляетъ осьмерныхъ сиротъ, оставилъ еще пять тысячъ піастровъ; деньги этн, какъ старшему, отдалъ онъ мнѣ, завѣщая сохранить ихъ, до возраста прочихъ дѣтей. Потомъ мы должны были подѣлиться. Приобрѣлъ отецъ піастры эти торговлею мелкими товарами. Для рушукскаго торговца, да еще болгара, глаура, райн, пять тысячъ піастровъ были куда-какія большія деньги въ то время — благо что не отобрали правовѣрные! Значить, покойный умѣлъ удовлетворять желанія тамошней власти безъ большихъ для себя издержекъ — хитрый былъ — царство ему небесное.

По смерти отца, я отправился въ Рушукъ и поступилъ въ школу. — Учился тамъ семь лѣтъ, а потомъ опредѣлился въ привачики въ одному изъ тамошнихъ купцовъ.

Младшій мой братъ, Тѣни, былъ нанятъ однимъ изъ жителей села Пиргоса для прислуги въ домѣ; еще меньшій оставался при матери; при ней же были и остальные дѣти, мои сестры.

Скоро по смерти отца мать вышла замужъ. Однажды, это было въ 1852 году, пошелъ я изъ Рушука въ Пиргосу навѣстить своего брата Тѣни, и, какъ ему кончался срокъ, то, кстати, условиться о платѣ на слѣдующій годъ, если хозяинъ пожелаетъ его оставить.

Разстояніе до Пиргосы двадцать-пять верстъ. Пришелъ.

Похваливъ брата за усердіе, Василій — такъ звали хозяина — изъявилъ желаніе оставить его у себя и на слѣдующій годъ, но съ условіемъ уменьшить плату, на томъ основаніи, что трудной

работы не предстояло. Не согласясь на это предложеніе, я велѣлъ Тѳни собираться въ дорогу. Я хотѣлъ нанять его или въ этомъ же селеніи у другого хозяина, или взять съ собою въ Рушукъ.

Василій также имѣлъ брата; звали его Гецу. Они жили въ одномъ домѣ и оба были женаты.

За службу Тѳни причиталось получить отъ Василія нѣсколько піастровъ и онъ, обращаясь къ Гецу, велѣлъ принести деньги; тотъ вышелъ изъ хаты, но скоро воротился встревоженнымъ.

— Кто-жъ деньги взялъ оттуда? спросилъ онъ Василія.

— Кому же взять! онѣ тамъ, а ихъ не бралъ, отвѣчалъ Василій и оба, вмѣстѣ съ женами, побѣжали въ погребъ, но денегъ не нашли.

Возвратясь, они объявили, что деньги эти были сохраняемы въ погребѣ, что ихъ было двѣ тысячи піастровъ звонкою монетою, что деньги были сложены въ горшокъ и зарыты въ землю, что объ этой тайнѣ знали только братья.

Опредѣливъ Тѳни къ другому хозяину, сосѣду Василія, я пошелъ обратно.

Дни черезъ два мнѣ сказали, что кто-то зоветъ меня за ворота. Выхожу. Вижу, стоитъ Гецу, прислонясь къ забору. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Ангелъ (мое имя), зачѣмъ ты взялъ наши деньги?

Я хотѣлъ возражать, но онъ предупредилъ.

— Полно тебѣ заператься! наши двѣ тысячи піастровъ у тебя, передалъ ихъ тебѣ братъ твой, Тѳни.

— Богъ съ тобою, что ты говоришь? сказалъ я.

— Подлецъ! Отдай деньги, или я убью тебя! сказалъ онъ и поднялъ, бывшую у него въ рукахъ, дубину.

— Ты сумасшедшій!

— Отдай, тебѣ говорятъ, деньги, а то расквешься что взялъ, да будетъ поздно.

— Я не бралъ денегъ.

— Ну, если такъ, пусть же насъ разсудитъ паша. Улики на лицо: твой братъ уличить тебя; онъ укралъ и передалъ тебѣ; деньги, значитъ, у тебя; отдай, если не хочешь нажить бѣду.

— Идемъ къ брату, я самъ спрошу Тѳни, сказалъ я.

— Идемъ.

Подходя къ дому Василія, я спросилъ Гецу: почему братъ мой у нихъ находится.

— Мы взяли его вчера къ себѣ, чтобы разспросить о деньгахъ, отвѣчалъ Гецу.—Но вотъ что, Ангелъ, прибавилъ онъ:—ты останься у дверей, а я войду прежде и спрошу о деньгахъ; ты же послушай подъ дверьми, что онъ скажетъ, а потомъ входи.

— Для чего ты лжешь, говоря что Ангелъ взялъ у тебя деньги? сказалъ Гецу, вошедши въ комнату и обращаясь къ Тѣни.

— Какъ же онъ смѣлъ сказать это, если онъ, взявши отъ меня деньги, унесъ ихъ съ собою, въ городъ! отвѣчалъ Тѣни. Я вошелъ.

Съжившись на полу, въ углу хаты, сидѣлъ Тѣни. Я удивился, взглянувъ на брата. Три дня тому назадъ я его оставилъ полнымъ здоровья, а какою нашелъ въ немъ перемѣну: лицо распухшее, глаза чуть не вылазили изъ орбитъ, взгляды дикіе, какіе-то блуждающіе, руки и ноги перевязаны тряпками, движенія судорожны... не сошелъ ли онъ съ ума, невольно взбрело мнѣ на мысль.

— Чтѣ съ тобою, Тѣни? Ты боленъ? спрашиваю.

— Нѣтъ, здоровъ.

— А руки для чего перевязаны? Чтѣ у тебя на рукахъ?

— Ничего.

— Зачѣмъ же ты перевязалъ ихъ?

— Такъ себѣ.

— Чтѣ съ нимъ? спрашиваю Гецу.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Тѣни, какія деньги ты мнѣ отдалъ? спрашиваю брата.

— Двѣ тысячи піастровъ, которые я укралъ у своего хозяина.

— Ты лжешь! когда ты мнѣ давалъ деньги?

— Отдай лучше, Ангелъ. Вѣдь тебѣ все равно. Отдай деньги хозяевамъ... Богъ съ ними.

Не вытерпѣвъ я, бросился на брата и началъ его бить.

— Не бей брата, вступился Гецу.—Отдай лучше деньги; не заширайся.

— Да онъ лжетъ! вскричалъ я.

— Не кричи, насъ сейчасъ рассудятъ.

Съ этими словами Гецу вышелъ изъ избы и позвалъ сосѣдей—болгаръ, а также—мюдурѣ (турецкій старшина); явилась сельская полиція.

Гостепріимный хозяинъ прежде всего спѣшилъ угостить судей, усадивъ ихъ за ужинъ, уже послѣ котораго начался допросъ.

— Взялъ ли ты деньги у своихъ хозяевъ? спросили брата.

— Взялъ, говоритъ.

— Гдѣ деньги, которыя ты взялъ у хозяина?

— Отдалъ, говоритъ, брату Ангелу.

— Ангелъ, зачѣмъ ты взялъ чужія деньги? спрашиваютъ меня.

— Я не бралъ никакихъ денегъ, хотя и слѣдуетъ получить отъ хозяина Василія за службу брата.

— *Неподлежащихъ дѣлу обстоятельствъ не помнящій здѣсь,*

говори просто, ясно, неуклончиво: взял ли ты деньги отъ Тѳни? процѣдилъ блюститель порядка.

— Нѣтъ.

— Связать Ангела, рѣшили болгаре.

Связали руки за спину, связали крѣпко и повели въ домъ юдѳора; тамъ въ большой отдѣльной катѣ, къ стоящему посрединѣ ея столбу, привязали еще крѣпче, на цѣлую ночь.

Ни мольбы, ни стоны не тронули стѣнъ, безмолвныхъ свидѣтелей мукъ; не разбудили и сытно-поужинавшаго вѣрнаго стража, блюстителя порядка, хорошаго мастера своего дѣла, юдѳора. Или, можетъ быть, сытый голодному не вѣрять. Знаю только, что пробыть ночь связаннымъ—мучительно; но эта людская изобрѣтательность слишкомъ обыкновенна, чтобъ говорить о ней. Чуждыя намъ страданія другихъ глухо отзываются въ нашихъ сердцахъ, да и не всѣ я не всегда понятны довольнымъ; къ чему же и тараторить объ нихъ? скажу просто: къ утру руки опухли и, какъ плети, неуклюжо висѣли по тѣлу, а пальцами я не могъ пошевелить; ослабѣлъ, изнемогъ, во рту пересохло. Горькіе слѣды самовластиа, порожденныя деспотизмомъ, становились мнѣ понятны. Что имѣло быть дальше, Аллахъ белить.

— Если не ты взялъ эти деньги, скажи, уговори своего брата, чтобъ онъ отдалъ ихъ. Мы люди бѣдные, гдѣ намъ взять, чѣмъ жить безъ денегъ? проси брата—пусть отдастъ намъ наше, приди утромъ къ старшинѣ, говорилъ мнѣ Василій.—Не отдадите, прибавилъ онъ:—отведемъ на судъ къ пашѣ.

Развязали мнѣ руки, повели къ брату.

— Бога-ради, сказалъ я Тѳни:—отдай эти деньги. Не дѣлай и себя и меня несчастнымъ... Пожалѣй нашу молодость... ты еще дитя, тебѣ только одиннадцать лѣтъ, предъ тобою цѣлая жизнь; ты еще можешь быть человѣкомъ богатымъ, можешь быть купцомъ. Пожалѣй, Тѳни, свою мать, сестеръ, братьевъ, они будутъ плакать по насъ, когда насъ постигнетъ горе, навликанное нами же. Я стоялъ на колѣняхъ передъ братомъ, плакалъ, умолялъ его сознаться въ своемъ преступленіи.—Ты еще дитя: могутъ простить твое заблужденіе, говорилъ я.

Видно, мольбы мои тронули брата; онъ горько заплакалъ.

— Я вѣдь не бралъ этихъ денегъ, сказалъ онъ:—и не видѣлъ ихъ, и не зналъ, гдѣ онѣ спрятаны. Когда Василій и Гецу привели меня къ себѣ и начали бить, а потомъ жгли руки и ноги на огнѣ, я не выдержалъ: я наговорилъ и на себя и на тебя. Чтобы не убили, чтобы не испекли меня живого, я рѣшился солгать, сказавъ, что взялъ деньги и отдалъ тебѣ; тогда они прекратили пытку. Братъ! милый братъ! пожалѣй и прости меня.

Дай имъ двѣ тысячи піастровъ — у тебя, кажется, есть деньги; пусть отстануть отъ насъ, просилъ меня Тони.— Не оставляй же меня здѣсь, Ангель, милый братъ! они убьютъ меня, если оставишь. О, какъ они меня мучили!... сказалъ, сильно вздрагивая и заливаясь слезами, Тони.

— Слышали, православные, что говорить мой братъ? сказалъ я, обращаясь къ собравшемуся народу.

— Будь вамъ Богъ на помощь, сказали православные и разошлись по домамъ. Они имѣли право лишь жалѣть, но не защищать насъ; на сторонѣ Василя и Гецу была деспотическая власть — старшина (мюдурэ).

— Бога вы не боитесь! обратился я къ хозяевамъ: — какъ вамъ не грѣхъ мучить дитя, вынуждая его на ложь. Да и какое вы имѣете право безъ суда подвергать пыткѣ даже взрослога чело-вѣка? — (Увы, я еще былъ молодъ и не зналъ туземныхъ порядковъ!) — Братъ мой живетъ у васъ седьмой годъ; замѣчали ли вы за нимъ когда нибудь подобный поступокъ? А теперь, чѣмъ вы увѣрились, что не кто другой, а онъ совершилъ это преступленіе? Подумайте, вѣдь это христіанинъ, христіане и вы: допускаетъ ли наша вѣра неправду, обиду ближнему... не говоритъ ли Св. Евангеліе, свѣточъ нашей религіи: любите враговъ вашихъ, творите добро ненавидящимъ васъ?... добро ли вы дѣлаете другу, живо обвиняя его, основываясь лишь на подозрѣніяхъ?

— Нечего тутъ рассказывать! отдай деньги или поведемъ васъ въ судъ! сказалъ Василій.

А я? я и тутъ оказался невѣждою: я вздумалъ говорить о религіи... Я представлялъ себѣ христіанство не въ однихъ обрядахъ: я не зналъ еще, что религіозность часто ограничивается одними ими. То понятіе, что только соблюденіе правды, что только дѣланіе добра другимъ сближаетъ насъ со Всевышнимъ, было чуждо окружавшимъ меня людямъ.

— Давай деньги, повторилъ Василій.

— Ведате насъ лучше въ судъ; быть можетъ, тамъ найдемъ правду! сказалъ я.

Благодарный за угощеніе, на зовъ Василя скоро явился мюдурэ.

— Ты взялъ деньги? вновь спрашивалъ онъ брата.

— Нѣтъ, не бралъ и не видѣлъ ихъ, отвѣчаетъ Тони.

— Для чего же ты вчера сказалъ, что взялъ и отдалъ брату?

— Оттого, что меня били и жарили на огнѣ.

— Э, э, да это негодяй! Давайте веревку, повѣсите его! закричалъ разсердившійся турокъ.

Принесли веревку. Онъ сдѣлалъ петлю, наложилъ ее брату на шею, подвелъ его къ притоку и потянулъ.

— Взялъ, взялъ! закричалъ несчастный:—взялъ и отдалъ брату.

— Не пугайте мальчика, сказалъ я, обращаясь къ турку.—Вы видите, что онъ изъ боязни готовъ винить и себя и меня.

Но, видно, турки задобрили; онъ былъ противъ насъ.

— Отдавая деньги, сказалъ онъ и, взявши веревку, связалъ мнѣ руки. Потомъ съ Василюмъ, его братомъ Геду, да тремя еще болгарами, которые должны были свидѣтельствовать, что деньги взяты нами, повели насъ къ рушукскому пашѣ. Пряда же въ Рушукъ, зашли не прямо къ пашѣ, а къ капу-бимбаша (вице-губернатору).

Объяснили ему нашу вину.

— Гдѣ деньги? спросилъ капу-бимбаша брата.

— У него, отвѣчалъ Тони, указывая на меня.

— Давай деньги! обратился ко мнѣ бимбаша.

— Я не имѣю чужихъ денегъ; я хотя собственныя есть, но отдавать ихъ не намѣренъ.

— Гдѣ же хранятся твои деньги?

— У хозяйина, у котораго я живу, въ сундукѣ.

— А сколько у тебя денегъ?

— Пять тысячъ шестьсотъ пиастровъ.

— Ну, вотъ, ты имѣешь же деньги; почему не отдать тебѣ изъ нихъ двухъ тысячъ пиастровъ?

— Эти деньги сестеръ и братьевъ моихъ, оставшіяся послѣ смерти отца; я же, какъ старшій, обязанъ ихъ сохранить до возраста дѣтей.

— Давай ключи отъ своего сундука.

Я отдалъ ключи.

— Пойдите вы къ хозяйину, гдѣ служитъ Ангель Т., запечатайте сундукъ и привезите его въ мюзлишъ (присутственное мѣсто), сказалъ бимбаша, обратясь къ двумъ полиціантамъ и къ одному изъ бывшихъ тамъ болгаръ. Меня же и брата моего Тони, велѣлъ отвести въ тюрьму и рассадить по разнымъ камерамъ.

Описывая это неинтересное для читателя, случайное несчастье моей жизни, я смотрю на него какъ на причину, имѣвшую сильное вліяніе на всю мою жизнь.

Наглое самовластіе начальниковъ, полное непризнаваніе истины, пренебреженіе къ закону, неуваженіе правъ человѣка, поселило во мнѣ отвращеніе къ окружающимъ меня людямъ и, такъ-сказать, вырвало съ корнемъ изъ той почвы, на которой я выросъ. Низкое искательство, царство неправды, лжи, обмана, корысто-

любія, заставили меня возненавидѣть родину и ту среду, въ которой я жилъ! Самое святое для человѣка—воспоминаніе дѣтства—отравлено, убито во мнѣ навсегда!

На третій день моего заключенія, меня потребовали въ судъ и, въ присутствіи самого губернатора, опять начались допросы, кончившіяся требованіемъ денегъ. Ни доказательства мои, что обвиненіе провознесено братомъ подъ истязаніями и пыткой, ни побитое и пожженное тѣло несчастнаго, ничто не тронуло судей.

— Ты взялъ деньги? спросилъ паша моего брата.

— Нѣтъ, эфендимъ (ваше превосходительство), я не бралъ, эфендимъ.

— Прежде ты говорилъ—взялъ, теперь говоришь—не бралъ; ты лжешь, собака.

— Правда, эфендимъ, я говорилъ—взялъ; но меня принудили: хозяева мои били меня и жгли, старшина хотѣлъ вѣшать, отвѣчалъ Тони, указывая на особенно мучившаго его, Гецу.

Арестовали Гецу и, заковать въ кандалы, отправили въ тюрьму.

Меня и брата попрежнему раздѣлили по камерамъ.

Арестованіе Гецу нѣсколько облегчило мое заточеніе: я радвался страданію врага и собственныя мои страданія слабѣли.

Но не дремалъ другой врагъ.

Васалій, пользуясь свободою, подкупилъ ключника тюрьмы, въ которой содержался Тони. Онъ чаще и чаще сталъ навѣщать узника и уговаривать отказаться отъ словъ, сказанныхъ губернатору.

Нетрудно было ему подарками лакомствъ и денегъ склонить мальчика противъ себя самого; при этомъ его пугали вѣчнымъ заточеніемъ, если не согласится на предлагаемое.

Въ одной тюрьмѣ съ Тони содержался еврей, на котораго онъ и взвелъ вину, будто прежде былъ имъ наученъ отказаться въ покищеніи денегъ. За это бѣдный израилъ просидѣлъ лишніе три мѣсяца въ пучинѣ мельхиседековой. Не случись этого обвиненія, онъ былъ бы въ тотъ же день освобожденъ.

Когда вторично, чрезъ пятнадцать дней, насъ потребовали на судъ губернатора, Тони уже говорилъ другое.

Опять потребовали отъ меня деньги, опять отказался я въ видѣчѣ, опять отвели меня и брата въ тюрьму, а Гецу освободили.

Собиралъ губернаторъ справки обо мнѣ: пятнадцать человѣкъ болгаръ, жителей Рушцука, были спрошены о поведеніи моемъ, о семилѣтней моей жизни между ними, также о томъ, имѣлъ ли я свои деньги.—Велъ онъ себя такъ, какъ далъ Богъ дѣтямъ нашимъ вести себя, отвѣчали спрошенные. Деньги онъ имѣлъ по наслѣд-

ству отъ своего отца и отдавалъ ихъ на проценты, говорили они. Если же, прибавляли болгаре, послѣ окажется, что деньги взяты мною, то они, ручаясь за меня, соглашались удовлетворить претендентовъ собственными, вдвойнѣ.

Годъ и два мѣсяца сижу я въ тюрьмѣ. Въ теченіе этого времени разъ потребовали меня въ судъ, но для чего?

— Давай деньги! кричить губернаторъ.

— Не могу, эфенди, отдать имѣющихся у меня денегъ: онѣ не мои, сиротскія, принадлежащія малолѣтнимъ братьямъ и сестрамъ, а другихъ, то-есть ворованныхъ, у меня нѣтъ. Если изъ имѣющихся у меня отдамъ, то всякій тогда въ правѣ признать меня виновнымъ въ похищеніи двухъ тысячъ піастровъ, какъ вправѣ также назвать преступникомъ—за ограбленіе своихъ родныхъ. Пусть претенденты сами возьмутъ хоть четыре тысячи, вмѣсто двухъ тысячъ піастровъ; но прежде, эфендимъ, велите присягнуть въ церкви Василию и Гецу съ ихъ женами и дѣтьми, что я дѣйствительно скрылъ ихъ деньги, взявши у моего брата. Вѣдь это для нихъ ничего не значитъ: они убѣждены, что я виноватъ въ этомъ, если стараются держать меня въ тюрьмѣ, если боятся моей свободы.

— Вскройте сундукъ, сказалъ паша.

Вскрыли. Найдено оружіе: атаганъ, пистолеть — запрещенныя гяуру вещи.

— Кто позволилъ, какъ ты смѣлъ, райа, имѣть оружіе? закричалъ губернаторъ.

— Вы позволили, эфенди, отвѣчалъ я, показывая свидѣтельство, купленное мною незадолго предъ отправленіемъ въ тюрьму.

— А, а! произнесъ паша, взглянувъ на свою подпись.

Впрочемъ, это бываетъ и въ другихъ мѣстахъ... чего на свѣтѣ не бываетъ? А турки, вѣдь, фанатики.

— Ну, болгаре, ступайте, присягните и получите четыре тысячи піастровъ, сказалъ паша, обращаясь въ Василию и Гецу.

— Позвольте намъ подумать, просили они.

Насъ отправили въ тюрьму, а болгаре пошли думать. И выдумали же они: взять деньги просто безъ присяги. Это легко они устроили, пожертвовавъ извѣстную долю капиту—чиновнику при губернаторѣ.

Къ чему же служить фанатизмъ, если онъ не потворствуетъ нравственной порчи? — Не въ упадку ли религіозныхъ вѣрованій и не бросаетъ ли онъ народъ въ безвѣріе, не являетъ ли страшной грубости и безчеловѣчія, несмягчаемаго умственнымъ образованіемъ? — а турки ревниво берегутъ невѣжество какъ свое, такъ и подданныхъ ихъ. Эти низкія, характе-

ристическія черты — слѣдствіе рабства, униженности, ласкательствъ — самыя обыкновенныя какъ для несчастныхъ рабовъ, такъ и ихъ владѣльцевъ. Какъ видите, доходитъ уже до того, что и частныя лица, по праву сильнаго, пытаются своего собрата, единственно на основаніи подозрѣнія, ими же самими, изъ корысти выдуманнаго... Кому же жаловаться! да и стоитъ ли! Кто услышитъ вопли ваши?...

Искать закона и правосудія у турецкаго вельможи — пустая мечта. Кто же можетъ упрекнуть, что я весь отдался мести? Мечь же девизъ народа грубаго, необразованнаго никакими нравственными началами — а я былъ членомъ этого народа.

Сибсъ и тшеславіе — натура турка. Выстѣ съ чрезмѣрною роскошью высшаго класса вкрадываются и гнусные пороки, заражающіе нравы, растлѣвающіе націю. Жадность въ деньгамъ доходитъ до того, что немѣрщій этого порока кажется страннымъ. Плодъ этой страсти — продажность и попираніе ногами всего святаго для человѣка. Богатый богатѣетъ насчетъ бѣдняка, разоряющагося до нищенства — таково житье въ Турціи... Да будетъ же проклята цивилизація, руководящаяся эгоистическимъ расчетомъ и недумающая о положеніи ближняго!...

Еще прошелъ мѣсяцъ. Потребовали-было отъ меня поручителей, представивъ которыхъ, я могъ быть освобожденъ; но какъ поручительство требовалось въ смыслѣ строгой отвѣтственности за мшеніе мое Василю и Гецу, то принудить себя отказаться отъ этой послѣдней сладкой надежды я не могъ. Я не могъ рѣшиться подвергнуть несчастію другихъ, какъ не въ силахъ былъ отвѣчать, что не отплачу зломъ за зло. Я предлагалъ поручителями за себя самихъ же Василю и Гецу, но они, конечно, отказались; и я готовился при случаѣ бѣжать или остаться на всю жизнь въ тюрьмѣ, а другихъ поручителей указать не хотѣлъ.

Турки тоже знали, что отъ удовольствія мести я не откажусь и заблагоразсудили оставить меня въ тюрьмѣ.

Взявши деньги, Тони освободили.

Наступилъ четвертый мѣсяцъ другого года моего заключенія. Былъ великій постъ, страстная недѣля, 1854 года.

Безсильная злоба, горькая неправда, самовластное, безотчетное распоряженіе человѣкомъ, безотрадная перспектива грызли меня и не давали покою, разстроивая мои физическія силы — я заболѣлъ...

Желаніе умереть похристіански побудило меня просить старѣйшинъ Рушука, болгаръ, взять меня на поруки. Я хотѣлъ говѣть. Потому я вновь хотѣлъ идти въ тюрьму и ждать справедливаго рѣшенія своему дѣлу. Пустая мечта, слѣды молодости...

сти; незнаніе испорченности нравовъ и, многіе скажутъ, ни на чемъ не основанное упрямство.

Тюремное заключеніе въ Турціи весьма тяжело, но о внутренности тюрьмы я скажу нѣсколько словъ послѣ.

Свобода, свѣжій воздухъ скоро поправили мои силы. Черезъ мѣсяць я былъ уже здоровъ.

Узнавъ о моемъ выздоровленіи, Василій и Гецу просили губернатора потребовать отъ меня поручителей. Опять я въ судъ; и опять, когда на вопросъ губернатора кому я отдаю себя на поруки, я назвалъ своихъ враговъ, паша хотѣлъ меня отпратить въ тюрьму; но бывший при этомъ полиціймейстеръ поручился за меня на патнадцать дней, пока я одумаюсь и рѣшусь дать поручителей.

Вышшая тогда война съ Россією породила много бѣдъ. Турецкіе ратники, наводная собою рушукскій пашаликъ, безпощадно грабили и разорали несчастныхъ глауровъ — райевъ. Неурядица этого пресловутаго войска прекратила торговлю; жалоба неправовѣрнаго болгара на правовѣрнаго баши-бузука никогда не имѣла мѣста въ высокому вниманіи херендіевъ. А тутъ еще ожидали Омер-пашу и съ нимъ новую толпу голодныхъ оборванцевъ.

Случайно я узналъ, что отрядъ, ведомый главнокомандующимъ, съ находящимся въ Рушукскомъ пашаликѣ, предназначается въ атаку на г. Журжу, занимаемый русскими. Далѣе, шатаюсь по кофейнямъ, я узналъ случайно, въ какое даже время предположено нападеніе; я сталъ наблюдать и увидѣлъ приготовленія къ переправѣ: стягивались суда къ Рушуку, подвозили въ городъ фуражъ, очищались дома для больныхъ — хотя объ этомъ назначеніи и не было говорено — оттачивались ятаганы и проч. У меня явилась мысль: о приготовленіи турокъ увѣдомить русскихъ. Однако, не довѣряя пьянымъ офицерамъ, рассказывавшимъ объ этомъ походѣ въ кофейной, не довѣряя даже своему слуху, потому что говорено было тихо, я рѣшился убѣдиться. Я ждалъ недолго. Въ день, когда кончалась моя свобода, пришли войска — одна статья изъ слышаннаго мною разговора оправдалась на дѣлѣ. Былъ смотръ; провозводилъ его Омер-паша. Я насчиталъ сто-одиннадцать полевыхъ орудій и триста-шестьдесятъ лошадей съ зарядными ящиками. Войска, по словамъ тѣхъ же пьяныхъ офицеровъ, было семьдесятъ-четыре тысячи. Предъ закатомъ солнца былъ молебень, не всему войску вмѣстѣ, а отдѣльно по частамъ, возлѣ каждой изъ тридцати-семи мечетей, въ Рушукѣ находящихся. Войскамъ назначенъ двухдневный отдыхъ; такъ говорили и офицеры въ кофейнѣ. Слѣдовательно остава-

лось еще время, которымъ русскіе могли хорошо воспользоваться, только бы предупредить ихъ; но какъ? нужно было переплыть Дунай. Плавать я какъ рыба. Берега родной рѣки извѣстны были мнѣ съ дѣтства, значить, и переправу я зналъ, къ которой приготавлилась заблаговременно, на всякій случай, я отправилъ, еще накануне прихода войскъ, свое судно. Мой корабль-корыто, качаясь на водахъ Дуная, закрытый камышомъ, ждалъ меня у пристани.

Кончено! я больше не рабъ турка!...

Своимъ единовѣрцамъ я дѣлалъ услугу, туркамъ мстилъ за самовластіе, себя избавлялъ отъ тюрьмы, тираніи, новыхъ бѣдъ. Уходя отъ несчастій, ожидавшихъ меня въ Русчукъ, который мнѣ опостыгѣлъ—награды я не ждалъ.

Однако тяжелое чувство овладѣло мною, когда я оставлялъ Русчукъ; но время дорого: нужно было засвѣтло дойти до переправы, не бывши замѣченнымъ развѣдами... Вдругъ, изъ-за пригорка показался конный башн-бузукъ! Въ страхѣ, позабывъ о томъ, что я рабъ, я невольно сдѣлался преступникомъ въ глазахъ ѣхавшаго мусульманина: я перешелъ ему дорогу. Какъ коршунъ налетѣлъ онъ на меня съ обнаженнымъ ятаганомъ.

— Анасны гууръ*, райа! закричалъ онъ: — какъ смѣлъ ты перейти мнѣ дорогу, врагъ правовѣрныхъ?!...

— Афъ—эдысымъ, эфендимъ, кабатымъ бильмедимъ! ** отвѣчалъ я, стараясь смягчить гнѣвъ жестокообиженнаго, чтобы не быть задержаннымъ или убитымъ; извиняясь и величая его «превосходительствомъ», я сталъ на колѣни.

Рука грознаго вонна опустилась, самолюбіе его было удовлетворено: пославъ мнѣ нѣсколько пролатіи, онъ проѣхалъ мимо.

Ползкомъ съ обрывистой скалы, спустился я къ рѣкѣ Дунаю. Внизу, недалеко отъ моего корыта, турокъ ловилъ на берегу рыбу.

Для болѣе дальновиднаго человѣка выдуманый предлогъ моего здѣсь появленія показался бы далеко недостаточнымъ; но съ этимъ, однако, обошлось благополучно.

— Не видали ли вы здѣсь лошади? сказалъ я, обращаясь къ турку.— Ищу пропавшей лошади (на обрывѣ скалы).

— Не видалъ я тутъ никакой лошади! отвѣчалъ сердито турокъ и вновь погрузился въ созерцаніе поплавка.

Онъ былъ не вооруженъ.

Я поплывъ вдоль скалы, спустился неподалеку въ оврагъ,

* Непристойная брань.

** Извините, не замѣтилъ.

раздѣлся, привязавъ одинъ конецъ веревки поперегъ себя, другимъ концомъ привязавъ корыго, сложилъ въ него вещи, то-есть платье, и поплылъ.

Пока я улаживалъ свою переправу, легли сумерки; но турокъ увидѣлъ меня, поднялся на лодкѣ, въ которой сидѣлъ, постоялъ, посмотрѣлъ, и опять сѣлъ. Я былъ въ его рукахъ: онъ въ лодкѣ — я вплавь; ударомъ весла онъ легко могъ со мною покончить.

Рискъ и дерзость моя плыть, не выждавъ ночи, могли мнѣ стоить жизни, но не дешевле стоилъ бы и плѣнь. Кажется, что только лѣни правовѣрнаго или удачной ловлѣ его—рыбы, объявъ я спасеніемъ.

Впрочемъ, можетъ быть, онъ думалъ, что мнимая лошадь таковой же пловецъ, какъ и я; что, по недостатку роскошнаго пастбища, ей пришло въ голову повскать такового въ плавняхъ—не знаю; но Дунай я переплылъ благополучно, хотя вода снесла меня версты двѣ.

Усталый, изнемогшій отъ трехчасоваго почти плаванія, я, какъ убитый, упалъ на мокрый песокъ. Футовъ осьми глинистый обрывъ висѣлъ надо мною. Поднялась буря. Ночь темная, мрачная, какъ душа грѣшника, покрыла залокотавшую воду рѣки. А я?—какъ духъ тьмы, сидя надъ бездною, слѣдилъ за всплывшими волнами.

Ни голоса, ни шорохъ, не обнаруживали присутствія человѣка въ этой глуши—лишь только вербы трещали, вторя завываніямъ вѣтра. Тоска сдавила грудь мою, существованіе мое, казалось, въ скорлупѣ орѣха, готоваго унести въ новомъ потокомъ вѣтра. Куда иду, чего ищу? оставивъ мать, родныхъ; что съ ними будетъ?

Какъ старшій, я привыкъ считать себя главою семьи; что будетъ съ оставшимися, думалось мнѣ. Побѣгомъ своимъ я ихъ лишилъ всего, что они имѣли. Правда, сундукъ мой и вещи остались у хозяина, но деньги я взялъ на дорогу. Для нихъ, и деньги, и вещи, пропали. Никто не рѣшится предъявить своихъ правъ на мои вещи, безъ того, чтобы не возбудить подозрѣнія полиціи, слѣдствіемъ котораго была бы пытка, а можетъ быть, и самая смерть. Всѣ они такъ много видѣли подобныхъ примѣровъ и такъ сильно напуганы, что обойдутъ мои вещи, какъ вещи зачумленнаго. Печать паническаго ужаса лежитъ на всѣхъ болгарахъ, какъ знакъ турецкаго владычества. Это видно уже и изъ того, что никто изъ моихъ родныхъ не осмѣлился навѣстить меня въ тюрьмѣ, хотя душевно обо мнѣ скорбѣли. Никто изъ болгаръ, даже свидѣтельствовавшихъ противъ меня, не осмѣлился сказать, что мои родные живутъ недалеко отъ Русува, хотя всѣ знали о нихъ,

боясь и въ этомъ простомъ отвѣтѣ себя запутать. Я звалъ всю эту немощь и смѣло говорилъ, что мои родные живутъ въ Валахїи. Изъ предосторожности я переимѣнилъ свою фамилію Арло на Т., которая и осталась на мнѣ до сихъ поръ; а фамилія Т. очень много—онѣ обыкновенны.

Итакъ, настоящее—безотрадно, прошлое—ужасно, будущее—сомнительно. Печальная перспектива!

— Кто здѣсь? раздался голосъ надо мною, и холодное лезвіе пика дотронулось до тѣла.

— Ази самъ, изъ града Русугъ.

— Чортово сѣмя, проворчалъ голосъ.—Вылазь сюда! закричалъ онъ же.

Я вылезъ на обривъ, и увидѣлъ себя въ обществѣ семи чело-вѣкъ казаковъ. Недалеко виднѣлся кордонъ.

— Ты турокъ? спросили казаки.

— Есмь болгаръ, православный.

— Крестись и читай «Отче нашъ».

«Отче нашъ» былъ хотя и поболгарски мною прочитанъ, но казаки остались мною довольны. Хотя казаки не знали поболгарски, а я — порусски, но сходство этихъ языковъ давало возможность понимать кое-что.

Повели меня на другой кордонъ. Тамъ мы нашли офицера, которому казаки отрапортовали обо мнѣ.

— Знаешь порусски? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Знаешь ли хоть помолдованешты?

Помолдовански рассказалъ я о цѣли моего побѣга, о намѣренїи турокъ напасть на Журжу.

Офицеръ далъ мнѣ волюмпериаль и приказалъ отвести меня въ главный караулъ. Начальникъ же главнаго караула отправилъ меня къ полковому командиру въ Журжу.

Не зная ни молдованскаго, ни болгарскаго языка, полковой командиръ потребовалъ въ себѣ журжинскаго голову, и тотъ, спрашивая меня потурецки, переводилъ ему мною сказанное.

Черезъ десять минутъ послѣ того я мчался съ курьеромъ въ Вухарестъ—главную штаб-квартиру русскихъ войскъ. На разсвѣтъ коменданту вручено было донесеніе обо мнѣ. Тотчасъ сильный отрядъ направленъ былъ въ Журжу форсированнымъ маршемъ.

Два дня шелъ этотъ отрядъ къ мѣсту своего назначенія — время, данное турецкому отряду на отдыхъ. Едва, какъ я слышалъ, услыли эти люди отдохнуть полчаса, какъ началась переправа турокъ—переправа, ознаменовавшая русское оружіе славой. Но,

какъ говорили мнѣ, политическія обстоятельства принудили русскихъ оставить Журжу, а потомъ—и предѣлы княжества.

Еще два тяжелыхъ дни я провелъ въ моей жизни: это—дни передъ сраженіемъ. Тоскливое сомнѣніе не давало мнѣ покою: не шутка, вѣдь голову свою поставилъ я залогомъ правдивости новѣстіа. А тутъ, какъ на грѣхъ, пріѣхалъ какой-то статскій генералъ; бранить онъ меня: не вѣрить—арестовать его шельму, кричитъ генералъ; это, говоритъ, турецкій шпионъ.

За предохраненіе русскихъ войскъ отъ нечаяннаго нападенія, я пожелалъ имѣть медаль. Спустя дней восемь, желаніе мое было удовлетворено: медаль за усердіе, на Анненской лентѣ, въ петлицѣ украшала мою грудь; а десять полунмперіаловъ, данныхъ въ награду за трудъ, лежали въ карманѣ. Награду эту я получилъ отъ генерала О . . . ва, квартировавшаго въ домѣ какой-то княгини. Эта княгиня, изъ патріотизма или просто изъ участія къ моей судьбѣ—не знаю, но предлагала мнѣ остаться у нея за сына. «Я бездѣтна, говорила она, богата: три каменныхъ дома, семнадцать деревень; все, что имѣю, все будетъ твое. Я усыновлю тебя», убѣждала она. Когда я выразилъ боязнь за свою свободу, при появленіи турокъ, въ случаѣ отступленія русскихъ, она старалась увѣрить, что и самъ султанъ не въ силахъ у нея отнять меня.

Богъ-знаетъ, что это за женщина. Вѣдь есть же на свѣтѣ добрые люди, которые, подобно этой женщинѣ, бываютъ безотчетно щедры; но внутренній, невѣдомый намъ голосъ иногда отталкиваетъ эту щедрость. Даже самое теплое участіе о насъ бываетъ намъ приторно, и мы безъ сожалѣнія расстаемся съ прививавшими въ насъ участіе—какъ и я расстался съ княгиней, поблагодаривъ ее за ласку. Я боялся ея: передастъ она меня туркамъ, думалъ я. Кусокъ анненской ленты отъ моей медали отрѣзала она въ память обо мнѣ.

Не ожидалъ я, чтобы скоро быть опять въ Турціи; не съ любовью смотрѣлъ я на нее; но на предложеніе развѣдать о дѣйствіяхъ турокъ я вновь согласился. Я слишкомъ уже выросъ въ собственныхъ глазахъ, слишкомъ большимъ вниманіемъ русскихъ я былъ окруженъ, чтобы не попытать счастья услужить друзьямъ. А мнѣ, признаться, совѣтъ уже было не съ руки: я бѣжалъ, вѣдь, изъ тюрьмы.

Когда я согласился на предложеніе отправиться въ Турцію, мнѣ велѣно было идти въ канцелярію и сдать тамъ вещи и деньги, которыя были при мнѣ.

Тридцать-девять червонцевъ и девяносто-два піастра турецкой монеты, девять полунмперіаловъ и семьдесятъ-восемь руб-

лей—русскою, и сто тринадцать австрійскихъ цванцигеровъ, все звонкою монетою; вещи, медаль и свидѣтельство на нее также остались въ каяцеларіи.

Всѣ означенныя деньги были мнѣ подарены русскими офицерами; свои же, которыя вынесъ изъ Турціи, роздалъ я бѣднымъ.

Сдавъ вещи и деньги, черезъ нѣсколько минутъ я уже скакалъ въ лагерь при с.с. Фратешты и Дая. По прїѣздѣ въ лагерь, я былъ арестованъ, но этого требовала военная предосторожность. Спустя часъ, меня вызвалъ какой-то офицеръ, поручикъ, вѣроятно, ординарецъ или адъютантъ и, отдавая рубль, предложилъ съѣздить къ маркитанту закутить, а также совѣтовалъ запасться на дорогу хлѣбомъ.

— Вы Ангелъ Т? спросилъ меня какой-то чиновникъ, входя ко мнѣ, на другой день утромъ, въ палатку.—Васъ требуетъ князь. Этотъ статскій служилъ переводчикомъ. Приходимъ.

— Это ты переплылъ Дунай? спросилъ князь.

— Я.

— Дали тебѣ медаль?

— Дали, и десять полумперіаловъ, отвѣчалъ я.

— Можешь-ли ты вторично переплыть Дунай, обратно въ Турцію, для разузнанія о непріятельскихъ войскахъ?

— Могу.

— Имѣешь тамъ родныхъ?

— Имѣю.

— Ты, можеть быть, захочешь тамъ остаться, то значить, тебя нечего и ждать назадъ?

— Нѣтъ, я не рѣшусь тамъ остаться: турки убьютъ меня.

— Если турки тебя поймутъ, какъ думаешь, что ждетъ тебя?

— Изрубать на куски, отвѣчалъ я.

— Ты еще такъ молодъ, жизнь тебѣ должна быть дорога, для чего ты рискуешь потерять ее? Какая причина, что ты не любишь своей родины?

— Родина моя—не Турція. Жизнь тюремная—не жизнь молодому человеку, отвѣчалъ я, и при этомъ разсказалъ свои страданія, перенесенныя мною въ Турціи.

Его сіятельство благосклонно выслушалъ меня и пригласилъ чрезъ переводчика къ общему столу; но докучливость вопросовъ, которыми забрасывали меня офицеры, заставила меня отъязаться отъ этой чести. Я просилъ дать мнѣ пообѣдать въ моей палаткѣ.

На другой день отправка моя въ Турцію была приостановлена за немнѣніемъ крестьянской одежды, въ которой я считалъ себя

безопаснымъ. Нужно было ѣхать въ с. Фрагеницы, чтобы купить такую у какого нибудь мужика.

Наконецъ все нужное было добыто, я уѣхалъ съ переводчикомъ К. . . .скимъ (нынѣ офицеръ русской арміи), при урядникѣ съ двумя рядовыми, имѣвшими назначеніе конвоировать меня до полевыхъ карауловъ. Оттуда назначена была сотня казаковъ, которая, подъ командою сотника и двухъ офицеровъ, рекогносцировала до вечера, стараясь брать направленіе къ р. Дунаю. Вечеромъ отрядъ былъ остановленъ между селеніями Малъ и Парашаки (мѣсто, гдѣ я родился). Отъ этого мѣста до дельты Дуная было еще три версты, но начиналась болотистая почва, на которой отряду идти трудно. Дѣлать нечего, необходимость требовала разстаться съ конемъ и идти пѣшкомъ. Ночь, болото, плавни, камыши, пять рѣчьевъ, изъ которыхъ инья нужно переплыть, другія перейти въ бродъ, были преградами скорому маршу. Знойный, жгучій день, ночные дунайскіе комары, глупокія, грязныя ямы и густые камыши до того измучили и утомили меня, что когда къ вечеру другого дня я дошелъ до главнаго русла рѣки, то совершенно изнемогъ, обезсилѣлъ и не въ состояніи былъ отмахиваться отъ несносныхъ комаровъ, съ приближеніемъ вечера тучами садившихся на меня; а мнѣ еще, воспользовавшись ночью, нужно было переплыть Дунай, широко въ томъ мѣстѣ разлившіяся.

Но нѣтъ худа безъ добра: комары заставили меня броситься въ воду и доплыть до бывшаго въ полуверстѣ острова Пиргоса, гдѣ окончательно уже потерявъ силы, я упалъ на берегу и, закрывши чеменемъ голову, уснулъ глубокимъ сномъ. Засыпая, я думалъ проснуться предъ разсвѣтомъ, чтобы собравшись съ силами преодолѣть главное препятствіе, раздѣлявшее меня отъ Руссукскаго Пашалыка.

Сонъ восемнадцатилѣтняго усталого юноши погубилъ меня...

Давно разсвѣтало; уже и солнце высоко поднялось, а я все еще сплю. Утро свѣжее, прохладное, ясное, на небѣ ни облака, комары угомонились, природа какъ будто замерла и лишь птички нарушаютъ покой ея; на лонѣ же природы какъ не убаюкаться юношѣ—вѣдь онъ тоже природа, вѣдь она—мать ему.

Проснись, дитя, бѣда близко!

Тихій говоръ разбудилъ проспавшаго свободу. Открываю глаза... поднять и опустить голову было однимъ мгновеніемъ... Въ няти шагахъ лодка съ пятью вооруженными турками стояла у берега! По разговору узнаю рыбаковъ... Лишь небольшой кустякъ скрываетъ меня отъ десяти глазъ. Нескромное движеніе, малѣйшій шорохъ, тяжелый вздохъ—и я погибъ... я замеръ... Скорчивъ

шись, съѣжившись, готовый влѣзть въ скорлупу орѣха, я закрылъ глаза, чтобъ не смотрѣть на кинжалы, ружья, пистолеты, которые висѣли на туркахъ... Ну, слава-богу, Аллахъ великъ!... Поговоривъ, правовѣрные отчалили отъ берега и поплыли, огибая островъ. Однако, неблагоприятное сердце недостойно благодарній.

Клинокъ атагана, лезвее винжала, пуля пистолета — обошли меня. Отъ суда, пытки, позорной смерти, еслибы поймали меня, избавился я. Не избавился я только отъ собственного безразсудства, отъ своей юности! Видимая невозможность не быть замѣченнымъ днемъ, переплывая полторы версты, не была для меня видима — голодъ мучилъ меня.

Разставшись съ провожавшими меня казаками, я не запасся хлѣбомъ. Усиленный моционъ, молодые годы, свѣжій воздухъ, кажется, все вопило о неприкосновенности правъ врага — желудка. А онъ, неуговорный, то ворчаньемъ, то болью, то завываньями, твердилъ: возвращеніе къ русскимъ никакъ невозможно — турецкій отрядъ близко; между разъѣздами и часовыми не пройдешь; молдаване, поймавъ тебя, выдадутъ туркамъ; да и выберешь ли изъ болотъ голедный? умрешь, комары заѣдятъ; види впередъ, плыви, твердилъ мой желудокъ.

И я поплылъ, а привязанное корыто за мною, съ моими вещами. Вотъ ужъ и середина Дуная, но я ослабѣваю... еще, еще немного — дайте силы проплыть сто саженой, и я на берегу, я безопасенъ, но чу! голоса... гдѣ же люди? кто говорить? ничего не вижу. Я повисъ на водѣ, какъ лягушка; а вода — быстрая дунайская вода — несетъ меня внизъ по теченію; противиться теченію нѣтъ силъ... людей не вижу, но слышу голоса... говорятъ потурецки... теченіе несетъ меня... О, тысяча несчастій! приютившаяся за уступомъ скалы лодка, до сихъ поръ невидимая, очутилась предъ моими глазами — теченіе нанесло меня на ней... я въ виду турецкой кордонной стражи. Пять турокъ, сидя на берегу у разложеннаго огня, курили трубки.

Еслибы святой Иліа промчался мимо меня, я бы не удивился такъ его появленію; безъ боязни обжечь руки, смѣло схватился бы за огненное колесо его колесницы и умчался бы въ невѣдомые края, отъ знакомыхъ береговъ родины, чтобы только не видѣть пяти вооруженныхъ правовѣрныхъ, флегматически куращихся на берегу трубки.

Безмолвно природа торжествовала утро — начало лѣта; утро цвѣло и благоухало, прислушиваясь къ пѣнію птичекъ, а Дунай, тихо гремя, катилъ воды свои въ Черное море. Но чуда не было: воды Дуная не возвращались въ Шварцербергъ; скала, нависшая надъ кордономъ, не обрушивалась; земля не разверзалась

подо мною; голубое небо, зеркальная поверхность воды, скалы— все обстояло благополучно; только въ моихъ жилахъ стыла кровь отъ изнуренія и страха за свою будущность; все вокругъ меня ликовало и лишь только въ моей душѣ было отчаяніе, адъ!

Едва держась на поверхности воды, я поплылъ назадъ, по чувству самосохраненія — лишь бы быть дальше отъ видимой опасности. Но лодка, отчаливъ отъ берега съ пятью турками, гналась за мною. Отчаяніе придаетъ силы: я работалъ такъ, какъ никогда не работалъ невнуренный. Всю свою мощь, всю свою натуру я поставилъ на одну карту. Быть или не быть въ тюрьмѣ? Быть или не быть свободнымъ? Быть или не быть убитымъ? — и простое рѣшеніе этой задачи заключалось въ быстротѣ моего плаванія. Я плылъ такъ... я хорошо плылъ! Для чего? Еслибы мнѣ и удалось уйти отъ преслѣдованія на водѣ, то, устало до невозможности держаться на ногахъ, меня легко бы взяли на берегу; но я не думалъ объ этомъ. Голодь и комары были немислимы, какъ немислимо было преслѣдованіе на сушѣ—все забыто, кромѣ спасенія. А лодка все гонится... Вотъ я опять на срединѣ Дуная, еще усиліе— и я на берегу, я убѣгу въ камыши, я буду спасенъ...

— Скинь снѣгъ сень?!... (кто ты такой?) раздался надо мною голосъ.

— Райя имъ, отвѣчалъ я, и оглинулся. Двѣ сильныя руки взмахнули весломъ надъ моей головой. Еще мгновеніе, и эти руки съ весломъ опустились бы на мою голову; но другой голосъ старика, сидѣвшаго у кормы, остановилъ это движеніе.

— Алмазъ! (нельзя) сказалъ онъ.—Хоть это гяуръ, собака, но, можетъ быть, онъ имѣетъ какія бумаги; алмазъ, прибавилъ онъ.

— Спасите, спасите! я тону! закричалъ я, забывая, что мои спасители пошлютъ мнѣ тысячу смертей.

— Жаль, а было бъ грѣхомъ меньше, нужно было бы покончить съ гяуромъ, сказалъ тотъ, который хотѣлъ убить меня.

Сильная рука схватила меня подъ мышку.

— Не бойся, не утонешь, чортъ вѣдь донесъ до середины рѣки; а когда догнали, когда увидѣлъ, что не уйдешь, такъ и закричалъ: тону! не бойся, собака, не утонешь, говорилъ мой спаситель.

А я думалъ: еще есть спасеніе; какъ только возьмусь за бортъ лодки, опрокину ее. Но силы оставили меня, да и мысль-то была почти безразсудна: лодка большого размѣра; пудовъ до пятидесяти невода лежало на днѣ ея; пушусь на дно, думалъ я; однако, успѣвши влѣзть въ лодку. Втащили корыто, осмотрѣли вещи,

бывшія въ немъ; изорвали мою шапку, вѣща въ ней бумагъ, но ничего не нашли.

Князь, царство ему небасное, былъ предусмотрителенъ: онъ велѣлъ мнѣ не брать съ собою никакихъ бумагъ; даже русскія деньги приказалъ бросить.

Вышли на берегъ, связали мнѣ руки, посадили, а вокругъ меня сами сѣли. Закурили трубки.

— Сынъ сынъ сень?

— Болгаръ, отвѣчалъ я: — сынъ купца.

— Гдѣ твои родители?

— Въ Валахию, отвѣчалъ я, зная, что справокъ не будутъ наводить: русскія войска тамъ.

— А ты зачѣмъ здѣсь, въ Турціи?

— Занимаюсь торговлею.

— Если торгуешь, то имѣешь деньги. Дай намъ двѣ тысячи піастровъ, мы отпустимъ тебя — а то представимъ пашѣ, какъ бѣлаго, и получимъ за тебя бакшишъ (денежный подарокъ).

Нужно знать турка, свойство его характера, его наклонности, жадность къ деньгамъ, его фанатизмъ, чтобы имѣть неосторожность дать въ подобномъ случаѣ хоть одинъ піастръ. Вѣдь они обыскали мои вещи, не нашли денегъ; какихъ же двухъ тысячъ требовали у меня, гдѣ я взялъ бы для нихъ денегъ? — Если гауръ захочетъ — достанетъ, думали они. Онъ могъ зарыть въ землю на берегу, можетъ взять у такой же собаки, какъ самъ: но оставлять его въ живыхъ не нужно по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, онъ гауръ, значить, собака; во вторыхъ, мертвый не скажетъ пашѣ, что у него взяты деньги; в третьихъ, чтобъ самимъ за это не сидѣть въ тюрьмѣ, и чтобъ не были биты пята за отпускъ бѣлаго; наконецъ, грѣхомъ меньше у правовѣрнаго, если убьетъ гаура.

Связаннаго, съ прирѣпленнымъ на спинѣ корытомъ, повели меня въ Русувъ. Въ костюмѣ Адама, подъ покровомъ ночи, прошелъ я улицы знакомаго, но ненавистнаго города, совершивъ, и до повмки уже усталый, еще тридцатипятиверстный переходъ, въ знойный лѣтній день Турціи. Измученнаго зноемъ, жаждою, голодомъ и переходомъ, привели меня къ губернатору Санду-пашѣ, прямо въ домъ. Доложили обо мнѣ. Жду. Душа мѣтеть въ тоскливомъ ожиданіи своей участи, и минута кажется годомъ. За стѣною слышится говоръ:

— Кого привели, кого?... шпиона? — Ну, что жъ ему? — Конечно, жертва Дунай и т. п.

Дверь изъ другой комнаты отворилась... Тяжелый, мрачный, какъ осенняя туча, подходитъ ко мнѣ паша.

— Здѣшняя шельма, сказалъ онъ. — Зачѣмъ ты плавалъ по Дунаю?

— Давно не видѣлся съ родственниками, бухнулъ я.

— Лжешь! — Кто давалъ тебѣ письма къ русскимъ генераламъ?

— Никто не давалъ, эфенди.

— Гдѣ бумаги, которыя ты получилъ, чтобы отнести къ русскимъ? — говори! Вѣдь ты знаешь, что я могу убить тебя, бросить какъ собаку въ рѣку, повѣсить — все могу сдѣлать съ тобою — если солжешь; могу наградить, отплатить, дать средства въ торговлѣ, сдѣлать богатымъ — если сознаешься — скажешь правду — выбирай!

Сказавъ это, эфенди приказалъ снять съ меня корыто. Потомъ велѣлъ сѣсть возлѣ себя, на оттоманку.

— Ну, скажи же, продолжалъ онъ ласково.

— Эфенди, я плавалъ за Дунай, желая побывать у родственниковъ; сознаюсь, это была моя вина.

— Послушай, сознайся. Скажи, кто послалъ тебя къ русскимъ? — ты еще молодъ, неопытенъ; если и рѣшился на безсознательный поступокъ, то, вѣрно, былъ подговоренъ старшими. — Да?

— Меня никто не подговаривалъ, эфенди.

— Я вижу, ты имѣешь способности и могъ сдѣлаться хорошимъ человекомъ, стоитъ только тебѣ захотѣть. Ты будешь баратъ (турецкій дворянинъ); я напишу султану, и онъ наградитъ тебя. Эти негодни, которые послали тебя, не жалѣли твоей молодой крови — послали на смерть, а сами пользуются благами жизни: видать луну и ясное солнце; имъ не жаль было лишитъ тебя свѣта, бросить въ тюрьму. — Видишь, сами они не пошли, боясь бѣды, а воспользовались твоимъ легковѣріемъ, можетъ быть, бѣдностью; сами трусы, а потому купили тебя за нѣсколько пиастровъ. — Я дамъ тебѣ вдвое, вдесятеро, во сто разъ больше. — Я даже отгадываю, кто послалъ тебя: тебя послалъ вашъ болгарскій архіерей! Да?

— Нѣтъ, эфенди, меня никто не посмалъ.

— Знаю, знаю, ты боишься упрековъ отъ своихъ; но даю тебѣ слово — ты ихъ не увидишь; я пошлю тебя далеко, въ Константинополь, къ султану — ты будешь тамъ жить въ полномъ изобиліи. Тебя тагъ возвысятъ, что будешь недосягаемъ для простыхъ болгаръ; они будутъ тебѣ завидовать. Конечно, ты теперь не имѣешь уже бумагъ; ты ихъ бросилъ въ воду, когда ловили тебя; это сдѣлано тобою изъ боязни, но важно теперь и твое свидѣтельство. Скажи! вѣдь архіерей тебя послалъ?

— Нѣтъ, эфенди, меня никто не посмалъ.

— Ну, положимъ, тебя никто не посылалъ; но ты, просто, скажи только, что тебя послалъ архiereй, это сказано было тихо.

— Нѣтъ, эфенди, меня никто не...

— Врагъ правовѣрія, христіанская собака, подлый рабъ!... неистово закричалъ паша, вскочивъ съ оттоманки.

Я тоже не остался на ней.

— Я задушю тебя, замучу; ты перенесешь всѣ муки ада; ты испытаешь тысячу смертей, пока выльзетъ изъ тебя гнусная твоя душа!... Ты будешь проливать минуту своего рожденія и ту шельму, которая выбросила тебя на свѣтъ! Всѣ члены смраднаго твоего тѣла велю вырвать, и оставлю только одинъ языкъ, которымъ ты будешь лепетать себѣ проклетія! Ты горько расквсаешься, подлая тварь, въ своемъ упорствѣ, но будетъ поздно! — Сознайся! — Еще есть время возвратить мое благорасположеніе къ тебѣ. Скажи, и я прошу тебя.

— Меня никто не посылалъ, эфенди.

Агонія бѣшенаго едва-ли сравнится съ яростію губернатора. Какъ голодный тигръ, спущенный съ цѣпи, набросился онъ на меня и, какъ-бы вознаграждая себя за минутное униженіе, что сидѣлъ рядомъ съ гауромъ-райею, предоставилъ всю волю своей ярости.

— Аллахъ великъ!... жертва Дуная... шептали собравшіеся турки, охотники до патетическихъ сценъ. — Аллахъ великъ... гауръ, собака... въ мѣшокъ... въ Дунай...

— Я спеку тебя какъ курицу! — проклатое отродье ненавистнаго племени. Вы всѣ такъ платите за добро, за хлѣбъ, который вамъ даютъ правовѣрные!... Тазы, подайте тазы! закричалъ наконецъ губернаторъ.

Двѣ раскаленные, мѣдныя, тяжелыя плиты были внесены въ комнату, и температура тотчасъ возвысилась.

— Посмотри! — между этою мѣдью, твоя смрадная шкура будетъ трескаться, какъ на поросенкѣ. Изъ-подъ этихъ плитъ, змѣя, ты сважешь всю правду. Говори! — Кто послалъ тебя за Дунай?

— Я самъ ходилъ, эфенди.

— Возьмите его! мучьте! терзайте! пеките! закричалъ эфенди, страшно скрежеща зубами; пѣна брызгала со рта его.

Красна мнѣ казалась смерть подъ атаганомъ; наслажденіемъ представлялась она мнѣ отъ пули, позанидовавъ я утонувшимъ отъ изнуренія въ болотахъ, но быть слепечнымъ... Одно оставалось: выхватить у блѣзъ стоящаго жандарма атаганъ или винчалъ, убить эфендія и — все кончено; атаганы окружающихъ тотчасъ изрубилъ бы меня. Попробую. Увы, восты на рукахъ затрещали, а веревки, связывавшія ихъ, остались цѣлы. И это

утѣшеніе умерло въ зародышѣ. Авось! опять мелькнула мысль, давшая надежду: если остынуть плиты, что нибудь нашу отвлечь, ночь пройдетъ, отправятъ въ тюрьму, забудутъ обо мнѣ, что ли... убѣгу...

— Папа, эфенди! закричалъ я, пока еще меня не взяли: — позвольте райѣ вашему сказать кое-что.

— Говори.

— Вы отецъ, имѣете много женъ, дѣтей, которыя любятъ васъ; они молятъ Аллаха, чтобы продлилъ вашу жизнь, далъ вамъ счастье, послалъ благополучіе. Вы видите, молитвы ихъ услышаны: аллахъ послалъ вамъ мудрость Магомета, пользуясь которою, вы управляете частію могущественнаго государства. Народъ, вами управляемый, не надвигается обширности вашего ума, премудрости вашихъ распоряженій, безконечности вашего человеколюбія (эфенди сѣлъ, велѣвъ подать себѣ кальянъ). Султанъ Меджидъ, видя въ васъ неисчерпаемаго достоинства, отличилъ васъ отъ другихъ, давъ вамъ для управленія лучшей санджакъ; онъ, по дальновидности своей, окружилъ васъ почтеніемъ, уваженіемъ, преданностью и любовью, указавъ путь къ дальнѣйшимъ почестямъ. Аллахъ, видя душу вашу, видя насквозь доброе сердце ваше, сіяющее какъ брильянтъ, наградилъ васъ на землѣ; а кого награждаетъ онъ тутъ, тому готовитъ мѣсто съ гуріями райа. Я, несчастный райа, тоже получилъ отъ Аллаха хоть скудную, хоть незавидную, а все же таки жизнь; жизнь эту онъ отдалъ въ ваши руки и вы теперь хотите ее отнять? Убить меня, сжечь, повѣсить, задушить — вамъ легко приказать, но какая будетъ польза, если одинъ преданный вамъ райа умретъ? Услыша ваше высокое приказаніе, объявляющее мнѣ смерть, я безмолвно умру, не пивну, зная что такова моя судьба, и что ее изрекъ Аллахъ вашими устами... а вѣдь и я имѣю свой маленькій міръ, который молитъ за меня Аллаха, вѣдь и въ моей жизни есть доля счастья и мнѣ нелегко разстаться съ нею. Правосудіе-ли будете, эфенди, отнявши у матери сына, у ея малыхъ дѣтей — брата, у султана — слугу? Вы, бластитель чести, порядка, правды, похвалите ли вы меня, если, въ желаніи сохранить свою жизнь, пріобрѣсти обѣщанныя почести, блаженство, я обвинилъ бы невинныхъ? Каково же было бы тѣмъ, кто безъ вины получилъ бы наказаніе, лишшающее добраго имени, а можетъ быть, и жизни? Потерявши черезъ меня отца, брата, сына, друга, всю жизнь мою они бы наполнили проклятіями! Правосудный папа, эфенди! — стоилъ ли бы я вашихъ обо мнѣ попеченій? — не должны ли вы тогда презирать меня въ моихъ почестяхъ, когда бы открылось, что я погубилъ невинныхъ? да и ваша высокая

душа мучилась бы упреками за невинно-пострадавшихъ, сдѣлавшихся жертвами моего подлаго малодушія. Хорошо ли-бъ было, еслибы я сказалъ, что вы послали меня къ русскимъ?...

— Врагъ правовѣрія! Ты осмѣлился выговорить слово въ мое обвиненіе?!... Проклятіе на твою голову! закричалъ эфенди, вскочивъ безъ туфель съ оттоманки и взявъ себя за бороду¹.

— Селямъ малекимъ (привѣтствіе хозяину)! сказалъ, входя въ комнату, комендантъ крѣпости, тоже паша.

— Алекимъ селямъ, паша эфендимъ, хошъ гельдимъ, хошъ буддукъ², отвѣчалъ губернаторъ. — Чудеса, эфендимъ.

— Аллахъ великъ, эфендимъ, сказалъ гость. — Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ.

— Гяуры умнѣть стали! прошипѣлъ губернаторъ.

Паша усѣлся на оттоманкѣ, поджавъ ноги и закуривъ кальяны. Губернаторъ принялся разсказывать исторію моей поимки и разговоръ съ нимъ.

— Аллахъ великъ, эфендимъ, сказалъ комендантъ, удивляясь моей дерзости и взявъ себя за бороду.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Думали-ль вы слышать подобныя отвѣты, паша эфендимъ? спросилъ губернаторъ.

— Нигдѣ не слышалъ и не ожидалъ слышать отъ райи, эфендимъ.

— Послушай, подлецъ! обратился ко мнѣ губернаторъ:— сколько учителей училъ тебя до сихъ поръ?

— Ни одинъ—считать себя человѣкомъ.

— Аллахъ великъ! сказали оба пашы.

— Врешь, подлецъ! ты, вѣрно, въ Россіи учился?

— Я не знаю туда дороги, эфендимъ, не знаю даже, что такое руссъ.

— Анасинъ гяуръ, днѣъ душмани³, заскрипѣвъ зубами, прошипѣлъ губернаторъ.

Плиты остыли; но хитрый татаринъ догадался; взглянувъ на меня изподлобья, онъ приказалъ вынести плиты, а внести желѣзный обручъ. Принесли.

Этотъ обручъ состоялъ изъ двухъ полукруглыхъ половинокъ толстыхъ желѣзныхъ полосъ, соединившихся у концовъ винтами. Соединивъ концы, его надѣвають на голову и завинчиваютъ: круглое отверстіе обруча служить, такъ-сказать, проводникомъ

¹ Турокъ беретъ себя за бороду—въ смыслѣ защиты совѣсти своей и правовѣрія отъ искушенія дьявола.

² Непереводимое привѣтствіе гостю: значить—добро пожаловать.

³ Противникъ правовѣрія.

истины, чрезъ который правобѣрные слушаютъ ее, жала все узнать — такіе любопытны!!..

— Возьмите его! крикнулъ губернаторъ заплѣвъ, достойнымъ исполнителямъ такого разумнаго судьи.

Какъ волеи въ овцу, какъ мухи въ рану, какъ черви въ трупъ, впились въ меня заплѣи, которымъ давно хотѣлось спать. Соскучась долгимъ ожиданіемъ жертвы, они разомъ хотѣли покончить со мною.

Въ нѣсколько секундъ я лежалъ на полу вверхъ лицомъ, выдерживая на себѣ тяжесть нѣсколькихъ человекъ.

Началась пытка!

— Сжимайте! душите, давите подлеца... Скажи, кто послалъ тебя?!... закричалъ губернаторъ, скрежеща зубами съ пѣною у рта.—Говори!—Душите... сжимайте... повторялъ губернаторъ, и винты обруча, визжа, аккомпанировали ему долго — первый моментъ пытки. Второй — сопровождался прибавленіемъ ударовъ въ мое лицо губернаторскою ногою, наконецъ, затрещалъ черепъ, хлынула кровь съ носа, глазъ и рта, зазвенѣло въ ушахъ, въ глазахъ потемнѣло, и я уже не могъ видѣть ни губернатора, ни достойныхъ его сотрудниковъ. Невыносимыя муки лишили меня чувствъ, и я уже ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Минута забвенія — минута спокойствія. Потомъ, будто сквозь сонъ, вновь слышится мнѣ голосъ — но уже голосъ другой:

— Набейте черепицы... заковать... и опять забвеніе.

Слышу много голосовъ... хотѣлось бы открыть глаза, не могу — кровью заплыли, голову ломить, чудится визжаніе винта, опять впадаю въ забытѣе и вновь ничего не слышу.

Наконецъ я прихожу въ себя.

Вразгъ оковъ напомнилъ мнѣ тюрьму. Я лежу внизъ головою, лицомъ на грязномъ кожаномъ полу... Хочу подняться — не могу: кровѣ боли головы, чувствую невыносимую боль во всемъ тѣлѣ: ноги будто въ жаровнѣ, къ чему такое пробужденіе? но... голосъ участія — божіе посланіе.

— Ангель Т!... Ты ли это? Боже мой, за что это тебя? — спрашиваетъ кто-то поболгарски.

Лежу, не могу пошевелинуться, руки скованы за спиною. Повернувши мнѣ голову на сторону — ухомъ лежу на землѣ.

— За что тебя?... слышится тотъ же голосъ.

Нельзя говорить — полонъ ротъ запекшейся крови, губы распухли. Брызнули въ лицо водою. Не могу открыть глазъ — ослули; чувствую: промываютъ глаза, льютъ воду въ ротъ, а пью съ жаждою; это меня освѣжаетъ. Открываю съ усиліемъ глаза — обыкновенные предметы кажутся мнѣ странными, все

кружится, будто обрушивается на меня... вижу ноги двухъ-трехъ челоуѣвъ, которыя будто поднимаются, чтобы стать на меня. Закрываю глаза — легче.

— Кажется, онъ помѣнился, говорить голосъ болгара.— Узнаешь ли ты меня, насъ? спрашиваютъ они.

— Наклонитесь, говорю.

Наклонились.

— Вы такой-то и такой-то, отвѣчаю имъ. — Гдѣ я? спрашиваю болгаръ.

— Въ тюрьмѣ.

Прошу еще воды. Пью — не напьюсь.

— Давно я въ тюрьмѣ? расскажите, кто привелъ меня, что со мной дѣлали? спрашиваю я.

— Въ эту ночь привели тебя жандармы, былъ и полиціймейстеръ; онъ велѣлъ сковать тебя за шею цѣпью, конецъ которой былъ вдѣланъ въ стѣну.

Тогда только я почувствовалъ холодное желѣзо, обвинавшее мою шею; почувствовалъ также и цѣпь, тяжесть которой давила меня къ полу.

— Заковавши назадъ руки, продолжалъ болгаръ:—набили мелкихъ кусковъ черепицы, завернули въ тряпки и обвязали ноги ниже колѣнъ; положили ноги въ выемки одной половины колоды, а другою половиною — тоже съ выемками для ногъ, стиснули; теперь ноги твои въ тискахъ толстыхъ бревенъ, которыя, не будь черепицы, служили бы тебѣ скамьей, не позволяющей вмѣстѣ съ тѣмъ тебѣ бѣжать; нынѣ же черепица вѣлась въ тѣло и не позволяетъ тебѣ сѣсть. — Долго ли тебѣ придется такъ лежать — не знаемъ, но видимъ, что тебѣ трудно. Положеніе твое не трогаетъ здѣсь никого, но мы, по возможности, будемъ тебѣ помогать.

Теперь мнѣ стала понятна невыразимо-жгучая боль въ ногахъ.

— Ты чувствуешь боль? спросилъ онъ.

— Чувствую, отвѣчалъ я.

— Ну вотъ... А за то, что ты стоналъ, когда тебя заковыдали, полиціймейстеръ сильно разгнѣвался и, вырѣзавъ агаганомъ кусокъ твоей правой нервы, бросилъ въ уголь; вонъ она валется. Уходя, онъ приказывалъ намъ, арестантамъ, не давать тебѣ ни хлѣба, ни воды: пусть, говорятъ, отдохнетъ съ голоду, собака; такъ, говорятъ, приказалъ губернаторъ.

— Пей еще воду, если хочешь; скоро войдутъ арестанты и тогда мы не можемъ уже помогать тебѣ: много турокъ здѣсь, до ста восьмидесяти челоуѣвъ, а насъ, христіанъ, только семь-

надцать. Турки не любят насъ и не позволяютъ помогать глауру— развѣ ночью, или опять когда выйдутъ, утромъ.

— А теперь куда ушли арестанты? спросилъ я.

— По утрамъ выпускаютъ на воздухъ... отвѣтили мнѣ.

Еще напился воды. Вошли арестанты. Болгары удалились.

Это были — трое братьевъ. Послѣ я узналъ, что они содержались по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Они были богаты: двадцать-восемь тысячъ піастровъ давали за свою свободу — не выпустилъ паша. Двое изъ нихъ умерли въ тюрьмѣ, въ пять дней оба; третій же, когда оказалось вполсѣдствіи, что всѣ они были правы — освобожденъ; но товары ихъ — они были купцами — скотъ, деньги поступили въ пользу паши!...

Лежу ногами вверх; онѣ выше головы на поларшина. Будь силы, можно бы сѣсть на колоду; но силъ нѣтъ, ослабѣлъ, дѣнь тяжела, руки скованы. При крайнемъ усиліи поднимаюсь на четверть аршина; другую четверть не могу — черепица врѣзывается, ноги болятъ; лежу... Въ горлѣ, во рту пересохло, губы полопались — болятъ... Горько плачется... Безнадежность положенія выжимаетъ слезы; тѣло рѣжутъ на живомъ человѣкѣ — гдѣ тутъ спасенье? гдѣ надежда?... Плачу.

Въ такомъ положеніи пробылъ я четыре дня. Лѣто, жара, тяжелый воздухъ тюрьмы, загнившіяся раны на ногахъ... Медицинскихъ пособій турецкія тюрьмы не имѣютъ права ожидать. Вся пища состоитъ изъ полутора фунта бѣлаго, или вѣрнѣе, бураго хлѣба. Одежды отъ казны тоже никакой не даютъ; арестантъ, имѣющій деньги, покупаетъ самъ одежду, а на работу выводятъ ежедневно, лѣтомъ и зимою. Бывало и такъ, что арестантъ, не имѣя во что одѣться, оборачивалъ вокругъ тѣла камышевую рогожку, вѣроятно казенную, и подвязавъ себя веревкою, отправлялся на работу босой. Въ этомъ нарядѣ ничего не измѣнилось ни зимою, ни лѣтомъ. Платы за работу не существуетъ, по крайней-мѣрѣ арестантъ не получаетъ. Ему запрещается бриться, переѣзжать часто бѣлье, хотя бы кто и желалъ переѣздить его, конечно, своимъ же. Всякая постель также строго запрещена. Отъ сквернаго содержанія разныя болѣзни царствуютъ въ тюрьмахъ и люди мрутъ, какъ осенью мухи. Смертность особенно проявляется въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ. При мнѣ число умирающихъ доходило до двадцати-пяти въ день, которыхъ выволакивали изъ камеръ и раскладывали рядышкомъ снаружи тюрьмы, предоставляя желающимъ спасенія душъ своей увѣить и хоронить трупы по своему усмотрѣнію. Не взятыхъ же днемъ складывали въ сумерки на дровни, полиціей прислаемца, и, по волѣ возницы, предавали мертвецовъ землѣ или

водѣ. Убыль эта едва замѣчалась; такое обиліе всегда прибывающихъ. Приходить въ тюрьму свѣжій, здоровый, а чрезъ недѣлю узнать нельзя: желтый, худой; другой пухнетъ. Содержать дурно, а берегутъ строго, бѣжать нельзя. Разъ былъ случай: арестанты, работая въ саду коменданта, бѣжали въ дѣсь. Изъ восьмидесяти человѣкъ воротилось только пятеро христіанъ, мусульмане всѣ ушли, но ихъ въ тотъ же день поймали и комендантъ билъ ихъ до того, что одни умерли подъ фалангой*, другіе же остались калѣками на вѣкъ.

Лишь молодость, сильная, степная, грубая натура, да энергія, родившаяся отъ ненависти къ моимъ палачамъ, дали мнѣ силы вынести муки—обыкновеніе турецкихъ тюремъ. А главное—надежда на Бога не покидала меня. Какъ благотворно, какъ дѣлательно дѣйствовала молитва на мои ослабѣвшія, нравственныя силы! Боже, благодарю тебя!

Не слушаю слабыхъ чувствомъ ко всему возвышенно-святому; не понимаю субъектовъ, чуть ли не отвергающихъ все святое; даже гордящихся этимъ и признаваемыхъ, подобными себѣ нашими духомъ, чуть-ли не за двигателей истины. Отворачиваюсь отъ паразитовъ, которые за насущными нуждами своихъ собратьевъ не видятъ ихъ высшихъ нуждъ!

На пятый день заключенія, меня, изнуреннаго голодомъ, измученнаго пыткой, подняли и привели въ мюзлишъ къ допросу.

— Кто посылалъ съ тобою письма? спросилъ губернаторъ.

Я желалъ и боялся смерти; но предсмертнаго упрека совѣсти еще болѣе боялся, а потому не допускалъ даже мысли—обвинить невиннаго; но не знаю, какъ месть соблазнила меня: я проговорился и указалъ на виновниковъ моихъ несчастій. Гецу, его братья и три человѣка, свидѣтельствовавшихъ противъ меня о пропавшихъ двухъ тысячахъ піастровъ, были немедленно арестованы и сидѣли со мною въ одной тюрьмѣ.

Мое тюремное содержаніе облегчено: цѣпь съ шеи хотя и не сняли, но отъ колоды ноги освободили; наравнѣ съ другими арестантами, я сталъ получать по полтора фунта хлѣба въ сутки. Враги мои недѣлю пробыли на моемъ мѣстѣ, въ колодѣ, съ цѣпью на шеѣ, а три мѣсяца—въ тюрьмѣ со мною вмѣстѣ, пока каждый изъ нихъ не далъ по триста піастровъ за свое освобожденіе.

Прошло дней съ десять послѣ ихъ освобожденія. Пріѣхалъ Омер-паша, главнокомандующій турецкой арміи. Доложили ему

---

* Фалангой называется колода, въ которую вкладываются ноги при наказаніи по нитамъ.

обо мнѣ. Назначенъ военный судъ. Утромъ пришли за мною два жандарма, привели въ судъ.

Я не зналъ еще тогда о существованіи честолюбія, которое не покидаетъ даже и въ дѣлѣ смерти; но потомъ узналъ, что есть люди, которые добиваются чести (если ужъ быть осужденнымъ) умереть по приговору знатнаго судьи; мнѣ казалось, кто бы ни убилъ меня, все равно.

До сихъ поръ я не знаю причины, почему турецкія власти со мною женировались? — По обыкновенію, онѣ свѣры на раздѣлку съ райями, меня же удостоивали осужденія по алкорану! — Или то, что я былъ у русскихъ, имъ было извѣстно, или изъ удивленія къ моей рѣшимости переплыть Дунай, или явился новый свидѣтель — обвинитель, тотъ турокъ, ловившій рыбу, который видѣлъ меня переплывавшимъ въ первый разъ Дунай, или, просто, я былъ жертва, взятая на выдержку для убѣжденія правовѣрныхъ и невярныхъ, что даже и подобные мнѣ райи осуждаются въ рушукскомъ пащаликѣ по алкорану — не понимаю.

Двѣнадцать человекъ, членовъ комисіи суда, поджавъ ноги, воссѣдали на отоманкахъ, разставленныхъ вокругъ стѣны огромной комнаты мюзалина. Здѣсь присутствовалъ и Омер-паша, который также сидѣлъ на отоманкѣ. Передъ каждымъ изъ нихъ дымился кальянъ и на полу стояли туфли.

Старикъ, мулла-кадивъ (высшая духовная особа), также былъ въ числѣ двѣнадцати, помѣстясь возлѣ Омер-паши.

Минутъ пятнадцать прошло, какъ стоялъ я передъ судьями, но безмолвіе не прерывалось. Наконецъ Омер-паша его нарушилъ. Взглянувъ на меня, онъ спросилъ:

— Этотъ плавалъ по Дунаю?

Мулла-кадивъ всталъ съ отоманки, надѣлъ туфли, положилъ правую руку на бороду, наклонился и, стоя бокомъ къ вопрошающему, произнесъ:

— Этотъ, ваше сіятельство! — Потомъ вновь полѣзъ старикъ на отоманку и поджалъ подъ себя ноги, свинувъ предварительное туфли.

— Куда ты плавалъ, непріятель правовѣрія? спросилъ меня Омер-паша.

— Въ Валахію, ваше сіятельство. У меня тамъ родные, съ которыми я хотѣлъ повидаться.

— Врешь ты, врагъ правовѣрныхъ; извѣстно уже, что ты хотѣлъ перейти къ русскимъ и рассказать о расположеніи нашихъ войскъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я бессознательно, смутно отгадывая близившуюся опасность.

Нѣсколько минутъ молчанія, впродолженіе котораго ни одинъ изъ воссѣдавшихъ предо мною судей не только не пошевелился, но ни однимъ мускуломъ своего тѣла не обнаруживалъ присутствія жизни, а тѣмъ болѣе—мысли; они воссѣдали, подобно истуканамъ, не поведя даже глазомъ. Это были — лучшіе представители турецкой власти!—Но какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то онъ наступилъ тоже и молчанію; прервалъ его опять Омер-паша.

— Какое ожидаетъ его наказаніе, по алкорану? спросилъ онъ, въ сущности ни къ кому не обращаясь.

Опять забралъ старикъ по оттоманкѣ, опять слѣзъ съ нея, зашаркалъ туфлями, пока ведѣлъ ихъ, потомъ выпрямился, но уже ничего не говоря, поднялъ руки вверхъ, ладонями къ себѣ, потомъ вдругъ повернулъ ладони отъ себя и опять наклонился, и—полѣзъ на оттоманку.

Омер-паша, какъ-бы истолковывая волю Магомета, высказанную его намѣстникомъ, муллою-кадивомъ, сказалъ, обращаясь къ капиту (чиновнику-секретарю):

«Напиши ему, подлецу, конфирмацію: «въ девять часовъ, для примѣра прочимъ, чтобы не осмѣливался идти къ русскимъ — а то здѣсь родился, выросъ подъ покровительствомъ султана Абдул-Меджида, на помощь бѣжить къ русскимъ, забивши хлѣбъ-соль Абдул-Меджида — предъ отрядомъ разстрѣлять» *...»

Я такъ въ послѣднее время сталъ надѣяться на освобожденіе, такъ мало приготовился къ смерти, такъ былъ увѣренъ послѣ перенесенныхъ страданій въ состраданіи ко мнѣ властей, что, услышавъ приговоръ, не могъ перевести равнодушно приближеніе смерти — ноги подкосились, и я бы упалъ, еслибы меня не подхватили и не вывели жандармы. Тысячи смертей, грозившія мнѣ въ мукахъ, не казались уже страшными: то было время, отдававшее катастрофу и скрывавшее въ перспективѣ обстоятельство самую смерть.

Въ девять часовъ по турецкимъ часамъ — въ полдень... Еще три часа, и потомъ... О, какъ сладка казалась тогда жизнь, со всѣми ея лишениями и несчастіями, пережитая мною!!... Какъ тяжело было приближеніе роковой минуты съ ея позорною смертію, которая такъ безжалостно готова была остановить теченіе молодой крови!... Прощайте же восхитительныя картины былаго дѣтства... колыбельная пѣснь матери моей! Прощайте золотыя надежды моей юности... а какому юношѣ не сладка жизнь?— годъ печали, минута радости и — нечадь въ Лету. Разстрѣ-

* Буквальный переводъ приговора.

даютъ... одно только слово, двѣнадцать буквъ — бездна страданій!

Какъ автоматъ, какъ лягушка, раздавленная копытомъ коня, у которой едва замѣтная осталась жизнь, какъ машина, тащилса и въ тюрьму. Мрачныя стѣны ея уже мнѣ казались спокойнымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій людскихъ. Такъ и всегда: горе, съ которымъ мы свыклись, не кажется горемъ предъ ударомъ сильнѣйшаго несчастія, а тѣмъ болѣе — предъ позорной смертью. Со мною повстрѣчался курьеръ.

— Чтѣ новаго!?... закричали ему сопровождавшіе меня гавазы.

— Варна взята французами и англичанами! былъ отвѣтъ.

— Варна взята, Варна взята, говорили гавазы, встрѣчаясь съ прохожими. — Вотъ тебѣ и союзники, слышалось сзади меня.

Оглушенные этимъ извѣстіемъ, гавазы оставались безмолвными на дальнѣйшіе вопросы прохожихъ, которые, желая знать подробности, наперерывъ закидывали ихъ вопросами о современной политикѣ.

Пришелъ я въ тюрьму. Явился ключникъ и, заирая за мною дверь, сказалъ, обращаясь къ арестантамъ:

— Правовѣрные! Попрощайтесь съ Ангеломъ Т., онъ сегодня будетъ собою кормигъ раковъ. Его Огер-паша осудилъ на смертную казнь.

— Въ самомъ дѣлѣ? спрашивали любопытные.

— Разстрѣляютъ, въ девять часовъ! отвѣтилъ ключникъ.

Въ Турціи удивительно скоро разносятся вѣсти. Всякій спѣшитъ сообщить новость другому, другой третьему и т. д. Если случится, что передать новость нѣкому, знающій что нибудь опрометью летитъ на базаръ для того, чтобы прокричать ее во всѣ уши.

Вообще турки вялы и сонливы, но какъ соединяются въ нихъ двѣ крайнія противоположности — не понимаю. Даже арестантамъ сторожа и ключники спѣшать тотчасъ сообщить новости съ подробностями до мелочей.

Вотъ чтѣ знали чрезъ часъ арестанты тюрьмы, въ которой я содержался:

Когда Огер-паша прочиталъ донесеніе варнскаго коменданта, о взятіи союзниками, англичанами и французами, крѣпости, то сильно разсердился на нихъ, вскочилъ съ оттоманки и началъ кричать и бранить ихъ. Велѣлъ отряду готовиться къ выступленію, а себѣ — готовить экипажъ. Всѣ, говорятъ, гуры одинаковы... Пропалъ Эстамбулъ, бѣдная наша нація: она окружена измѣною, а мы вѣримъ на слово. Гуры одинъ другому глазъ

не выкопять... Теперь, конечно, русскимъ легко атаковать Константинополь. Пропаль Эстамбуль!

Тотчасъ же засѣданіе было кончено, и Омер-паша, попросившись съ Санд-пашею, уѣхалъ. Приговоръ обо мнѣ остался неподписаннымъ и въ тотъ день изъ тюрьмы меня не выводили; о ничтожномъ болгарскомъ мальчикѣ было забыто. Значить, и ничтожество бываетъ подчасъ полезно.

Ждали главнокомандующаго обратно въ Русуку, но ожиданія были напрасны: Омер-паша уѣхалъ въ Крымъ. Казнь моя была отложена на неопредѣленное время. Сняли съ шеи цѣпь и руки расковали, только оставили ноги въ кандалахъ.

Дней чрезъ восемь меня посѣтили родные и увѣдомили о смерти сестры, а чрезъ два мѣсяца—о смерти другой и осмыслѣтнаго брата.

Изъ состраданія ли къ моей молодости, или изъ желанія приобрѣсти молодого работника, только губернаторъ рассудилъ взять меня изъ тюрьмы—и я поступилъ къ нему на должность конюха, при его губернаторскихъ конюшняхъ, спустя семь мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Омер-паши изъ Русука.

Правда, за меня хлопоталъ полиціймейстеръ—помощь котораго я приобрѣлъ за нѣсколько десятковъ піастровъ—поэтому, я думаю, что болѣе ему обязанъ за свое освобожденіе изъ тюрьмы.

Итакъ, въ тюрьмѣ я пробылъ съ 17-го іюля 1854 по 26-е апрѣля 1855 года, почти все время въ тяжелыхъ оковахъ. Раны еще въ тюрьмѣ зажили—блаженная молодость!

Выпуская меня изъ тюрьмы, губернаторъ потребовалъ обѣщанія служить ему вѣрно, считаясь собственнымъ его рабомъ.

— Помни, сказалъ онъ:—я спасъ тебѣ жизнь и эта жизнь теперь принадлежитъ мнѣ. Будешь вѣрно служить—будешь получать бабшишь; не будешь хорошимъ работникомъ—въ мѣшокъ и на дно Дуная. Гайда!

Послѣ этого сняли съ ногъ кандалы.

Штатъ конюшни, въ которую меня назначили, состоялъ изъ двѣнадцати человекъ конюховъ, людей разныхъ націй: арабовъ, босняковъ, венгерцевъ, татаръ, грековъ, русскихъ—авылонское столпотвореніе! одинъ другого не понимали. Лошадей, кромѣ сорока верховыхъ, особый табунъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота. Всей же прислуги, состоявшей при дворѣ губернатора, доходило до трехсотъ человекъ.

По прослуженіи на конюшнѣ мѣсяца полтора, отправили меня съ однимъ цыганомъ стеречь губернаторскій садъ, раскинувшійся въ полутора верстѣ отъ крѣпости Русука, по берегу Дуная.

Кстати намъ велѣно было смотрѣть и за табуномъ лошадей; пасшихся воокъ сада.

Роскошная, трехэтажная бесѣдка украшала садъ. Эфенди, любя это мѣсто, ежедневно прѣзжалъ туда творить намазъ, пить кофе или просто наслаждаться картиннымъ мѣстоположеніемъ, словомъ, тутъ онъ дѣлалъ кейфъ.

Посылая меня на берегъ Дуная, едва-ли эфенди не думалъ неситать мою вѣрность, но я зналъ, что плавни и даже предѣлы княжества не скрыли бы бѣглеца, незамедлили бы отдать въ новыя пытки: плавни были исполнены турецкими пастухами, пасшими стада, а въ княжествахъ уже не было русскыхъ.

Въ то время я былъ уже сторожемъ; ни висѣльца, ни тюрьма, не служили мнѣ приманкою.

Часто, въ своемъ присутствіи, губернаторъ, награждая меня своимъ довѣріемъ, приказывалъ купать любимыхъ лошадей, что я исполнялъ добросовѣстно; иногда онъ изволялъ шутить, говоря мнѣ:

— Глуръ (собака), смотри, не ухвати, шельма, на моихъ лошадяхъ.

Потомъ эфенди сталъ давать мнѣ подарки въ нѣсколько пиастровъ, которые я не тратилъ, а сохранялъ на черный день.

Прошло мѣсяца три. Ласки губернаторскія продолжались, но по временамъ являлось и подозрѣніе въ моей вѣрности, а мнѣ пужно было полное довѣріе. Я искалъ случая оказать преданность; и случай скоро представился.

Гавазъ, жандармскій офицеръ, по фамиліи Садыка, былъ управляющимъ губернаторскихъ конюшенъ. Чванливый, злой, раздражительный, недовѣрчивый арнауть, не давалъ намъ покою.

Пришелъ магометанскій постъ «рамазанъ», продолжающійся тридцать дней. Наступилъ послѣдній день этого поста «байранъ», мусульманскій праздникъ, въ который съ утренней зари до вечерней звѣзды, правовѣрные ничего не ѣдятъ, безпрестанно творятъ намазъ, спятъ, слушаютъ коранъ; послѣ же вечерней звѣзды, всю ночь пируютъ. Для этого праздника турокъ приберегаетъ что у него есть лучшаго изъ съѣстныхъ припасовъ. Губернаторъ провелъ байранъ самымъ религіознымъ порядкомъ: весь день онъ просидѣлъ въ верхнемъ этажѣ бесѣдки, посвященномъ лишь для намаза; весь день онъ не пилъ, не ѣлъ, не курилъ, творилъ намазъ, самъ читалъ коранъ и призывалъ муллу толковать ему тексты изъ корана; усталость бросала его въ сонъ, онъ спалъ; потомъ опять вставалъ, вновь творилъ намазъ и мулла вновь являлся для толкованія корана.

Такъ прошелъ день, и въ девять часовъ вечера губернаторъ

отправился домой. Выстрѣломъ изъ орудія, въ двѣнадцать часовъ ночи, кончился праздникъ для тѣхъ, кто по служебнымъ обязанностямъ не могъ долѣе праздновать.

Легкомысленный гавазъ Садыба нарушилъ святое постановленіе, рѣшась провести остатокъ ночи съ женщинами, и гдѣ же? въ верхнемъ этажѣ губернаторской бесѣдки, въ самомъ высшемъ чистилищѣ человѣческихъ страстей, въ самомъ неукоризненномъ мѣстѣ намазовъ! Аллахъ да спасеть гаура отъ такихъ лугавыхъ помышлений, но Садыкъ, мусульманинъ, увлеченъ былъ рокомъ.

Начальникъ нашъ, еще днемъ съ самаго утра, готовилъ угощенье: два жареныхъ барашка, два фунта конфетъ, немало изюму и нѣсколько бутылокъ заграничнаго вина принесъ я ему изъ лавокъ, и составилъ буфетъ немаловажный.

Служи я въ другомъ государствѣ, преступленіе начальника для подчиненнаго — немисливо... Но въ Турціи, хотя деспотизмъ царить во всей силѣ, хотя по пятамъ бьютъ за-здорово-живешь, въ подчиненныхъ проявляется иногда сила, потрясающая власть до основанія.

Вмѣстѣ съ цыганомъ Мустафой, я связалъ Садыку; связалъ также и одну женщину, другая успѣла бѣжать.

Ни просьбы, ни лобзанія рукъ и ногъ нашихъ, ни обѣщанія считаться роднымъ братомъ, ни предложеніе взять все состояніе, не тронули ни гаура, ни жаднаго до этихъ лабоствъ цыгана. Отвели мы Садыку въ крѣпость. Тамъ заступничество его пріятелей — полиціимейстера и офицеровъ — не остановило дерзкихъ садовниковъ!... Въ крѣпости мы начали кричать, требуя исполненія нашего желанія — разбудить губернатора, что изъ страха отвѣтственности и исполнилъ полиціимейстеръ.

Спасеніе гауромъ мѣста намазовъ отъ оскверненія понравилось губернатору; не понравилось только ему оскверненіе этого мѣста своимъ же мусульманиномъ.

Я съ Мустафой получилъ за это усиленный бакшишъ въ сто одиннадцать піастровъ и право имѣть при себѣ оружіе, для защиты себя отъ мести пріятелей Садыки.

Ружье, по моему настоянію, было потребовано и, въ присутствіи губернатора, тотчасъ же выдано. Злополучный Садыба въ ту же ночь былъ закованъ въ кандалы и отправленъ въ тюрьму. Женщины были отданы духовному начальству; бѣдныя! онѣ, какъ я слышалъ, цѣлый годъ исполняли обязанности рабынь. А цыганъ Мустафа до того облакомился вареньемъ, жареными барашками и виномъ, что попалъ на замѣчаніе новому надзирателю конюшенъ.

Въ началѣ сентября, меня вновь послали въ Рущукъ, гдѣ и находился я до 13-го ноября.

Въ это время привели отъ австрійскаго императора восемь-надцать лошадей, предназначенныхъ въ подарокъ султану.

Боясь, чтобъ меня, какъ исправнаго конюха, не послали съ ними въ Константинополь, я рѣшился бѣжать, хотя зналъ, что подвигъ пробраться въ Россію чрезъ княжества весьма рискованный.

Кстати я услышалъ о формирующемъ ополченіи, которое предназначалось въ Крымъ.

Случай поступить въ ополченіе показался мнѣ такимъ простымъ, а дезертировать изъ него къ русскимъ такимъ обыкновеннымъ, что, долго не думавши, я отправился въ комисію, учрежденную для набора рекрутъ. Англичанинъ, французъ, да турокъ были ея членами.

Прихожу. Прошу о записаніи меня въ ополченіе; рассказываю, что причина, заставившая меня бѣжать отъ губернатора, есть нежеланіе вѣчно оставаться рабомъ его. Меня выслушиваютъ, обѣщаютъ зачислить въ ополченіе, хвалятъ за готовность служить султану, объявляютъ чрезъ пятнадцать дней походъ, а наконецъ и зачисляютъ въ ополченцы. Каково же было мое изумленіе, когда, на другой день, губернаторъ, узнавъ о моемъ желаніи, прислалъ за мною, и мнѣ велеть идти обратно на службу къ нему — такіе провазники!!...

Впрочемъ, ничтожный райа имѣлъ ли право и ожидать для себя выполнения слова, даннаго чиновникомъ, хоть бы и цивилизованнымъ? Честность—вещь условная... Получивши отъ губернатора любезную записку, насколько Саид-паша могъ быть любезенъ, чего жъ было стѣсняться мнѣніемъ его конюха?...

— Ну, Ангель Т., ступай опять къ Саиду-пашѣ.

Я испугался; но обнаруживать въ подобномъ случаѣ испугъ было опасно, чтобъ не послали со мною сторожей. Напротивъ, я, беззаботно и весело выслушавъ это приказаніе, вышелъ. Оглянулся. Часовыхъ сзади нѣтъ. Ноябрь, холодъ. Сильная вьюга заметала слѣды мои. Куда идти! къ роднымъ?—выдадутъ; пойду, думаю, къ чужимъ. И не ошибся.

Страхъ наказанія за сокрытіе бѣглаго поколебаль-было вѣрнаго моего друга, болгара, торговца масляными красками; но чувство состраданія къ единовѣрцу взяло верхъ.

Подъ прилавкомъ была вырыта яма, обложена досками и присыпана землею. Въ этой ямѣ я скрывался три мѣсяца, и только ночью дышалъ чистымъ воздухомъ; днемъ же, заживо погребая себя въ нѣдра земли, дрожалъ отъ холода. Молодое, живсе во-

ображеніе представляло мнѣ висѣльцу, и только это отвратительное зрѣлище удерживало меня въ объятіяхъ друга.

Черезъ своего двоюроднаго брата я досталъ фальшивую подорожную до Мачина и перешелъ изъ Рушукъ въ с. Каракожалія, расположенное въ пятидесяти-пяти верстахъ отъ Рушукъ вверхъ по Дунаю, на берегу этой рѣки. Въ этомъ селеніи жили мои родные; я въ послѣдній разъ попрощался съ ними. Спасибо отчиму—не выдалъ меня; онъ проводилъ даже меня въ г. Свистовъ. Здѣсь я сѣлъ на пароходъ, думая спуститься внизъ по Дунаю, ближе къ предѣламъ Россіи, но несчастіе все еще не оставляло меня: лишь только подошли къ Рушуку, пароходъ сѣлъ на мель и пассажирамъ приходилось высаживаться въ городъ, пока устранится это препятствіе. Въ городѣ всякій узналъ бы меня и незамедлительно представилъ губернатору. Забившись въ кучу канатовъ, лежавшихъ въ трюмѣ, я заблагоразсудилъ отлежаться отъ бѣды. Несчастіе миновало, Немезида отвернулась отъ своей жертвы: пароходъ благополучно снялся съ мели и мы поплыли.

Забылъ сказать: въ Свистовѣ сѣлъ со мною на пароходъ двоюродный мой братъ, Петръ, желая проводить меня въ Галацы; но потомъ я уговорился съ нимъ бѣжать въ Россію. Деньги у насъ были. Мы ѣхали въ качествѣ купцовъ.

Прибыли въ Мачинъ. Братъ отправился къ каймакану, для засвидѣтельствованія подорожной, но какъ въ ней проѣзжающихъ значилось двое, то каймаканъ потребовалъ и меня. На дорогѣ я повстрѣчался съ знакомымъ мнѣ рушукскимъ жителемъ; на вопросъ—зачѣмъ я здѣсь очутился, я обманулъ его, отвѣчая, что Саид-паша отпустилъ меня на волю и что теперь пріѣхалъ въ Мачинъ, желая заняться торговлею.

— А для чего-жь тебя искали? спросилъ онъ.

— Да; мѣсяца два или три назадъ я было-отлучился, желая увидѣться съ братомъ, но потомъ я вернулся. Ну, а вы какъ живете? богатѣете?

— Нѣтъ, плохо. Прощайте, желаю счастливаго успѣха въ торговлѣ.

Оба мы были въ натянутомъ положеніи: онъ боялся, чтобы я не потребовалъ возврата денегъ, имъ у меня взятыхъ—нѣскольکو десятковъ піастровъ, а я боялся, чтобы онъ не остановилъ меня какъ человѣка, котораго ищутъ.

Объявивъ каймакану о желаніи поселиться въ Мачинѣ, я просилъ дозволенія построить лавку.

— Очень радъ, очень радъ, слыша ваше желаніе. Пробудите торговлю, которая теперь почти прекратилась: при появленіи

русскихъ купци разѣхались, городъ опустѣлъ. Я даже пѣю подь рукою и работниковъ, за невысокую плату могущихъ построить вамъ лавку, сказалъ весело каймаканъ.

Я съ своей стороны тоже видимо обрадовался готовности каймакана помочь намъ работниками, и просилъ тотчасъ указать мѣсто и работниковъ, чтобы въ тотъ же день и начать постройку

Въ тотъ же день мы купили немного лѣса, распланировали мѣсто и началась работа; а на другой день мы просили каймана объ отпускѣ насъ въ Галацы, для покупки товаровъ, недѣли на двѣ. Паспортъ былъ подписанъ, и мы уѣхали.

По прибытїи въ Галацы и по засвидѣтельствovaniи въ карантинѣ паспорта, я отправился на рѣку Прутъ, чтобы отыскать мѣсто погуще для нашей переправы, а ночью, съ братомъ, мы уже были тамъ. Ночь мы провели въ постройкѣ камышеваго плота, на которомъ предназначалась переправа брата, какъ немѣющаго плавать.

На разсвѣтѣ началась переправа.

Братъ помѣстился на плоту, вѣрнѣе хватаясь за него руками, а я, прикрѣпивъ одинъ конецъ веревки къ плоту, другимъ перевязавъ поперегъ себя, поплылъ.

На срединѣ рѣки развязался конецъ веревки, прикрѣпленный къ плоту; братъ, съ вещами конечно, поплылъ по теченію, зовя меня на помощь. Отъ страха, въ суматохѣ, братъ соскользнулъ съ плота въ воду и сталъ тонуть вмѣстѣ съ плотомъ, оказавшимся малымъ для поднятія такой тяжести. Вытащивъ брата на берегъ, я поймалъ плотъ и его вытащилъ изъ воды. Исправивъ свой корабль, мы вновь поплыли, и на этотъ разъ благополучно добрались до противоположнаго берега.

Стали надѣвать свое мокрое платье, которое потонуло-было съ плотомъ, но какъ оно было привязаннымъ, то его водою не снесло. И такъ мы уже у цѣли своихъ путешествій: стоимъ на русской землѣ.

— Слава тебѣ Боже! воскликнулъ я видѣ себя отъ радости.— Теперь-то наконецъ я спасся отъ турокъ—иновѣрцевъ, отъ болгаръ и молдованъ единовѣрцевъ и, главное, отъ несчастій, меня ожидавшихъ.

— Чтѣ за люди! закричалъ надъ нашими головами, высунувшійся изъ-за обрыва и дотолѣ нами невидимый солдатъ. Догадываясь, что это долженъ быть пограничный стражъ, я отвѣчалъ: что мы христїане, болгаре, и хотѣлъ продолжать свой туалетъ; кончая верхнимъ платьемъ, какъ вдругъ солдатъ закричалъ: убью!

и приставилъ къ груди штыкъ. Значить, нельзя одѣваться, подумаю я, и опустилъ руки.

Постоявъ нѣкоторое время, солдатъ отошелъ пять шаговъ назадъ и, прицѣливаясь повидимому въ меня, выстрѣлилъ. Пуля взвизнула надъ головою. Вновь зарядилъ, вновь выстрѣлилъ, опять не попалъ, наконецъ, выстрѣлилъ въ третій разъ. Послѣ каждаго выстрѣла кричалъ «давай патруль». На эти выстрѣлы и крикъ прибѣжали человекъ тринадцать солдатъ.

Одинъ изъ нихъ, вѣроятно унтер-офицеръ, осмотрѣвъ наши вещи, велѣлъ идти съ солдатами въ г. Рени, бывшій въ разстояніи четырехъ верстъ отъ мѣста нашей переправы.

Въ городѣ насъ представили офицеру, который сталъ дѣлать распоряженіе объ отправкѣ насъ въ карантинъ. Мы начали плавать, воображая что изъ карантинна отправятъ насъ обратно въ Молдавію—пуганая ворона куста бонется.

— Отправьте насъ въ Россію, просили мы; но просьба уважена не была и насъ отвели въ карантинъ. Тамъ какой-то чиновникъ спросилъ поболгарски: кто мы и откуда прибыли.

— Болгаре, прибыли изъ Турціи, отвѣчалъ я.

— Зачѣмъ?

Тутъ я уже не зналъ, что и сказать, чтобы вышло коротко. Нужно было рассказать причину, побудившую меня оставить Турцію.

Чиновникъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ болгаръ, и просилъ рассказать поболгарски. Разсказъ мой онъ слушалъ съ участіемъ, но выслушавши объявилъ, что по русскому закону, раньше девяти дней, насъ нельзя отправить, изъ боязни не несемъ ли мы какихъ повальныхъ болѣзней.

Мы переглянулись съ братомъ и, не понимая смысла этихъ словъ, стали вновь просить объ отправленіи насъ въ Россію.

— Нельзя, таковъ законъ, сказалъ чиновникъ и, отдавая конвойному записку, велѣлъ отвести насъ въ полицію.

Тамъ городничій спросилъ:

— Имѣемъ ли родныхъ въ Рени?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— А деньги есть?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я васъ кормить на свой счетъ не буду.

— А долго мы тутъ жить будемъ? спросилъ я.

— Для два, пока билетъ напишемъ.

— Нельзя-ли теперь написать?

— Нельзя. Придите завтра.

Получивши на другой день билетъ, срокомъ на десять дней,

мы поѣхали въ Кишиневъ, нанявши за пятнадцать рублей подводу.

Въ Кишиневѣ я нашель земляка, который написалъ съ моихъ словъ прошеніе губернатору.

Въ прошеніи своемъ я, упоминая о порученіи князя, о похожденияхъ по камышамъ острова Пиргоса, по турецкимъ тюрьмамъ и пр., просилъ ходатайства его превосходительства о высылкѣ мнѣ вещей, денегъ и медалей, оставшихся въ канцеляріи коменданта г. Бухареста.

30 мая 1856 года это прошеніе было подано.

— Кто изъ васъ Ангель Т.? спросилъ губернаторъ.

Братъ указалъ на меня.

— Имѣешь ли ты свидѣтельство отъ князя? спросилъ губернаторъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не имѣю.

— Ну, такъ я твоимъ словамъ не вѣрю, а поэтому поданное тобою прошеніе не можетъ имѣть никакого удовлетворенія, сказалъ губернаторъ и велѣлъ намъ выдать свидѣтельство для свободного проживанія въ Кишиневѣ, на шесть мѣсяцевъ; по истеченіи же этого срока явиться въ губернаторскую канцелярію.

Живемъ мы съ братомъ въ Кишиневѣ.

По прошествіи шести мѣсяцевъ, мы явились въ губернаторскую канцелярію и просили привести насъ къ присягѣ на вѣрность подданства Россіи, думая что тогда намъ дадутъ землю вмѣстѣ съ прочими волонтерами.

Губернаторъ приказалъ отправить насъ въ городскую думу, и обрядъ присяги былъ совершенъ.

Черезъ нѣсколько дней я вторично подалъ прошеніе губернатору, прося его выдать мнѣ подорожную до г. Варшавы, думая найдти тамъ князя.

— Пошелъ вонъ, негодяй, мерзавецъ! сказалъ губернаторъ.

Пошелъ я домой.

Дней чрезъ пять, мнѣ сказали, что пріѣхалъ въ Кишиневъ попечитель болгарскихъ колонистовъ, и совѣтовали явиться къ нему.

Пришли.

Я тотчасъ же узналъ его. Я видѣлъ его въ Бухарестѣ, во время кампаніи 1854 года; видѣлъ онъ и меня тамъ у коменданта, и тогда такъ понравился ему мой поступокъ, что онъ просилъ коменданта уволить меня съ нимъ на нѣкоторое время. На это комендантъ согласился, но съ условіемъ привести меня обратно. Попечитель повелъ меня въ казино, подчивалъ кофеемъ,

рекомендовалъ бывшимъ тамъ купцамъ, подробно разспрашивалъ при нихъ о житьѣ турецкихъ болгаръ, и натѣшась мною, отвелъ меня опять къ коменданту, на долгое время разставшись съ милымъ ему землякомъ—патріотъ!

Пріѣхавъ въ Кишиневъ, попечитель остановился въ Курильновскомъ митогѣ. У него былъ гость, отставной полковникъ Забалканскій.

— Кто вы такіе? спросилъ попечитель, обращаясь ко мнѣ и брату моему.

— Ази есмь изъ града Русчукъ, Ангель Т., который переплылъ Дунай въ 1854 году съ вѣстью объ имѣющемъ быть нападеніи турокъ и переходѣ ихъ въ княжества, котораго вы видѣли у генерала О., тотъ, который ходилъ съ вами въ Бухарестъ въ купеческое казино; котораго вы подчивали тамъ кофеемъ и разспрашивали о житьѣ болгаръ въ Турціи, помните?

— Не помню, сказалъ землякъ, пожимаая плечами.— Впрочемъ, помню, былъ какой-то болгаръ, переплывшій Дунай, но ему дана награда — онъ получилъ медаль; чего жъ ему еще нужно? прибавилъ онъ.

— Помните ли, вы были такъ внимательны, ласковы...

— Потомъ его, кажется, отправили опять въ Турцію, гдѣ поймали его въ шпионствѣ и убили.

— Нѣтъ, не убили; его мучили два года, потомъ онъ бѣжалъ въ Россію и, теперь—въ Кишиневѣ; когда пріѣхалъ попечитель болгарскихъ колонистовъ, онъ, рассчитывая на участіе земляка и патріота...

— Такъ это ты переплылъ Дунай? Гдѣ же твои документы и медаль?

— Вещи, деньги, документы и медаль остались у коменданта г. Бухареста, а нынѣ, вѣроятно, находятся въ главномъ штабѣ. Это-то обстоятельство и побудило меня просить вашего ходатайства о возвращеніи моей собственности.

Попечитель былъ такъ внимателенъ, что тотчасъ же обѣщалъ писать объ этомъ, чѣмъ, конечно, весьма обрадовалъ.

Но прошло еще мѣсяца три, и я еще ничего не получилъ. Нужда, безденежье не даютъ покою. Ъду я въ Одессу, гдѣ жилъ попечитель; прихожу къ нему, прошу о своемъ дѣлѣ, но уже просьба моя принята не такъ благосклонно.

— Какое же ты имѣешь право требовать свои деньги и прочее? вѣдь ты все равно потерялъ бы ихъ, плавая по Дунаю! сказалъ попечитель.— Поѣзжай лучше въ Кишиневъ. Я поручилъ помощнику своему, Каланчи-И—ву, выдать тебѣ восемь полуимперіаловъ. Получивши деньги, отправляйся обратно къ роднымъ, въ

Турцію. Ну, скажи, продолжалъ попечитель: — чего тебѣ оставаться въ Россіи? Развѣ хочешь, чтобъ таскали тебя изъ острога въ острогъ, считая за бродягу? А я написалъ бы къ Санду-пашѣ и приказалъ бы ему дать тебѣ свободу, не трогать тебя. Поѣзжай. Будь увѣренъ, что если я напишу къ пашѣ, то онъ не осмѣлится тебя обидѣть.

Удивилъ меня и сильно опечалилъ совѣтъ попечителя болгарскихъ колонистовъ; его высокомерный тонъ о Сайдѣ-пашѣ, эта мнимая вліятельность на деспота, губернатора города Рущука, была невѣроятна даже и грубому слушателю.

— Нѣтъ, сказали я:—поѣзжайте сами или посылайте своихъ дѣтей подъ покровительство вашего друга, который такъ покоенъ вамъ; мнѣ же, едва избѣгнувшему висѣлицы, не кажется удобнымъ качанье между небомъ и землею; я хочу жить.

Этимъ отвѣтомъ я оскорбилъ своего земляка; онъ, переставъ говорить со мною поболгарски, закричалъ порусски:

— Да я тебя арестую и отправлю въ Турцію, каналья этакая! Какъ ты смѣешь мнѣ говорить дерзости!

— Я дерзостей не говорилъ вамъ. За добрый совѣтъ я отплатилъ тѣмъ же, посовѣтовавъ воспользоваться протекціею Санда-пашп.

— Вонъ откуда убирайся!

Я ушелъ.

Повстрѣчавшіяся мнѣ на дорогѣ похороны князя Воронцова помогли мнѣ облегчить стѣсненную грудь и смыть слезами ту накипь на сердцѣ, которою такъ радушно подарилъ меня землякъ.

Давно забытый голодъ мучить меня. Денегъ — ни гроша въ карманѣ.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ меня мальчикъ, стоявшій у дверей харчевни.

— О своемъ горѣ, отвѣчалъ я.

— Какое-жь у тебя горе?

— Ъсть хочу.

— Иди за мною.

Мальчикъ ввелъ меня въ трактиръ, посадилъ, накормилъ. Оказалось, что и это былъ землякъ и служилъ тамъ же. Прощаясь со мною, мальчикъ далъ мнѣ на дорогу рубля два денегъ, и я съ этими деньгами отправился въ Кишиневъ.

Въ Кишиневѣ помогали мнѣ земляки мои; у одного изъ нихъ я и жилъ.

Однажды утромъ, сижу да думаю, чѣмъ мнѣ дѣлать; входитъ квартальный надзиратель. Какъ васъ зовутъ? спрашиваетъ онъ. — Такъ и такъ, отвѣчаю я, назвавъ себя по имени.

— Васъ требуетъ его превосходительство, губернаторъ.

«Не услужливая ли предупредительность земляка попечителя прочить мнѣ и въ самомъ дѣлѣ острогъ?» подумалъ я.

— Вы служили въ минувшую войну въ рущукскихъ войскахъ? продолжаетъ спрашивать квартальный.

— Нѣтъ, не служилъ, отвѣчаю:—но сдѣлалъ имъ нѣкоторую услугу, известную главнокомандующему.

— И получили какую за это награду?

— Получилъ медаль и десять полунимперіаловъ.

— Садитесь же со мною и ѣдемъ. Васъ ждетъ теперь другая награда, въ пятьдесятъ полунимперіаловъ, сказалъ мнѣ гость.

Откровенно скажу: не вѣрилось мнѣ это счастье. Въ головѣ моей все бродили козни земляка-попечителя.

Спросивши какъ меня зовутъ, служилъ ли въ русской службѣ, гдѣ находится медаль, по ученная въ награду, губернаторъ сказалъ:

— Ну, любезный, вы до сихъ поръ богъ-знаетъ что были; а теперь, поздравляю васъ: вы потомственный русскій дворянинъ. Кромѣ этой монаршей милости, нашъ государь даритъ вамъ пятьдесятъ полунимперіаловъ, на первоначальное обзаведеніе.

Какъ полно было мое сердце благоговѣйной признательности къ монарху—я не могу выразить.

— Хороша ли наша квартира? я велю отвести вамъ другую, хорошую. Не нуждается-ли въ чемъ? продолжалъ губернаторъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не нуждаюсь теперь, какъ нуждался прежде, когда просилъ васъ удостоить меня своимъ вниманіемъ, но вы...

— А, извините, извините, я не зналъ вашей заслуги, иначе я тогда же бы отправилъ васъ въ Петербургъ на свой счетъ. Кстати, приготовьтесь: васъ требуетъ государь императоръ въ Петербургъ. Вы поѣдете съ чиновникомъ, котораго я назначу.

Получивши деньги, я ушелъ, не чувствуя, какъ говорится, земли подъ собою. Какими добрыми казались мнѣ всѣ прохожіе, съ которыми встрѣчался. Какимъ прекраснымъ казался божій міръ, вла не существовало для меня. И попечителя болгаровъ я самъ оскорбилъ, и Санд-паша казался ягненкомъ — раздаловалъ бы ихъ. Добрый государь! Чѣмъ отблагодарю тебя я, ничтожный выходецъ?!... За жизнь платятъ жизнью, но за счастье въ дарственной жизни — не знаю. Да пошлетъ же тебѣ Господь здоровье и все, чего ты пожелаешь себѣ и всему роду своему и народу...

Съ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, г. Моманъ, я выѣхалъ 3 января 1858 года въ Петербургъ, а 18 числа того же

мѣсяца онъ сдѣлалъ меня во 2-й кадетскій корпусъ. Дней черезъ пять послѣ моего приѣзда, его величество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ этотъ корпусъ. Директоръ корпуса представилъ меня государю, но я, не зная еще хорошо говорить порусски, былъ лишень счастья отвѣчать на вопросы, которые угодно было его величеству сдѣлать мнѣ. Отвѣчалъ за меня товарищъ мой, тоже болгаръ, Райчо Никола, которому, какъ земляку, я уже рассказалъ все, что было со мною въ теченіе двухлѣтнаго плѣна у турокъ. Никогда не забуду голоса, произнесшаго трижды «спасибо»—это былъ голосъ государя, моего благодѣтеля.

Недолго я былъ кадетомъ; я уже переросъ для серьезнаго ученія — двадцать-одинъ годъ жизни. Обучивъ нѣсколько, меня опредѣлили въ одинъ изъ полковъ гренадерскаго корпуса, юнкеромъ, на двухлѣтнемъ срокѣ, по истеченіи котораго я былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ Л—ій полкъ, съ правомъ пользоваться ежегодно двумястами рублей вознагражденія за службу отечеству.

М. Стецевичъ.

Сырекъ. 1865 года.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

XXXI.

О Швейцаріи.

Англійская сваха-любительница обыкновенно почтенная матрона—плотная, толстая, добрая, съ наклономъ къ сантиментальности и дипломатіи. Она знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, этикетъ сватовства и брака, и награждаетъ этимъ маленькимъ полезнымъ руководствомъ своихъ юныхъ друзей, какъ только они помолвлены. Когда въ церкви пасторъ читаетъ скучную проповѣдь, она забавляется тѣмъ, что про себя читаетъ вслужбу вѣнчанія. Она любитъ романы, въ которыхъ много говорится о любви, и мисъ Бремеръ ставитъ гораздо выше Текерея. Мирить ссоры влюбленныхъ, очищать дорогу сватовству, располагать въ пользу свадьбы противящихся родственниковъ—вотъ ея любимое занятіе. Въ каждомъ молодомъ человѣкѣ и молодой дѣвушкѣ, она видитъ только подходящій матеріалъ для своей дѣятельности.

Леди Арабела Валькиншо была подобная рыжая сваха. Она повывдала замужъ своихъ дочерей съ блестящимъ успѣхомъ, и питая безкорыстную любовь къ искусству сватовства, продолжала и теперь съ восторгомъ заниматься матримоніальными дѣлами всѣхъ своихъ юныхъ знакомыхъ. Сватовство для леди Арабелы было то же, что вистъ былъ для мистрисъ Ватль. Это была ея священная обязанность, ея долгъ, ея призваніе, для которыхъ она родилась на свѣтъ. У нея были особая теорія на счетъ глазъ, цвѣта лица, лѣтъ и именъ; она даже углублялась въ невѣдомую фізіологическую бездну относительно вопросовъ расы, родства, генеалогіи и врожденныхъ качествъ. Однимъ

словомъ, она устроивала свои образцовые браки по собственному, своеобразному идеалу. Но ея идеаль не былъ совершенно сантиментальный и не совершенно физиологическій. Она по преимуществу была женщина свѣтская и съ такимъ же интересомъ, если еще не съ бѣльшимъ, беспокоилась о соотвѣтствіи состояній, какъ и лицъ. Соединить состояніе въ десять тысячъ ежегоднаго дохода съ приданнымъ въ пятьдесятъ тысячъ брачными узамъ было для леди Арабелы въ высшей степени интереснымъ предпріятіемъ. Для достиженія подобнаго результата, она не жалѣла никакихъ усилій и такъ пламенно хлопотала, словно отъ этого зависѣла ея собственная слава.

Такъ-какъ въ головѣ ея постоянно былъ осѣдланъ ея любимый конѣкъ, то неудивительно, что увидавъ Саксена Трефольдена съ мисъ Гатертонъ, леди Арабела прищипорила его, и онъ понесся во весь духъ.

— Вотъ была бы прелестная парочка! сказала она мистрисъ Бунванъ. Мистрисъ Бунванъ была жена красиваго епископа, очень высокая, аристократичная барыня, многими годами моложе мужа. Обѣ дамы стояли подлѣ хозяйки дома, которая продолжала попрежнему принимать гостей.

— Вы полагаете? отвѣчала мистрисъ Бунванъ, качая сомнительно головой:—я, право, не вижу, почему?

— Какъ, милая мистрисъ Бунванъ... два такія великолѣпныя состоянія!

— Тѣмъ менѣе причинъ жениться; который нибудь изъ нихъ женится изъ-за денегъ, возразила жена епископа:—кромѣ того посмотрите, какая разница въ лѣтахъ.

— Не болѣе пяти лѣтъ, отвѣчала Арабела.

— Но вѣдь пять лѣтъ болѣе ей, а не ему. Какъ вы думаете, леди Кастельтауерсъ, были ли бы они хорошей парочкой?

— Кто? Я не разслышала, возразила леди Кастельтауерсъ съ любезной улыбкой.

— Мы говорили о мисъ Гатертонъ и о мистерѣ Трефольденѣ, сказала рыжая сваха.

Улыбка тотчасъ исчезла съ лица леди Кастельтауерсъ.

— Я полагаю, что это былъ бы самый безразсудный бракъ, сказала она очень холодно:— мистеръ Трефольденъ еще мальчикъ и не имѣетъ никакого положенія въ свѣтѣ, кромѣ того, которое ему доставило случайное богатство.

— Но состояніемъ дается положеніе, сказала леди Арабела, энергично защищаясь и думая, быть можетъ, о своемъ собственномъ замужествѣ.

— У мисъ Гатертонъ большое состояніе, и потому она можетъ

исвать въ бракѣ болѣе, чѣмъ однѣ деньги, отвѣчала леди Кастельтауерсъ, слегка покраснѣвъ и поспѣшно пережвняи разговоръ.

Мистрисъ Бунванъ и леди Арабела переглянулись съ едва скрытой улыбкой. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ хозяйки дома, онѣ однакожь заговорили снова о томъ же предметѣ.

— Ихъ соединенное состояніе, продолжала леди Арабела: — простиралось бы до пяти миліоновъ, если не болѣе. Подумайте только, пять миліоновъ.

— Вы не рассчитывайте на сочувствіе леди Кастельтауерсъ, сказала жена епископа многозначительно.

— Конечно, нѣтъ. Хотя, еслибъ дѣло шло о графской коронѣ...

— Я думаю, что дѣло идетъ о графской коронѣ.

Леди Арабела покачала головой.

— Ни мало, отвѣчала она: — я всегда зорко наблюдаю за молодыми людьми и очень хорошо знаю, въ кого влюбленъ юный графъ.

— Неужели?

— Онъ по уши влюбленъ въ синьору Колонну, и это продолжается уже нѣсколько лѣтъ.

— А леди Кастельтауерсъ это извѣстно?

— Не думаю.

— И вы полагаете, что они въ тайнѣ дали другъ другу слово?

— Ахъ! нѣтъ. Я даже увѣрена, что синьора Колонна не поощряетъ его ухаживанья, что дѣлаетъ ей много чести.

— Этотъ бракъ былъ бы очень непріятенъ для леди Кастельтауерсъ, замѣтила мистрисъ Бунванъ.

— Это поразило бы ее въ самое сердце.

— Она такъ горда.

— И такъ бѣдна.

Еслибъ леди Кастельтауерсъ не была графиня, изъ рода Гольм-Пирпойнтъ, и дочь лорда, то леди Арабела Валькиншо никогда бы ей не простила ея бѣдности. Она принадлежала къ тому громадному количеству людей, которое считаетъ бѣдность преступленіемъ.

Между тѣмъ мисъ Гатертонъ нашла, къ своему великому удивленію, что Саксенъ не только умѣлъ танцовать, но даже очень пріятно разговаривалъ, несмотря на свою застѣчивость. Она рѣшилась его развернуть и не жалѣла усилій, ибо его наивность очень забавляла ее.

— Я не хочу, чтобъ вы меня довели до мѣста, мистеръ Тре-

Фольденъ, и бросили, сказала она, когда кончилась кадрили и пары расхаживали взадъ и впередъ по залѣ:—вы должны сѣсть со мною въ этотъ уголокъ и поразсказать мнѣ кое-что о Швейцаріи.

— Я очень радъ, что нашелъ человека, котораго интересуеть этотъ предметъ, сказала Саксенъ:—я могу говорить о немъ безъ усталы.

— Конечно. Я только удивляюсь, какъ вы можете переносить эту жизнь мишуры и ложнаго блеска, послѣ свободы вашихъ родныхъ горъ и долинъ. Развѣ вамъ не противны любезныя жи и коварныя улыбки нашего общества?

Саксенъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать? воскликнулъ онъ:—общество выказало до сихъ поръ въ отношеніи меня столько доброты, что я и не подозрѣвалъ существованія коварныхъ улыбокъ и любезной жи.

Мисъ Гатертонъ громко размѣялась.

— Погодите, вы сами наткнетесь на нихъ, когда поживете подолѣе между нами.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Я былъ бы очень несчастливъ, еслибъ ваши слова оправдались.

— Ну, такъ не вѣрьте имъ, и наслаждайтесь вашими иллюзіями, пока можете. Я давно уже пережила свои и очень объ этомъ сожалѣю. Но будемте говорить о чемъ нибудь повеселѣе... о Швейцаріи. Охотились ли вы когда-нибудь за сернами?

— Сотни разъ.

— Ахъ! какъ прелестно. Вѣроятно высоко-высоко на снѣжныхъ вершинахъ?

— Да, въ снѣгу, по окраинамъ страшныхъ безднъ, по ледникамъ, однимъ словомъ вездѣ, куда серна можетъ прыгнуть и человекъ за ней послѣдовать, отвѣчалъ Саксенъ съ энтузіазмомъ.

— Это очень опасная охота? спросила мисъ Гатертонъ.

— Она, конечно, не такъ опасна для напрактиковавшагося туземнаго горца, какъ для новаго чужеземца. Но вѣдь настоящая охота не можетъ быть безъ опасности.

— Отчего?

— Охота безъ опасности—простая бойня. Рискъ нивогда не долженъ быть только на сторонѣ бѣднаго звѣря.

— Это справедливо и благородно, съ жаромъ сказала мисъ Гатертонъ.

Саксенъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Я не только гонялся за сернами по ледникамъ, но преслѣдовалъ ихъ даже по скатамъ бездны, произнесъ онъ торопливо:—

я застрѣлялъ нынѣшней весной одну серну, пова она стояла на выступѣ, между двумя разсѣлинами во льду. Мнѣ не слѣдовало стрѣлять, а нужно было обождать, пова она вышла на открытое мѣсто. Но я не вытерпѣлъ, и когда поравнялся съ нею, она уже катилась мертвая въ пропасть. Мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или вытащить ее, или бросить.

— Такъ вы вырубали во льду ступеньки, какъ рисуютъ на картинкахъ, въ книгахъ альпійскаго клуба?

— Нѣтъ, я просто привязалъ веревку, которую всегда носятъ съ собою горные жители, къ ружью и перекинулъ его черезъ разсѣлину; укрѣпивъ ружье съ обѣихъ сторонъ, я опустился по веревкѣ внизъ. Достигнувъ до серны, я обвязалъ ее другой веревкой, и возвратившись наверхъ, вытащилъ ее. Ничего не можетъ быть легче этого. Ребѣнокъ можетъ сдѣлать это, если только онъ привыкъ ко льду и не боится. Вообще, на ледникахъ только безразсудные и трусливые люди могутъ быть въ опасности.

— Ну, а какія у васъ есть еще охоты? спросила мисъ Гатертонъ:—есть въ Гривонахъ орлы?

— Есть, но гораздо меньше, чѣмъ прежде. Въ послѣдніе три года я застрѣлилъ не болѣе пяти или шести, но ребѣнкомъ я разорилъ много орлиныхъ гнѣздъ. Потомъ вы знаете, у насъ зимой бывають волки и иногда забѣгаетъ бурый медвѣдь.

— Вы застрѣлили ли когда-нибудь медвѣдя, мистеръ Трефольдевъ? спросила съ живѣйшимъ интересомъ мисъ Гатертонъ.

— Двухъ, отвѣчалъ Саксенъ, съ дѣтской гордостью:— и изъ ихъ шкуры сдѣлалъ коверъ для саней. Вы никогда не бывали въ Швейцаріи?

— Да, я была, отвѣчала мисъ Гатертонъ:—но только въ избитыхъ мѣстахъ и подъ строгимъ присмотромъ курьера, словно сумасшедшій подъ присмотромъ сторожа.

— Ну, такъ вы ничего не знаете, вы не видали ни страны, ни народа, воскликнулъ Саксенъ:—Швейцарія, которую обожаютъ швейцарцы—это дикая, свободная, нагорная страна, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни трактировъ, ни туристовъ, ни проводниковъ, а только темные, сосновые лѣса и открытыя поляны, родина сурковъ и сернь.

— Я видѣла только одну серну, сказала мисъ Гатертонъ:—и то лѣзвивую, разжирѣвшую въ влѣтѣ.

— Конечно, вы никогда не бывали въ Швейцаріи зимой?

— О! нѣтъ.

— Однако, это самое великолѣпное время для путешествія. Всѣ террасы и долины покрыты снѣгомъ, и высокія пики возвы-

шаются надъ ними словноobeliski, изъ бѣлаго мрамора; даже сосны, и тѣ бѣлыми гигантами выступаютъ на синевѣ неба. Это словно мiръ до созданiя цвѣтовъ радуги.

— Какой вы энтузиастъ! со смѣхомъ произнесла мисъ Гатертонъ.

— Я люблю свою родину, отвѣчалъ Саксенъ.

— Вы напрасно это говорите. Но что вы можете дѣлать зимой, въ этихъ дивныхъ долинахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ снѣгами?

— Насъ снѣгъ не заточаетъ. У насъ есть сани, и чѣмъ больше снѣгу на дорогахъ и горныхъ проходахъ, тѣмъ сани летятъ быстрѣе. Вы бы посмотрѣли на Рейнскую долину, между Туромъ и Туасломъ, въ свѣтлый день, когда сани снуютъ взадъ и впередъ по блестящему на солнцѣ снѣгу, и когда воздухъ полонъ веселаго дребезжанiя бубенчиковъ.

— О! какъ это должно быть прелестно!

— Дѣйствительно, это прелестно. Кромѣ катанья на саняхъ, мы бѣгаемъ на конькахъ, стрѣляемъ въ цѣль, точимъ изъ дерева игрушки и исполняемъ зимнюю работу на фермѣ; иногда же, когда покажется въ окрестности волкъ или кабанъ, мы дѣлаемъ большую ночную охоту съ факелами. Зима — настоящее время для наслажденiй въ Швейцарiи! Спросите какого угодно швейцарца, только не городского, и онъ вамъ скажетъ то же самое.

— Вы вѣроятно намѣрены возвратиться когда-нибудь въ Швейцарiю? спросила мисъ Гатертонъ.

— Еще бы! воскликнулъ Саксенъ: — вѣдь это мое отечество, мой домъ!

— Такъ еслибъ я прiѣхала когда-нибудь на Рождество въ Куръ, вы бы мнѣ показали ваши зимнiя забавы?

— Конечно, съ величайшимъ счастьемъ, воскликнулъ Саксенъ: — я бы выписалъ для васъ изъ Канады самыя восхитительныя санки, устроилъ бы охоту на кабана при факелахъ, Schützen Fest; приготовилъ бы вамъ сурка въ видѣ комнатной собачки, и вы познакомились бы съ моимъ дорогимъ отцомъ, за котораго вы навѣрно полюбили бы Швейцарiю, даже еслибъ она не имѣла никакихъ прелестей.

— Съ вашимъ отцомъ? сказала мисъ Гатертонъ: — я и не знала, что вашъ отецъ живъ.

— Онъ мой дядя, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — но усмновилъ меня. Онъ лютеранскiй пасторъ, удивительно ученый человѣкъ, набоженъ, какъ святой, и простъ, какъ дитя.

— Я слышала, что вы сами очень учены, мистеръ Трефоль-

день, сказала мисъ Гатертонъ, поспѣшно вставая съ мѣста: — но что это занграли? вальсъ. Вы вальсируете?

— Посмотрите, отвѣчалъ Саксенъ, со смѣхомъ: — это нашъ національный танецъ, единственный, который я зналъ до тѣхъ поръ, пока научился, нѣсколько недѣль тому назадъ, вашимъ страшнымъ кадрилиамъ.

Черезъ минуту онъ обнялъ рукой талию мисъ Гатертонъ и летѣлъ по залѣ, быстро и граціозно кружась, какъ только умѣютъ швейцарцы и нѣмцы. Мисъ Гатертонъ была въ восторгѣ; она цѣнила болѣе всего на свѣтѣ хорошаго танцора, а Саксенъ вальсировалъ лучше всѣхъ въ залѣ.

Она съ большимъ удовольствіемъ проговорила бы и протанцовала съ нимъ весь вечеръ, ибо мисъ Гатертонъ всегда дѣлала то, что ей нравилось, и не обращала никакого вниманія на то, что будутъ говорить о ней; и Саксенъ съ своей стороны охотно продолжалъ бы вальсировать и расхваливать швейцарскую жизнь, и вальсировать до тѣхъ поръ, пока наступила бы пора ей ѣхать; но этому не суждено было осуществиться. Леди Кастельтауреръ, которая въ качествѣ хозяйки всегда знала, что дѣлаютъ ея гости, не была согласна допустить что-нибудь подобное. Она послала своего сына пригласить на слѣдующую кадрили богатую наследницу, а Саксена сама передала съ рукъ на руки синьорѣ Колоннѣ.

Къ этому времени пріѣздъ гостей прекратился и вскорѣ начался разъѣздъ; послѣ ужина, залы быстро опустѣли, а къ двумъ часамъ ужъ никого не осталось, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые должны были почевать въ замкѣ.

Виконтъ и леди Элиръ удалились съ привезенными камердинеромъ и горничной въ отведенныя имъ комнаты; молодые люди всѣ сошли внизъ въ курильню; Колонны вмѣсто того, чтобы пойти спать, какъ остальные гости, отправились въ свой кабинетъ, въ осьмиугольной башнѣ. Имъ нужно было о многомъ переговорить. Мистеръ Томсонъ, либеральный членъ парламента, привезъ имъ извѣстіе отъ Гарибальди и пачку писемъ отъ лондонскихъ и туринскихъ друзей; мисъ Гатертонъ и мистеръ Валькиншо общались пожертвовать большія суммы денегъ въ итальянскій фондъ; а мистрисъ Бупванъ взялась распространить между своими знакомыми воззваніе къ пожертвованіямъ. Съ Эшеровъ и лорда Боксгилля, конечно, нечего было взять. Они, подобно леди Кастельтауреръ, смотрѣли на свободу, какъ на нѣчто неприличное, вульгарное, и на патриотовъ, какъ на мошенниковъ.

Прочитавъ всѣ письма и сдѣлавъ необходимыя отмѣтки въ записной книгѣ, отецъ и дочь встали, чтобы проститься и идти спать.

— Ты еще ничего не сдѣлала, Олимпія, произнесъ итальянецъ:—а вотъ уже прошло четыре дня.

— Я знаю.

— Я говорилъ съ нимъ, раза два или три, о нашемъ свитомъ дѣлѣ и онъ слушалъ меня съ охотой; но я нарочно не шелъ далѣе. Это твое дѣло. Чего же ты мѣшкаешь?

— Я не буду откладывать болѣе, отвѣчала съ нетерпѣніемъ Олимпія:—я начну сегодня.

— Онъ такъ богат! воскликнулъ Колонна:—Италія такъ бѣдна и каждое письмо, которое мы получаемъ отсюда, молитъ о помощи.

— Не понукайте меня; я сказала, что начну нынче, а вонъ уже небо сѣрѣетъ на востогѣ.

Она поспѣшно простилась съ отцомъ и пошла вдоль длиннаго корридора въ свою отдаленную комнату. Сѣрватое небо успѣло поблѣкнуть и изъ бѣлаго превратиться въ огненное при восходѣ солнца, прежде чѣмъ Олимпія подумала снять съ себя бальное платье и исвать отдыха во снѣ. Чему же было удивляться, если ея глаза, когда она наконецъ бросилась полуодѣтая на постель, вазались страшными, впалыми, а щоки были почти такъ же бѣлы, какъ подушки.

XXXII.

Какъ Саксенъ украсилъ флюгарку въ Кастельтауерсѣ.

— Какого чорта мы еще придумаемъ, чтобъ позабавить нашихъ гостей, сказала лордъ Кастельтауерсъ майору Воану, когда они встрѣтились передъ завтракомъ на лѣстницѣ:—Эшеры, я знаю, уѣдутъ рано, а съ барынями матушка съумѣетъ справиться; но вѣдь въ домѣ теперь шесть или семь молодыхъ людей, которые наврядъ ли уѣдутъ раньше ночи. Чтò дѣлать?

— Играть на бильярдѣ.

— Хорошо часа на два, а потомъ?

— Потомъ мы можемъ поѣхать въ Гельдфордъ отдать визитъ офицерамъ сорокъ-второго полка, которые вчера здѣсь были на балѣ.

— Это невозможно. У насъ на конюшнѣ всего пять верховыхъ лошадей, считая вашу и Трефольдена. Потомъ у меня нѣтъ ружей, еслибъ и было на что охотиться, кромѣ сорокъ и воронъ, воскликнулъ съ отчаяніемъ Кастельтауерсѣ.

— Въ такомъ случаѣ; я рѣшительно не знаю, чтò дѣлать; но вонъ идетъ нашъ аркадецъ; можетъ, онъ что нибудь и придумаешь.

Арадецъ — это былъ Саксенъ. Подъ этимъ прозвищемъ онъ былъ извѣстенъ послѣднее время, хотя никто не зналъ, кто именно сочинилъ эту кличку. Не успѣли еще объяснить ему, въ чемъ дѣло, какъ онъ уже нашелъ средство выдти изъ затруднительнаго положенія.

— Устроимте Volksfest на швейцарскій манеръ, сказалъ онъ:— мы можемъ стрѣлять въ цѣль, прыгать черезъ препятствія, бѣгать въ зауски, а дамъ мы пригласимъ раздавать призы.

— Отлично! воскликнулъ лордъ Кастельтауерсъ:—самая приличная забава для такого свѣтлаго, прохладнаго дня.

— Прежде всего мы должны найти открытую поляну и устроить трибуну для дамъ, сказалъ майоръ Воанъ.

— И выбрать судью, прибавилъ Саксенъ.

— И собрать призы, замѣтилъ лордъ:— я дамъ бронзовую чашу, которая стоитъ въ библиотекѣ, она настоящая помпейская.

— А я свои пистолеты, воскликнулъ Саксенъ.

— А я... но я такой бѣднякъ, замѣтилъ Воанъ:—что у меня нѣтъ ничего цѣннаго, кромѣ сабли и лошади.

— Самое драгоценное сокровище для воина, сказала синьора Колонна:— но позвольте спросить, о чемъ тутъ держать парламентъ на лѣстницѣ?

Она только что вышла изъ корридора, такъ тихо, что никто не слышалъ ея шаговъ, и остановилась на площадкѣ нѣсколькими ступенями выше молодыхъ людей. На ней было нѣжное, свѣрое платье изъ какой-то мягкой матеріи, обшитое чернымъ бархатомъ, и маленькій, бѣлый полотняный воротничокъ, застегнутый круглой римской брошкой. За нею падали тяжелыми складками красныя занавѣси; черезъ верхнія звѣнья большаго готическаго окна, яркіе лучи солнца бросали блестящую полосу свѣта на ея голову; она стояла въ своей гордой красотѣ словно прислоненная къ лучезарному столбу.

Молодые люди взглянули наверхъ, пританъвъ дыханіе, будто пораженные сверхъестественнымъ явленіемъ. Съ минутою никто не отвѣчалъ.

Синьора Колонна, отгадавъ, быть можетъ, по женскому инстинкту, какія чары заколдовали ихъ, отодвинулась отъ свѣта и воскликнула:

— Всѣ молчать. Э! да это, должно быть, не парламентъ, а заговоръ.

— Это дѣйствительно заговоръ, синьора, отвѣчалъ Воанъ:— мы толкуемъ о томъ, какъ устроить кое-какія увеселенія на чистомъ воздухѣ для нашихъ гостей. Согласитесь ли вы быть царицей красоты и раздавать призы?

Кастельтауерсъ вспыхнулъ и закусилъ губу.

— Поспѣшность Воана, сказалъ онъ: — очень тяжело отъывается на тѣхъ, кто не отличается такимъ быстрымъ умомъ и такой смѣлостью, какъ онъ. Я только что самъ намѣревался просить о томъ же самомъ синьору Колонну.

— Въ дѣлахъ жизни побѣду одерживаетъ сильнѣйшій и призъ беретъ самый ловкій, отвѣчалъ Воанъ небрежно: — но чтó скажетъ намъ наша августѣйшая царица?

— Что она боится дать свое царское слово слишкомъ послѣшно. Вы знаете, я секретарь моего отца, и потому не знаю, какую работу мнѣ принесетъ сегодняшняя почта; въ тому же я должна узнать, какія распоряженія сдѣлала, на сегодня, леди Кастельтауерсъ.

— Каковы бы они ни были, но я не думаю, чтобы матушка отказала удостоить своимъ присутствіемъ такое важное торжество, сказалъ лордъ:—но вонъ идетъ вся компанія. Приходится отложить пренія до окончанія завтрака.

Леди Кастельтауерсъ одобрила планъ своего сына и общала не только сама пріѣхать на арену въ половинѣ третьяго, но и привезти съ собою двухъ молодыхъ дѣвицъ, которыя ночевали въ замкѣ. Это были дочери бѣднаго пастора, жившія милахъ въ двѣнадцати отъ Кастельтауерса; юныя и скромныя, онѣ работѣнно слушались великолѣпной графини и безпрекословно остались на цѣлый день, хотя и должны были уѣхать рано утромъ. Синьора Колонна, по просьбѣ самой леди Кастельтауерсъ, приняла званіе царицы-праздника; и хотя виконтъ и леди Эшеръ были слишкомъ важныя особы, чтобъ перемѣнить свои планы, публика на состязаніяхъ общала быть довольно блестящей, чтобъ подстрекнуть амбицію бойцовъ.

Мысль этого праздника была очень счастливая и доставила всѣмъ гостямъ самое пріятное занятіе. Гости эти состояли изъ шести молодыхъ людей, не считая сэра Чарльса Бургойна, майора Воана и Саксена Трефольдена, которые были приняты въ замкѣ, какъ свои. Эти шестеро были мистеръ Пельгамъ Гей, Эдвардъ Брандонъ, лейтенантъ Франкъ Торингтонъ, 4-го уланскаго полка мистеръ Гай Гревиль и два брата: Сидней и Робертъ Пультенъ. Изъ всей этой подлужины людей, нельзя было сдѣлать ни одного дѣйствительно замѣчательнаго человѣка. Ни одинъ изъ нихъ даже не былъ, по просту, умнымъ человѣкомъ, но каждый за то представлялъ образецъ обыкновеннаго, дюжиннаго англійскаго джентльмена. Всѣ они были аристократическаго происхожденія, красивые, добрые, мужественные ребята, хорошо ѣдившіе верхомъ, презиравшіе всякую ложь и строго-уважавшіе законы

охоты. Они отлично одѣвались, восхитительно повязывали галстухи и говорили тѣмъ типичнымъ языкомъ, который преобладаетъ въ хорошемъ обществѣ. Всѣ они прекрасно танцовали и были членами Эректеума. Эдвардъ Брандонъ былъ изъ всей компаніи самый незавидный образчикъ человѣческой породы, но и онъ, хотя ограниченнаго ума, имѣлъ свѣтскій лоскъ, и неодавленный сильными мускулами, былъ довольно ловкій малый.

Все общество за завтракомъ съ восторгомъ приветствовало проектъ Саксена, и даже синьоръ Колонна обѣщала придти на арену. Призы для состязанія были очень живо собраны. Леди Кастельтауерсъ пожертвовала очень рѣдкій ятаганъ, принадлежавшій Байрону, синьоръ Колонна эльзевировскаго Горація съ автографомъ Филвайи, а сами состязатели сдѣлали подписку на кошелекъ съ двадцатью гинеями, который долженъ былъ служить призомъ для одностороннаго бѣга. Было условлено, что побѣдитель долженъ отдать кошелекъ синьорѣ Колоннѣ для итальянскаго фонда. Молодые люди покончили завтракъ съ быстротой школьниковъ, торопящихся домой на праздникъ, и вскорѣ были уже за работой.

На то, чтобъ выбрать и измѣрить аментеатръ на открытой полянѣ, въ полумилѣ отъ дому, чтобъ поставить флагъ для бѣга и цѣль для стрѣльбы, чтобъ устроить ложу для зрителей — на все это потребовалось бы болѣе четырехъ съ половиной часовъ, которые оставались до половины третьяго; но любители-работники съ помощью плотниковъ, грумовъ и садовниковъ работали такъ усердно, что все было готово ровно за часъ три четверти до назначеннаго времени. Одна ложа была даже удивительнымъ торжествомъ искусства. Она состояла изъ кухонныхъ столовъ, крѣпко связанныхъ между собою и покрытыхъ коврами; на нихъ было поставлено нѣсколько креселъ, а сверху на большихъ жердахъ повѣшенъ громадный, широкій коверъ.

Пробѣжавъ однажды по всей аренѣ бѣглымъ шагомъ, чтобъ испробовать землю, молодые люди возвратились въ замокъ страшного голодные и въ великолѣпномъ настроеніи духа.

Кастельтауерсъ приказалъ подать завтракъ въ курильную комнату, и тамъ, посреди шумнаго говора, смѣха, ѣды и питья, они составили програму состязанія.

— Съ чего мы начнемъ? спросилъ лордъ, взявъ карандашъ и бумагу:—мы должны кончить бѣгомъ и потому, я полагаю, начать со стрѣльбы.

— Конечно, со стрѣльбы, воскликнуло нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

— Такъ позвольте записать имена. Кто охотнее состязаться

на призъ бронзовой чаши? Стрѣлять изъ ружей на восьмистахъ ярдахъ.

— На какихъ условіяхъ? спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— На обыкновенныхъ. Пять выстрѣловъ на восьмистахъ ярдахъ; ружья обыкновенныя нарѣзныя.

— Восемьсотъ ярдовъ, немного далеко, сказалъ другой изъ гостей, очень занятый въ эту минуту пирогомъ съ цыплятами.

— Если бы ружья были меньшаго калибра, то я бы назначилъ тысячу ярдовъ, отвѣчалъ Кастельтауреръ: — но у меня такое только одно.

Юноша, занятый пирогомъ, пробормоталъ что-то сквозь зубы о томъ, что всегда большою калибръ встрѣчается чаще малаго, но остановленный своимъ сосѣдомъ, впасть въ прежнее безмолвіе. Между тѣмъ лордъ продолжалъ подбивать охотниковъ.

— Ну, это вы на что не похоже, говорилъ онъ: — у меня записано только трое: Бургойнъ, Торингтонъ и Воанъ. Ну, кто жъ еще? Я не могу же самъ состязаться на свой призъ; а мнѣ непремѣнно нужно еще трое.

— Вы можете записать меня, если хотите, сказалъ мистеръ Гай Гревиль: — ужъ я непремѣнно кого нибудь да подстрѣлю; да вѣдь это не бѣда.

— И меня, прибавилъ Пеламъ Гей.

— Благодарствуйте. Бургойнъ, Торингтонъ, Воанъ, Гревиль, Пеламъ Гей — итого пять. Мало; мнѣ нужно по крайней-мѣрѣ шесть. Ну, господа, кто же будетъ шестымъ?

— Конечно, Трефольденъ, воскликнулъ Воанъ: — швейцарцы прррожденные стрѣлки. Запишите его имя.

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно произнесъ Саксенъ.

— Однако, вы вѣдь de la premièrre force? спросилъ Кастельтауреръ.

— Я порядочно стрѣлялъ, но теперь отвыкъ и не желалъ бы состязаться, отвѣчалъ Саксенъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Кастельтауреръ взглянулъ на него съ удивленіемъ, но былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ настаивать долге.

— Если вы не хотите, сказалъ онъ: — то мнѣ надобно найдти кого нибудь другого. Сидней Пультенъ, я запишу васъ, и дѣло въ шляпѣ. Ну, господа, кто желаетъ участвовать во второмъ состязаніи на тѣхъ же условіяхъ? Призъ — пара великолѣпныхъ пистолетовъ, пожертвованные благороднымъ состязателемъ, который отказывается отъ состязанія. Я не упоминаю имени благороднаго состязателя, ибо онъ скромный молодой человѣкъ и очень легко краснѣетъ. Ну, господа, помните, что вы призваны на торжественное дѣло, и что на васъ смотрятъ глаза всей Европы!

Шутя и болтая такимъ образомъ, Кастельтауерсъ навербовалъ и вторую партію. Потомъ записаны были по порядку, прыганье черезъ препятствіе восемнадцать футовъ длины, на призъ синьора Колонны; вслѣдъ затѣмъ бѣгъ на разстояніе ста ярдовъ, на призъ леди Кастельтауерсъ и, наконецъ, одномильный бѣгъ, на призъ двадцати-двухъ гиней, названный призомъ Италіи. На это послѣднее состязаніе записались всѣ атлеты безъ исключенія.

Когда програма была окончена, Кастельтауерсъ отозвалъ въ сторону Саксена и, взявъ его за руку, отвелъ въ сосѣднюю комнату.

— Трефольденъ, сказалъ онъ: — могу я вамъ задать одинъ вопросъ?

— Хотъ двадцать.

— Нѣтъ, и одного довольно, если вы отвѣтите честно. Отчего вы не хотите состязаться въ стрѣльбѣ?

Саксенъ снова смутился.

— Такъ, я не желаю, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Но, отчего? вы, должно быть, отличный стрѣлокъ.

Саксенъ ничего не отвѣчалъ.

— По правдѣ сказать, продолжалъ Кастельтауерсъ: — мнѣ это очень досадно. Я надѣялся, что вы своимъ искусствомъ придадите особенный блескъ состязанію и покажете намъ что нибудь удивительное. Я думаю, вы должны были состязаться, хотъ только для того, чтобъ поддержать честь швейцарскихъ стрѣлковъ.

Саксенъ добродушно разсмѣялся.

— Вы искренно желаете, чтобъ я отвѣтилъ на вашъ вопросъ? спросилъ онъ.

— Конечно.

— Такъ погодите минутку, пока я принесу свое ружье.

Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вскорѣ появился въ саду, подъ окномъ, съ ружьемъ въ рукахъ.

— Посмотрите сюда, сказалъ онъ, указывая на крышу коюшныи: — видите вы флюгарку?

Это былъ золотой пѣтухъ, въ родѣ того, которымъ любовался Гете еще ребѣнкомъ во Франкфуртѣ; довольно сильный вѣтеръ кружилъ во всѣ стороны флюгарку, и она блестѣла на солнцѣ, какъ желтый брильянтъ. Кастельтауерсъ отворилъ окно и высунулся.

— Еще бы, отвѣчалъ онъ: — я ее вижу почти каждый день, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

— А какъ далеко она отсюда?

— Право, не знаю, какіе нибудь шестьсотъ ярдовъ. Но вѣдь вы не можете же попасть въ цѣль, которая блеститъ, какъ метеоръ, и ни секунды не стоитъ на мѣстѣ?

— Это очень уродливая птица, сказалъ Саксенъ, прицѣливаясь:— не правда ли, она была бы гораздо красивѣе, еслибъ у нея былъ глазъ?

Не успѣлъ онъ еще это выговорить, какъ раздался выстрѣлъ. Кастельтауерсъ схватилъ свою шляпу и выпрыгнулъ въ садъ, какъ сумасшедшій.

-- Вы этого не сдѣлали, воскликнулъ онъ: — это невозможно.

— Пойдемъ, посмотримъ.

Чтобъ достигъ до конюшенъ, имъ пришлось обогнуть весь домъ и перейти черезъ дворъ. На срединѣ дороги, Кастельтауерсъ вдругъ остановился.

Маленькое круглое отверстіе блестяло въ той части головы пѣтуха, гдѣ долженъ былъ быть глазъ.

При видѣ нѣмага изумленія своего друга, Саксенъ разразился громовымъ хохотомъ, словно юный великанъ.

— Вотъ видите, воскликнулъ онъ: — я говорилъ, что глазъ украситъ эту птицу. Теперь вы понимаете, почему я не хотѣлъ состязаться съ другими. Мы, швейцарцы, стрѣляемъ съ дѣтства, съ той минуты, какъ намъ подъ силу держать ружье; я не хотѣлъ портить забавы другимъ. Это было бы нечестно.

XXXIII.

Стрѣльба въ цѣль.

Въ половинѣ третьяго, открытый экипажъ подѣхалъ къ приготовленной аренѣ и изъ него выпли четыре дамы. Ихъ принялъ лордъ Кастельтауерсъ и проводилъ на отведенныя для нихъ мѣста. Мисъ Колонна помѣстилась на среднемъ креслѣ, которое, будучи выставлено немного впередъ и снабжено скамейкой, торжественно именовалось треномъ. Не успѣли онѣ еще достигъ своихъ мѣстъ, какъ подѣхали еще два экипажа; въ первомъ была леди Арабела Валькипшо и мисъ Гатертонъ, во второмъ мистрисъ Кодоганъ, жена седжбрукскаго пастора, съ двумя дочерьми. Послѣдняя, узнавъ о приготовленіяхъ въ паркѣ, приѣхала нарочно для того, чтобъ посмотреть на любопытное зрѣлище, но леди Арабела явилась уже для дальнѣйшаго развитія своего маленькаго matrimonіальнаго плана и ей дѣла не было ни до какихъ другихъ забавъ. Поэтому, подѣхавъ къ замку, она съ большимъ неудовольствіемъ услышала, что леди Кастельтауерсъ не дома, а въ паркѣ, гдѣ джентльмены устроили состязанія и буда приказано приглашать всѣхъ гостей. Мисъ Гатертонъ была однако въ восторгѣ.

— Это восхитительно, воскликнула она на дорогѣ къ аренѣ.— Вы не можете себѣ представить, какъ я рада, леди Арабела!

— Ну, такъ и я очень рада, отвѣчала леди Арабела съ любезной улыбкой.

— Я болѣе всего на свѣтѣ люблю подобныя состязанія, продолжала мисъ Гатертонъ:— все равно, что-бъ тамъ ни было—гонки, скачки, маневры — только бы дѣло заключалось въ силѣ, ловкости и быстротѣ. Я не пропустила ни одной дербійской скачки въ послѣдніе пять лѣтъ, а что касается до римскаго карнавала, то я въ немъ одно только и цѣню—скачку. Жаль только, что вмѣсто лошадей не ѡбгаютъ жиды. Это было бы въ тысячу разъ забавнѣе.

— Какія вы смѣшныя, промолвила леди Арабела: — а я бы желала знать, приметъ ли участіе въ этихъ играхъ мистеръ Трефольденъ.

— Конечно, и будьте увѣрены, онъ побѣдитъ всѣхъ. Онъ быстръ какъ серна, я ужъ это знаю.

— Я надѣюсь, что они не будутъ стрѣлять, замѣтила леди Арабела съ легкимъ вздрагиваніемъ.

— А я ничего такъ не желаю, какъ чтобъ они стрѣляли, воскликнула мисъ Гатертонъ: — но вѣдь вы знаете, что у меня совсѣмъ нѣтъ нервовъ. О, да, это великолѣпно — цѣлая толпа.

Дѣйствительно, была толпа. Вѣсти распространяются быстро, словно прилипчивая болѣзнь. Вся окрестность уже знала о праздникѣ въ паркѣ и всѣ почти сосѣдніе фермеры и лѣсничіе сбѣжались на арену задолго до назначеннаго часа. Что же касается до женщинъ и дѣтей, то лишь одной полигаміей можно было объяснить ихъ громадное количество.

— Леди Арабела Вальбиншо и мисъ Гатертонъ! воскликнулъ лордъ Кастельтауерсъ, подбѣгая къ экипажу и отворяя дверцы: — вотъ счастливый случай. Вы вѣроятно заѣзжали въ замокъ къ матушкѣ?

— Да, и не имѣли ни малѣйшаго понятія, что очутимся на такомъ праздникѣ, отвѣчала леди Арабела, любезно раскланиваясь съ дамами, сидѣвшими уже въ трибунѣ.

— Почему вы не сказали намъ объ этомъ вчера, нехорошій вы человекъ? замѣтила мисъ Гатертонъ.

— Потому что я самъ тогда не зналъ, отвѣчалъ лордъ: — это совершенная импровизація.

— Ну, и что вы намѣрены дѣлать?

— Всего понемногу — стрѣлять, прыгать, ѡбгать; но я вамъ сейчасъ достану программу. Пожалуйста, я вамъ отведу мѣсто рядомъ съ матушкой.

Съ этими словами онъ подалъ руку леди Арабелѣ и проводилъ обѣихъ дамъ на почетныя мѣста.

— А гдѣ состязатели? спросила мисъ Гатертонъ, поздоровавшись со всѣми и усѣвшись на свое мѣсто: — главное же, гдѣ мой новый другъ, благородный диварь?

— Трефольденъ! Онъ въ нашей палаткѣ, вонъ тамъ. Весь этотъ праздникъ—его идея.

— И великолѣпная идея. Но вѣдь онъ васъ всѣхъ побьетъ.

— Конечно, еслибъ онъ состязался, но онъ не хочетъ отвѣчать Кастельтауерсъ.

— Не хочетъ состязаться? воскликнула мисъ Гатертонъ.

— Да, отказался отъ всѣхъ состязаній, кромѣ послѣдняго — одномыльпаго бѣга, въ которомъ мы всѣ участвуемъ.

— Я никогда не слыхивала ничего подобнаго! произнесла съ негодованіемъ богатая наслѣдница.— Это все равно, что еслибъ на дербійскихъ скачкахъ въ послѣднюю минуту вывели съ арены первую лошадь. А я еще хотѣла держать на него пари! Нѣтъ, право, никогда въ жизни я не испытывала такого тяжелаго разочарованія. Да какую же причину онъ приводитъ?

— Онъ говорить, что давно не практиковался, отвѣчалъ очень нерѣшительно Кастельтауерсъ.

— Пустяки. Не эта причина побудила его отказаться. А я понимаю, въ чемъ дѣло. Онъ зналъ, что съ нимъ состязаться никто не можетъ, и потому не хотѣлъ испортить удовольствіе другимъ и взять одинъ всѣ призы.

— Неужели вы это думаете? вдругъ вмѣшалась въ разговоръ синьора Колонна.

— Да, я въ этомъ увѣрена. Но что скажетъ лордъ Кастельтауерсъ?

— Я скажу, что мисъ Гатертонъ совершенно права, и я имѣю на это доказательства. Трефольденъ могъ бы написать свое имя пулями на той цѣли, еслибъ только захотѣлъ, но онъ не хочетъ.

Мисъ Гатертонъ обернулась къ синьорѣ Колоннѣ; глаза ея восторженно блестя.

— Вотъ настоящее-то благородство! воскликнула она.

— Да, я еще не видывалъ на свѣтѣ такого великолѣпнаго челоука, прибавилъ Кастельтауерсъ.

Но синьора Колонна ничего не сказала.

— Я бы желала его видѣть, приведите-ка его сюда, лордъ Кастельтауерсъ, сказала богатая наслѣдница: — я ужасно люблю съ нимъ болтать, онъ такой забавный!

— Погодите немного, вы наговоритесь съ нимъ вдоволь, со смѣхомъ отвѣчалъ лордъ: — но онъ судья въ стрѣльбѣ и теперь

мы его отпустить не можемъ. Но извините, вонъ еще экипажъ съ дамами, я вѣдь здѣсь церемоніймейстеръ.

И онъ побѣждалъ принимать Кадогановъ.

Такъ-какъ назначенный срокъ не только насталъ, но и миновалъ и зрителей набралось множество, то рѣшено было начать состязанія.

Лордъ Кастельтауерсъ отправился черезъ арену въ палатку и черезъ нѣсколько минутъ появился съ патронташемъ черезъ плечо и ружьемъ въ рукахъ. За нимъ слѣдовали точно также вооруженные пятеро другихъ молодыхъ людей, и Саксенъ Трефольденъ, который въ качествѣ судьи занялъ безопасное мѣсто направо отъ цѣли. Мисъ Гатертонъ внимательно смотрѣла въ зрительную трубку, пока любители-артисты выстраивались въ двѣнадцать рядовъ отъ трибуны, спиною къ зрителямъ.

— Боже мой! Какъ они близко отъ насъ, воскликнула леди Арабела, съ той милой робостью, которая гораздо очаровательнѣе въ восемнадцать лѣтъ, чѣмъ въ сорокъ-восемь:—я надѣюсь, что здѣсь неопасно.

— Не беспокойтесь, отвѣчала мисъ Гатертонъ:— никогда не стрѣляютъ назадъ. А! начинается майоръ Воанъ... и отличный ударъ... почти у самого центра. А кто этотъ красивый мужчина направо?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ синьорѣ Колоннѣ, но она ничего не отвѣчала. Олимпія слышала слова, но какъ-бы не поняла ихъ; глаза ея точно также были устремлены на цѣль, но она ничего не видѣла. Она вся была погружена въ мысли, должно быть очень грустныя, судя по тому, какъ губы ея были сжаты, а пальцы судорожно мали программу состязанія.

Мисъ Гатертонъ обернулась къ ней, чтобъ повторить свой вопросъ, но увидавъ странное выраженіе лица Олимпіи, замолчала. Это выраженіе, такъ поразившее ее, было дѣйствительно необыкновенно, и рѣдко случается встрѣчать подобное; оно не выказывало ни полной рѣшимости, ни совершенной безнадежности, ни вызывающаго на бой мужества, но все это въ немъ было соединено съ прибавленіемъ еще чего-то, которое могло быть принужденіемъ или отчаяніемъ.

Любопытство мисъ Гатертонъ было до того возбуждено, что впродолженіе двухъ или трехъ секундъ она пристально наблюдала за синьорой Колонной, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на стрѣлковъ. Такимъ образомъ она упустила нить состязанія, въ чемъ, конечно, ни одна изъ дамъ, сидѣвшихъ въ трибунѣ, не могла ей помочь. Онѣ видѣли стрѣлковъ и черныя мѣтки въ цѣли, но не имѣли ни малѣйшаго понятія, въ какомъ порядкѣ были сдѣ-

даны выстрѣлы и къмъ именно изъ состязателей. Недоумѣнія мистрисъ синьоры, однако, скоро были разрѣшены торжественнымъ объявленіемъ, что сэръ Чарльсъ Бургойнъ взялъ призъ. Черезъ нѣсколько минутъ сэръ Чарльсъ Бургойнъ явился къ трибунѣ и получилъ призъ изъ рукъ синьоры Колонны съ самымъ небрежнымъ видомъ.

— Вы не раздѣляете моей страсти къ подобнымъ зрѣлищамъ, мисъ Колонна? сказала богатая наслѣдница въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ состязаніемъ. Странное выраженіе теперь исчезло съ лица Олимпіи, но мисъ Гатертонъ никакъ не могла его забыть и дорого бы дала, чтобъ понять его.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь; они мнѣ кажутся очень интересными, отвѣчала Олимпія.

— Но, конечно, они должны имѣть гораздо менѣе интереса для васъ, чѣмъ для меня. Всѣ ваши сочувствія сосредоточены на одномъ великомъ дѣлѣ, и мелочи не обращаютъ на себя вашего вниманія.

— Можетъ быть, сказала Олимпія, съ улыбкой.

— Я надѣюсь, что вы не имѣете дурныхъ извѣстій изъ Италіи?

— Извѣстія теперъ нехороши и нехуды. Всѣ сердца, сочувствующія нашему святому дѣлу, томятся ожиданіемъ.

— Вы, кажется, чѣмъ-то очень озабочены? сказала мисъ Гатертонъ, добродушно, но съ явнымъ желаніемъ выпытать что-нибудь отъ Олимпіи: — право, я никогда не видала такого озабоченнаго лица, какъ ваше. Вы даже почти не смотрѣли на стрѣльбу.

Лицо Олимпіи мгновенно покрылось яркимъ румянцемъ, который, однако, тотчасъ смѣнился еще большею блѣдностью, чѣмъ прежде.

— Я довольно сильна, чтобъ перенести тѣ заботы, которыя выпадаютъ на мою долю, отвѣчала она холодно.

Между тѣмъ участвующіе во второй стрѣльбѣ вышли на арену и разговоръ прекратился. На этотъ разъ состязателей всего было четверо—лордъ Кастельтауерсъ, сэръ Чарльсъ Бургойнъ, майоръ Воанъ и лейтенантъ Торрингтонъ. Каждый стрѣлялъ по очереди по пяти разъ. Со второго круга уже стало ясно, что Воанъ, несмотря на то, что былъ хорошей стрѣлкой, былъ гораздо ниже Кастельтауерса и Бургойна; что-жь касается до Торрингтона, то о немъ нечего было и говорить. Мисъ Гатертонъ и синьора Колонна были единственными дамы, которыя слѣдили за стрѣльбой. Чѣмъ дѣло шло далѣе, и чѣмъ очевиднѣе становилось, что побѣда колеблется между Бургойномъ и Кастельтауерсомъ, мисъ Гатертонъ все болѣе и болѣе волновалась.

— Держу пари на десять противъ одного, воскликнула она:—

посмотрите, какой онъ хладнокровный! посмотрите, какъ онъ твердо держитъ ружье... хотите десять противъ одного? Гинея или перчатка? все равно! Неужели никто не хочетъ со мной биться объ закладъ? Клянусь, онъ попадетъ въ самую середину! Побейте его, если можете, сэръ Чарльсъ.

— Онъ не побьетъ его, сказала Олимпія, тихимъ, полнымъ чувства голосомъ.

Мисъ Гатертонъ взглянула на нее; но она была слишкомъ глубоко заинтересована стрѣльбою, чтобы сосредоточить долго вниманіе на чемъ нибудь другомъ. Однако, она замѣтила полуоткрытыя губы Олимпіи и страстный взглядъ ожиданія, блестящій въ ея глазахъ, и вспомнила объ этомъ впоследствии.

До сихъ поръ лордъ Кастельтауерсъ и сэръ Чарльсъ были довольно равны. У Кастельтауерса было восемнадцать, у сэра Чарльса четырнадцать, но послѣднему еще предстояло стрѣлять, и еслибы онъ попалъ въ центръ, то совершенно сравнялся бы съ лордомъ и имъ бы слѣдовало стрѣлять снова, чтобы рѣшить, за кѣмъ останется побѣда.

Минута была торжественная. Сэръ Чарльсъ тихо, медленно поднялъ ружье и два раза прицѣливался, прежде чѣмъ выстрѣлить. Выстрѣлъ былъ великолѣпный, пуля попала подлѣ самаго центра, но все же не въ самый центръ. Онъ промахнулся на одну шестнадцатую дюйма.

Зрители, окружавшіе арену, огласили воздухъ криками радости, что побѣду одержалъ ихъ помѣщикъ. Молодые же люди, неучаствовавшіе въ стрѣльбѣ, бросились къ цѣли, чтобы ближе посмотреть на удары, а Саксенъ, не обращая вниманія на то, что слышалъ ли его Бургонъ или нѣтъ, воскликнулъ съ жаромъ, пожмая руку Кастельтауерса:

— Я такъ радъ, такъ сердечно радъ, что вы взяли призъ! мнѣ очень хотѣлось, чтобы эти пистолеты достались вамъ.

Мисъ Колонна встрѣтила съ очень холодной, небрежной улыбкой лорда Кастельтауерса, когда онъ подошелъ къ трибунѣ, чтобы получить призъ; но рука ея дрожала, и мисъ Гатертонъ замѣтила это.

XXXIV.

КАКЪ ЦАРИЦА КРАСОТЫ НАГРАДИЛА СВОЕГО ВЪРНАГО
РЫЦАРИ.

Послѣ стрѣльбы были исполнены слѣдующія по программѣ состязанія: любители-атлеты прыгали черезъ препятствія и бѣгали взапуски на разстояніи ста ярдовъ; въ прыганьѣ призъ взялъ

мистеръ Гай Гревиль, въ бѣганѣ майоръ Воанъ, опередившій всѣхъ на четыре ярда. Теперь оставался только большой одномильный бѣгъ. Передъ этимъ послѣднимъ торжествомъ, объявленъ былъ антрактъ въ полчаса. Молодые люди окружили трибуну и представляли очень пестрое зрѣлище своими разноцвѣтными куртками, бѣлыми панталонами и пальто всевозможнаго вида. Лакеи между-тѣмъ разносили мадеру и бисквиты. Дамы поздравляли побѣдителей и побѣдители поздравляли другъ друга. Зрители за веревками, отдѣлявшими арену, ходили взадъ и впередъ и изъ почтенія къ высокимъ особамъ въ трибунѣ, вполголоса держали пари. Въ самой трибунѣ общество раздѣлилось на отдѣльные кружки. Одинъ изъ такихъ кружковъ состоялъ изъ лэди Арабелы Валькиншо, лэди Кастельтауреръ и ея сына.

— Воанъ хорошо бѣжалъ, не правдали? сказалъ лордъ:—а думалъ одну минуту, что Гревиль перегонитъ его, но Воанъ бѣжалъ ровнѣе и не задыхался, вотъ почему онъ и взялъ!

— Ты бы лучше, Джервезъ, толковалъ объ этомъ со своими товарищами, сказала холодно лэди Кастельтауреръ:—ты забываешь, что дамы не могутъ вполнѣ оцѣнить подобныхъ вещей.

— Виноватъ, матушка, но вѣдь такъ естественно говорить о томъ, что всѣхъ теперь интересуешь, отвѣчалъ ея сынъ:—я надѣюсь, что васъ это забавляетъ, лэди Арабела?

— О, да, очень—то-есть когда не стрѣляютъ.

— Но въ стрѣльбѣ, по крайней-мѣрѣ, нѣтъ ничего неприличнаго, замѣтила графиня.

— Я надѣюсь, что вы не считаете, матушка, неприличными наши атлетическія игры? спросилъ лордъ.

— Для джентльменовъ онѣ положительно неприличны, для дѣтей и мужиковъ нѣтъ.

— Но вѣдь у джентльмена столько же мускуловъ и такіе же сильные, какъ у мужиковъ. Джентльменъ цѣнитъ силу и быстроту столько же, а иногда и болѣе, чѣмъ знаніе въ греческомъ и латинскомъ языкахъ; и какъ тѣ, такъ и другіе необходимо надо поддерживать постоянной практикой.

— Я не намѣрена съ тобой спорить, произнесла торжественно лэди Кастельтауреръ:—знай только, что я цѣню ловкость болѣе силъ и не вижу ничего хорошаго въ томъ, чтобъ съ полдюжины порядочныхъ людей бѣгали какъ угорѣлые для забавы толпы мужиковъ.

— Нѣтъ, матушка, мы это дѣлаемъ для своего и вашего удовольствія, возразилъ вѣжно молодой человѣкъ:—мы еще никогда не закрывали воротъ нашего парка для этихъ добрыхъ людей,

но въ присутствіе здѣсь сегодня не имѣть никакого вліянія на наши игры.

Онъ провзнесъ эти слова очень почтительно, но тѣмъ не удовольствія пробѣжала по его лицу и онъ послѣшно отошелъ въ ту сторону, гдѣ мисъ Гатертонъ болтала безъ умолка съ Саксеномъ Трефольденомъ.

— Я долго не прошу вамъ сегодняшняго утра, говорила она:— вы могли всѣхъ побить, еслибъ хотѣли. Это только нелѣпое дон-кихотство, и я ужасно на васъ сердита. Ну, не защищайтесь. Лордъ Кастельтауеръ съ мнѣ все рассказалъ. Лучше молчите.

— Лордъ Кастельтауеръ никогда не видалъ, какъ я прыгаю или бѣгаю, воскликнулъ Саксенъ:— онъ не знаетъ, что я могу сдѣлать, и чего я не могу.

— Я здѣсь на лицо, и отвѣчу за себя, сказалъ лордъ, ударяя по плечу Саксена.—Я знаю, дѣйствительно *знаю*, что вы можете всадить пулю въ вертящуюся флюгарку на разстояніи пятисотъ ярдовъ.

— Ловкая штука, и больше ничего.

— Нѣтъ, искусство нельзя смѣшивать съ ловкими штуками, точно также, какъ воровство платковъ съ фокусами. Я совершенно раздѣляю мнѣніе мисъ Гатертонъ, и вполне убѣжденъ, что вы могли бы побить насъ всѣхъ, еслибъ только захотѣли.

— Вы скоро убѣдитесь въ своей ошибкѣ, когда я останусь позади всѣхъ, сказалъ съ нетерпѣніемъ Саксенъ:—я бы никому не совѣтовалъ держать пари за меня.

— А я намѣрена держать пари, и огромныя, сказала мисъ Гатертонъ.

— Пожалуйста, не держите, вы навѣрно потеряете свои деньги.

— Я не вѣрю; а если и проиграю, то платить заставляю васъ, такъ-какъ, конечно, вы нарочно отстанете отъ другихъ.

Въ эту минуту подошло нѣсколько молодыхъ людей и разговоръ снова возвратился къ прежнимъ состязаніямъ.

— Мистеръ Трефольденъ, спросила синьора Колонна:—скажите пожалуйста, сколько круговъ вы должны сдѣлать въ одномильномъ бѣгѣ?

Синьора Колонна сидѣла подлѣ мисъ Гатертонъ, но нѣсколько впереди, по праву царицы праздника. Чтобы отвѣчать ей, Саксенъ отошелъ отъ группы, обружавшей богатую наслѣдницу.

— Ровно шесть, синьора, сказалъ онъ, приближаясь къ стѣнкѣ ея стула.

— Подойдите ко мнѣ, мистеръ Трефольденъ, съ той стороны, сказала вполголоса Олимпія:—я имѣю вамъ что-то сообщить.

Изумленный этими словами, молодой человѣкъ однако обошелъ

стулъ и появился съ лѣвой стороны, какъ желала синьора Колонна.

— Вы будете дѣйствительно состязаться въ одноименномъ бѣгѣ? спросила она.

— Я записался наравнѣ съ другими, отвѣчалъ Саксенъ.

— Такъ вы, конечно, намѣрены побѣдить, если можете?

Саксенъ взглянулъ на нее въ нѣкоторомъ смущеніи.

— Я записалъ свое имя, но я все же не знаю, буду ли бѣжать или нѣтъ. Кто нибудь да долженъ же служить судьей; а я это предпочелъ бы бѣганью.

— Но я бы желала, чтобъ вы бѣжали, мистеръ Трефольденъ, произнесла Олимпія, еще болѣе понижая голосъ:—я хочу, чтобъ вы достали мнѣ кошелекъ съ двадцатью гинеями, для моей милой Италіи.

— Онъ будетъ вашъ и Италіи, все равно, кому-бъ онъ ни достался.

— Я знаю, мистеръ Трефольденъ.

— Такъ не все ли вамъ равно, если я или кто другой возьметъ призъ? спросилъ Саксенъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, не все равно, отвѣчала Олимпія, неожиданно взглянувъ ему прямо въ глаза.

Саксенъ почувствовалъ какое-то странное, непонятное для него смущеніе.

— Не все равно? повторилъ онъ.

— Сказать вамъ, отчего?

— Да, пожалуйста.

— Вы общаетесь, если я скажу, взять для меня призъ?

— Я не знаю... я постараюсь.

— Я болѣе ничего не спрашиваю; если вы дѣйствительно постараетесь, то я увѣрена въ побѣдѣ. Ну, такъ я хочу, чтобъ призъ взяли вы, а не другой—потому вѣроятно, что я женщина, а всѣ женщины капризны.

Саксенъ взглянулъ на нее въ недоумѣніи.

— Я не думаю, чтобъ вы были капризны, сказалъ онъ.

— Неужели? Такъ вы это думаете только потому, что вы мужчина, а мужчины всѣ суетны и тщеславны. Вотъ вамъ дѣйствительныя истины.

— Но я не вижу ихъ практическаго примѣненія, отвѣчалъ Саксенъ со смѣхомъ:—зачѣмъ меня упрекаютъ въ тщеславіи, когда я отказываюсь считать синьору Колонну капризной женщиной.

— Вы сегодня, мистеръ Трефольденъ, или очень тупы, или уже чересчуръ хитры.

— Я знаю, что я не мистеръ, и потому вѣроятно я очень тупъ.

— Если ваши ноги не быстрѣе вашего соображенія, то наврядъ-ли вы возьмете призъ. Какой это звонокъ?

— Это сигналъ собраться, отвѣчалъ Саксенъ: — я долженъ идти, а вы все же мнѣ ничего не сказали.

— Но я вамъ сказала, что женщины капризны.

— Ну, такъ что?

— Мы иногда цѣнимъ тотъ же цвѣтокъ изъ рукъ одного болѣе, чѣмъ изъ рукъ другого... и быть можетъ, я такъ капризна, что предпочитаю получить призъ изъ вашихъ рукъ. Но, вонъ второй звонокъ. Ступайте и принесите мнѣ призъ.

Тонъ, которымъ это было сказано, жестъ полувнушительный, полуповелительный, блестящая улыбка — все это перевернуло бы голову и постарше головы Саксена. Онъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, не зная что говорить, и сердце въ немъ дрогнуло, онъ самъ не зная отчего.

— Если вы не поспѣшите, то опоздаете, сказала Олимпія: — хотите, я вамъ дамъ свою перчатку въ знакъ того, что вы мой рыцарь. Будьте вѣрнымъ рыцаремъ и заслужите эту награду.

Едва переводя духъ, словно опьянѣвъ отъ восторга, молодой человѣкъ, прижавъ къ губамъ перчатку, перепрыгнувъ черезъ веревку и полетѣлъ къ мѣсту, гдѣ собирались состязатели. Ему казалось, что на ногахъ у него были брылатныя сандалии Гермеса, что голова его касалась облаковъ, и что воздухъ былъ пропитанъ солнечнымъ сіяніемъ. Очаровательно было это сознаніе восторга, и совершенно ново.

Но не такъ чувствовала себя Олимпія Колонна. Саксенъ не успѣлъ еще соскочить съ трибуны, какъ румянецъ и улыбка мгновенно исчезли съ ея лица. Она откинулась на спинку кресла съ видомъ страшной грусти и изнеможенія, и тяжело вздохнула. Во все это время три человѣка наблюдали за нею, но она была погружена въ такія грустныя думы, что ничего не замѣчала. Люди эти были: леди Кастельтауерсъ, синьоръ Колонна, который только что пришелъ и стоялъ облокотясь на кресло дочери, и мисъ Гатертонъ. Ни одинъ изъ этихъ трехъ не пропустилъ безъ вниманія ея грустный взглядъ и тяжелый вздохъ.

XXXV.

Браво, Антиной!

Оба брата Пультенэ не принимали участія въ бѣгу, ибо одинъ долженъ былъ быть судьей, а другой — регуляторомъ,
Т. СLXVII. — Отд. I.

обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобъ пистолетнымъ выстрѣломъ подать сигналъ къ началу бѣга, и потомъ наблюдать по часамъ, во сколько времени каждый пробѣжитъ мимо.

Между тѣмъ, восемь состязателей были разставлены одинъ подлѣ другого, подѣ самой трибуной; рукава ихъ шерстяныхъ фуфаякъ были засучены, руки согнуты въ локтяхъ, кулаки сжаты, на лицахъ выражалось самое пламенное нетерпѣніе, они казались сворой охотничьихъ собакъ. Изъ всѣхъ самые красивыя и рослыя были Саксенъ Трефольденъ и сэръ Чарльсъ Бургойнъ. Сэръ Чарльсъ былъ красивѣе Саксена, но зато Саксенъ былъ немного выше его, и много шире его въ плечахъ.

По справедливости, мисъ Гатертонъ могла его назвать золотымъ Антиноемъ; только онъ былъ Антиноемъ большихъ размѣровъ, чѣмъ капитолийскій Антиной съ геркулесовскою силой и быстротою.

За исключеніемъ лорда Кастельтауерса, у котораго фуфайка была бѣлая, какъ его панталоны, всѣ молодые люди отличались цвѣтами своихъ фуфаякъ. У Саксена была полосатая, розовая съ бѣлымъ, у Бургойна — голубая съ бѣлымъ, у Воана — желтая съ бѣлымъ, и такъ далѣе.

Наконецъ, все было готово. Арена была очпшена, зрители стояли въ безмолвномъ ожиданіи, бойцы въ какомъ-то страстномъ нетерпѣніи. Вдругъ Пультенъ поднялъ руку и выстрѣлилъ на воздухъ. Въ ту же секунду, всѣ восемь состязателей бросились впередъ, и бѣгъ начался.

Они еще не успѣли тронуться съ мѣста, какъ Саксенъ опередилъ всѣхъ; онъ бѣжалъ легко, стойко, высоко поднимая голову, въ волосахъ которой играло яркое лѣтнее солнце. Онъ, очевидно, бѣжалъ безо всякаго усилія, и однако, въ три или четыре прыжка, оставилъ всѣхъ своихъ товарищей позади себя, по крайней-мѣрѣ, на десять футовъ. Вслѣдъ за нимъ бѣжали, почти рядомъ, лордъ Кастельтауерсъ, Бургойнъ и Воанъ, а немного подалѣе, Эдвардъ Брандонъ, который, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, бѣжалъ очень порядочно сначала, но вслѣдствіе недостатка физической силы, совершенно отсталъ въ концѣ первыхъ трехсотъ ярдовъ. Торингтонъ, Грэвилъ и Пеламъ Гей, составили арьергардъ. Въ этомъ порядкѣ они пробѣжали первый кругъ. На второмъ же, въ ту самую мнуту, какъ они поравнялись съ трибуной, лордъ Кастельтауерсъ сдѣлалъ усиліе и обогналъ Саксена на три или на четыре фута. Въ ту же минуту, Воанъ и Бургойнъ значительно прибавили шагу, и оставили далеко за собою четырехъ остальныхъ.

Вскорѣ Брандонъ, который въ послѣднія секунды, очевидно,

находився въ отчаянномъ положеніи, неожиданно запатався и упавъ на землю, блѣдный, едва переводя духъ.

Между тѣмъ, Саксенъ нисколько не прибавилъ шагу и не пытался возвратить себѣ передовое мѣсто; онъ бѣжалъ также ровно и тѣмъ же шагомъ весь второй кругъ. Однако, когда они начинали третій кругъ, Саксенъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Кастельтауерсъ перегналъ его, подался впередъ, и разомъ оставилъ своего друга ярда на три позади.

Торингтонъ, Гревиль и Гей теперь совершенно отстали, и одинъ за другимъ сошли съ арены, такъ что состязателями остались только Кастельтауерсъ, Саксенъ, Воанъ и Бургойнъ. Но вотъ послѣдніе два набѣжали другъ на друга, и съ быстротой молніи распростерлись на землѣ; но черезъ секунду они уже снова были на ногахъ и летѣли впередъ.

На четвертомъ кругу Кастельтауерсъ поравнялся съ Саксеномъ. На пятомъ — Бургойнъ отказался отъ дальнѣйшаго состязанія, Воанъ едва переводилъ духъ, а Кастельтауерсъ снова обогналъ Саксена и пошелъ впередъ.

Полусдержанный ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ, кое-гдѣ раздались влики одобренія. Глаза всѣхъ были устремлены на бѣгущихъ. Всѣ головы повертывались съ каждымъ ихъ поворотомъ. Дамы встали съ мѣстъ, и пристально смотрѣли въ зрительныя трубки. Теперь было только трое: бѣлая рубашка, розовая и желтая; но бѣлая и розовая, дѣлили между собою сочувствіе зрителей, на желтую никто не обращалъ вниманія.

Кругъ былъ оконченъ, и атлеты приближались къ трибунѣ. Слѣдующій кругъ былъ шестой и послѣдній. Вниманіе зрителей возрасло до лихорадочнаго безпокойства. Ропотъ толпы превратился въ оглушительный крикъ, мужчины махали шляпами, дамы платками, даже сама леди Кастельтауерсъ протянула впередъ голову, съ видомъ искренняго участія.

Вотъ они приближаются — впереди Кастельтауерсъ, въ бѣлой фуфайкѣ, блѣдный какъ мраморъ, тяжело переводя духъ, съ дрожащими губами, и насупленными бровями; очевидно, что онъ держится впереди, только благодаря своей энергіи, не силѣ. За нимъ шель Саксенъ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ; онъ бѣжалъ легко, сдержанно, и казался столь же свѣжимъ, какъ въ первую минуту; смотря на него, вы были увѣрены, что онъ въ состояніи пробѣжать сколько угодно миль, нимадо не уставъ. Воанъ бѣжалъ третьимъ; онъ совершенно изнемогалъ, и отсталъ отъ первыхъ двухъ, по крайней-мѣрѣ на двадцать сажень.

— Боже мой! воскликнула мисъ Гатертонъ видя себя отъ волненія:—зачѣмъ онъ позволяетъ лорду Кастельтауерсу идти впереди?

— Затѣмъ, что не можетъ помѣшать, отвѣчала Олимпія съ презрительной улыбкой торжества. Она совершенно забыла, что Саксенъ былъ ея избраннымъ рыцаремъ, и всѣ ея сочувствія сосредоточивались на лордѣ Кастельтауерсѣ.

— Пустяки! Ему стоить только прибавить немного шагу, и онъ возьметъ призъ. Лордъ уже почти... Ну, вотъ! вотъ, я вамъ говорила! Bravo, Антонио!

Въ эту минуту они приблизились къ трибунѣ, Саксенъ бросилъ на Олимпию восторженный взглядъ. махнулъ ей рукой, и гордо поднявъ голову, какъ боевой конь, бросился впередъ. Онъ полегѣлъ, словно на ногахъ его дѣйствительно были крылья, и обогналъ Кастельтауерса такъ же легко, какъ конный обгоняетъ пѣшаго. До этой минуты бѣгъ, серьезный для всѣхъ остальныхъ — былъ пустой шуткой для него. До этой минуты онъ бѣжалъ нехотя, не стараясь выказаться. Теперь онъ пронесся мимо изумленныхъ зрителей, какъ метеоръ. Ноги его какъ-бы не касались земли, тѣло словно разрѣзало воздухъ. Шумные крики восторга огласили воздухъ, и посреди неописаннаго восторга толпы, Саксенъ сдѣлалъ шестой кругъ, и уже стоялъ передъ трибуной, прежде чѣмъ Кастельтауерсъ пробѣжалъ только треть арены.

— Взялъ на сто-восемнадцать сажень! воскликнулъ Пультенэ! Послѣдній кругъ въ тридцать-одну секунду съ половиной! клянусь, сэръ, что я этому никогда бы не повѣрилъ, еслибъ не видѣлъ собственными глазами.

Саксенъ громко разсмѣялся.

— Я могъ бы то же сдѣлать вверхъ — въ гору, сказалъ онъ совершенно спокойно.

Но что же сказала Олимпія Колонна своему вѣрному рыцарю, когда онъ, получивъ призъ изъ ея рукъ, торжественно положилъ его къ ея ногамъ? Должно быть, она вспомнила въ время, что Саксенъ былъ ея рыцарь, и забыла, какъ она неблагогородно сочувствовала другому во время бѣга. Должно быть, ея присутствіе было нѣжно, опьяняюще, ядовито-нѣжно, если судить по пламенному блеску глазъ Саксена, когда онъ, низко поклонившись, отошелъ въ сторону.

XXXVI.

Эльтон-Гаузъ, Кенсингтонъ.

Мистеръ Абель Кэввичъ, имѣя въ карманѣ адресъ частной квартиры Вильяма Трефольдена, чувствовалъ то же самое, что Адрианъ IV, видя у своихъ ногъ гордаго Барбаросу. Онъ былъ убѣжденъ, что частная жизнь его патрона срываетъ какую-ни-

Будь мрачную тайну. Онъ зналъ очень хорошо, что такой практической человѣкъ, какъ Вильямъ Трефольденъ, не станетъ окружать себя таинственностью, если ему нечего таить; и ключъ къ узнаванію этого нѣчто былъ у него теперь въ рукахъ. Ему никогда не входило въ голову, чтобы Трефольдену могло быть неприятно влѣшательство писцовъ въ его частную жизнь иначе, какъ по какому нибудь побужденію. Еслибъ даже такая мысль и представлялась ему, онъ оттолкнулъ бы ее съ презрѣніемъ. То же самое сдѣлалъ бы, конечно, мистеръ Кидъ. Оба, и полицейскій сыщикъ и помощникъ стражачаго, слишкомъ хорошо знали темную сторону человѣческой натуры, чтобы приписать систематическую таинственность чему-нибудь другому, вромѣ скрытаго преступленія.

Итакъ, у него былъ адресъ дома, гдѣ жилъ его хозяинъ, адресъ—написанный собственноручно мистеромъ Кидомъ. Онъ понесъ его домой, и съ восторгомъ думалъ о своемъ сокровищѣ. Онъ никакъ не торопился дѣйствовать на основаніи этого драгоценнаго лоскута бумаги; онъ, по природѣ, никогда не торопился, и тѣмъ менѣе онъ могъ торпиться теперь въ такомъ пріятномъ, сладкомъ дѣлѣ, какъ мечь. Ее надо было приготовить тихонько, медленно, и ввухать ея сладости по частямъ, и какъ можно долѣе. Главное же, надо было хорошенько, основательно обдумать планъ дѣйствія, чтобы какая-нибудь пустая ошибка не испортила всего дѣла. Поэтому, онъ списалъ полученный адресъ въ свою памятную книжку, выучилъ его наизусть, повгорялъ тысячи и тысячи разъ, жилъ имъ, питался имъ, въ продолженіе многихъ дней, прежде чѣмъ рѣшился предпринять что нибудь.

Эльтон-Гаузъ, Кенсингтонъ.

Вотъ адресъ, который далъ ему мистеръ Кидъ. Эльтон-Гаузъ, Кенсингтонъ. Ни слова болѣе, ни слова менѣе. Это былъ адресъ, который не говорилъ ничего, не возбуждалъ никакихъ догадокъ. Эльтон-Вилла означалъ бы красивое, древнее жилище смѣшанной греко-готической архитектуры; Эльтон-Лоджъ былъ бы чинный, современный домъ, съ правильно-разбитымъ садомъ и большими воротами; Эльтон-Котеджъ оказался бы маленькимъ, уютнымъ убѣжищемъ, потонувшимъ въ зелени и цвѣтахъ; но Эльтон-Гаузъ не вызывалъ передъ глазами никакой картины. Эльтон-Гаузъ могъ быть и стариннымъ, и современнымъ жилищемъ, и большимъ, и маленькимъ, и аристократическимъ остаткомъ среднихъ вѣковъ, и образцомъ мѣщанской архитектуры нашихъ дней. Къ тому же, и самое предмѣстье, въ которомъ находился этотъ домъ, самый разнообразный кварталъ во всемъ Лондонѣ. Съ одной стороны тутъ встрѣчаются самыя новыя зданія, съ другой — самыя ста-

ринныя; тутъ великолѣпныя дачи, тамъ убогія жилища городскаго пролетаріата. Эльтон-Гаузъ могъ принадлежать и къ тѣмъ и къ другимъ зданіямъ; названіе это, повторимъ еще разъ, рѣшительно ни на что не наводило.

Однимъ словомъ, мистеръ Абель Кэввичъ сотни разъ перевертывалъ этотъ адресъ въ своемъ умѣ, какъ нѣкоторые люди перевертываютъ удивившее ихъ письмо, вмѣсто того, чтобъ просто распечатать.

Наконецъ, онъ рѣшился поѣхать въ Кенсингтонъ сдѣлать рекогносцировку. Прийдя къ этому рѣшенію въ одинъ прекрасный субботній вечеръ (въ этотъ день Трефольдень обыкновенно отпускалъ своихъ писарей въ пять часовъ), Абель Кэввичъ поспѣшно кончилъ всѣ свои дѣла, закрылъ контору ровно въ пять часовъ, и вмѣсто того, чтобъ идти къ Пентонвилю, пошелъ назадъ, и сѣлъ въ первый попавшійся гамерсместскій омнибусъ.

Вечеръ былъ отличный, теплый, солнечный, почти лѣтній. Кэввичъ зналъ, что деревья парка уже всѣ покрыты роскошной, ранней зеленью, и что воздухъ за Черинг-Кроссомъ восхитительный, поэтому ему очень хотѣлось сѣсть на имперіаль, но чувство осторожности взяло верхъ. Рисковать тѣмъ, что его замѣтатъ, значило подвергать опасности самое дѣло, которому онъ себя посвятилъ; итакъ, съ тяжелымъ вздохомъ онъ отказался и отъ чистаго воздуха и отъ прелестнаго вида, и помѣстился внутри, у самой двери.

Омнибусъ вскорѣ наполнился, и весело катилъ до кабачка «Бѣлой Лошадки», гдѣ всегда останавливаются на пять минутъ. Тутъ, какъ всегда, явился разносчикъ съ газетами, и вѣчная барыня, полчаса поджидавшая омнибусъ и тщетно умоляющая со слезами на глазахъ, чтобъ кто-нибудь изъ мужчинъ уступилъ ей мѣсто, а самъ пошелъ пѣшкомъ.

Кондукторъ затрубилъ, и омнибусъ снова покатился; на углу Слоан-Стритъ вышло нѣсколько пассажировъ, остальные же поѣхали далѣе по кенсингтонской дорогѣ, съ правой стороны которой простирается великолѣпный паркъ, а налѣво тянутся не менѣе великолѣпныя виллы.

— Выпусти меня при первомъ поворотѣ за Эльтон-Гаузомъ, сказала Абель Кэввичъ, обратясь къ кондуктору.

Онъ заранѣе взвѣсилъ каждое слово въ этой повидимому простой фразѣ, и произнесъ ее не прежде, какъ число пассажировъ значительно уменьшилось. Онъ зналъ, что кенсингтонская дорога тянется ровно на три мили, и потому хотѣлъ сойдти какъ можно ближе къ мѣсту своихъ поисковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было не-

обходимо не обнаруживать, что онъ ѣдетъ въ Эльтон-Гаузь или черезъ Эльтон-Гаузь, поэтому онъ такъ хитро и повернулъ фразу.

— Эльтон-Гаузь, сэръ, отвѣчалъ кондукторъ:—не знаю такого дома. Въ какой улицѣ?

Мистеръ Кэквичъ вынулъ письмо изъ кармана, и сталъ какъ будто искать въ немъ адресъ.

— Нѣтъ, тутъ не сказано улицы, произнесъ онъ съ неудовольствиемъ: — просто, первый поворотъ послѣ Эльтон-Гауза. Я же самъ никогда не бывалъ въ этой части Лондона.

Кондукторъ почесалъ за ухомъ, сомнительно покачалъ головой и крикнулъ кучеру:

— Ари, знаешь гдѣ Эльтон Гаузь?

— Эльтон-Гаузь? отвѣчалъ кучеръ:—нѣтъ, что-то не помнится.

— Я, кажется, слыхивалъ это названіе, замѣтилъ какой-то юноша, садѣвшій на козлахъ.

— Я увѣренъ, что гдѣ-то видѣлъ подобную надпись, прибавилъ другой пассажиръ, нагнувшись внизъ съ имперіала.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя Кэквичъ могъ получить о предметѣ, такъ глубоко его интересовавшемъ. Его хитрость не удалась. Очевидно было, что Эльтон-Гауза нельзя было найти безъ старательныхъ поисковъ. Дѣлать нечего, было очень досадно, но приходилось собирать самому положительныя справки объ этомъ таинственномъ домѣ. Но въ ту самую минуту, какъ онъ рѣшился на это, омнибусъ поравнялся съ Кенсингтонскими воротами и кондукторъ задалъ тотъ же вопросъ сборщику дорожной пошлины, какъ и кучеру.

— Дэви, знаешь Эльтон-Гаузь?

Сборщикъ, невзрачный малый въ мѣховой шапкѣ и съ соломенной въ зубахъ, указалъ пальцемъ черезъ плечо и неохотно промолвилъ:

— Тамъ, гдѣ-то, близь Слэдс-Лэна.

Услыхавъ это, мистеръ Кэквичъ просіялъ, и спросилъ чтобы его выпустили у Слэдс-Лэна, гдѣ бы это ни было.

Слэдс-Лэнь оказался узкимъ, извилистымъ жереукомъ, который съ большой дороги приводилъ къ открытымъ полямъ и огородамъ. По одной сторонѣ только возвышались дома, а по другой тянулись высокія стѣны садовъ съ нависшими надъ ними деревьями и кое-гдѣ лишь видѣлась закрытая калитка.

Жилища въ этомъ жереукѣ были различной величины, хотя всѣ очень малы. Передъ каждымъ былъ садикъ, въ которомъ играли дѣти, на нѣкоторыхъ окнахъ были наклеены билеты; вообще, по виѣшнему виду тутъ вѣроятно жили самые скромные ремесленники, такъ что трудно было себѣ предста-

вить болѣе невѣроятнаго мѣстоительства для Вильяма Трефольдена.

Выйдя изъ омнибуса на углу переулка, мистеръ Кэввичъ осмотрѣлся во всѣ стороны и пошелъ по лѣвой сторонѣ очень степенно, словно не обращая вниманія ни на что, а въ сущности пристально разсматривая каждую калитку. Эти калитки были зеленого цвѣта и вели въ сады, очевидно принадлежавшіе къ домамъ, которые выходили фасадами на противоположную сторону.

Неожиданно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ переулокъ грубо поворачиваетъ направо и уходитъ въ огороды, мистеръ Кэввичъ очутился подъ тѣнью стѣны гораздо выше остальныхъ и подлѣ воротъ, окруженныхъ съ обѣихъ сторонъ каменными колоннами. Эти ворота стояли ровно на углу переулка, который онѣ такимъ образомъ притупляли. Это были деревянные ворота съ маленькой калиткой, старинныя, тяжелыя, высокія, узкія, такъ что въ нихъ едва могъ бы проѣхать экипажъ. Каменные колонны, стоявшія по бокамъ, почернѣли, поразрушились отъ времени. Казалось, что онѣ стояли тутъ съ того самаго времени, какъ Вильгельмъ Оранскій переѣхалъ со своимъ датскимъ дворомъ въ Кенсингтонъ. На одной изъ нихъ была бронзовая ручка колокольчика, а на обѣихъ красовалась полинявшая, полуистертая надпись: «Эльтон-Гаузъ».

XXXVII.

Мистеръ Кэввичъ доказываетъ, что онъ гениальный человѣкъ.

При этомъ открытіи сердце почтеннаго Кэввича дрогнуло отъ восторга. Первый великій шагъ былъ сдѣланъ, и сдѣланъ безъ большого труда. Остальные шаги должны были быть гораздо труднѣе, но онъ ихъ сдѣлаетъ, безъ сомнѣнія. Его не въ силахъ остановить никакія препятствія, которыя могли встрѣтиться въ подобномъ предпріятіи. Эти преграды были именно такія, съ которыми бороться могла всего лучше его осторожная, упрямая, стойкая натура. И онъ зналъ это хорошо. Быть можетъ, онъ даже желалъ встрѣтить препятствія, чтобъ имѣть наслажденіе преодолѣть ихъ. Во всякомъ случаѣ они придавали интересъ дѣлу, которымъ онъ былъ занятъ, и хотя ненависть его къ Трефольдену не требовала никакихъ внѣшнихъ возбужденій, но мистеръ Кэввичъ, какъ всякій флегматичный человѣкъ, любилъ, чтобъ его побуждали впередъ.

Этой побѣды было, кажется, достаточно на первый разъ. Передъ нимъ были ворота Эльтон-Гауза, и проникнуть такъ дале-

во въ тайну Вильяма Трефольдена былъ немаловажный подвигъ. Но Кэввичъ не дозволялся тѣмъ, что онъ видитъ ворота. Онъ хотѣлъ увидѣть и самый домъ; поэтому онъ прошелъ по переулку до конца, перешелъ на другую сторону и возвратился по ней. Переулокъ былъ однако очень узокъ, а стѣна очень высокая, такъ что отсюда онъ ни смотрѣлъ, все же не могъ разсмотрѣть дома. Онъ видѣлъ верхушки деревъ и столбъ дыма, подымавшійся изъ-за нихъ, но это было все. Боясь, чтобъ его не замѣтили, если онъ долѣе останется въ переулкѣ, Кэввичъ поспѣшно вернулся къ огороду и пошелъ по маленькой тропинкѣ, окруженной съ обѣихъ сторонъ густыми зелеными изгородами.

Онъ не зналъ, куда приведетъ его эта тропинка; но видя цѣлую систему подобныхъ тропинокъ, расходящихся во всѣ стороны, онъ надѣялся, что какимъ нибудь образомъ выберется снова на большую дорогу. Сначала онъ шелъ очень скоро, но когда, при поворотѣ тропинки, переулокъ исчезъ изъ его глазъ, онъ остановился, чтобъ отдохнуть подъ тѣнью яблони.

Было около половины седьмого. Солнце еще ярко свѣтило. Вечеръ былъ теплый, яблони, всѣ въ цвѣту, наполняли воздухъ благоуханьемъ. Вокругъ него во всѣ стороны на огромное пространство, между Кенсингтономъ и Бранитомомъ, простирались только луга, фруктовые сады и огороды. Все это представляло мирную, прелестную картину.

Но Кэввичъ, какъ онъ ни былъ склоненъ восхищаться природой, теперь былъ слѣпъ къ ея красотамъ. Сидя подъ тѣнью яблони, онъ отеръ потъ со лба, перевелъ дыханіе и сталъ думать только о томъ, какъ бы извлечь еще болѣе пользы изъ своей побѣдки. Найти Эльтон-Гаузъ было важно, но ему нужно было узнать, какую жизнь въ немъ велъ Вильямъ Трефольденъ. Хорошо было бы взглянуть только на домъ, увидѣть великъ ли онъ или малъ, веселый ли мрачный. Онъ ожидалъ найти его угрюмымъ, почернѣвшимъ, полуразвалившимся, со множествомъ замурованныхъ оконъ, и ему не хотѣлось возвратиться домой, не зная ничего рѣшительнаго на этотъ счетъ. Неожиданно въ головѣ его блеснула мысль, свѣтлая, великолѣпная мысль, которая такъ ему понравилась, что онъ засмѣялся, и поспѣшно вставъ съ мѣста, пошелъ впередъ по тропинкѣ между огородами.

Онъ не успѣлъ еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ вышелъ на поперечную дорогу, съ которой тропинка снова расходилась во всѣ стороны. Тутъ, словно громадный синій паукъ въ центрѣ своей паутины, стоялъ рослый полисменъ; Кэввичъ прямо подошелъ къ нему и спросилъ ближайшую дорогу къ дворцовымъ

садамъ. Онъ спросилъ это для того, что желалъ выйдти на большую улицу Кенсингтона, миновавъ Слэдс-Лэнь.

Выйдя на большую улицу, онъ вошелъ въ первую бумажную лавку и купилъ конторскую книжку. Лавочникъ съ трудомъ удовлетворилъ его желаніе, ибо онъ требовалъ книжку необыкновенной величины. Она должна быть длинная, сказалъ Кэввичъ: — липованная и въ красномъ кожаномъ переплетѣ. Какъ нарочно, всѣ конторскія книжки въ лавкѣ были разграфлены по столбцамъ, а Кэввичъ никакъ на это не соглашался. Наконецъ нашлась простая тетрадка почтовой бумаги, продолговатая, въ красномъ казенковомъ переплетѣ и съ кожанымъ корешкомъ; этой тетрадкой удовольствовался Кэввичъ, хотя она не была совершенно то, чего онъ искалъ. Кромѣ того, онъ купилъ линейку, маленькую стелянку чернилъ и пару гусиныхъ перьевъ, говоря, что онъ самъ разлинуеть тетрадку.

Между тѣмъ на кенсингтонской башнѣ пробило семь часовъ и Кэввичъ, который не привыкъ по вечерамъ оставаться безъ чаю, спросилъ дорогу въ ближайшую кандитерскую. Она оказалась совсѣмъ подлѣ и была очень скромнымъ, маленькимъ заведеніемъ; но Кэввичъ помѣстился очень удобно въ дальнемъ углу комнаты за особымъ столикомъ. Потребовавъ чай и свѣчей, онъ принялся за разлировку тетрадки. Покончивъ дюжину страницъ, онъ раздѣлялъ ихъ на три столбца вертикальными линиями и приказалъ лакею подать себѣ почтовый указатель; онъ не сталъ въ немъ однако искать Эльтон-Гауза, онъ уже это дѣлалъ нѣсколько дней тому назадъ и ничего не нашелъ; теперь же онъ просто открылъ указатель на страницѣ «Кенсингтонъ, Большая улица» и началъ методически вносить слѣдующіе столбцы, адреса и родъ занятій всѣхъ жителей околodka. Когда онъ такимъ образомъ наполнилъ четыре или пять страницъ своей тетрадки и кончилъ чай, уже совсѣмъ стемнѣло и на часахъ пробило половина девятаго.

Мы должны однако оговориться: стемнѣло только на небѣ, а кенсингтонская Большая улпца великолѣпно освѣтилась. Въ магазинахъ запылалъ газъ, тротуары наполнились гуляющими, на углу у кабака заиграли странствующие музыканты и даже на лоткѣ съ фруктами и устрицами появились фонари. Однимъ словомъ, на улицѣ было свѣтло какъ днемъ, и Кэввичу, который желалъ избѣгнуть всякой встрѣчи, это, конечно, было очень непріятно; онъ однако задумалъ что-то и рѣшился какъ бы то ни было, а исполнить это что-то; онъ нагнувъ шляпу на глаза, немного болѣе обыкновеннаго, положилъ перья и стелянку съ чер-

нилами въ карманъ пальто, и взявъ подъ мышку тетрадку, смѣло пошелъ по направленію къ Слэдс-Лэну.

Когда онъ выходилъ изъ омнибуса, онъ замѣтилъ невдалекѣ отъ угла булочную, и къ этой-то булочной направилъ теперь шаги свои. Онъ вошелъ въ нее съ видомъ человѣка, исполняющаго свою обязанность, приподнялъ шляпу, и любезно поклонившись видной женщинѣ, сидѣвшей за конторкой, произнесъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Я собираю справки, сударыня, для новаго указателя. Кажется, съ прошлаго года здѣсь нѣтъ никакихъ перемѣнъ?

— Нѣтъ, никакихъ, отвѣчала она.

Мистеръ Кэввичъ открылъ свою тетрадку, положилъ ее на конторку и сталъ пробѣгать столбецъ съ именами жителей.

— Вильсонъ Эмма, булочная и кондитерская, сказалъ онъ: — это вѣрно, сударыня?

— Булочная и пряничная, а не кондитерская, сэръ, отвѣчала мистрисъ Вильсонъ.

— Благодарствуйте, сударыня, я такъ и напишу: булочная и пряничная.

И мистеръ Кэввичъ, вынувъ перо, вычеркнулъ *кондитерская* и написалъ, какъ говорила мистрисъ Вильсонъ. Онъ сдѣлалъ это съ такимъ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ, что легко обманулъ бы и гораздо болѣе зоркаго наблюдателя, чѣмъ почтенная булочница.

— Я думала, что Почтовый Указатель на этотъ годъ уже вышелъ, сэръ, замѣтила мистрисъ Вильсонъ, когда онъ закрылъ свою тетрадку.

— Это не Почтовый Указатель, сударыня, спокойно отвѣчалъ Кэввичъ: — это указатель западнаго и юго-западнаго округовъ Лондона.

— А-а, неужели? Нѣчто въ родѣ новаго придворнаго указателя?

— Именно такъ, сударыня, нѣчто въ родѣ новаго придворнаго указателя. Доброго вечера.

— Прощайте, сэръ, отвѣчала мистрисъ Вильсонъ. Кэввичъ приподнялъ шляпу и пошелъ къ двери, но не успѣлъ онъ ступить на порогъ, какъ снова возвратился.

— Извините, сударыня, что я васъ обезпокою, но не можете ли вы сказать мнѣ, кто живетъ въ Эльтон-Гаузѣ?

— Въ Эльтон-Гаузѣ?

— Да, въ Эльтон-Гаузѣ, въ Слэдс-Лэнтъ. Я стучалъ и звонилъ у калитки, такъ что усталъ, и все же ничего не добился. Развѣ онъ необитаемъ?

Мистеръ Кэввичъ произнесъ это такъ естественно и съ такими почтеннымъ, оскорбленнымъ видомъ, что самъ смущикъ Кидъ не усумнился бы въ справедливости этихъ словъ. Что же касается мистрисъ Вильсонъ, то она приняла ихъ за истину.

— О, нѣтъ! отвѣчала она:—въ немъ живутъ—Дювернэ.

— Дювернэ? повторилъ Кэввичъ, открывая свою тетрадку и обмакивая перо въ чернильницу мистрисъ Вильсонъ: — съ вашимъ позволеніемъ, сударыня. Это, кажется, иностранное имя?

— Я полагаю, она французенка.

— А господинъ Дювернэ, можете вы мнѣ сказать, чѣмъ онъ занимается?

— Нѣтъ никакого господина Дювернэ, сказала мистрисъ Вильсонъ, какъ-то сомнительно кашлянувъ и подымая брови: — по крайней-мѣрѣ я не знаю.

Кэввичъ взглянулъ на мистрисъ Вильсонъ и глаза его засвѣтились тѣмъ страннымъ блескомъ, который появлялся въ нихъ только въ минуты необыкновеннаго волненія. Булочница опустила глаза и снова кашлянула.

— Эта барыня вдова? спросилъ онъ поспѣшно.

— Она, кажется, называетъ себя вдовой; но, право, я не могу сказать, сэръ, что она дѣйствительно за женщина.

— А мужчины нѣтъ никакого?

— Я этого не говорила, сэръ.

— Извините, но я такъ понялъ.

— Я сказала, что нѣтъ никакого господина Дювернэ, такого и нѣтъ. Но я не желаю говорить дурное о моихъ сосѣдяхъ; къ тому же госпожа Дювернэ, моя постоянная покупательница.

Кэввичъ торжественно покачалъ головой.

— Ахъ! какъ грустно, какъ грустно! произнесъ онъ: — какой свѣтъ сталъ нечестивый! какъ мало истинно почтенныхъ людей.

— Правда, сэръ.

— Значить, я напишу просто госпожа Дювернэ? такъ-какъ въ домѣ нѣтъ хозяина.

— Да, сэръ. Я не знаю никакого хозяина. По крайней-мѣрѣ, открыто признаннаго.

— Однако, въ домѣ есть мужчина и онъ живетъ тамъ постоянно, какъ выходитъ изъ вашихъ словъ...

— О, сэръ! Я ничего не сказала, воскликнула булочница съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:—мнѣ рѣшительно все равно, что дѣлаетъ госпожа Дювернэ, и господинъ этотъ, можетъ быть, и мужъ ея! Я ничего не знаю.

— Вы не можете мнѣ сказать его имени?

— Нѣтъ, сэръ.

— Очень жаль. Мнѣ необходимо знать его имя, если онъ живетъ дѣйствительно въ домѣ.

— Я не могу сказать его имя, потому что сама не знаю, отвѣчала мистрисъ Вильсонъ, нѣсколько любезнѣе: — я даже не могу завѣрить васъ, что онъ дѣйствительно живетъ въ Эльтон-Гаузѣ. Тамъ бываетъ часто, кажется, очень часто одинъ господинъ, но, быть можетъ, онъ тамъ и не живетъ. Я, право, ничего не знаю; это не мое дѣло.

— И не мое, если онъ не живетъ въ домѣ, сказалъ мистеръ Кэввичъ, закрывая свою тетрадку и собираясь выдти изъ лавки: — мы только обязаны записывать постоянныхъ жильцовъ, а не посѣтителей. Я очень, очень вамъ благодаренъ, сударыня, за общенныя вами свѣдѣнія.

— О! я очень рада, что могла вамъ услужить.

— Благодарствуйте. Самая малая помощь въ этихъ дѣлахъ очень важна, а стоять съ полчаса у калитки, стуча и звони понапрасну, право не очень пріятно.

— Конечно, сэръ, но я не понимаю, гдѣ были слуги? отчего они не отворили вамъ калитку?

— Еще разъ добраго вечера, сударыня.

— Прощайте, сэръ.

Мистеръ Кэввичъ вышелъ изъ лавки и на этотъ разъ не возвращался.

Конецъ первой части.

КАЛИФОРНІЯ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНІЯ ЕЯ АМЕ- РИКАНЦАМИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО СТРАННИКА.

Записки эти, къ сожалѣнію неоконченныя, писаны В. А. Риттеромъ, бывшимъ горнымъ чиновникомъ 13 класса, а впоследствии рядовымъ Новгородскаго гарнизоннаго батальона. Въ 1841 году В. А. Риттеръ, служившій тогда на уральскихъ заводахъ лѣсничимъ, былъ, по собственной просьбѣ, командированъ за границу для изученія лѣсныхъ наукъ на 2 года. За несоблюденіе данныхъ ему инструкцій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, велѣно было ему вернуться въ Россію, но онъ не возвратился и самовольно оставался за границею до 1860 года. Въ это время онъ исходилъ пѣшкомъ почти всю Америку, участвовалъ въ войнѣ сѣверо-американцевъ съ Мексикою, идѣ былъ взятъ въ плѣнъ и пробылъ тамъ три года. Убѣжавъ въ 1846 г. изъ плѣна, онъ пробрался въ Калифорнію (къ этому времени относятся приводимый отрывокъ), и оттуда прибылъ въ Ситху. Изъ Ситхи, на компанейскомъ суднѣ, онъ пріѣхалъ въ 1860 году въ Петербургъ и явился начальству. За самовольное пребываніе за границей, онъ, по суду, былъ разжалованъ въ рядовые. Прослуживъ солдатомъ 4 года, онъ съ батальономъ, во время войны съ англичанами, въ 1855 году, находился въ Свеаборгѣ, и при бомбардированіи его получилъ въ руку рану, отъ которой и умеръ въ гельсингфорскомъ госпиталѣ 17 августа того же года.

I.

Въ концѣ іюня 1846 г., вечеромъ, я спускался пѣшкомъ, перелѣзая съ камня на камень, по едва замѣтной индійской тропинкѣ, съ западнаго склона калифорнскихъ горъ (Sierra de California), и такимъ образомъ совершалъ свое *viestvoie* въ мексиканскую (въ то время) провинцію Калифорнію. Кряжъ калифорнскихъ горъ начинается въ Орегонѣ, идетъ на югъ, и отдѣляется въ Верхней Калифорніи, до залива Сан Франциско, долину рѣки Сакраменто отъ прибрежной части; здѣсь пропускаетъ онъ въ море двѣ главныя рѣки Калифорніи, Сакраменто и Сан-Хоавинъ, въ видѣ залива Сан Франциско, и снова идетъ на югъ, отдѣляя теперь долину рѣки Сан-Хоавинъ отъ прибрежной части. Къ югу же отъ Сан-Діэго — этотъ кряжъ, съ широкими и отлогими

склонами своими, составляет полуостровъ Калифорнію, или нижнюю Калифорнію, и оканчивается около 23° с. ш. мысомъ Сан-Лукасъ. Подо мною лежали долины, образуемая отраслями врыжа, съ котораго я спускался. Одна изъ этихъ долинъ, шире другихъ, куда вела тропинка, служить какъ-бы продолженіемъ неширокаго, но длиннаго и извилистаго морского залива, при вершинѣ котораго, верстахъ въ двухъ или трехъ отъ берега, стоитъ небольшой городокъ *Сан-Діэго*, первый, встрѣчаемый на дорогѣ изъ Санта-Фе или изъ Соноры въ Калифорнію. Въ долинахъ уже было темно; только горы, и видѣвшійся на краю горизонта за прибрежными холмами безпредѣльный тихій океанъ, освѣщались еще заходящимъ солнцемъ. А звѣзды сіяли уже почти такъ же ярко, какъ у насъ въ ясную ночь — часа два по заходженіи солнца — слѣдствіе чрезвычайной чистоты воздуха здѣсь въ это время года; отчего и городокъ Сан-Діэго, въ которомъ нѣтъ ни башенъ, ни колоколенъ съ золотыми куполами, ни даже большахъ бѣленыхъ зданій, по которымъ бы можно было отличить его издали, еще видѣлся и въ темнотѣ, какъ-бы на днѣ долины, хотя мнѣ до него оставалось еще добрыхъ верстъ пятнадцать. Это обстоятельство было теперь для меня довольно важно потому, что я могъ во время замѣтить, которое созвѣздіе лежитъ отъ меня на прямой линіи съ городомъ, и тѣмъ руководствоваться послѣ, спустившись съ горъ въ долину; иначе я остался бы ночью безъ путевода, потому что Сан-Діэго уже не будетъ видно за густымъ кустарникомъ и огромными кактусами; а сколь надежны степныя тропинки, мнѣ было достаточно извѣстно изъ опыта. И точно: не достигнувъ еще подножія горы, я нашелъ уже, что иду совершенно свѣжимъ мѣстомъ: тропинка вдругъ исчезла; за то мѣстами стали показываться небольшія стада коровъ и лошадей, и также постоянно рыщущіе около нихъ волки и шакалы. Около полуночи, я услышалъ за собою лай собакъ. изъ чего могъ заключить, что прошелъ вблизи какого-нибудь *рамчо*; а скоро затѣмъ, темныя массы передо мной, которыя я принялъ сперва за кусты кактусовъ, стали принимать мѣстами очерки крышъ и заборовъ. Это наконецъ городъ Сан-Діэго; и не знаю, какимъ образомъ, не проходя ни по какой улицѣ, не говоря уже о городскихъ воротахъ, я вдругъ очутился въ серединѣ города на городской площади, *Plaza*, безъ которой во всей испанской Америкѣ нѣтъ ни одного города, малаго или большого. Отбиваясь отъ собакъ то дуломъ, то прикладомъ своей винтовки, я пошелъ къ первому дому, на который бросилъ глаза, и найдя передъ домомъ на площади большіе пустые ящики, въ которыхъ обыкновенно привозятъ сюда съ полуострова Калифорніи песочный

сахаръ, я залѣзъ, какъ могъ, въ одинъ изъ нихъ, лежавшій на боку, и придвинувъ другой такой же ящикъ къ первому, въ видѣ дверей, скоро уснулъ, несмотря на непрерывный лай множества собакъ вокругъ меня.

Потру меня разбудилъ молодой человекъ, полуодѣтый, и очень косматый, раздвигая ящики, служившіе мнѣ ночлегомъ. Онъ съ удивленіемъ и нѣсколько боязливо спросилъ: что я тутъ дѣлаю? Вылѣзая изъ своей засады и стряхая съ себя сахаръ, я сказалъ ему, что пришелъ въ городъ ночью, не знаю никого, и не найду лучшаго убѣжища отъ собакъ — которыхъ, повидимому, особенно беспокоили моя куртка и брюки изъ волчьихъ шкуръ — провелъ ночь въ этомъ ящикѣ, гдѣ, несмотря на песочный сахаръ и миллионы мухъ мелкихъ и крупныхъ, спалъ очень хорошо; что пришелъ я изъ Санта-Фэ, одинъ, пѣшкомъ; иду въ Сан-Франциско, но желалъ бы провести нѣсколько времени въ Сан-Діэго, чтобъ заработать себѣ получше платье. Слыша чистый испанскій языкъ, молодой прикащикъ сталъ очень ласковъ, пригласилъ меня въ лавку и предложилъ сигару. Со свойственнымъ полудикимъ народамъ любопытствомъ, онъ началъ разспрашивать меня: долго ли я былъ въ дорогѣ, какъ *не убили меня индійцы*, какъ я попалъ въ Санта-Фэ, и великъ-ли *городъ Россія*, и отчего у меня вся одежда изъ звѣриныхъ шкуръ, и не видалъ ли я его дяди, который поѣхалъ въ городъ Estados Unidos (Соединенные-Штаты). А отъ него я узналъ, что хозяинъ лавки, въ которой онъ прикащикомъ, называется Don Miguel Higuera (Мигель-Игера) и есть самый богатый Senor въ Сан-Діэго; что онъ же — дон-Мигель, вѣроятно дастъ мнѣ работу, если я умѣю дѣлать платья, потому что у него большая семья; что же касается до него, прикащика, то онъ называется Хосэ, родомъ перуанецъ — изъ Лимы, пріѣхалъ въ Калифорнію только съ дядей, который теперь въ отсутствіи; что жить въ Сан-Діэго скверно, и того хуже у его хозяина, и проч.

Между тѣмъ, въ городѣ стали шевелиться. Полунагіе индійцы, косматые и съ соннымъ видомъ, проѣзжали верхомъ и проходили по площади; нѣкоторые заходили въ лавку. Индеецъ принесъ отъ булочника большую корзину съ бѣлымъ хлѣбомъ. Это былъ первый хлѣбъ, который я увидѣлъ послѣ пяти мѣсяцевъ; и предложивъ мнѣ одну булку, Хосэ несказанно обрадовалъ меня.

Пока въ домѣ вставали, я разсматривалъ мѣсто, въ которое такъ случайно попалъ прямо изъ пустыни. Лавка дон-Мигеля Игеры помѣщена въ крайнемъ покоѣ одноэтажнаго дома, построеннаго, какъ $\frac{2}{10}$ домовъ испанской Америки, изъ *одобе* или большихъ (длиною 2 фута, шириною 1 футъ, и толщиною вершка 3)

кирпичей, обожженных на солнцѣ. Весь домъ раздѣленъ толстыми стѣнами на три равныя части. Въ лавку вели трое дверей: одна съ площади, прямо, безъ всякихъ сѣней или чего-нибудь въ родѣ крыльца; другая — изъ смежной комнаты, а третья — со двора, также безъ крыльца. Окошекъ въ ней не было, а довольствовались свѣтомъ, входившимъ въ двери, которыя здѣсь всегда растворены весь день. Полы и потолки — такъ же, какъ и настоящія окошки — вообще большая рѣдкость здѣсь, и въ лавкѣ не было ни того, ни другого. Поломъ служила плотно-убитая глина, впрочемъ, неровно, отчего въ дождливое время всегда стоятъ лужи въ комнатахъ; а должность потолка исправляла черепичная кровля дома. Лѣстница, стоявшая въ углу и ведшая на чердакъ, показывала, что надъ жилыми покоемъ былъ потолокъ. Эта лавка, какъ я послѣ убѣдился, была точно первая въ городѣ, и предпоследняя: ихъ всего только двѣ. Въ ней была даже писчая бумага — предметъ еще большей рѣдкости между природными калифорнцами, нежели окна со стеклами. На трехъ полкахъ было разложено немного ситцу, красной флатели, два или три куса сянго сукна, платки, *sarape* или одѣяла съ прорѣхами въ срединѣ, и тутъ же рядомъ листовая табакъ, папиросы, вино въ небольшихъ бочонкахъ, посуда, и другія домашнія потребности; но все скудно, неопратно, однако въ совершенной гармоніи съ варужнымъ видомъ лавки, съ глинянымъ поломъ и съ сѣрыми шероховатыми стѣнами, которыя здѣсь не только не штукатуруютъ, но и нисколько не подравниваютъ, такъ что покой испанцевъ болѣе похожъ на правильные гроты, чѣмъ на комнаты.

Наблюденія мои — которымъ не мѣшалъ Хосе, занявшійся приведеніемъ лавки въ порядокъ, какъ скоро удовлетворилъ своему любопытству, впрочемъ, весьма одностороннему — прервала смуглая, черноглазая дѣвочка лѣтъ десяти, вбѣжавшая впопыхахъ въ лавку изъ двора, видимо, съ какимъ-то порученіемъ; но вскричавъ только: «Хосе! Хосе!» вдругъ остановилась, увидя фигуру съ длинной бородой, покрытую съ головы до ногъ волчьими и шакальими шкурами. Посмотрѣвъ на меня съ полминуты, она бросилась назадъ, хотя Хосе кричалъ ей вслѣдъ, смѣясь: «что надо, Рамоны?» Но со страху она забыла и порученье. Это былъ знакъ для меня — ободриться. Прежде всего я попросилъ у прикащика его *sarape* и шляпу, лежавшія на прилавкѣ, чтобъ, прикрывшись ими, смягчить немного первое впечатлѣніе на всю семью, которая, я зналъ, сейчасъ придетъ, поднятая Рамоной. И точно: едва успѣлъ я бросить свою высокую мѣховую шапку за прилавокъ, накинуть на себя *sarape*, надѣть шляпу, и закурить другую папиросу, поданную мнѣ прикащикомъ, какъ съ

подлюжны дѣтей показались въ дверяхъ, выглядывая одинъ изъ-за другого, но не входя въ лавку. За ними, на дворѣ, видѣлись индѣйцы, большіе и малые. Тутъ мнѣ вздумалось встать, чтобъ поставить въ уголь ружье мое, стоявшее возлѣ меня, прислоненное къ стѣнѣ; этимъ движеніемъ я обратилъ въ бѣгство, къ великой забавѣ прикащика и къ недоумѣнію своему, всю толпу, не исключая и взрослыхъ индѣйцевъ на дворѣ. Въ бѣгствѣ своемъ, двое изъ дѣтей наткнулись почти у самыхъ дверей на толстаго, бѣлокураго испанца, среднего роста, съ пріятнымъ и добрымъ лицомъ. Онъ былъ завернутъ въ сарапе, небрежно накинутое на плеча, а голова была повязана чернымъ шелковымъ платкомъ. То былъ хозяинъ дома — Дон-Мигель Игера. Извѣщенный молвою о прибытіи въ его домъ дьявола (какъ я узналъ послѣ), онъ поднялся второпяхъ — это замѣтно было и по его одеждѣ, чтобъ въ качествѣ хозяина дома встрѣтить его лично; но былъ пріятно изумленъ, увидя вмѣсто *нечистой силы* обыкновеннаго испанца въ красномъ сарапе, широкополой шляпѣ и съ дымящеюся сигарою. Отвѣтивъ на мое обычное у испанцевъ привѣтствіе: «*Вуенас діас, сепогъ*», обычнымъ же: «*сосо ле ва, сепогъ?*» онъ устремилъ вопрошающій взглядъ на меня, потомъ на дѣтей (которые снова собрались въ дверяхъ), какъ-бы ожидая, чтобъ я или они объяснили ему, чего они такъ испугались. Не дожидаясь другого вопроса, я сказалъ хозяину то же, что уже говорилъ прикащику прежде, и прибавилъ, сбрасывая сарапе и снимая шляпу: «*ваши дѣти, вѣроятно, испугались этого платья и ружья, которое я хотѣлъ поставить въ уголь. А по какому случаю я пришелъ сюда одинъ, и въ такомъ нарядѣ, я не могу объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, потому что это длинная исторія. Теперь мнѣ не до того: я озабоченъ присканіемъ случая заработать себѣ людскую одежду, чтобъ сбросить эту звѣриную! Нѣтъ ли у васъ, сепогъ, работы недѣли на двѣ или дней на десять?*»

— Какими работами вы занимаетесь?

— Я позументный мастеръ; но также работаю топоромъ, иглой и вѣстью.

— А'шуй вуено. Оставайтесь у меня. Вамъ здѣсь хорошо будетъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, сепогъ. Смѣю надѣяться, что и вы останетесь довольны мною.

Въ домѣ нашлось множество работы. Тутъ былъ большой развалившійся шкафъ, складенный на чердакѣ, который нужно собрать и починить. Дон-Мигелю хотѣлось передѣлать и всѣ двери. Далѣе; начиная съ него самаго и до послѣдняго индѣйца,

нужно всё́мъ спать по парѣ лѣтвихъ панталонъ и по курткѣ, все изъ синей бумажной матеріи. За все это я взялся, но объявилъ рѣшительно, что экипировку долженъ начать съ самаго себя, иначе мнѣ не будетъ покою отъ собакъ и отъ любопытныхъ: мнѣ будутъ мѣшать, и я ничего не успѣю сдѣлать и для него.

Внепо—сказалъ дон-Мигель, смѣясь. Мы тотчасъ же пошли опитъ въ лавку, чтобъ выбрать изъ скуднаго запаса ея матеріаловъ для будущей моей одежды. Между тѣмъ въ лавкѣ и передъ лавкой на площади собрались почти всё жители Сан-Діаго, и нѣкоторые разспрашивали прикащика вполголоса, что за существо такое пришло къ Дон-Мигелю; этотъ натискъ нисколько не досаждалъ хозяину, а повидимому былъ очень пріятенъ ему. Онъ съ гордостію показывалъ меня толпѣ, уставившей глаза на меня, и сталъ рассказывать кому-то, что я пришелъ пѣшкомъ изъ Россіи, что былъ въ плѣну у американцевъ, что я отличный живописецъ (я говорилъ ему, что я маляръ), что остаюсь у него навсегда, короче, перевралъ страшно. Когда выборъ матерій былъ конченъ, онъ повелъ меня опять въ покои, и тутъ я былъ формально введенъ въ семью, состоящую изъ жены дон-Мигеля, свояченицы и восьмерыхъ дѣтей. Мнѣ дали столъ и стулъ въ углу, иглодокъ, нитокъ, ножницы и проч. Я тотчасъ же принялся за работу, а праздная толпа долго еще звѣвала на площади, и уже послѣ полудня съ испанскою флегмою разбрелась домой.

Въ два дня платье мое было окончено, кромѣ обуви. Я одѣлся ноевропейски, потому что иду къ европейцамъ или по крайней мѣрѣ къ людямъ, носящимъ европейскую одежду; кромѣ того, что въ дорогѣ европейская одежда—брюки, сюртукъ и картузь—удобнѣе испанской, состоящей, кромѣ брюкъ и куртки, которую впрочемъ имѣютъ только достаточные, и тѣ носятъ лишь въ дальнія дороги или зимой—изъ простаго шерстанаго одѣяла, въ которомъ въ серединѣ сдѣлана продольная прорѣха вершковъ 8 или 10 дюймовъ. Это сарапе надѣваютъ на плечи, просунувъ голову въ прорѣху, и тогда концы одѣяла висятъ свободно спереди и сзади почти до самой земли и по бокамъ до локтей. Сарапе и еще широкополая шляпа подъ клеенчатымъ чернымъ чехломъ, общи всей испанской Америкѣ, и различіе состоитъ у разныхъ сословіи только въ большей или меньшей цѣнности матеріи, изъ которой сдѣлано сарапе. Такъ, богатые носятъ его и въ тонкаго темносинаго и чернаго сукна на шелковой подкладкѣ, и обшиваютъ еще кругомъ галуномъ или разными узорами изъ золотой или серебряной канители и шелковой бахромой, и тогда сарапе переиме-

новывается въ *пончо*, а иные придѣлываютъ къ прорѣхѣ еще бархатный капшонъ, какъ у насъ у шинелей, только гораздо короче. Чилийцы и перуанцы носятъ пончо лишь до колѣнъ. Люди съ среднимъ достаткомъ имѣютъ сарапе шерстяныя, вытканныя на подобіе ковровъ разными узорами, обыкновенно желтыми или синими на красномъ грунтѣ. Такое сарапе стовтъ здѣсь отъ 20 до 40 піастровъ (25 до 50 руб. сер.). Но главная разница калифорнской одежды отъ европейской состоитъ въ панталонахъ, которыя, впрочемъ, во всемъ похожи на наши, только очень широки и не сшиваются совсѣмъ по двумъ наружнымъ боковымъ швамъ, а застегиваются, и то только сверху до колѣнъ, на металлическія круглыя и внутри пустыя пуговицы, висящія каждая на тонкой небольшой цѣпочкѣ длиною въ $\frac{1}{3}$ вершка, и разставленныя на заднихъ половинкахъ брюкъ очень часто, примѣрно на одинъ или два дюйма, смотря по достатку, одна отъ другой; а на переднихъ половинкахъ дѣлаютъ столько же петелекъ. Ниже колѣнъ панталоны и на эти пуговицы не застегиваются, а висятъ свободно, и потому болтаются около икръ и заплетаются одна за другую при каждомъ шагѣ. Такіе панталоны называются кальсонерами; ихъ носятъ съ весьма небольшими исключеніями всѣ: старыя и малыя, и осѣдлые индійцы; но иностранцы изъ калифорнскаго наряда заимствуютъ только сарапе и шляпу. Калифорнцы увѣряютъ, что въ кальсонерахъ можно проѣхать верхомъ весь свѣтъ и не натереть или не повредить ногъ. Какъ бы то ни было, легко вообразить, какъ неловокъ долженъ быть человекъ *тычкомъ* въ такихъ брюкахъ и еще съ неизбѣжнымъ сарапе на плечахъ. Но калифорнцы не имѣютъ никакихъ претензій на славу хорошихъ пѣшеходовъ. Здѣсь никто и не ходитъ пѣшкомъ: у cadaго есть лошади, и у cadaго по крайней-мѣрѣ одна лошадь сѣдлается съ утра, такъ, на всякій случай, хотя бы только для того, чтобъ проѣхать черезъ площадь; также у cadaго рѣшительно дому спереди или гдѣ нибудь съ боку, есть какая нибудь коновязь, иногда столбъ съ 2 или 3 кольцами въ немъ, но обыкновенно родъ деревяннаго возла съ большими шпильками, вставленными въ перевалдную жердь. Надо удивляться, какая огромная разница между калифорнцемъ пѣшкомъ, и тѣмъ же человекомъ на конѣ. Стихія его верхомъ, тутъ онъ сбрасываетъ свою мавританскую флегму и становится молодцомъ вполне. Но о подвигахъ калифорнцевъ верхомъ я, можетъ быть, буду имѣть случай поговорить подробнѣе впоследствии. Теперь мнѣ нужно поскорѣй раздѣлаться съ дом-Мигелемъ и сѣсть на сѣверъ, чтобъ въ Сан-Франциско застать какое нибудь судно російско-американской ком-

ваніи, которыя, по увѣренію дон-Мигеля, приходятъ туда каждую осень для закупки провизіи на весь годъ на всю колонію.

Съ дон-Мигелемъ у насъ сдѣлка такого роду: всю матерію, забранную мною изъ лавки его, себѣ на одежду, онъ оцѣнилъ въ 10 піастровъ, или *песо* (*peso*) по здѣшнему, включая сюда же двѣ готовныя рубахи американской работы и пару башмаковъ. Я же съ каждой пары платья—брювъ и куртки, шпитею мною для него, беру одинъ *песо*; а за то, что будетъ мною сдѣлано для него, изъ платья или изъ столярной работы, послѣ того, какъ матерія окупится, онъ заплатитъ мнѣ деньгами, по одному *песо* въ день, или же поштучно, какъ я пожелаю.

Дон-Мигель уже нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ остаться жить у него навсегда. Такой обычай въ Мексикѣ и здѣсь, гдѣ нѣтъ ничего легче для иностранца, какъ найти себѣ мѣсто въ какомъ угодно домѣ. Причина этого въ лѣности калифорнцевъ и въ неспособности ихъ въ домашнимъ или вообще въ постояннымъ занятіямъ, кромѣ однако всего, относящагося до коневодства. Во всемъ прочемъ они всегда съ радостью готовы уступить европейцу управленіе своего дома, если замѣтять въ немъ малѣйшее постоянство въ характерѣ, убѣдившись на опытѣ, что самый плохой работникъ, экономъ или ремесленникъ изъ иностранцевъ все-таки гораздо искуснѣе ихъ самихъ. Къ тому же у нихъ есть повѣрье, что всякій европеецъ какой-нибудь да ремесленникъ, и кромѣ своего ремесла въ особенности, умѣетъ еще дѣлать все, что угодно.

У насъ въ домѣ перебивали уже по нѣскольку разъ всѣ жители Сан-Діэго; но съ переменою моего платья перестали обращать на меня вниманіе. Всѣхъ умнѣе здѣсь все-таки дон-Мигель. Онъ гуачупинъ (*Guachupin*), то-есть уроженецъ испанскій, и привезенъ въ Калифорнію 7 лѣтъ. Онъ умѣетъ читать и писать поиспански, а также говорить и читаетъ поанглійски, чему выучился въ Бостонѣ, гдѣ провелъ въ молодости три года. Теперь онъ совершенно окалифорнился, но взглядъ его на вещи далеко правильнѣе, нежели у новыхъ земляковъ его. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о Бургосѣ въ Испаніи (его мѣсторожденіи), но знаетъ весьма мало о немъ; однако имѣетъ понятіе о чувствѣ тоски по родинѣ; и когда онъ наконецъ понялъ, что у меня только и есть одно желаніе, какъ бы поскорѣ достигнуть Россіи, то ему стало совѣстно, что онъ могъ повѣрить, будто человекъ, который прошелъ такъ далеко и чрезъ столько опасностей, для того чтобы возвратиться въ свое отечество, останется жить навсегда въ Сан-Діэго. Послѣ того онъ меня уже болѣе не удерживалъ, но напротивъ помогъ кончить скорѣе конт-

рактъ тѣмъ, что снялъ съ меня обязательство исправить шкафъ и двери; онъ даже хотѣлъ подарить мнѣ какую-то ключу, ему ненужную, но я отказался, предпочитая способъ пѣшаго хожденія вѣдѣ на дрянной лошади. Дон-Мигель также занимает самое почетное мѣсто въ городскомъ магистратѣ, состоящемъ, кромѣ его, еще изъ четырехъ богатыхъ ранчеровъ или помѣщиковъ. Впрочемъ, магистратъ только титулярный; по крайней-мѣрѣ въ зданіи правленія—*casa de ayuntamiento*—нѣтъ даже чернильницы, ни стульевъ, ни скамейки, а есть только шкафъ и совершенно пустой, полуразвалившійся столъ; никто не помнитъ, когда здѣсь было въ послѣдній разъ что либо въ родѣ засѣданія или суда. «И къ чему намъ засѣданія? говорилъ дон-Мигель:—тажбы у насъ рѣдки, а если есть, то какія нибудь пустяшныя, и онѣ рѣшаются на площади или въ домахъ между собой; а если зашумятъ индійцы, то мы собираемъ сосѣдей и чинимъ расправу тоже своимъ судомъ. Таки у насъ ведется уже съ 1835 года, когда уничтожена здѣсь миссія. Впрочемъ, на случай надобности у насъ есть и *alcalde* (мирный судья), это дон-Энрике Рамиресъ (*Henrique Ramirez*), который живетъ возлѣ меня.»

О домашнемъ житѣ-бытѣ жителей Сан-Діэго я скажу болѣе въ послѣдствіи. Теперь замѣчу только, что Сан-Діэго, по старинной мексиканской географіи, которую я нашелъ у дон-Мигеля, лежитъ подъ 32°, 45' с. широты и есть главный городъ суб-префектуры того же имени, и что онъ построенъ въ 1765 году мексиканскими колонистами. Началомъ его была крѣпость, *presidio*, коей развалины видны до сихъ поръ недалеко отсюда. Потомъ построена миссія, лежащая верстахъ въ 10 отъ крѣпости между городомъ и моремъ, и при ней церковь во имя св. Якова (*Diego*), и еще нѣкоторыя другія миссіи въ этомъ же округѣ, на примѣръ, миссія Сан-Хуанъ Каицстрано и миссія Сан-Луисъ Рей, то-есть во имя Лудовика IX, короля французскаго. Прежде въ городѣ было 5,000 жителей, а въ миссіяхъ до 8,000 рабочихъ индійцевъ, обращенныхъ въ христіанскую вѣру, и до 30,000 головъ рогатаго скота и столько же овецъ. Отъ всего этого ничего не осталось теперь. Правда, скота еще много, но онъ принадлежитъ разнымъ владѣльцамъ, а овецъ совсѣмъ нѣтъ. Городъ лежитъ верстахъ въ 15 или 20 отъ большого края, о которомъ я говорилъ уже, и изъ котораго вытекаетъ небольшая рѣчка, снабжающая его водою. Эта рѣчка имѣетъ страннаго то, что она дотекаетъ до морскаго залива только во время дождей, зимой, и весной, пока снѣгъ еще есть на дорогѣ. Но послѣ того все лѣто и до слѣдующихъ дождей она уходитъ въ землю немного ниже города. Другая достопримѣчательность

Сан-Діэго состоитъ въ томъ, что здѣсь въ разныхъ мѣстахъ города стоятъ лужи какой-то смолы, вытекающей изъ земли. Ночью и утромъ она тверда, а послѣ полудня жидветъ отъ жара. Запахомъ и видомъ она походитъ на обыкновенную смолу. Лѣсу здѣсь нигдѣ нѣтъ, но отроги горъ и развѣтвленія этихъ отроговъ—которые, сравнившись съ городомъ, почти совершенно сглаживаются, такъ-что Сан-Діэго кажется лежащимъ на обширной равнинѣ, съ волнообразною или бугристою поверхностью — покрыты мѣстами чрезвычайно густымъ, жесткимъ и колючимъ кустарникомъ, называемымъ *чамисалъ*; между городомъ и моремъ бугры опять постепенно возвышаются, и извиваясь по обѣимъ сторонамъ залива, оканчиваются крутыми и обрывистыми горами на берегу океана. Заборы сдѣланы изъ адобе, или изъ живыхъ кактусовъ, насаженныхъ въ рядъ; и лучше этой ограды и желать нельзя, потому что большія мясистыя вѣтви кактуса покрыты обильно шипами въ 2 и 3 дюйма длиною, и онѣ сплетаются такъ тѣсно, что развѣ только змѣя, какъ говорятъ здѣсь, можетъ проползти, и то осторожно. Дрова же нужны единственно для приготовленія пищи, и на это достаточно три или четыре прута чамисала. У нѣкоторыхъ ранчеровъ есть виноградники, но они въ запустѣніи, потому что испанцы слишкомъ лѣнны. Вообще, страна наводитъ уныніе своимъ голымъ и единообразнымъ видомъ. Трава и листья на кустахъ начинаютъ уже увядать отъ жару, и цвѣтъ почвы теперь буровато-сѣрый. Еще кактусы могли бы своимъ живымъ, вѣчно зеленымъ цвѣтомъ веселить глазъ нѣсколько; но они покрыты всѣ слоемъ тончайшей пыли и имѣютъ оттого тоже сѣрый цвѣтъ. Послѣ полудня здѣсь нестерпимо жарко, и все, что ни встрѣчаетъ глазъ — сперва пустая площадь, окаймленная низенькими сѣрыми домами; за ними голые бугры, а далѣе каменный крахъ, тоже голый и съ глубокими рытвинами, на подобіе гигантскихъ морщинъ по бокамъ—все мертво, уныло и располагаетъ къ тоскѣ и къ лѣни. Поживши здѣсь нѣсколько времени, нельзя уже удивляться, что жители лѣнны и считаютъ бедѣйствіе тѣлесное и умственное крайнимъ благополучіемъ.

Впрочемъ, единообразіе въ это самое время прерывается двумя обстоятельствами. Первое то, что вездѣ идутъ приготовленія къ убою скота; второе развлеченіе доставляютъ жителямъ разные слухи о войнѣ Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою, и будто бы американцы ужъ идутъ въ Калифорнію въ великомъ множествѣ; и французы тоже, но на помощь калифорнцамъ. Было бы забавно повторить все, что здѣсь говорятъ. Одно меня поражаетъ: эти люди живутъ въ пустынѣ и отрѣзаны отъ дѣлаго свѣта, потому

что здѣсь нѣтъ ни газетъ, ни почты, ни путешественниковъ; однако они знаютъ въ подробности все, что дѣлаетъ король французскій и папа, ихъ два великіе поборника, какъ они думаютъ, что происходитъ *en America*, то-есть въ Соединенныхъ Штатахъ, и что *en la Europa*, вообще, разумѣется, знаютъ по своему.

Кончивъ работы у дон-Мигеля, я простился съ нимъ 6-го іюля и утромъ рано отправился пѣшкомъ только съ однимъ плащомъ и съ вѣрнымъ моимъ спутникомъ и кормильцемъ въ пустынѣ — винтовкою, по дорогѣ къ городу Пуэбло-де-лос-Ангелесъ (*Pueblo de los Angeles*), то-есть село Ангелово. Дон-Мигель подарилъ мнѣ на прощанье и въ знакъ памяти френологію Кома (*Andrew Combs's phrenology*), доставшуюся ему отъ какого-то американскаго шкипера; а я ему—свой волчій нарядъ, который принужденъ былъ сдѣлать во время странствованія моего изъ Санта-Фе сюда, когда настоящее платье уже разорвалось въ клочки.

II.

Дорога изъ Сан-Діэго въ Пуэбло-де-лос-Ангелесъ или нижнее Пуэбло (*Pueblo de abajo*), какъ оно называется обыкновенно (для различія отъ *Pueblo de Arriba*—верхняго, сѣвернаго Пуэбло въ префектурѣ Сан-Франциско), идетъ на сѣверъ вдоль песчаной, бугристой, изрытой долины, имѣющей различную ширину, отъ 10 до 30 верстъ примѣрно. Долина ограничена съ востока довольно высокими каменистымъ краемъ, тѣмъ самымъ, который я переходилъ у Сан-Діэго; а съ запада видѣются вдали прибрежные холмы, мѣстами тоже довольно высокіе и покрытые тамъ и сямъ кустарникомъ или изуродованными низенькими дубами. Отъ времени до времени эти холмы разступаются, чтобы пропустить въ море какой-нибудь ручей, текущій поперегъ долины. Такихъ ручьевъ здѣсь множество; они, собственно, только овраги, по которымъ стекаетъ въ море зимой дождевая, а весной снѣжная вода съ горъ; лѣтомъ бѣольшая часть изъ нихъ совершенно суха, однако изрытые берега ихъ и широкіа (мѣстами до 100 саженъ) русла, по которымъ вода—и то въ весьма немногихъ—извивается теперь зигзагомъ самамалѣйшей стружкой, показываютъ довольно, что она дѣлаетъ здѣсь въ дождливую пору. Трава въ долинѣ вездѣ уже завяла или сгорѣла и скотъ видѣтъ только въ тѣни, въ глубокіихъ ложбинахъ между прибрежными холмами, гдѣ мѣстами, на подобіе оазисовъ, есть еще клочки зеленой паствы. Изрѣдка перебѣгаетъ чрезъ степь бовзливо, опустя хвостъ и оглядываясь безпрестанно, лисица или шакалъ, или пролетитъ къ

морю или отъ моря довольно низко, съ шумомъ, большой бѣло-головой орелъ, питающійся исключительно рыбою. Почва состоитъ вездѣ изъ красной глины съ крупнымъ хрящемъ, а поверхность густо усѣяна булыжникомъ и нѣсколько негодна къ обработкѣ.

Во весь день я не встрѣтилъ ни одного человѣка, хотя въ это время неприятельская, то-есть сѣверо-американская эскадра уже прибыла въ страну (это я, къ несчастію своему, узналъ довольно скоро). Сан-Франциско былъ уже въ дѣйствительной власти американцевъ. Вечеромъ поздно я достигъ миссіи Сан-Луис-Рей, или лучше, разваливъ ея, лежащихъ въ обширной черноземной долинѣ, окаймленной прибрежными холмами и орошаемой довольно большимъ ручьемъ. Здѣсь живутъ теперь два или три семейства индійцевъ-христіанъ, можетъ быть остатки отъ живой и дѣятельной толпы, которою нѣкогда кипѣла эта миссія. Трудно вѣрить, что еще лѣтъ 10 назадъ здѣсь были сукошныя фабрики, огромное винодѣліе, хлѣбопашество, скотоводство и жили тысячи людей; это разсказывали мнѣ въ Сан-Діэго люди, достойные вѣроятія. Хозяинъ лачуги, въ которую я зашелъ, молча указалъ мнѣ на воловью шкуру, лежавшую на полу, то-есть на землѣ, приглашая тѣмъ сѣсть, и не могъ предложить мнѣ ничего поужинать, но напротивъ, обнаружилъ величественную радость, когда я далъ ему кусокъ булки изъ своего запаса, которымъ снабдила меня въ Сан-Діэго жена дон-Мигела.

На пятый день по выходѣ изъ Сан-Діэго, часу въ пятомъ пополудни, я увидѣлъ наконецъ вдаль густую зелень. Въ этотъ день мнѣ встрѣчались многіе, и всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на меня. Иные спрашивали: куда вы идете? я говорилъ, что въ Пуэбло, и тѣмъ кончался разговоръ. Такой лаконизмъ, противный характеру испанцевъ, обыкновенно любопытныхъ и привѣтливыхъ, я приписывалъ частью тому, что иду пѣшкомъ—это въ самомъ дѣлѣ большая рѣдкость, здѣсь рѣшительно всѣ ѣдутъ верхомъ; отчасти же и своему европейскому костюму, и продолжалъ дорогу спокойно. Узнавъ отъ одного вавайеро (caballero), что передо мной былъ точно городъ Пуэбло, а не простое ранчо, я весело прибавилъ шагу, и скоро шелъ уже извилистыми переулками между зелеными фруктовыми садами, окружающими Пуэбло въ видѣ предмѣстій, на большое пространство. Я вошелъ въ городъ вечеромъ (10-го іюля 1846), часу въ 7-мъ. Въ это время испанцы любятъ выползать изъ своихъ домовъ, чтобъ освѣжиться и поболтать за папиросой съ сосѣдами. Сказать *отдохнуть* отъ дневныхъ занятій было бы неправильно, потому что они всегда отдыхаютъ. Въ это время я замѣтилъ, однако, по улицамъ необыкновенное движеніе; но вспоминая, что здѣсь скоро

начнется война, не беспокоился объ этомъ болѣе. Машинально я пошелъ въ ту сторону, куда было замѣтно наибольшее движеніе, и такимъ образомъ увлеченъ былъ на городскую площадь. Здѣсь было множество народу. Казалось, что все народонаселеніе съ 10 миль кругомъ собралось тутъ для совѣщанія. Вездѣ, гдѣ я проходилъ, всѣ обращали взоры на меня съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія, которое гордый испанецъ такъ хорошо умѣетъ принять. Это меня и сердило, и беспокоило. Я еще ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, и потому, подойдя къ одному старичку, поклонился ему очень вѣжливо, и чтобъ начать разговоръ, спросилъ его, гдѣ тутъ гостиница. Видя, что онъ съ изумленіемъ смотритъ на меня, но ничего не отвѣчаетъ, я продолжалъ: «я здѣсь странникъ, пришелъ сейчасъ изъ Сая-Діаго, усталъ и голоденъ, и желалъ бы отдохнуть, такъ не можете ли вы сказать мнѣ, сеньоръ, гдѣ здѣсь гостиница или трактиръ, такъ-какъ на домахъ вывѣсокъ никакихъ нѣтъ?» Между тѣмъ около насъ, или лучше около меня, собралась толпа. Не обращая вниманія на мой вопросъ, одинъ спросилъ меня: правда ли, что американцы заняли Сая-Діаго?

— Нѣтъ, неправда. По крайней-мѣрѣ, дней пять тому назадъ, когда я вышелъ оттуда, тамъ и слуху не было объ американцахъ.

— Да какъ же вы-то туда попали? Вѣдь вы американецъ?

При этихъ словахъ мнѣ вдругъ стало понятно, отчего происходило ихъ загадочное обращеніе со мной; ясно было тоже, что положеніе мое опасно; и чтобъ какъ можно скорѣе разсвѣять это неблагоприятное и еще ложное мнѣніе обо мнѣ, я отвѣчалъ безъ замѣшательства, съ веселымъ видомъ и даже съ нѣкоторою запальчивостію:

— А! такъ вероюгъ считаютъ меня американцемъ! Какая несправедливость! я русскій и съ американцами ничего общаго не имѣю, и имѣть не хочу, потому что они разбойники и воры. А я пришелъ изъ Santa-Fe, и иду по своимъ дѣламъ въ Сан-Франциско, куда и отправляюсь завтра же утромъ. Только желаю здѣсь немного отдохнуть, потому что замучился до смерти и сегодня дѣлмай день ровно ничего не ѣлъ.

И не дожидаясь отвѣта, я сталъ пробираться, еще самъ не зная куда, а только для того, чтобъ выбраться изъ проклятаго кружка, котораго я былъ центромъ. Они повидимому удовольствовались этимъ и пропустили меня довольно вѣжливо. Увидя себя на просторѣ, я пошелъ къ домамъ, уже не думая больше о гостиницѣ, а только о томъ, чтобъ купить хлѣба или чего нибудь съѣснаго, и сейчасъ же выбраться отсюда, и отдохнуть уже за городомъ въ полѣ. Наконецъ я нашелъ лавочку,

но въ ней продають только вино, табагъ, тесмен. Лавочникъ указалъ мнѣ булочную на углу, наискосокъ черезъ площадь. Опять меня всё встрѣчаютъ и провожаютъ глазами; но я, какъ будто не замѣчая ничего, пробирался сквозь толпу веселымъ и безопаснымъ шагомъ. Видя, что меня никто не останавливаетъ, я полагалъ уже, что опасность миновала; но я ошибался. Я не зналъ еще, что утромъ того самаго дня въ городѣ получено извѣстie, съ испанскою любовью къ гиперболамъ, что американцы пришли въ Калифорнію съ 60 вораблями: изъ нихъ одна часть бомбардировала и разрушила до основанія Монтерей, а остальные отправились въ Сан-Діэго за тѣмъ же. И надо же случиться бѣдѣ, что по утру же, часа черезъ два по прибытіи этого извѣстiя, какой-то несчастный американецъ, бѣглый матросъ изъ Сан-Педро, былъ здѣсь сквачень и допрошень; но будучи очень пьянъ и зная только нѣсколько словъ поиспански, сбился съ толку, потомъ началъ драку и былъ убитъ разъяренною толпою, какъ шпионъ. Теперь народъ, и безъ того наклонный къ жестокости, былъ еще слишкомъ взволнованъ, чтобъ довольствоваться такимъ краткимъ объясненіемъ, которому еще явно противорѣчило мое платье: сюртукъ, картузь и отсутствіе сарапе и кушака. Но всего этого я не могъ знать, и потому нисколько не подозрѣвалъ, что въ то самое время, когда я проходилъ въ булочную, во всѣхъ частяхъ площади уже говорили о новомъ шпионѣ, и совѣтовались, что съ нимъ дѣлать. Между тѣмъ въ булочной я, къ великой моей радости, нашелъ не только хлѣба, но и ветчины. Выпивъ стаканъ пива, я только что вышелъ изъ дверей, какъ толпа нахлынула къ булочной съ глухимъ говоромъ, и я слышалъ слова: Americano, Monterey, espiá (шпионъ)! Я все еще не подавалъ виду, что замѣчаю что нибудь; хочу проходить, но на этотъ разъ мнѣ проходу не даютъ и кричатъ: «куда! не пускайте его!» Этого нельзя было не замѣтить, и обращаясь къ одному испанцу, одѣтому почище другихъ (послѣ я узналъ, что это былъ полковникъ Solano), я сказалъ ему:

— Senor, почему меня задерживаютъ? развѣ я обидѣлъ кого нибудь?

— Не въ томъ дѣло, что обидѣли, отвѣчалъ онъ:—а ваши соотечественники обижаютъ нашу землю.

— Какіе же соотечественники? Вы говорите про американцевъ, —а я русскій. Чѣмъ же русскіе васъ обидѣли?

— Русскіе ничѣмъ не обидѣли и ложъ вамъ не поможетъ. Вы знаете, что шпионовъ вѣшаютъ, такъ зачѣмъ же вы пришли сюда?

— Да какой я шпионъ? Съ чего вы это взяли, позвольте спросить по крайней-мѣрѣ, почему вы думаете, что я шпионъ? Есть

ли здѣсь *sempres*, продолжалъ я, возвысивъ голосъ и обращаясь ко всѣмъ: — ктонибудь изъ Сан-Діаго. Я сейчасъ докажу вамъ, господа, что я пришелъ сюда оттуда, а не отъ американцевъ.

Между тѣмъ говоръ становился громче и натискъ сильнѣе. Полковника я потерялъ изъ виду въ толпѣ, и потому, обращаясь ко всѣмъ, еще разъ сказалъ громко, почти во все горло, чтобъ покрыть шумъ:

— Сеньоресы! кто тутъ есть изъ Сан-Діаго, или кто знаетъ тамъ дон-Мигеля Игеру? Неужели никого нѣтъ?

Но мнѣ не дали окончить, когда одинъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ужъ чего слыаться на Сан-Діаго, когда васъ видѣли въ Монтереѣ, не далѣе какъ на прошедшей недѣлѣ!

Это меня удивило. — Кто видѣлъ меня въ Монтереѣ, *sempres*? вскричалъ я.

— Вотъ, онъ видѣлъ! говорятъ, указывая на высокаго, немнѣтаго, оборваннаго испанца, который въ то же время подступилъ ко мнѣ и кричалъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ и откинувшись назадъ голову съ видомъ неподдѣльной и совершенной увѣренности:

— Я видѣлъ васъ въ Монтереѣ, у Ларина въ лавкѣ!

И тыча обими указательными пальцами своими въ оба глаза, прибавлялъ:—Я видѣлъ, вотъ этими собственными глазами своими, какъ вы съ нимъ разговаривали и онъ васъ подчивалъ виномъ!

(Здѣсь я замѣчу мимоходомъ, что Томасъ Ларинъ, американецъ, уже лѣтъ 20 поселившійся въ Монтереѣ и женатый на здѣшней уроженкѣ, купецъ, и съ нѣкотораго времени генеральный консулъ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ Калифорніи, считался до самаго конца войны первымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій американцевъ).

— Яснѣе этого ничего быть не можетъ! сказали тутъ нѣсколько человекъ.—Да что съ нимъ толковать!

Я кричу: «Не правда!» Но меня уже не слышно. Тотчасъ же испанецъ, который видѣлъ меня въ Монтереѣ, гдѣ я, конечно, тогда не бывалъ еще, ухватился за мою винтовку; я сталъ бороться съ нимъ, но въ то же мгновение меня схватила дюжина рувъ; въ это время я опять увидѣлъ полковника Salano, и вскричалъ ему: «*Senor!* удержите этихъ людей отъ душегубства. Убить человѣка недолго; но образованныя націи убиваютъ ли по одному подозрѣнію? Пошлите въ Сан-Діаго въ дон-Мигеля Игеру; онъ вамъ скажетъ, откуда я пришелъ въ нему, и что на прошедшей недѣлѣ я былъ у него, а не въ Монтереѣ. Притомъ же я

сегодня еще встрѣчалъ на дорогѣ многихъ людей въ разныхъ разстоянiяхъ отъ города по дорогѣ въ Сан-Діэго. Можетъ быть, что немного погода или хотъ завтра кто нибудь найдется изъ тѣхъ, которые видѣли меня на дорогѣ. И статочное ли дѣло, чтобы будучи шпиономъ, пошелъ я на площадь явно, между народомъ!»... Критическое положеніе придавало голосу моему твердость и громкость. Я чувствовалъ, что дѣло идетъ о жизни или смерти; притомъ же былъ невиненъ. Я говорилъ съ жаромъ, но складно. Между тѣмъ мнѣ свернули руки назадъ опояской, и сняли съ шеи рогъ съ порохомъ; винтовку вырвали еще прежде. Еще оставалась у меня дорожная котомка. Въ это время два человѣка протолкались ко мнѣ, и одинъ спросилъ меня поспѣшно:

— Какъ васъ зовутъ?

При этомъ вопросѣ вдругъ настала всеобщая тишина.

Я сказалъ ему свое имя и фамилію, которую долженъ былъ повторить нѣсколько разъ.

— Ну, вотъ видите! вскричалъ онъ торжественно:—и тутъ неправда. Вы говорите, что вы русскій! мы много разъ бывали въ *Боденъ*. Мы знаемъ, что всѣ русскія фамиліи кончаются на *off*, а у васъ чисто-американское имя. Да русскіе и никогда не ходятъ въ Санта-Фэ, и они совсѣмъ не такіе люди, все бѣлье, толстые, большіе...

Послѣднія слова были сигналомъ къ ужаснѣйшему шуму. Казалось, что толпа только этого и ждала еще. Всѣ заговорили вдругъ, я могъ разслышать только отдѣльныя слова: «*Cuchillada!* (ножомъ его), *balazo!* (пулю), *cuerdal!* (петля), *espial!*...

Въ эту рѣшительную минуту я замѣтилъ въ толпѣ физиономію, которая мнѣ казалась принадлежащею французу. Человѣкъ этотъ не принималъ никакого участія въ общемъ гвалтѣ и глядѣлъ на меня съ состраданіемъ. Я не ошибся. Это былъ парижанинъ Камбустонъ, мой избавитель. Я закричалъ ему, пофранцузски, чтобъ онъ послушалъ меня. Услыша свой языкъ, онъ протѣснился ко мнѣ, и видно было, что ему оказывали уваженіе. Толпа смолкла немного. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Выслушавъ меня, онъ обратился къ испанцамъ и сказалъ громко: «*Senores!* этотъ сенег говоритъ, что онъ русскій и пришелъ въ Санта-Фэ. Можетъ быть, это неправда, но можетъ быть, что и правда. О чемъ же мы думаемъ? помѣстимъ его въ *калабосо*, и пошлемъ справиться въ Сан-Діэго. Если оважеться правда, то вы избавились отъ грѣха. А если неправда, если онъ точно шпионъ изъ Монтерея, то мы по крайней-мѣрѣ прежде пытаемъ отъ него, чтѣ дѣлаютъ американцы въ Монтерей и чего

имъ надобно отъ насъ. А то мы уже убили одного сегодня безъ малѣйшей пользы для насъ!»!

Эта краткая рѣчь произвела свое дѣйствіе. Всѣ закричали: «*Bueno, bueno, al salabozo! al salabozo!*»! и меня съ триумфомъ повели въ городскую тюрьму и тамъ развязали руки и заперли на замокъ.

Здѣсь я долженъ пояснить, что французы, которыхъ довольно много въ Калифорніи, имѣли въ это время большой вѣсъ у жителей, оттого, что при первыхъ слухахъ о намѣреніяхъ американцевъ относительно Калифорніи, они сами распространили молву—очевидно для своей безопасности отъ жителей и на всякій случай, а можетъ и въ самомъ дѣлѣ думали, будто бы король французскій, по просьбѣ папы, послалъ уже множество кораблей на помощь калифорнцамъ, противъ язычниковъ—какъ здѣсь и въ Мексикѣ называютъ протестантовъ; что эти корабли уже близко, и должны прибыть сюда со дня на день; что тогда, разумѣется, не останется въ живыхъ ни одного американца и прочее. Американцы же, какъ нарочно, тотчасъ по занятіи Монтерее 7 іюля (1846), приставили стражу къ квартирѣ французскаго консула, подъ предлогомъ сношенія его съ калифорнцами, но въ самомъ дѣлѣ, по просьбамъ Ларкина, изъ торговаго соперничества. Этими они, сами не зная того, какъ-бы подтвердили слухи о враждѣ своей съ французами.

Занятіе американцами Монтерее, о которомъ говорили, что онъ разрушенъ до основанія, происходило, напротивъ, очень мирно, и безъ единого *враждебнаго* выстрѣла. Вотъ что рассказывали мнѣ объ этомъ очевидцы и участники: Командоръ Слотъ (Sloate), съ фрегатомъ «Саванна» въ 60 пушекъ, стоялъ уже недѣли двѣ на якорѣ на монтерейскомъ рейдѣ, и могъ бы занять Монтерей одинъ; но для бѣльшаго эффекта (который американцы никогда не упускаютъ изъ виду), поджидалъ еще корветъ «Саану» (Saune) съ 22 пушками, которому было послано предписаніе прибыть въ Монтерей къ 1 іюля; однако, корветъ прибылъ нераньше 6, къ немалой досадѣ американцевъ, которымъ очень хотѣлось праздновать въ этотъ годъ 4 іюля—день годовщины провозглашенія независимости сѣверо-американскихъ колоній отъ Англій въ 1774 году и національный праздникъ Соединенныхъ Штатовъ—присоединеніемъ къ своей землѣ такой прекрасной области, какъ Калифорнія, въ лицѣ главнаго ея города Монтерее. Итакъ 7 іюля утромъ посадили на лодки маринновъ (maringes—морскіе солдаты) съ обѣихъ кораблей, всего 65 человекъ: 20 съ Саану, и 45 съ Саванны. Когда все было готово, то по поданному сигналу всѣ лодки, всего 16, отчалили вдругъ отъ своихъ кора-

блей, и сейчас же выстроились въ 4 линіи. Въ первой линіи ѣхалъ одинъ командоръ Слотъ; во второй два командира подъ нимъ: одинъ съ фрегата, другой съ корвета; остальные 13 лодокъ съ матросами слѣдовали за ними въ двѣ линіи съ мичманомъ на каждой лодкѣ. На каждой лодкѣ развѣвался флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Матросы всѣ были въ парадныхъ мундирахъ (бѣлые брюки, темно-синяго тонкаго сукна мундиры съ двумя петлицами изъ желтой тесьмы на синихъ же воротникахъ и съ блестящими эполетами изъ желтой мѣди, аммуниція бѣлая и очень красивыя каски), и матросы тоже; а на Саваннѣ, которую еще навагунѣ прибуksировали ближе къ берегу, въ это время отличный хоръ испанскихъ музыкантовъ (съ острова Маборки), игралъ на духовыхъ инструментахъ съ турецкимъ барабаномъ торжественный національный американскій маршъ тихаго шага, на голосъ народной пѣсни: «Hail Columbia, happy land!» Погода была самая тихая, ясная и музыка раздавалась по всей гавани; гребли нарочно медленно, чтобъ процесія имѣла болѣе триумфальный видъ. Такимъ образомъ, пристали къ берегу и командоръ Слотъ первый взомель на пристань. Здѣсь вся рать выстроилась въ двѣ шеренги. Солдаты привкнули штаны, въ нимъ пристроили съ лѣваго фланга гребцовъ, оставивъ только по 2 человека въ каждой лодкѣ. Съ пристани повели людей къ таможнѣ (duana), большому деревянному строенію, двухэтажному и ветхому, съ галереєю, стоящему на берегу недалеко отъ пристани, и выровняли команду. Здѣсь назначенъ съ Сааны, мистеръ Прайсъ, прочиталъ громко короткій актъ занятія города войсками Соединенныхъ Штатовъ по случаю войны съ Мексикою; въ то же время лейтенантъ Хиггинсъ (Higgins) поднялъ американскій флагъ на шестѣ, привязанномъ предварительно въ угловому столбу галереи таможни. Флагу солдаты сдѣлали на караулъ и всѣ кричали «ура!» а съ Саванны салютовали его 21 выстрѣломъ. Потомъ солдаты повели въ мексиканскія казармы, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, а матросы возвратились на корабль, тѣмъ и кончилось. Капитанъ Мервинъ (Mervine) съ Сааны былъ назначенъ временнымъ губернаторомъ Монтерея, а вмѣсто его капитаномъ на Саану—первый лейтенантъ съ Саванны, м-г Dupont.

— А калифорнцы, что жъ дѣлали? спрашивалъ я съ удивленіемъ.—Гдѣ же было испанское начальство?

— Какіе калифорнцы? Мы никого не видали, кромѣ дюжины полувагихъ индійскихъ ребятшекъ; а губернаторъ Хосэ-Кастро, прежде всѣхъ удралъ въ Мексико, еще за мѣсяцъ до этого.

— Да гдѣ же наконецъ были обыватели города, эти храбрые наѣздники?

— Гдѣ? разбѣжались въ лѣсъ.

Возвратимся теперь въ Пуэбло. Вся сцена на площади передъ булочной продолжалась не болѣе получаса. Оказалось, что городская тюрьма или колабосо есть простая комната, одна изъ множества службъ, построенныхъ для индѣйцевъ, въ длинную линію подъ общою крышею, еще во время цвѣтущаго состоянія миссій. Въ ней, какъ и во всѣхъ прочихъ, не было полу, и только двѣ двери вмѣсто оконъ, которыя, однако, были заколочены. Впослѣдствіи я осматривалъ всѣ эти зданія и убѣдился, что изъ сотни одинаковыхъ комнатъ, назначили подъ салавозо именно эту, только потому, что въ ней одной еще уцѣлѣлъ замокъ у дверей. Когда меня заперли, то на дворѣ уже смеркалось, а у меня было совсѣмъ темно. Первымъ дѣломъ моимъ было обойти комнату ощупью, чтобъ ознакомиться съ мѣстоположеніемъ; я не нашелъ ничего, кромѣ четырехъ голыхъ, очень шершавыхъ стѣнъ, и въ одномъ углу три *адобэ*. За неимѣніемъ другой мебели, я избралъ этотъ уголокъ своимъ *уложкомъ*, и расположился здѣсь, чтобъ окончить ужинъ, прерванный такимъ непріятнымъ *entre-met*. Жаркое время года, усталость и болѣе всего жаръ, съ которымъ я говорилъ, породили сильнѣйшую жажду; и подобно Ричарду III, дававшему царство за коня, а чувствовать, что теперь далъ бы царство, еслибъ имѣлъ его, за стаканъ воды. Но вблизи не было ни одной души; и такъ я довольствовался хлѣбомъ и ветчиною, которыя, несмотря на нестерпимую жажду, все-таки казались мнѣ вкуснѣе, чѣмъ когда либо. Я зналъ, что вся опасность для меня прошла, и былъ спокоенъ. Поужинавъ, я только и думалъ, чтобъ отдохнуть, но это было ужъ потруднѣе. Скоро оказалось, что я здѣсь не одинъ: когда глаза привыкли къ мраку, можно было видѣть, какъ летучія мыши, для которыхъ уже насталъ день, перелетаютъ изъ угла въ уголокъ. Еще прежде, только что я усѣлся на *адобэ*, на меня напали мнѣриады блохъ—бичь Калифорніи; и комары тоже, которые въ это время года ищутъ убѣжища отъ жару въ землянкахъ. У меня не было ни плаща, ни сарапе. Я попробовалъ лечь, но скоро увидѣлъ, что только мертвый можетъ лежать спокойно въ этомъ мѣстѣ: и сидѣть нельзя было болѣе минуты въ одномъ положеніи. Надо безпрестанно воевать съ блохами, а болѣе съ комарами. Я попробовалъ ходить, но отъ усталости едва могъ стоять на ногахъ. Сонъ одолевалъ и жажда стала мучить меня до крайности. Наконецъ я рѣшился укутаться такъ, чтобъ ни одна частица тѣла не оставалась обнаженною для комаровъ, которые жужжаніемъ своимъ беспокоили меня болѣе всего. Такимъ образомъ избавившись хотя отъ одного врага, и рассчитывая что уста-

лость поможетъ заснуть, несмотря на блохъ, я надѣялся на время забыть жажду. Для этого я завязалъ панталоны у башмаковъ, заткнулъ уши, опросталъ дорожную суму, и прогрызши въ ней зубами небольшое отверстіе для дыханія, надѣлъ ее себѣ на голову; картузь съ книгою на одномъ адобѣ служили изголовьемъ. Наконецъ я завязалъ руками и зубами наглухо рукава у рубахи, которая, къ счастью, была широкая и съ длинными рукавами, и укутавшись какъ могъ сюртукомъ и носовымъ платкомъ, рѣшился не обращать болѣе никакого вниманія на комаровъ, блохъ, мухъ, пауковъ, крысъ и мышей, летучихъ и бѣгающихъ.

Во снѣ новое мученіе: Еще никогда мнѣ не снилось столько разныхъ напитковъ, какъ въ эту ночь, но всѣ они только по губамъ текли, а въ ротъ не попадали.

Я проснулся отъ легкихъ толчковъ въ бока. Выдернувъ голову изъ сумы, я увидѣлъ передъ собой человѣка, который отъ мрака казался аршиномъ длиннѣе. Онъ сказалъ: «Вставайте, сеньоръ, я вамъ принесъ ужинать.»

— *Mil gracias, senor*, отвѣчалъ я, распутываясь и стараясь зубами развязать одинъ рукавъ:—я голоденъ, но ради Бога, дайте мнѣ немного воды, я умру отъ жажды.»

Онъ оборотился и сказалъ кому-то, котораго я прежде не примѣтилъ: «Antonio, принеси скорѣй бутылку воды, да сарапе мое старое тоже. Скорѣй!»

Тутъ я разсмотрѣлъ, что въ комнатѣ было еще человѣкъ пять. Меня спрашиваютъ, отчего я не ѣмъ. Я сказалъ, что уже ужиналъ.

— Но вамъ здѣсь неловко спать.

— Да ужь очень неловко, отвѣчалъ я:—однако я такъ усталъ, что заснулъ какъ только улегся. Который теперь часъ?

— Часовъ 10, я думаю. Сейчасъ вамъ принесутъ одѣяло и воды. Надѣюсь, что вы... Проклятые комары!... проведете остатокъ ночи получше.

— Благодарю васъ, *senor*.

Одинъ изъ бывшихъ тутъ снялъ съ себя сарапе, и молча подарилъ мнѣ. Скоро прибѣжалъ Antonio съ водою и съ сарапе.

— Теперь вы постелите одно одѣяло, а другимъ закройтесь. Прощайте, спокойной ночи. Замочъ щелкнулъ и я снова остался одинъ съ комарами и мышами, но на этотъ разъ былъ лучше вооруженъ противъ нихъ.

III.

Солнце было уже высоко, когда громкій говоръ людей въ моей чижовкѣ разбудилъ меня. Неплотная черепичная крыша пропу-

скала довольно солнечных лучей, чтобъ хорошо освѣтитъ внутренность. Перваго я увидѣлъ Камбустона.

— Мы пришли, сказалъ онъ, поиспански:—чтобъ еще разъ спросить васъ, точно-ли вы не изъ Монтерея. Вы видите передъ собой самыхъ почетныхъ людей Пуэбло, собственно здѣшній магистратъ. Они вамъ даютъ слово, и я честию ручаюсь, что они говорятъ правду, что хотя бы вы точно были подосланы американцами, вамъ нечего опасаться, если вы только сообщите намъ все, что знаете о силѣ, средствахъ и настоящихъ нахѣреніяхъ ихъ.

— Прежде чѣмъ я буду отвѣчать на вашъ вопросъ, сказалъ я Камбустону:—позвольте мнѣ спросить васъ. посланъ ли кто нибудь въ Сан-Діэго къ дон-Мигелю Игера? Онъ отвѣчалъ, что еще не посланъ; магистратъ думаетъ, будто только страхъ смерти заставилъ меня вчера сослаться на д. Мигеля, чтобъ выиграть время; и что они изъ состраданія пришли предложить мнѣ средство избавитися отъ лютойи народа, который увѣрепъ, что я шпионъ и что я знаю Сан-Діэго и дон-Мигеля только потому, что былъ тамъ въ 1844 году съ генераломъ Мигель-Торрена.

— Господа, что я сказалъ вчера, то говорю и сегодня и буду говорить, пока меня будутъ спрашивать. Я не американецъ, а русскій путешественникъ, пришелъ сюда не изъ Монтерея, а изъ Сан-Діэго; а туда пришелъ изъ Санта фэ, гдѣ жилъ около двухъ лѣтъ; въ Санта-фэ прибылъ изъ Соединенныхъ Штатовъ еще въ 1844 году. Теперь объ американцахъ знаю только то, что они напали на Калифорнію, а за что и для чего и какія у нихъ средства — не знаю. Я несколько не удивляюсь тому, что мнѣ не вѣрятъ на слово: напротивъ, я нахожу, что для людей въ нашемъ положеніи вы поступаете очень благоразумно. Но мнѣ удивительно, что вы еще находите нужнымъ разспрашивать меня, тогда какъ у васъ есть гораздо вѣрнѣйшее средство убѣдиться въ истинѣ и на счетъ меня и на счетъ американцевъ: вамъ стоитъ только послать въ Сан-Діэго, чтобъ узнать, правду ли или неправду я вамъ говорю. — Я имъ еще старался растолковать, что если они мнѣ не вѣрятъ, и если не хотятъ спросить людей, изъ которыхъ я ссылаюсь, и которыми они должны повѣрить, то это показываетъ ясно, что они ужъ не добываются истины, а просто хотятъ обижать человѣка безъ всякаго повода съ моей стороны, и безъ малѣйшей пользы для себя. Что поступать такимъ образомъ съ мирнымъ путешественникомъ, зашедшимъ къ нимъ случайно въ несчастное время, значитъ не уважать несколько правъ человѣчества, и поступать вопреки всѣмъ правиламъ, принятымъ у образованныхъ націй. — Что же касается до

американцевъ, то по моему мнѣнію очень ясно, что они хотѣтъ завладѣть Калифорніею, что имъ незачѣмъ и подсылать шпионовъ, потому что здѣсь издавна поселились многіе ихъ соотечественники; и я, зная по опыту—что они народъ очень осторожный, смѣло могу увѣрять почтеннѣйшій магистратъ, что прежде чѣмъ эскадра тронулась изъ Бостона или Нью-Йорка, командиры ихъ уже на перечесть знали подробно, что здѣсь дѣлается, не только въ Пуэбло, но и въ самомъ скрѣтномъ уголку Калифорніи... Наконецъ я намекалъ имъ, но вѣжливо, чтобъ не оскорбить, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ высокопочтенному магистрату приличнѣе было бы обдумать, что они будутъ дѣлать, когда непріятель придетъ къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣсто того чтобъ терять время на допросы и теревить одного безоружнаго и совсѣмъ посторонняго человѣка, какъ будто отъ мопхъ показаній зависѣла вся ихъ судьба.

Я бы долго еще говорилъ, еслибъ одинъ изъ присутствующихъ, который еще въ началѣ моей рѣчи подвѣлъ съ полу книгу, данную мнѣ на прощаніе дон-Мигелемъ и во все это время перелистывалъ ее, разсматривая гравюры съ великимъ вниманіемъ, не спросилъ меня съ загадочной и нѣсколько торжественной миной, прищуривъ немного одинъ глазъ:

— А кавая это у васъ книга, сеньор?

— Это медицинская книга, сеньор.

— Гм! Медицинская. А поваковски она писана? вѣдь поамерикански?

— Книга писана на англійскомъ языкѣ, сеньор, а что?

— То-то на англійскомъ языкѣ! къ чему увертываться? вѣдь американцы же говорятъ поанглійски?

— Да, американцы Соединенныхъ Штатовъ говорятъ поанглійски. Такъ что жъ?

— Какъ что! и обращаясь ко всѣмъ:—господа! къ чему, вы думаете, онъ таскаетъ съ собой книгу съ нашими портретами, если не для того, чтобъ знать насъ въ лицо, и тѣмъ быть въ состояніи лучше слѣдить за нами? Вотъ Дон-Андресъ Пико, а вотъ дон-Хосе Рамонъ Каріо. Что вы на это скажете, сеньор, а?

Я видѣлъ ясно, какъ г. Камбустонъ покраснѣлъ. Осмѣять испанца значить обидѣть его смертельно, а потому я отвѣчалъ чрезвычайно серьезно и еще посмотрѣвъ съ минуту въ книгу:

— Позвольте, сеньор; вѣжета, это портретъ дон-Августина Итурбиде... да точно! это дон-Августинъ Итурбиде, а это Morelos... Вы знаете поанглійски, сеньор? спросилъ я его.

— Не совсѣмъ-то хорошо, отвѣчалъ онъ, смягчившись значительно и вѣроятно догадываясь, что затѣвалъ глупость.

— А я хотѣлъ показать вамъ, что написано на заглавномъ листкѣ этой книги; вотъ видите здѣсь внизу: 1842 и подъ нимъ London. Это значить, спросите сепог'а француза, что книга печатана въ Лондонѣ, такъ какимъ же образомъ...

— Хорошо, хорошо, сепог... а гдѣ вы достали эту книгу?

— Ее подарилъ мнѣ Дон-Мигель Игера на прощаньѣ.— Итакъ, господа, я васъ еще прошу, пошлите въ Сан-Діаго, вѣн освободите меня поскорѣй. Я, право, тороплюсь въ Сан-Франциско, чтобы застать тамъ русское судно. И чѣмъ же я виновать, что у васъ война съ американцами?

— Однако, сепог, началъ опять тотъ же членъ магистрата:— мнѣ странно, что въ медицинскій книгѣ есть портретъ Дон-Августина Итурбиде. Вѣдь онъ былъ у насъ императоръ, а не medico. И Морелось тоже не медикъ?

— Я вамъ сейчасъ объясню, зачѣмъ здѣсь эти портреты. Эта книга трактуетъ только о болѣзняхъ головы; такъ вотъ эти черепы, разрѣзанные на части...

— Вотъ эти, что книжки въ головѣ?

— Да, отвѣчалъ я, бросивъ умоляющій взглядъ на Камбустана:— вотъ это все больныя головы, а вотъ это здоровыя. Авторъ книги, для примѣра здоровыхъ головъ, не могъ найти лучше мексиканскихъ, такъ онъ и срисовалъ головы д. Авг. Итурбиде, и эту, и еще разныя... все мексиканцы, кажется.

— Сеньоръ говоритъ правду, замѣтилъ Камбустопъ.— Что же мы будемъ дѣлать, господа? продолжалъ онъ.— Надо же послать въ Сан-Діаго; а между тѣмъ, пусть сеньоръ русскій — живетъ въ Пуэбло. Онъ намъ дастъ честное слово, что не пойдетъ къ американцамъ до возвращенія посланнаго.

— Что вы говорите? возразилъ другой изъ членовъ.— Развѣ вы забыли, что народъ твердо убѣжденъ, что изловилъ шпиона: ему житья не будетъ въ городѣ и онъ волею или неволею убьютъ, несмотря на пароль.

— Но отчего же дон-Августинъ Итурбиде такъ похожъ на дон-Андреса Пико, и эта другая голова на д. Хосе Рамона Каріо? Это не даромъ, продолжалъ мой мучитель, дон-Хуанъ Мартинесъ, какъ я узналъ послѣ.

Пока я ему объяснялъ, что это игра случая, кто-то верхомъ подскакалъ къ самой двери калабосо, и чрезъ секунду вошелъ знакомый мой полковникъ Solano съ огромными шпорами у пятотъ. Онъ привезъ новость, что американцы, разоривъ огнемъ и мечомъ всю сѣверную Калифорнію, уже заняли Санта-Барбара, и идутъ на Пуэбло; но что въ то же время мексиканскій генералъ дон-Анастасіо Бустаменте идетъ изъ Мексика съ 10,000

войскомъ. Тутъ начался предположенія, какъ американцевъ славно привокотятъ, и даже жаркій споръ о томъ, куда Бустаменте прежде пойдетъ, на сѣверъ или на югъ. Обо мнѣ совсѣмъ забыли и вспомнили только, когда дон-Хуапъ Мартинесъ еще спросилъ меня:

— Откуда же сочинитель книги досталъ голову Итурбиде и другихъ испанцевъ?

И это я объяснилъ ему, и обратился уже въ Камбустону съ просьбою привести собраніе въ какомунибудь заключенію, и сдѣлать для меня то, чего бы онъ желалъ, чтобъ сдѣлалъ для него, еслибъ онъ былъ въ моемъ положеніи.

Въ это время калабосо было уже биткомъ набито и книга моя переходила изъ рукъ въ руки. Наконецъ одинъ вышелъ съ нею вонъ, сказавъ мнѣ: «мы здѣсь за дверью посмотримъ ваши картинки, и послѣ возвратимъ вамъ книгу.» За нимъ вышло человѣкъ 6 или 7; людей этихъ я видѣлъ послѣ, но никто изъ нихъ не зналъ, куда дѣвалась книга.

Г. Камбустонъ остальнымъ пропнесь рѣчь, въ которой повторилъ все, что уже было говорено на счетъ меня. Я замѣтилъ, что онъ хорошо изучилъ испанскій характеръ, потому что не скупился на слова: образованный, образованность, которая такъ льстятъ этимъ полудикарямъ. Калифорнцы и мексиканцы, какъ истинно испанское племя, до того ослѣплены самолюбіемъ, что въ доказательство своей образованности готовы *бить* всякаго, кто публично смѣлъ бы утверждать, что они не самый просвѣщенный, религіозный и челоуѣколюбивый народъ въ мірѣ.

Наконецъ рѣшилъ, что надо послать въ Сан-Діаго, и магистратъ собирался выходить, какъ Мартинесъ еще спросилъ меня, какого я ремесла? Въ Америкѣ, не только въ испанской, но и въ Соединенныхъ Штатахъ, всѣ увѣрепы, что всякій европеецъ непременно ремесленникъ. Къ этому я давно уже привыкъ, и отвѣчалъ, что я позументный мастеръ, зналъ, что такихъ фабрикъ нѣтъ здѣсь.

— Такъ зачѣмъ же у позументнаго мастера медицинская книга, да съ головами д. Итурбиде и другихъ?

Но г. Камбустонъ, который уже начиналъ выходить изъ терпѣнія, и казалось стыдился, что имѣетъ такъ мало вліянія и что, несмотря на его старанія, меня не перестаютъ мучить, отвѣчалъ ему вмѣсто меня; и потомъ вышелъ, зная, что другіе ~~будутъ~~ идутъ за нимъ. Этимъ онъ точно кончилъ всѣ разсужденія, а я, оставшись опять одинъ, принялся за вчерашній испанскій ужинъ, въ которомъ жареное мясо осталось нетронутымъ, потому что оно здѣсь очень сильно приправляется стручковымъ пер-

домъ; за то крысы утащили ночью весь хлѣбъ, то-есть двѣ пшеничныя прѣсныя лепешки (tortilla), кромѣ того ветчину и булки, оставшіяся отъ моей собственной провизіи.

Г. Камбустонъ, пришедшій вечеромъ навѣстить меня, объявилъ мнѣ въ видѣ утѣшенія, что завтра чѣмъ свѣтъ гонецъ отправляется въ Сан-Діэго.

— Еще только завтра! Боже мой!

— Да, вы думаете легко сладить съ этими чурбанами. Здѣсь въ городѣ теперь собственно нѣтъ никакого начальства, и всякій хочетъ командовать, а повиноваться никто ими же избранному магистрату, членовъ котораго вы видѣли здѣсь. На этихъ я имѣю вліаніе, да ихъ-то никто не слушается. И ѣдетъ въ Сан-Діэго не нарочный, потому что охотниковъ не оказалось, а молодой человекъ, который и безъ того завтра поѣхалъ бы туда.

— Когда же онъ будетъ назадъ?

— Онъ можетъ быть назадъ послѣ-завтра, а можетъ быть и чрезъ пять дней, какъ ему вздумается.

— Слѣдовательно, время моего заключенія зависитъ отъ этого человека?

— Нѣкоторымъ образомъ, да.

— Но справедливо ли это? и за что я буду терять столько времени? Скажите мнѣ откровенно, monsieur, что вы стали бы дѣлать на моемъ мѣстѣ? Мнѣ вѣжета, что еслибъ мнѣ удалось уйти отсюда безъ ихъ согласія, такъ, своими средствами, то никто не обратилъ бы на это вниманія при теперешнемъ положеніи дѣлъ?

— Ошибаетесь; теперь-то и опасно бѣжать. Вы видите, какія у нихъ понятія о войнѣ. Что жъ дѣлать, если по ихъ мнѣнію верхъ военной тактики состоитъ въ шпіонствѣ; а сами, между тѣмъ, боятся сѣздить въ Монтерей и посмотреть, что дѣлаетъ тамъ непріятель. Я съ вами говорю откровенно. Вы знаете, что они очень храбры...

— Да! десятеро вооруженныхъ на одного безоружнаго.

— Именно, я хотѣлъ сказать, храбры на пустяки. Медвѣда не замѣчаютъ, а за мухой гонятся. Приготовленій къ отпору американцевъ никакихъ нѣтъ; а скройтесь-ка вы теперь, такъ 50 человекъ пустятся за вами въ погоню. Я васъ не держу. Миѣ васъ отъ души жалко, и еслибъ было возможно, то я бы въ эту же ночь далъ вамъ еще лошадь. Но какая польза? Завтра же привели бы васъ назадъ на арканъ; и тогда уже никто не увидитъ ихъ, что вы не американецъ. Къ тому же, я знаю навѣрное, что русское судно не придетъ въ Сан-Франциско ранѣе сентября или октября. Такъ что жъ вамъ значить подождать нѣ-

сколько дней, и на вашемъ мѣстѣ я бы именно такъ сдѣлать. Знаете ли почему? Отсюда до Сан-Франциско считаютъ около 240 миль англійскихъ (около 360 верстъ), и туда только одна дорога берегомъ, чрезъ миссии и Монтерей. Вамъ придется проходить множество ранчъ. Народъ теперь вездѣ взволнованъ и ожесточенъ; и то, чтó случилось вчера здѣсь, можетъ случиться еще 10 разъ, пока вы дойдете до мѣста, потому что у васъ никакихъ документовъ вѣдь нѣтъ?

— Никакихъ нѣтъ!

— Да еслибъ и были, напримѣръ, русскія бумаги, то онѣ вѣроятно немного бы помогли вамъ. Когда же здѣсь получите отъѣздъ изъ Сан-Діэго, то вы можете требовать, и я тоже буду требовать, чтобъ вамъ выдали отъ здѣшняго магистрата свидѣтельство, кто вы, откуда и куда идете — родъ паспорта. Вы понимаете, что съ такою бумагою вамъ можно смѣло идти по этой несчастной странѣ. По крайней-мѣрѣ съ ней безопасно, чѣмъ вовсе безъ всякаго доказательства.

— Объ этомъ я и не подумалъ, отвѣчалъ я: — я съ вами совершенно согласенъ. Но не ужъ-то правда то, чтó сказала одинъ изъ членовъ магистрата, что я только въ калабосо въ безопасности?

— Я уже думалъ и объ этомъ, и въ сожалѣнію долженъ отвѣчать утвердительно. Вы помните немую *образину*, чтó утверждала вчера, будто видѣла васъ въ Монтерей. Я говорилъ съ нимъ недавно, и чтó же вы думаете? Онъ настанываетъ на томъ, что не ошибается. Его всѣ слушаютъ и ему всѣ вѣрятъ. Еще нашелся одинъ, который видѣлъ васъ два года назадъ въ Сан-Діэго, когда американцы пришли сюда съ генераломъ Мичель-Торреною. *Que voulez vous qu'on fasse?* всѣ доводы въ мірѣ бессильны съ такимъ народомъ. Да мало ли было говорено сегодня утромъ въ этой самой комнатѣ? Вы думаете, что убѣдили магистрата? Нисколько. Миѣ поручали еще разъ разспросить васъ наединѣ. Но уже, разумѣется, я не затѣмъ пришелъ, а пришелъ успокоить васъ и узвать: не могу ли чѣмъ облегчить вашу участь, такъ-какъ для будущей вашей безопасности необходимо, чтобъ это дѣло имѣло свой ходъ. Я вамъ пришлю сюда постель.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого. Здѣсь будетъ ровно столько же блохъ, комаровъ, врысь и прочаго при постели, какъ и безъ нея. Вы только испортите бѣлье, а миѣ не пособите; къ тому же, странствованіе въ пустынѣ научило меня спать жестко. Но я попрошу васъ прислать миѣ добрую охапку соломы и немного писчей бумаги, такъ-какъ взятая мною бумага изъ Сан-Діэго уже исписана, видите. Карандашъ есть у меня, и миѣ не будетъ скучно. Позвольте спросить еще, каковъ этотъ человекъ, кото-

рый отправляется въ Сан-Діаго: глупый или смысленый, и не перевертъ ли онъ съ умысломъ или безъ умысла то, что ему поручили узнать?

— На счетъ этого не безпокойтесь. Я самъ написалъ письмо къ дон-Мигелю, съ которыми мы очень дружны, и просилъ его приложить письменное свидѣтельство отъ тамошняго Alcalde.

— Въ такомъ случаѣ я совершенно спокоенъ. Еще одно: какой порядокъ существуетъ здѣсь на счетъ этого калабосо? Кто имъ завѣдываетъ и откуда я буду получать пищу?

— Собственно имъ никто не завѣдываетъ, и ключъ лежалъ въ магистратѣ на окнѣ. Пищу я вамъ буду посылать; но я настоялъ на томъ, чтобъ назначили человѣка, для вашего же удобства, вы понимаете?—и церковный сторожъ взялъ ключъ къ себѣ. Вотъ онъ стоитъ на улицѣ и дожидается меня. Ему приказано приходить сюда три раза въ день. Итакъ, прощайте. Я вамъ пришлю соломы, бумаги и поужинать.

«Итакъ» думалъ я, оставшись одинъ: «полагая, что русское судно придетъ въ Сан-Франциско не ранѣе октября, мнѣ остается еще три мѣсяца до того счастливаго времени, когда я опять увижу соотечественниковъ, услышу родной языкъ, и буду отправляться на родину». Три мѣсяца! Но не три мѣсяца, а три тяжелыхъ года протекли, пока я могъ отправиться изъ Калифорніи въ Ситху. И когда послѣ четырехмѣсячнаго ожиданія въ Ситхѣ, и послѣ восьмимѣсячнаго плаванія отъ Ситхи до Санктпетербурга, я, наконецъ, опять увидѣлъ (въ 1850 г.) родные берега Невы и сказалъ самъ себѣ въ восторгѣ: «Теперь всѣ несчастія мои кончились!»—въ эту самую минуту новыя испытанія мои только что начинались.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ИДЕАЛИСТОВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОВѢСТИ.

Посвящается Ю. П. П.

Вы помните Павла Николаича Т—хова; года два тому назадъ, когда онъ ненадолго вриѣзжалъ въ Петербургъ, вы его видѣли, и тогда же замѣтили, что онъ человѣкъ очень изящный и тонко развитый. Но я его знаю давно, съ того времени, какъ я еще только поступалъ въ студенты университета, а онъ уже нѣскольکو лѣтъ былъ военнымъ медикомъ. Онъ былъ старше меня годами десятью и, несмотря на то, мы, студенты, образовали около него кружокъ, очень въ нему расположенный. Онъ производилъ на насъ странное дѣйствіе; въ немъ было спокойствіе, глубина котораго казалась неизмѣримою. Это не было однакоже спокойствіе апатіи или холодное равнодушіе полнаго отчаянія; видимоу онъ былъ спокоенъ свѣтло и ровно. Оттого намъ было съ нимъ такъ хорошо. При немъ, бывало, разговоривъся и разболтаешься вволю: удивительный былъ мастеръ слушать и пощитать все до тонкости. Заспоривъ, бывало, разгорячивъся до подступа злости: онъ сейчасъ же точно руками разниметъ насъ и дастъ разговорю спокойное теченіе. Часто въ то время напала на меня молодая тоска; тогда я прямо шелъ къ нему и навѣрное зналъ, что просидѣвши часъ-другой, уйду отъ него успокоенный и усмиренный.

Онъ былъ одинокій человѣкъ и водилъ знакомство со множествомъ разнороднаго народа. Но что же это былъ за человѣкъ? Чѣмъ жилъ онъ? То-есть, что составляло его радость и горестъ, его внутреннюю жизнь? Никто не зналъ этого. Кромѣ его преданности медицинѣ, его постоянныхъ ученыхъ работъ, никто не зналъ за нимъ другого, болѣе личнаго, болѣе живого интереса. Онъ никогда не говорилъ о себѣ, никогда не высказывалъ своихъ желаній; не видагъ въ немъ было ни зависти, ни злобы; казалось, онъ никогда не испытывалъ ни особенныхъ восторговъ, ни особенныхъ огорченій.

Насъ это очень занимало. Въ то время, какъ мы вокругъ него ссорились, влюблялись, кутили, страдали или торжествовали самолюбиемъ, онъ оставался среди насъ неизмѣнно спокойнымъ и яснымъ. На попойкахъ онъ пилъ не менѣе другихъ, но ни разу не сдѣлалъ и не сказалъ ни единой глупости. Мы повѣрили ему свои тайны; онъ никогда не впадалъ въ откровенность и всегда увѣрялъ, что ему нечего открывать.

Помню слова его, которыя очень удивили меня. Мы всѣ называли его прекраснѣйшимъ человѣкомъ и часто говорили ему это въ глаза. Однажды на такую рѣчь онъ возразилъ мнѣ съ большою живостию: «ничего во мнѣ нѣтъ прекраснаго. Развѣ вы не видите, что хвалите во мнѣ одни отрицательныя качества? Что я не питаю никакихъ злыхъ мыслей и желаній, и не дѣйствую по какимъ-нибудь глупымъ капризамъ — въ этомъ еще небольшая заслуга. Отъ этихъ отрицательныхъ добродѣтелей никому ни тепло, ни холодно, а только мнѣ скверно». Какъ такъ? спросилъ я. — «Да такъ; я деликатенъ — это соблазняетъ того или другого обращаться со мною назойливо; я уступчивъ — отъ этого многіе становятся требовательны ко мнѣ въ высочайшей степени; я не отказываю въ услугѣ, когда могу — и непремѣнно находятъ такіе, которые думаютъ, что я обязанъ дѣлать имъ всякія услуги; я незлобивъ — и вотъ почти постоянно чувствую, что кто-нибудь старается взобраться мнѣ на шею и хорошенько осѣдлать меня. Все это пустяки, прибавилъ онъ, смѣясь: — да прекраснаго-то тутъ мало. Я немножко порчу людей. Настоящій прекрасный человѣкъ тотъ, кто ихъ исправляетъ, кто имѣетъ силу надъ человѣческими думами. Люди, какъ лошади, любятъ, чтобы ими правили твердо и сидѣли на нихъ крѣпко. А я видите какой — ни на кого не сажусь, да и самъ на себя сѣсть не позволяю».

Странный человѣкъ! Такъ мы ничего отъ него и не узнали. Я въ особенности приставалъ къ нему съ разпросами; я говорилъ ему, что онъ самый скрытный человѣкъ въ мірѣ, что странно, почему онъ не можетъ открыться даже людямъ такимъ близкимъ, какъ я, что имѣетъ же его жизнь какую-нибудь исторію, которая непремѣнно любопытна, какъ всякая исторія души человѣческой.

«Не нужно, не нужно! отвѣчалъ онъ, смѣясь: — совершенно излишніе разговоры. Вѣдь вы меня знаете? Чего же вамъ больше?»

Наконецъ однажды онъ проговорился. «Исторія! сказалъ онъ: — пожалуй, исторія и была; да только трудно, ужасно трудно разсказать ее».

Попробуйте! приставалъ я.

«Хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, я подумаю объ этомъ. Только нужно вѣдъ это написать, никакъ не иначе. Придется пожалуй возиться... Ну, когда-нибудь!»

Это *когда-нибудь* тянулось долго. Изрѣдка я напоминалъ ему общаніе, но онъ отвѣчалъ, что ему некогда. Я думалъ уже, что дѣло пропало.

Пять лѣтъ тому назадъ, ему пришлось по службѣ ѣхать въ провинцію и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ порядочной глуши. Мы переписываемся; но онъ не мастеръ на простыя письма, часто подолгу молчать; за то его рѣдкія письма, писанныя всегда по какому-нибудь особому случаю, полны питательнѣйшаго содержанія. И вотъ не такъ давно я былъ обрадованъ толстѣйшимъ пакетомъ: письмо въ шесть почтовыхъ листовъ! Оказалось, что тутъ по краиней-мѣрѣ часть той исторіи, которой я добивался. Въ началѣ онъ кой-кого ругаетъ, говорить о скудѣ своей жизни, потомъ объ обстоятельствахъ, неожиданно оставившихъ его на нѣкоторое время безъ дѣла, и затѣмъ продолжаетъ:

«Я вспомнилъ свое общаніе. Знаете ли, почему я такъ долго откладывалъ его исполненіе, да и теперь такъ неохотно приступаю къ нему? Занимаясь оытною наукою, я привыкъ къ порядку, правильности, ясности; я когда-то очень любилъ математику. Но тутъ я боюсь, что не сѣмѣю выразаться спокойно и отчетливо, что какъ-нибудь неволью собьюсь въ туманъ или въ сторону... Попробую, однако.

«Дѣло въ томъ, что я — существо нѣсколько особенное, не менѣе особенное, чѣмъ, на примѣръ, Гамлетъ Шигровскаго уѣзда. Съ раняго дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ только я себя помню, я постоянно чувствовалъ въ себѣ эту особенность, сознавалъ, что она лежитъ въ самой глубинѣ моей души, въ самомъ корнѣ моей натуры. Въ извѣстномъ смыслѣ ее можно бы назвать идеализмомъ или даже гамлетизмомъ; но гораздо лучше будетъ, если я, безъ всякихъ околичностей, расскажу вамъ, какъ было дѣло.

«Помню я себя очень рано; мнѣ мерещится даже, какъ нянька держитъ меня на рукахъ передъ печью, въ которой варится картофель — старое холерное время, когда карантинныя остановили подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ нашъ городокъ и многимъ приходилось питаться однимъ картофелемъ. Но все это — сумерки, почти темная ночь для моей памяти. Съ величайшей живостью я помню, какъ вдругъ прошли эти сумерки, помню первое пробужденіе яснаго сознанія; оно дѣйствительно походило на яркій лучъ солнца послѣ темной ночи. Это случилось въ день смерти отца. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть, но до сихъ поръ сохрани-

лись въ моей памяти всѣ подробности. Въ ту ночь меня душилъ кошмаръ. Казалось мнѣ, что я лежу въ постели, и что къ самому моему лицу наклонилось какое-то страшное чудовище. Я не имѣлъ силы пошевелиться и не могъ взглянуть на него; а оно, наклонясь къ самому моему уху, глухимъ голосомъ ревѣло: «угу! угу!»... Меня разбудили, и какъ только я раскрылъ глаза, я увидѣлъ, что вокругъ меня дѣлается что-то необыкновенное. Домъ былъ полонъ людей, плакали, разговаривали какимъ-то страннымъ, до сихъ поръ мною неслыханнымъ тономъ. Чтѣ такое? Отецъ умеръ. Не помню первыхъ минутъ; едва мелькаетъ въ моей памяти трупъ отца, который я увидѣлъ изъ другой комнаты. Но когда сознание мало по малу прояснилось, оно все перешло въ чувство какого-то особеннаго изумленія. Проходили сутки, потомъ другія, третьи, а я все старался понять, чтѣ такое дѣлается кругомъ и напряженно вглядывался и вслушивался. Все кругомъ меня, лица, слова, мысли и движенія, все казалось мнѣ чѣмъ-то незнакомимъ и чуждымъ. А чтѣ такое было — все это, чужое и непонятное? Это была просто жизнь, это были проявленія жизни, разбуженныя и ускоренныя смертью. Не съумѣю выразить этого дѣтскаго настроенія точными словами; скажу, какъ могу. Въ тѣ минуты, я какъ будто въ первый разъ и съ глубокой ясностию чувствовалъ, что я чужой для жизни, что я такъ сказать неживой, неживущій человекъ. Жизнь стала для меня загадкою, для которой нужно искать разрѣшенія, темнымъ дѣломъ, требующимъ уразумѣнія. Все это время я былъ тихъ и неподвиженъ; даже въ тѣ минуты, когда подступала печаль, когда слезы текли по моему лицу, меня не оставяла моя дума и я напряженно вникалъ: чтѣ же это такое? Я тогда же замѣтилъ — и это меня поразило — что братъ мой, почти мой ровесникъ, глубоко отличается отъ меня. Онъ очевидно жилъ, тогда какъ я не жилъ. Онъ принималъ во всемъ прямое, живое участие; никакая дума не тяготѣла надъ нимъ и не отталкивала его отъ жизни. Послѣ самаго горькаго плача, онъ скоро осушалъ глаза и весьма бодро вмѣшивался въ какія-нибудь хлопоты, бѣгалъ по двору, даже совершилъ какую-то шалость по случаю раздачи нищимъ денегъ и калачей. Я же только смотрѣлъ и думалъ свою изумленную думу.

«Говорю вамъ все это подробно потому, что, для объясненія моего душевнаго строя, все это имѣетъ величайшую важность. Представьте, что я, какъ вытаращилъ тогда глаза на жизнь, такъ и остался на долгое время съ вытаращенными глазами, что и въ моемъ отрочествѣ и въ моей юности все мнѣ казалось чужимъ и непонятнымъ, и что это глубокое и тяжелое раздвое-

нѣ мало-по-малу утратило свою рѣзкость только въ совершенно зрѣломъ возрастѣ мужества, но навсегда оставило во мнѣ свои слѣды.

«Такова ужъ, видно, моя натура. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ тутъ не можетъ быть и рѣчи о *вліяніи окружающей среды*. Согласитесь, что когда дѣло идетъ о шестилѣтнемъ мальчишкѣ, возросшемъ въ уздномъ городѣ россійской имперіи, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о кружкѣ in der Stadt Moskau, о гегаевской энциклопедіи и тому подобнымъ предметахъ, на которые называется Тамлетъ Щигровскаго Уѣзда. Тутъ уже ясно не среда, а натура есть причина всякихъ раздвоеній и гамлетообразныхъ настроеній. Мнѣ кажется, Тургеневъ погрѣшилъ, слишкомъ отчетливо указывая на причины, создавшія героя его удивительнаго разказа.

«Что касается до меня, то, ссылаясь на свою натуру, я имѣю для этого весьма твердыя доказательства. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ идеализмѣ или гамлетизмѣ, или, какъ хотите, я похожъ на мать, а мать моя была въ этомъ отношеніи весьма замѣчательнымъ образчикомъ.

«Прежде всего, пожалуйста, не думайте, что я намѣренъ кощунствовать. Въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Мать моя была невнятнымъ и чистѣйшимъ созданіемъ, какое только я знаю. На ней не лежить не только какого-нибудь самаго маленькаго грязнаго пятнышка, а даже малѣйшей темной полоски. Я не помню между нами даже тѣни, даже возможности неудовольствія. Чѣмъ чаще я обращаюсь къ прошлому, къ той жизни, которая тогда насъ окружала, и которою ни я, ни она не жили, тѣмъ отраднѣе я останавливаюсь на свѣтлыхъ чертахъ матери.

«Дѣло въ томъ, что эта жизнь была въ сущности — ужасна. Первые мои открытія, первые мои мальчишескія наблюденія, которыя я, разумѣется, впоследствии часто провѣрялъ и уяснялъ себѣ, составляютъ картину самаго мрачнаго характера. Вездѣ, какъ будто однѣ адскія краски, смѣшеніе краснаго цвѣта съ чернымъ. Я не буду распространяться о взяткахъ и всякихъ притѣсненіяхъ, о дикомъ пьянствѣ и развратѣ, о соблазненныхъ женщинахъ и незаконныхъ дѣтахъ, брошенныхъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ и умирающихъ отъ недостатка присмотра. Все это—вещи довольно обыкновенныя и далеко не самыя худшія изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ. Въ томъ ранній возрастъ,

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнія бытія,

мнѣ попадались циническія, отвратительныя связи стариковъ и

старухъ, попадались случаи хуже воровствѣшенія, наконецъ убійство, отравы, задушеніе.

«Помню я въ особенности одного баряна, который еще приходился намъ сродни и долго носился передо мною, какъ самое живое и яркое лицо, какъ человѣкъ, въ которомъ жизнь была полнымъ ключомъ. Это былъ здоровый, красивый и бойкій баряня, неистощимо-веселый, въ полномъ смыслѣ душа общества. Онъ не пошелъ дальше третьяго класса гимназіи; но писалъ чрезвычайно красивымъ почеркомъ и съ большимъ толкомъ, хотя при этомъ соблюдалъ свое собственное правописаніе и словосочиненіе. Былъ онъ на службѣ и женатъ. На службѣ онъ былъ дока, грабилъ страшно и велъ дѣла свои отлично. Жена его, крошечная женщина, была тоже бойкая барыня, любила мужа безъ памяти и была красавица, какихъ мало. Но хотя они жили ладно, мужъ былъ большой воловита и соблазнялъ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ. До сихъ поръ передо мною мелькаютъ обѣды и вечеринки въ его домѣ, пирушки, на которыхъ главнымъ лицомъ, главнымъ свѣтиломъ былъ самъ хозяинъ. До сихъ поръ какъ будто вижу его мощную фигуру, его красивое, оживленное лицо, великолѣпныя кудри, и какъ будто слышу его смѣхъ, звучащій самую кипучую, самую удалую веселостью.

«Кончилось все это очень дурно. Дон-Жуанъ, тысячу разъ попадавшійся въ разныхъ бѣдахъ и тысячу разъ изъ нихъ вывертывавшійся, оказался, наконецъ, замѣшаннымъ въ одно уголовное дѣло. Онъ участвовалъ въ составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія. Долго онъ и тутъ бился, и изворачивался; жена его бросила все и цѣлыя шесть лѣтъ съ удивительной энергіей хлопотала въ Петербургѣ, обивая пороги разныхъ дѣловыхъ людей и высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Ничего не помогло: послѣ десятилѣтняго слѣдствія и разбирательства его сослали въ Сибирь. Не колеблясь ни минуты, жена поѣхала за нимъ и увезла съ собой дочь, милую дѣвушку, которая больше, чѣмъ кто-нибудь напоминала мнѣ Татьяну Пушкина. Всѣ трое они умерли тамъ, очень скоро послѣ ссылки и очень быстро слѣдуя другъ за другомъ.

«Любопытно это уголовное дѣло, въ которое такъ неосторожно замѣшался мой веселый взяточникъ и Дон-Жуанъ. Дѣло это—помѣщичье, дѣло богатыхъ наслѣдствъ и завѣщаній. Трѣмъ сыновьямъ богатаго помѣщика наскупило ждать смерти отца. Они согласились между собою, какъ-то ловко придушили старика, и потомъ спокойно стали владѣть каждый своею частью имѣнія. Двое изъ нихъ были особенно дружны между собою; черезъ нѣсколько времени имъ пришла мысль — известить третьяго брата,

который, сверхъ своей доли нищія, виноватъ былъ также тѣмъ, что не принималъ прямого участія въ убійствѣ отца. И это предпріятіе было исполнено совершенно благополучно. Послѣ того, два оставшіеся брата долгое время жили спокойно, оставаясь въ большой дружбѣ и часто навѣщая другъ друга. Наконецъ, одинъ изъ нихъ не выдержалъ, и попробовалъ, пользуясь своими дружескими отношеніями, отравить другого. Отравить-то онъ отравилъ и завѣщаніе фальшивое сдѣлалъ, но не успѣлъ совершенно скрыть концы. Дѣло какъ-то обнаружилось и началось слѣдствіе.

«Исторія, однакоже, этимъ не кончается. Разумѣется, допросы, свидѣтели — все это ничего не значить; еслибы дѣло шло только официальнымъ судебнымъ порядкомъ, то его можно бы было замазать и устроить какъ нельзя легче. Но, къ удивленію и несчастію, на цѣлую губернію сталъ нападать какой-то ужасъ. Всѣ стали говорить о дѣлѣ, какъ о страшномъ злодѣйствѣ, тогда какъ въ судѣ это дѣло нужно было представить, какъ пустую ошибку и недоразумѣніе. Помѣщикъ призналъ свои мѣры противъ слуховъ. Какъ только какой-нибудь крестьянинъ или дворовый изъ усадьбы его покойнаго брата отправлялся въ городъ, онъ непременно погибалъ, или пропадалъ на дорогѣ, или скоростижно умиралъ по пріѣздѣ въ городъ. Такихъ случаевъ насчитали до десятка.

«Разумѣется, тутъ или вовсе не начиналось дѣла, или если оно начиналось, то стараніями помѣщика тотчасъ было погашаемо. Но ничто не помогло: несмотря на всѣ усилія, помѣщикъ не ушелъ отъ каторги.

«Такова была эта жизнь, на которую я тогда безуспѣшно таращилъ глаза. Припоминая и соображая теперь всю обстановку, всю тогдашнюю житейскую атмосферу, я не вижу въ ней ни единой свѣтлой черты. Свѣтлаго и чистаго въ ней только и было что сиреневые кусты въ нашемъ саду, да моя мать.

«Среди всѣхъ этихъ черныхъ и мелкихъ и горячихъ страстей, мать моя является мнѣ чистою голубицею, и именно потому, что въ ней не было никакой страсти, никакой глубокой и сильной житейской черты. Она была чужда жизни, и не освоилась съ нею до самой смерти. Чтò она ни говорила, и чтò она ни дѣлала, все это было чистѣйшее подражаніе, подражаніе навязное, усиленное и добросовѣстное, но совершенно неудачное.

«Припоминаю случай, который, по своей необычайной странности, рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти. Дѣло въ томъ, что мать моя, эта чистая голубица, какъ я сейчасъ сказалъ, однажды меня высѣла. Согласитесь, что это очень любопытно. Я тогда

только что началъ ходить въ школу; увлекаемый непреодолимымъ желаніемъ бѣгать, я оставилъ гдѣ-то на минуту свои книги; въ ту же минуту, разумѣется, онѣ были у меня украдены.

«Вину свою я понималъ хорошо и очень боялся, чтобы мнѣ не досталось отъ кого-нибудь изъ семейства, но только никакъ не отъ матери. Когда я вернулся домой, мать, конечно, сочла нужнымъ сплотно побранить меня. Но ея упреки и наставленія я выслушалъ совершенно спокойно; я чувствовалъ, что она не умѣетъ сердиться, что тутъ нѣтъ и тѣни гнѣва, а все дѣлается потому, что такъ нужно.

«Тѣмъ, я думалъ, все и кончится. Вышло однакоже не такъ. Мать задумала на этотъ разъ разыграть роль строгой воспитательницы и прибѣгнуть къ самому несомнѣнному педагогическому средству, для моего исправленія. Но какъ исполнить этотъ благоразумный замыселъ, вполнѣ предписываемый долгомъ матери? Дѣло было ужасно трудное и разрѣшилось престраннымъ образомъ.

«Наступилъ вечеръ; мы поужинали и наконецъ пошли въ дѣтскую спать. Только что мы улеглись и нянька унесла свѣчу, какъ входитъ въ дѣтскую мать. Въ потемкахъ она сдерживаетъ съ меня одѣяло и начинаетъ слабо хлестать меня какими-то прутиками, непринявшими ни малѣйшей болл. Я, конечно, пустился ревѣть, какъ этому и слѣдуетъ быть при всякомъ надлежащемъ сѣченіи. Мать скоро ушла, какъ я полагаю, совершенно довольная своимъ педагогическимъ геройствомъ, тѣмъ, что сдѣлала *какъ друія*, что поступила, какъ *нужно*. Увы! Она и не подозрѣвала, какъ мало тутъ *настоящаго*.

«Помню и другія сцены и случаи, рѣзко рисующіе природу матери. Гостили мы какъ-то у тетки, родной сестры матери. Домъ тетки иногда захлебывался народомъ и вообще выпѣлъ той жизнью, о которой я говорилъ вамъ. Въ обществѣ, среди этой непонятной для нея жизни, матери моей, бывало, и не слышать и не видать. Но за то когда никого не было дома, когда оставались тетка и дѣти, мать моя предавалась престраннымъ занятіямъ или, такъ-сказать, обнаруженіямъ самой себя. Она была тогда еще молода; послѣ отца она осталась лѣтъ двадцати съ небольшимъ; но кромѣ того она всю жизнь сохраняла въ себѣ что-то дѣвическое и никогда не имѣла ничего *бабьяго*. И вотъ у тетки она, бывало, выходитъ въ пустую залу съ «новѣйшимъ пѣсенникомъ» въ рукахъ. Потихоньку расхаживая и охорашиваясь, она начинаетъ тоненькимъ и слабенькимъ голосомъ пѣть по этому пѣсеннику: «Стонетъ сизый голубочекъ», «Среди долины

ровни» и т. д. Тетка, бывало, сидитъ и что нибудь работаетъ. Пѣніе продолжается часъ, или полтора.

Всего больше меня уже тогда удивляло обыкновенное заключеніе этой сцены. Напѣвшись вдоволь, мать закрывала пѣсенникъ и каждый разъ обращалась къ теткѣ все съ тѣми же словами. Именно, она очень нѣжно и плавно произносила: *извини, милая сестрица, что я тебя беспокою*. И тонъ, и смыслъ, и самый слогъ этихъ словъ приводили меня въ недоумѣніе. Обыкновенно мать съ теткой обращалась запросто, а тутъ вдругъ церемонія! Да и говорили они всегда иначе; *извини милая, сестрица*—было явное сочиненіе, и сочиненіе въ томъ самомъ нѣжномъ духѣ, въ какомъ были пѣсни. Поэтому выходилъ рѣзкій контрастъ, когда тетка, женщина вполне живая, отвѣчала обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ: *полно, Саша, что за беспокойство*.

«У тетки мы только изрѣдка гостили, но постоянно мы жили у бабушки, гдѣ было не до пѣсенъ. Бабушка... Но вѣдь этакъ я, пожалуй, никогда не кончу своихъ разсказовъ о матери. Будетъ и этого. Мнѣ хотѣлось только сказать, что я живо помню мать, и не могу ошибиться въ ея духовной природѣ. Изъ всѣхъ окружающихъ, я одну ее любилъ и вполне понималъ. Она была со мною говорливѣе и откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь изъ взрослыхъ. При этомъ она больше или меньше принимала на себя роль старшаго человѣка, вполне опытнаго и знающаго свѣтъ и людей. Увы! на самомъ дѣлѣ она была такимъ же непонимающимъ и чуждымъ жизни ребенкомъ, какъ и я. Бывало, цалуя ея руки и глядя въ ея кроткое лицо, я слушалъ ея жалобы, ея сужденія объ окружающихъ лицахъ и дѣлахъ, и думалъ про себя: нѣтъ! это не то; это чужія рѣчи, подслушанныя у другихъ слова; мать только показываетъ видъ, будто она взрослая, будто она понимаетъ эту жизнь и участвуетъ въ ней такъ же, какъ и другіе.

«Итакъ, я вполне увѣренъ, что то мое душевное настроеніе, о которомъ я говорю, я наследовалъ прямо отъ матери, а не обязанъ имъ «средѣ», или какимъ нибудь случаямъ. Сама природа, какъ видно, подшутила надо мною эту шутку. Производя меня на свѣтъ, она отрѣзала пуповину, которая соединяетъ другихъ людей съ жизнью, и пустила меня гулять, не назначивъ мнѣ ни мѣста, ни времени, не давши мнѣ ни житейскаго инстинкта, ни родимаго улья. Тутъ есть, какъ вы видите, нѣкоторое сходство съ тѣмъ совершеннымъ *отсутствіемъ оригинальности*, на которое такъ горько жаловался Гамлетъ Шигровскаго уѣзда.

«Такимъ образомъ мнѣ приходилось, такъ-сказать, собственными средствами добиваться пониманія жизни. Какая работа! Какъ дорого мнѣ стоило разрѣшеніе этой задачи! Все, что другимъ дается даромъ, что приходитъ къ нимъ само собою, мнѣ приходилось брать съ бою, приобретать тяжелыми усиліями.

«Быть какъ есть, походить на другихъ людей, смотрѣть на жизнь такъ, какъ они смотрять и участвовать въ ней, какъ они участвуютъ— вотъ въ чемъ состояла вся задача. Тысячи людей немало этимъ не затрудняются; для меня же это составляло египетскую работу, составляло затрудненіе, которое я едва одолѣлъ упорною борьбою. Такъ, что когда наконецъ я кое-какъ совладаль съ дѣломъ, оказалось, что уже первые сѣдые волоски начинаютъ являться въ свой положенный срокъ...

«Разскажу все по порядку. Сначала дѣло пошло очень хорошо. Прежде всего приходилось мнѣ заняться собственнымъ обученіемъ и дать себѣ образованіе, какое слѣдуетъ имѣть всякому хорошо воспитанному человѣку. Это первое мое предпріятіе уподобиться другимъ людямъ пошло весьма успѣшно, хотя обстоятельства отнюдь мнѣ не благоприятствовали. По смерти отца, домъ нашъ что-то скоро продали, и мы очутились въ очень стѣснительномъ положеніи. Меня учили кой-чему и какъ попало. Пробовали-было пехнуть меня къ дядѣ, человѣку весьма достаточному, но тотъ прочелъ мнѣ длинное и весьма неблагоприятное наставленіе и ограничился тѣмъ, что нанялъ мнѣ учителя изъ семинаристовъ, коротенькаго человѣка съ большимъ носомъ. Этотъ учитель училъ меня около года, и училъ хорошо, но обходился со мной недружелюбно, и въ видѣ наказанія давалъ мнѣ щелчки въ лобъ. Затѣмъ, я былъ предоставленъ на волю божію. Но, какъ я сказалъ, я уже тогда самъ о себѣ заботился. Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, когда у меня сформировалось твердое желаніе приготовиться къ вступительному экзамену въ университетъ. Понемногу я сталъ приводить это желаніе въ исполненіе. Надобно замѣтить, что въ нашемъ городѣ не было гимназій и слѣдовательно не было ни одной точки, гдѣ бы уровень познаній подымался до высоты гимназическаго курса. Но я пользовался всею тою массою учености, какую нашель вокругъ себя. Жилъ у насъ въ городѣ ссыльный уніатъ, человѣкъ одинокій, чужой всѣмъ, его обвужавшимъ; онъ охотно сталъ заниматься со мною и учить меня полатынѣ и пофранцузски. Зналъ онъ эти языки весьма посредственно, но все-таки зналъ. Исторію, географію, русскую словесность я приготовилъ самъ, безъ руководителя; нужно было только достать книги, и я помню, какъ я долго ухаживалъ за однимъ лысымъ и пьяненькимъ господи-

номъ. Питая любовь къ наукамъ, онъ выписалъ себѣ великую новостъ тогдашняго времени: *Всеобщую исторію, Смарадова*. Вѣроятно, это былъ единственный экземпляръ въ цѣломъ городѣ, и я добился-таки того, что онъ побывалъ въ моихъ рукахъ. Но всего труднѣе было справиться съ математикой. Сначала, при помощи уніата и другихъ, дѣло шло еще довольно хорошо; но чѣмъ дальше, тѣмъ меньше я находилъ помощи у своихъ руководителей и, наконецъ, они вовсе меня оставили. Когда пришлось проходить логарифмы, оказалось, никто въ городѣ не зналъ хорошенько, что это такое. Помню, какъ я бѣгалъ и хлопоталъ. Меня знали неможно въ городѣ, знали, что я *подаю надежды*, и потому я довольно смѣло обращался къ разнымъ лицамъ за совѣтомъ и помощію. На этотъ разъ все было напрасно. Я попробовалъ-было потревожить даже сѣдого и краснаго старичка, отставного учителя гимназій, который жилъ у насъ на краю города въ своемъ собственномъ домѣ, въ три окна на углу. Онъ слылъ у насъ свѣтломъ учености и всѣ знали, что у него въ кабинетѣ стоятъ какія-то книги въ бѣлой кожѣ. Но на мою просьбу онъ откровенно сказалъ мнѣ, что онъ, и когда учился, не зналъ хорошенько логарифмовъ, а съ тѣхъ поръ, занимаясь другими предметами, успѣлъ совершенно позабыть ихъ.

«Дѣлать было нечего. Ученость моего родимаго городка была, очевидно, исчерпана мною до дна, и нужно было положиться на собственные силы. Сидѣлъ я сидѣлъ надъ книгою, думалъ-думалъ, и кончилъ-таки тѣмъ, что одолѣлъ логарифмы. Помню свою радость; помню восторгъ, въ который пришелъ мой уніатъ. Когда онъ убѣдился, что я не обманываюсь, когда увидѣлъ, что я *понимаю лучше и быстрее его*, добрый старикъ чуть не заплакалъ отъ удовольствія. Онъ называлъ меня геніемъ, онъ предвѣщалъ мнѣ великую и славную будущность. Увы! Онъ, какъ видно, не зналъ, что есть въ жизни тысячи и тысячи вещей, которыя гораздо труднѣе сдѣлать, чѣмъ самому понять логарифмы!

«Обращаюсь къ своему разсказу. Такимъ образомъ къ шестнадцати годамъ, то-есть какъ разъ къ наименьшему законному сроку, я вполне приготовилъ себя къ поступленію въ университетъ. Оставалось только добратъся до университета. Видя мои успѣхи, какія-то добрыя души пожертвовали на мою поѣздку двадцать рублей серебромъ.

«На эти деньги нужно было добратъся до Петербурга, а до него было полторы тысячи верстъ. Поѣхалъ я одинъ. Часть дороги сдѣлалъ на баркѣ, которую тянули бичевою, другую часть на троечникахъ въ рогожаной кибиткѣ, напередѣ повозки. Меня надули рубля на три, а впрочемъ я доѣхалъ благополучно.

«И вообще тутъ уже все пошло благополучно и не было нужды въ какихъ-нибудь особенныхъ усиляхъ. При самомъ вступительномъ экзаменѣ, профессора тотчасъ замѣтили, что я самоучка и это послужило мнѣ въ великую пользу. По отмѣткамъ, которыя я получалъ, не только меня приняли въ студенты, но даже дали мнѣ стипендію, шесть рублей серебромъ въ мѣсяць. Годъ я пробился на эти деньги, но увидѣлъ, что дѣло идетъ плохо и перешелъ въ медицинскую академію, гдѣ такъ легко принимали на казенный счетъ. Тутъ кончились мои первыя волненія. Книгъ передо мною открылись дѣлныя библіотеки. Лекцій, лабораторій, музеев — все было къ моимъ услугамъ. Оставалось только работать. И я работалъ со всѣмъ успѣхомъ, какого только могъ желать. Я одолевалъ курсъ за курсомъ, предметъ за предметомъ; всегда былъ изъ самыхъ лучшихъ, всегда получалъ похвальные отзывы и медали; наконецъ, достигъ ученыхъ степеней и правъ, съ ними сопряженныхъ; но главное — вопли достигъ права считать себя образованнымъ человѣкомъ.

«Да онъ хвастунъ и самохвалъ! вѣроятно сказали бы многіе, прочитавши это. Но на васъ я надѣюсь, вы этого не скажете. Вы хорошо понимаете, что во всемъ, что я сейчасъ рассказалъ, я не приписываю себѣ никакого достоинства. Такъ я смотрѣлъ на это дѣло отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, такъ смотрю и теперь. Меня всегда нѣсколько удивляли обыкновенныя рѣчи о «вліяніи среды», о «борьбѣ съ гнетомъ обстоятельствъ» и т. п. Такъ-какъ я былъ глубоко чуждъ жизни, то мнѣ казалось, что среда не имѣетъ надо мною никакой власти, что у нея нѣтъ, такъ-сказать, никакой точки приложенія ко мнѣ. Поэтому, мое отношеніе къ средѣ всегда было таково, что не она на меня дѣйствовала, а я на нее. Я налегалъ на нее и она подавалась и очищала мнѣ дорогу; всякій шагъ нужно было завоевать, но я не видѣлъ тутъ ничего страннаго. На всякое встрѣченное препятствіе я смотрѣлъ точно такъ, какъ обыкновенно смотрятъ на экзамены. Выдержанъ экзаменъ — хорошо; невыдержанъ — значитъ, не стоишь того, чего добивался. Была у меня спѣлка; я и работалъ ею въ полной увѣренности, что завоюю столько, сколько соответствуетъ размѣрамъ моей силы. Поэтому, я никогда ни на что и ни на кого не жаловался, никого не обвинялъ въ моей судьбѣ; я считалъ это стыдомъ и малодушіемъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, еслибы я былъ человѣкъ вопли живой, еслибы жизнь несла меня своею теплою волною, кружила меня своими круговоротами, увлекала въ ту или въ другую сторону, я могъ бы иногда, оглянувшись, пожаловаться на уносившее меня теченіе. Но этого не было; я въ полномъ смыслѣ слова самъ со-

здавалъ свою судьбу; я привыкъ къ этому съ дѣтства и долго думалъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей. Слѣдовательно, тутъ не могло быть ни жалобъ, ни гордости. Прибавьте къ этому, что силу свою я считалъ вовсе небольшою; вокругъ себя я всегда видѣлъ людей, которые были сильнѣе меня; мнѣ приходилось постоянно папргаться, и все-таки, какъ ни трудно бывало мнѣ, я никогда не приходилъ къ мысли, будто я имѣю на что-нибудь право безъ соответствующаго усилія съ своей стороны. Поэтому, я не завидовалъ и не гордился. Въ каждой неудачѣ и въ каждомъ своемъ недостаткѣ, я обвинялъ только самого себя. Я смотрѣлъ самъ на себя, какъ скульпторъ на свое произведеніе, я самъ себя лѣпилъ и обтачивалъ. Живо помню, что у меня нѣкоторое время мелькала мысль — измѣнить черты своего лица, сдѣлать ихъ болѣе правильными. Я не остановился на этой мысли только на основаніи того соображенія, что было уже поздно, и потому ограничился увѣренностію, что если не черты, то *выраженіе* лица все еще вполнѣ отъ меня зависитъ.

«Таковъ былъ этотъ странный взглядъ, это противоестественное настроеніе, которое, однакоже, какъ я вамъ докладывалъ, было вложено въ меня самою природою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эта противоестественность обнаруживалась очень явно, но я не обращалъ на нее вниманія. Были, напримѣръ, науки, которыя не гармонировали съ естественнымъ складомъ моего ума. Но я ломалъ себя, и добивался-таки хорошаго изученія.

«Всего хуже здѣсь было то, что все это время я былъ очень доволенъ собою. Пока я себя обучалъ и образовывалъ, пока достигалъ до того, что, подобно Гамлету Щигровскаго уѣзда, наконецъ «понималъ Гегеля и зналъ Гёте нанзусть», я воображалъ, что занимаюсь чрезвычайно важнымъ дѣломъ и очень радовался, что оно идетъ успѣшно. Между тѣмъ, этотъ успѣхъ служилъ къ моей пагубѣ. Онъ ослѣплялъ меня, отвлекалъ мое вниманіе и давалъ полный просторъ моему странному душевному направленію.

«Пока я читалъ книги и изучалъ всякія науки, отчужденіе отъ жизни во мнѣ развилось и выяснилось въ отчетливыя формы. Этихъ формъ двѣ: положительная и отрицательная. Положительная состоитъ въ томъ, что мы создаемъ для жизни идеаль, отрицательная—въ томъ, что мы дѣйствительную жизнь ни въ грошъ не оставимъ.

«Очень рано началась у меня идеализація, и такъ сильна была она, что опять я могу приписать ее только своей природѣ, а не чему другому. Съ дѣтства передо мною стали носиться какія-то чудныя, радужныя явленія. Невзвѣстно откуда, изъ какой-

то недостижимой глубины души возникли во мнѣ свѣтлые образы, чистыя чувства, сладкіе звуки, представленія героическихъ чувствъ и дѣйствій. Гдѣ и какъ все это существуетъ, я не зналъ, но твердо вѣрилъ, что все это не только есть, но и непременно должно быть. Очерки этихъ видѣній были неопредѣленные, но несмотря на то, они потрясали меня до глубины сердца, владѣли всею моею душою. Какъ будто какой-то огромный и прекрасный міръ таинственно прикасался ко мнѣ; какъ будто совершались какія-то сверхъестественныя откровенія».

«Не могу описать всей прелести, всей высоты, всей ослѣпительной яркости, въ которой являлись передо мною идеалы. Это было дѣйствительно царство свѣта и красоты. Удивительныя молніи, безконечно-прекрасныя зарницы безирестанно вспыхивали въ моей душѣ. Казалось бы, откуда имъ было взяться? А между тѣмъ, онѣ заливали всего меня своимъ сіяніемъ.

«Я выражусь вполнѣ точно, если скажу, что у меня все стало двоиться въ глазахъ и что это двоеніе понемногу укрѣпилось и стало хроническимъ. Каждый предметъ, который занималъ и поражалъ меня, являлся мнѣ вдвойнѣ: во первыхъ, въ своемъ идеальномъ видѣ, и во вторыхъ—въ своей дѣйствительности. Эти два образа отдѣлялись одинъ отъ другого чрезвычайно рѣзко. Смѣшать ихъ или слить я никакъ не могъ и вѣрилъ не въ дѣйствительный, а въ идельный. Поясню это примѣрами.

«Изъ дѣтства на меня сильно дѣйствовали звонъ колокола, сіяніе луны, церковное пѣніе, дымъ кадила, стихи и тому подобное. Но это дѣйствіе было не простое, а всегда, такъ сказать, преломленное и отраженное.

«Звонъ колокола возбуждалъ во мнѣ высокое и чистое благоговѣніе. Но при этомъ мнѣ всегда воображался другой храмъ и другой народъ, спѣшавшій по звону въ храмъ. Наша же церковь по моему не гармонировала съ этимъ звономъ; я зналъ, какъ она стара и бѣдна; и народъ, собиравшійся на звонъ, я также зналъ; я зналъ, что въ немъ нѣтъ благоговѣйнаго чувства, которое отзывалось во мнѣ.

«Любилъ я свѣтъ луны и всегда любовался лунными ночами. Но при этомъ мнѣ неотступно мерещилась какая-то невѣдомая сторона, какіе-то чудные сады и зданія, на которые падаетъ или могъ бы падать или долженъ бы былъ падать этотъ самый лунный свѣтъ.

«Дымъ кадила, прорѣзываемый лучами солнца, казался мнѣ чѣмъ-то величественнымъ и необыкновенно ласкалъ мой глазъ. Но меня возмущала кадильница, измятая, закопченная. Притомъ мнѣ воображался другой, совершенно чистый, идеальный дымъ».

конь. А этотъ... я вѣдь его знаю, онъ человекъ хотя лысый, но дражной и глупый; вижу я, зачѣмъ онъ поглядываетъ по сторонамъ во время своихъ поклоновъ, и никакъ не могу я помириться съ его грязными пальцами и нелѣпо сложеннымъ гулакомъ.

«Всего яснѣе дѣло будетъ на стихахъ. Казалось бы, чего проще? Любишь стихи, вотъ они на лицо, наслаждайся ими. Но мое наслажденіе было далеко неполно. Я чувствовалъ, что ни я, ни другіе не умѣютъ произносить стихи; я воображалъ ихъ въ чистыхъ устахъ человека, который самъ полонъ возвышенныхъ чувствъ, изображаемыхъ ими; въ этомъ идеальномъ чтеніи, казалось мнѣ, они получаютъ такое благозвучіе и трогательную силу, что при одномъ представленіи слезы набѣгали мнѣ на глаза.

«И вотъ изъ такихъ образовъ и мечтаній я создалъ себѣ цѣлый міръ дивной красоты, цѣлую жизнь идеальнаго совершенства. Душа моя вся наполнилась этими образами, вся увлеклась этими стремленіями, вся жила этою жизнью. Какъ только передо мною мелькнули первые проблески этого свѣтлаго міра, у меня была и могла быть только одна цѣль—достигнуть его во что бы то ни стало, дойти до тѣхъ людей, до тѣхъ явленій и фактовъ, которые вполнѣ принадлежатъ къ этому прекрасному міру.

«Я и пошелъ на встрѣчу къ нему, пошелъ съ твердой вѣрою и надеждою. И долго я шелъ, узнавалъ много людей, видѣлъ много мѣстъ, предавался многимъ занятіямъ, трудился усильно и долго, и все-таки чувствовалъ, что я далеко отъ обѣтованной земли. Казалось, она уходила передъ моими глазами по мѣрѣ того, какъ я подавался впередъ, какъ-будто вся эта идеальная жизнь въ дѣйствительности была только миражемъ, только обманомъ воображенія.

«Но не будемъ забѣгать впередъ. Я говорю еще о годахъ своего ученія. Вы понимаете, что въ сравненіи съ моимъ идеальнымъ міромъ все окружающее меня должно было тускнѣть и обезображиваться. Отъ чистаго и яркаго свѣта, къ которому я обращалъ свои глаза, падала на дѣйствительность густая тѣнь ничтожества. Все, что я видѣлъ вокругъ себя, не имѣло въ моихъ глазахъ ни искры прекраснаго, все было грязно и мелко до высокой степени. И себя самаго я считалъ существомъ ничтожнымъ, такъ что я не могъ принимать себя даже за источникъ моихъ высокихъ мечтаній. Они были нѣчто святое, а же былъ пошлъ и грязенъ, хотя и возлагалъ на себя большія надежды, хотя и обѣщалъ себѣ пробиться когда нибудь до того закодланнаго міра, гдѣ все было такъ прекрасно и высоко.

Повременамъ я чувствовалъ сильное отвращеніе къ самому себѣ и ко всему, чтѣ мнѣ ни принадлежало, къ моимъ рукамъ, къ платью, къ сапогамъ, къ моему голосу и пр.

«Изъ этого вышло нѣчто не совсѣмъ хорошее. Пока я учился, пока занимался такимъ важнымъ дѣломъ, я сталъ очень небрежно слѣдить за собою въ другихъ отношеніяхъ. Я отлагалъ свою жизнь до другаго времени, я воображалъ, что только готовлюсь къ жизни, а между тѣмъ я уже жилъ и только не хотѣлъ замѣчать, что я живу. Я дружилъ и ссорился, радовался и злился; состраданіе, самолюбіе, чувственность—всякаго рода страсти и страстишки заговаривали во мнѣ. Но я смотрѣлъ на нихъ презрительно, я все это не ставилъ въ счетъ; такимъ образомъ эти первые всходы добра и зла не укрѣпились и не разрослись, а дали пустоцвѣтъ. Это было очень дурно. Я смотрѣлъ свысока на то, чтѣ любилъ, и не отдавался ему всею душою. Живыя и теплыя струи пробивались въ душѣ глупаго мальчика, но онъ не давалъ имъ цѣны, и онѣ изсыхали. Съ другой стороны я относился къ злу съ такимъ же равнодушіемъ. Случалось, что я лгалъ, обманывалъ, дѣлалъ маленькія подлости, и все это не ставилъ въ счетъ, не думалъ, чтобы это марало меня и клало на меня пятно. Послѣ всякой такой случайности я отряхивался, какъ гусь попавшій въ воду, и думалъ: все это вздоръ; когда я *начну жить*, у меня, разумѣется, ничего подобнаго не будетъ. Точно такъ же въ первую эпоху юности, когда всего меня охватила жгучая жажда наслажденій, я пилъ, развратничалъ и предавался всякимъ мерзостямъ; но никогда, даже въ минуты самаго сильнаго чада, я не отдавался потоку вполнѣ, и все думалъ: это такъ, мимоходомъ, не въ счетъ настоящей жизни. И въ самомъ дѣлѣ мнѣ казалось, что разныя гадости, въ которыхъ мнѣ случалось запачкаться, спадали съ меня какъ шелуха, что я оставался цѣломудренъ послѣ всякаго распутства. Въ сущности же было не такъ; силы тратились и на душу ложились невзглядимыя черты.

«Такимъ-то страннымъ образомъ, пока я учился, я все откладывалъ, все выжидалъ, все готовился; а когда кончилось ученіе, оказалось, что я ровно ни къ чему не готовъ. По выходѣ изъ академіи, я сейчас почувствовалъ страшную неловкость. Послѣ первыхъ попытокъ, я опять на нѣсколько лѣтъ боязливо зарылся въ книги; но нужно же было наконецъ перестать прятаться; волей-неволей—я выстунилъ въ жизнь, я началъ наконецъ настоящую жизнь.

«О, молодость моя, молодость! Какъ трудно ты мнѣ досталась, какъ дорого мнѣ стоила! Эти годы, для другихъ такіе свѣтлые

и радостные, были для меня годами муки, и тяжелой, безотрадной борьбой. «Живу я»—говорить Гамлетъ Щигровскаго уѣзда—«словно въ подражаніе разнымъ мною изученнымъ сочинителямъ, въ потѣ лица живу; и учился-то я, и влюбился, и женился, наконецъ, словно не по собственной охотѣ, словно исполняя какой-то не то долгъ, не то урокъ—кто его разбереть!» Вотъ нѣчто подобное случилось и со мною. Сталъ я жить въ подражаніе того, какъ должно жить, какъ слѣдуетъ жить. Сталъ я ломать себя и сталъ изъ себя строить богъ-знаетъ что. Какихъ масокъ я на себя не надѣвалъ! Какихъ гримасъ не корчилъ! Бывалъ я и вдохновеннымъ юношею, и мрачнымъ страдальцемъ; говорилъ я на разные голоса, то чрезвычайно нѣжно и плавно, то отрывисто и съ восклицаніями; было даже время, что я наклонялъ голову на лѣвую сторону, чтобы походить на Александра Македонскаго.

«Но между тѣмъ, какъ я еривлялся такимъ образомъ, холодная тоска грызла меня и не давала мнѣ заиграться. Фальшь! Маска! Комедія! Этотъ голось постоянно раздавался во мнѣ. Одну за другою бросалъ я свои гримасы; я хотѣлъ настоящей, дѣйствительной жизни, и потому подражаніе скоро становилось мнѣ глубоко противно.

«Здѣсь именно мѣсто коснуться важнаго предмета—моихъ любовныхъ похожденій. Хотя я началъ ихъ рано, чуть ли не съ двѣнадцати лѣтъ и упражнялся въ нихъ усердно, но, разумѣется, я никакъ не могъ быть въ нихъ особенно счастливъ. Женщины не могли чувствовать большого расположенія къ человѣку, у котораго постоянно сидитъ какой-то странный твоздь въ душѣ, и отдавали предпочтеніе другимъ, иногда даже весьма плохенькимъ господамъ, отъ которыхъ вѣяло большимъ тепломъ и увлеченіемъ.

«А какія я глупости дѣлалъ—Боже, какія глупости! Когда вспомнишь, то и покрасишь, и головой мотнешь и даже застроишь отъ досады! Увѣряю васъ, что никакимъ Чулатуринимъ и прочимъ лишнимъ людямъ какъ Тургенева, такъ и другихъ нашихъ писателей, въ этомъ со мной не сравниться.

«Кончилось все это тѣмъ, что я впалъ въ отчаяніе и рѣшился оставить всякую борьбу. Жизнь мнѣ не давалась. Ни одна черта изъ моего идеальнаго міра не сбывалась на дѣлѣ. Я чувствовалъ, что другіе пьютъ изъ этой чаши, но мнѣ, несмотря на всѣ мои успія, не удалось и прикоснуться къ ней губами.

«Я опустилъ руки. Я притихъ и замолкъ. Каждое свое слово я считалъ или сочиненіемъ, или глупостью, и потому я пересталъ

говорить. Свою радость и печаль, свои отношенія къ людямъ, каждое свое движеніе я находилъ или пошлымъ или натянутымъ, и я постарался сократить ихъ сколько возможно. Я двигался и говорилъ лишь на столько, чтобы не показаться страннымъ, и былъ радъ, что меня не замѣчали.

«Тавъ прошло нѣсколько лѣтъ. Я не побоялся бы тогда смерти, потому что жить мнѣ тогда рѣшительно было не для чего.

«И что же, вы думаете? Вѣдь это прошло, какъ проходить тяжкая, но не смертельная болѣзнь. Годы молчанія и тишины отрезвили меня и успокоили, какъ крѣпкій сонъ. Я думалъ, однако, что мнѣ придется дойти до могилы въ этой ^{тоск}совной апатіи. Но случились со мной неожиданно вещи, отъ которыхъ я вдругъ сталъ просыпаться; я вдругъ почувствовалъ ^{жизнь} въ душѣ живыя, теплыя движенія и встрѣтилъ ихъ съ неописаннымъ восторгомъ. Пробудилась мысль и стала дѣйствовать; заговорило чувство—я сталъ понимать людей и вступилъ съ ними въ настоящія, непризрачныя отношенія; я захотѣлъ говорить и сталъ употреблять слова въ ихъ истинномъ смыслѣ. Я сталъ думать своею головою, чувствовать своимъ сердцемъ, говорить своимъ голосомъ. Да, это приходила жизнь, это она, та самая, которая съ дѣтства плѣнила меня своимъ идеаломъ, которой я такъ долго искалъ, такъ ревностно добивался, по которой тосковалъ и приходилъ въ отчаяніе. И пусть немного мнѣ досталось ея на долю, пусть первые лучи ея я встрѣтилъ

In mezzo del camin di nostra vita,

когда уже сѣдина стала прокрадываться въ волосы, пусть не сбудется и малѣйшая доля моихъ надеждъ, я все-таки, когда буду умирать, благословлю свою судьбу. Ибо глаза мои увидѣли спасеніе; ибо наконецъ въ очію стало совершаться то, во что я такъ жарко вѣрилъ, въ чемъ полагалъ всю цѣль и все достоинство жизни.

«И притомъ тутъ уже не было какого-нибудь обмана или самообольщенія! Нѣтъ, я не могъ обманываться! Послѣ всѣхъ моихъ волненій, послѣ всѣхъ мучительныхъ усилій и попытокъ, послѣ всѣхъ мытарствъ, въ которыхъ я извѣдалъ всякую фальшь, всякое искаженіе и извращеніе души — я уже могъ безошибочно различать дѣйствительное и настоящее отъ призрачнаго и напускного. Я ясно видѣлъ, что то, что я призывалъ за жизнь, въ чемъ ставилъ красоту и достоинство человѣческаго существованія, то дѣйствительно есть жизнь, а не что нибудь другое.

«Вы, можетъ быть, поймете теперь мое спокойствіе, о которомъ вы столько толковали. Я вовсе не счастливъ. Но что же сказать,

что жизнь легка? Какъ могли возникнуть относительно жизни такія легкомысленныя понятія? Какимъ образомъ явились эти постоянныя дѣтскія надежды на сладость жизни, и какъ случилось, что люди до сихъ поръ не привыкли къ разрушенію этихъ надеждъ? Можетъ быть, въ этомъ виновата та радость бытія, которая свойственна всякому живому существу; можетъ быть, это очень естественное заблужденіе, но во всякомъ случаѣ заблужденіе. Нѣтъ, жизнь есть нѣчто тяжелое, трудное, нѣчто ѣдкое и глубокое, потрясающее своею серьезностію.

«Какъ мы привыкли къ легкомыслію! Какъ мы легко вѣримъ тому, чего хотимъ! Мы привыкли думать, что истина, блаженство и красота такъ и сіяютъ надъ міромъ, такъ и заливаютъ его своими лучами, что ихъ такъ легко достигнуть, такъ нетрудно, пожалуй, даже обнять и исчерпать! А между тѣмъ они недоступно-высоки и безконечно-необъемлемы. И потому безумно было бы, еслибы человѣкъ сталъ рваться и метаться изъ-за того, зачѣмъ онъ не обладатель полной мудрости, почему не сіяетъ передъ нимъ вѣчная красота, отчего блаженство не наполняетъ до краевъ его души. Какіе бы прыжки мы ни дѣлали, такихъ вещей прыжками не достанешь. Но святотатственно и кощунственно будемъ мы дѣлать, если не будемъ благоговѣть передъ тѣми лучами, которые все-таки падаютъ на насъ изъ этой области свѣта, если отвернемся отъ нихъ, вмѣсто того чтобы любить ихъ и жить ими, перенося изъ-за нихъ тоску и горечь жизни.

«Теперь мнѣ слѣдуетъ рассказать вамъ, какимъ образомъ случилось мое усмиреніе, въ которомъ я почувствовалъ себя счастливымъ, чѣмъ въ моей гордости, рассказать подробности того, какимъ образомъ уже не я сталъ управлять жизнью, а жизнь захватила и понесла меня. Съ такимъ слѣпымъ человѣкомъ, какъ я, это должно было случиться совершенно неожиданно. Такъ это и было. Это случилось такъ, что душу мою неожиданно поразили жалость, любовь и страхъ. Человѣкъ живетъ собственно сердцемъ.

«Но вотъ меня зовутъ къ больному. Сердце-то встаетъ случилось. Прощайте пока. Авось доскажу въ другой разъ. Счастливы вы, что на меня напало нынче какое-то особенное расположеніе духа. Ну, что за занятіе—толковать о себѣ самомъ? Скажи мнѣ, что ты сдѣлалъ, и я скажу тебѣ... Однако, не погудка ли это опять на старый ладъ гордости и безжизненности?

«Еще разъ прощайте, и пожалуйста любите меня.

«20 марта 1865 г.»

Это письмо я получилъ, какъ видятъ читатели, больше года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ напрасно я упрашивалъ Павла Николаича продолжить свой разсказъ; онъ или молчалъ или, приславъ мнѣ письма совершенно иного содержанія, отзывался на мои просьбы, что ему некогда. Я написалъ ему, что хочу напечатать этотъ отрывокъ изъ его ненаписанной повѣсти. Онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, въ которомъ были только эти слова:

«Печатайте. И безъ того вѣроятно прочитали сорока своимъ пріятелямъ».

«Вашъ П. Т....ховъ».

30 апр. 1866 г.

Пусть теперь читатели судятъ, правъ ли я былъ, полагая, что стоить напечатать этотъ отрывокъ.

12 мая 1866 г.

Н. Страховъ.

ТРУДЪ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

Статья третья и послѣдняя.

Разные виды наслажденія. — Пьянство, его исторія и болѣзнь. — Страсть къ наркотическимъ веществамъ. — Рискъ и азартныя игры. — Любовь и ея стрѣлы. — Значеніе принциповъ и идеаловъ.

I.

Разсмотрѣвъ разные виды труда въ ихъ болѣе типическихъ формахъ, мы теперь постараемся, на сколько возможно, опредѣлить или объективировать и разные виды наслажденія. Говоря о трудѣ, мы преимущественно держались сферы способностей, теперь же будемъ имѣть дѣло со страстями; потому что въ удовлетвореніи страсти или желанія въ его высшемъ напряженіи, собственно и заключается то, что называютъ наслажденіемъ. Не всякое, конечно, желаніе переходитъ въ страсть, но всякая страсть начинается съ желанія, аппетита или позыва. Когда желаніе дѣлается неотступнымъ потому только, что удовлетвореніемъ его устраняется неудобство, недостатокъ или лишеніе, то оно называется потребностію; если же, наоборотъ, желаніе въ человѣкѣ неотступно отъ того, что исполненіе его соединяется съ чувствомъ очень большого удовольствія, то такое желаніе получаетъ уже характеръ страсти. Страсти поэтому нельзя смѣшивать съ потребностями, какъ это дѣлали писатели, понимавшіе подъ страстями какое-то неопредѣленное смѣшеніе стремленій, абсолютно влекущихъ къ добру. Добро и зло тутъ равносильныя приманки, и страсти одинаково легко могутъ принять какъ и возбуждающе-плодотворное, такъ и гнетуще-ретроградное движеніе; вмѣсто любви легко является ненависть, вмѣсто энтузіазма—гнѣвъ и злоба тамъ, гдѣ обстоятельства этому способствуютъ. Въ болѣе совершенномъ настроеніи стремленій и страстей, и заключается именно удача направленія.

Между множествомъ различныхъ взглядовъ на страсти съ тѣхъ поръ, какъ оцѣ волнуютъ человѣка, существуютъ собственно два главныхъ: одинъ—взглядъ стоиковъ, видѣвшихъ въ страстяхъ ка-

кого-то демона, враждебнаго человѣческой природѣ, котораго слѣдуетъ сдерживать или даже совсѣмъ искоренять; полное воздержаніе отъ страстей являлось поэтому средствомъ къ совершенству; другой взглядъ — это взглядъ эпикурейцевъ, которые смотрѣли на страсти въ высшей степени довѣрчиво, какъ дѣти природы, требовали для нихъ только полной свободы, а тамъ уже, говорили они, страсти сами доведутъ человѣка до счастья. Эти два противоположныя возрѣнія правятъ людямъ еще и до сихъ поръ. Но независимо отъ этихъ умозрительныхъ взглядовъ, существуетъ такъ же давно еще взглядъ третій, обонимъ имъ противоположный и какъ-бы между ними стоящій. По взгляду этому, страсти не должны быть ни сдавливаемы совершенно и ни оставляемы на произволъ ихъ инстинктивнаго движенія. Страсти, какъ и все живое въ мірѣ, должны подвергаться развитію, совершенствованію. Къ людямъ этого направленія принадлежатъ поэты, ихъ критики и почитатели, которые всѣ болѣе или менѣе вѣрили въ идеализацію страсти, въ возможность настроенія ея на болѣе гуманный человѣческій ладъ посредствомъ врожденнаго чувства мѣры, гармоніи и красоты. Страсть, смягчаясь этимъ настроеніемъ, и развивается, и первымъ признакомъ этого развитія является присутствіе въ ней идеи и чувства. Поэты такимъ образомъ не философствовали надъ страстью, а изображали ея проявленія, поэтизировали жизнь, мыслили надъ нею образно и тѣмъ самымъ отрывали въ ней идеалы или болѣе совершенныя нормы жизни, болѣе развитыя проявленія характеровъ. Чѣмъ совершеннѣе были эти идеалы, тѣмъ и самыя страсти по этому взгляду пріобрѣтали лучшее направленіе. Противорѣчія между жизнью и ея идеаломъ, разумѣется, были неизбежны, и тѣмъ болѣе, что идеалы эти и высшія нормы жизни не вполне еще выработаны, не одинаково распространены и не всѣми приняты. Мало того, сама жизнь, независимо отъ этихъ идей и первообразовъ, открытыхъ поэтическимъ гениемъ, создала свои формы для проявленія страстей; вотъ эти-то формы мы и думаемъ просмотрѣть, вглядываясь въ ихъ физиологическую сущность и сравнивая съ выработанными уже принципами и идеалами.

Страсти, съ избранной нами точки зрѣнія, естественнымъ образомъ, дѣлятся на три отдѣла: страсти-аппетиты, страсти пріобрѣтенія и риска, и страсти человѣческихъ влеченій. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, какъ-бы не довольствуясь усвоеніемъ обыкновенныхъ питательныхъ веществъ, привыкаетъ еще къ употребленію спиртныхъ и наркотическихъ, и созданныя такимъ образомъ влеченія обращаются въ страсти; во второмъ случаѣ, человѣкъ, не довольствуясь уже и усвоеніемъ, присвоиваетъ, овладѣваетъ пред-

метами, и если волненія, неразлучныя съ пріобрѣтеніемъ и потерей, обращаются для него въ привычку, то въ немъ тоже развиваются своего рода страсти: скупость; мотовство, страсть къ азартнымъ играмъ и т. д; въ третьемъ случаѣ, наконецъ, человѣкъ самъ отдается какъ-бы на произволъ влекущихъ его къ себѣ лицъ и обществъ, и видитъ въ этомъ свое наслажденіе—отсюда любовь со всѣми ея видоизмѣненіями.

II.

Что касается до такъ-названныхъ нами страстей-аппетитовъ, то онѣ, конечно, основываются на существованіи въ природѣ веществъ, которыми человѣкъ пользуется какъ-бы въ дополненіе къ пищѣ. Вещества эти: вино, водка, табакъ и опій. Употребленіе пищи тоже соединяется съ чувствомъ удовольствія; но такъ-какъ удовольствіе это основывается на устраненіи голода и жажды, то позывъ къ пищѣ и называется потребностію. Употребленіе же вина и табаку есть страсть; потому что вызвано не неизбѣжными нуждами организма, а создано только привычкой, стремленіемъ къ наслажденію. Можно, впрочемъ, сказать, что привычкѣ этой учитъ насъ сама природа, потому-что страсти-аппетиты и смѣшиваются часто съ потребностями. Къ вину, напримѣръ, природа пріучаетъ насъ такъ: сначала въ дѣтствѣ человѣкъ осваивается съ употребленіемъ сахара: сахару въ материнское молоко природа подсыпала немало, и сахаристыя вещества имѣютъ для дѣтскаго организма такое же значеніе, какое спиртные для взрослыхъ; они и по химическому составу даже сходны. Сахаристыя вещества обыкновенно противѣютъ взрослымъ по мѣрѣ того, какъ спиртные начинаютъ нравиться; только женщины въ этомъ отношеніи остаются какъ-бы вѣчно дѣтьми, такъ что пьянство въ женщинѣ есть уже уклоненіе отъ ея типа. Далѣе мы видимъ фактъ, что сахаристыя вещества легко переходятъ въ спиртные; самый выразительный примѣръ тому виноградъ, съ котораго, конечно, и начинается исторія развитія страсти къ напиткамъ. Воздѣлываніе и употребленіе вина извѣстно еще съ глубокой древности; виноградные и масляничные сады были украшеніемъ Палестины. Въ Греціи вино считалось божественнымъ подаркомъ Вакха, и вину, конечно, обязаны люди происхожденіемъ первыхъ праздниковъ или вакханалій. Но что страсть къ нему тогда была еще несильно развита, доказываетъ то, что греки пили вино обыкновенно съ примѣсью двухъ третей воды. Въ Римѣ вино сначала запрещено было употреблять мужчинамъ до тридцати лѣтъ и всѣмъ вообще женщинамъ подъ страхомъ смертной казни, но послѣ запрещеніе это было отмѣнено, и строгій Катонъ былъ однимъ

изъ покровителей винодѣлія. Вакхъ у римлянъ пользовался вообще большимъ почетомъ; его даже, неизвѣстно почему-то, называли *rater liber*, а греческіе праздники у нихъ превратились въ классическія оргіи, на которыхъ они доходили до полного неистовства.

Несмотря на все это, страсть къ пьянству нельзя было еще считать вполне укоренившейся до тѣхъ поръ, пока не открытъ былъ способъ добыванія водки или спирта. Хотя еще Страбонъ упоминаетъ о какомъ-то вѣрпкомъ индійскомъ напиткѣ, но онъ былъ вѣроятно не то, что спиртъ. Несторъ тоже говоритъ о пристрастіи людей его времени къ хмѣльнымъ напиткамъ; но это опять былъ только хмѣль, а не зелено вино, съ которымъ послѣ освоились наши предки. Спиртъ былъ собственно открытъ арабскими врачами въ Европѣ. Сперва, въ началѣ IX столѣтія, изобрѣтена была дистилляція воды, и только въ XII вѣкѣ упоминается въ первый разъ о перегонкѣ вина и приготовленіи изъ него вѣрпаго напитка и, наконецъ, не ранѣе какъ въ началѣ XIV вѣка, водка стала распространяться подъ видомъ лекарственнаго вещества. Замѣчательно, что употребляемая въ медицинскихъ приѣмахъ, она считалась тогда средствомъ для продолженія жизни — отсюда *aqua vitae* или *l'eau de vie*. Способъ приготовления водки былъ, однакожъ, долго секретомъ химиковъ. Наконецъ, секретъ этотъ былъ нарушенъ и водка, входя во вкусъ сѣверныхъ народовъ, стала обнаруживать не только полезныя, но и свои вредныя послѣдствія; воздвиглись гоненія, но и они скоро прекратились, потому что сами гонители стали ее пить; съ тѣхъ поръ распространеніе водки, какъ дешеваго напитка, не имѣетъ уже и границъ, и въ настоящее время она, какъ извѣстно, получила не только торговое, но и финансовое значеніе. О гигиеническихъ же и врачебныхъ цѣляхъ, для чего собственно и изобрѣли водку средневѣковые химики, повидимому, всѣ забыли.

Между тѣмъ, полезное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ, при умѣренномъ употребленіи, несомнѣнно. Спиртъ, какъ предчувствовали еще средневѣковые врачи, дѣйствительно можетъ способствовать до извѣстной степени къ продленію жизни. Новѣйшія изслѣдованія Бѣккера и другихъ показали, что спиртъ въ умѣренныхъ приѣмахъ увеличиваетъ вѣсъ тѣла, замедляетъ превращенія или разрушенія старыхъ тканей и способствуетъ къ образованію новыхъ; онъ задерживаетъ также трату жира въ организмѣ. Замедляя такимъ образомъ мѣну вещества, спиртъ, въ случаяхъ истощенія, поддерживаетъ питаніе и пищевареніе, и въ этомъ, какъ вѣрно замѣтилъ Кларусъ, заключается его непрямая питательная сила. Спиртные напитки поэтому полезнѣе всего въ старости и при ослабленномъ состояніи организма, когда пульсъ и всѣ отправленія жизни падаютъ; для молодости же они, по нашему мнѣнію, не имѣютъ ни-

какого утилитарнаго значенія. Кромѣ того извѣстно, что спиртъ положительно возвышаетъ температуру, согрѣваетъ тѣло, замѣняетъ бѣднымъ до нѣкоторой степени шубу и даже пищу; такъ-какъ извѣстно, что при умѣренномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, человѣкъ можетъ довольствоваться сравнительно меньшимъ количествомъ питательнаго вещества. Кромѣ всего этого, спиртные вещества возвышаютъ мышечную силу, почему и служатъ поддержкою во всѣхъ трудныхъ механическихъ работахъ. Что касается дѣйствія спирта на нервную систему, то на счетъ этого существуютъ до сихъ поръ довольно неопредѣленные сужденія, такъ-какъ все тутъ основывается главнѣйшимъ образомъ на субъективномъ ощущеніи. Намъ кажется несомнѣннымъ, что первое освѣжающее и возбуждающее дѣйствіе алкоголя въ малыхъ приемахъ, зависитъ единственно отъ ускоренія кровообращенія и отъ увеличенія внутренней теплоты. Когда же приемы спирта увеличиваются, бѣненіе сердца дѣлается неправильнымъ и, по меткому выраженію Генле, похоже бываетъ на дрожаніе въ ручныхъ мышцахъ. Это-то неправильное сердцебѣненіе и производитъ вѣроятно тѣ застои крови въ мозгу, которыми условливаются измѣненія инерваціи, называемыя опьяненіемъ. Сначала пьяный болтливъ, веселъ, чувствуетъ себя въ духѣ, способность ощущать боль уменьшается на томъ простомъ основаніи, что существенная составная часть спирта и алкоголя есть эфиръ, который дѣйствуетъ подобно хлороформу. Отъ этого-то свойства утлять боли вѣроятно и зависитъ то измѣненіе въ воспріимчивости чувствъ, о которомъ упоминаетъ Кларусъ. Изъ способностей, по мнѣнію Бухгейма, возбуждается только фантазія. Является ощущеніе довольства и счастья. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ, спиртъ оказываетъ противоположное дѣйствіе: человѣкъ дѣлается молчаливъ, угрюмъ, сосредоточенъ, но боль, страданіе, во всякомъ случаѣ уменьшается. Нервы тупѣютъ во всему дѣйствующему на нихъ болѣзненно, дисгармонирующимъ образомъ.

Всѣми этими благами, происходящими отъ употребленія вина и водки, человѣкъ, впрочемъ, пользуется рѣдко, или, точнѣе, онъ ихъ покупаетъ слишкомъ дорогою цѣною—цѣною самыхъ неизлечимыхъ страданій. Кромѣ общаго разстройства питанія, происходящаго отъ пьянства, какъ отъ излишества, въ наукѣ извѣстны еще нѣкоторыя особенныя болѣзни, которыя существованіемъ своимъ обязаны единственно пьянству. Сюда относится неизлечимое зернистое перерожденіе печени, бѣлая горячка, подагра, особый родъ сумасшествія и распространяющееся теперь воспаленіе твердой мозговой оболочки. Послѣдній недугъ есть собственно произведеніе современнаго намъ пьянства. Товарищъ мой, докторъ Кремянскій, написавши диссертацию по этому предмету, сдѣлавъ, можно ска-

зать, услугу не только наукъ, но и обществу. Открывъ новую, острую форму этой болѣзни, онъ объяснилъ такимъ образомъ, почему она, вмѣстѣ съ удешевленіемъ водки, приняла такой повальный характеръ: въ пятой части труповъ простого рабочаго народа открыты имъ осязаемые слѣды этого недуга. И если клинически эта современная болѣзнь еще не изслѣдована, то несомнѣнно все-таки, что между больными, умирающими по показанію практиковъ отъ тифа, воспаления мозга и сумасшествія, было много такихъ, которые страдали печѣнъ пнымъ, какъ воспаленіемъ твердой мозговой оболочки, происходящей отъ пьянства. Особенно же ошибки должны быть нерѣдки между врачами, совсѣмъ незнающими или знающими очень плохо русскій языкъ и потому могущими смѣшивать первые признаки бреда съ обыкновеннымъ разговоромъ, а начинающееся сумасшествіе съ бредомъ пьяныхъ. Помянутая нами болѣзнь встрѣчается, по наблюденію автора, «преимущественно у крестьянъ, отставныхъ и временно-отпущенныхъ солдатъ, у вдовъ, безпріютныхъ солдатскихъ женъ и дочерей». Открыта такимъ образомъ новая и важная причина смертности нашего народа. Г. Кремянскій увѣряетъ даже, что повальная болѣзнь эта возрастаетъ, что, при ея неизлечимости, составляетъ фактъ довольно пугающаго свойства.

Изслѣдованія эти, какъ извѣстно, обратили на себя вниманіе англійскаго врача Мурчисона; и вотъ въ отвѣтъ на его письмо г. Кремянскій съ своей чисто-сциентифической точки зрѣнія высказываетъ опять одну очень неутѣшительную въ общественномъ смыслѣ вещь. Онъ утверждаетъ, что теперешнее пьянство имѣло не только вліяніе на происхожденіе воспаления твердой мозговой оболочки, но и косвеннымъ образомъ способствовало къ происхожденію возвратной горячки. Въ первомъ случаѣ алкоголь дѣйствовалъ непосредственно на оболочку мозга; въ последнемъ же онъ помогалъ происхожденію болѣзни, уничтожая аппетитъ, понижая питаніе, и производя вообще то обѣднѣніе организма, которымъ условияются всѣ тифозныя болѣзни. Пьянство, впрочемъ, г. Кремянскій считаетъ только одною изъ причинъ, производящихъ эту горячку. И вотъ на эту-то другую причину мы и позволили себѣ указать не въ качествѣ специалиста, а простого только наблюдателя общественной жизни. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода его диссертациі мы писали:

«Къ горячкѣ, говорятъ ученые, располагаетъ усталость, истощеніе — тифъ самый обыкновенный спутникъ трудныхъ походовъ и войнъ. Наше общество утомилось, устало. Дурная квартира, плохая пища, гнилой воздухъ, нищета—все это было и прежде; не было только такого страшнаго разгула страстей, какой теперь

господствуетъ. Нынѣшняя, сравнительно сносная, зима въ Петербургѣ показываетъ лучше всего, что причина возвратной горячки не климатическая. Что пьянство увеличилось не въ примѣръ прочимъ годамъ—извѣстно всякому. Въ Петербургѣ особенно поражаетъ мрачный и довольно распространенный фактъ, что здѣсь пьянствуютъ даже и женщины, и не изъ простаго только народа: сплошь да рядомъ слышишь, что такая-то и такая-то топить свою молодость въ винѣ. Комитетъ общественнаго здравія недаромъ, видно, въ объявленіяхъ о возвратной горячкѣ напечаталъ самыми крупными буквами совѣтъ не пить водки. Недостаетъ только, какъ кажется намъ, къ числу выставленныхъ предостереженій еще совѣта—поудержать себя отъ разврата. Страсти эти всегда идутъ рука объ руку» («Эпоха» 1865 г. Февраль). Ясно такимъ образомъ до очевидности, къ чему ведетъ человѣка *отступленіе отъ нормы* въ употребленіи такихъ сильно дѣйствующихъ средствъ, какъ спиртные напитки.

Другая типическая форма такъ-называемыхъ нами страстей-апетитовъ есть страсть къ употребленію наркотическихъ веществъ. Подобно пьянству, она тоже имѣетъ свою исторію и свое географическое распространеніе. Еще древніе кельты жевали какую-то траву съ цѣлю уладить жизнь, добиться удовольствія, котораго такъ жаждетъ человѣческая природа. Свины, по сказанію Геродота, тоже бросали какое-то растеніе въ огонь, и исходящій при этомъ дымъ приводилъ ихъ въ состояніе, похожее на то, въ какомъ чувствовали себя греки отъ вина. Трава эта, употребляемая сѣверными народами, была впрочемъ не табакъ, а вѣроятно дурманъ или бѣлена, потому что табакъ сдѣлался извѣстенъ европейцамъ только послѣ открытія Америки. Тамъ, однако, онъ былъ уже давно распространенъ. Между мексиканскими древностями находимы были, между прочимъ, и курительныя трубки. Въ Европу табакъ былъ привезенъ въ половинѣ XVI столѣтія и, подобно спирту, его сначала употребляли какъ лекарственное вещество. Но по мѣрѣ распространенія, объ этомъ свойствѣ табака было забыто: его стали курить, жевать и нюхать ради удовольствія; воздвиглись гоненія, которыя, такъ же какъ и въ отношеніи спирта, окончились тѣмъ, что сами гонители стали курить и нюхать. Такъ, напримѣръ, папа Урбанъ VIII и его наслѣдникъ подъ страхомъ провѣтія запрещали нюхать въ церкви; папа же Бенедиктъ XIII, страстный любитель табаку, отмѣнилъ это запрещеніе: табакъ обложили налогами, и теперь куреніе считается почти неизбѣжною потребностію.

Но это, однако, невѣрно: табакъ употребляется не вслѣдствіе фізіологической нужды организма, а вслѣдствіе созданнаго привычкою влеченія. И какъ ни слабо его ядовитое, наркотизирующее вліяніе,

оно, безъ сомнѣнія, отражается на обществѣ. Куреніе табаку дѣйствуетъ приблизительно такъ же, какъ и куреніе опія, только въ слабѣйшей степени. По послѣднимъ выводамъ Ричардсона (*Medical Times and Gaz.* 1 Octob.) оказывается, что табакъ разжижаетъ кровь, дѣйствуя на кровяные шарикъ, ослабляетъ желудокъ (усиленіемъ отдѣленія слюны, которая или проглатывается вмѣстѣ съ пригорѣлымъ веществомъ, похожимъ на креозотъ, или выбрасывается наружу и оттого происходитъ несвареніе крахмалистыхъ веществъ пищи). Далѣе табакъ дѣйствуетъ на зрачокъ, ослабляетъ зрѣніе (особенно нюхательный), дѣлаетъ ухо болѣе тупымъ къ различію тоновъ (фактъ очень важный). Наконецъ самый процессъ куренія ослабляетъ окисленіе крови задерживаніемъ дыма, въ которомъ есть и аміакъ и углекислота, а это ослабленіе окисленія особенно вредно дѣйствуетъ въ молодости, производя преждевременное созрѣваніе тѣла. Особенно, надо полагать, вредно дѣйствуетъ тютюнъ или махорка, употребляемая простымъ народомъ. Папиросы же имѣютъ ту особенность, что, благодаря примѣси бумаги, возбуждаютъ легче кашель, чѣмъ обыкновенный табакъ.

Что же касается до опія, столь распространеннаго между народами Азіи, то на счетъ значенія и вліянія его на здоровье и сомнѣнія, конечно, не можетъ быть. По силѣ дѣйствія своего, онъ относится къ табуку такъ же, какъ водка къ винамъ. Отъ спиртныхъ же наркотическихъ веществъ вообще отличаются, какъ кажется, тѣмъ, что послѣднія дѣйствуютъ непосредственнѣе на нервное вещество, мало трогая кровь и почти не измѣняя температуры. Наркотическія поэтому, въ противоположность спиртнымъ, не считаются согрѣвающими и укрѣпляющими веществами. Опій собственно средство успокоивающее, и въ этомъ отношеніи есть одно изъ могущественнѣйшихъ лекарственныхъ веществъ; но ничѣмъ неутолима и ни въ чемъ ненаходящая себѣ удовлетворенія жажда къ наслажденію направляетъ это средство къ другой цѣли, и опій сдѣлался однимъ изъ орудій, истощающихъ умственные и нравственные силы восточныхъ народовъ. Поклонники Мухамеда, которымъ запрещено вино, въ особенности пристрастны къ опію; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, его употребляютъ и въ Англии, особенно нисшіе, бѣдствующіе классы. На Востоку курятъ опій съ различными цѣлями: воины для возбужденія мужества, поэты—для оживленія фантазій, желающіе любить—для исполненія своихъ желаній; словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ жизнь тамъ оказывается не дѣйствительною для возбужденія энергіи человѣка. Литле, хирургъ въ Сингапурѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ процедуру куренія: курящій сильно втягиваетъ дымъ изъ трубки и задерживаетъ его на сколько можетъ въ груди. Тотчасъ же исчезаетъ жалкій видъ,

который онъ имѣлъ прежде, глаза блестятъ, лицо принимаетъ веселое, смѣющееся выраженіе, онъ прислоняется къ стѣнѣ, говорить безпрестанно. За этимъ наступаетъ глубокій сонъ и всѣ вредныя послѣдствія отравляющаго дѣйствія опія. Но ни болѣзни сердца, ни судороги, ни страшная боль въ костяхъ и ни потемнѣніе зрѣнія вмѣстѣ съ выпаденіемъ бровей—ничто не въ состояніи удержать человѣка отъ этой разрушительной страсти.

Что же толкаетъ человѣка на такую опасную дорогу къ счастью, къ удовольствію? Нѣтъ ли въ самомъ существѣ его чего нибудь такого, что дѣлаетъ его такимъ падкимъ на наслажденіе? Животныя, напримѣръ, ѣдятъ все, что ѣдимъ и мы, но имъ несвойственны ни спиртные, ни наркотическія вещества. Медвѣдя хотя и поятъ водкой, но это только для фокуса; собаки же имѣютъ къ ней положительное отвращеніе. Г. Кремянскій, дѣлающій теперь опыты для произведенія искусственнаго воспаленія твердой мозговой оболочки у собакъ, долженъ употреблять неимовѣрныя усилія, чтобы опаять ихъ водкой; тогда какъ служитель, при этомъ находящійся, бываетъ почти каждый день пьянъ. Когда экспериментаторъ, желая его усовѣстить, шутя указываетъ ему на трезвость собакъ, то онъ только говоритъ: Да что, онѣ ничего не понимаютъ. — Этотъ, повидимому, нерекомендующій сторожа отвѣтъ указываетъ, однако, на превосходство человѣческой природы. Животныя дѣйствительно не въ состояніи почувствовать въ такой степени этой вѣчно морящей человѣка жажды къ наслажденію. Въ жадѣ этой глубокій смыслъ. Возбужденіе нервовъ, производимое виномъ, водкой, табакомъ и опиумъ, въ сущности близко къ тому особенному напряженію нервной системы, которая такъ тѣсно связана съ актомъ высшей, духовной дѣятельности; потому-то вещества эти и служатъ замѣнительнымъ средствомъ тѣхъ возбужденій, которыя ея условливаютъ, въ особенности эстетической ея стороны. Дикіе недаромъ такъ пристрастны къ одуряющимъ травамъ и брѣвкамъ напиткамъ. Ощущеніе довольства человѣкъ, конечно, получаетъ и этимъ путемъ; но довольство это непродолжительно и неплототворно. Ощущеніе хорошаго расположенія духа, производимаго одуряющими травами и виномъ, именно и отличается тѣмъ отъ ощущенія, производимаго изящной стороной жизни и природы, что въ первомъ случаѣ человѣкъ чувствуетъ себя хорошо настроеннымъ вслѣдствіе искусственнаго возбужденія; въ послѣднемъ же его естественнымъ образомъ настраиваетъ гармоническое сочетаніе явленій природы. Тамъ наслажденіе добывается, такъ-сказать, черезъ кровь, тутъ—черезъ органы чувствъ, наполняющіе голову фактами и дѣлающіе это наслажденіе плодотворнымъ. Большинство, разумѣется, не смотритъ на эту разницу въ удовольствіяхъ. Счастія,

наслаждёнiя жаждеть всякiй, и что́ ему легче достается, что́ ближе, то́ онъ и беретъ, не смотритъ на послѣдствiя. Удовольствiе, приносимое виномъ, водкой, табакомъ и опиумъ, поэтому есть положительно суррогатъ или замѣнительное средство того плодотворнаго наслаждёнiя, которое доставляетъ поэзiя и искусство. Вкусъ къ этимъ веществамъ развивается въ обществѣ по мѣрѣ того, какъ падаетъ вкусъ къ эстетическому наслаждёнiю. И тѣ, которые не признають высочаго значенiя этого рода дѣятельности, въ нѣкоторомъ родѣ толкають людей къ оргiямъ и пьянству.

III.

Умственный трудъ, умственная дѣятельность тоже не остается безъ своего суррогата, безъ своего отвлекающаго замѣнительнаго средства, и средство это, какъ увидимъ, заключается именно въ страстяхъ къ приобрѣтенiю и риску. Откуда берутъ исходъ своей эти страсти? Изъ эгоистическаго или охранительнаго, такъ сказать, начала, которое, если черезчуръ овладѣваетъ человѣкомъ, всегда выражается въ своего рода страстныхъ порывахъ. Начало эгоизма, конечно, не единственное въ мiрѣ, но оно есть основа приобрѣтенiя, съ которымъ связана всякая дѣятельность. Всѣ болѣе или менѣе приобрѣтають и всѣ болѣе или менѣе рискуютъ приобрѣтеннымъ, мѣняя его на предметы физическаго, умственнаго или нравственнаго значенiя. Право собственности есть право усвоенiя, то-есть право, которое даетъ намъ сама природа. Сперва человѣкъ усваиваетъ только питательныя вещества, потомъ феномены природы и, наконецъ уже, явленiя жизни, знанiя, идеи и проч.; за этимъ онъ начинаетъ производить и входитъ такимъ образомъ въ кругъ мѣны общественныхъ интересовъ. Можно поэтому нападать на злоупотребленiя собственностiю, роптать, что физическiя средства имѣють еще такой перевѣсъ надъ нравственными и умственными, но самое право собственности отвергать есть положительная нелѣпость.

Всѣ злоупотребленiя собственностiю происходятъ не отъ права на нее, а отъ страстей, развивающихся подъ влiянiемъ материальнаго обезпеченiя и умственнаго убожества и неразвитости. Въ этомъ главная причина страстнаго направленiя инстинктовъ само-сохраненiя или начала эгоистическаго. Если, напримѣръ, человѣкъ на столько нищъ духомъ, что обладанiе и сбереженiе имущества дѣлается его преобладающимъ влеченiемъ, то являющаяся привязанность къ предметамъ принимаетъ иногда такой односторонне-страстный характеръ, что человѣкъ кажется какъ-бы мономаномъ или машиною для добыванiя денегъ — отсюда скудость. Совсѣмъ

иное бываетъ, когда подъ впечатлѣніемъ обладанія возбуждается не привязанность къ матеріальнымъ средствамъ или матеріальному могуществу, а масса самыхъ разнообразныхъ и себялюбивыхъ желаній — отсюда страсть къ мотовству. Какъ въ первомъ случаѣ человѣкъ зарываеъ въ землю собственность, такъ въ послѣднемъ онъ ее сжигаетъ; и то и другое бываетъ одинаково часто при общей неразвитости. Что же, спрашивается, дѣлаютъ у насъ съ собственностію люди, и умственно и матеріально обеспеченные? Они или торгуютъ ею болѣе или менѣе честно, или играютъ болѣе или менѣе ловко. На счетъ достоинства перваго занятія не можетъ быть, конечно, и сомнѣнія: человѣкъ, торгуя, тоже, положимъ, рискуетъ своимъ капиталомъ, испытываетъ ощущенія, подобныя тому, какъ это бываетъ при выигрышѣ и проигрышѣ въ карты; но какъ все это дѣлается съ сознаниемъ, что онъ приноситъ пользу не только себѣ, но и другимъ, то и рискъ этотъ не имѣетъ характера страсти, а пріобрѣтаетъ, напротивъ, форму труда. Дѣло идетъ о пользѣ, о результатахъ, а не о простомъ возбужденіи нервовъ. Совсѣмъ другое бываетъ, когда человѣкъ играетъ имуществомъ. Торговля съ своимъ сравнительно медленнымъ, трудовымъ движениемъ не представляетъ и слѣда того быстрого перехода капиталовъ изъ одного кармана въ другой и той страшной возбужденности нервовъ, какая возможна въ игрѣ. Случается, правда, что и торговля бываетъ похожа на карточную игру, но это ужъ подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ и отчасти вслѣдствіе деморализаціи, производимой играми всякаго рода на общество. Вліяніе ихъ на общество не такъ малозначительно, какъ думаютъ; кромѣ стремленія рисковать или ставить послѣднюю копейку ребромъ, возбуждаемаго играми взрослыхъ, онѣ вообще невыгодны еще тѣмъ, что поглощаютъ огромное количество умственныхъ средствъ. Никто, конечно, не станетъ спорить, что игры эти требуютъ иногда большихъ умственныхъ соображеній и особеннаго даже развитія способностей. Самъ Гегель и Кантъ, быть можетъ, такъ не задумывались, какъ задумываются подчасъ и ломаютъ себѣ головы записные спеціалисты ералаша и преферанса. Всѣ игроки, вообще народъ неглухой, хоть и совершенно бесполезный. Есть даже игры, какъ, напримѣръ, шахматная, которыя требуютъ почти гениальной сообразительности; но тѣмъ жалче, тѣмъ ужаснѣе, что такія большія силы тратятся на мелочи и пустяки. Игры взрослыхъ, несмотря на всю ихъ замысловатость, отличаются въ сущности отъ игръ дѣтей только размахомъ, количествомъ растроченныхъ способностей. Дѣти оттого играютъ, что не видятъ еще цѣли въ жизни, не знаютъ, на что годны имъ ихъ способности и куда они должны ихъ направить; оттого онѣ у нихъ и не слагаются

въ формы труда, а только въ формы игры. Игрокъ есть тоже дитя, конечно взрослое, невидящее еще цѣли въ жизни и незнающее куда направить свои силы. Намъ возразятъ, что въ азартныхъ играхъ, которыя собственно и пользуются почетомъ, не требуется большихъ умственныхъ средствъ, а только страсть, напряженіе нервовъ; но это невѣрно. Всякій азартный игрокъ, нежелающій себѣ гибели или разоренія, долженъ непременно знать людей, примѣняться къ ихъ характерамъ, подмѣчать съ кѣмъ имѣть дѣло, кто въ какомъ настроеніи, кто потерялъ хладнокровіе и кто не можетъ потерять его; наблюдать наконецъ за собою, слѣдить со всѣмъ напряженіемъ ума за тѣми поворотами случая, съ которыми связана цѣлая теорія вѣроятностей. Только о такомъ азартномъ игрокѣ можно сказать, что онъ не проиграетъ, не разорится и не погибнетъ. Другой, разумѣется, вопросъ: честное ли это въ строгомъ смыслѣ приобрѣтеніе? Да не подумаютъ, чтобы мы сомнѣвались вообще въ честности и денежной акуратности игроковъ. Нѣтъ, мы хотимъ сказать, что они люди, хоть и дорожащіе честностію, но непонимающіе вполне значенія этого слова. Азартные и вообще денежные игроки—это какъ-бы люди, по уговору, по обоюдному согласію обворовывающіе другъ друга. Между воромъ и игрокомъ есть, конечно, большая разница; но воръ, однако, тоже ничего не производитъ, а рискуетъ не менѣе игрока. Оказывается такимъ образомъ, что игра деньгами, имуществомъ, обращаясь въ страсть, не только отнимаетъ время и капиталъ, но и деморализируетъ еще въ извѣстной степени. Торговымъ людямъ, повидимому, естественнѣе было бы всего заниматься этимъ раздражающимъ нервы перебрасываніемъ денегъ, и однако оказывается наоборотъ. Изъ поучительной въ своемъ родѣ исторіи картъ извѣстно, что онѣ, будучи изобрѣтены въ Индіи, распространились въ Европѣ прежде всего между дворянствомъ, при дворѣ французскаго короля Карла VI; шахматная же игра стала пользоваться популярностью со временъ Карла-Великаго, котораго придворные, какъ и онъ самъ, любили очень эту игру. Да и теперь-то игры вообще поддерживаются преимущественно людьми благородными. Имъ-то собственно и усовершенствованы коммерческія игры — вистъ, пикетъ, преферансъ и проч. Человѣкъ, значить, по природѣ до такой степени купецъ, что, пребывая въ дворянскомъ званіи, не отказывается отъ удовольствія рискнуть собственностію, хотя бы рискъ этотъ былъ и самый непродуцательный.

Различнаго рода охота и уженіе, по влиянію своему на нервы, тоже могутъ быть сравниваемы съ карточной игрою. Разница тутъ только та, что первая можетъ служить и какъ средство сближенія съ природою и съ цѣлью гигиенической — и въ этомъ послѣднемъ

отношеніи, охота дѣйствуетъ иногда лучше гимнастики. Если же пристрастіе къ ней, и въ особенности къ уженію, доходитъ до крайности, то они сильно раздражаютъ нервы, и тѣмъ самымъ лишаютъ человѣка способности къ труду. Вполнѣ непроезводительными страстями, они, впрочемъ, считаются не могутъ, такъ какъ къ первобытному состоянію человѣка они составляютъ трудъ. Трудъ, какъ скоро теряетъ свою цѣну или цѣль, онъ сейчасъ пріобрѣтаетъ видъ игры. Такъ же дѣйствуетъ на него и всякаго рода стѣсненіе; стѣсненный трудъ до извѣстной степени имѣетъ видъ игры: человѣкъ тутъ болѣе рискуетъ и менѣе сохраняетъ спокойствіе, столь необходимое для трудового движенія умственныхъ силъ; игры въ такомъ случаѣ болѣе влекутъ его къ себѣ, и служатъ даже отводомъ скопившихся въ немъ силъ. Люди, никогда спокойно и серьезно нетрудившіеся, способны въ азартъ и бить напропалую.

IV.

Переходя къ третьему отдѣлу — къ страстямъ человѣческихъ влеченій или привязанностей, мы видимъ прежде всего, что тутъ играетъ главную роль не эгоистическое начало, а гуманное. Мы уже не разъ въ своихъ статьяхъ проводили мысль, что эгоизмъ и гуманизмъ смѣшивать не должно, что выводить послѣднее изъ перваго, значить, унижать, огрублять человѣка, что эти два противоположныя начала такъ же вѣчны, и въ нравственномъ мірѣ имѣютъ такое же значеніе, какое въ физическомъ тепло и холодъ, свѣтъ и темнота и прочія полярности различныхъ силъ природы. Начало гуманное, въ послѣднее время ослабѣло къ выгодѣ эгоистическаго; между тѣмъ, заботиться о развитіи эгоизма нѣтъ никакой надобности. Бояться, чтобы человѣкъ забылъ о себѣ — смѣшно: голодь, жажда, его собственныя немощи напомнятъ ему; главное, чтобы онъ не забылъ, что онъ членъ общества. Я только сильно сознаниемъ, что оно составляетъ часть *мы*: въ этомъ сила прогресса. Человѣчество есть второе божество: въ этомъ основа религій, которыя всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что человѣкъ созданъ по образу и по подобію божію. Что въ влеченіяхъ своихъ къ людямъ, человѣкъ руководится гуманнымъ, самоотрицательнымъ началомъ, доказываетъ способность его жертвовать жизнью, ради спасенія даже совершенно чужого, незнакомаго ему лица. Изъ подобнаго рода поступковъ болѣе всего видно, до какой степени мы принадлежимъ, привязаны къ своему роду, къ своему племени человѣческому. Привязанность эта къ человѣчеству — выражаясь въ невольныхъ порывахъ — рѣдко, впрочемъ, переходитъ въ страсть: человѣку трудно

узнать, сблизиться со всѣми племенами. И въ тому же, люди говорятъ на разныхъ языкахъ; значить, не только пространство, внѣшній видъ народовъ, но и способъ выраженія мысли до нѣкоторой степени разобщаетъ людей. Самое естественное выраженіе любви къ человѣчеству есть, поэтому, любовь къ своей націи, къ своему народу; влеченіе это скорѣе всего переходитъ въ страсть, и въ минуту общей опасности, выражается патріотическимъ настроеніемъ. Любовь къ родному языку, есть, впрочемъ, тоже своего рода патріотизмъ: въ языкѣ болѣе или менѣе выражается духъ и сущность народа; любить его поэтому нельзя, не имѣя положительнаго пристрастія къ его языку. И мы, значить, были правы, доказывая прежде, какъ важно для развитія нашихъ національных влеченій устраненіе причинъ, выставляющихъ насъ то французами, то нѣмцами, то римлянами, то древними славянами, и только очень рѣдко русскими. И тогда еще удивлялись мы крайнему непатріотизму и бездушію людей, находящихъ удовольствіе вѣчно жить посреди чужихъ. Къ этой категоріи безсердечныхъ особъ мы причисляемъ, во первыхъ, тѣхъ неизмѣнныхъ путешественниковъ изъ русскихъ, которые связаны съ Россіею только своимъ имуществомъ; а во вторыхъ, тѣхъ изъ уединившихся въ нашемъ обществѣ иностранцевъ, которые, изживъ въ немъ десятки лѣтъ, не чувствуютъ жизненной, глубоко человѣческой потребности сблизиться, слиться съ окружающею средой посредствомъ языка и безпристрастнаго отношенія къ выгодамъ и интересамъ. И то и другое, есть одинаково космополитическія тенденціи, которыя большей частію служатъ маскою эгоистическихъ стремленій. Между тѣмъ, какъ народъ нашъ мретъ иногда отъ тоски по родинѣ (такъ естественна, непобѣдима любовь къ родинѣ), эти чужаки-иностранцы и эмигранты-путешественники чувствуютъ себя необыкновенно хорошо, въ своемъ холодномъ отчужденіи.

Отъ влеченій, условливающихся существованіе обществъ и государствъ, намъ теперь естественнѣе всего перейти къ влеченію или страсти, отъ которой зависитъ существованіе семьи. Начало семейное отъ страсти любви разрознивать, конечно, нельзя, потому что—гдѣ любовь, тамъ и семья, гдѣ нѣтъ ея, тамъ варьетеатура семейнаго счастья; либо любовь со всѣмъ ея обаяніемъ, либо покупныя безсердечныя ласки, а если любовь, то семья уже выйдетъ—природѣ этого хочется! Начало семейное можно даже считать характеристическою особенностію человѣческаго рода: семьи, родственныхъ связей, въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ между животными; это зависитъ отъ характера ихъ, полового влеченія, неидущаго у нихъ дажѣ простого инстинкта. У насъ, правда, семейныя связи тоже ослабѣли и приняли какъ-бы видъ торговыхъ денежныхъ свя-

вей; тѣмъ болѣе мы должны за нихъ держаться и ихъ спасать, какъ спасаютъ свое человѣческое достоинство, тѣмъ сильнѣе вѣрять въ любовь.

Великое это слово! Кто изъ людей, непотерявшихъ способности къ жизни, не останавливался надъ глубокимъ, всеобъемлющимъ смысломъ, который заключаетъ оно въ себѣ? Кто не думалъ, кто не разсуждалъ, не смѣялся или не плакалъ надъ тѣми мотивами, которые двигаютъ человѣкомъ, когда онъ любить? Сколько перьевъ иступлено, силъ растрчено даромъ, волненій принято понапрасну, головъ и сердець разбито въ дребезги, отъ одного только неосторожнаго прикосновенія къ этой вѣчнозвучащей и вѣчно-натянутой струнѣ человѣчества! Философы, на что народъ трезвый, и тѣ, еще начиная съ блаженной памяти Платона и Эпикура, трудились незамѣтнымъ образомъ надъ разрѣшеніемъ задачъ, которыя заключаетъ жизнь, благодаря только тому, что люди все любятъ, любятъ и не думаютъ перестать любить.

Исторія любви—это исторія поэзій. Древній грекъ любилъ чувственно, какъ самое послушное дитя той обаятельной прелестницы природы, которая его окружала; страсть у него сливалась съ обожаніемъ. Сообразно съ этимъ, и поэзія его носила характеръ пластической силы, художественной смѣлости и наготы; все въ ней было просто, реально и осязаемо; отсюда страшная живучесть всего античнаго въ мірѣ. Вопиственный римлянинъ былъ уже суше сердцемъ; подвиги и преступленія волновали его воображеніе чаще, чѣмъ страданія и радости житейскія. Его душѣ повятны еще были законы правды, но не законы красоты. Заимствовавши у грековъ поэзію, онъ не развилъ ее, а только пародировалъ; и потому она не произвела на него морализирующаго вліянія. Во времена Августовъ она обратилась даже въ орудіе безпримѣрнаго въ исторіи цинизма и самой фантастической жестокости: Неронъ былъ и палачъ и артистъ въ одно время. Словомъ, римляне были самый сухой, непоэтичный и, быть можетъ, самый развращенный народъ въ мірѣ. Средневѣковой рыцарь тоже славился цинизмомъ любви, но самый этотъ цинизмъ въ немъ значительно искупался тѣмъ, что онъ вѣрилъ въ идеализацію этой страсти. Средневѣковой человѣкъ первый понялъ, что женщину можно любить какъ идею, какъ олицетвореніе нравственной красоты и совершенства. Въ порывахъ своего возвышеннаго безумія онъ ставилъ стремленіе къ красотѣ и совершенству даже выше собственной своей жизни; турниры, на которыхъ онъ сражался и которые потомъ воспѣвалъ, сдѣлались поэтому школою романтизма, этого элемента молодости, новизны и свѣжести человѣческаго духа—элемента, безъ котораго и самый реализмъ неполонъ, недостаточенъ и неосуществимъ въ жизни.

Еще характеристичнѣе выразились эти идеальныя воззрѣнія на любовь въ Данте, этомъ рыцарѣ средневѣковой поэзіи. Какъ-бы сознавая всю неосуществимость представлявшагося ему тогда идеала женщины, онъ повидимому даже и не вѣрилъ въ возможность дѣйствительнаго счастья, и потому всю свою душу отдалъ несуществующему образу Беатриче, которая, подобно древней музѣ или божеству, и носилась надъ его грандіозной поэмой. Этимъ возвышеннымъ и, конечно, преувеличеннымъ для того времени требованіемъ отъ женщины суждено было разбитися и не въ одномъ Данте; рѣдкій изъ послѣдующихъ поэтовъ не имѣлъ своей мечты, которую онъ по необходимости лелѣялъ вмѣстѣ обожаемаго предмета. Положеніе женщины было еще такъ двусмысленно и близко къ положенію рабы, что даже и не въ ея власти было осуществить эти идеальныя требованія. Новѣйшія воззрѣнія на любовь обаялись уже совершенно непохожими на средневѣковыя; они скорѣе сродни римскимъ.

По мѣрѣ того, какъ мужчина умственно развивался, а женщина отъ него отставала, вѣра въ семейное начало падала; подверглось даже сильному сомнѣнію постоянство и вѣрность въ любви, то-есть то, что собственно и дѣлаетъ ее плодотворною въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Проституціонныя стремленія получили такую силу, что сложились даже въ формы особой теоріи; принципъ товарищества пошелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ принципомъ семейнымъ. Наука и философская мысль вздумали коснуться до тѣхъ сторонъ жизни, которыя до сихъ поръ воспринимала и будетъ воспринимать только поэзія. Утилитаризмъ еще болѣе высушилъ душу современнаго человѣка; поэзія сдѣлалась наконецъ ему непонятной. Такъ неразрывно связано проявленіе чувства и страсти любви съ живучестью поэтическихъ стремленій. Эта связность сильнѣйшей изъ страстей съ поэтическимъ настроеніемъ понятна, впрочемъ, и вслѣдствіе реальныхъ причинъ. Та изощренность чувствъ, которая обуславливается схватываніемъ изящнаго въ природѣ, хотъ и зависитъ отъ врожденныхъ способностей, но прежде всего и сильнѣе всего проявляется подъ вліяніемъ любви. Только любя, поэтъ можетъ почувствовать свои силы, и только любя хотъ разъ въ жизни, человѣку дѣлается вполне понятна изящная сторона жизни. Поэтому-то мы и говорили прежде, что человѣкъ холостой сердцемъ, то-есть нелюбившій ни разу искренно и долго, не можетъ и не вправѣ касаться художественныхъ произведеній; онъ можетъ быть хорошимъ публицистомъ, юристомъ или экономистомъ, но никогда вѣрнымъ цѣнителемъ тѣхъ тонкихъ нравственныхъ движеній, изъ которыхъ зачинается ткань общественной жизни.

Что поэтическая воспримчивость и любовь въ ея высшемъ значеніи надаютъ въ обществѣ одновременно, доказываютъ лучше всего теперешніе нравы. Въ чемъ собственно заключается физиологія современной любви? Мужчина, какъ дѣйствующее лицо, вырывается обыкновенно изъ среды женщинъ нѣкоторыхъ неопытныхъ, развращаетъ ихъ, а такъ-какъ женщина срединн въ нравственности не знаетъ, то и неудивительно, что эти оторванные отъ общества субъекты превосходятъ по безнравственности и самого мужчину. И вотъ около нихъ-то нерѣдко онъ и воспитываетъ свои чувства до той поры, пока не сочтетъ нужнымъ разстаться съ холостою жизнію и совершить послѣдняго безнравственнаго поступка—равнодушно обнять свою невѣсту. Но такъ-какъ законъ привычки силенъ, то и неудивительно, что мужчина продолжаетъ романъ своей жизни и далѣе, женщина тоже; и въ происходящей отсюда путаницѣ отношеній заключается почти вся тѣна любви, которую воспѣваютъ современные поэты и надъ которой разсуждаютъ мыслители и критики. Повинуясь этому неудержимому стремленію, которымъ условливается существованіе потомства, индивидуумы сталкиваются и расходятся, блаженствуютъ и гибнутъ; и подобно тѣмъ половинкамъ грушъ, о которыхъ говорится въ индійскихъ сказаніяхъ, ищутъ другъ друга, чтобы образовать неразрывное цѣлое. Но цѣлаго обыкновенно не выходитъ, а только фальшивая и безобразная связь; половинки скоро распадаются, и не найдя наконецъ своего, засыхаютъ и выметаются какъ ненужный соръ времени. Отсюда и трагизмъ любви, и цинизмъ и цвѣты любви и ея стрѣлы.

Читатель, конечно, догадается, что мы говоримъ тутъ не о тѣхъ стрѣлахъ, которыя когда-то пускало миеологическое божество; нѣтъ, это стрѣлы другого рода; онѣ заключаются въ особеннаго рода болѣзни, для которой на литературномъ языкѣ нѣтъ даже приличнаго имени, и которая, по нѣкоторымъ историческимъ предположеніямъ, можетъ быть названа проказой новѣйшаго времени. Если на чемъ можно убѣдиться, что слишкомъ большое уклоненіе отъ нормы или идеала сопровождается часто преслѣдованіемъ со стороны природы, то это, конечно, на этомъ. Болѣзнь, о которой мы говоримъ, есть проклетіе, наложенное природой на человѣка за отступничество отъ основнаго принципа любви. Какъ ни страннымъ кажется съ перваго раза это положеніе, а оно вѣрно: принципы въ нравственномъ мірѣ играютъ такую же роль, какую законы въ физическомъ; и потому очень естественно, что всякое слишкомъ большое уклоненіе отъ этихъ началъ дѣлается чувствительнымъ не только нашему внутреннему сознанію или совѣсти, но и выражается еще аномаліями, болѣзнями въ самомъ организмѣ.

Основной принципъ любви, до котораго человѣчество дошло, есть бракъ или, какъ въ естествовѣдѣніи называютъ, моногамія—парное сожительство. У животныхъ, на примѣръ, есть и полигамія и полиандрія (многоженство и многомужство) самыхъ разнообразныхъ видовъ; но сознаніе ихъ, однакожь, этимъ не тревожится, не нарушается; болѣзней, которыя бы прямо зависѣли отъ влеченія половъ, у нихъ тоже нѣтъ; и это потому, что все совершается по нормѣ, по естественному закону ихъ организмовъ. Для человѣка же, наоборотъ, существуетъ и тревога совѣсти, условливающая потерю счастья, и стрѣлы любви, растранивающія и даже разрушающія его здоровье.

Объ исторіи болѣзни, названной нами проказой новѣйшаго времени, писали много, хотя по большей части ограничивались всегда только свѣдѣніями о степени ея распространенія въ разные вѣка и о давности ея существованія. О самыхъ же основныхъ, коренныхъ причинахъ постоянно умалчивали. Изыскивали, на примѣръ, отчего происходитъ желтая горячка, тифъ, лихорадка, холера, но никто, однакожь, не говорилъ опредѣлительно о причинахъ помянутой нами болѣзни. Общее мнѣніе ученыхъ, впрочемъ, то, что она усиливается и достигаетъ большаго напряженія и заразительности во времена усиленной распущенности нравовъ. Такъ, на примѣръ, въ развращенныя времена Августовъ, во времена нашествія французовъ на Италію и при нападеніи англичанъ на Португалію. Походъ французовъ, сопровождавшійся страшными насиліями и временнымъ разрушеніемъ всякихъ семейныхъ узъ, въ особенности способствовалъ развитію этой болѣзни. Французы, по выраженію Мишле, какъ-бы отрывшіе Италію, въ этой войнѣ были поражены богатствомъ страны, роскошью природы, красотою женщинъ; и это все такъ воспламенило ихъ страсти, что они изъ побѣдителей сдѣлались какъ-бы побѣжденными. «Эта встрѣча двухъ племенъ — говоритъ Мишле — устремившихся другъ на друга, была такъ же слѣпа, какъ жадное соприкосновеніе двухъ химическихъ элементовъ, борющихся роковымъ образомъ» (*Renaissance* 27 p.). Распущенность нравовъ, самозабвеніе въ любви были непримѣрны. Самъ Карлъ VIII, какъ проговаривается исторія, страдалъ этой болѣзнію, около папы давались чуть ли не геліогабаловскіе вечера. Самое появленіе такой грозной личности какъ Савонаролла, показываетъ, какіе были нравы. Савонаролла, правда, погибъ, какъ погибали почти всѣ, когда либо державшіе возстать противъ увлеченія страстями. Массы ничѣмъ такъ легко не подкупаются, какъ лестью, потворствомъ, животнымъ инстинктомъ, и ничему такъ долго не противодействуютъ, какъ слову прогресса, невходящему ни въ какія сдѣлки съ чувственностію. «О, Флоренція! — гремѣлъ тог-

да Савонаролла въ своемъ риторическомъ изступленіи.—Мѣра твоего нечестія преисполнена. Приготовь себя къ страшному ожидающему тебя бичу!»—И бичъ этотъ упалъ на голову несчастной Италіи. Болѣзнь такъ усилилась, что многіе начинаютъ исторію ея только съ того времени; но это, по всей вѣроятности, несправедливо; болѣзнь эта, конечно, такъ же стара, какъ стары и человѣческія слабости. Исторія современной жизни тоже представляетъ немало примѣровъ усиленнаго развитія этого недуга подъ вліяніемъ причинъ, колеблющихъ моногамическое сожительство или нормальный бракъ. Столицы государствъ, приморскіе города, гдѣ всегда большое скопленіе бездомнаго народа, нѣкоторые сословія, какъ-бы требующія безсемейной жизни, все это есть моменты, поддерживающіе эту болѣзнь. Правительство наше всегда отличалось безграничнымъ уваженіемъ къ семейному началу, и потому да позволено намъ будетъ замѣтить, что нѣкоторые стѣснительныя мѣры противъ женитьбы офицеровъ и солдатъ, изданныя, впрочемъ, не безъ спроса мнѣній военныхъ, намъ важутся недостигающими своей цѣли. Болѣзнь эта, какъ мы уже высказывали прежде (23 № Отеч. Зап. 1865), разносится по провинціи преимущественно фабричными и солдатами; теперь обстоятельство это подтверждается фактомъ еще болѣе поучительнымъ. Въ Полтавской губерніи болѣзнь эта развилась даже эпидемически, какъ доносится объ этомъ въ докладѣ доктора медицины, князя Н. А. Долгорубаго полтавскому земскому собранію (Газета Соврем. Медиц. декабрь № 14). «Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи—говорится въ отчетѣ—если не весь народъ, то большая часть его заражена этой болѣзнію; зараза эта до такой степени распространена во многихъ мѣстностяхъ, что нѣтъ ни одного семейства, къ какому бы оно сословію ни принадлежало, которому бы не угрожала опасность отъ этого страшнаго бича; нѣтъ личности, какихъ бы то ни было высшихъ правъ, какой бы то ни было святой жизни, которая была бы гарантирована; ибо болѣзнь вносится въ домъ нянькой вашихъ дѣтей, кормилицей вашего ребѣнка, горничною вашей матери, жены или дочери, и если земство не приметъ энергическихъ мѣръ для ослабленія существующей эпидеміи и противъ дальнѣйшаго ея развитія, то недалеко то время, когда все племя переродится и окончательно будетъ изуродовано». О средствахъ, принятыхъ обществомъ противъ этого зла, мы говорить не будемъ; замѣтимъ только, что между причинами этой страшной эпидеміи въ отчетѣ поминается то же, какъ и у насъ въ статьѣ о мастеровыхъ и солдатахъ.

Что же означаютъ всѣ эти факты? Если причины, поддерживающія эту болѣзнь, заключаются въ полигамическомъ и полиандрическомъ сожительствѣ, зависящемъ отъ бездомности работниковъ и

безпутства разнаго званія и чиновъ люда, то можно думать, что и причины, производящія эту болѣзнь, заключаются въ этомъ же. Всѣ болѣзни большей частію поддерживаются тѣми же причинами, отъ которыхъ произѣшли. Разсматриваемая нами болѣзнь вовсе не такъ заразительна, чтобы могла поддерживаться только силою, преемственностію зараженія, появившись разъ въ древности. Безъ сомнѣнія, есть и теперь случаи самопроизвольнаго зараженія; и нѣкоторые доктора, какъ Рихтеръ, ихъ принимаютъ. «Вѣроятно—говоритъ онъ—еще и теперь появляется эта болѣзнь то тамъ, то сямъ, сама собою, самопроизвольно, первоначально, какъ, напримеръ, показала на островахъ Южнаго Океана еще до прибытія туда европейцевъ». Далѣе же Рихтеръ положительно говоритъ, что фокусъ этой болѣзни во всякомъ случаѣ есть женщина, живущая во многомужествѣ (Курсъ Пат. и Тер. 293 с. I т.). Куда же послѣ того, судите сами, толкали насъ люди, говорившіе о полигаміяхъ и полиандріяхъ? Мы даже полагаемъ, что еслибы случаевъ самопроизвольнаго зараженія не было, то болѣзнь могла бы прекратиться, по крайней-мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, при тѣхъ медико-полицейскихъ мѣрахъ, которыя уже существуютъ, и при той осторожности, которая распространяется въ обществѣ. Мѣры эти потому-то и безсильны и всегда будутъ такими, что причины ея не въ передачѣ только болѣзненнаго явленія, но и въ самопроизвольномъ зарожденіи, зависящемъ отъ полиандрическаго сожительства. Странно въ самомъ дѣлѣ, что болѣзнь эта всегда вращалась только между мужчинами и женщинами, живущими не попарно, и никогда не входила прямымъ образомъ въ кругъ обыкновенной семейной жизни, а если и проникала иногда случайно, вслѣдствіе внѣшняго, безвѣрнаго зарожденія, то дѣло только и ограничивалось этимъ фактомъ и болѣзнь дальше не двигалась: моногамическое сожительство было, значить, для нея худая почва; развратъ же всегда ее питалъ и поддерживалъ.

Если читатель согласится съ этимъ, быть можетъ, неожиданнымъ для него, выводомъ, то далѣе намъ уже нетрудно будетъ доказать, какъ слишкомъ большое отступленіе отъ нравственныхъ принциповъ потрясаетъ организмъ. Помянутая нами болѣзнь хотя и не считается опаснымъ недугомъ—умираютъ отъ нея въ высшей степени рѣдко—но она опасна тѣмъ, что пятнаетъ поколѣнія. Она, во-первыхъ, чрезвычайно распространена: треть, напримеръ, больныхъ въ госпиталяхъ страдаетъ этимъ недугомъ. Далѣе, болѣзнь эта трудно излечима и склонна къ передачѣ по наслѣдству, подъ видомъ другой болѣзни, называемой золотухой. Золотуха обыкновенно бываетъ удѣломъ тѣхъ дѣтей, которыя родились отъ проваженыхъ, въ современномъ смыслѣ, родителей. Между этой болѣзнью и

золотухой такое сродство, что неопытные врачи застарѣлые случаи даже смѣшиваютъ. Золотуха же, какъ мы выразились, есть родная сестра чахотки. Сродство это такъ велико, что нѣкоторые врачи доводили его почти до единичности. Не всѣ, конечно, золотушные обращаются послѣ въ чахоточныхъ, но большая часть чахоточныхъ страдаетъ въ дѣтствѣ золотухой; это утверждаетъ и самый осторожный медицинскій авторитетъ, Нимейеръ. Мы не хотимъ сказать всѣмъ этимъ, чтобы золотуха и чахотка, эти два главные бича здоровья, зависѣли всегда отъ той болѣзни; но утверждаемъ только, что генетическая связь между этой болѣзью, золотухой и чахоткой несомнѣнна. Отъ чахотки же, по Вундерлаху, умираетъ пятая часть всѣхъ заболѣвшихъ разными болѣзнями. Куда же мы, значить, пришли? Не вправѣ-ли мы, не должны-ли послѣ того еще крѣпче вѣрить, что какъ любовь чистая, глубокая освѣжаетъ организмъ, такъ и любовь покупная, безсердечная разрушаетъ его. Изреченіе это покажется намъ еще убѣдительнѣе, если вспомнимъ, что другая стрѣла любви вонзается уже прямо въ спинной мозгъ, и что конецъ и тутъ бываетъ почти тотъ же: нервное истощеніе также большею частію оканчивается чахоткой. Такимъ-то образомъ мы убѣждаемся, что многое, очень многое, что приписываютъ климату, миазмамъ, вреднымъ испареніямъ, заключается единственно въ условіяхъ жизни, въ ея аномаліяхъ и отступленіяхъ отъ вѣчныхъ началъ жизни.

Для женщины, повидимому, ощутительнѣе эти отступленія отъ принциповъ нравственныхъ; она одарена въ значительной степени этой изовренностію чувствъ, отъ которой зависитъ воспринятіе нравственно-эстетической стороны жизни. Чувства ея воспримчивѣе; тѣ незамѣтныя рытвинки, въ которыя падаетъ нашъ братъ, переходя отъ любезничанья къ разврату, для ея нервовъ ощутимѣе. Она по природѣ юноша и поэтъ, хоть поэтъ и самый неразумный. Вся поэтическая сторона любви для нея только и дорога въ наше прозаическое время.

Правда, что женщина въ глупой борьбѣ съ мужемъ и вѣчной войнѣ съ слугами, уже сильно растерала свою грацію и въ дѣйствительности представляется далеко не такимъ существомъ, какимъ желало бы его видѣть нравственное чувство мужчины. Но она оттого-то и бессильна, что не знаетъ, въ чемъ ея сила; сила эта заключается въ ея слабости: грація и мягкость характера берутъ верхъ надъ самою звѣрообразностію. Этотъ смягчающій нравы элементъ женственности, во всѣ времена гуманизировалъ людей, и онъ только и можетъ поставить семью въ такое положеніе, что никакіе принципы дурнаго товарищества не въ состояніи будутъ ее расшатать. Если дурно-сложившееся общество вліяетъ на

складъ семьи, то можетъ быть и обратное; женщина именно призвана къ этому обратному вліанію на жизнь. Чѣмъ въ извѣстной средѣ больше семейственности, тѣмъ скорѣе развивается въ ней и гражданственность. У кого есть свой очагъ, у того есть и своя арена, свое поприще для дѣятельности, тотъ уже не скиталецъ, немѣющій покоя и пристанища, и разгуливающій по морю житейскому, какъ буйный вѣтеръ по полю. Отъ женщины зависитъ, чтобы этотъ очагъ засвѣтился новымъ блескомъ и чтобы вертепъ неладиды, дразгъ и пошлости, называемый семейною жизнью, обратился въ убѣжище, куда бы человѣкъ могъ сбиваться отъ общественныхъ язвъ и бѣдствій!

Читатели пусть не удивляются, что мы въ своихъ статьяхъ часто касаемся такихъ предметовъ, какъ семья, достоинство женщины и т. д. Вопросы сердца—вопросы критики. Область его не такъ тѣсна, какъ думаютъ: это ясно даже съ физиологической точки. Цѣлый общпрый отдѣлъ душевныхъ отправленій, называемыхъ эстетическою дѣятельностію, находится въ самой неразрывной связи съ сердцемъ. Съ этимъ центромъ кровообращенія самымъ тѣснѣйшимъ образомъ связана и раздражаемость чувствъ, и актъ воображенія и всякая вообще концепція. Кровь, можно сказать, вращается потому, какъ смотреть человѣкъ на міръ. Если жизнь человѣка не тѣснить, то ему и смотрится хорошо, и пульсъ жизни его бьется правильно, и всякое движеніе его оказывается умѣстно, плодотворно. Если же наоборотъ, то мрачныя, злобныя впечатлѣнія берутъ перевѣсъ, задерживаютъ кровообращеніе, производятъ застои въ органахъ, усиливаютъ отдѣленіе желчи, желтятъ и зеленаютъ лица. Такого рода выработка желчныхъ людей или желтяковъ производится и у насъ. Однимъ этимъ, впрочемъ, не ограничивается вліаніе общей жизни на отдѣльные индивидуумы: между тѣмъ какъ у однихъ она портитъ расположеніе духа, на другихъ нагоняетъ сонъ и апатію. Если эта спячка и бездѣйствіе бывають слишкомъ продолжительны, то обществомъ овладѣваетъ наконецъ такое нетерпѣливое желаніе впередъ, что оно готово бываетъ даже дѣтей посадить на козла. Правьте, дескать, ребята, колесницею прогресса, вы прытче, а мы будемъ отдыхать! Ну, тѣ, разумѣется, и направили. Роскошныя луга, зеленыя нивы и кустарники, все очутилось мигомъ подъ копытами ретивыхъ коней. Дорога затерялась, ось хрупнула. Тиру! Батюшки, да вѣдь передъ нами бруча! Слава-богу, еще миновали бѣды. Теперь придется и пообождать. А погода-то, погода-то какая! Снѣжущая на западѣ даль такъ и тянетъ, такъ и манитъ впередъ. Есть, правда, надъ нею облака и что-то гремитъ; но это не громъ: все небо тихое, ясное, лазурное... Странно только, что въ воздухѣ, несмотря на всю его прозрачность, разлита какая-то

грусть. Это вздохи всѣхъ нуждающихся, обремененныхъ, алчущихъ и жаждущихъ правды; это звуки пѣсни, которую поетъ, полуплача, женщина, сиѣдаемая заботой о семьѣ и боязнью за своего невѣрнаго спутника. Она видѣла всю происходившую передъ нею тревогу и, смущенная и испуганная, поняла отчасти, что спутники ея накуралесли, что еслибы они были поближе къ ней, почаще заглядывали ей въ душу, то не вышли бы такими вертопрахами, гуляками и забіяками, да и сама-то она была бы больше женщиной, а не бабой, человѣкомъ, а не кухаркой... Прислушайтесь, однакожь, грозная мужская нота до сихъ поръ еще звучитъ во всемъ. Чтò бы это значило? Судорожныя, рѣзкія движенія преобладаютъ; во всемъ беретъ верхъ ломаная, а не изогнутая линия, человѣчество идетъ точно зигзагами или какъ-бы ступая по обрывамъ, то опускается, то подымается. Еслибы, намъ кажется, къ энергіи, которую проявляетъ въ такомъ избыткѣ мужчина, присоединилась грація женщины, то дѣло бы могло пойти лучше. Понимаемъ слово «грація» въ обширномъ смыслѣ, какъ характеристическую черту всего чисто-женскаго, какъ противоположный и дополнительный элементъ къ энергіи мужчинъ. Грація есть тоже сила, но сила другого рода: это сила женщины! Сила, которую признаетъ всякій порядочный изъ мужчинъ и которой нерѣдко покоряются даже свирѣпѣшіе изъ нихъ.

Разумѣется, говоря о граціи, мы имѣемъ въ виду женщину невдохшуюся, нелитившуюся всей своей женственности и неутратившую своего пола, какъ это случилось-было съ тѣми изъ нихъ, которыя отъ баловства съ наукой, отъ страха произнести иѣжное слово, испустить вздохъ или пропѣть задушевную пѣсню, переступали вдругъ за предѣлы гражданскаго брака. Мы говоримъ, мы обращаемся къ тѣмъ изъ женщинъ, для которыхъ слово «любовь» сохранило всю великость своего значенія: такихъ еще много. Не изъ кавалерскаго заигрыванія говоримъ это, а какъ-бы изъ чувства зависти къ тому запасу жизни, которымъ еще такъ богата женская натура и которымъ такъ оскудѣлъ развратившійся и износившійся мужчина.

Гдѣ твои силы, добрый молодецъ, рыцарь бутылки и трактира? На чтò ты ихъ растратилъ? Не виномъ ли заливалъ ты свое горе, и не покупными ли ласками душилъ червя, точащаго твою душу? Не болѣе ли ты въ своей жизни былъ пьянъ, чѣмъ влюбленъ? И поэзію-то ты, можно сказать, заложилъ въ кабакъ; и нервы твои потому оступѣли, перестали и воспринимать, что покупныя, безсердечныя ласки довели тебя до полнаго безсилія. Да еще отъ женщины сталъ требовать, чтобы она сдѣлалась такимъ же импотентомъ въ нравственномъ смыслѣ. Посмотри, какая она теперь ходитъ въ

твоихъ глазахъ смѣшная — или разряженная до комизма въ навли-
 ния перья и блестяи, и съ хвостомъ даже, какъ у птицы, или остри-
 женная до безобразія. Это ты ее стригъ, какъ овцу глупую, ты ее
 рядилъ, какъ куку, въ которой заведенъ пружины глупости; ты ее
 сосредоточилъ на вѣшности и устранилъ отъ всѣхъ интересовъ,
 кромѣ интересовъ кухни; ты, наконецъ, показалъ ей науку такъ,
 какъ-бы это была булава, которую только стоитъ взять да прико-
 лоты! И ты же теперь боишься, чтобы она не выступила со всею
 силой своей грации, и не заставила бы тебя покаяться во всѣхъ
 твоихъ безобразіяхъ трактирныхъ, литературныхъ и всяческихъ.
 Въ ней, въ ея груди найдешь ты все то утѣшеніе, котораго ты на-
 прасно ищешь, рыская по трактирамъ, катая бильярдные шары и
 блѣднѣя при звукѣ проигранныхъ денегъ. Нравственнаго обновле-
 нія мужчинъ и умственнаго возрожденія женщинъ!... Рука объ
 руку и дружно впередъ!...

V.

Въ жизни дѣйствительно чего-то недостаетъ, отчего въ ней все
 такъ не ладится. Ни серьезно трудиться, ни разумно наслаждать-
 ся мы еще не умѣемъ. Театры наши пусты, университеты и биб-
 лиотеки никогда не были полны; общественныя удовольствія при-
 няли балаганный видъ. Въ пустотѣ современной жизни есть да-
 же что-то пугающее! Человѣкъ рѣшительно не знаетъ, куда дѣ-
 вать ему время, остающееся отъ дѣла; а времени такого у него
 много при неразвитости всѣхъ видовъ труда. Да еслибы даже тру-
 довая дѣятельность его и была развита, то и тогда бы ему все-
 таки хотѣлось вознаграждать себя за ту ломку, которую онъ тя-
 нетъ въ борьбѣ за свое существованіе. На чемъ же отдохнуть его
 усталой и истомленной мысли? Входить ли современный чело-
 вѣкъ въ общество — ему не дѣлается легче. Во всемъ вражда,
 все подѣлилось на лагеря, поколѣнія, вездѣ раздраженіе, точно чер-
 ная кошка между всѣми пробѣжала или бѣсъ какой вселился въ
 душу каждаго. Семей въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ; семейные дома
 пусты; только вздохи увѣдающихъ дѣвушекъ, да ворчяя воющихъ
 супруговъ въ нихъ и слышны. А новыхъ семей не устраивается. И
 ѣдетъ нашъ современникъ къ Излеру или въ Шато-де-Флеръ, и гу-
 ляетъ себѣ, стараясь убить какъ нибудь время. Слово «гулять» у насъ
 даже получило особый смыслъ. Въ провинціи, разумѣется, эта
 страшная пустота жизни еще ощутимѣе — отсюда стремленіе къ
 бѣгству: изъ провинціи стремятся въ столицу, изъ столицы за гра-
 ницу. Эта непосѣдность общества, какъ и стремленіе его къ центру
 не имѣетъ, впрочемъ, большого смысла. Человѣкъ идетъ по улицѣ,

видить толпу, старается присоединиться къ ней; и хоть ничего не находитъ, но все-таки льнетъ! Въ тѣснотѣ отрываются даже новые поводы къ бездѣйствію; потому что всѣ мѣста давно уже заняты... Словомъ, общество наше толпится, но въ этой толпѣ нѣтъ смысла, нѣтъ идеи, воодушевленія! Направленія, или, какъ выражаются нѣкоторые, вѣтры ученій гонятъ насъ то въ одну, то въ другую сторону. Теоріи, какъ свѣже-испеченные блины, проглатываются съ жадностію тощими желудками и ничего не возбуждаютъ кромѣ тошноты, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ Бовль, поданный, впрочемъ, не съ тою цѣлью. Общество, какъ груда матеріаловъ или огромный конгломератъ, представляется почти мертвой массой безъ принциповъ, безъ идеаловъ, безъ высшихъ нормъ жизни. Жизнь идетъ сама по себѣ, а страсти, какъ бурныя волны, кипятъ своимъ чередомъ; идеалы же, подобно призракамъ, только проносятся надъ головами поколѣній и исчезаютъ вдали будущаго. Впередъ, впередъ! подальше отъ этой пустой, безсердечной и въ своемъ родѣ разрушительной жизни.

Николай Соловьевъ.

ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Статья Э. РЕЕЛЮ.

I.

Съ нѣкотораго времени въ чувствахъ, привязывающихъ къ природѣ ученыхъ и художниковъ, обнаруживается полное благоговѣніе. Путешественники разсѣпаются по всѣмъ странамъ, удобнымъ для поѣздовъ, замѣчательнымъ красотой своего мѣсто-положенія или пріятностью климата. Живописцы, рисовальщики, фотографы объѣзжаютъ берега Іан-тзе-Кіанга или Амазонія, изучаютъ землю, море, лѣса во всемъ ихъ разнообразіи; они открываютъ намъ великолѣпніе обитаемой нами планеты, и благодаря ихъ все болѣе и болѣе близкимъ сношеніямъ съ природой, благодаря произведеніямъ искусства, вывезеннымъ изъ этихъ путешествій, всѣ образованные люди могутъ составить себѣ понятіе о чертахъ и видѣ различныхъ странъ земного шара. Не такъ многочисленны, какъ художники, но еще болѣе полезны своими изысканіями, ученые тоже стали вочевать и земля служить имъ рабочимъ кабинетомъ: такъ въ путешествіе на Анды и Алтай, Гумбольдтъ написалъ свои удивительныя «Картины Природы», посвящая ихъ, какъ онъ самъ сказалъ, «тѣмъ, кто, полюбивъ свободу, вырвался изъ житейскихъ бурь».

Толпы артистовъ, ученыхъ и людей, которые, не претендуя служить ни искуству, ни наукѣ, просто хотятъ насладиться свободной природой, въ особенности направляются въ гористыя мѣстности. Всякій годъ, едва время представитъ возможность путешественникамъ посѣщать высокія долины и рисковать восхожденіями, тысячи жителей плоскихъ мѣстъ бѣгутъ въ стороны Пиреней и Альпъ, болѣе извѣстныя своей красотой; бѣдшая часть, правда, приходятъ, повинувшись модѣ, отъ бездѣлья или изъ тщеславія, но движеніе вызвано тѣми, которыхъ привлекаетъ любовь къ горамъ, и для которыхъ

восхожденіе на утесы есть истинная нѣга. Высоты производятъ на большую часть людей нѣчто въ родѣ очарованія; по инстинкту, безъ размышленія люди стремятся къ горамъ, лѣзутъ на ихъ крутизны. Величавостью формъ, смѣлостью профилей, обрисовывающихся на открытомъ небѣ, поясомъ тучъ вьющимся по ихъ бокамъ, безпрестанными измѣненіями свѣта и тѣней въ долинахъ и на откосахъ, горы становятся, такъ-сказать, живыми существами; ихъ преодолеваютъ, чтобъ уловить тайну ихъ существованія. Къ нимъ влечетъ еще противоположность, которая находится между дѣвственной красотой ихъ склоновъ и однообразіемъ полей, воздѣланныхъ и часто обезображенныхъ трудомъ челоуѣка. И къ тому же, на небольшомъ пространствѣ горы соединяются всѣ красоты міра. Климаты и пояса растительности лежатъ этажами на ихъ окружности: однимъ взглядомъ можно обнять нивы, лѣса, дуга, утесы, ледники, снѣга, и, всякій вечеръ, умирающій солнечный свѣтъ придаетъ вершинамъ чудную прозрачность, какъ будто эти огромныя массы не болѣе, какъ легкій розовый покровъ, плавающій въ небѣ.

Въ древности народы поклонялись горамъ или почитали ихъ, какъ обители божествъ. На западъ и сѣверъ отъ горы Меру, гордаго престола индійскихъ боговъ, всякій переходъ цивилизаціи можетъ измѣряться другими священными горами, гдѣ собирались властелины неба, гдѣ происходили великіе мнѣологическіе случаи жизни народовъ. Отъ Арарата до Аѳона, насчитывается болѣе пятидесяти горъ, выдаваемыхъ за ту вершину, на которой остановился ковчегъ, носившій въ своихъ нѣдрахъ рождающееся челоуѣчество и зачатки всего живущаго на землѣ. Въ семитическихъ странахъ всѣ высоты были алтарями, посвященными Іеговѣ или Молоху, или другимъ божествамъ; таковы Синай, гдѣ среди молій явились скрижали еврейскаго завѣта; Набо, гдѣ таинственная рука погребла Моисея; Моріагъ, носящая храмъ іерусалимскій; Гаразинъ, откуда первосвященникъ благославлялъ свой народъ; Кармель, Фаворъ, Ливанъ, вѣнчанный кедрами. Къ этимъ «высотамъ», гдѣ были алтари, толпами сходились іудеи или хананеи закалать жертвы и творить всесоженія. Такъ и для грековъ всякая гора была или укрѣпленіемъ титановъ, или дворцомъ бога: одна изъ вершинъ Кавказа была позорнымъ столбомъ Прометея, этого отца и типа челоуѣчества; тройной сводъ Олимпа былъ великолѣпнымъ жилищемъ Юпитера, и когда поэтъ призывалъ Аполлона, то поднималъ глаза къ вершинѣ Парнасса.

Въ наше время горъ не обожаютъ, но тѣ, которые часто проходятъ по нимъ, любятъ ихъ глубокой любовью. Высота, на которую вы всходили, кажется, смотритъ на васъ, улыбается вамъ

издали, для васъ блестить своими снѣгами, а вечеромъ освѣщается послѣднимъ лучомъ. Съ какимъ счастьемъ припоминается малѣйшее обстоятельство восхожденія—каменья, которые отрывались отъ отвеса и съ глухимъ шумомъ погружались въ потокъ; корень дерева, за который ухватились вы, влѣзая на утесистую стѣну; струя снѣговой воды, въ которой утоляли жажду; первая трещина ледника, надъ которой наклонились вы и не смѣли перешагнуть; длинный сватъ, по которому было такъ трудно взбираться, погружаясь до колѣно въ снѣгъ; наконецъ, верхній зубчатый гребень, съ котораго разстилалась панорама горъ, долинъ и луговъ! Когда издали увидишь опять эту вершину, преодоленную съ такими усиліями, съ какимъ истиннымъ наслажденіемъ открываешь или угадываешь взглядомъ дорогу, вьющуюся съ долинъ подножія до бѣлыхъ снѣговъ верхушки. Въ огромной картинѣ склоновъ горы находишь воспоминанія цѣлаго дня счастья.

Откуда эта глубокая радость, испытываемая при восхожденіяхъ на высоты? Сначала это физическая нѣга: дышится воздухомъ свѣжимъ, рѣзкимъ, незараженнымъ нечистыми испареніями плоскостей. Чувствуешь себя обновленнымъ, вкушая эту животворную атмосферу; по мѣрѣ того, какъ идешь выше, воздухъ дѣлается легче: его пьешь сильными глотками, чтобъ наполнить имъ легкія, грудь поднимается, мускулы растягиваются, на душѣ дѣлается весело. Къ тому же, дѣлаешься властелиномъ самого себя, отвѣчаешь самъ за свою жизнь. Пѣшеходъ, восходящій на гору, не зависитъ отъ каприза стихій, какъ пловецъ, довлѣвшійся морю; еще менѣе онъ походитъ на проѣзжаго по желѣзной дорогѣ, на поклажу въ человѣческомъ образѣ, оцѣненную, прописанную, просмотрѣнную, и отправленную въ такой-то часъ, подъ вѣдѣніемъ чиновниковъ въ мундирахъ. Касаясь земли, человѣкъ пользуется употребленіемъ своихъ членовъ и своей свободой. Глаза служатъ ему, чтобъ избѣгать каменьевъ тропинки, измѣрять глубину пропащей, отерывать выступы и впадины, которыя облегчаютъ всходъ. Сила и гибкость мускуловъ позволяютъ переходить бездны, удерживаться на обрывистыхъ спускахъ, подниматься по ступенямъ крутизны. Во время труднаго восхожденія, въ тысячи случаяхъ становится понятно, какую было бы истинной опасностью, еслибы потерялось равновѣсіе, или взоръ вдругъ затуманился отъ дурноты, или члены отказались служить. Именно понятіе опасности, соединенное съ удовольствіемъ сознать въ себѣ здоровье и ловкость, увеличиваетъ чувство безопасности въ душѣ горца.

Что же до нравственнаго удовольствія, такъ тѣсно связаннаго съ физическимъ наслажденіемъ, оно тѣмъ больше, чѣмъ образованнѣе умъ и чѣмъ лучше изучены феномены природы. Мы на

самомъ мѣстѣ уловляемъ работу образованія водъ и снѣговъ; мы видимъ ходъ ледниковъ, видимъ, какъ вратическіе утесы спускаются съ высотъ въ долины, слѣдимъ взглядомъ за горизонтальными или отвѣсными скалами, замѣчаемъ массы гранита, поднимающія почву, и, наконецъ, съ вершины можемъ объять разомъ все зданіе горы съ оврагами и откосами, ея снѣга, лѣса и долины. Ясно выказываются обвалы и рывины, выработанные льдами, водой и непогодами. Передъ нами трудъ, который эти геологическіе дѣятели совершили въ тысячи вѣковъ. Дохода до происхожденія самихъ горъ, можно вѣрнѣе судить о разныхъ гипотезахъ разрыва земной коры, напластаній, образованій гранита или порфира.

Къ тому же, должно признаться, тщеславіе можетъ примѣшаться и примѣшивается къ благородной страсти; увлекающей путешественника на горы. Мало того, что человѣкъ восторженъ очень натуральной гордостью, вызванной удовольствіемъ, что, несмотря на свою слабость, онъ можетъ силою ума и воли торжествовать надъ преградами; мало того, что человѣкъ радуется, побѣдивъ гору и назвавъ себя завоевателемъ этой громады, которая, при первомъ взглядѣ, наполняла его какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ—но человѣкъ заранѣе прислушивается къ молвѣ, которая зашумитъ вокругъ его имени, если онъ ступитъ ногою на заманчивую вершину; его, можетъ быть, заранѣе радуется зависть другихъ, менѣе счастливыхъ изслѣдователей. Великое, хотя въ то же время очень пустое, наслажденіе скрывается въ томъ, чтобы первому достигнуть цѣли, къ когорой всѣ стремятся, первому поставить знамя на завоеванную твердню, первому ступить на желанный берегъ. Извѣстный путешественникъ, удостовѣрясь, что не въ силахъ взойти на самую высокую точку горы Сервина, хотѣлъ по крайней-мѣрѣ подняться на пикъ, ближайшій къ вершинѣ, считавшейся тогда недостижимой. «Къ чему? сказалъ ему проводникъ:—это вовсе незвѣстный, безымянный утесъ». И туристъ, повернувъ отъ Сервина, отираившя къ другой, неизслѣдованной высотѣ. Ребяческое тщеславіе — сдѣлать себѣ пьедесталъ изъ высокой горы—главная, если не единственная причина ужасныхъ случаевъ, повторяющихся каждый годъ. Если любитель высотъ не совершенно убѣжденъ въ вѣрности своего взгляда и крѣпости своихъ членовъ, пусть онъ безъ ложнаго стыда отступить передъ путемъ для него слишкомъ труднымъ—и тогда не будетъ тѣхъ страшныхъ несчастій, о которыхъ одинъ разсказъ бросаетъ въ холодъ.

Число замѣчательныхъ восхожденій значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ влюбленные въ утесы и ледники приложили

къ лавинѣ на вершинѣ и ближайшему съ ними знакомству — всемогущій принципъ ассоціаціи. Во многихъ странахъ Европы составились общества изъ ученыхъ, заслуженныхъ ходоковъ и свободныхъ людей, желающихъ дать какою-нибудь цѣль своей жизни; подъ именемъ «клубовъ высотъ», эти общества рѣшили не оставить неприкосновенными ни одной прогалины утесовъ, ни одной щели лавинъ. Они составили списокъ еще непокоренныхъ вершинъ, обсудили средства достигнуть до нихъ, устроили множество восхожденій; ихъ карты, записки, ихъ толки много способствовали къ изслѣдованію архитектуры Альпъ. Безспорно, книги, гдѣ можно найти наиболѣе драгоценныя указанія о ледникахъ и утесахъ европейскихъ горъ и самые занимательные рассказы о восхожденіяхъ—это изданія, помѣщавшія дневники членовъ этихъ клубовъ. Впослѣдствіи, когда Альпы и другія доступныя цѣпи горъ будутъ хорошо извѣстны, записки «клубовъ высотъ» будутъ эпопеями горныхъ путниковъ, и подвиги Тиндала, Тюккета, Коаса, Теобальда и другихъ героевъ покоренія Альпъ, будутъ рассказываться какъ нѣкогда подвиги славныхъ воиновъ.

Англичане дали первый толчокъ этому великому движенію изслѣдованія горныхъ вершинъ. Почти сто-двадцать-шесть лѣтъ назадъ, Пококъ и Уиндэмъ, такъ-сказать, открыли Монбланъ. Съ того времени, все англичане же, превосходя рвеніемъ и смѣлостію самыхъ жителей швейцарскихъ Альпъ и еще болѣе савойскихъ, итальянскихъ и французскихъ горцевъ, чаще всѣхъ восходили на Монбланъ и на другіе альпійскіе великаны; они же тщательнѣе всѣхъ изучили Ледяное-Море и другіе западные ледники и составили настоящую топографію малозвѣстныхъ группъ Пельву, Гран-парадї, Визо; они же, учрежденіемъ перваго Alpine-Club положили начало обществамъ этого рода въ разныхъ странахъ Европы.

Какая причина этого замѣчательнаго первенства англо-саксовъ въ изслѣдованіи горъ? Ее, безъ сомнѣнія, нужно искать въ крови этой расы. Англійскіе путешественники, моряки или горные странники, происходятъ отъ тѣхъ смѣлыхъ викинговъ, которые называли себя «царями вольной волны» и въ своихъ узенькихъ лодкахъ весело пускались по невысокимъ и опаснымъ валамъ Сѣвернаго моря. Датчане и норманы, потомки викинговъ, основались въ Англии и, смѣшавшись съ туземцами и древними завоевателями страны, прибавили къ бретонскому упрямству свою смѣлость и страсть къ приключеніямъ. Родная среда сдѣлала остальное. Пологость луговъ, склоняющихся къ морю, глубокіе вырѣзы береговъ, широкія русла рѣкъ, удобство морскихъ сношеній, счастливое положеніе гаваней въ виду Германіи и Франціи, всѣ

эти естественныя выгоды направили англичанъ на торговлю и путешествія. Великобританія сдѣлалась первымъ размѣннымъ рынкомъ въ мѣрѣ и, вслѣдствіе того, съ успѣхами цивилизаціи, тамъ развилось болѣе, нежели гдѣ-нибудь желаніе узнать страны, непохожія на Англію. Самые законы о собственности въ Англіи имѣютъ свойство высылать изъ отечества огромное число энергическихкихъ людей, и тѣмъ усиливать охоту и опытность путешествій. Рабочіе и безземельные земледѣльцы уѣзжаютъ искать довольства и независимости на другомъ полушаріи, а множество людей даже съ достаткомъ, но лишеныя помѣстья учрежденіемъ майоратовъ, ничѣмъ несвязанныя съ родной почвой, всегда готовы перемѣнять мѣста жительства. У нихъ нѣтъ собственного поля—они берутъ всю землю себѣ во владѣніе и, новыя мамертныя, толпами оставляютъ родину, которая въ нихъ не нуждается.

Чтобы лучше уяснить себѣ непобѣдимое влеченіе англійскиххъ туристовъ къ трещинамъ ледниковъ, переходамъ между лавинами, окраинамъ утесовъ, не нужно забывать, что во всѣ времена англосаксонецъ поклонялся физической силѣ. Пожиратель почти сырого мяса, онъ любитъ всѣ сильныя движенія, гдѣ напрягаются мускулы, гдѣ человѣческій организмъ, какъ машина, двинуть весь разомъ однимъ усиліемъ, гдѣ крови, отхлынувъ отъ сердца, бѣжитъ стремительнѣе. Когда это—впрочемъ, основательное—уваженіе къ животной силѣ неуравновѣшено въ англичанинѣ чувствами болѣе нѣжными, оно переходитъ въ жестокость, не фанатическую или беззаботную жестокость породы латинскаго происхожденія, но жестокость холодную, обдуманную, систематическую—страсть къ кровопролитію, ради крови. Къ несчастію, мы должны признать это растлѣніе нравственнаго чувства, когда видимъ, что парламентъ прерываетъ свои засѣданія, чтобы доставить государственнымъ мужамъ наслажденіе пойдти созерцать драку двухъ боксеровъ, которые, съ открытымъ лицомъ, съ голою грудью, колотятся, уродуются, слѣпятъ другъ друга ударами и превращаются въ глыбы кроваваго мяса. Во время войны съ сипаями, въ большей части церквей, священники призывали Господа браней на истребленіе мятежниковъ, и еще недавно, въ англійскомъ обществѣ рукоплескали извѣстіямъ объ отвратительной ямайской рѣзни; слѣдовательно, должно съ горестью сознаться, что въ англійской натурѣ еще много врожденнаго варварства. Грубая сила, созерцаемая отдѣльно, какъ нѣчто въ родѣ религіознаго идеала, нашла себѣ между англійскими писателями, философами и богословами такихъ усердныхъ проповѣдниковъ, что общество, насмѣхаясь, назвало ихъ доктрину «мускульнымъ христіанствомъ». Несмотря на это забавно-унизительное прозва-

ніе, новая секта составляет немаленькую часть англійскаго общества; она увеличивается особенно здоровыми и смѣлыми молодыми людьми, для которыхъ все дѣло жизни состоитъ въ томъ, чтобы охотиться, боксировать, бѣгать, развивать мускулы тора и рукъ. Въ своей любви къ силѣ, эти христіане въ новомъ родѣ, часто доходятъ до того, что не терпятъ слабыхъ; такъ большая часть ихъ, изъ ненависти къ неграмъ, были на сторонѣ плантаторовъ, въ послѣднюю американскую войну. Чтобы составить себѣ понятіе о нравственности «мускульныхъ христіанъ», стоитъ прочесть романъ «Мечъ и Право», одного изъ корифеевъ секты; всѣ его герои сострипаны изъ мяса и гордости. Изъ выведенныхъ имъ на сцену французовъ, авторъ больше всѣхъ озлобленъ на мужика, сдѣлавшагося собственникомъ въ революцію, и восхищенъ только старымъ дворяниномъ, насквозь пропитаннымъ пороками, но за то проигрывающимъ въ карты, не шевеля бровью.

Во всякомъ случаѣ, между тѣмъ какъ исключительные поклонники физической силы забываютъ, что человѣкъ не одно только сцѣпленіе мускуловъ, управляемыхъ безстрастной волею, все-таки нравственный прогрессъ англійскаго народа ускоряется стараніями, которыя молодые и взрослые люди прилагаютъ къ развитію своей силы, ловкости и смѣлости. Въ самомъ дѣлѣ, красивыя игры въ крикетъ на лугу—и состязанія лодокъ на веслахъ. Рослые, статные люди, съ крѣпкими руками, въ ловкой и удобной одеждѣ, съ такой страстью стремятся одержать побѣду, за ними слѣдятъ взорами, желаніями, одобреніями тысячи зрителей—не похоже-ли это на героевъ олимпійскихъ игръ, прославляемыхъ еще доннѣ? Чтобы сравниться поэтической прелестью съ эллинскими атлетами, имъ недостаетъ только древне-греческой обстановки: красоты мѣстности, чистоты лазурнаго неба; на нихъ не отражается величіе мраморныхъ храмовъ и божественныхъ статуй, и болѣе всего—надъ ними нѣтъ силы обаянія двадцативѣковаго прошедшаго. Но молодые англійскіе атлеты не уступаютъ греческимъ въ смѣлости, выносливости, силѣ воли, страсти, съ которой занимаются воспитаніемъ своего тѣла. Подъ надзоромъ ученыхъ профессоровъ, которые дрессируютъ ихъ, какъ рысистыхъ лошадей, они весело подчиняются долгимъ воздержаніямъ и усталостямъ, гдѣ все рассчитано на то, чтобы взглядъ дѣлался спокойнѣе, мускулы тверже, воля энергичнѣе. Благодаря такому воспитанію, эти люди могутъ всегда на себя надѣяться; для нихъ ничто болѣзнь, усталость и опасности; они не боятся ни воздуха, ни холода, ни жара; останутся-ли они одиноки въ пустынѣ или на океанѣ, съ ними, какъ компасъ, ихъ непреклонная воля, и куда ихъ дѣло некончено, имъ не жалъ ни своихъ родныхъ, ни друзей, ни городовъ, гдѣ

удобно живется. Таки-то люди и нужны для восхожденія на неприступныя Альпы, Анды, Гималаи, для завоеванія еще неизвѣданныхъ пустынь въ пользу науки. Ихъ должно упрекнуть только въ холодной грубости, съ которой они отворачиваются отъ всего, чтó не ихъ вкусъ. Въ колоніяхъ, скваттеры преслѣдуютъ туземцевъ какъ дичью звѣрей, и кончаютъ тѣмъ, что *очищаютъ* отъ нихъ землю; а англійскіе путешественники, едва отгрявъ новую страну, спѣшатъ уничтожить поэтическія имена, давныя жителями, и замѣняютъ ихъ самыми пошлыми названіями; благодаря имъ, водопадъ «Гремящій-Дымъ» сдѣлался «Паденіемъ Викторіи», а «Поражающій Небо» называется «Гора Куэ».

Между представителями удивительной англо-саксонской смѣлости нѣтъ никого замѣчательнѣе профессора Тиндала, одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, въ которыхъ умъ, разсудокъ, и проницательность ученаго не мѣшаютъ чувству художника. Избавившись маленькими предварительными восхожденіями отъ «дрянного жира», котораго набрался онъ зимою въ своей лондонской лабораторіи, смѣлый *лазельщикъ*, не боясь, пускается одинъ, въ одной рубашкѣ, на гору Розу. «Много силы въ четырехъ унціяхъ хлѣба», говоритъ онъ, заявляя, что беретъ на дорогу только хлѣбъ. Въ другой разъ, онъ и нѣсколько другихъ спутниковъ, связавшись веревкой, катятся внизъ головой по снѣговой покатости, которая внизу вдругъ обрывается пропастью. Во время страшнаго спуска, онъ, съ полнѣйшимъ присутвіемъ разума, разсчитываетъ всѣ шансы жизни и смерти, и виѣстѣ съ проводникомъ, который (онъ чувствуетъ это инстинктивно) работаетъ заодно съ нимъ, такъ хорошо пускаетъ въ дѣло палку, руки, ноги, что связка людей, сброшенная со всею силой, удерживается на самомъ краю бездны. Но смѣлости и настойчивости Тиндала должно особенно удивляться тогда, когда онъ пренебрегаетъ усталостью и опасностью для разрѣшенія какойнибудь научной задачи. Великолѣпно взглянуть на него, когда зимою онъ прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ снѣга, проваливаясь до плечъ, и ежеминутно рискуетъ совсѣмъ провалиться, въ раскрытыя трещины, для того, чтобы достигнуть обсерваторіи, теряющейся въ туманѣ и въ снѣговомъ вихрѣ, слѣдить за вѣхами, разставленными на ледникѣ Монтанвера.

Благодаря любви къ природѣ, вызывающей его на всѣ эти трудныя продѣлки и изслѣдованія, знаменитый профессоръ, которому, безъ всякаго сомнѣнія, дорога его слава, дошелъ до того, что ставитъ нравственное и физическое благосостояніе своего тѣла выше своей ученой извѣстности; полное здоровье, то-есть удовольствие жить, напрягая мускулы и мысль—ему ближе къ сердцу, нежели мнѣнія современниковъ и потомства о достоинствахъ его

трудоѡ. «Вы знаете—пишеть онѣ къ одному другу—какъ мало я цѣню мои научныя изысканія объ Альпахъ. Ледники и горы для меня интереснѣе науки. Я нашель въ нихъ источники жизни и радости; они доставили мнѣ прекрасныя зрѣлища и неизгладимыя воспоминанія; они дали всему моему существу проникнуться сознаниемъ жизненности, и теперь разумъ, душа и тѣло работаютъ во мнѣ съ вѣрностью, на которую не дѣйствуютъ ни усталость, ни скука. Знакомство съ горами подняло уровень моихъ наслажденій и сердце мое соперничаетъ съ вашимъ въ любви къ природѣ. Вотъ что мнѣ дали Альпы!» Близкое знакомство съ чудесами природы развило чувствительность профессора, и малѣйшя подробности поражаютъ его и восхищаютъ. Между физиками немногие подобно ему умилатся надъ хлопкомъ снѣга, не боясь подслащенныхъ сарказмовъ какого нибудь собрата по наукѣ. Кто, подобно ему, описавъ снѣжныя узоры на окнѣ трактирной комнаты, осмѣлится прибавить; «что эти прелестныя произведенія говорятъ не одному его разуму, но радуютъ также и его сердце и вызываютъ слезы на его глазахъ»? И человекъ, котораго слова мы приводимъ, не меланхолическй поэтъ, а ученый, который, послѣ первыхъ изысканій Агассиса, содѣйствовалъ болѣе всѣхъ изученю снѣговъ и ледниковъ.

Члены Alpine-club и другіе англичане раздѣляютъ страсть Тиндала къ труднымъ горамъ, и какъ онъ, всякій годъ своими восхожденіями прибавляютъ что-нибудь къ расширенію познаній орографіи Европы. Англо-саксы отличаются предъ учеными другихъ націй изученіемъ не однихъ ледниковъ и вершинъ, но также и другихъ физическихъ явленій. Астрономъ Піадди-Смитъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ женою и экипажемъ ахты на высотѣ 3,500 метровъ горы Тенерифа, для произведенія опытовъ надъ чистотою атмосферы, для изслѣдованія высшихъ слоевъ облаковъ и изученія столкновенія пассатныхъ вѣтровъ съ вѣтрами, приходящими отъ экватора. Еще смѣлѣе чѣмъ онъ, Глейшеръ поднялся на воздухъ выше Гималая. Ученый метеорологъ и его товарищи рѣшились подниматься до тѣхъ поръ, покуда будетъ въ нихъ оставаться сознание. Они едва дышали, воздухъ становился слишкомъ рѣдокъ для легкихъ; сердце билось, въ ушахъ звенѣло, кровь приливала къ вискамъ, руки холодѣли и не двигались; но они еще выкинули балласта, и еще поднялись. Одинъ изъ нихъ упалъ въ обморокъ, но другіе не остановили восхожденія и слѣдили взглядомъ за пониженіемъ ртути въ барометрѣ и термометрѣ такъ же спокойно, какъ будто сидѣли на своей обсерваторіи въ Кью. Вслѣдъ затѣмъ другой, совсѣмъ застывъ отъ недостатка тепла и воздуха, такъ же упалъ безъ памяти; шаръ все поднимался. Глейшеръ, за-

свивая, уже не владѣлъ руками и держалъ въ зубахъ самую веревку отъ ялапана; чувствуя, что одна секунда, только одна, отдѣляетъ отъ смерти и его самого и товарищей, онъ выпустилъ, наконецъ, газъ; шаръ остановился и сталъ тихонько спускаться въ долины, съ высоты 11,000 метровъ. Люди въ простотѣ души благородно рисковали жизнью только для того, чтобы изучить температуру атмосферы, въ которой ни человѣкъ, ни птица жить не могутъ. Сравнить силу духа и спокойствіе ученаго съ храбростью солдата, значить унижать перваго.

Между тѣмъ, какъ изъ любви къ природѣ и наукѣ, люди какъ Тиндаль и Глейшеръ всходятъ на высоты или поднимаются въ пространство, тысяча другихъ англичанъ, которыхъ карьера гораздо скромнѣе и изъ которыхъ весьма немногіе могутъ рассчитывать на славу, рискуютъ жизнью на другой стихіи, спасая погибающихъ отъ кораблекрушенія. Безъ сомнѣнія, челоуѣколюбіе много значить въ самоотверженіи этихъ незнающихъ усталости гребцовъ, которые бросаются въ кипящія волны среди ужасныхъ бурь, въ темныя, глубокія ночи, когда кормчій не видитъ экипажа, а экипажъ, среди воя вѣтра, не слышитъ голоса кормчаго; но къ этому удивительному самопожертвованію не увлекаетъ ли избавителей неодолимаая сила красоты бѣшенаго моря? Для сильной души—искусительная радость бороться съ волнами, съ вѣтромъ, съ бурей, съ тьмою и побѣждать ихъ мужествомъ, присутствіемъ смысла, добровольной подчиненностью и героической настойчивостью. Эти вѣрпкіе моряки, которые въ ночь кораблекрушенія бросаются на помощь погибающимъ судамъ, точно потому морскихъ царей; какъ ихъ предки, они любятъ вольное море и смѣются надъ смертью, но честолюбіе ихъ повыше. Ихъ слава не въ грабежѣ и убійствѣ, они поставили себѣ дѣлюю отнимать у смерти ея жертвы или по крайней-мѣрѣ хоронить тѣла ихъ. Настойчивыя поиски за Джономъ Франклиномъ и его товарищами—тѣ же спасительныя попытки въ большомъ размѣрѣ. Любовь къ борьбѣ и опасности въ крови челоуѣка, но истинно великіе люди начинаютъ понимать, что для удовлетворенія своей страсти къ битвѣ, благороднѣе схватиться съ силами природы, нежели рѣзать своихъ братьевъ.

II.

Если въ великомъ дѣлѣ изслѣдованія природы, англичане отличаются смѣлостью, веселой настойчивостью, презрѣніемъ опасности, вѣмцы, можетъ быть, умѣютъ глубже и полнѣе обсуждать явленія. Они не довольствуются тѣмъ, что воспѣваютъ природу на всѣ лады въ своихъ поэмахъ и философскихъ трудахъ—они

изучаютъ ее съ любовью. Кантъ, обновитель новѣйшей философіи, занимался также разрѣшеніемъ задачъ, касающихся земли, и вмѣстѣ съ «Критикой чистаго разума» написалъ нѣсколько сочиненій о физической географіи. Современниками Гёте, спокойнаго обожателя силъ, заключенныхъ въ утесахъ и растеніяхъ, были—Александръ Гумбольдтъ, неутомимый путешественникъ, изучившій жизнь земли въ обоихъ полушаріяхъ, и Карлъ Риттеръ, смѣлый ученый, неотступившій передъ мыслью одному начать составленіе энциклопедіи человѣческихъ знаній о всѣхъ странахъ и народахъ вселенной. За этими двумя вождями явилось множество путешественниковъ и ученыхъ, избравшихъ дѣлю обойти всю нашу планету, изучить и описать ее. Германія не имѣетъ колоній и не посылаетъ своихъ чиновниковъ во всѣ концы свѣта, какъ Великобританія; стало-быть, не узкопонятый патріотизмъ и не служебная обязанность, но истинная любовь къ землѣ влечетъ германскихъ изслѣдователей въ страны, рѣдко посѣщаемыя или совсѣмъ неизвѣстныя. Великъ списокъ этихъ путешественниковъ, погибшихъ въ Африкѣ, Австраліи, въ глубинѣ Азіи и Америки, и все еще безпрестанно являются другіе, довершать открытія своихъ предшественниковъ.

Вообще справедливо, что нѣмцы, лучшіе истолкователи природы, нежели ихъ соперники англичане, не сравнятся съ ними въ увлеченіи и веселой удали горныхъ изслѣдованій; но часто упоеніе восхожденій доводитъ и ихъ до безумства смѣлости, каждый годъ стоющей многихъ жизней; они лѣзутъ на вершины не единственно изъ одного физическаго удовольствія, но для того, чтобъ научиться и, впоследствии, научить, и, поумѣвъ отъ опыта, идутъ на опасности уже съ оглядкой. Не шума своими подвигами, какъ англійскіе лазальщики, которыхъ часто одна заслуга — умѣть влѣзть на страшныя скалы, геологи и естествоиспытатели, каковы Теобальдъ и Фогтъ, не менѣе другихъ способствовали изученію Альпъ. Въ Германіи, какъ въ Англіи, начинаютъ понимать, какъ важны тѣлесныя упражненія для улучшенія человѣческаго рода, и потому вездѣ заводятся гимнастическія общества. Эти прекрасныя заведенія, насчитывающія въ Германіи ужъ болѣе полутора ста тысячъ членовъ, доставляютъ человѣчеству не одну услугу развитія силы, ловкости и красоты; они сближаютъ ежедневно, на правахъ свободы и равенства, всѣ классы людей: ученыхъ, докторовъ, инженеровъ, ремесленниковъ. Они понемногу придаютъ обществу республиканскій складъ, давая каждому лицу, вмѣстѣ съ жизненной силой, и большее образованіе, болѣе широкое понятіе о правахъ и обязанностяхъ, привычку пользоваться правомъ голоса и обсужденія.

Ассоціаціи гимнастовъ, устроенныя въ каждомъ городѣ, покроютъ всю страну федеральными кружками, а національные конкурсы ихъ — настоящія олимпійскія игры и парламенты. Гимнастику можно считать однимъ изъ важныхъ элементовъ матеріальнаго, политическаго и гражданскаго обновленія народа. Своимъ счастливымъ вліаніемъ на физическое и нравственное равновѣсіе гражданина, она несомнѣнно исправитъ то, что есть неопредѣленнаго, ложнаго и мистическаго въ любви нѣмцевъ къ природѣ.

Какія бы уклоненія ни испытывала эта любовь отъ начала исторической эры, она всегда была отличительной чертой германцевъ, что доказывается множествомъ собранныхъ легендъ и пѣсенъ. Потомки тевтоновъ, жителей дремучихъ лѣсовъ, всегда понимали красоту своихъ дубовъ, яворовъ и сосенъ, своихъ источниковъ, притаившихся въ травѣ луговъ или подъ сухой листвою, своихъ закругленныхъ горъ, исполосованныхъ зимними снѣгами. Лучшее доказательство привязанности германцевъ къ природѣ, это ихъ имена, прозванія, взятая изъ природы, граціозныя, сильныя, выражающія поэтическое чувство въ массахъ народа. Этого нѣтъ во Франціи, гдѣ прозванія по большей части ничего не значатъ, или пошлы, и если взяты изъ природы, то напоминаютъ не красоту ея или особенности, а мѣсто жительства, право владѣнія...

Надо замѣтить, что въ большинствѣ, французы не такъ хорошо понимаютъ чудеса природы, какъ ихъ сѣверные и восточные сосѣди. Французы сообщительнѣе нѣмцевъ и англичанъ и труднѣе переносятъ одиночество или даже временный перерывъ обыкновенныхъ сношеній. Въ трудѣ и въ удовольствіи имъ необходима ежедневная рутина, одни и тѣ же товарищи или друзья; они инстинктивно боятся дикой природы, гдѣ товарищами человѣку—лѣса, утесы и потоки. Природа, которую французъ понимаетъ и любитъ видѣть—это слегка холмистыя поляны, красивыя разнообразной обработкой; за ними, на далекомъ горизонтѣ, луга; полоска зеленыхъ холмовъ окаймляетъ ландшафтъ; маленькая рѣчка вьется между ольхами и осинами; кое-гдѣ, между лугами и посѣвами, выказываются маленькія вупы деревьевъ; бѣлые дома съ красной черепицей сверкаютъ въ зелени. Красота мѣстности кажется совершенна, когда къ картинѣ прибавляется живописная развалина, увитая дикимъ виноградомъ, мельница, выстроенная среди рѣки на неровныхъ аркахъ. Глядя на это, человѣкъ видитъ промышленность людей, ему подобныхъ; природа, обдѣланная трудомъ, такъ-сказать — очеловѣчилась, и зрителю пріятно видѣть себя среди общей работы... А между тѣмъ, этимъ по-

лянамъ, перерожденнымъ культурою, далеко до дѣвственныхъ странъ, гдѣ первобытная красота остается еще неприкосновенною.

Можно понять идеаль ландшафта нашихъ предковъ, судя по мѣстоположенію, которое государи и знатные господа выбирали для своихъ увеселительныхъ замковъ. Весьма немногіе изъ этихъ дворцовъ построены такъ, что съ нихъ отрывается величественный видъ на горы или утесы. Замѣчено даже, что во многихъ мѣстахъ (напримѣръ, на Женевскомъ озерѣ) загородные дома богатыхъ владѣльцевъ обращены дворами къ тому, что теперь кажется намъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Природѣ слишкомъ-сильной, слишкомъ-дикой для того, чтобы доставлять удовольствіе—человѣкъ предпочиталъ узкое пространство, гдѣ было привольно воображенію: легкій и мягкій склонъ холмовъ, прекрасныя, густо насаженныя аллеи, лужки и пруды съ статуями. Грація, часто ложная и манерная, считалась выше величавой простоты широкаго простора.

Впрочемъ, глядя на живописные укрѣпленные замки на островахъ утесахъ, мы могли бы подумать, что у французскихъ феодаловъ было чувство красоты дикой природы, еслибъ намъ не была слишкомъ хорошо извѣстна причина, побуждавшая бароновъ и владѣтелей строить свои башни на высокихъ крутизнахъ. Конечно, это дѣлалось не для того, чтобы наслаждаться восходомъ солнца или слѣдить взоромъ за извинами рѣкъ, а чтобы издали, въ окрестныхъ долинахъ, слѣдить за врагами или за жертвами. Безъ сомнѣнія, феодалы кончали тѣмъ, что любили свои укрѣпленные пустыни: изъ узкихъ бойницъ этихъ замковъ они впервые увидѣли свѣтъ; дѣтми, бѣгая на платформахъ башенъ и перевѣшиваясь черезъ зубцы стѣнъ, они узнали названія цвѣтовъ, распускавшихся въ разсѣлинахъ, и деревьевъ, росшихъ вдали на скатѣ холмовъ; начавъ охотиться, они познакомились съ звѣрами этихъ лѣсовъ, привыкли къ вѣтру, бурямъ и непогодамъ, и долгой привычкой поняли одну сторону природы, среди которой жили. По мѣрѣ того, какъ въ этомъ сословіи завоевателей, германскій элементъ перерождался во французскій, въ рыцаряхъ исчезала дикость и любовь къ уединенію; они стали переселяться въ долины, въ города, дѣлались владѣльцами, придворными. Въ Германіи, особенно на берегахъ Рейна, Неккара, Маасы, въ горахъ Палатината, Швабіи, Франконіи, долѣе держалось это страшное рыцарство, эти жестокіе грабители, понимавшіе природу, какъ понимаютъ ее дикіе звѣри — какъ логвище, куда таскаютъ добычу. Одинъ изъ самыхъ ужасныхъ рыцарей-разбойниковъ, знаменитый Эбергартъ-Сердце-Вепря, котораго Уландъ фантастически описалъ въ своихъ балладахъ, взялъ себѣ девизомъ: *«Другъ Богу*

и оразъ естьъ людямъ!» и чтобы оправдать его, убилъ сотни людей. Укрѣпленный замокъ былъ гнѣздо хищной птицы, владѣлецъ бралъ себѣ идеаломъ орла и воршуна, — что доказываютъ эти странныя фигуры хищныхъ птицъ, вопреки всему прогрессу новаго общества оставшіяся въ гербахъ частныхъ и государственныхъ. Даже сѣверо-американская республика, по странной феодальной памяти, взяла орла въ символъ своего могущества.

Что бы ни чувствовали къ природѣ завоеватели страны, достоверно одно, это—что масса рабовъ не могла понимать красоты земли, на которой протекало ея бѣдственное существованіе, и чувство, испытываемое ею къ окружающей ее мѣстности, необходимо должно было извратиться. Горести житейскія были слишкомъ сильны для того, чтобы могло часто являться удовольствіе восхищенія облаками, утесами и деревьями. Со всѣхъ сторонъ только и было, что несогласіе, вражда, страхъ, война и голодъ. Прихоть и жестокость властелина были закономъ для рабовъ; всякій незнакомецъ принимался за убійцу; слова «чужой» и «врагъ» сдѣлались синонимами. Въ подобномъ состояніи общества, единственное что оставалось отважному человѣку для того, чтобы бороться съ судьбой и сохранить сознаніе своего разума—это веселье и иронія, насмѣшка надъ сильными и прежде всего надъ своимъ господиномъ; но нечего было умиляться надъ природой. Къ тому-жъ, она была для него сурова; она часто не возвращала ему сѣмянъ, которыя онъ бросалъ въ борозды; она посылала холодъ и бури, а у него не всегда бывало чѣмъ одѣться; случалось, она приносила моровыя повѣтрія и въ нѣсколько недѣль уносила цѣлыя населенія. Красота окружающей природы должна была оставаться неизвѣстной людямъ, которые, подъ впечатлѣніемъ неопредѣленнаго ужаса, поддерживаемаго колдунами, не переставали видѣть въ пещерахъ, въ горныхъ дорогахъ, въ ущельяхъ, въ гѣсахъ, полныхъ тьмы и тишины—безобразныхъ привидѣній и страшныхъ чудовищъ, полу-животныхъ, полу-демоновъ. Какое странное понятіе должны были имѣть о землѣ и красотахъ ея эти средневѣковые монахи, которые, составляя карты свѣта, рисовали, подлѣ названія страны, животныхъ, извергающихъ пламя, людей съ лошадиными копытами или рыбьими хвостами, грифоновъ съ бараньими или бычачьими головами, летучихъ мандрагоръ, обезглавленныя тѣла съ выпученными глазами посреди груди!

Для составленія приблизительнаго понятія, что такое было общество въ средніе вѣка и какія чувства внушала ему природа, надо проникнуть въ далекія страны, гдѣ сохранились старыя преданія, гдѣ ночь невѣжества еще во всей своей полнотѣ. Во

Франціи, конечно, нѣтъ угла, въ которомъ бы не свѣтили новыя идеи, хотя бы болѣе или менѣе искаженныя; но если нигдѣ больше нельзя найти настоящихъ среднихъ вѣковъ; то все-таки легко признать ихъ слѣды. Двадцать лѣтъ назадъ, вѣрованіе въ колдовства, чертовщину, всякія чудеса, царствовало въ полной силѣ въ умахъ милліоновъ крестьянъ Франціи и Бретани. Нѣтъ надобности переноситься въ вѣкъ Этьена Марселя и Карла-Дурного, чтобы понять ужасъ, который природа внушала нашимъ предкамъ; многимъ изъ насъ довольно вспомнить собственное дѣтство и наивное легковѣріе, съ которымъ мы принимали подтвержденіе всего, удовлетворявшаго нашей наклонности къ страху. Многіе изъ насъ въ дѣтствѣ, дрожа отъ страха предъ камельками, слушали какъ старухи шопотомъ рассказывали о чертахъ и чудовищахъ. Въ сумерки, мы видѣли, какъ отвратительные туманные призраки поднимались изъ рѣки и безъ шума ходили по лугу, протягивая къ намъ длинныя прозрачныя руки. Въ лунныя ночи, мы какъ листъ дрожали, слушая вой оборотней на перекресткахъ дорогъ. Если у суевѣрныхъ умовъ бываютъ и граціозныя фантазіи, онѣ, такъ же какъ и ужасныя, не состоятъ ни въ какой связи съ сущностью вещей. Недавно я видѣлъ старую крестьянку, которая когда-то учила меня, что для того, чтобы пройти въ Римъ, къ св. Іакову Компостельскому и въ Іерусалимъ, надо идти по звѣздамъ и держаться млечного-пути. Старуха удивилась, когда я вздумалъ объяснить ей, что дорога къ св. Іакову лежитъ чрезъ Бордо и Байону и что на небѣ нѣтъ приваловъ для богомольцевъ. Она не возразила, а только покачала головою и, конечно, въ глубинѣ сердца осталась при прежнемъ вѣрованіи.

Взявъ въ расчетъ, насколько были всегда исключительны подобныя понятія о природѣ, легко понять, какъ невѣжество, суевѣріе, нищета, запуганность и страсть къ прибыли затемняли умъ и, по крайней-мѣрѣ отчасти, закрывали отъ него красоту земли. Крестьяне или буржуа, разработывавшіе почву, могли видѣть прелесть деревни единственно съ точки зрѣнія пользы, и литература, всегда выражающая народную мысль, могла передавать, идеализируя, только этотъ образъ мысли. Въ теченіе столѣтій, французскіе писатели прославляли только челоуѣка и общество, и если поминали о природѣ, то пѣли «тѣвныя кущи», «цвѣтушія поляны», «златыя пажити», и то еще по какомунибудь классическому воспоминанію: они не посмѣли бы пѣть природу, еслибы прежде ихъ ее не пѣлъ Виргилій. Французы нерѣдко, въ войны съ Испанією и Италією, переходили Пиренеи и Альпы, и точно будто и не видали красоты страны, куда вывѣ

сходятся путешественники со всего свѣта; французовъ поражала только крутизна утесовъ и затруднительность тропинокъ. Обойдя прелестные луга Аржантьера, увидя вершины Шамбейрона, Большого Рубрена, Монте-Визо, Францискъ I не нашелъ другаго названія для Альпъ, какъ «странная сторонка», и поберегъ свое восхищеніе для богатыхъ завидныхъ долинъ Пьемонта и Медиолана. Точно такъ же, испанскіе и португальскіе завоеватели, люди великіе своей смѣлостью, страшные своей жестокостью, не примѣтили красоту Новаго-Свѣта, въ который перенеслись будто волшебствомъ. Высокія горы, дѣвственные лѣса, голубое прозрачное море — были для нихъ сномъ; сквозь почву и камни свалъ, ихъ жадные глаза искали только золота.

Въ повѣйшее время, Руссо, рожденный у подножія Альпъ, первый заговорилъ о радости, которую чувствуетъ человѣкъ среди свободной природы, въ виду большихъ озеръ, дикихъ лѣсовъ, перспективы горъ. И все-таки, несмотря на искреннюю, глубокую склонность къ уединенію, несмотря на ненависть къ людямъ, дѣлавшую для него отвратительными даже слѣды ихъ, Руссо не заглядывалъ ни въ горныя долины, ни на снѣжные переходы, ни въ ледники; онъ довольствовался тѣмъ, что любовался ландшафтами у подошвы горы, гдѣ жилие и воздѣланныя поля свидѣтельствуя о присутствіи и трудѣ земледѣльца. Шатобрианъ — художникъ, съумѣвшій превосходно написать нѣсколько картинъ моря и рѣкъ Новаго Свѣта — находилъ, что Альпы слишкомъ высоки, и просто отказалъ въ красотѣ этимъ «тяжелымъ глыбамъ», которыя, какъ ему казалось, «не гармонируютъ съ способностями человѣка и слабостью его органовъ». Онъ утверждаетъ, что «прославленное величіе горъ — велико только отъ мѣры усталости путешественника». Вездѣ, гдѣ стѣснившіяся вершины заслоняютъ видъ и не составляютъ только декораціи на горизонтѣ, Шатобрианъ находить горы «безобразными».

Въ наше время, конечно, не найдется смѣльчаковъ утверждать то же, что Шатобрианъ, и такъ легко признаваться въ своей неспособности пониманія природы въ одномъ изъ ея самыхъ величавыхъ видовъ. Общее воспитаніе, получаемое образованными народами, вслѣдствіе ихъ безпрестанныхъ сношеній и заимствованій другъ у друга въ искусствахъ, наукахъ и обычаяхъ — это воспитаніе не позволяетъ больше никому игнорировать красоту опасныхъ ущелій, яглистыхъ скалъ, ледяныхъ и снѣговыхъ откосовъ; но тѣмъ не менѣе справедливо, что несмотря на постепенно совершившійся прогрессъ въ пониманіи природы, французы менѣе своихъ сосѣдей способствовали изученію даже своихъ собственныхъ горъ, не только болѣе общему дѣлу разработки

земного шара—впрочемъ, ихъ незначительность не должна быть принята за общее правило. Благодаря легкости сообщеній, безпрестанно возрастаетъ число французовъ, сбрасывающихъ съ себя ежедневную ругину и отправляющихся созерцать свободную природу въ дальнихъ странахъ и въ своемъ отечествѣ. Безъ сомнѣнія, еслибы дѣти во французскихъ школахъ не выносили тяжелой дисциплины, часто стирающей всякую личность, еслибы затѣмъ не являлась военная служба съ ея еще болѣе стѣснительной дисциплиной, еслибы она не захватывала и не подвергала безличной покорности сотни тысячъ самой сильной и предприимчивой молодежи—народъ французскій занялъ бы въ исторіи открытій и путешествій великую роль, которую назначаетъ ему превосходное положеніе страны—между Средиземнымъ моремъ и океаномъ, между Альпами и Пиренеями.

Чувство природы, какъ любовь къ искусству, развивается воспитаніемъ. Крестьянинъ, живущій въ деревнѣ и спокойно пользующійся видомъ зеленыхъ полей, конечно, инстинктивно любитъ землю, которую обрабатываетъ, но его любовь безсознательна и почва для него—только спящее богатство, пробуждаемое трудомъ. Горецъ также часто не понимаетъ красоты своего ущелья и окружающихъ стремнинъ. Онъ восхищается плоскостью полянъ, гдѣ можетъ ходить безъ усталости и опасности, гдѣ соха глубоко врѣзается въ плодородную почву; только оставивъ горы, обходя чужія земли, онъ чувствуетъ пробужденіе любви къ родинѣ, и тоска по ней, дѣлающаяся болѣзнь, заставляетъ его понять ея красоту. Но если воспитаніе можетъ заставить цѣнить природу и дать уразумѣть ея глубокую прелесть, то и ложное воспитаніе можетъ извратить вкусъ и вложить смѣшныя и уродливыя идеи о прекрасномъ. Такъ китайцы, дряхлый народъ, обновляющійся нѣмцѣ въ крови революцій, въ своей мелкой страсти къ необычайному и симметричному, дошли до созданія варликовыхъ породъ и давали деревьямъ геометрическія формы и подобія чудовищъ. Подобно этому, нѣмецкіе князьки, извращенные плаксивой сентиментальностью, чертили педантскія надписи на скалахъ, украшали дуга фантастическими гробницами, ставили часовыхъ у пунктовъ, на которые желали обратить вниманіе путешественниковъ. Тотъ, кто любитъ природу, долженъ обладать рѣдкимъ и нѣжнымъ вкусомъ, чтобы осмѣливаясь не только коснуться земли, не разрушать ея прелесть, но придавать еще больше гармоніи ея цвѣтамъ и очертаніямъ. А однако, этого результата необходимо добиться, для того чтобы общество могло правильно подвигаться въ цивилизаціи и чтобы каждый шагъ прогресса не дѣлался въ ущербъ землѣ, жилищу общества. Благодаря путешествіямъ, сама земля

облагородить вкусъ своихъ обитателей и дать имъ понятіе истинно прекраснаго. Тѣ, которые всходили на Пиренеи, Альпы, Гималаю, на утесы береговъ океана, посѣщали вѣковые лѣса, созерцали кратеры вулкановъ, тѣ, при видѣ этихъ великихъ красотъ, поймутъ истинную прелесть картинъ менѣе поразительныхъ и, если будетъ въ ихъ власти измѣнять ихъ, выучатся прикасаться къ нимъ почтительно.

III.

Развитіе чувства природы становится все необходимѣе потому, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе люди оставляютъ деревню. Уже давно пессимисты пугались возрастанія большихъ городовъ, а они еще не давали себѣ настоящаго отчета о быстрой прогресіи, въ которой можетъ совершиться перемѣщеніе народонаселеній къ избраннымъ центрамъ.

Правда, и прежде бывали чудовищные Вавилоны, соединявшіе въ своихъ стѣнахъ сотни тысячъ, и даже миллионы жителей; естественные интересы торговли, централизація всѣхъ властей, пожива милостей, любовь къ удовольствіямъ дѣлали эти города населенными будто цѣлыя провинціи; но сообщенія тогда были медленнѣе нынѣшнихъ; разливы рѣкъ, непогода, запоздавшій караванъ, вторженіе непріятеля, возстаніе какого-нибудь племени, задерживали или останавливали продовольствіе, и великій городъ, среди всей своей роскоши, безпрестанно подвергался возможности погибнуть отъ голода. Къ тому же, въ тѣ вѣка безопасныхъ войнъ, обширныя столицы кончали всегда тѣмъ, что дѣлались мѣстомъ страшной рѣзни, и разрушеніе бывало такъ полно, что паденіе города было кончиной народа. Еще недавно, по нѣкоторымъ городамъ Китая, можно было судить объ участи многочисленныхъ населеній въ древнее время. Обширный городъ Нанкинъ — груда развалинъ, а Ухангъ, дѣтъ пятнадцать назадъ считавшійся самымъ населеннымъ въ мірѣ, лишился трехъ четвертей своихъ жителей.

Къ причинамъ, привлекавшимъ нѣкогда людей въ города, и доннѣ существующимъ, нужно прибавить и другія, не менѣе важныя, доставленныя новѣйшимъ прогрессомъ. Пути сообщенія, каналы, простыя и желѣзныя дороги все болѣе и болѣе примыкаютъ къ важнымъ центрамъ, и окружаютъ ихъ все болѣе и болѣе сжатой сѣтью. Переѣздъ въ наше время такъ легокъ, что отъ утра до вечера, желѣзныя дороги могутъ доставить въ Лондонъ или Парижъ до полумиліона пріѣзжихъ; нерѣдко, какой-нибудь праздникъ, бракосочетаніе, похороны, посѣщеніе знаме-

нитаго лица увеличивали до мильона колеблющуюся цифру столичнаго населенія. Подвозъ жизненныхъ потребностей можетъ совершаться также легко. Изъ всѣхъ обрестныхъ деревень, со всѣхъ концовъ страны, изъ всѣхъ частей свѣта, сухимъ путемъ и водою, продукты стремятся къ этимъ всепожирающимъ желудкамъ. Лондонъ могъ бы, еслибъ потребовалъ его аппетитъ, въ годъ привезти себѣ половину произведеній всего земнаго шара.

Безъ сомнѣнія, этого преимущества не имѣли города древности, а между тѣмъ, переворотъ, который совершаютъ въ нравахъ желѣзные и другіе пути — едва въ началѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое (среднимъ числомъ) два-три путешествія въ годъ для всякаго жителя Франціи, особенно, когда поѣздка на четверть часа въ Парижъ или другой большой городъ считается статистикой за путешествіе? Можно съ увѣренностью сказать, что перемѣщенія возрастуть въ огромной пропорціи и превзойдутъ всѣ предположенія, какъ это ужъ и было въ началѣ столѣтія. Теперь, число путешественниковъ въ одну недѣлю въ Лондонѣ равняется числу ихъ за цѣлый годъ по всей Великобританіи, передъ 1830 годомъ. Желѣзныя дороги уменьшаютъ страны; можно математически опредѣлить пропорцію уменьшенія: стовтъ сравнить скорость локомотива съ скоростью дилижанса или повозки, которые онъ замѣнилъ. Съ своей стороны, человекъ легче отрывается отъ родной стороны; онъ кочуетъ, не какъ древніе пастыри, шедшіе привычными дорогами, периодически, въ одно и то же время возвращавшіеся на одно и то же пастбище съ своими стадами: онъ произвольно направляется къ одной или другой точкѣ горизонта, изъ любопытства или выгоды; весьма немногіе изъ этихъ добровольныхъ изгнанниковъ возвращаются умирать на родину. Безпрестанно возрастающее переселеніе народовъ доходитъ до мильионовъ, и большинство переселенцевъ направляется все-таки къ самымъ населеннымъ людскимъ муравейникамъ. Страшныя вторженія франковъ въ римскую Галлію не были, можетъ быть, такъ важны съ этнологической точки зрѣнія, какъ эти эмиграціи изъ Люксанбурга и Палатината, всякій годъ увеличивающія число парижскихъ жителей.

Чтобы составить себѣ понятіе, чтò станется съ большими торговыми городами (если только другія причины, дѣйствующія противоположно, не возстановятъ равновѣсія), довольно замѣтить, какъ, въ колоніяхъ, города растутъ на счетъ селеній и отдѣльныхъ жилищъ. Тамъ люди, несвязанные привычками, свободные группироваться какъ хотятъ, нестѣсненные въ своей волѣ, почти цѣлкомъ скопляются въ городахъ. Даже въ собственно земледѣльческихъ колоніяхъ, каковы новыя западныя американскіе штаты

(Far-West), берега Ла-Платы, австраійская Королевина-Земля (Queen's Land), сѣверный островъ Ново-Зеландіи — и тамъ число городскихъ жителей много превышаетъ число деревенскихъ (среднимъ числомъ, втрое), и продолжаетъ все расти по мѣрѣ того, какъ растетъ торговля и промышленность. Въ колоніяхъ, какъ въ Викторіи и Калифорніи, куда особенныя причины, золотыя ривки и большія комерческія выгоды, привлекають множество спекулянтовъ, увеличеніе городского населенія идетъ еще замѣтнѣе. Еслибы Парижъ былъ относительно Франціи то же, что Сан-Франциско къ Калифорніи, и Мельборнъ къ Австраліи — въ «великомъ городѣ», тогда уже истинно достойномъ этого названія, было бы не менѣе девяти или десяти мильоновъ жителей. Ясно, что въ этихъ новыхъ странахъ, куда только-что ступилъ цивилизованный человѣкъ, должно искать внѣшняго идеала XIX вѣка, потому что ничто не мѣшало новымъ пришельцамъ разсыпаться небольшими группами по всей странѣ, но они предпочли соединиться въ огромныхъ городахъ. Россія, Венгрія, въ сравненіи съ Калифорніею или другою новѣйшею колоніею, могутъ показать, какой промежутокъ столѣтій отдѣляетъ тѣ страны, гдѣ народъ еще разсыянъ какъ въ средніе вѣка, отъ тѣхъ, гдѣ цивилизація свободно развиваетъ общественную сообщительность. Въ русскихъ степяхъ, въ венгерскихъ «шустахъ» нѣтъ городовъ, говоря положительно: тамъ, болѣе или менѣе, значительныя деревни; столицы — это административные центры, искусственныя созданія; онѣ какъ разъ потеряли бы много своей важности, еслибы правительство не поддерживало въ нихъ жизни. Въ этихъ странахъ, рабочее населеніе состоитъ изъ земледѣльцевъ, а города существуютъ только для чиновниковъ и праздныхъ людей. Напротивъ, въ Австраліи, въ Калифорніи, деревня есть только загородное предмѣстье, и крестьяне, пастухи и пахары, всѣ стремятся въ городъ: это спекуляторы, которые, ради выгоды своихъ предпріятій, временно удалились изъ города, но опять непремѣнно туда возвратятся. Безъ сомнѣнія, рано или поздно, русскіе крестьяне, въ настоящее время приросшіе къ своей почвѣ, выучатся отъ нея отрываться, сдѣлаются кочующими, какъ англичане и австраійцы, и устремятся въ города, куда призоветъ ихъ торговля и промышленность и толкнетъ собственное желаніе посмотреть, узвать и улучшить свое состояніе.

Сожалѣнія о пустотѣ деревень не остановятъ этого движенія и будутъ напрасны. Вслѣдствіе довольства и относительной дешевизны перемѣщенія, получивъ свободу «приходить и уходить», эту первоначальную свободу, изъ которой истекають и другія, земледѣлецъ не-собственникъ повянуется очень натуральному

влеченію, когда уходитъ въ людной городъ, о которомъ ему рассказали столько чудесъ. Онъ вмѣстѣ печалень и весель, прощается съ родной избой, отправляясь любоваться диковинками промышленности и зодчества; онъ отказывается отъ правильной платы, на которую могъ рассчитывать, зарабатывая ее своими руками, но, можетъ быть, онъ достигнетъ довольства или богатства, какъ достигали многіе его земляки, и когда воротится на родину, то выстроитъ себѣ палаты на мѣстѣ грязнаго жилья, въ которомъ родился. Невелико число переселенцевъ, чьи золотыя мечты осуществились; многіе нашли въ городахъ нищету, болѣзни, преждевременную смерть; но у тѣхъ, кто выжилъ, расширился кругъ понятій; эти люди видѣли разныя земли, понатерлись около другихъ людей, поумнѣли, научились, а подобный индивидуальный прогрессъ чрезвычайно важенъ для цѣлаго общества.

Извѣстно, какъ быстро совершается во Франціи переселеніе деревенскихъ жителей въ Парижъ, Ліонъ, Тулузу и въ большіе портовые города. Число жителей все возвышается въ большихъ центрахъ, а большая часть маленькихъ городковъ и селеній или остается въ прежней цифрѣ, или упадаетъ. Болѣе половины департаментовъ пустуютъ, а департаментъ Нижнихъ Альпъ, противъ того, чтò имѣлъ въ средніе вѣка, навѣрное потерялъ треть своихъ жителей. Еслибы считать путешествія и временныя отлучки, все увеличивающія колеблющуюся цифру большихъ городовъ—выводы были бы еще поразительнѣе. Въ Аррьежѣ, въ Пиренеяхъ, есть деревни, изъ которыхъ на всю зиму всѣ жители уходятъ въ долины. Наконецъ, большая часть французовъ, живущихъ торговлею или доходами, не считая множества крестьянъ и рабочихъ, непремѣнно бываютъ въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, а еще недалеко то время, когда въ отдаленныхъ провинціяхъ, странствующій рабочій получалъ прозваніе по имени большого города, въ которомъ побывалъ. То же совершается въ Англии и Германіи. Хотя въ обѣихъ этихъ странахъ смертность больше, чѣмъ во Франціи, но и тамъ земледѣльческія провинціи, какъ напримѣръ, герцогство Гессен-Кассельское и графство Кембриджское, пустуютъ, населяя большіе города. Даже въ сѣверной Америкѣ, гдѣ такъ быстро растетъ населеніе, большая часть земледѣльческихъ округовъ Новой-Англии потеряла половину своихъ жителей отъ двойной эмиграціи однихъ на западъ (Far-West), другихъ — къ торговымъ береговымъ городамъ Портлендъ, Востонъ, Нью-Йоркъ.

А между тѣмъ, извѣстно, что городской воздухъ носитъ начала смертности. Хотя, въ этомъ случаѣ, официальная статистика не столько откровенна, какъ бы этого хотѣлось, но достовѣрно,

что въ Европѣ и въ Америкѣ, среднее долгодѣіе деревенскихъ жителей нѣсколькими годами превышаетъ долгодѣіе горожанъ, и выселяющіеся, мѣняя родное поле на узкія зловонныя улицы столицы, могутъ заранѣе приблизительно разсчитать, на сколько они, по всей вѣроятности, сокращаютъ жизнь свою. Нетолько новоприбывшій страдаетъ самъ и подвергается преждевременной смерти, но онъ осуждаетъ на то же и свое потомство. Извѣстно, какъ въ большихъ городахъ, каковъ Лондонъ и Парижъ, скоро истощается жизнь; извѣстно, что ни одна семья средняго сословія не продолжается далѣе третьяго, много четвертаго поколѣнія. Если одна личность выдерживаетъ смертоносное вліяніе окружающей среды, семья кончается тѣмъ, что изнемогаетъ, и еслибы не безпрестанный приливъ провинціаловъ и переселенцевъ, весело идущихъ на смерть, столицы не навербовали бы никогда своихъ громадныхъ населеній. Черты лица горожанина складываются тоньше, но тѣло слабѣетъ и жизнь изсякаетъ. То же и въ умственномъ отношеніи: всѣ блестящія способности, развиваемыя общественнымъ движеніемъ, возбуждены сначала, но мысль постепенно утрачиваетъ свою силу, устааетъ, до времени зампраетъ. Безъ сомнѣнія, въ сравненіи съ деревенскимъ увальнемъ, парижскій гаенъ — веселый живчикъ; но вѣдь онъ родной братъ блѣдному заморышу, котораго и въ физическомъ и моральномъ отношеніи можно сравнить съ болѣзненной травой, выросшей въ темномъ подвалѣ. Наконецъ, въ городахъ, и въ особенности въ городахъ, прославленныхъ за ихъ роскошь и цивилизацію, встрѣчаются люди глубоко падшіе, несчастные, отчаянные, которыхъ грязь, голодь, грубое невѣжество, общее презрѣніе, поставили, конечно, ниже счастливаца-дикаря, свободнаго въ своихъ лѣсахъ и утесахъ. Рядомъ съ величайшей пышностью — нищета самая ужасающая; рядомъ съ музеями, гдѣ во всей славѣ является красота человѣческаго тѣла — чахоточныя дѣти грѣются у испареній помойныхъ ямъ...

Если паровозы привозятъ въ города безпрестанно возрастающія толпы, то съ другой стороны, они все болѣе и болѣе увозятъ въ поля горожанъ, которые хоть на время желаютъ вздохнуть чистымъ воздухомъ, и освѣжить мысль при видѣ цвѣтовъ и зелени. Богачи, могущіе по своей волѣ создавать себѣ досугъ, могутъ на цѣлые мѣсяцы отрываться отъ занятій и утомительныхъ удовольствій городовъ. Есть богачи, постоянно живущіе въ деревнѣ и только на время посѣщающіе свои городскіе дома. Что же до всякаго рода рабочихъ, которымъ требованія ежедневной жизни не позволяютъ удалиться надолго, то большая часть ихъ все-таки отрываются отъ занятій и бѣгутъ въ поля. Волѣ свобод-

ные изъ нихъ даютъ себѣ вакаціи въ нѣсколько недѣль, уѣзжаютъ въ горы, на берегъ моря. Прикованные работою уходятъ время отъ времени хотя на нѣсколько часовъ изъ душныхъ улицъ, и радостно пользуются праздничными днями, когда тепло и свѣтло; члены семейства располагаются подъ деревьями въ рощахъ, около большихъ городовъ. Многіе негоціанты и чиновники, особенно англичане и американцы, помѣщаютъ свои семейства въ деревняхъ и обрекаютъ себя ежедневно по два раза на переѣздъ пути между конторою и домашнимъ очагомъ. Быстрота сообщенія позволяетъ многимъ быть вмѣстѣ и городскими и деревенскими жителями, и всякій годъ растетъ число людей, дѣлящихъ такимъ образомъ жизнь свою. Вокругъ Лондона надо считать сотни тысячъ тѣхъ, кто утромъ пускается въ вихрь городскихъ дѣлъ, а вечеромъ возвращается въ мирный, загородный, зеленѣющій пріютъ. Свѣтъ, комерческій центръ, днемъ полонъ, какъ уліи, ночью — пустыня.

Къ несчастью, отливъ изъ городовъ безобразитъ деревню; я разумѣю не одишь соръ и нечистоту, наопляющіеся на пространствахъ между городомъ и полями, но есть что-то похуже: это спекуляція, которая охватываетъ всѣ красивыя мѣстечки окрестностей, раздѣляетъ ихъ на прямоугольные участки, обноситъ разнообразными стѣнами, и строитъ тамъ сотни и тысячи маленькихъ вычурныхъ домовъ. Для тѣхъ, кто гуляетъ по грязнымъ дорогамъ этихъ воображаемыхъ деревень, природа является въ образѣ подстриженныхъ деревьевъ и цвѣточныхъ клумбъ, виднѣющихся изъ-за рѣшетокъ. На берегахъ моря, самые живописные утесы, самые красивые скаты тоже захвачены или жадными владѣльцами, или спекулянтами, которые цѣнятъ красоты природы, какъ мѣняли золото. Въ горахъ часто посѣщаемыхъ путешественниками, у жителей является та же жадность; ландшафты изрѣзаны четырехугольниками и продаются тому, кто дастъ дорожку; всякая дюковинка, утесъ, гротъ, водопадъ, проломъ ледника, все, до отголоска эхо, дѣлается частной собственностью. Антрепренёры берутъ водопады на откупъ, окружаютъ ихъ досчатыми заборами, чтобъ путешественники невръстѣяне не могли видѣть волненія воды, потомъ, посредствомъ рекламы, превращаютъ въ звонкую монету лучи, играющіе въ пыли брызгъ, и струи вѣтра, разстилающія туманные полосы въ пространствахъ.

Когда природу, именно за ея красоту, такъ оскорбляютъ спекулянты, то неудивительно, что въ трудахъ разработки, земледѣльцы и промышленники не спрашиваютъ себя, не безобразятъ ли они землю. Несомнѣнно, что труженникъ-пахарь не заботится о прелести полей и гармоніи ландшафта, лишь бы почва прино-

сила хорошую жатву; идя по лѣсу съ топоромъ, какъ попало, онъ валитъ деревья, которыя ему мѣшаютъ, уродуетъ другія, давая имъ видъ коловъ или вѣтниковъ. Многія страны, прежде прекрасныя, заманчивыя, теперь совершенно обезображены и возбуждаютъ истинное отвращеніе. Къ тому же, часто бываетъ, что земледѣлецъ, столько же бѣдный знаніемъ, сколько и любовью къ природѣ, ошибается въ расчетахъ, и самъ себя разоряетъ измѣненіями, которыя, не подозрѣвая, онъ дѣлаетъ въ климатѣ. Также, какое дѣло промышленнику, который разрабатываетъ свою мину или устроиваетъ свою мануфактуру, что воздухъ полей прокопченъ угольнымъ дымомъ, и испорченъ заразительными испареніями? Уже не говоря объ Англии, въ Западной Европѣ много долинъ, занятыхъ фабриками, и тяжелый воздухъ этихъ мѣстъ невыносимъ для пріѣзжаго; дома закоптѣли, даже листья на деревьяхъ черенъ отъ сажи, а солнце смотритъ желтымъ пятномъ сквозь густой горѣлый туманъ. Что касается до инженеровъ, они и въ гладкой долинѣ и въ дикомъ ущельѣ строятъ все одни и тѣ же мосты и насыпи; они заботятся не о томъ, чтобы ихъ постройки гармонировали съ мѣстностью, а чтобы въ нихъ было сохранено равновѣсіе, и матеріалъ ихъ былъ проченъ.

Безъ сомнѣнія, необходимо, чтобы человѣкъ обладалъ землею и пользовался ея силами, но невозможно не сѣтовать на грубость, съ которой совершается это завладѣніе. Когда геологъ Марку говоритъ, что паденіе Ніагары стало замѣтно слабѣе и потеряло много своей красоты съ тѣхъ поръ, какъ у него отвели воду для береговыхъ фабрикъ, мы съ грустью думаемъ о времени, еще недавнемъ, когда «Водяной Громъ», невѣдомый цивилизованному человѣку, свободно падалъ съ своихъ стремнинъ, между двумя рядами утесовъ, осѣненныхъ лѣсами. Мы спрашиваемъ себя, неужели широкія степи, дикія дебри, гдѣ еще нашему воображенію мерещатся благородныя фигуры Чингачхука и Кожаного-Чулка, неужели онѣ непремѣнно, необходимо должны были замѣняться только пашнями одинаковаго размѣра, правильно ориентированными на четыре точки горизонта по закону кадастра, правильно и одинаково высоко огороженными? Дикая природа такъ хороша; неужели необходимо, чтобы человѣкъ, овладѣвая ею, геометрически эксплуатировалъ всякое новое захваченное пространство и отмѣчалъ свое вступленіе въ права пошлыми постройками и границами собственности, протянутыми по шнурку? Еслибы было такъ, одна изъ красотъ земли — гармонія противоположностей скоро уступила бы мѣсто печальному однообразію, потому что общество, которое всякій годъ растетъ на десяткахъ милліоновъ душъ, и посредствомъ науки и промышленности рас-

полагаетъ безпрестанно все бѣльшими и бѣльшими силами науки и промышленности—быстро захватываетъ поверхность нашей планеты; близокъ день, когда на твердой землѣ не останется угла, непосѣщеннаго цивилизованнымъ пионеромъ, и на всѣхъ концахъ земли распространится трудъ человѣка. Къ счастью, прекрасное и полезное могутъ вполне соединиться, и именно тамъ, гдѣ болѣе всего подвинулась земледѣльческая промышленность, въ Англїи, въ Ломбардіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, эксплуататоры почвы умѣютъ заставить ее быть плодороднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ щадить красоту мѣстностей и даже возвышаютъ ее посредствомъ искусства. Дренажъ превратилъ грязь Фландріи въ плодородныя нивы; благодаря ирригаціи, каменистая Крау въ настоящее время—великолѣпныя луга; утѣсистыя склоны Аппенинъ и морскихъ Альпъ отъ вершинъ до подножія прячутся подъ зеленью оливокъ; красныя торфяныя болота Ирландіи покрылись лѣсами асены, кедровъ, серебристыхъ сосенъ: вотъ удивительныя примѣры того, что земледѣлецъ можетъ и пользоваться землею и дѣлать ее прекраснѣе.

Таеъ-называемымъ положительнымъ умомъ можетъ показаться пустымъ вопросъ: чтѣ въ дѣлѣ человѣка украшаетъ, и чтѣ безобразить природу? Тѣмъ не менѣе, это вопросъ первой важности. Развитие человѣчества тѣсно связано съ природой. Есть внутренняя связь между землею и людьми, которыхъ она питаетъ, и когда непредусмотрительное общество позволяетъ себѣ наложить руку на то, чтѣ составляетъ прелесть его владѣнія, оно кончаетъ тѣмъ, что расклевается. Тамъ, гдѣ обезображена почва, гдѣ исчезла поэзія мѣстности, потухаетъ воображеніе, бѣднѣетъ умъ, рутинна и рабство овладѣваютъ душою и располагаютъ ее къ отуплѣнію и смерти. Между историческими причинами, изгладившими уже столько цивилизацій одну за другою, слѣдуетъ, во-первыхъ, считать грубое насиліе, съ которымъ бѣльшая часть народовъ обращалась къ землѣ-кормилицѣ. Они вырубали лѣса, допускали источники иссыхать, а рѣки излишне разливались, портили климатъ, давали городскимъ окрестностямъ возможность превращаться въ заразительныя болота; и когда поруганная природа становилась враждебной, люди принципались ее ненавидѣть и, не имѣя возможности, какъ дикари, освѣжаться въ жизни среди лѣсовъ, все больше и больше грубѣли подъ деспотизмомъ свѣтской и духовной власти. «Италія погибла отъ крупныхъ владѣній», сказалъ Плиніи; но слѣдуетъ прибавить, что эти крупныя владѣнія, обрабатываемыя рабами, обезобразили почву, какъ проказа. Историки, ужасаясь при видѣ упадка Испаніи съ Карла V, старались объяснить этотъ упадокъ. Одни считали главной причиной от-

крытіе американскаго золота; другіе—религіозный страхъ «святаго братства» инквизиціи, изгнаніе евреевъ и мавровъ, кровавыя auto-da-fè еретиковъ. Приписывали упадокъ Испаніи и беззаконному налогу «альковалы», и деспотической централизаціи на французскій ладъ; но развѣ непричастно этому упадку и бѣшенство, съ которымъ испанцы вырубали деревья, «изъ страха птиць»? Земля, желтая, каменистая, обнаженная, сдѣлалась страшна и отвратительна; почва обдѣнѣла, народонаселеніе, все уменьшаясь въ теченіе двухъ столѣтій, дошло почти до состоянія варварства... Птички за себя отомстили.

Мы должны радостно привѣтствовать благородную страсть, увлекающую стѣлькихъ лучшихъ людей въ вольныя лѣса, на берега моря, въ горныя ущелья, во всѣ углы свѣта, гдѣ природа сохранила свою первобытную красоту. Чувствуется, что, если мы не хотимъ умственно и нравственно измельчать, необходимо, во что бы ни стало, перевѣситъ созерцаніемъ величія земли пошлость безобразія и посредственности, въ которой узкіе умы видятъ доказательство современной цивилизаціи. Изученіе природы и зрѣлище ея чудесъ должны необходимо сдѣлаться для всякаго разумнаго человѣка однимъ изъ главныхъ основаній воспитанія; необходимо, чтобы всякій развивалъ въ себѣ ловкость и силу мускуловъ, чтобы весело всходить на вершины, безъ ужаса смотрѣть въ бездны и сохранить во всемъ своемъ существѣ то естественное равновѣсіе, безъ котораго самыя великолѣпныя мѣстности являются глазамъ человѣка сквозь туманъ печали и раздумья. Человѣкъ новѣйшаго времени долженъ соединить въ себѣ достоинства всѣхъ предшествовавшихъ ему поколѣній; не отрѣкаясь отъ громаднхъ преимуществъ, доставленныхъ ему цивилизаціею, онъ не долженъ терять и свою древнюю силу и допускать, чтобы дикари превосходили его въ вѣрности, ловкости и знаніи чудесъ природы. Въ лучшія времена греческихъ республикъ, эллины, развивая грацію, силу и мужество, творили героевъ изъ своихъ дѣтей; пробуждая въ молодомъ поколѣніи достоинство, возвращая его къ природѣ и сообщая съ нею, новое общество можетъ оградиться отъ упадка обновленіемъ своей расы.

Румфордъ давно сказалъ: «въ природѣ всегда найдешь больше того, что ищешь». Ученый, рассматриваетъ ли онъ облака, камни, растенія или насѣкомыхъ, изучаетъ ли общіе законы земнаго шара, вездѣ и всегда открываетъ неожиданныя чудеса; для художника въ пейзажѣ за красивымъ ландшафтомъ вѣчный праздникъ ума и зрѣнія; промышленникъ, желающій пустить въ дѣло произведенія земли, не перестаетъ нахо-

дять новыя, неразработанныя богатства. Что же до простого человека, любящаго природу ради ея самой, онъ находитъ въ ней свою радость, свое утѣшеніе въ печали. Конечно, изгнанныи или неприютныя, живущіе и на родинѣ будто въ чужой странѣ даже среди прелестнѣйшей мѣстности, не перестаютъ чувствовать, что они одиноки, никѣмъ незнаемы, безъ друзей, и боль ихъ отчаянія всегда при нихъ; но и они, наконецъ, подчиняются нѣжному вліянію окружающаго; ихъ тяжелое горе понемногу переходитъ въ грусть, и ощущеніе, еще болѣе развитое печалью, позволяетъ имъ усвоить то, что земля даетъ изящнаго и прекраснаго: лучше, нежели многіе счастливыя, понимаютъ они шопотъ листьевъ, нѣныіе птицъ, журчанье источниковъ. Если природа утѣшаетъ и поддерживаетъ человека—чего съ вѣками не можетъ она сдѣлать для человѣчества? Безъ всякаго сомнѣнія, видъ широкыхъ пространствъ много развиваетъ достоинство горныхъ населеній, и непустое слово, что Альпы—ступени свободы.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

— — —
XX.

Клиномъ сошлось.

Надъ Петербургомъ висѣло прѣмзглое, сѣрое и какое-то отвлѣ-
ное утро: нельзя сказать, чтобы было холодно; напротивъ, съ
крышъ и пзъ дождевыхъ трубъ точилась капель; но въ воздухѣ
стояло что-то тяжело-сѣрое, моросащее, и съ моря дулъ порывами
тотъ гнилой вѣтеръ, который всегда приноситъ съ собою распу-
тцу и слякоть.

Этимъ утромъ начинался для Маши второй день ея бездомныхъ,
голодныхъ и холодныхъ скитаній; для Вересова онъ уже былъ
третьимъ.

Оба вышли изъ церкви Сѣмного Спаса, обогрѣтые гостеприим-
ной церковной печью, и съ паперти повернули одинъ направо,
друга налево, и затерялись въ хлопотливой утренней толпѣ. По-
чему тотъ и другая взяли такое направленіе, того и сами они не
могли-бъ опредѣлять: имъ, повчерашнему, было рѣшительно все
равно, куда ни идти — потому ни дѣла, ни задачи впереди не пред-
видѣлось.

Вересовъ пока еще былъ сытъ, и въ теченіе двухъ сутокъ ус-
нѣлъ уже какъ-то обтерпѣться въ своемъ положеніи; онъ и тол-
кался теперь межъ народа безъ злобы и боли, падѣваемыхъ вчера
ужасною и голодною мыслью о безвыходномъ положеніи. Онъ какъ-
то даже старался не думать о томъ, что предстантъ впереди — не
далѣе бабъ черезъ нѣсколько часовъ, когда опять стемнѣетъ надъ

городомъ, когда опять начнеть подмораживать къ ночи и снова вздумаетъ крутить и мутить въ желудкѣ проснувшійся голодь.

— Однако, что жь такъ-то шататься! надо же и дѣла какого поискать, рѣшилъ онъ послѣ часу бесплоднаго хожденья по улицамъ:—надо торопиться, а то... Господи! что если опять придетъ такой же голодь!... Надо торопиться, надо торопиться, пока до голода...

И онъ съ тоскливой озабоченностію оглядѣлся во всѣ стороны.—Откуда искать спасенія? кто выручить? кто дастъ работу?

Но день, какъ на зло, былъ праздничный, и работы по этому случаю не могло предстоять ни малѣйшей. Только по кабакамъ да харчевнямъ слышенъ былъ гамъ, да пѣсни, да крики.

Но вонъ на углу, у кабака, стоитъ толпа, человѣкъ до двадцати, поденщиковъ—носильщиковъ—больше все отставные солдаты.

«Нанимаютъ же ихъ кто-нибудь», помнслилъ Вересовъ: «пойду къ нимъ, постою вмѣстѣ—авось, и меня кто-нибудь найметъ».

Пошелъ и примазался къ маленько-подгулявшей кучкѣ, и сталъ между двухъ отставныхъ «гарнадеровъ». Тамъ шли свои разговоры и свои споры съ расчетами да пережорами; но это не помѣшало имъ однако вскорѣ обратить вниманіе на затесавшагося въ ихъ толпу пришлаго человѣка.

— Что, малый, надо-тъ? безцеремонно обратился къ нему близъ стоявшій высочій гарнадеръ.

Вересовъ нѣсколько смутился, но все-таки успѣлъ проговорить ему:

— Такъ... самъ по себѣ... А вы вѣрно носильщики?

— Мы-то?... Мы—носильщики. А что тебѣ?

— Да я вотъ тоже... хотѣлъ бы въ эту работу... Можетъ, найметъ кто-нибудь.

— Кого?... тебя-то? — Ха-ха!... Да нешто ты гошь въ эту работу? Силѣнка-то гдѣ?—Тебя вѣдь однимъ плевкомъ пополамъ перешибить—и готово! Куда тебѣ въ нашу работу!

— Нѣтъ, я могу, попытался-было отстоять себя Вересовъ.

— Ну, коли можешь, это твое дѣло; ищи себѣ.

— Я вотъ и постою.

— Ну, и стой, буде охота твоя такая. Стой хопъ до завтра—никто не найметъ.

— Отчего не найметъ?

— Отчего!... Первымъ дѣломъ оттого, что праздникъ; кто жь въ праздникъ нанимаютъ?

— А для чего же вы-то стоите?

— Мы-то? А мы дѣй-трово, что мы выпить пришли; мы ужь тутъ у эфтаго кабака завсѣгда и стоимъ; и какъ теиерь, значить, выпили, ну и галдимъ промежь себя; извѣстно—проклажаемся, потому празникъ. А второе дѣло, у насъ артель, и окромя артельныхъ никому постороннему эфтаге дѣла мы не уступимъ; а ты поди тѣгайся съ артелью, коли хошь! Супротивъ артели ничего не подѣлаешь.

— Ну, возьмите меня въ свою артель, предложилъ Вересовъ.

— А какой съ тебя прокъ артели? возразилъ кавалеръ:—силѣн-ки-то у тебя на грошъ, а самъ, гляди, проѣшь въ день на два пятака. Такъ что съ тебя толку? А ты — я тебѣ вотъ что скажу—ты коли хошь, ступай завтра на галанску биржу, да тамъ поинци — може и возьмутъ.

— Гдѣ взяты! возразилъ другой товарищъ: — тамъ вѣдь тоже дужой человѣкъ требуется, потому тамъ работа еще потяжелѣе нашей будетъ; опять же и то, найдетъ этга ихняго брата туда кажинное утро человѣкъ сотъ съ пять, а отберуть изъ нихъ въ работу два ста—а прочіе долой — *алѣ-марш!* такъ-то!... Вотъ ты и поди тутъ! А ты лучше другой какой работишки поискать бы, обратился онъ къ Вересову: — такой бы работишки, которая тебѣ поснаровѣстѣй была бы, чтобы силѣнку не нурить; вотъ примѣромъ бы, хошь по лакейской части. Видь-то вакой есть при себѣ, аль никакого неимѣтцы?

— Видь-то?... Вересовъ нѣсколько смутился: — видь-то... какъ же! Видь у меня есть!

— Покажь его, безцѣльно полюбопытствовалъ кавалеръ.

Вересовъ несовсѣмъ-то охотно вытащилъ изъ кармана билетъ, выданный ему слѣдователемъ при отпускѣ на поруки.

Кавалеръ развернулъ и по складамъ сталъ разбирать его.

— Эге, братъ! да это у тебя видь-то волчій! проговорилъ онъ, подозрительно оглядывая молодого человѣка: — а еще къ намъ въ артель просится! «работы хочу! мѣста вакого!» — Кто жъ тебя съ волчимъ-то видомъ на мѣсто возьметъ, аль въ работу какую?—Никакъ этого невозможно, потому сичасъ какъ на этотъ самый видъ посмотреть, такъ сразу и видить, что ты есть подозрительный человѣкъ. Ишь ты вѣдь гусь вакой! Изъ тюрьмы на поруки отпущенъ, а самъ мѣста ищетъ! И сичасъ вакинный хозяинъ опасаться тебя должонъ: почѣмъ я знаю, можетъ, ты меня обворуешь, аль еще чего хуще? — ну, и шабашъ, значить; прова-

ливай-себѣ съ богомъ! Нѣтъ, братъ, прибавилъ онъ рѣшительнымъ тономъ, возвращая Вересову его билетъ: — съ волчьимъ видомъ ни въ какую работу тебя не возьмутъ, окромя мазурничьей. Мазурить—вотъ это смѣло можешь; а что все прочее—ни-ни!

Грустно и понуро отошелъ отъ этой кучки Вересовъ. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ кавалера заключалась горькая правда, что и точно никто, въ простой предосторожности, не рѣшится взять къ себѣ на мѣсто человѣка, отлученнаго на время изъ тюрьмы по уголовному дѣлу. Поди, догадывай ему, что ты невиненъ, что самый отпущенъ на поруки удостовѣряетъ уже нѣсколько въ этомъ, что ты взятъ былъ по ложному обвиненію, по однимъ только подозрѣніямъ! — «Все это такъ, уклончиво скажетъ каждый нанпматель: — да все же безъ этого было бы спогоище какъ-то... а теперь все какъ будто сомнительно». И нанпматель по свѣдѣ, пожалуй, будетъ и правъ: тюрьма—плохая рекомендація человѣку. Стало быть, въ концѣ концовъ, что же остается, если ты не имѣлъ до тюрьмы прочной осѣдлости и хоть какой-нибудь, но все-таки прочной собственности и прочаго занятія?—Остаются только два исхода: либо великодушнo умирай съ голоду; либо, коли не желаешь смерти, то — волей-неволей — воруй, для поддержанія своего брвеннаго существованія. Это фактъ. И притомъ это фактъ, который весьма легко провѣрить и убѣдиться въ его безошадной справедливости. Загляните въ тюрьму, скажите, чтобы вамъ указали на нѣсколькихъ изъ арестантовъ, которые попадутся въ эту тюрьму не въ первый уже разъ (а такихъ очень и очень много), и затѣмъ узнавъ ихъ имена и номера дѣлъ, справьтесь въ мѣстахъ, гдѣ таковыя производятся—и вы послѣдовательно дойдете до первоначальнаго дѣла каждаго изъ этихъ подсудимыхъ. Но это процедура слишкомъ длинная. Возьмите путь кратчайшій: спросите у любого опытнаго слѣдователя и — ианъ въ первомъ, такъ и въ последнемъ случаѣ—вы получите отвѣтъ такого рода:

Человѣкъ честный, неспорченный, сдѣлалъ проступокъ, или по случайному стеченію обстоятельствъ, подозрѣвается въ проступкѣ, за который, въ томъ и другомъ случаѣ, ему отводится мѣсто въ заключеніи, въ тюрьмѣ.

Въ тюрьмѣ, или вообще гдѣ бы то ни было въ заключеніи, онъ видитъ извѣстное, по большей части довольно продолжительное время, въ самомъ неразборчивомъ сбродномъ обществѣ воровъ, мошенниковъ, пегодаевъ, такъ или иначе (иногда самымъ косвеннымъ и незамѣтнымъ образомъ) вліяющихъ на его нравственность.

Почему бы то ни было (какъ это часто у насъ случается) человекъ этотъ отпускается на поруки. Чаще всего онъ и самъ ищетъ этого, потому что въ тюрьмѣ не сладко сидѣть. При отпускѣ на поруки (а что такое наши причастные и притюремные поручители за три рубля—читатель уже знаетъ), ему выдается временное свидѣтельство, которое на специальномъ арготъ нашихъ мошенниковъ называется *волчьимъ видомъ*. Наименованіе весьма меткое, весьма характерное.—*Волчий!*—Да, дѣйствительно это волчий видъ, и человекъ, его имѣющій, по всей справедливости, уподобляется волку. Его опасаются, его подозрѣваютъ, ему нѣтъ мѣста ни въ одной честной артели, ему нѣтъ работы ни у одного напимателя, ни у одного хозяина, потому что онъ — человекъ неизвѣстный; — богъ его знаетъ, какой такой онъ человекъ, а временный билетъ служить ему крайне сомнительной рекомендаціей. И вотъ, каждый начинаетъ подозрительно озираться на него, какъ на хищнаго волка, и какъ хищнаго же волка его гонять отъ стада, гдѣ нѣтъ ему мѣста. А желудокъ, межъ тѣмъ, предъявляетъ свои законныя требованія — и вслѣдствіе такого обстоятельства, человекъ отъ голоду еще того пуще уподобляется волку. Ну, волкъ, такъ волкъ! что жъ ему остается?

Либо повѣстаться, утопиться, буде онъ человекъ съ твердымъ закаломъ честной нравственности.

Либо поступить поволчьи: украсть, похитить, зарѣзать агненка своими волчьими зубами.

Его: или умри, не существуя, или дѣлайся преступникомъ.

Чаще всего онъ и дѣлается послѣднимъ и, какъ быть надо, опять попадаетъ въ тюрьму. И вотъ, такимъ образомъ, попадая въ нее впервые (иногда только случайно), честнымъ неиспорченнымъ человекомъ, со всѣми данными полезнаго для общества члена, онъ вторично попадаетъ въ нее уже созпательнымъ *преступникомъ по нуждѣ, по необходимости*, а изъ этого вторичнаго заключенія уже выходитъ совсѣмъ готовымъ, вполне сформированнымъ кандидатомъ на Владимирскую дорогу, въ сибирскую каторгу. Тюрьма выработала изъ него негодяя — честный человекъ, полезный членъ общества погибъ въ немъ навсегда и безвозвратно.

Этотъ неотразимый и несчетно-повторяющійся фактъ составляетъ главную болячку нашихъ заключеній, нравственно умерщвляющихъ человека и служащихъ, по нашимъ большимъ, промышленнымъ городамъ, однимъ изъ средствъ, способствующихъ развитію пролетаріата и преступленія.

Результаты оказываются слишком горестными, слишком несомненно ущербными обществу, для того, чтобы можно было оставить их без самого горячего внимания и без радикальной помощи. Никакие паліативы не помогут этому злу.

XXI.

Опять надъ прорувью.

Маша пробиралась по тротуару Сѣвной площади, позади торговыхъ навѣсовъ. Тутъ уже начиналъ скучиваться праздничный людъ-гуленъ. Отставной инвалидъ, у дверей кабака, продавалъ на грошъ и на копейку картузики нюхального зеленчуку, приговаривая каждый разъ при этомъ съ малороссійскимъ отгѣнкомъ: «купить, господа! добра табака! хранцузска, подъ названьемъ «самъ-панъ-тре!» А подлѣ инвалида разсѣлась на своемъ товарѣ баба-картофельница: вывезла она сюда дѣтскую тележку, нагруженную двумя чугунками съ варенымъ картофелемъ, и сидитъ на этихъ чугункахъ, то и дѣло выкрикая пронзительнымъ голосишкой: «теплаго товару, господа! картошки варѣнной, съ подъ себя, съ подъ себя, господа! Теплая!» А за нею, дажѣ, въ разноголосомъ говорѣ прибывающихъ кучекъ дребезжитъ козломъ речитативъ пирожника. Тутъ же нѣсколько подпольныхъ обитателей успѣли уже и иного рода торгъ завести: продаютъ они «съ рукъ» одинъ жилетку, другой штаны, третій сапожонки, и продаютъ ихъ «за сухую бездѣлицу, ради праздника, лишь бы только на выпивку хватило». Вотъ появилась своего рода ходячая рулетка, известная подъ именемъ фортуны, а дажѣ составилса стоячій кружокъ, съ цѣлью переметнуться въ орлянку. И всѣ эти праздничные гулены стоятъ тутъ, въ нѣкоторомъ родѣ сибаритствуя; глазбютъ себѣ на народъ самымъ безучастнымъ, равнодушнымъ образомъ, да галдятъ промежъ себя свои разговоры. Но нельзя сказать, чтобы между этими группами особенно кидался въ глаза яркіе цвѣта праздничныхъ нарядовъ; главный колоритъ ихъ составляетъ все-таки пестрящая сѣрота лохмотьевъ и грязь убожества, потому что сюда, на эту закрытую торговыми навѣсами площадку, повисыналь по преимуществу безпардонный людъ Вяземской лавры да Дербертьевского дома—высыпалъ справить, какъ ни на есть, утро своего праздника, передъ Полторацкимъ кабакомъ, то-есть постоять, поглазбѣть, погалдитъ да выпить малую толику на послѣдній грошъ — «чтобы попусту въ карманѣ не залѣживался».

Маша проходила по тротуару мимо этихъ грунть, и вдругъ глаза ея случайно упали на вывѣску, прибитую надъ спускомъ въ подвальный этажъ, гдѣ она прочла слова: «сесная лавка». — Это былъ одинъ изъ перекусочныхъ подваловъ, съ которыми мы уже знакомили однажды читателя.

«Тутъ вѣрно дешево», подумала Маша, вспомнивъ при этомъ о послѣднемъ оставшемся у нея пятакѣ: «когда захочется поѣсть, надо будетъ сюда зайти. Только... что-то будетъ завтра, если сегодня все заразъ проѣшь?»

Но это *застра*, въ данную минуту, почему-то не представилось ей поражающее всѣмъ своимъ ужасомъ. Маша, сама себѣ не давая вѣрнаго отчета, казалось, какъ будто чего-то ждала, чего-то надѣялась, думала въ чемъ-то найти исходъ. Но это именно было одно лишь *что-то*, какая-то смутная, безпричинная и безразличная надежда, которая мгновеньями можетъ закрадываться въ человѣка, въ то время, какъ онъ успѣлъ кое-какъ обогрѣться и насытиться. Эта надежда, въ подобныхъ случаяхъ, есть слѣдствіе чисто-физиологическихъ причинъ: организмъ успѣлъ удовлетворить своимъ законнымъ, жизненнымъ требованіямъ — человѣку и кажется мѣръ не въ столь мрачномъ свѣтѣ, хочется думать, будто еще можно жить. Но еслибы Маша захотѣла строго задать себѣ вопросъ: какое именно это *что-то*, отъ котораго она ждетъ исхода? — богъ-вѣсть, можетъ быть, она съ послѣдней ступени отчаянія тутъ же рѣшилась бы размозжить себѣ голову о первый попавшійся камень.

Но... жизнь, или судьба подсовываетъ человѣку такіе, задаваемые имъ самому себѣ вопросы не тогда, какъ онъ сколько нибудь сытъ и обогрѣтъ, а именно въ тѣ роковыя минуты, когда онъ голоденъ и безысходенъ.

Нѣчего пересказывать, во всей подробности, какъ провела Маша второй день своего скитальчества. Грѣться она заходила въ пассажъ, отдыхать отъ ходьбы — въ католическую церковь, гдѣ можно спокойно сѣсть на любую изъ скамеекъ, стоящихъ двумя длинными рядами.

Часовъ около восьми вечера она почувствовала голодь, опукала свой пятакъ — и вспомнила про перекусочный подвалъ, замѣченный ею на Сѣнной площади.

Молодая дѣвушка туда и отправилась.

— Барышня!... Вы куда-то изволите?... Можетъ, намъ по пути... Позвольте проводить! съ наскоку охвативъ ее на Навскомъ какой-

то франтъ, прикащичьей наружности, подлетая къ ней съ боку и весь изогнувшись ходячимъ фертомъ.

Первымъ движеніемъ дѣвушки была испугъ. Она вздрогнула отъ таковой неожиданности.

— Что же вы молчите-съ? Али язва своего лишились? позволите-съ къ вамъ съ нашимъ почтеніемъ! продолжать, между тѣмъ, ходячій фертъ.

«Вотъ онъ путь!» мгновенно мелькнуло въ головѣ Маши: «и легко, и выгодно... Легко?... Нѣтъ! боже меня избави!»

И она съ ужасомъ быстро метнулась въ сторону отъ обязательнаго франта.

Изъ незатворенной двери перекусочнаго подвала валилъ на улицу паръ, которымъ густо была пропитана атмосфера этой берлоги, вслѣдствіе духоты и дыханія многихъ людей, разноголосій говоръ которыхъ гулко вырывался оттуда вмѣстѣ съ клубами пара.

Маша спустилась по скользкой лѣсенкѣ и въ нерѣшительности остановилась въ дверяхъ: ей сразу же кинулась въ глаза мрачно закоптѣлая внутренность этого подполья подъ каменными сводами, озареннаго, вмѣсто свѣчей, яркимъ пламенемъ топящейся русской печи — внутренность, наполненная какимъ-то народомъ, который скучился тамъ въ различныхъ группахъ, отличавшихся своими ломотьями и убожествомъ. Маша хотѣла ужь было податься назадъ, чтобы уйти отъ этого зрѣлища, невольно наводившаго на нея робость, но запахъ жареной трески подстрекнулъ ее голодъ, а въ это время позади ее раздался сильный, гортанный женскій голосъ и чья-то рука безцеремонно подала впередъ ее плечо.

— Проходи, что ли, врэла! Чего въ дверяхъ-то фуфыришься!

Маша ступила въ подвалъ и, обернувшись на толкнувшую ее женщину, увидѣла за собою высокую безобразную старуху, которая прошла мимо и сѣла къ одному столику, гдѣ еще оставалось два незанятыхъ мѣста.

Голодъ заставилъ молодую дѣвушку послѣдовать ея примѣру, и она успѣшила занять подлѣ нея послѣднее пространство скамейки, оставшееся свободнымъ.

Старуха закопошилась въ карманъ и высыпала на столъ нѣсколько копеекъ.

— На полторы копейки шей, заборметала она вслухъ сама съ собою, откладывая на ладонь мѣдьяки: — на полторы, стало быть;

щей... или гороху?... Горохъ сытнѣе... да на полторы хлѣба... стало быть, три копейки... да три на ночлегъ... Вотъ тебѣ и всѣ шесть... А больше и нѣту! прибавила она, какъ-то странно улыбаясь и взглянувъ на Машу, словно относила свою рѣчь не то къ ней, не то бы просто на воздухъ.

Но бросивъ на дѣвушку этотъ случайный взглядъ, она вдругъ какъ-то чутко насторожила голову и со взглядчивымъ вниманіемъ замедлила на ея лицѣ свои взоры.

Можно бы было подумать, что это лицо напомнило ей что либо знакомое своими мягкими чертами.

Маша сидѣла, подперши рукою голову, и ничего не замѣчала.

— Покарауль-ка, милая, мое мѣсто, снова дотронулась до нея старуха: — я пойду пока принесу себѣ поѣсть, а то и не угладишь, какъ займутъ — придется стоя...

Маша, не глядя на нее, согласилась кивкомъ головы, а старуха, удаляясь, опять оглядѣла ее довольно пристальнымъ взглядомъ. — Какъ будто что-то смутно-знакомое напомнили ей черты Маши, и эти черты словно бы тянули къ себѣ ея сердце чѣмъ-то теплымъ, любовнымъ и какъ-бы родственнымъ, такъ что старуха съ перваго взгляда почувствовала нѣчто въ родѣ инстинктивной симпатіи къ этой дѣвушкѣ. Ей хотѣлось глядѣть на нее, заговорить съ нею, чтобы глядячи, воскрешать передъ собою какой-то знакомый образъ былаго...

— Ты тоже ѣсть пришла? спросила она ее, снова усѣвшись на мѣсто съ принесенной краюхой хлѣба и грязной посудиною какаго-то мутнаго варева.

Та подтвердила ея вопросъ.

— Такъ чего жъ ты ждешь? возразила сосѣдка: — здѣсь вѣдь не трактиръ — не подадутъ. Здѣсь самому надо склопотать себѣ.

— Да я не знаю, какъ это тутъ... у кого спросить — не разберешь ничего.

— А вонъ у повара, у кочегара-то этого... у него и спрашивай. Ты вѣрно впервые еще?

— Да, я въ первый разъ...

— То-то и видно... Хочешь, пожалуй, я тебѣ добуду? предложила старуха: — давай деньги — я схожу.

— Э, да ты на цѣлый пятакъ! улыбнулась она, когда Маша подала ей монету: — хочешь такъ: похлебаемъ вмѣстѣ моей лапши, а я на три копейки возьму порцію трески да на двѣ хлѣба — и тоже давай вмѣстѣ ѣсть?

Дѣвушка согласилась и побратски раздѣлила убогую трапезу съ трупобной паріей. Но одинъ только сильный голодъ заставлялъ ее глотать эти сѣдди. Мутная лапша отсымалась какимъ-то щелочкомъ и мыльною водою, а отъ немытой трески шибко отдавало ей одной свойственнымъ запахамъ. Что же касается до старухи, то та ѣла съ видимымъ аппетитомъ: для нея эти яства давнымъ давно ужъ стали дѣломъ совсѣмъ привычнымъ.

Обѣ онѣ уже доѣдали остатки своей трески, когда къ старухѣ каракатицей подошла низенькая, очень бѣлобрысая и очень рябая женщина, тоже довольно преклонныхъ лѣтъ, и остановилась передъ ней, съ пьяноватымъ ухарствомъ избоченясь своею красной, морщинистой рукою.

— Ты что, Чуха, въ Таировъ* теперь, али на приппехтъ? спросила подошедшая у Машинной сосѣдки.

— Не знаю, раздумчиво отвѣтила эта.

— А я на Фонталуку... удить пойду... можетъ, и наклюнется какой-нибудь карасикъ. Пойдемъ-ка? — веселѣе вмѣстѣ.

— Н... не знаю, раздумчиво повторила Чуха.

— Чего «не знаю!» али копеейкой лишней заручилась?

— Какая ужъ тамъ копейка! Только на ночлегъ и осталось, а то все проѣдено.

— Ну, вотъ то-то и есть! Пойдемъ, говорю!

— Пожалуй, нехотя согласилась старуха: — только-чуръ! — ты нынче къ мосту ступай, а я по набережной около Вяземскаго.

— Ишь ты, выбираетъ тоже, гдѣ газу нѣтъ, чтобы потемнѣе было!... Небось, рыло-то все-таки разглядать... Ну, да ладно, будь хоть по твоему! махнула въ заключеніе бѣлобрысая и за руку вытащила изъ-за стола свою товарку.

— Прощай, милая; спасибо тебѣ! привѣтливо поклонилась Машѣ старуха, увлекаемая свою подругой.

Этотъ мимолетный разговоръ двухъ парій произвелъ на дѣвушку какое-то странное, дикое впечатлѣніе. О чемъ онѣ сговаривались — она не могла дать себѣ яснаго и полнаго отчета, только чула въ ихъ намѣреніяхъ что-то нехорошее, неестественное, вынуждаемое тяжкимъ гнетомъ всепоглощающей нужды и лихой привычки. Ей стало безотчетно тяжело отъ этой мысли — тяжело за жизнь, за

---

* Таировскій переулокъ, гдѣ находится весьма знаменитый въ трупобномъ мѣрѣ домъ Дероберта, почти сплошь населенный подобными паріями женскаго пола.

людей, за этихъ двухъ жалкихъ женщинъ, такъ что она поспѣшила поскорѣй выбраться на свѣжій воздухъ изъ удушливой атмосферы перелусочнаго подвала, и когда заворачивала на Обуховскій проспектъ, то замѣтила на углу, у Полторацкаго кабака, тѣмъ самымъ двухъ женщинъ, переговаривавшихъ съ какимъ-то лохмотникомъ.

Невольное внутреннее движеніе заставило Машу отвернуться отъ этой группы; но та старуха, которую звали Чухой, при свѣтѣ газоваго рожка, замѣтила прошедшую мимо дѣвушку и, черезъ нѣскольکو времени, тихонько побрела вслѣдъ за нею, пока не догнала ее подруга, переругнувшись напоследокъ со встрѣчнымъ лохмотникомъ.

Былъ десятый часъ вначалѣ и ночь сгустилась надъ городомъ такая же, каковъ былъ и разсвѣтъ: оттепель и слякоть. Но это не печалило Машу—напротивъ, она была скорѣе довольна, потому—все-таки ночь пройдетъ теплѣе для тѣла, плохо прикрытаго бурнусикомъ: меньше знобить и донимать станетъ ночной холодъ. Она держала теперь путь ко вчерашнему своему ночлегу, къ той пустой баркѣ, гдѣ надѣялась встрѣтить опять неизвѣстнаго, но породнившася въ общей долѣ сотоварища.

Робко озираючись, спустилась она на ледъ и несмѣлою рукою взялась за скрыпучую дверку барочной каюты. Но изнутри, едва былъ переступленъ порогъ, раздалось такое рѣшительное и злобное рычанье щеной суки, что войти туда, или даже оставаться въ дверяхъ становилось весьма небезопаснымъ. Сегодня собака была гораздо голоднѣе, и потому гораздо злѣе вчерашняго. Она уже поднялась съ мѣста, и рыча и ослабѣя, выжидала только удобный мигъ, чтобы со всею злостью голодной матки кинуться на возмутителя покоя своего логовища.

Маша не рискнула остаться, и поспѣшно притворивъ дверь, начала прислушиваться за нею—не слышать ли въ каютѣ присутствія ея вчерашняго соночлежника; она даже раза два слабо окликнула: есть ли кто въ баркѣ?—Но на этотъ окликъ не послѣдовало никакого отвѣта, кромѣ тревожно-сердитаго рычанья. Ясно, что товарища нѣтъ, что онъ еще не возвращался. Чтò же дѣлать? Войти туда, чтò ли? Собака бросится. И добро бы, загрызла на смерть, а то вѣдь нѣтъ: искусаеть только да послѣднее платьишко изорветъ—значить, входитъ всекъму, неравасчетъ. Ждать его?—Да гдѣ станешь ждать-то? Опять шататься по улицамъ?—Нѣтъ, ужъ будетъ шататься! Усталость беретъ свое. Надо присѣсть гдѣ нибудь. И Маша опустилась на обрубокъ барочнаго ребра, сторонясь кое-

какъ отъ шпровихъ лужь, которыя повсюду въ изобиліи распустила полусуточная оттепель.

И въ эту минуту горьче и спльнѣе, чѣмъ когда либо, охватило ее мутящее отчаяніе. «Сегодня такъ, и завтра такъ... и все-то, все-то это будетъ одно и то же!... Нѣтъ, пора кончить! рѣшительно пора!» съ минутной твердостью и рѣшимостью помыслила Маша, быстро поднявшись съ обрубка и направилась въ тому мѣсту, гдѣ торчали двѣ ёлочки.

И вотъ, по вчерашнему, у ногъ ея зловѣще зачернѣлся темный кружокъ проруби — и по вчерашнему неволью скользнула въ умъ мысль: «а грѣхъ?... самоубійство...»

— Нѣтъ! Это вздоръ!... Нечего обманывать себя! Нечего трусить! почти въ полный голосъ произнесла она съ нервнымъ движеніемъ, словно бы хотѣла страхнуть съ себя непрощенную мысль, о грѣховности предстоящаго послѣдняго шага: — грѣхъ!... Что же мнѣ дѣлать! что дѣлать мнѣ больше? — Господи! научи меня! Господи, прости ты меня! Прости мнѣ это самоубійство!

И она съ истерическимъ глухимъ рыданіемъ упала на колѣни у самаго края проруби, судорожно и вѣрно сложивъ свои руки, устремля отчаянно-молящія взоры въ непроницаемую глубь чорнаго и полнаго морозящей изморози петербургскаго неба.

Въ эту минуту она уже твердо рѣшилась утопиться, и только молилась о прощеніи своего грѣха безумно-горячею, послѣднею молитвой.

Молитва кончена. Дѣвушка неторопливо, но твердо поднялась съ колѣнъ и поглядѣла вдаль съ тѣмъ холоднымъ спокойствіемъ, которое въ ту минуту служило полнымъ выраженіемъ ея непреклонной рѣшимости. Этимъ долгимъ, острымъ и спокойнымъ взглядомъ вдаль, казалось, будто хотѣла она распротиться навѣки съ покидаемымъ міромъ, съ этимъ суровымъ городомъ, который когда-то давалъ ей столько тихихъ, безматехныхъ радостей и потому сразу разбилъ ея существованіе. Въ душѣ ея не было ни злобы, ни ненависти, ей даже некого было прощать, и некому послать послѣднее проклятіе — потому что она умѣла только любить, и не умѣла и не могла ненавидѣть. На ея долю въ послѣдніи мгновенья осталась только горячая молитва за свою бѣдную, разбитую и одиноко-погибающую душу.

— Ну, прощай Маша! сказала она сама себѣ, вдохнувъ изъ глубины души какимъ-то легкимъ и отраднымъ вздохомъ: — Боже

мой, прости меня, безумную, прости меня!... Прощай, Маша!... Пора!... Господи благослови!

Нога ея уже скользнула въ воду, какъ вдругъ чья-то посторонняя рука съ силой отбросила ее въ сторону.

Маша испуганно окрикнула и остановилась въ неподвижномъ изумленіи.

Передъ нею стояла Чуха.

Но какъ все это произошло, и что такое съ нею случилось, и кто стоялъ теперь противъ нея — дѣвушка не могла еще дать себѣ отчета: она не успѣла придти въ себя и ровно ничего не понимала.

Старуха подошла къ ней и кротко взяла ее за руку.

— Бѣдная ты моя, бѣдная!... Что это ты задумала!... Опомнись! съ тихой и кроткой укоривной заговорила она: — Господи! минутой бы позже... не подоспѣй я — и все бы было кончено.

— Оставь!... Пусти меня! нервно выдернула Маша свою руку: — чего тебѣ отъ меня надо?...

— Не пущу! рѣшительно возразила женщина, поспѣшно и съ силой ухвативъ ее снова за руку: — не пущу!... Опомнись, что ты это дѣлаешь?

— Уйди, говорю, отсюда! настойчиво и рѣзко сдвинула Маша брови: — что тебѣ за дѣло до меня? Вѣдь ты не знаешь меня? Вѣдь ты чужая мнѣ! Кто тебя просить мѣшаться?!

— Кто?... Богъ и совѣсть, строго проговорила старуха, глядя ей прямо въ глаза: — ты хотѣла топить... Я видѣла... я слѣдила... я все видѣла... Я не пущу тебя, а если станешь вырываться — буду кричать, позову на помощь...

Маша поняла ошчательную невозможность исполнить въ эту минуту свое намѣреніе, и въ бессильномъ отчаяніи, нѣмая и убитая, тихо опустила голову и руки.

Старуха отвела ее въ сторону, подальше отъ проруби.

— У тебя горе... большое горе, прошептала она съ теплымъ участіемъ.

— И горе, и отчаяніе — дѣваться больше некуда! не глядя на нее, молвила Маша — и изъ глазъ ея медленно полились тихія, глубокія слезы. И эти слезы были вѣстникомъ благодатнаго нравственнаго перелома: она внезапно встрѣтила сочувствіе и участіе тамъ, гдѣ уже ничего больше не надѣялась встрѣтить.

— Эхъ, милая! глубоко вздохнула старуха: — кабы люди съ горя все топились да рѣзались, такъ и половинимъ людей не жило бы на свѣтѣ.

.. Маша, безъ отвѣта на эти слова, стояла сложившись къ плечу своей спасительницы и все плакала тѣми же тихими, благодатными слезами.

— Да! вотъ такъ-то и я когда-то, грустно зажавъ головою, продолжала старуха: — и я когда-то тоже стояла надъ водою. Да ничего: обтерпѣлась, обкоптѣлась (въ голосѣ ея дрогнула тонкая, горько-проническая струнка)—и живу-себѣ до сихъ поръ, какъ видишь. Оно только сначала, съ непривычки кажется, будто в невѣсть-какъ страшно... А потомъ ничего—можно!... Живутъ же люди. Ты думаешь, только и горя что у одной тебя? — Нѣтъ, милая, много есть горя у блага свѣта... всякаго горя—не одно твое!—да живемъ вотъ, пока смерти не взяла...

.. Маша слушала эти тихія, исполненные теплоты и грустной, застенно-горькой прони рѣчи, въ звукѣ которыхъ ей слышались сердечность и участіе къ ней, къ постороннему, одинокому существу—и эта искренняя теплота невольно сказала ея сердцу, что не все еще клиномъ сошло въ этой жизни, что какъ бы то ни было, а еще можно жить на свѣтѣ, пока Богъ самъ не дастъ тебѣ желанной смерти — и на ея вѣрующую, религіозную и впечатлительную натуру повѣяло ужасомъ отъ мысли, что она, вопреки высшей судьбы, задумала своевольно покончить съ собственной жизнью. Бѣдную дѣвушку проналъ лихорадочный трепетъ.

— Холодно тебѣ? — Пойдемъ, обогрѣю! какъ-то вдругъ повеселѣвъ, участливо предложила Чуха, беря ее подъ руку.

— Куда? отозвалась Маша.

— Да ужь молчи. — Въ теплое мѣсто сведу. Тамъ хоть и очень скверно, съ непривычки — да все жь таки люди; а мнѣ лишь бы отсюда-то увести тебя поскорѣе.

— Ну, видно и въ самомъ дѣлѣ не судьба мнѣ еще умирать! Да будетъ его святая воля!... Пойдемъ!... Веди меня куда хочешь! рѣшительно и просто сказала Маша, съ тихимъ вздохомъ, въ которомъ вылилась вся ея кроткая, голубиная покорность своей судьбы и той волѣ, которая такъ неожиданно удержала ее отъ насильственной и страшной смерти.

XXII.

Малынинъ.

На Сѣиной площади, позади гауптвахты, между Коннымъ и Спасскимъ переулками, есть домъ подъ № 3. На видъ онъ доста-

точно старъ, и построень если не въ прошломъ столѣтїи, то никакъ не поздне первыхъ годовъ настоящаго. Трехэтажный корпусъ его въ восемь оконъ по фасаду, съ высокой почернѣлой крышей, на которой, словно три удивленные глаза, торчатъ три слуховныя окна, имѣеть довольно первобытный и весьма неуклюжїй видъ. Между этимъ и сосѣднимъ домомъ идетъ родъ маленькаго глухого переулочка, который выводитъ къ воротамъ обоихъ домовъ: однѣ лѣвѣе, другїя прямо. Если вы воздете въ тѣ, что лѣвѣе — вашему взору предстанетъ грязный дворъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженный каменными флигелями, по всѣмъ этажамъ которыхъ, съ наружной стороны, подѣланы сплошныя галлерейки, называемыя въ петербургскомъ просторѣчїи «галдарейки»*. Эти «галдарейки» являютъ собою необыкновенное удобство сообщенїя по всему дому, изъ любого пункта котораго, вы, съ помощїю «галдарейки», тотчасъ же проберетесь въ любой этажъ, въ любую квартиру, и выберетесь куда вамъ угодно. Такимъ образомъ, эти оригинальныя пути сообщенїя придавали всему дому какой-то сквозной характеръ, какъ нельзя удобнѣе приуроченный къ открытїю всяческихъ темныхъ дѣлъ и темныхъ личностей. Казенно-желтая наружность этого дома вдоволь понатерпѣлась отъ петербургскихъ дождей и лѣтней пыли, такъ что приняла наконецъ грязно-сѣрый цвѣтъ и украсилась огромными пятнами сырости, съвозъ отлупившюся штукатурку которыхъ проглядывали промозгле бурне кирпичи. Такая наружность, при неуклюжести общей постройки, съ этимъ грязнѣйшимъ изъ грязнѣйшихъ, узенькимъ, глухимъ переулочкомъ, придавала всему зданїю какой-то неприятный, тяжелый и мрачный характеръ. Оно такъ и смотрѣло подозрительнымъ притономъ. Мутныя, грязныя стекла давнымъ давно подернулись сизовато-радужнымъ налетомъ, и по крайней-мѣрѣ одна треть этихъ оконныхъ стеколъ были повышиблены, нныя прикрыты доской, нныя заткнуты грязной подушкой или какимъ-то тряпьемъ, нныя залѣплены бумагой, или, наконецъ, просто предоставляли свободный протокъ уличному воздуху въ душныя сѣренькїя квартиры.

Этотъ самый домъ и есть знаменитый *Маминникъ*.

* Въ настоящее время уничтожены, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ мѣстной полицїи и комитета общественнаго здравїя, и вообще весь домъ съ 1864 года наружно нѣсколько реставрировался, но внутренняя сущность во многомъ еще осталась почти та же самая. Мы описываемъ весьма недавнее прошлое, которое, во многихъ чертахъ и подробностяхъ своихъ, едва-ли даже перестало быть настоящимъ; по крайней-мѣрѣ, значенїе этого дома для темнаго трудолюбиваго люда остается неизмѣнно все тѣмъ же.

Подъ спеціальнымъ именемъ Малинника оны известены всей Сынной площади съ мѣстами огрестъ-лежащими, и всему Петербургу, имѣющему хотя нѣкоторое понятіе о своихъ петербургскихъ трущобахъ. Малинникъ — это есть его главное, общее названіе, что, однакоже, не мѣшаетъ ему носить еще и другое, частное, но несравненно менѣе распространенное имя *Садкѣ*.

Почему же домъ этотъ называется Малинникъ, или Садкѣ?

И то и другое имя дано въ проищескомъ смыслѣ и представляетъ собою необыкновенно меткое характеристичное произведеніе мѣстнаго, чисто-народнаго юмора. Нижний этажъ этого дома занятъ мелочной лавкой, двумя кабаками, и — конечно — кабакомъ. Въ этомъ кабацкѣ за стойкою помѣщалась одна особа — распорядительница, известная подъ кличкой «ея превосходительства» или «маральской дочки» — и она, дѣйствительно, была законная генеральская дочь, въ концѣ концовъ предпочедная всѣмъ благамъ міра сего теплое мѣсто за кабацкою стойкой. Средній этажъ фасаднаго наружнаго флигеля сплошь занятъ трактирнымъ заведеніемъ, надъ вышнимъ входомъ коего виситъ почернѣлая вывѣска съ надписью, законнически-гласящею: «заведеніе».

Однажды я полюбозытствовалъ узнать у одного своего трущобнаго пріятеля, почему этотъ трактиръ не имѣетъ какого-нибудь особеннаго имени, въ родѣ Сидона, Полтавы, Китая, а по вывѣскѣ змаетуется себя просто заведеніемъ? (Неофициально оны, наравнѣ съ цѣлымъ домою, носятъ названіе Малинника).

— Да на что ему еще имя? отвѣтствовалъ пріятель: — ему окромя только какъ «заведеніе» никакого инаго имени и вѣнужно, потому какъ ежели заведешь туда подходящаго гостя, такъ ужь самъ себя оны не выведетъ.

И я вполнѣ согласился съ конечной основательностью этого, нѣсколько каламбурнаго замѣчанія.

Верхній этажъ надъ трактиромъ, и три остальные надворные флигеля — все это раздѣленное на четырнадцать ивартиръ, занято тринадцатью притонами самаго мрачнаго, ужасающаго разврата. Смердь, удушливыя прѣлость, отсутствіе свѣта и убійственная сырость наполняютъ эти норы, особенно же одну изъ нихъ, расположенную въ темномъ углу двора, въ подвалѣ, подъ низкими почернѣлыми сводами; зеленая плесень, бурные грибы и водянистые потѣни, повсѣдному, препятствуютъ всякой возможности жить человѣку въ этой норѣ, а между тѣмъ, въ ней по ночамъ гнѣздится не одинъ десятокъ бродячаго народу, который заводитъ сюда раз-

вратъ и непродынное пьянство. И каждая изъ подобныхъ норъ непременно вмѣщаетъ въ себѣ еще по нѣсколькѣ закоулочныхъ каморокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкими деревянными перегородками. Убогая кровать или двѣ доски, положенныя на двѣ бревенчатыя плахи и кое-какъ прикрытыя грязнымъ лохмотьемъ, составляютъ всю мебель этихъ каморокъ, изъ коихъ каждая занимаетъ не болѣе двухъ, или двухъ съ половиною аршинъ пространства, и каждая при этомъ оплачивается непременно семью рублями мѣсячной платы. Тутъ уже царствуетъ полнѣйшая темнота, подъ покровомъ которой кроется грязь и міриады всяческихъ насѣкомыхъ. Случись въ этомъ домѣ пожаръ — весь Малинникъ въ нѣсколько мгновений сдѣлается вѣрнѣйшею жертвою самаго ужаснаго пламени. Тутъ уже едва-ли что спасется, потому что это множество долгостоялыхъ и сохшихся деревянныхъ клѣтушекъ представляютъ самый удобный матеріалъ для огня, который живо пойдетъ катать изъ одной темной и грязной квартирки во всѣ остальные. Гниль и промозглость давнымъ-давно ужъ проѣли стѣны и балки Малинника, такъ что въ 1864 году въ домѣ этомъ произошелъ случай траги-комическаго свойства. Въ одной изъ заднихъ комнатъ малиннинскаго трактира шелъ неистовый топотъ и плясъ, какъ вдругъ полъ этой комнаты рушится и проваливается прямо въ обиталище кабацкой генеральши. По счастью, ни ея превосходительства, ни кого-либо изъ постороннихъ, на тотъ часъ не было въ жильѣ, которому предсталъ сей неожиданный сюрпризъ, и все дѣло окончилось только нѣсколькими паденьями да ушибами. И вотъ въ этихъ-то норахъ и деревянныхъ клѣтушкахъ гнѣздятся отъ восьми-десяти-девяти до сотни самыхъ жалкихъ, отверженныхъ существъ, отдавшихъ убійственному разврату. Эти-то притоны съ населяющими ихъ паріями и послужили причиной тому, что весь домъ, невѣсть еще съ коихъ норъ, названъ Садкомъ или Малинникомъ.

По узенькому, вонючему переулочку, въ темнотѣ, пробирались вдоль стѣнки двѣ женщины. Одна была Чуха, другая — Маша. У подворотной калитки воссѣдалъ дворникъ, завернутый въ очень хорошій бараній тулупъ, и остановилъ двухъ новыхъ пришеллецъ.

— Куда вамъ? освѣдомился онъ безъ особенной мягкости.

— Тутъ вотъ... въ трактиръ... къ дѣвушкѣ къ одной... къ знакомой, отвѣтила старуха.

— Вы бродячія?

— Вродячія...

— Давай за впускъ!

— Да нѣтъ ничего... послѣ отдамъ... И за себя и за нее отдамъ... Повѣрь! — не первый же день мнѣ съ тобой водиться, убѣждала женщина.

Дворникъ взглянулъ въ ея фізіономію.

— Э-э! да это ты, братъ, Чуха!... Сразу-то въ потьмахъ и не призналъ... Только все же за входъ-то съ обѣихъ хоть семитку подай — безъ того нельзя.

— Что жъ ты чортъ! Ты съ гостей, съ мужчинъ бери сламу, а съ нашей сестры грѣшно; намъ откуда взять!

— Я и съ бродячихъ нонѣ беру. Безъ того впуску нѣтъ; а съ гостей не канька, а по трѣшкѣ да по пискалицу*.

— Ну, повѣрь въ долгъ, дьяволъ! Отдамъ, какъ выручу.

— Въ долгъ?... развѣ ужъ по знакомству, для Чухи за грѣхъ! Только гляди: буде не отдашь семитки за двухъ — не приходи въ другорядъ: шею навостыляю!

И дворникъ растворилъ имъ кадитку.

— Вотъ мѣсто-то! выгоднѣй чиновничьяго! обратилась Чуха къ своей спутницѣ, вступая въ низкую и совсѣмъ темную подворотню: — это онъ по вечерамъ да по ночамъ съ вѣждаго входящаго беретъ, потому такой ужъ у здѣшнихъ дворниковъ порядокъ. У него въ банкѣ, говорятъ, за десять тысячъ лежитъ — за выходъ только старому дворнику тысячу заплатилъ, чтобы поцать на его мѣсто. А сборы-то вѣдь все только по грошамъ!

Во всѣхъ окнахъ этого двора свѣтился огонь; во многихъ изъ нихъ мелькали человѣческіе облики, и доносился сверху какой-то смѣшанный гулъ, разобрать и опредѣлить который было весьма затруднительно.

Спутницы поднялись по темной, отвратительной лѣстницѣ въ средній этажъ, черезъ внутренній, надворный и, такъ-называемый, «невоскресный» ходъ саведенія. Чуха вела подъ руку Машу, которая шла только съ однимъ чувствомъ изумленія, но безъ робости, безъ отвращенія. Ею овладѣло какое-то странное равнодушіе, находящее на человѣка, безраздѣльно и слѣпо отдавашагося на волю судьбы, послѣ многого горя, борьбы и отчаянья. Она рѣшилась

* *Канька, канька* — копейка, *трѣшка* — три коп., *пискалицы* — платокъ.

жить и, какъ бы то ни было, переносить, перетерпывать жизнь, какова бы она ни показалась. Хотя и волюнѣ равнодушно, однако, не безъ довѣрія шла теперь Маша за своей спасительницей, и въ душу ея заглянуло чувство какой-то невольной симпатіи къ этой безобразной старухѣ, съ той самой минуты, какъ встрѣтила въ ней столько нежданной теплоты и участія къ своему положенію. Маша по натурѣ своей была существо слабое, гибкое, нуждавшееся въ хорошей и честной любви человѣческой: она всегда чувствовала нравственную необходимость въ любящей поддержкѣ, въ болѣе крѣпкой рукѣ, которая бы вела и руководила ее въ жизни. Одинокая, въ безъисходномъ положеніи, незнакомая съ жизнью и предоставленная самой себѣ, исключительно своей собственной волѣ — дѣвушка терлась, пугалась этой неизвѣстной ей жизни, и отъ важащейся безъисходности впадала въ отчаяніе, разрѣшеніе которому думала найдти въ одной только смерти. Это было свойство ея молодости и неопытности, слѣдствіе первоначальной беззаботно-тихой и мирно-безвѣстной жизни въ родномъ гнѣздѣ, подъ теплымъ крыломъ любящихъ ее стариковъ Повѣтанныхъ. Добрыя и честныя начала, посѣянные ими, крѣпко вкоренились въ ея молодой душѣ — она хотѣла жить честно, хотѣла этого до послѣдней минуты, до того мгновенія, пока посторонняя рука не отстранила ее отъ шага въ темную прорубь Фонтанки, потому иначе что бы ее удержало отъ выгоднаго предложенія домового хозяина, явившагося къ ней съ своими услугами послѣ аукціона въ ея квартирѣ? Что бы удержало ее и сегодня вечеромъ отъ предложенія уличнаго гуляки? — Теперь же вмѣстѣ съ рѣшимостью жить, вмѣстѣ съ словами: «да будетъ его святая воля», ею овладѣло полное равнодушіе къ этой жизни — равнодушіе отъ того, что она слишкомъ ужъ устала страдать. Что бы ни случилось послѣ этого, Машѣ казалось уже все равно: «пусть будетъ, какъ будетъ! а будетъ такъ, какъ Богъ захочетъ», сказала она сама себѣ, и довѣрчиво шла за своей спасительницей, однако же все еще тая въ душѣ смутную надежду на честный исходъ свего дальнѣйшаго существованія.

Поднявшись по темной лѣстницѣ во второй этажъ, обѣ спутницы очутились въ кухнѣ «заведенія». Огромные мѣдныя котлы съ кипяткомъ, да горькій чадъ жарящагося масла и густой паръ столбомъ — съ перваго шагу встрѣтили Машу въ этомъ до крайности странномъ для нея мѣстѣ. Но это было только слабое начало ощущеній, ждавшихъ ее впереди.

Изъ смежныхъ комнатъ врывается сюда какой-то смѣшанный гулъ. Чуха растворила дверь — и взорамъ Маши предстала высокая обширная зала, биткомъ набитая всякимъ народомъ. Все это странное сборище сидѣло, лежало, ходило, толклось на мѣстѣ — двигалось, какъ движутся плотныя людскія толпы, двигалось въ какомъ-то туманѣ, въ какомъ-то отвратительно-смердномъ чаду, который густыми клубами носился въ этой душливой атмосферѣ, и пѣлыми слоями неподвижно стоялъ вверху у потолка. Это былъ смѣшанный чадъ зловоннаго табачища, крѣпчайшей махорки и обильный паръ людскаго дыханія, заражавшій воздухъ уже отъ одного присутствія столькихъ человекъ, для которыхъ была слишкомъ тѣсна эта просторная зала. Свѣжаго человека оно ошибало до зелени въ глазахъ, до дурноты и головокруженія. Смотришь, и въ первую минуту ничего не различаешь. Слышенъ только глухой гулъ и говоръ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ, сквозь который то тамъ, то сямъ раздается визгъ, или плачь, крѣпкій ухарскій возгласъ, и взрывы самаго разнороднаго хохоту, то вдругъ пьяный или болѣзненный стонъ, то визгливая ругань, вой и вопли, а изъ дальнихъ комнатъ въ это же самое время урывками доносится бречанье торбана, топотъ неистовой пляски, и разухабистые, нестройные звуки пѣсни, которую орутъ нѣсколько сыпо-пьяныхъ голосовъ — и невозможно опредѣлить, кто и гдѣ и какъ и какіе именно издаетъ звуки — все это мѣшается межъ собой въ дикой дисгармоніи, сливаясь въ одинъ общій и глухой гулъ, который, кажется, будто стоитъ въ самомъ воздухѣ этого мѣста, будто это гудитъ самый воздухъ или самыя стѣны. — Это Малинникъ гудитъ. — Вы поражены, ошеломлены, одурманены, видите одни только густыя, волнистыя облака смерднаго чаду, да слышите эти дикіе звуки; но вотъ глаза начинаютъ нѣсколько привыкать — и мало-по-малу различаешь людей, слоняющихся въ этомъ чаду, видишь отдѣльныя группы, отдѣльныя личности. Солдаты, сермаги, чуйки и пальтишен, лохмотья и женщины — множество женщинъ — въ иной вечеръ число ихъ доходить даже до двухсотъ — женщины всякаго возраста, отъ шестидесяти до десяти и девяти лѣтъ включительно. Осматриваешься далѣе — дивій вертепъ замыкается почернѣлыми закоптѣвшими стѣнами, и вся зала слабо освѣщена мутнымъ красноватымъ свѣтомъ единственной копильной лампы безъ стекляннаго колпака, которая неровно льетъ свои лучи сверху внизъ, немилосердо коптя потолокъ и распространяя смрадъ этой копоти и перегорѣлаго масла. Въ разбитое оконное

стекло валить съ улицы парь, но онъ вполне беспилень, чтобы освѣжить хотя сколько нибудь угарно-прѣлый воздухъ этой берлогѣ. Такъ и кажется, что попалъ на какой-то отвратительно-фантастическій шабашъ въдѣмъ и всякой чертовщины. У стѣнъ кое-какъ лѣплятъ убогіе маленькіе столишки, покрытые мокрымъ и грязнымъ трапезь, играющимъ роль салфетокъ: тутъ царство водки съ пивомъ и перепрѣлаго чая съ нехитрыми произведеніями мѣстнаго кулінарнаго искусства. Вдругъ на васъ падаетъ сверху нѣсколько тепловатыхъ капель — вы ощущаете на лицѣ какіе-то влажные потѣки — подымаете голову и, если глаза отиѣнно хороши, можете сквозь чадную дымку различить, что въ этомъ вертепѣ весь потолокъ, словно въ банѣ, усѣянъ всякими крупными каплями, осадками этого прѣлага пара людскихъ дыханій. Дѣлаете нѣсколько шаговъ — новая неожиданность: нога вдругъ попала въ широкую щель грязнаго-прегрязнаго, и насквозь прогнившаго пола, да и застряла тамъ столь плотно, что нужно нѣкоторое усиліе, дабы высвободить ее оттуда. Но это ничего: на подобное обстоятельство не обращается вниманія со стороны привычныхъ посѣтителей, которые тутъ же и свой неистовый плясъ устраиваютъ, отчего нерѣдко, во время лихого трепака, каблукъ танцора оставляетъ вдавленный слѣдъ на давно промозгломъ деревѣ.

И боже мой, какого только тутъ нѣтъ народа! Прежде всего, со стороны пола непрекраснаго, вамъ кинутся въ глаза подгулявшіе представители всевозможныхъ родовъ оружія и командъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Но это, по своимъ частямъ, самый плохой ненадежный народъ, потому хорошій солдатъ сюда не пойдетъ, а идетъ лишь пьяница да мошенникъ, нерѣдко даже грабящій близъ Сѣнной, объ темную ночную пору. Вотъ и нѣсколько деревенскихъ сермягъ, искусившихся соблазнами Малинника, и явившихся, разгуляться, по своему «во вся». Къ этимъ больше примазываются мѣстные мастеровые въ затрапезныхъ халатахъ, норовящіе войти съ сермягами въ короткое пріятельство и «на ширмака» попить да погулять на ихъ заработіе сермяжные гроши. Вотъ голъ и лохмотья нищей братіи, да безпардонныхъ пьяницъ-проищицъ; вид-мундиръ, либо красный воротникъ небритаго оборвыша-чиновника да выгнаннаго офицера, которые «свою амбицію наблюдаютъ», и по этому случаю все стараются держаться поближе къ синимъ чуйкамъ, въ родѣ загулявшихъ до послѣдняго безобразія артельщиковъ, которые въ свою очередь взирають на нихъ съ нескрываемымъ насмѣшливымъ презрѣньемъ,

и все ублажаютъ: «покажи ты намъ, братецъ, какой ни на есть фортель, а мы тебѣ за это пару пива предоставимъ».

Но главную публику мужской половины человѣческаго рода — публику, задающую тутъ «форсу» и чувствующую себя въ этомъ значномъ мѣстѣ словно рыба въ водномъ просторѣ, составляютъ мошенники средней руки и, по преимуществу, мазурики послѣдняго, низшаго разряда. Это наиболѣе сильная, наиболѣе кутящая и потому наиболѣе уважаемая публика Малинника, коей тутъ всегда и услужливый почетъ и готовое мѣсто — мѣсто теплое, насиженное, укрытое и укромное. Они здѣсь уже полные господа, гордые своимъ достоинствомъ рыцари, опасные остальнымъ — силою булавоу своей коалиціи, и силою своего суда и расправы. Тутъ они удобнѣе всего сбываютъ «темный товаръ», тутъ идутъ у нихъ важныя совѣщанія, обсуживаются въ маленькихъ кружкахъ проекты и планы на какой-нибудь предстоящій выгодный клей, * критикуются и подвергаются общей похвалѣ или общему порицанію дѣла выгорѣвшія и невыгорѣвшія, то-есть удачныя и неудачныя; но главное, появляется сюда этотъ народъ затѣмъ, чтобы угарно пропить и прокурдонить ** вырученный сламъ, въ кругу пріятелей и пріятельницъ.

Малинникъ — это, въ нѣкоторомъ родѣ, главный и общій клубъ петербургскихъ мазуриковъ, центральное мѣсто ихъ сборищъ, представляющее для таковой цѣли всѣ возможные удобства, особенно же имѣвшее ихъ до уничтоженія «галдареекъ».

Но вотъ, между неизмѣнными членами завсегдатаями, выдаются нѣсколько личностей, которыхъ можно назвать членами непремѣнными, имѣющими личную выгоду отъ непремѣнности своего пребыванія въ Малинникѣ. Между ними наиболѣе пустили здѣсь корни два промышленника, называемые «маркитантами»: одинъ ходитъ по всѣмъ комнатамъ съ плетѣнкой, наполненной булгами; другой со всякою дрянью, въ родѣ пряниковъ, рожковъ, мармаладу и яблочь, предлагая, по преимуществу женщинамъ, разныхъ своихъ «фруктовыхъ удовольствій». Подобные маркитанты составляютъ принадлежность почти всѣхъ трактировъ и харчевень Сѣнной площади, особенно же чаепійственныхъ заведеній. Рядомъ съ маркитантомъ слоняется изъ угла въ уголь продавецъ письменныхъ

* Клей — въ смыслѣ воровскаго дѣла.

** Прокутить, промотать.

принадлежностей съ тетрадкой почтовой бумаги, сургучомъ и карандашами. Но тетрадка и карандаши только наружный предлогъ, а сущность заключается въ мажачествѣ «на счетъ картинокъ», то-есть фальшивыхъ видовъ. Продавецъ письменныхъ принадлежностей—необходимый членъ компаніи, занимающейся фабрикаціей картинокъ, которая по своимъ частямъ весьма многообразна: крогъ видѣлки совсѣмъ новыхъ фальшивыхъ паспортовъ и плакатовъ, что называется *бирка съ молоточка*, существуетъ еще продажа видовъ настоящихъ, неподдѣльныхъ; и вотъ для приобрѣтенія и сбыта таковыхъ особенно усердствуетъ продавецъ письменныхъ принадлежностей, который служитъ сводчикомъ и посредникомъ между потребителями и производителями. Обыкновенно, какоюнибудь отставной канцелярскій чинушечка, пропонца-офицеришко, безсрочный, либо отставной солдатъ и прочія подобныя личности, владѣющія безсрочными видами на жительство, въ родѣ аттестатовъ да указовъ объ отставкѣ, полученными и прописанными на жительство здѣсь же въ Петербургѣ, продаютъ свои подлинныя документы какомунибудь бѣглому, безпаспортному бродягѣ, который, приобрѣтая себѣ званіе чиновника, офицера или чегонибудь въ этомъ родѣ, удираетъ подалеже изъ Петербурга, а прежній владѣлецъ документа подаетъ въ управу благочинія явочное прошеніе объ утратѣ своего вида, получаетъ вскорѣ засвидѣтельствованную копію—и новый документъ готовъ до новой продажи и новаго заявленія о его потерѣ. Бываютъ между ними господа, которые разъ по пятнадцать теряютъ свои виды и продолжаютъ эту профессію до конца своего поприща. Часто покупаетъ у нихъ виды и компанія, занимающаяся спеціально «картинками», чтобы изъ своихъ рукъ уже перепродавать нуждающимся—и вотъ, таковыя-то продавцы письменныхъ принадлежностей служатъ посредниками между тѣми, и другими, и третьими.

Тутъ же неизмѣнно трутся въ Малинникѣ и барышники-перекупщики краденыхъ вещей, и сборщики на построеніе храмовъ съ книжками, приобрѣтенными за скрѣпкою надлежащихъ церковныхъ печатей изъ самой Вяземской лавры; и наконецъ, ради общаго увеселенія публики—находятся двое артистовъ, наши старые знакомцы Мосей Маркычъ и Иванъ Родивонычъ, которые дѣляютъ свою артистическую дѣятельность между Малинникомъ и «Утѣшительной»; однако, эти только поютъ да играютъ, и ни до чего иного не касаются; призваніе ихъ—увеселеніе почтенной публики.

Но если что производить на душу невыносимо-тягостное впечат-

лѣніе, то это женщины, гнѣздящіяся въ Малининскомъ «заведеніи».

Хотите вы видѣть поучительную и наводящую на множество печальнѣйшихъ размышленій судьбу и послѣднюю степень нравственнаго паденія женщины — ступайте сюда и смотрите! Нечего съ содроганіемъ отвергиваться и закрывать глаза!—Это *наше*, это продуктъ нашего общества, эти отверженные женщины всецѣло принадлежать тебѣ, наше общество, и тебѣ же обязаны своимъ положеніемъ, возмущающимъ всяку душу живую!—Такъ смотри же на нихъ и поучайся, если можешь, но не клейми своимъ презрѣніемъ, не клани проклятіемъ отверженія, потому что на это, по совѣсти, ты не имѣешь законнаго права.—Я покажу тебѣ сначала лучшую, наиболѣе обеспеченную часть этихъ парій.

Вотъ онѣ проходятъ передъ нами, вотъ онѣ сидятъ «съ компаніей» у грязныхъ столишекъ, неистово размазанныя бѣлилами и румянами, въ грязноватыхъ ситцевыхъ платьишкахъ. Онѣ менѣе сыты чѣмъ пьяны, но все-таки кое-какъ сыты; пьяны же постоянно, съ утра до ночи, и съ ночи до утра. Ихъ нарочно выпускаютъ въ это «заведеніе» мегеры-тѣтеньки, содержательницы тѣхъ тринадцати вертеповъ, которые входятъ въ исключительный составъ этого дома, и гдѣ каждая изъ этихъ женщинъ, закупленная и завербованная въ полное крѣпостничество названными мегерами, платитъ такой мегерѣ семь рублей въ мѣсяць за гнусно-грязную двухаршинную конуру. Ихъ выпускаютъ сюда нарочно, подневально, потому что тѣтеньки заключаютъ на этотъ счетъ особую конвенцію съ трактиромъ. Эти жалкія женщины—хочешь не хочешь—обязаны заманивать въ ловушку трактирнаго посѣтителя, подбивать его какъ можно болѣе пропиваться, чтобы потомъ мегеры-тѣтеньки, уже въ своихъ собственныхъ берлогахъ, могли спокойно грабить до послѣдней нитки безчувственно пьянаго и выталкивать на улицу съ помощію своихъ приспѣшниковъ и сильныхъ дворницкихъ кулаковъ. Нерадивую женщину тѣтенька подвергаетъ истязаніямъ, бьетъ чѣмъ ни попало, чаще же всего пускаетъ въ ходъ кочерги и ухваты, день-деньской грызѣтъ поѣдомъ, моритъ голодомъ и оттого зачастую бываетъ, что женщина сбѣжитъ куда нибудь, пропадетъ безъ вѣсти и, случается, ищетъ спасенія или въ Фонтанкѣ, или въ петлѣ, потому что громъ петли да Фонтанки изъ Малиника врядъ-ли отыщется какой либо другой исходъ, болѣе сноснаго свойства.

И дѣйствительно, еслибы вамъ пришлось пройти по берло-

гамъ этого дома, вы легко услышали бы повѣствованія о самыхъ трагическихъ происшествіяхъ, которыя вдобавокъ разскажутъ вамъ самымъ спокойнымъ, безучастно-равнодушнымъ образомъ: въ одной квартирѣ женщина повѣсилась, удавилась; въ другой ножомъ зарѣзали женщину, а тамъ — въ драгѣ убили; отъ каждаго темнаго закоулка, сдѣется вамъ, будто такъ и пахнетъ кровью, отъ каждаго угла такъ и вѣетъ смертью и преступленіемъ. И это не ипербола, это — фактъ, неоднократно засвидѣтельствованный Полицейскою газетою, въ дневникѣ городскихъ приключеній.

Посмотрите вы на эти лица; инныя изъ нихъ не утратили еще слѣдовъ безвременно увидшей молодости; но какая болѣзненность, какая измозженность и нравственная скотская отупѣлость ярко написаны на нихъ! Порокъ и развратъ навѣки уже наложили свои неизгладимыя клейма на эти лица, дышавшія, быть можетъ, не болѣе какъ за годъ, за два еще всею свѣжестью молодости и здоровья. Въ этомъ развратѣ кроется главный источникъ чахотокъ, сухотокъ спинного мозга, идиотическаго, скотскаго отупѣнія и той страшной болѣзни, которая, будучи неизмѣннымъ спутникомъ грязнаго разврата, на всю жизнь заражаетъ тѣло и убиваетъ душу. И при всемъ этомъ никогда ни сна въ настоящую мѣру, ни покою вдосталь, ни здоровой пищи, и вѣчное пьянство, пьянство и пьянство. И вотъ, отсюда-то, какъ изъ главнаго центрального депо, тайная зараза ползетъ и обильными потоками разливается по городу, въ его низменнѣй, чернорабочей и солдатской средѣ, изъ города идетъ далѣе, посредствомъ постояннаго прилива и отлива того же самаго чернорабочаго и солдатскаго люда, забирается въ сѣла, въ крестьянскія избы — и зачастую бываетъ, что цѣлыя деревни оказываются зараженными. Гибнетъ честная, здоровая семья, гибнуть въ массахъ молодыя рабочія силы, рождаются хилыя, больныя, золотушныя дѣти. Дальнѣйшія-то послѣдствія, стало быть, оказываются слишкомъ серьезной и печальной важности.

Вы видѣли теперь, до чего доходитъ паденіе женщины, но не думайте, однако, чтобы это была уже послѣдняя степень его — вѣтъ, мы вамъ показали еще лучшую, такъ-сказать, показную часть малининскихъ женщинъ, то-есть все-то, что волей-неволей обитаетъ у хозяекъ въ этомъ же самомъ домѣ и, стало-быть, кое-какъ обезпечено, на сколько вообще можетъ обезпечить всякое рабство; но есть еще одна грань, стоящая за ними, и эта грань, дѣйствительно, будетъ уже послѣднею, до какой только можетъ дойти паденіе человѣческое.

Малининскія посятительницы дѣлятся на «тутошнихъ» и «бродячихъ». Взгляните же теперь, что такое эта «бродячая», которая служитъ выраженіемъ послѣдней грани паденія.

Вонъ они, эти тощія, безобразные, болѣзненные призраки женщинъ, напоминающіе скорѣе какихъ-то гномовъ соннаго кошмара, чѣмъ женщину, Богомъ созданную! Вглядитесь ближе: псохшее, изможенное развратомъ тѣло нагло выставляется наружу сквозь огромныя дыры и прорѣхи разнаго тряпья и лохмотьевъ, насквозь пропитанныхъ всяческой грязью и напоминающихъ бабье-то подобіе одежды, но какой—опредѣлить невозможно; и это дырявое лохмотье, разъ попавши на плечи парій разврата, остается на нихъ безпремѣнно уже до полнаго истлѣнія. Нагло, цинично выставляется въ прорѣхахъ это изможенное, отошалоое тѣло, часто покрытое струпами многообразныхъ язвъ, закорузлое подъ пластами всевозможной грязи и нечистоты, потому что эти паріи сцять гдѣ ни попало и какъ ни попало, часто валяясь въ ужасающей грязи дворовъ Вяземскаго дома. Онѣ дрожать и корчатся отъ холоду, потому что, зачастую, одинъ и тотъ же костюмъ безсмѣнно служитъ имъ и зимою и лѣтомъ, и одинъ лишь гостепріимный Малининъ служитъ имъ мѣстомъ спасенія: сюда онѣ забѣгаютъ грѣться со смутной надеждой на жалкую добычу. Съ какимъ волчьимъ выраженіемъ блуждаютъ ихъ впалые глаза, обрамленные большими темными подгльзьями! Какая алчная, тревожная жадность написана на этихъ лицахъ, обезображенныхъ болѣзнью, прыщами, синяками и шрамами отъ многихъ побоевъ! Немудрено: онѣ вѣчно голодны, онѣ не могутъ поручиться, будутъ ли ѣсть чтонибудь завтра и послѣ-завтра, если судьба послала имъ скудный кусокъ хлѣба сегодня. Онѣ живутъ развратомъ, удовлетворяя страстямъ послѣднихъ парій между нищими и голышами-пропойцами, на которыхъ съ презрительнымъ омерзѣніемъ взирають даже женщины, живущія въ тринадцати вертепахъ Малинина. И даже у этихъ-то парій онѣ вынуждены чуть ли не христа-ради вымаливать себѣ долю вниманія, отъ которой зависить ихъ горькій кусокъ хлѣба. Заработаны три копейки въ сутки — онѣ могутъ прожить до завтрашняго дня, заработанъ пятакъ—онѣ уже счастливы, а если рѣдко-рѣдко перепадетъ имъ въ руки какойнибудь гривенникъ или пятиалтынный—онѣ пьяны—и слава-богу, потому что въ хмѣлю хоть на часъ позабывается весь ужась ихъ обиденнаго положенія. А какъ часто даже и не за грошъ торгуютъ онѣ собою, а просто за то только, чтобы ихъ хоть какънибудь накормили; и укрываетъ ихъ не на-

морка въ квартирѣ, а какойнибудь послѣдній закоулокъ грязнаго двора, темная лѣстница, чердакъ или заброшенные подвалы. Есть между ними женщины молодыя, даже очень и очень еще молодыя, но знаменательное большинство этого послѣдняго разряда составляютъ старухи, искалеченныя, изнуренныя, обезображенныя болѣзью, которыхъ за негодностью и старостью вышвырнули изъ послѣднихъ вертеповъ Малинника и пустили на всѣ четыре стороны — и вотъ большая часть изъ нихъ пріютились кто въ Вяземскомъ домѣ, а кто насупротивъ ея, въ Дербертиевскомъ домѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Клоповника», гдѣ онѣ, дѣйствительно, подобно клопамъ, забились во всевозможныя темныя, тѣсныя щели, и только ночью рѣшаются выползать изъ этихъ щелей.

Но не всегда паденіе для этихъ женщинъ идетъ съ ихъ взрослыхъ годовъ, и да не покажется кому либо невѣроятнымъ, если я скажу, что для иныхъ изъ этихъ несчастныхъ оно начинается чуть ли не съ самой колыбели. Забудыжная и развратная бродяга-мать рождаетъ въ какойнибудь изъ этихъ трущобъ дѣвочку; но съ рожденіемъ дитяти для нея отнюдь не прекращается прежній образъ жизни; дитя всюду при ней, растетъ въ атмосферѣ кабаковъ и притоновъ разврата, ежеминутно окруженное сценами самаго циническаго, а иногда и трагичнаго свойства, и кромѣ этой жизни, ничего болѣе не видитъ, ничего не знаетъ; все остальное для нея чуждо, кромѣ окружающей мерзости, всасываемой съ молокомъ матери — и дитя сживается, сливается во-едино съ этою мерзостью — здѣсь отъ него нѣтъ ничего скрытаго, все наружу, все наголо — и эта мерзость становится его мыслью, его духомъ, его плотью и кровью. Случается, что мать попадаетъ либо въ тюрьму, либо въ больницу, а отсюда зачастую на кладбище — и вотъ, ребенокъ-дѣвочка брошена на произволъ случая, остается одна-одинѣхонька на всемъ бѣдомъ свѣтѣ, иногда не зная, ни кто ея мать, ни куда она дѣвалась, ни сколько самой ей лѣтъ, ни даже какъ зовутъ ее — добрые люди, все-равно, дадутъ какуюнибудь свою собственную кличку; о Богѣ, о религійи ни малѣйшаго даже намека на понятіе, да и кто здѣсь внушитъ ей все это! Дѣтскія уста ея лепечуть, между множествомъ самыхъ циническихкихъ словъ и ругательствавъ, одну только фразу, при подходящемъ случаѣ; фраза эта: «подайте, христа-ради!» Но какой нравственный смыслъ заключается въ этомъ *христа-ради* — нечего и спрашивать: она знаетъ слово только по частой наслышкѣ отъ другихъ, не сознавая его внутренняго смысла и значенія. Она знаетъ, что есть на Сѣн-

ной церковь Спаса, и что церковь эта существуетъ затѣмъ, чтобы стоять тамъ на паперти и протягивать за подаваніемъ руку, пока не запримѣтилъ полицейскій хожалый, отъ котораго чуткая и шустрая дѣвочка задеваетъ тотчасъ же юркаго стрекача, чтобы затерявшись въ толпѣ, снова просить милостыню въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. И проситъ она такимъ образомъ до того ранняго возраста, послѣ котораго вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія — начинаетъ жить развратомъ, торгуя своимъ дѣтскимъ, болѣзненно-хилымъ тѣломъ, а къ этой жизни (иногда впрочемъ и раньше еще) присоединяется новое ремесло, заключающееся въ мелкомъ воровствѣ, которому никогда не прочь обучить подходящаго человѣка, и особенно ребенка, наши малининскіе спеціалисты, потому что ребята служатъ имъ добрыми помощниками. А исходъ изъ всего этого — тотъ же самый, что и ея матери: либо тюрьма, либо преждевременное владбище, да и славу-богу, если смерть подоспѣетъ на выручку отъ подобнаго существованія!

И эти дѣти толкаются тутъ же, въ смрадной залѣ Малинника, и, наравнѣ со взрослыми, ищутъ своей добычи.

Всеволодъ Брестовскій.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Политика Россіи, Франціи и Англіи въ настоящей войнѣ.— Наши среднеазиатскія дѣла и отношенія о нихъ газеты «Times». — Ходъ военныхъ событій въ Германіи и Италіи.

При войнѣ, возгорѣвшейся въ центрѣ Европы, Россія осталась нейтральной. Въ такое же положеніе къ воюющимъ сторонамъ, повидимому, стали Франція и Англія. Мы говоримъ *повидимому*, потому что кто же знаетъ соврєнные планы властителя Франціи? Эти три первенствующія европейскія державы старались предотвратить военныя столкновенія посредствомъ мирнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ на общеевропейскомъ конгрессѣ, но намѣреніе ихъ не удалось, и при началѣ войны онѣ устранили себя отъ поддержки той или другой стороны. Такое положеніе трехъ упомянутыхъ державъ въ то время, когда три другія, такія же державы начали вооруженную борьбу, нельзя объяснить тѣмъ, что отъ исхода этой борьбы не зависятъ нисколько собственные интересы нейтральныхъ державъ и что поэтому онѣ могутъ оставаться равнодушными къ настоящимъ событіямъ.

Конечно, Англія, для которой ходъ политическихъ дѣлъ на континентѣ Европы не можетъ представлять особенной важности и для которой господство на моряхъ и колониальное могущество составляютъ главныя условія ея политическаго значенія, можетъ постоянно оставаться нейтральной при настоящихъ военныхъ событіяхъ. Но этого нельзя сказать о двухъ другихъ великихъ державахъ, Россіи и Франціи, для которыхъ война въ Германіи и Италіи должна имѣть огромное значеніе, потому что она можетъ сопровождаться разными территориальными передѣлами на картѣ Европы. Между тѣмъ и эти державы не приняли участія въ войнѣ и не стали даже въ угрожающее положеніе ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Такой фактъ представляет весьма замѣчательное явленіе въ исторіи европейскихъ войнъ послѣдняго времени, особенно если сообразить, какъ ревниво первенствующіе въ Европѣ кабинеты поддерживали не только свои политическіе интересы, но и свое прямое и косвенное вліяніе на общій ходъ европейскихъ дѣлъ, а также съ какимъ усердіемъ они старались составить вооруженныя коалиціи и становиться во главѣ ихъ. Нейтральное положеніе Россіи, Франціи и Англіи объясняется — кромѣ нѣкоторыхъ особенностей настоящей войны — еще и ходомъ другихъ, весьма недавнихъ политическихъ событій, въ которыхъ выразилось желаніе главныхъ европейскихъ кабинетовъ устраняться сколь возможно болѣе отъ вооруженной борьбы. Такъ, намѣреніе тюльрійскаго кабинета вмѣшаться въ польскій вопросъ европейскіе кабинеты и поставить ихъ по этому вопросу въ столкновение съ Россією не имѣло успѣха. Точно также уклонились они отъ вмѣшательства и въ нѣмецко-датскую войну, несмотря даже на то, что первенствующіе европейскіе кабинеты сами обезпечили, лондонскимъ трактатомъ 1852 года, принадлежность Даніи приэльбскихъ герцогствъ. Ошибочно было объяснять такое устраненіе европейскихъ кабинетовъ отъ вмѣшательства въ политическія событія принятіемъ ими того принципа невмѣшательства, о которомъ провозглашаетъ императоръ французовъ, и который онъ самъ же нарушаетъ, распространяя свое вмѣшательство не только на дѣла Европы, но и на дѣла Америки, учрежденіемъ въ Мексикѣ императорской власти. Въ основаніи нейтральнаго положенія двухъ изъ первенствующихъ европейскихъ державъ, то-есть Франціи и Россіи, находятся особыя причины.

Хотя Франція и соблюдаетъ до сихъ поръ строгій нейтралитетъ, но въ сущности нейтралитетъ ея имѣетъ характеръ выжидательной политики, и притомъ легко предвидѣть, въ какомъ образѣ дѣйствій обратится Франція, если нынѣшняя борьба приметъ не тотъ исходъ, на который съ полною вѣроятностью можетъ разсчитывать тюльрійскій кабинетъ. По своимъ политическимъ комбинаціямъ, императоръ Наполеонъ III счелъ нужнымъ поставить Италію на степень одной изъ первоначальныхъ державъ Европы. Достигнуть этого можно окончательно удачною борьбой Италіи съ Австріей, такъ-какъ послѣдствіемъ этой борьбы было бы присоединеніе Венеціанской области къ королевству итальянскому, а слѣдовательно и полное объединеніе всего Апеннинскаго Полуострова. Такой результатъ борьбы казется вполне вѣроятнымъ, такъ-какъ въ настоящее время Австріи приходится имѣть дѣло не съ одной только Италіей, успѣвшей уже приготовиться къ борьбѣ съ своимъ давнишнимъ врагомъ, но еще и съ Пруссіей. При этихъ условіяхъ, вмѣшательство Франціи въ итальянско-австрійскую войну оказывается излишнимъ, такъ-какъ на долю Франціи не можетъ даже достаться теперь такой военной славы, какая досталась ей семь лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда слабая и разрозненная Италія вступила въ борьбу

съ Австріею и когда Францію можно было считать великодушною извинительницею Италіи отъ нѣмецкаго господства. Теперь Франція пришлось бы раздѣлить торжество побѣдъ надъ австрійцами между Пруссіей и Италіей, которая приготовила къ бою свои собственныя силы въ такихъ размѣрахъ, что можетъ сама выдержать борьбу съ своимъ врагомъ, даже безъ поддержки со стороны Франціи. Притомъ національное самолюбіе итальянцевъ было бы затронуто вторичнымъ вмѣшательствомъ Франціи въ дѣла Италіи, такъ-какъ двадцать милліоновъ уже сами могутъ защитить свою политическую независимость и свободу своей родины. Что же касается тѣхъ территоріальныхъ выгодъ, какія можетъ извлечь для себя Франція изъ настоящей борьбы, то такія выгоды не уйдутъ отъ нея во всякомъ случаѣ, какой бы ни былъ исходъ войны между Австріей съ одной стороны и Италіей, въ союзѣ съ Пруссіей, съ другой. Напротивъ даже, тѣмъ съ большею вѣроятностію можетъ рассчитывать Франція на удовлетвореніе своихъ требованій, чѣмъ болѣе истощатся средства враждующихъ сторонъ въ ихъ взаимной борьбѣ, между тѣмъ какъ сама Франція будетъ располагать нетронутыми еще силами и поддержать свои требованія гровою оружія. Притомъ журналистика и общественное мнѣніе приписываютъ тюльрійскому кабинету секретныя сдѣлки съ флорентинскимъ и берлинскимъ кабинетами, и даже упоминаютъ о тѣхъ территоріальныхъ вознагражденіяхъ, какія намѣренъ потребовать для Франціи императоръ въ случаѣ успѣха союзниковъ надъ Австріей. Вообще въ настоящемъ ходѣ событій Наполеонъ III предвидѣлъ возможность территоріальныхъ передѣлокъ въ Европѣ и, само собою разумѣется, что при этомъ не будутъ упущены выгоды французской имперіи. Такимъ образомъ Франція соблюдаетъ нейтралитетъ только въ смыслѣ вооруженнаго невмѣшательства; но всѣмъ извѣстно, что нравственная поддержка тюльрійскаго кабинета находится на сторонѣ Италіи, такъ-что въ случаѣ неудачъ итальянцевъ въ борьбѣ съ Австріей, на помощь имъ явится французская армія.

Иныя соображенія заставляютъ Россію держаться нейтралитета при настоящихъ обстоятельствахъ. Прежде всего, намъ приходится заниматься нашими внутренними дѣлами, и жертвовать ихъ безостановочнымъ развитіемъ интересамъ внѣшней политики было бы не совсѣмъ удобно. Притомъ, и финансовыя средства не позволяютъ намъ принять участіе въ настоящихъ европейскихъ событіяхъ, тѣмъ болѣе, что такое участіе не можетъ имѣть еще въ виду ясной, опредѣленной цѣли. Намъ надобно побережъ наши силы для тѣхъ случайностей, которыми можетъ сопровождаться нынѣшняя война, и которыя могутъ отозваться, между прочимъ, и на восточномъ вопросѣ. Последнее предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что событія въ придунайскихъ княжествахъ и вообще положеніе Турціи легко могутъ вызвать вмѣшательство Россіи, несмотря на ея желаніе держаться въ сто-

ронъ отъ вѣнскихъ событій. Къ сохраненію нейтралитета должно побуждать Россію и положеніе, принятое Франціею. Настоящая политика Франціи въ значительной степени обуславливается образомъ дѣйствій с.-петербургскаго кабинета. Не подлежитъ сомнѣнію, что если Франція выйдетъ изъ нейтральнаго положенія, то Россія не можетъ остаться равнодушной зрительницею настоящей борьбы, такъ-какъ при исходѣ этой борьбы, въ случаѣ участія въ ней Франціи, дальнѣйшій ходъ событій въ Европѣ будетъ поставленъ въ прямую зависимость отъ всѣхъ первенствующихъ континентальныхъ государствъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Тогда, при тѣхъ территоріальныхъ передѣлахъ, какія можетъ повлечь за собою теперешняя война, голосъ Россіи, какъ неподкрѣпившей своихъ правъ вооруженною силою, не будетъ имѣть такого значенія, какое онъ долженъ имѣть по положенію, занимаемому Россіею въ ряду первенствующихъ европейскихъ державъ. Вообще, Россія можетъ держаться строгаго нейтралитета только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ вмѣшательства Франціи, поддерживающей теперь до нѣкоторой степени своимъ нейтралитетомъ равновѣсіе между воюющими сторонами.

Съ измѣненіемъ нейтральной политики Франціи, война получитъ иное значеніе. Тогда въ Европѣ образуется тройственная коалиція, направленная противъ Австріи, а при этомъ условіи представляется вѣроятность, если не совершеннаго уничтоженія Австрійской имперіи, то такого ея ослабленія, при которомъ она должна будетъ утратить значеніе первоклассной державы. Тогда судьбами Европы будутъ располагать три могущественные союзника, которые начнутъ заниматься территоріальными передѣлами по ихъ собственнымъ соображеніямъ. При такихъ условіяхъ не будетъ никакого ручательства въ томъ, чтобъ не осуществилось одно изъ желаній, заявленныхъ императоромъ Наполеономъ въ письмѣ его къ г. Друэну-де-Люв, а именно, чтобъ не послѣдовало усиленіе Пруссіи на сѣверѣ. Такое усиленіе сосѣдней съ Россіею державы не можетъ не противорѣчить русскимъ интересамъ. Кромѣ того, территоріальныя перемѣны въ отношеніи Австрійской имперіи могутъ сопровождаться и другими, тоже для насъ невыгодными результатами. Такимъ образомъ, будущая политика Россіи не только обуславливается тѣми послѣдствіями, какія можетъ повлечь за собою настоящая война по восточному вопросу, но и тѣми, которыя, независимо отъ этого вопроса, могутъ оказаться въ центрѣ Европы. До тѣхъ поръ, пока Франція устраняетъ себя отъ участія въ настоящей борьбѣ, Россія можетъ—не теряя своего политическаго значенія, какъ одна изъ первенствующихъ европейскихъ державъ, и не опасаясь потери своихъ интересовъ по дѣламъ вѣнскихъ событій—оставаться въ принятомъ ею нейтральномъ положеніи. Измѣненіе же политики тюрингскаго кабинета должно будетъ вызвать измѣненіе политики и со стороны Россіи.

Что касается Англіи, то, какъ мы замѣтили, территоріальныя

перемѣны на континентѣ Европы, за исключеніемъ передѣлокъ по восточному вопросу, не могутъ имѣть для нея особеннаго значенія, такъ-какъ отъ нихъ не зависятъ ея торговыя выгоды и ея колониальное могущество. Все, чего можетъ опасаться Англія, какъ исхода настоящей войны — заключается только въ усиленіи Пруссіи, какъ морской державы, если только Пруссія удастся окончательно утвердиться въ Килѣ и приобрести приморскую часть королевства Ганноверскаго. Но и такой исходъ не можетъ особенно тревожить Англію, такъ-какъ усилившаяся на морѣ Пруссія будетъ имѣть своею соперницей Россію, и потому Англія всегда будетъ въ состояніи пользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ выгодъ.

Принимая такимъ образомъ исходной точкой для будущей политики Россіи политику Франціи, нельзя не остановиться на вопросѣ о томъ, чью сторону должна принять Россія, если образъ дѣйствій тюльрійскаго кабинета заставитъ ее выдти изъ нейтральнаго положенія. На вопросъ этотъ отвѣчать не слишкомъ легко при настоящей запутанности политическихъ интересовъ. Изъ четырехъ воюющихъ теперь сторонъ, то-есть Италіи, Пруссіи, Австріи и распавшейся на двѣ части Германіи — Италія, по цѣли предпринятой ею войны, представляетъ менѣе всего поводовъ ко взаимному столкновенію ея и нашихъ интересовъ. Къ Австріи Россія не можетъ имѣть политическихъ симпатій, и отдѣленіе отъ нея Венеціанской области въ пользу Италіи не устраиваетъ нисколько ни прямыхъ, ни косвенныхъ выгодъ Россіи. Еслибы при такихъ условіяхъ, война происходила только между Италіей и Австріей — даже при поддержкѣ первой изъ нихъ со стороны Франціи, какъ это было въ 1859 году — то Россія могла бы оставаться вполне безучастной къ такой войнѣ. Цѣль войны была бы тогда опредѣлена, и происшедшее вслѣдствіе ея территоріальное измѣненіе не нарушило бы политическаго равновѣсія, соответствующаго видамъ нашей вѣдшей политики.

Между тѣмъ участіе Пруссіи въ настоящей войнѣ измѣняетъ ея характеръ. Политика графа Бисмарка стремится къ утвержденію преобладанія, или, вѣрнѣе сказать, къ утвержденію диктатуры Пруссіи надъ Германскимъ Союзомъ и къ исключенію изъ состава его Австріи. Такая политика привела теперь къ распаденію союза на двѣ партіи и къ провозглашенію со стороны Пруссіи объ его уничтоженіи. Все это совершенно измѣняетъ прежнее значеніе Германіи, которая можетъ очутиться или въ полномъ владѣніи, или въ вассальныхъ отношеніяхъ Пруссіи. Уже теперь прусскія прокламаціи называютъ короля Вильгельма «покровителемъ Германіи». Для Россіи, какъ бы ни было слабо прямое ея вліяніе на дѣла центральной Европы, прежній порядокъ въ Германіи представлялъ своего рода удобство. Соперничество Австріи и Пруссіи за преобладаніе въ Германскомъ Союзѣ препятствовало къ составленію изъ него такой государственной силы, которая могла бы подчиниться вполне вліянію берлинскаго

или вѣнскаго кабинета, и это самое во многихъ случаяхъ отражалось и на политикѣ Франціи. При такихъ условіяхъ, тюльрійскому кабинету было слишкомъ затруднительно склонить къ своимъ интересамъ Германію, такъ-какъ ему приходилось встрѣчать въ подобномъ случаѣ парализующее вліяніе то Берлина, то Вѣны. Съ упроченіемъ же прусскаго господства въ Германіи и вслѣдствіе могущихъ быть между Франціей и Пруссіей сдѣлокъ, часть Германіи, придерживающаяся теперь стороны Австріи, легко можетъ, послѣ ослабленія Австрійской имперіи, искать покровительства Франціи или, даже внѣ этого факта, согласовать свою политику съ видами берлинскаго и тюльрійскаго кабинетовъ, если между ними будетъ господствовать согласіе. Въ установленіи же такого согласія, по крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, трудно сомнѣваться, такъ-какъ между Пруссіей и Франціей, если первой удастся взять верхъ надъ Австріей, можетъ произойти безобидный для каждой изъ нихъ дѣлежъ. Императоръ депутитъ Прусій усилятся на сѣверѣ на счетъ Германіи, или на юго-востока на счетъ Австріи, а самъ, въ вознагражденіе за это, исправитъ прирейнскую границу Франціи и тѣмъ осуществитъ одно изъ своихъ завѣтныхъ желаній.

Въ виду всего этого можно сказать, что наша внѣшняя политика по отношенію къ австро-прусской войнѣ должна заключаться въ умѣнии выбрать тотъ моментъ, когда опредѣлится перевѣсъ одной изъ воюющихъ сторонъ, и затѣмъ повести дѣло такимъ образомъ, чтобъ не допустить слишкомъ большаго усиленія Прусіи на счетъ Австріи или Германіи.

Говоря о нашей политикѣ въ Европѣ, слѣдуетъ также остановиться на ходѣ нашихъ дѣлъ въ Средней Азій. Тамошними дѣлами значительно обусловливаются наши отношенія къ одной изъ первоклассныхъ европейскихъ державъ, въ Англии. Мы уже имѣли случай говорить о томъ впечатлѣніи, какое было произведено въ Англии и отчасти и во Франціи занятіемъ нашими войсками города Ташкента и образованіемъ Туркестанской области. И то и другое вызвало во французской, особенно же въ англійской прессѣ шумные толки о нашихъ завоевательныхъ замыслахъ въ Азій. Англичане увидѣли въ этомъ наши планы на отнятіе у нихъ индійскихъ владѣній, а французская фантазія создала близкій походъ дивихъ азіатскихъ ордъ, подъ предводительствомъ Россіи, противъ европейской цивилизаціи. Французская журналистика, не шутя, заговорила о постройкѣ нами изъ глубины Азій желѣзныхъ дорогъ по направленію къ Европѣ съ тою цѣлью, чтобы подвозить по этимъ дорогамъ калмыковъ, башкиръ, киргизовъ и другіе кочевые народы и сдѣлать изъ нихъ завоевателей Европы. Въ свое время наше министерство

иностранных дѣлъ объяснило сен-джемскому кабинету дѣлъ нашихъ военныхъ предпріятій на средне-азиатской границѣ. Сущность этого объясненія состояла въ указаніи на необходимость утвердить нашу пограничную линію и избавить подвластные намъ азиатскіе народы отъ набѣга сосѣднихъ хищниковъ. Послѣ этого, намъ представилась однако необходимость дѣйствовать наступательно противъ бухарскаго эмира, и одержанная 8-го мая генерал-майоромъ Романовскимъ побѣда надъ бухарцами вызвала снова въ англійской прессѣ толки о нашихъ отношеніяхъ къ Англии по средне-азиатскимъ дѣламъ.

Еще въ началѣ весны 1865 года, стали получаться извѣстія о намѣреніи бухарскаго эмира воспользоваться смутами Кокана, ослабленнаго столкновеніемъ съ русскими, и завладѣть Ташкентомъ. Дѣйствительно, собравъ значительныя силы въ Самаркандѣ, эмиръ двинулся въ коканскія владѣнія, и въ апрѣлѣ передовые отряды его стали появляться въ коканскихъ пограничныхъ крѣпостяхъ. 10-го іюня прошлаго года бухарскій отрядъ, по соглашенію съ коканцами, занялъ Ташкентъ, такъ что при штурмѣ этого города бухарцы дрались противъ насъ.

Послѣ взятія нами Ташкента, бухарцы, именемъ эмира, требовали, чтобъ русскіе оставили этотъ городъ, такъ-какъ Ташкентъ и Коканъ составляютъ часть бухарскихъ владѣній. Въ противномъ случаѣ эмиръ угрожалъ вооружить противъ русскихъ, во имя вѣры, всѣхъ мусульманъ. Это требованіе, а также извѣстіе, что эмиръ занялъ Ходжентъ, и сосредоточивъ тамъ значительныя силы, готовится идти на Ташкентъ—по словамъ officialнаго донесенія—ясно высказывали непріязненныя намѣренія Бухары. Несмотря, однако, на это, эмиръ не рѣшался начать противъ насъ военныхъ дѣйствій, и изъ Ходжента двинулся къ Кокану, отправивъ къ оренбургскому генерал-губернатору своего посланца, а слѣдомъ за этимъ посланцемъ прибылъ и другой. Желая войти въ миролюбивыя соглашенія съ бухарскимъ эмиромъ, генерал-губернаторъ Черняевъ отправилъ въ Бухару для переговоровъ надворнаго совѣтника Струве въ сопровожденіи трехъ офицеровъ. Задержаніе нашихъ уполномоченныхъ въ Бухарѣ заставило предпринять военную демонстрацію, но она не произвела желаемаго дѣйствія, такъ-какъ русское посольство, задержанное въ Бухарѣ, не только не было освобождено, но, напротивъ того, эмиръ сталъ собирать войска и сноситься съ Хивой и съ турменами для общаго нападенія на Туркестанскую область.

Тогда генералъ Черняевъ перешелъ съ 14 ротами и 6 сотнями казаковъ, при 16 орудіяхъ, за Сыр-Дарью, настоятельно требуя возврата своихъ посланныхъ изъ Бухары. Эмиръ троекратно обѣщалъ отпустить русскихъ, и вслѣдствіе этихъ обѣщаній, а также по недостатку кормовъ въ мѣстности, проходимой русскими, генералъ Черняевъ, какъ сказано въ донесеніи, отошелъ къ Сыр-Дарьѣ. Русскіе посланные не были однако возвращены,

а между тѣмъ эмиръ сталъ рѣшительно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Съ самаго начала марта нынѣшняго года, бухарскіе отряды стали появляться на правомъ берегу Сыр-Дарьи, въ зачирчикскомъ краѣ, и на сообщеніяхъ Ташкента, Чемкента и Туркестана, грабя подвластныхъ намъ киргизовъ, старааясь перехватывать почты и производить разныя беспорядки. Къ 5 апрѣля бухарская кавалерія двинулась къ Чиназу, но была встрѣчена и опрокинута отрядомъ генерал-майора Романовскаго при Мурза-Рабатѣ.

Мы не будемъ останавливаться на разсказахъ о разныхъ стычкахъ, происходившихъ послѣ этого между русскими и бухарцами; замѣтимъ только, что, по словамъ официальнаго донесенія, безпрерывныя появленія болѣе или менѣе значительныхъ партій въ тылу и на нашихъ сообщеніяхъ и расположеніе главной арміи эмира на урочищѣ Ирджарѣ сдѣлали необходимымъ наступательныя дѣйствія съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что 5 и 6 мая получены были положительныя свѣдѣнія, что эмиръ готовится перейти въ наступленіе. Съ этою цѣлью онъ переправилъ уже часть своихъ войскъ на правый берегъ Сыр-Дарьи въ нашъ зачирчикскій край. По слухамъ, армія эмира была весьма многочисленна: она состояла изъ сарбазовъ, конныхъ стрѣлковъ, артиллеріи и отрядовъ, собранныхъ отъ разныхъ бековъ, а также и киргизовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Бухары. Сарбазы и стрѣлки, всѣ исправно вооруженные, были въ числѣ 5,000 человекъ, артиллеріи же было 21 орудіе, киргизовъ же насчитывалось не менѣе 35,000 человекъ. Численность же нашихъ войскъ простиралась до 14 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ при 20 орудіяхъ и 8 ракетныхъ станкахъ. При урочищѣ Ирджарѣ произошла битва, въ которой, какъ видно изъ донесенія, у насъ вышло изъ рядовъ 12 раненныхъ нижнихъ чиновъ, тогда какъ бухарцы оставили на полѣ болѣе 1,000 тѣлъ. Послѣ этой побѣды генерал-майоръ Романовскій взялъ Нау и Ходжентъ и отдѣлилъ Бухару отъ Кокана.

По поводу этихъ событій, въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатано: «Весь ходъ настоящаго столкновенія съ Бухарой свидѣтельствуеетъ, что война вызвана не нами. Мы съ своей стороны сдѣлали все, чтобы избѣгнуть непріязненныхъ отношеній къ Бухарѣ. Дружба съ этимъ владѣніемъ, содѣйствуя развитію нашей средне-азіатской торговли, составляетъ нашъ прямой интересъ; завоеваніе же Бухары, отдѣленной отъ нашихъ предѣловъ безводною пустынею Казиль-Кумовъ, какъ оно ни легко при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Средней Азій, не только не можетъ быть цѣлью нашихъ дѣйствій, но и положительно бесполезно. Тѣмъ не менѣе достоинство имперіи не позволяетъ терпѣть безнаказанно дерзости ничтожнаго азіатскаго владѣльца. Если эмиръ дерзнулъ вызвать насъ на бой, то мы должны стать въ такое положеніе къ Бухарѣ, чтобы разъ навсегда оградить интересы нашихъ подданныхъ и нашей торговли отъ деспотичнаго произвола эмира.

При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Средней Азій, нетолько какая-либо уступка, но всякая нерѣшительность была бы принята за слабость мусульманскимъ населеніемъ Азій, привыкшимъ уважать только силу, и много повредила бы нашему значенію и нашимъ интересамъ въ Азій.

Газета «Times» посвятила по случаю сраженія при Ирджарѣ особую статью, въ которой обсуждаетъ отношенія Англіи къ Россіи, по поводу нашихъ завоеваній въ Средней Азій. Ирджарское сраженію, по мнѣнію англійской газеты, представляетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ плассейскою битвою, положившею начало прочному господству англичанъ въ Индіи. Обстоятельство это, прибавляетъ «Times», послужило бы прежде поводомъ къ серьезнымъ опасеніямъ, какъ весьма неблагоприятное предзнаменованіе. По сознанію первенствующаго органа англійской журналистики, четверть столѣтія тому назадъ подобныя извѣстія и мысль объ упроченіи русскихъ на границахъ англійской Индіи звергли бы англичанъ въ самое ужасное безповойство. Въ то время, добавляетъ «Times», мы выходили изъ себя отъ одного лишь опасенія видѣть русскихъ на половинѣ пройденнаго ими теперь пути.

Далѣе «Times», повидимому, весьма хладнокровно и безпристрастно разсуждаетъ о нашихъ средне-азіатскихъ дѣлахъ, замѣчая, что если на будущій годъ усилъи наши будутъ идти въ той же пропорціи, какъ шли они въ послѣднее время, то мы можемъ завладѣть Балкомъ, а на слѣдующій годъ Кабуломъ, т. е. очутиться въ 200 миляхъ разстоянія отъ англійскихъ войскъ. Если же намъ удастся завладѣть Бухарою, то, по мнѣнію газеты «Times», уже ничто не можетъ заставить насъ оставаться въ предѣлахъ Будагана, который, какъ извѣстно, непосредственно граничитъ съ Пенджабомъ. Всѣ эти обстоятельства не даютъ однако повода къ опасеніямъ со стороны Англіи, для которой русскіе, утвердившись въ завоеванныхъ ими мѣстностяхъ, будутъ лучшими сосѣдями, чѣмъ сопредѣльные теперь англичанамъ народы.

Несмотря на тотъ повсемѣстный почетъ, которымъ пользуется органъ Сити, нельзя не сказать, что собственныя его мнѣнія, какъ измѣняющіяся изо дня въ день, не получаютъ большого вѣса. «Times» говорятъ отъ себя то, что въ извѣстное время нравится или поневолѣ должно нравиться въ Англіи. Съ такой точки мы смотримъ и на заявленіе упомянутой газеты о нашихъ отношеніяхъ къ Англіи по средне-азіатскимъ дѣламъ. Еще такъ недавно главнѣйшія англійскія газеты, а между ними и «Times», страшали Англію приближеніемъ русскихъ къ англо-индійскимъ владѣніямъ. Теперь же слышится совсѣмъ иное. Такая переиѣна, какъ мы полагаемъ, объясняется не поворотомъ общественного мнѣнія, а силою самихъ обстоятельствъ. Англичане, убѣдившись, что для нихъ не такъ легко, или, вѣрнѣе сказать, невозможно удержать насъ въ Средней Азій отъ завоевательныхъ плановъ,

если такіе планы дѣйствительно входятъ въ систему нашей средне-азиатской политики—поневолю должны утѣшать британское самолюбіе тѣмъ, что въ настоящихъ успѣхахъ Россіи не предстоить никакой опасности для англійскаго господства въ Индіи. Англійская журналистика потеряла бы много значенія въ общественномъ мнѣніи, еслибы она продолжала твердить объ опасностяхъ, угрожающихъ англичанамъ въ Индіи, и еслибы въ то же время не дѣлалось бы ничего для предотвращения опасности, тогда бы возгласы журналистики казались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Между тѣмъ Англія поставлена въ невозможность противодѣйствовать нашему усиленію въ Средней Азіи; слѣдовательно англичанамъ всего лучше утѣшаться тѣмъ, что въ такомъ ходѣ дѣлъ не предстоить никакой опасности, и что, слѣдовательно, Англія не только можетъ оставаться равнодушной къ приближающемуся сосѣдству русскихъ, но даже, напротивъ, должна этому радоваться.

«Times» приближеніе русскихъ къ англо-индійскимъ границамъ какъ будто оправдываетъ тѣмъ, что сами англичане шли на сѣверо-западъ и тѣмъ самымъ уничтожили разстояніе, существовавшее между англійскими и русскими владѣніями, замѣчая, что то же самое дѣлали русскіе, подвигаясь на юго-востокъ. Рассматривая взаимное отношеніе русскихъ и англичанъ въ Средней Азіи, «Times» считаетъ Бухару такою страню, которая препятствуетъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ къ наступательнымъ движеніямъ, такъ что при существованіи независимой Бухары, и русской и англійской арміямъ, въ случаѣ военныхъ дѣйствій одной противъ другой, нужно было бы проходить черезъ неустроенную варварскую страну. Вообще органъ Сити приходитъ къ тому заключенію, что англичанамъ незначѣмъ уже двигатися впередъ, и что имъ гораздо удобнѣе ожидать вторженія русскихъ на мѣстахъ, занятыхъ нынѣ англичанами.

Измѣнивъ смыслъ прежнихъ своихъ отзывовъ о нашихъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи, «Times» находитъ, что Англія не имѣетъ исключительнаго права на завоеваніе Азіи, и что занявъ почти половину континента этой части свѣта, она должна допустить и завоевательныя права Россіи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, по мнѣнію англійской газеты, въ сущности все-таки азіатская держава.

Затѣмъ газета «Times» обращается къ предположенію на счетъ возможности дружельюбныхъ отношеній между русскими и англичанами въ Средней Азіи. «Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ она, что когда Бухара и Туркестанъ сдѣлаются русскими владѣніями, какъ Индія сдѣлалась англійскимъ, то мы рѣже будемъ вести войну съ этими странами. Правда, что война съ Россією, по сознанію газеты «Times», будетъ болѣе серьезнымъ дѣломъ, но за то возможность такой войны будетъ менѣе вѣроятна, такъ какъ обѣ европейскія державы, соприкасаясь одна съ другой своими средне-азиатскими границами, предпочтутъ случайностямъ

военныхъ дѣйствій благотворное распредѣленіе между собою мира и цивилизаціи».

Побѣда при Ирджарѣ уже отозвалась въ Бухарѣ, такъ-глаголюще змиръ отпустилъ задержанныхъ имъ русскихъ чиновниковъ и обѣщалъ освободить всѣхъ русскихъ, находящихся въ Бухарѣ, и кромѣ того, изъявилъ желаніе войти въ переговоры объ установленіи мирныхъ отношеній между Россіей и Бухарою.

Военныя извѣстія изъ Германіи и Италіи представляютъ теперь самый живой интересъ. Этого рода извѣстія были прежде слишкомъ сбивчивы. Они основывались на телеграфическихъ депешахъ, передающимъ свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ и отрывочно, и неполно, и неточно. Кромѣ того, встрѣчались извѣстія, прямо противорѣчащія одно другому. Такъ, извѣстія, получаемыя изъ Вѣны, приписывали побѣды австрійцамъ на такомъ пунктѣ, гдѣ они, по извѣстіямъ, идущимъ изъ Берлина, потерпѣли пораженіе отъ прусаковъ, и наоборотъ. Вообще измѣрять успѣхи или потери воюющихъ сторонъ повеселенными ими потерями даже нѣтъ никакой возможности, не только потому, что относящіяся къ этому свѣдѣнія не представляютъ необходимой достовѣрности, но и потому еще, что болѣе или менѣе значительныя потери, понесенныя одной стороной, сравнительно съ потерями другой, не опредѣляютъ еще степени пораженія въ стратегическомъ смыслѣ. Поряду успѣхъ остается на той сторонѣ, которая понесла громадныя потери, и потому что самый успѣхъ внаго военнаго предпріятія обуславливается прежде всего большимъ пожертвованіемъ въ наличныхъ силахъ съ тѣмъ, чтобы предоставить другимъ частямъ арміи дѣйствовать съ большимъ удобствомъ и тѣмъ самымъ достигнуть не частной побѣды, а главныхъ результатовъ всей кампаніи. Наконецъ, передовое движеніе одной арміи и отступленіе передъ нею другой не речутся еще за торжество той, которая идетъ впередъ, и не служатъ вѣрными признакомъ пораженія той, которая оставляетъ занятія ею прежде позиціи или отступаетъ передъ неприятелями въ глубь страны. Такія движенія боевыхъ силъ вымываются не только послѣдствіями боя, но и особыми стратегическими соображеніями. Теперь получаютъ уже болѣе опредѣленные свѣдѣнія насчетъ военныхъ дѣйствій, и кромѣ того произошли такіе битвы, которыя указываютъ положительно на успѣхи прусаковъ.

Изъ всѣхъ дѣлаемыхъ прежде предположеній на счетъ плана военныхъ дѣйствій оправдалось до сихъ поръ только одно, а именно предположеніе о наступательномъ движеніи прусаковъ и италійцевъ. Но это предположеніе оправдалось только въ общихъ чертахъ, а не въ частности. Такъ предполагали, что мѣстомъ главной встрѣчи германскихъ бойцовъ будетъ Са-

ксонія, между тѣмъ военныя дѣйствія прусаковъ, хотя и наступательныя, не сосредоточились съ перваго разу въ Саксоніи. Точно также предполагали, что итальянская армія откроетъ свои наступательныя дѣйствія одновременно въ Баваріи и Тироли, съ цѣлью обойти знаменитый австрійскій четырехугольникъ. Между тѣмъ итальянцы, тотчасъ послѣ начала войны, попытались перейти Минчіо и направиться въ австрійскіе крѣпостамъ, построеннымъ въ Италіи.

При настоящемъ ходѣ военныхъ событій представляются какъ бы двѣ, происходяшія одновременно войны: одна австро-прусская, а другая австро-итальянская. Первая охватила собою часть Австрійской имперіи и часть Германіи, другая же сосредоточилась до сихъ поръ исключительно въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи. Хотя между прусскою и итальянскою арміями нѣтъ операціонной связи, тѣмъ не менѣе отдѣльные успѣхи каждой изъ этихъ армій будутъ имѣть общее значеніе, ослабляя силы австрійцевъ, то на томъ, то на другомъ пунктѣ. Непріятельскія арміи появились въ одно и то же время на сѣверѣ и югѣ Австріи. Первою задачей этихъ армій должно было быть стараніе удержать за собою выгоды, приобрѣтенныя вторженіемъ на австрійскую территорію; съ другой же стороны, австрійцы, оскорбленные нарушеніемъ ихъ границъ и угрожаемые передовымъ движеніемъ прусаковъ и итальянцевъ, должны были прежде всего стараться о томъ, чтобъ сильнымъ и рѣшительнымъ ударомъ отбросить своихъ враговъ въ ихъ предѣлы. Имѣя въ виду эти существенныя задачи для каждой изъ воюющихъ сторонъ, можно въ общихъ чертахъ опредѣлить приобрѣтенныя ими выгоды тѣмъ, на сколько успѣли со времени начала военныхъ дѣйствій двинуться впередъ наступающія арміи, и на сколько успѣла оттѣснить ихъ съ занятыхъ ими пунктовъ сторона, принявшая оборонительное положеніе. При этомъ, независимо отъ потерь, понесенныхъ въ сраженіяхъ той или другой стороною, представятся болѣе очевидные результаты ихъ успѣховъ или ихъ неудачъ.

Вступленіе прусаковъ на австрійскую территорію совершилось двумя путями: во-первыхъ, въ Богемію, черезъ Циттау, и, во-вторыхъ, черезъ австрійскую Силезію. Циттау представляло всѣ удобства для прусаковъ относительно подвоза войскъ и военныхъ запасовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ неукрѣпленный городокъ лежитъ въ разстояніи одной мили отъ богемской границы. Другой путь прусаковъ былъ черезъ австрійскую Силезію. Движеніе по этому пути имѣло цѣлью—отрѣзать Богемію отъ сообщенія съ Вѣною и занять желѣзную дорогу изъ Праги въ Ольмюцъ. На югѣ Австріи, войско короля итальянскаго перешло Минчіо. Здѣсь имъ представлялись три дороги: одна подъ пушками Пескьеры, другая чрезъ Мантуу, а третья — идущая отъ Кастельнуово на Мантуу и Верону при Гонтѣ. Такимъ образомъ, итальянцы съ перваго раза очутились въ виду австрійскихъ укрѣпленій, гдѣ каждый шагъ впередъ долженъ былъ стоить немалыхъ усилій и

страшныхъ потерь. Наконецъ, Гарибальди двинулся въ Джиудеккарию. Подъ этимъ именемъ извѣстна долина рѣки Сарко, впадающей съ сѣвера въ Гардское озеро. При такомъ движеніи Гарибальди рассчитывалъ на итальянское населеніе этой части Тироля, и предвѣдалъ, овладѣвъ проходящею тамъ желѣзною дорогою, пресѣчь сообщеніе австрійцевъ съ сѣвернымъ Тиролемъ и угрожать Веронѣ.

Само собою разумѣется, что было бы бесполезно представлять здѣсь въ подробностяхъ ходъ военныхъ дѣйствій и упоминать о схваткахъ между непріятелями, неизвѣстныхъ никакого результата въ измѣненіи положенія, принятаго воюющими сторонами. Достаточно будетъ упомянуть здѣсь о такихъ битвахъ и движеніяхъ, которыя показали явный перевѣсъ одного противника надъ другимъ.

Первыя серьезныя встрѣчи между австрійцами и пруссаками произошли на сilesской и саксонской границахъ. Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ попробовалъ разбить пруссаковъ порознь на двухъ пунктахъ, чтобы, не допустивъ соединенія двухъ прусскихъ армій, удержатъ наступательное движеніе пруссаковъ. Вслѣдствіе этого, произошли 15-го (27) іюня два значительныя сраженія: одно при Турнау, другое при Скалицѣ. Какъ ни противорѣчивы до сихъ поръ извѣстія объ этихъ двухъ сраженіяхъ, но все-таки можно довольно-безошибочно заключить, что при Турнау взяли верхъ пруссаки, тогда какъ при Скалицѣ успѣхъ былъ на сторонѣ австрійцевъ. Нельзя однако не замѣтить крайнихъ противорѣчій въ полученныхъ о дѣлѣ подѣ Скалицею извѣстіяхъ: такъ, изъ Берлина получено было извѣстіе, что прусская гвардія разбила наголову австрійскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ фельдмаршала-лейтенанта барона Габленца, захвативъ много плѣнныхъ и большое количество военныхъ припасовъ. Между тѣмъ извѣстіе, полученное изъ австрійскаго источника, изъ Пардубица, сообщаетъ, что Габленецъ совершенно разбилъ пруссаковъ, нанесъ имъ уронъ въ 1,000 человекъ и даже заставилъ ихъ отступить на прусскую территорію. Вслѣдъ затѣмъ получены были извѣстія о побѣдѣ, одержанной австрійскою кавалерійскою дивизіею генерала Эдельсгейма при Гичинѣ, съ прибавленіемъ, что будто бы, вслѣдствіе этой побѣды, предотвращено соединеніе обѣихъ прусскихъ армій, двигающихся въ Богемію съ Эльбы и Одера. Вообще нѣмецкія телеграммы принесли уже извѣстія о многихъ кровопролитныхъ и упорныхъ сраженіяхъ, но результатъ этихъ сраженій, приписываемый и австрійцами и пруссаками каждымъ въ свою пользу, не слишкомъ замѣтенъ. Можно только сказать, что успѣхъ съ большою вѣроятностію оставался въ первое время за пруссаками, такъ-какъ они не выходили изъ границъ австрійскихъ владѣній и хотя весьма медленно, но все-таки продолжали предпринятое ими наступательное движеніе. Такое движеніе пруссаковъ проявилось и противъ баварцевъ, такъ-какъ пруссаки принали мѣры, чтобъ прервать сообщеніе баварской арміи съ австрій-

скою, которое должно было произойти на баварско-богемской границѣ по близости города Эгера, известнаго своими минеральными водами. Но возмущеніе противъ Пруссіи въ герцогствѣ саксен-альтенбургскомъ разстроило этотъ планъ.

Между тѣмъ пруссаки подвигались на югъ, и было рѣшено дать прусскимъ войскамъ, утомленнымъ переходами и сраженіями, нѣкоторый отдыхъ. Только 20-го іюня (2-го іюля) вечеромъ, когда было получено въ главной прусской квартирѣ извѣстіе о томъ, что въ теченіе дня австрійцы и саксонцы собрались въ значительныхъ силахъ между Йозефштадтомъ и Кенигсгрецомъ, рѣшено было дать сраженіе, котораго уже давно всѣ ожидали, какъ развитіе передоваго движенія прусской и сосредоточенія австрійской армій. 21 іюня, въ восьмомъ часу утра, подъ сильнымъ дождемъ, началась одна изъ самыхъ кровавыхъ битвъ, занесенныхъ въ военныя лѣтописи Европы. Со стороны Пруссіи въ этомъ сраженіи участвовали второй, четвертой, седьмой и восьмой корпуса, вмѣстѣ съ прусскимъ гвардейскимъ корпусомъ. Третій корпусъ составлялъ резервъ. Австрійцы ввели въ бой пять непочатыхъ войною корпусовъ и саксонскую армію. Во время битвы дѣйствовало до 1,500 орудій. Численность австрійцевъ въ сраженіи подъ Кенигсгрецомъ полагаютъ около 180,000 человекъ, пруссаковъ около 200,000 человекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 50,000 третьяго корпуса, составившіе съ войсками пятаго корпуса резервъ, не принимали участія въ битвѣ. Обѣ прусскія арміи, подъ начальствомъ самого короля, атаковали всю австро-саксонскую армію, расположенную на высотахъ, къ сѣверу отъ Кенигсгреца. Первоначально успѣхъ склонился на сторону австрійцевъ, такъ что первая прусская армія едва устояла, но ей помогла вторая армія, направившая свою атаку противъ праваго непріятельскаго крыла и тѣмъ рѣшившая бой блистательною побѣдою пруссаковъ.

Кенигсгрецкая битва, кромѣ военнаго значенія, получила еще огромное значеніе и въ политическомъ отношеніи, такъ-какъ собственно понесенныя въ этой битвѣ потери австрійцами, заставили императора Франца-Іосифа дать иной оборотъ всему дѣлу, отдачею Венеціи императору Наполеону.

Почти одновременно съ объявленіемъ войны Австріи, Пруссія двинула свои войска въ Саксонію и Ганноверъ. Саксонская армія была вполне приготовлена къ встрѣчѣ непріятеля и состояла изъ 28,000 человекъ, занимая, для прикрытія Дрездена, весьма-выгодную въ стратегическомъ отношеніи позицію. Армія эта могла надѣяться удержать первые натиски пруссаковъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ къ ней на помощь австрійскія войска, стоявшія на самой границѣ Саксоніи. Но передъ самымъ приходомъ пруссаковъ, саксонцы отказались отъ отпора непріятелю. Разрушивъ желѣзныя дороги, саксонцы пошли на соединеніе австрійцамъ, предоставивъ пруссакамъ вступить безпрепятственно въ столицу королевства, изъ которой удалился король съ своимъ семействомъ, и изъ которой были вывезены всѣ сокровища, при-

надлежания королевской фамилии. Такое отступление саксонцев относить къ двумъ причинамъ: вопервыхъ, къ стратегическимъ соображеніямъ Бенедека, желавшаго сосредоточить какъ можно болѣе въ своемъ распоряженіи силъ для нанесенія рѣшительнаго удара пруссакамъ, и, во вторыхъ, нежеланію королевскаго правительства подвергать Саксонію бѣдствіямъ войны, которыя непременно разразились бы надъ нею со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями, еслибы пруссаки встрѣтили въ Саксоніи вооруженное сопротивленіе и обратили бы ея территорию въ главный театръ военныхъ дѣйствій. Какъ бы то ни было, но пруссаки безъ малѣйшаго сопротивленія овладѣли Саксоніею и это обстоятельство придадо здѣь блестящаго успѣха ихъ наступательному движенію.

Что же касается ГанOVERA, то онъ испыталъ еще болѣе печальную участь. Хотя ганOVERскія войска и не очистили, подобно саксонскимъ, территорію королевства, но и они не оказали никакого сопротивленія пруссакамъ. ГанOVERскія войска не были приготовлены къ бою, имъ даже не было раздано боевыхъ припасовъ, которые хранились въ магазинахъ, и которые сдѣлались тотчасъ добычею пруссаковъ. ГанOVERцы отступили въ южную часть королевства и въ числѣ 15,000 расположились около Гёттингена, надѣясь соединиться отсюда съ войсками короля баварскаго или курфюрста гессенскаго. Имъ, однако, не удалось ни то, ни другое. Путь къ Гесену имъ преградилъ генераль Бейеръ съ частію вестфальской арміи, а правое крыло эльбской арміи заслонило ихъ отъ баварцевъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ пруссаками и не имѣя боевыхъ снарядовъ (на каждого солдата приходилось только по 16 патроновъ), ганOVERцы сдѣлали, впрочемъ, попытку пробиться черезъ прусскія войска. Попытка эта не имѣла успѣха и ганOVERская армія сдалась пруссакамъ на капитуляцію, по которой офицеры обязались въ теченіе года не воевать противъ Пруссіи, а солдаты должны были распушены по домамъ. Для южно-германской арміи сдача пятнадцатитысячной ганOVERской арміи тѣмъ чувствительнѣе, что ганOVERцы должны были начать съ однимъ изъ союзныхъ корпусовъ наступательныя дѣйствія противъ пруссаковъ и прервать, посредствомъ движенія на Тюрингенъ, сообщеніе между вестфальской и эльбской арміями, посредникъ которыхъ они находились. Король ганOVERскій и наследный принцъ принуждены были покинуть королевство, которымъ завладѣли пруссаки.

Около того же времени пруссаки заняли столицу и владѣнія курфюрста гессенскаго, самаго могущественнаго изъ германскихъ государей, послѣ королей баварскаго, саксонскаго, ганOVERскаго и виртембергскаго. Пуссаки пустили въ ходъ извѣстіе, что они овладѣли курфирмствомъ послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго ими гессенской арміи. По словамъ прусскихъ извѣстій, гессенцы были разбиты всюду на голову, причемъ будто бы въ одномъ только сраженіи при Фридбергѣ, на линіи желѣзной до-

роги между Гессеномъ и Франкфуртомъ-на-Майнѣ, легло 4.000 гессенцевъ. Извѣстія объ этой битвѣ повторили французскія и бельгійскія газеты, а между тѣмъ все это оказало чистую видимость, такъ-какъ никакого дѣла при Фридбергѣ между пруссаками и гессенцами не было. Пруссаки заняли Кассель безъ сопротивления и, объявивъ курфюрста военно-плѣннымъ, отправили его въ Берлинъ. Такимъ образомъ уже столицы трехъ нѣмецкихъ государствъ заняты пруссаками и трое германскихъ владѣтелей лишены ими своихъ верховныхъ правъ. Занявъ Дрезденъ, Ганноверъ, Кассель и Гессень, пруссаки обезпечили сообщеніе между главными пунктами, на которыхъ расположены ихъ арміи, и упрочили базисъ своихъ военныхъ дѣйствій. Вообще пруссаки взяли, при началѣ войны, очевидный перевѣсъ въ Германіи и имѣли успѣхъ въ Австріи.

Несмотря на то, что въ настоящее время Европа гордится успѣхами цивилизаціи, война все-таки ведется съ тѣми бѣдственными послѣдствіями, которыми отличались и прежнія войны. Ея сопутствуетъ разрушеніе всего того, что создали человѣческія усилія для общественной пользы. Настоящую войну сопровождаютъ: разрушеніе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, превращеніе торговли, реквизиціи, контрибуціи и разные непомѣрные поборы, имѣющіе въ сущности характеръ грабежа. Всюду является господство физической силы, и истребленіе людей и ихъ достоинства считается торжествомъ праваго дѣла. Въ политическомъ отношеніи настоящая война имѣетъ ту особенность, что пруссаки уничтожаютъ всюду господствовавшій прежде порядокъ, являясь завоевателями тѣхъ народовъ, на землю которыхъ они вступаютъ въ качествѣ друзей. Завоевательные замыслы Пруссіи ясно обнаружены въ образѣ ея дѣйствій относительно Германіи. Пруссаки вносятъ съ собою завоевательное право, повторяя, однако, что они дѣйствуютъ въ интересахъ ихъ общаго отечества—Германіи. Трудлюбивое и промышленное населеніе Германіи, благоустроенные города и села, превосходно-воздѣланныя поля, промышленныя и фабричныя заведенія, словомъ всѣ плоды прогресса и мира испытываютъ уже неотразимыя бѣдствія войны. За войною грозятъ еще разные внутренніе перевороты, при которыхъ нелегко будетъ успокоиться взволнованной нынѣ Европѣ.

Обратимся теперь къ Италіи.

Уже давно можно было предвидѣть неизбѣжность военнаго столкновенія Италіи съ Австріей за Венеціанскую область. Партія дѣйствія постоянно стремилась къ освобожденію Венеціи отъ австрійскаго ига, но итальянское правительство сдерживало стремленія этой партіи, очевидно выжидая болѣе удобнаго случая для войны съ Австріей. Случай этотъ представился вслѣдствіе разлада Австріи съ Пруссіей, и Италіи послѣдшила воспользоваться

такимъ положеніемъ дѣлъ. Итальянское правительство, долго сдерживавшее первыя патріотизма, дало полный просторъ этому чувству, и война Италіи съ Австріей началась при всеобщемъ воодушевленіи итальянцевъ, хотя безъ всякихъ поводовъ къ войнѣ со стороны Австріи, ненарушившей ничѣмъ заключенныхъ трактатовъ. Это самое воодушевленіе и заставило, безъ всякаго сомнѣнія, итальянскую армію идти на встрѣчу такимъ препятствіямъ, отъ которыхъ слѣдовало бы отстраниться при меньшемъ энтузіазмѣ. Итальянская армія, увѣренная въ побѣдѣ, двинулась прямо за Минчіо. Планъ этого смѣлаго движенія состоялъ въ слѣдующемъ. Центръ итальянской арміи, перейдя черезъ Минчіо, и направляясь на востокъ къ Робербеллѣ, долженъ былъ пройти между двумя грозными австрійскими вѣр-постами, Леньяно и Вераною, для того, чтобъ переправиться черезъ Эчь и миновать Верону. Цѣлью такого движенія было помочь правому флангу итальянской арміи, который находился подъ начальствомъ Чіальдини и долженъ былъ переправиться черезъ По при Полезелѣ, а затѣмъ двинуться къ сѣверу черезъ Савето между Леньяно и Падуюю къ Альбаредо, куда направлялся и центръ арміи короля Виктора-Эмануила. Послѣ соединенія центра арміи и его праваго фланга, итальянцы предполагали двинуться на Верону, между тѣмъ, какъ лѣвый флангъ ихъ арміи, подъ командою генерала Дурандо, атаковалъ бы Пескьеру и удержалъ бы съ этой стороны натискъ австрійцевъ.

Викторъ-Эмануилъ надѣялся имѣть возможность быстро перейти небольшое разстояніе, отдѣляющее Гонте отъ Альбаредо, и такимъ образомъ усилить соединиться съ корпусомъ Чіальдини въ то время, когда генералъ Дурандо отвлечетъ своимъ движеніемъ австрійцевъ, расположенныхъ на Эчѣ близъ Пескьеры. Планъ этотъ однако былъ разрушенъ тѣмъ, что австрійцы пошли на встрѣчу королю Виктору-Эмануилу, а генералъ Дурандо, подвергшись энергической атакѣ, не могъ держаться одинъ на своей позиціи и, вслѣдствіе этого, долженъ былъ измѣниться весь первоначальный планъ наступленія итальянцевъ на знаменитый австрійскій четвероугольныхъ.

Тогда итальянскія войска заняли два пункта: Монтевенто, на западѣ, на большой дорогѣ между Валеджіо и Кастельнуово, и Кустоццу, на дорогѣ между Валеджіо и Сомма-Компанья. Надобно замѣтить, что между Эчемъ и Минчіо простирается почти до самаго Валеджіо рядъ холмовъ, изъ которыхъ многіе, довольно высокіе, образуютъ хорошія оборонительныя позиціи. На правомъ же берегу Минчіо тянутся горы отъ Сольферино и Каврианы и образуютъ разстилающуюся на лѣвомъ берегу Эчи медольскую равнину. На сѣверъ отсюда лежатъ высоты Монтевенто и Кустоцца. Король Викторъ-Эмануилъ хотѣлъ отъ этихъ высотъ двинуться къ Альбаредо на соединеніе съ корпусомъ Чіальдини, послѣ переправы его черезъ По. Австрійцы поняли намѣреніе итальянцевъ и атаковали съ фронта позиціи, заня-

тны итальянцами. Послѣ упорнаго боя австрійцы, подѣ предводительствомъ эрцгерцога Альбрехта, успѣли овладѣть высотами Монтевенто и Кустоцца, и итальянцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ перейти обратно Минчіо, потому что равнина отъ Валаджіо до Вилафранки не представляетъ никакой оборонительной позиціи, въ которой итальянская армія могла бы держаться нѣсколько времени послѣ неудачнаго сраженія.

Битва при Монтевенто и Кустоццѣ происходила въ седьмую годовщину знаменитаго сраженія при Сольферино, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ, въ 1859 году, находилась французская армія утромъ того дня, когда начались переговоры о заключеніи вилафранкскаго мира. Эта неудачная для итальянцевъ битва не поколебала однако мужества итальянской арміи и не ослабила энергіи итальянцевъ. Напротивъ даже, первая неудача, испытанная итальянской арміей, послужила поводомъ къ болѣе сильному возбужденію энтузіазма въ войскахъ Виктора-Эмануила и увеличила ихъ воинственный пылъ. Италия вполне увѣрена въ успѣхахъ своего оружія, потому что силы Австріи отвлечены на сѣверъ, гдѣ она должна удерживать прусаковъ. Король сосредоточилъ свои войска между Кремоною и Пьяченцою, чтобы снова двинуться въ грозный четверугольникъ, хотя, по другимъ извѣстіямъ, нынѣ измѣнилъ первоначальный планъ кампаніи, потому что итальянцы хотятъ обойти твердыни, воздвигнутыя австрійцами въ Италіи. О потеряхъ, понесенныхъ въ сраженіи при Кустоццѣ и Монтевентѣ итальянцами и австрійцами, не имѣется точныхъ свѣдѣній: полагають, однако, что число выбывшихъ изъ итальянской арміи простирается до 10,000 человекъ, тогда какъ потеря австрійцевъ ограничивается 6,000 человекъ. Въ этой битвѣ раненъ легко въ ухо и довольно тяжело въ грудь принцъ Амедей, второй сынъ короля Виктора-Эмануила. Неудачу итальянцевъ приписываютъ, между прочимъ, прибытію на помощь австрійцамъ изъ Вероны сильной свѣжей колонны, которой итальянцы могли противопоставить только войска уже утомленные продолжительнымъ боемъ. Какъ бы то ни было, но при первомъ столкновеніи итальянцевъ съ австрійцами несомнѣнный успѣхъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, остался на сторонѣ послѣднихъ.

На лѣвомъ флангѣ итальянской арміи, гдѣ дѣйствуетъ Гарибальди съ своими волонтерами, не произошло до сихъ поръ ничего замѣчательнаго. Гарибальдійцы расположились пока на итальянской границѣ и вторженіе ихъ въ Баварію представляется весьма сомнительнымъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что настоящая война въ Италіи представляетъ ту особенность, что при прежнихъ войнахъ знаменитый австрійскій четверугольникъ, состоящій изъ вѣрностей: Мантуи, Леньяно, Пескьеры и Вероны; былъ обыкновенно предѣломъ, до котораго доходили побѣдоносные враги Австріи. Это было и въ 1859 году. Между тѣмъ нынѣшняя кампанія отгяр-

лась прямо походомъ на австрійскія вѣрности, и если повторится еще разъ такое движеніе, то, по всей вѣроятности, война не будетъ продолжительна, такъ-какъ или итальянцы должны будутъ потерпѣть рѣшительное поражение, или, напротивъ, Австрія, лишившись своихъ оборонительныхъ укрѣпленій въ Италіи, принуждена будетъ отказаться отъ Венеціи. Послѣднее событіе совершилось, однако, и безъ вторичнаго перехода итальянцевъ за Минчіо, такъ-какъ Францъ-Иосифъ отдалъ Венецію императору Наполеону. Такой оборотъ, повидимому, не только не облегчилъ, но, напротивъ, усложнилъ еще болѣе ходъ настоящихъ событій.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЪ.

Жертвы новой эпидеміи. — Замѣчанія на статью записокъ русскаго географическаго общества, Роулинсона. — Аборигены Америки, Боларта. — О родственныхъ бракахъ, Ранбосона. — Находка египтологовъ. — Характеристика англійскаго романа. — Исслѣдованія Лартэ къ происхожденію соленыхъ озеръ и Мертваго моря въ особенности. — Доказательство Паркса древности рода человѣческаго путемъ сравнительнаго языкованія. — Исслѣдованіе острова Варенаури. — Похвала трудамъ русскаго картографическаго военнаго депо.

Знаменитыхъ устрицъ канкальскаго залива постигло неожиданное бѣдствіе — между ними распространилась эпидемія, и онѣ мрутъ тысячами. Тѣ же изъ нихъ, которыя не успѣли еще умереть и разложиться, стали вѣрной отравой для охотниковъ полакомиться ими. Изъ Канкаля зараза перешла въ заливъ св. Михаила и опустошила тамъ *parc aux huîtres*, находящійся на откупѣ у г-жи Рашель, сестры извѣстной актрисы. Ламаншскій префектъ отвелъ ей, въ видахъ вознагражденія за убытокъ, свѣжую устричную мель близъ Реньвиля, извѣстную подъ именемъ «*Le Banc des Pendus*». Здѣсь намѣрена развести она гигантскихъ устрицъ Америки, которыя хотя и не такъ нѣжны, какъ европейскія, однакоже считаются не послѣдней роскошью въ булливарномъ искусствѣ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что и вновь отвѣденный участокъ подвергнется той же участи. Эпидемія свирѣпствуетъ на очень большомъ пространствѣ. Она распространилась уже отъ Ламанша до береговъ Норвегіи. На дняхъ отдѣленіе естественныхъ наукъ христіанійской академіи напечатало отчетъ о результатахъ исслѣдованія этой эпидеміи, вслѣдствіе которой устрицы обратились теперь для человѣка въ животный ядъ. Поводомъ къ исслѣдованію послужили смертные случаи и очень серьезныя болѣзни, причинъ которыхъ никакъ не могли сначала понять медики. И такъ, людской родъ губятъ холера и возвратная горячка, домашній скотъ истребляетъ падежъ, свиньи зара-

жаются трихинами, наконецъ и устрицы не избѣгли общей участи («Reader» 21-го апрѣля и 19-го мая).

— 26-го марта въ лондонскомъ географическомъ обществѣ, сэръ Генри Роулинсонъ прочелъ свои «Замѣчанія на статью г. Венюкова о памирской области въ Средней Азій», напечатанную въ «Запискахъ русскаго географическаго общества» 1861 г. Въ эту статью вошли исключительно извѣстія изъ рукописи, найденной въ военно-топографическомъ депо. Это—путевыя записки какого-то Георга Людвигъ фонъ — (фамилія неизвѣстна), помѣченныя 1806 годомъ. Онѣ написаны по-нѣмецки, въ нимъ приложено сорокъ рисунковъ и много астрономическихъ опредѣлений разныхъ мѣстъ. Тутъ же былъ найденъ французскій переводъ этой рукописи и преросходно сдѣланныя съемки горной страны. Неизвѣстный авторъ говоритъ, что онъ былъ посланъ въ началѣ текущаго столѣтія Ост-Индской компаніею для закупки лошадей и, выѣхавъ изъ Сринагура, столицы Кашмира, 8-го мая (года не означено) съ лейтенантомъ Гарвеемъ и сорока сипаями, видѣлъ передъ собою на другой день гору Дарумуданъ, которая постоянно дымится и выбрасываетъ камни, но рѣдко извергаетъ пламя. Черезъ Индъ переправился онъ 10-го мая; потомъ, оставя за собою Яшгур-Гоби, перешелъ снѣжное ущелье между горами Ардудомъ и Димири и очутился въ томтандурской долинѣ. Дневникъ его наполненъ подробнымъ описаніемъ горъ, ледниковъ, рѣчекъ, озеръ, ущелій и горнаго хребта Лопши. Жители, ихъ обычаи, одежда и религіозные обряды также не ускользнули отъ вниманія любознательнаго путешественника. Множество табуновъ нашель онъ на роскошныхъ пастбищахъ, окружающихъ озеро Тумбель, купилъ 132 лошади и отправилъ ихъ въ Бенгалъ подъ надзоромъ лейтенанта Гарвея и восьми сипаевъ, самъ же отправился съ остальными спутниками далѣе во внутрь страны. 12-го іюня въ Бхалъ онъ въ Кашгаръ, гдѣ нашель 1,500 домовъ и въ числѣ 15,000 жителей 325 человекъ армянъ, имѣющихъ каменную церковь, построенную въ 1615 г. во имя св. Лозіена. Въ Кашгарѣ прожилъ онъ одну недѣлю и 3-го іюля былъ уже въ Бодорѣ, гдѣ оставался до 23-го августа. Потомъ, пройдя съюзъ знаменитое бадакшанское ущелье, прибылъ въ городъ Бадакшанъ, населенный мусульманами. Здѣсь провелъ онъ зиму и только весной могъ примкнуть къ каравану, шедшему въ Вокханъ, куда и прибылъ 18-го апрѣля. На пути купилъ онъ еще 980 лошадей и послалъ ихъ въ Кашгаръ, откуда сипаи должны были вести ихъ въ Индію. Изъ Вокхана поѣхалъ этотъ неизвѣстный путешественникъ памирской степью въ Коканъ и потомъ въ городъ Туркестанъ. Но достигнувъ Киргизской степи, принужденъ былъ вернуться назадъ и возвратился въ Кашмиръ черезъ Самаркандъ и Яркендъ. Къ несчастію, первая партія лошадей была захвачена маратами. Вслѣдствіе этого ост-индская компанія потребовала съ своего агента истраченныхъ на покупку табуна денегъ. Онъ не захотѣлъ заплатить ихъ, поссорился съ

компанією и передалъ свои путевныя записки русскому правительству.

Роулинсонъ замѣтилъ, что чертежи, приложенные къ дневнику неизвѣстнаго путешественника, вошли не только въ русскія официальныя карты Средней Азіи, но что ими же руководствовался профессоръ Кипертъ въ Берлинѣ и Станфордъ въ Лондонѣ. Вообще дневникъ этотъ былъ бы дорогимъ подаркомъ для географовъ, еслибы достовѣрность его не возбуждала сомнѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что Роулинсонъ все путешествіе неизвѣстнаго автора признаетъ небывалой еще въ ученой литературѣ мистификаціей—такъ мастерски все подложено въ ней. Вотъ его доказательства. Къ сѣверу отъ Сринагура нѣтъ никакого дѣйствующаго вулкана. Вся эта область извѣстна теперь англичанамъ не хуже Великобританіи, и—стало бытъ—ошибиться нѣтъ никакой возможности. Нельзя также проѣхать въ два дня 120 миль, отдѣляющихъ Сринагуръ отъ Инда, тѣмъ болѣе, что страна эта чрезвычайно гориста и въ высшей степени неудобна для быстрой ѣзды. Что же касается двадцати-пяти дней (?), въ которме путешественникъ проѣхалъ пространство между Индомъ и Кашгаромъ, то одно уже это извѣстіе уничтожаетъ довѣренность къ его разсказу. Сверхъ того, Роулинсонъ сдѣлалъ всѣ нужныя справки и убѣдился, что никогда въ распоряженіи ост-индской компаніи не было такого путешественника, что никому не поручала она подобной закупки лошадей, и что въ спискѣ индійской арміи того времени не было лейтенанта Гарвея. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнимый путешественникъ, по его собственнымъ словамъ, покупалъ лошадей, существуютъ только пони, непригодные, конечно, для кавалеріи; притомъ же нѣтъ никакой возможности гнать цѣлыя табуны ихъ по дорогѣ, изрѣзанной оврагами и пропастью. Извѣстно также, что въ Кашгарѣ не жило армянъ. Все, что говорится о нихъ здѣсь, выдуманно авторомъ записокъ. Хотя долготы и широты мѣстъ означены въ рукописи, однакоже въ ней нѣтъ реестра астрономическихъ наблюдений, не упоминается ни о времени, когда производились они, ни объ инструментахъ, которыми пользовался наблюдатель. Потому-то астрономическая часть этихъ записокъ и возбуждаетъ сомнѣніе, несмотря на то, что г. Ханьковъ призналъ ее удовлетворительною. Ни одно собственное имя рукописи не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ названіямъ мѣстъ, по которымъ проѣзжалъ будто бы мнимый агентъ ост-индской компаніи. Онъ не упоминаетъ о лакахъ, о дикихъ козахъ, а говорить о черныхъ кроликахъ, которыхъ совершенно нѣтъ въ Средней Азіи. Наконецъ невозможно по такой гористой странѣ путешествовать въ сопровожденіи верблюдовъ, которыхъ авторъ помннутыхъ записокъ имѣлъ будто бы при себѣ. Какъ эти, такъ и многія другія несообразности, замѣченныя г. Роулинсономъ, доказываютъ несомнѣнную поддѣлку документа.

По прочтеніи «Замѣчаній», г. Соундерсъ сказалъ нѣсколько

словъ въ защиту карты Средней Азии Станфорда, особенно относительно теченія рѣки Волора, которое означено по картѣ, приложенной къ путевымъ запискамъ анонимнаго путешественника и, кажется, нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности.

Потомъ по приглашенію президента Мурчисона явился одинъ изъ самыхъ старыхъ чиновниковъ ост-индской компаніи г. Крауфордъ, и сказалъ, что онъ былъ въ Индіи въ 1805—6 г. и очень хорошо помнитъ всѣ правительственныя распоряженія того времени, а потому и можетъ объявить безошибочно, что никакой экспедиціи съ сипаями не посылалось въ памирскія горы, и что онъ никогда не слыхалъ, чтобы лейтенантъ Гарвей находился въ индійской службѣ.

Президентъ, поблагодаривъ сэра Генри Роулинсона за искусный анализъ мемуара, написаннаго неизвѣстнымъ нѣмецкимъ авторомъ, сказалъ, что онъ объясняетъ довѣренность къ этой рукописи столь опытнаго географа, какимъ признанъ г. Ханниковъ, только тѣмъ обстоятельствомъ, что ни самъ онъ и никто другой изъ русскихъ географовъ не занимались лично изслѣдованіемъ Памирской страны. Однакоже, такъ-какъ она лежитъ между границами русскихъ и англійскихъ владѣній, то онъ не сомнѣвается, что ученые этихъ государствъ не замедлятъ опредѣлить съ точностью ея географическія признаки, и тогда сама собою исчезнетъ необходимость соображеній о достовѣрности путевыхъ записокъ какаго-то неизвѣстнаго туриста, составленныхъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ тому.

Всѣ эти данныя неволью возбуждаютъ вопросъ: кому же и для какой именно дѣли нуженъ былъ такъ мастерски составленный подлогъ? Отвѣтъ одинъ: ост-индской компаніи. Такъ-какъ она до послѣдняго дня своего существованія опасалась завоевательныхъ стремленій Россіи, то очень немудрено, что, желая ввести въ заблужденіе тѣхъ людей, которымъ пришлось бы составлять планъ предполагаемой войны и распоряжаться военными дѣйствіями, она прибѣгла къ этому оригинальному средству. Нѣмецкій текстъ записокъ, французскій переводъ ихъ, отлично сдѣланные чертежи, предпочтеніе, оказанное совершенной утайкѣ фамиліи автора, тогда какъ очень легко можно было выдумать ее, и наконецъ ссылка мнимаго путешественника на двѣ копии съ этихъ записокъ, отправленныя будто бы изъ Вокхана въ Ост-Индію—всѣ эти факты подтверждаютъ наше предположеніе. Если мы ошибаемся—то какъ же объяснить явленіе этого подложнаго документа?...

— «Indépendance Belge» увѣдомляетъ о странномъ анатомическомъ явленіи. Въ торнейскомъ военномъ госпиталѣ умеръ молодой офицеръ, и когда былъ вскрытъ его трупъ, то нашли, что всѣ внутренніе органы размѣщены въ немъ ненормально. Такъ, напримѣръ, сердце находилось на правой сторонѣ, легкія же лѣвой и т. д. Несмотря на это, молодой человекъ въ продолженіе своей жизни пользовался постоянно превосходнымъ здо-

ровъемъ и умеръ отъ тифозной горячки. Это краткое извѣстiе перепечатано безъ оговорки въ ученоемъ отдѣлѣ одного изъ англійскихъ журналовъ, откуда мы заимствуемъ его, какъ очень любопытную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень невѣроятную новость.

— Въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ была прочтена 17-го апрѣля записка г. Болэрта о туземномъ населеніи, или аборигенахъ новаго свѣта. Авторъ отвергаетъ мнѣніе о тождествѣ физическаго устройства ихъ на всемъ материкѣ Сѣверной и Южной Америки. Типъ, цвѣтъ, форма, физическое и умственное развитіе такъ-называемыхъ краснокожихъ индійцевъ имѣютъ рѣзкія племенные отличія, причины которыхъ подробно изслѣдованы авторомъ записки. Онъ упоминаетъ о разныхъ теоріяхъ, которыя изобрѣтались съ цѣлью объяснить происхожденіе американскихъ аборигеновъ, и останавливается преимущественно на извѣстныхъ фактахъ относительно заселенія сѣверной части этого материка выходцами изъ Исландіи въ десятомъ вѣкѣ. Авторъ мемуара даетъ подробный отчетъ о всѣхъ матеріалахъ, какіе удалось собрать ему для уясненія вопроса о красномъ человѣкѣ до и послѣ открытія Колумбомъ Америки. Эти данныя относятся къ населенію русскихъ владѣній въ Америкѣ, Канадѣ, Ньюфундланда, Соединенныхъ Штатовъ, Вест-Индіи, Техаса, Мексики, средней Америки, Новой Гренады, Квито, Бразиліи, Чили, пампасовъ или луговой части южнаго материка и Перу. Основываясь на геологическомъ сходствѣ между Америкой и Европою, авторъ заключаетъ, что образованіе американскаго континента было одновременно съ образованіемъ другихъ частей свѣта, и что онъ подвергся такимъ же, какъ и онъ, переворотамъ. Но, разумѣется, и тамъ и здѣсь находятся своего рода особенности. Напримѣръ, старый свѣтъ протянуть болѣе съ востока на западъ, а новый—съ сѣвера на югъ; такъ же горныя цѣпи расположены въ противоположныхъ направленіяхъ, равно какъ ископаемые остатки отличаются своеобразнымъ характеромъ. Полагали, что туземныхъ жителей въ Америкѣ, въ періодъ ея открытія, было слишкомъ сто миліоновъ человѣкъ; теперь же ихъ въдесятеро меньше. Это населеніе говорило на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Думаютъ, что первыхъ было 400, а вторыхъ болѣе 2,000. Для развитія каждаго изъ нихъ необходимъ продолжительный періодъ времени. Сдѣлавъ краткій обзоръ распредѣленію по земной поверхности главныхъ расъ человѣческаго рода, авторъ опредѣляетъ признаки, отличающіе ихъ отъ краснокожаго индійца новаго свѣта. Онъ объясняетъ характеръ остатковъ древняго человѣка, найденныхъ на островѣ Гваделупѣ и въ Вест-Индіи, говоритъ о кораловыхъ рифахъ Флориды и наполненныхъ костями пещерахъ Бразиліи. Въ Эквадорѣ найдена глиняная посуда подъ такими пластами земли, которые доказываютъ, что эта страна была нѣкогда ниже морского уровня и потомъ поднялась снова. Наконецъ, авторъ указываетъ на нѣкоторыя фізіологическія особенности, отличающія краснаго чело-

вѣка отъ бѣлаго, и приходитъ къ заключенію, что люди старо-го и новаго свѣта не могли произойти отъ одного общаго родо-начальника.

— Во французскую академію наукъ былъ представленъ 16-го апрѣля замѣчательный мемуаръ Ранбосона «О родственныхъ бракахъ». Относительно ихъ существуютъ два противоположныя мнѣнія. Нѣкоторые физиологи думаютъ, что бракъ между однокровными ведетъ къ постепенному ослабленію потомства, къ бесплодію и вообще къ уничтоженію рода. Другіе же увѣряютъ, что такіе браки не только не имѣютъ дурныхъ слѣдствій, но, напротивъ, способствуютъ улучшенію расы. Отсюда явилась мысль, что само по себѣ врососмѣшеніе не вредно, и что оно помогаетъ размноженію рода и развитію въ немъ наследственныхъ качествъ. Какъ скоро однокровные мужчина и женщина совершенно здоровы, то брачный союзъ ихъ такъ же мало способенъ произвестъ въ потомствѣ предрасположеніе къ болѣзни, какъ и въ то время, когда между ними не существовало бы никакихъ родственныхъ отношеній. На это возражаютъ, что наследственные качества бывають двухъ родовъ: хорошія и дурныя. Если передаются первыя, то должны передаваться и вторыя. Потому-то, если въ семьѣ или въ родѣ существуетъ какая нибудь болѣзнь, то вслѣдствіе родственныхъ браковъ она должна, разумѣется, усилиться въ потомствѣ. Наконецъ, замѣчаютъ, что расположеніе къ недугу приобрѣтается посредствомъ образа жизни или другимъ способомъ. Но какъ скоро будетъ приобрѣтено это расположеніе однимъ изъ членовъ даннаго семейства, то брачные союзы между ними должны склонность къ болѣзни обратить уже въ фактъ, то-есть въ самую болѣзнь, по мѣрѣ развитія поколѣнія. Авторъ мемуара старается обратить вниманіе оппонентовъ на нѣкоторыя особенности, ускользнувшія, повидимому, отъ людей, занимавшихся рѣшеніемъ этого вопроса. Человѣкъ подверженъ большому числу болѣзней, нежели всѣ другія животныя, взятыя вмѣстѣ. Даже самые здоровые люди таятъ въ себѣ, если и не зародышъ, то по крайней-мѣрѣ расположеніе къ какому-нибудь недугу. Захворавши и потомъ оправясь отъ болѣзни, они становятся способны передать расположеніе къ ней своимъ будущимъ дѣтямъ. Болѣзнь же бываетъ часто слѣдствіемъ тѣхъ ежедневныхъ условий, которыя можно назвать семейной атмосферою живущихъ вмѣстѣ людей. Потому-то очень трудно встрѣтить членовъ какой либо семьи, или даже ихъ близкихъ родственниковъ, которые не были бы расположены къ обыкновенному разстройству здоровья. Основываясь на этомъ, г. Ранбосонъ думаетъ, что писавшіе въ пользу родственныхъ браковъ натуралисты не обратили вниманія на очень важное обстоятельство, рѣшая этотъ вопросъ по тѣмъ даннымъ, какія представляютъ животныя. Такъ называемый инстинктъ служитъ для животныхъ вѣрнымъ руководителемъ въ выборѣ пищи и вообще образа жизни; тогда какъ вкусъ и капризъ препятствуютъ человѣку слѣдовать постоянно

однажды принятымъ правиламъ. Потому-то надобно быть очень осторожнымъ, касаясь вопроса о примѣненіи къ человѣку началъ зоотехніи.

— Лепсіусъ, Рейнишъ, Реслеръ и Вейденбахъ нашли въ концѣ прошлаго апрѣля покрытый іероглифами камень въ Санѣ, или древнемъ Танисѣ, гдѣ находились важнѣйшіе архитектурные памятники, возвыгнутые Рамезесомъ II-мъ. Іероглифы эти переведены тутъ же на греческій языкъ. Греческая надпись состоитъ изъ семидесяти-шести строкъ, которыя сохранились какъ нельзя лучше. Она относится во времени Птолемея Энергета I (238 до Р. X.). Сдѣлавшіе это счастливое открытіе сняли съ камня три фотографіи, скопировали іероглифы и греческій переводъ ихъ. Европейскіе египтологи ожидаютъ нетерпѣливо этихъ факсимиле, надѣясь, конечно, что они пояснятъ многое.

— Англію можно назвать самою *романической* страной, если мы употребимъ только этотъ эпитетъ не такъ, какъ обыкновенно употребляютъ его, но въ прямомъ, непереносномъ значеніи. Нигдѣ такъ привольно не живетъ роману, какъ въ Англій. Каждый мѣсяцъ являются тамъ десятки новыхъ романовъ, и лучшіе изъ нихъ выдерживаютъ по нѣскольکو изданій. Характеръ англійскихъ романовъ не отличается, конечно, неподвижностью. Въ исторіи его развитія было нѣсколько замѣчательныхъ переворотовъ, которые довольно удачно опредѣлены въ одной изъ передовыхъ статей «Saturday Review» 14 апрѣля.

Мисъ Молохъ написала недавно романъ, вызвавшій одобренія критиковъ, хотя онъ по характеру своего героя и долженъ казаться анахронизмомъ. Въ немъ изображены добродѣтели большого графа. Онъ старается сдѣлать счастливыми всѣхъ, кому нужна его помощь, и стремится къ своей цѣли такъ оригинально и такъ женственно, что становится однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые отжили вѣкъ свой въ англійскомъ романѣ. Слабое, больное и чрезвычайно доброе существо, управляющее, не сходя съ давана, дѣлами своей семьи, или цѣлаго прихода, было идеаломъ предшественницъ мисъ Брадонтъ. Впрочемъ, этотъ типъ изобрѣли онѣ не для пополненія группы созданныхъ ими характеровъ. Напротивъ, въ немъ отразились два благороднѣйшіе инстинкта женщинъ — желаніе улучшить общество нравственной доктриной, которая можетъ быть выражена беллетристическимъ произведеніемъ, и склонность ихъ удивляться нравственной силѣ. Особенно мисъ Йонджъ и мисъ Сьюэль любили воспроизводить эту силу изъ физической слабости. Очень понятно, что тонкообразованная и даровитая женщина должна чувствовать удовольствіе, способствуя распространенію взгляда, который уравниваетъ въ нѣкоторой степени вліяніе слабѣйшаго пола на сферу дѣятельности, гдѣ проявляется преимущественно власть и господство мужчинъ. Сверхъ того, романы эти напоминали читателю, что, несмотря на пресловутое превосходство мужчинъ, въ нравственномъ мірѣ существуютъ высоты, доступныя исключительно

однѣмъ женщинамъ. Достоинство дидактическихъ романовъ заключалось въ стремленіи какъ можно болѣе возвысить идеалъ женской нравственности. Героини ихъ не были, конечно, чужды малыхъ недостатковъ, но убійство и двоемужество не могли войти даже въ сферу ихъ предположеній. Слабая сторона этихъ произведеній состояла въ подчиненіи женской энергіи мелочнымъ обязанностямъ и ничтожнымъ цѣлямъ. Молодые героини создавались воображеніемъ писательницъ только для того, чтобы мучить себя безконечно пустыми сомнѣніями и читать правоученія бѣднымъ людямъ. Жизнь ихъ тратилась на рѣшеніе длиннаго ряда мелочныхъ приходскихъ и домашнихъ задачъ. Мысли ихъ были заняты преимущественно такими, напримѣръ, пустячками: какъ бы потѣшить на женскій ладъ воспитанниковъ приходскаго училища, какимъ бы образомъ заставить Вуди Броуна смотрѣть съ надлежащей точки зрѣнія на одинъ изъ религиозныхъ вопросовъ, и т. д. Все это, безъ сомнѣнія, невинно и добродушно въ высшей степени. Но опасность подобныхъ картинъ заключается въ усиленіи чувства ответственности, тогда какъ писательницы, радѣющія о нравственномъ величій своего пола, должны бы, какъ жетса, всѣми силами будить, тревожить его.

Въ настоящее время чисто-дидактическіе или полурелигіозные романы вышли изъ употребленія. Волна трансцендентализма, которую были внесены они въ глубину народнаго сочувствія, разбилась въ дребезги. Ее смѣнила волна матеріализма, на гребнѣ которой носился романъ съ героиней совсѣмъ другой категоріи. Если справедливо мнѣніе французскихъ социологовъ, что въ дѣятельности женщинъ отражаются преимущественно окружающіе ихъ факты, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ произведеніяхъ англійскихъ писательницъ отразилась перемѣна, происшедшая въ духѣ времени, и что онѣ шли за вдохновеніемъ на Боу-Стритъ и въ Разводный Судъ. Отъ этой группы, при самомъ разливѣ матеріальнаго направленія, отдѣлилась леди, написавшая «Джона Галифакса». Она осталась въ томъ ряду, который не преклонилъ колѣнъ передъ чувственностью. Находясь въ средѣ слабого, испорченнаго поколѣнія романистовъ, она становится все строже и суровѣе въ своихъ урокахъ. Энергія и торжественность ея рѣчи, обращенной къ безнравственнымъ людямъ, постоянно усиливаются. И надобно сказать правду—подобныя проповѣди теперь нелишни. Чувственный тонъ романа, такъ популярный въ наше время, немало способствовалъ упадку вкуса и здравомыслія. Но дѣло не въ томъ, что это направленіе можетъ произвестъ вредное вліяніе на рабочій классъ Британіи, какъ думаетъ архіепископъ Томпсонъ, или ввести въ моду преступленіе, какъ «Нищенская опера» (Beggars Opera) ввела грабительство. Вредная сторона современнаго романа заключается въ его чистѣйшемъ эпикуреизмѣ, въ его совершенномъ равнодушіи къ тому, что составляетъ высшую жизнь разумнаго существа. Онъ рисуетъ общество, въ среду котораго не западаетъ даже слу-

чайню ни одного слабого луча нравственной идеи — общество, живущее только для насущнаго дня, нестремящееся ни къ чему слишкомъ высокому или прекрасному и строго ограничивающее кругъ своихъ замисловъ и помышленій пятью чувствами. Безъ сомнѣннй, литература, имѣющая такой музыкальный ключъ, должна подкапывать нравственныя понятія тѣхъ людей, на которыхъ производить она дѣйствительное вліаніе. Возьмемъ, для примѣра, дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ — онѣ болѣе, нежели кто другой, читають романы. Не мѣшало бы, кажется, ихъ милую склонность обожать что-нибудь направлять къ предметамъ, достойнымъ любви и уваженія. Хорошо было бы учить ихъ удивляться въ мужчинѣ тому, что дѣйствительно заслуживаетъ удивленія, и употребить всѣ средства къ искорененію между ними идолопоклонства передъ усами и деньгами. Въ этомъ заключается очень серьезная обязанность романиста. Но какой же мужчина рисуется въ новомъ романѣ образцовымъ для женщины мужемъ? Преимущественно красивый, добронравный и богатый фатъ, который не двинетъ пальцемъ для того, чтобы остановить жену, видя, что она готова сдѣлать глупость, или преступленіе. Разумѣется, не къ такому жалкому типу слѣдовало бы направлять сочувствіе женщины. Качества, которымъ удивляется она въ мужчинѣ, производить вліаніе на ея собственный характеръ — она стремится усвоить ихъ. Романисты дидактической школы хорошо понимали это. Съ цѣлью улучшить и возвысить своихъ читательницъ посредствомъ свойственной имъ симпатіи къ прекрасному, они противопоставляли богатству высокія качества ума и сердца. Вѣднаго человѣка надѣляли они гениальными способностями, красотою, мужествомъ, а съ богатствомъ соединили безобразіе, дряхлость и порокъ. Ни одна женщина не могла, конечно, колебаться въ выборѣ между этими противоположностями. Молодой человѣкъ, вырывающій изъ когтей враждебнаго къ нему свѣта, послѣ отчаянной борьбы съ препятствіями, то, къ чему энергически стремился онъ, возбуждалъ всегда симпатію прекраснаго пола, тогда какъ злой и ничтожный богачъ, хотя бы владѣлъ онъ домомъ на Гросвенор-Скверѣ и замкомъ въ Шотландіи, поселялъ въ нихъ ужасъ и отвращеніе. Въ такомъ воспитаніи симпатій было очень много хорошаго. Оно заставляло женщинъ предпочитать свѣтской мишурѣ нравственныя и умственныя качества мужчины. Оно препятствовало имъ стремиться къ соединенію своей судьбы съ судьбою богатаго болвана, или модной куклы, учило ихъ глубже вглядываться въ характеръ людей и отдавать предпочтеніе тому, кто магической силою своего краснорѣчія могъ бы увлечь парламентъ, или очаровывать міръ красотою своей поэзіи, или прославиться геройскими подвигами.

Это матеріалистическое направленіе смѣнилось оксфордскимъ движеніемъ, или идеализаціею пастора, такъ-называемой, высокой церкви. Онъ являлся въ романахъ не простымъ труженикомъ, но героемъ, всѣ дѣйствія котораго были полны доброты, благород-

ства и внутренней прелести. Обожаніе пасторовъ, вызванное этими романами, имѣло хорошія слѣдствія. Оно развило въ женщинахъ страсть къ мисіонерскимъ обязанностямъ и возбудило въ нихъ склонность къ приходской дѣятельности. Даже молодыя дѣвушки стали давать совѣты бѣднымъ, посѣщать больныхъ, учить въ народныхъ школахъ, изготовлять церковную утварь и наконецъ заниматься тонкостями богословія. Когда палъ этотъ романъ, на сцену выступили два автора съ двумя противоположными типами — Кингслей съ своимъ молодымъ, ненадѣленнымъ физической силой героемъ, и авторъ *Гэй Ливингстона* съ могучимъ, всесовершенствою капитаномъ. Характеръ пылкаго, богобоязненнаго юноши, который исполняетъ свою обязанность, не дѣлая никакихъ глупостей, можетъ произвести выгодное вліяніе на читательницъ, склонныхъ къ легкомыслію и афектаціи. Но нивагъ нельзя ожидать такихъ же результатовъ отъ смѣси кулачнаго боя и французской утонченности, которые авторъ Гэй Ливингстона воплощаетъ въ своихъ герояхъ. Хотя физическая сила относится къ предметамъ, возбуждающимъ удивленіе женщинъ, однакоже, сравнительно съ такимъ представителемъ челолюбва въ популярномъ романѣ становится почитеннымъ лицомъ любой вулачный боецъ по профессіи. Герои современнаго романа стали похожи на тѣхъ куколъ, которыя показываеъ мадамъ Тюсо. Снаружи—бархатъ и золото, внутри же — ничего, кромѣ тряпья и хлама. Судя по этимъ романамъ, слѣдовало бы заключить, что высшее счастье молодой женщины заключается въ ея брачномъ союзѣ съ отвратительно-самодовольнымъ Галіо, который будетъ обѣдать съ обычнымъ аппетитомъ даже въ то время, когда полиція потащитъ въ судъ его жену за убійство или двоемужіе. Такой челолюбъ очень пригоденъ, безъ сомнѣнія, для развитія занимательнаго происшества, въ которомъ на его долю достается роль шеворня, способствующаго везти впередъ коляску; но ехиднѣе этой карикатуры на мужчину едва-ли можно что-нибудь выдумать.

Многіе не вѣрятъ, чтобы фантастическія произведенія литературы могли имѣть ту силу, какая приписывается имъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что на мужчинъ и женщинъ романъ дѣйствуетъ неодинаково. Мужчины читаютъ его преимущественно для развлечения. Они недолго остаются подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя романистъ производитъ на нихъ своимъ вымысломъ. Опытность и частыя столкновенія лицомъ къ лицу съ требованіями дѣйствительной жизни не позволяютъ имъ увлекаться грѣзами. Мужчина не станетъ искать для себя идеала жены въ героинѣ романа. Не то бываетъ съ женщиною. Романъ предпочитаетъ она всѣмъ другимъ произведеніямъ словесности. Изъ него заимствуетъ она идеи, на которыхъ по большей части и основывается образъ своихъ дѣйствій. Мечтательная и впечатлительная, она живетъ воображеніемъ въ искусственномъ мірѣ, населенномъ романтическими существами. Притомъ же, ей свойствен-

на опасная привычка уподоблять обстоятельства своей собственной жизни тому, что вычитала она въ романѣ, говорить и дѣйствовать такъ, какъ стала бы, по ея мнѣнію, дѣлать все это при такихъ же условіяхъ героиня того или другого романа. Потому-то романистъ принимаетъ на себя особеннаго рода отвѣтственность, когда подъ видомъ добра, правды и прекраснаго рисуетъ онъ низкое, ложное и безчестное, стараясь исказить правильныя понятія женщины и возбудить въ ней удивленіе къ негоднымъ, но заманчиво и соблазнительно-изображеннымъ предметамъ. И такъ-какъ читательницъ интересуетъ особенно главный мужской характеръ, то было бы нисколько нелишнимъ дѣломъ надѣлать романическихъ героевъ такими качествами, которыя давали бы имъ право на уваженіе хорошо развитыхъ и тонко образованныхъ умовъ.

— Изъ числа вопросовъ, предлагаемыхъ изученіемъ физической географіи материковъ постоянно на разсмотрѣніе геологовъ, мало можно найдти такихъ, которые представляютъ собою столь же великій интересъ, какъ вопросъ о происхожденіи соляныхъ озеръ или внутреннихъ морей, очень сильно занимающій натуралистовъ съ весьма давняго времени. Представленные на вопросъ этотъ отвѣты обыкновенно основывались на вѣроятности существованія въ эпоху очень отдаленную сообщенія между отдѣльными соляными бассейнами и океаномъ. Теоріи Ксангуса, Стратона, Эратостена относительно соляныхъ озеръ западной Азіи были приняты не только ихъ современниками, но и одобрены такими авторитетами науки, какъ Бюффонъ и Палласъ. Гумбольдтъ подвергъ вопросъ этотъ новому разсмотрѣнію. Обладая необычайными свѣдѣніями вообще и относительно Азіи въ особенности, а также пользуясь какъ новѣйшими изслѣдованіями русскихъ ученыхъ относительно пониженія уровня Каспійскаго моря, такъ и собственными открытіями въ отношеніи физическаго строенія центральной Азіи, онъ пришелъ къ заключенію, что въ такъ-называемый доисторическій періодъ и въ эпоху, не весьма отдаленную отъ послѣднихъ переворотовъ, бывшихъ на земной поверхности, соляныя степи Турана представляли собою дно внутренняго моря, которое включало въ себѣ также моря Каспійское и Аральское. Это море, на которое, между прочимъ, указываетъ также существующее въ Азіи *преданіе* о первобытномъ существованіи горькаго моря, по всей вѣроятности имѣло сообщеніе съ Чернымъ моремъ (Понтомъ Эвксинскимъ) съ одной стороны, а съ другой, при посредствѣ болѣе или менѣе широкихъ проливовъ — съ Ледовитымъ океаномъ, и озерами Телегуль, Тагисъ и Балкашъ. Существованіе огромнаго бассейна соленой воды, занимавшаго во времена, предшествовавшія появленію человѣка, огромныя пространства вокругъ Каспійскаго моря и имѣвшаго, подобно Каспію, фауну, по характеру своему среднюю между фаунами обыкновенныхъ озеръ и современныхъ намъ морей, можетъ считаться неподлежащимъ никакому сомнѣнію послѣ изысканій

ученыхъ геологовъ, изучавшихъ эти мѣста со временемъ Александра Гумбольдта. Поэтому весьма естественнымъ было приписать этому морю образование тѣхъ соляныхъ озеръ, которыя въ столь значительномъ числѣ встрѣчаются повругу Каспійскаго моря; эта же теорія по необходимости имѣла большое вліяніе на предложенные отвѣты относительно происхожденія другихъ соленыхъ озеръ, находящихся *ниже* уровня океана. Анжело, дѣлая полное примѣненіе означенной теоріи, считаетъ Мертвое море и прочія соленныя озера, лежащія на томъ же низшемъ уровнѣ въ близости отъ Средиземнаго моря, остатками того великаго Азіатскаго океана, который, по его мнѣнію, первоначально занималъ центръ этого материка и раздѣлялъ его на три отдѣльныя части.

Противъ этого, какъ извѣстно, возсталъ д'Аршіакъ, доказавшій невозможность даже въ третичную эпоху какаго либо сообщенія между Мертвымъ моремъ и арало-каспійскимъ бассейномъ; слѣдовательно, по его мнѣнію, невозможно допустить, чтобы означенные два бассейна составляли когда либо одно сплошное море. Съ другой стороны нельзя не спросить, необходимо ли для объясненія соленнаго свойства воды въ этихъ низкихъ озерахъ присвоивать имъ также относительно новѣйшее происхожденіе, и не представляется ли болѣе естественнымъ, въ большей части случаевъ, искать причину ихъ солоноватости въ самихъ мѣстностяхъ, окружающихъ эти озера? Дѣйствительно, многія изъ озеръ западной Азіи окружены мѣстностями, очень богатыми солеными залежами, или имѣютъ въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ массы каменной соли. То же самое справедливо въ отношеніи большого числа озеръ южной Россіи и Малой-Азіи. Меньшаго размѣра соленые пласты встрѣчаются въ окрестности озеръ Хотта и Себасъ въ западной Африкѣ, точно такъ же, какъ и при большомъ соленомъ озерѣ въ хребтѣ Скалистыхъ горъ въ Америкѣ.

Имѣвъ свѣдѣнія о существованіи значительныхъ массъ каменной соли близъ береговъ Мертваго моря, о чемъ упоминаютъ уже лѣтописцы крестовыхъ походовъ, а также многіе изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Анжело, для согласованія этого факта съ выставленною имъ теоріею, предположилъ, что само озеро образовало эту соль путемъ постепенныхъ осадковъ въ тѣ времена, когда уровень его воды былъ выше современнаго. На это д'Аршіакъ справедливо замѣтилъ, что если когда либо и былъ моментъ, въ которомъ насыщеніе солью воды въ Мертвомъ море было достаточно для образованія путемъ осадковъ массъ соли, существующихъ близъ его береговъ, то трудно понять, почему въ настоящее время, когда уровень воды уменьшился, насыщеніе воды солью стало менѣе значительно, нежели при болѣе высокомъ уровнѣ водъ, особенно если припомнить, что причины, уменьшающія солоноватость воды въ Тиверіадскомъ озерѣ, не встрѣчаются въ Мертвомъ морѣ.

Поэтому, не отрицая совершенно того факта, что нѣкоторые

озера, быть можетъ, и образовались отъ океана, Ларте не находить необходимымъ прибѣгать къ гипотезѣ Анжело для объясненія солоноватости значительнаго числа означенныхъ континентальныхъ бассейновъ и по преимуществу Мертваго Моря. Неужели необходимо, говорить онъ, на основаніи того только, что эти континентальные водоемы содержатъ въ себѣ большее или меньшее количество соли или соленой воды, заключать, что они безусловно являются отдѣльными впадинами древняго огромнаго океана, въ которыхъ, путемъ испаренія воды, образовались пласты соли? Нельзя ли допустить, что исключительное положеніе многихъ изъ этихъ водоемовъ особенно благоприятствовало постепенному образованію въ нихъ соляныхъ веществъ, которыя постоянно собираются изъ окружающей мѣстности и приносятся въ озеро путемъ или просачиванія воды чрезъ поверхности земли или подземными ключами. Вполнѣ понятно, что мѣстности вокругъ озера содержащая весьма богатые пласты соли, будетъ въ сильной степени способствовать насыщенію солью воды въ озерѣ. Если же къ этому присоединимъ еще сильное испареніе воды, то съ теченіемъ времени вода въ озерѣ достигнетъ совершенно изумительной степени солености. Обѣ эти причины наиболѣе очевидны въ Мертвомъ морѣ и произвели самый замѣчательный результатъ. Поэтому изученіе бассейна Мертваго моря для рѣшенія вопроса о происхожденіи соленыхъ озеръ, находящихся ниже морского уровня, представляется чрезвычайно важнымъ, хотя нельзя не замѣтить, что геологическія свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ были крайне недостаточны до появленія въ свѣтъ, дѣтъ десять тому назадъ, послѣдовавшей Андерсена. Сочиненіе его, впрочемъ, отличается неопредѣленностью и даже противорѣчіемъ относительно вопроса о происхожденіи и порядкѣ образованія самого озера. Хотя, повидимому, онъ и раздѣляетъ мнѣніе, что большая часть соли, находящаяся въ растворѣ въ озерѣ, доставлена изъ окружающихъ холмовъ, но тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ, что подобныя озера являются остатками океана. Осмотрѣвъ вполнѣ всю мѣстность, окружающую Мертвое Море и весь его бассейнъ, Ларте пришелъ къ убѣжденію, что это внутреннее море никогда не имѣло сообщенія съ какимъ либо сосѣднимъ океаномъ, хотя первоначально воды его находились на высшемъ уровнѣ, нежели въ настоящее время. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ цѣлый рядъ наблюденій, съ которыми въ возможно сжатомъ видѣ мы постараемся познакомить нашихъ читателей.

Подлѣ горнаго хребта, идушаго въ Сиріи вдоль берега Средиземнаго моря, по направленію съ сѣвера на югъ, находится огромная котловина или, точнѣе, постепенный рядъ долинъ, которыя и образуютъ естественную, рѣзко опредѣленную границу между землями, прилегающими къ Средиземному морю и находящимися подъ властью турокъ, и тою высокою возвышенностью, которая, простираясь на востокъ, служитъ мѣстомъ кочеванья для бедуиновъ. Различіемъ въ направленіи и въ величинѣ склоновъ въ

долинахъ этой котловины обусловливается теченіе трехъ главныхъ рѣкъ, именно: Нар-эль-Асси (Оронта), Нар-Казиміэ (Леонта) и Шеріат-эль-Кэбирь (Иордана). Первая течетъ на сѣверъ, а остальные двѣ на югъ. Иорданъ, вытекаая изъ горъ Анти-Ливана, недалеко отъ истоковъ Леонта, называется сперва Нар-Асбани и получаетъ свое настоящее имя послѣ того, какъ вода въ немъ значительно увеличилась уже притоками Баніасъ и Тель-эль-Кади, который обыкновенно и считается настоящимъ русломъ Иордана. Въ теченіи своемъ съ сѣвера на югъ Иорданъ проходитъ чрезъ озеро Самохонитское (Бар-эль-Хулахъ) и Тиверіадское или Генисаретское (Бар-Тубаріехъ), и принявъ въ себя нѣсколько притоковъ и рѣкъ, изъ коихъ самая значительная Вади-Ярмукъ, впадаетъ подъ именемъ Шеріат-эль-Кэбирь въ Мертвое море, окончательный пріемникъ водъ этого бассейна. Долина рѣки Иордана, простирающаяся на значительное протяженіе въ длину отъ Анти-Ливана до Мертваго Моря, окаймлена съ лѣвой стороны скалами и крутыми обрывами, а съ правой — горами Иудей и холмами Галилеи. Мертвое же море окружено гористою страной Иудей и горами Абарикса, а густая и соленая вода его покрываетъ наиболѣе низменную часть той большой долины, которая простирается еще далѣе на югъ въ Каменистую Аравію, уступивъ бассейну Мертваго моря долю лишь очень незначительную. Открытіе Бурхардомъ въ 1812 году этой долины, называемой Араба, естественно заставило многихъ географовъ и путешественниковъ сдѣлать заключеніе, что долина эта нѣкогда служила русломъ, по которому воды Иордана впадали чрезъ заливъ Акаба въ Красное море. Лабордъ, на основаніи собственныхъ географическихъ изслѣдованій и толкованія мѣстъ священнаго писанія, высказалъ въ 1828 году еще мысль, что Мертвое море происхожденіемъ своимъ обязано прекращенію дальнѣйшаго теченія Иордана, случившемуся во время разрушенія Содома и Гоморры; но Летронъ первый усомнился въ существованіи когда либо подобнаго сообщенія Иордана съ Краснымъ моремъ. Принявъ въ основаніе гидрографическія данныя самого же Лаборда и показанія Ситцена о сильныхъ потокахъ, стремящихся къ Мертвому морю съ юга изъ Арабы, различное направленіе ея склоновъ, образующихъ водораздѣлъ между бассейнами морей Мертваго и Краснаго, Летронъ *чисто логически* только доказывалъ невозможность впаденія Иордана въ Красное море, а потому и вопросъ самый оставался нерѣшеннымъ до 1837 года, когда нивелировка Мура и Беа и барометрическія изслѣдованія Шуберта доказали тотъ фактъ, что уровень воды Мертваго моря въ дѣйствительности *не выше*, какъ это полагали Ситценъ и Бурхардъ, а значительно *ниже* водъ Краснаго Моря. Разница въ уровняхъ определялась различно, какъ-то по изслѣдованіямъ Берту въ 419 метровъ (метръ—3,281 футамъ); Калъе — 200 метровъ; Винь'и — 392 м; Вильсона — 1308 футовъ и т. д., что заставляеть принимать цифру Берту, какъ наиболѣе близкую къ дѣйствительности.

Допускать существованіе какой-либо связи между Иорданомъ и заливомъ Акаба, сдѣлалось для физической географіи рѣшительно невозможнымъ, особенно когда послѣ свѣдѣнія о низкомъ уровнѣ Мертваго моря, узнали также о томъ, что между ними существуетъ водораздѣлъ въ 160 метровъ вышины; можно было предположить только, что великіе геологическіе перевороты, измѣнявшіе видъ и характеръ мѣстности, прекратили также и дальнѣйшее теченіе Иордана, доходившее въ предшествовавшіе вѣва до береговъ Краснаго моря. Но разсмотрѣніе мѣстности съ геологической точки зрѣнія нисколько не подтверждаетъ подобнаго предположенія, и не позволяетъ считать правильнымъ мнѣніе, по которому существующій въ настоящее время между Мертвыми и Красными морями водораздѣлъ является результатомъ приподнятія почвы, причиненнаго вѣроятно движеніемъ вулканическихъ массъ кверху, существованіе которыхъ найдено въ окрестностяхъ водораздѣла. Допустивъ однажды, что такое приподнятіе почвы отдѣлило заливъ Акаба отъ низменнаго бассейна, принимающаго въ себя теперь Иорданъ, но составившаго прежде продолженіе морского рукава, и предположивъ, что образовавшееся такимъ путемъ внутри страны солонное озеро подвержено будетъ значительному испаренію, очевидно, что уровень воды въ озерѣ будетъ постепенно уменьшаться до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе между убылью воды отъ испаренія, причиняемаго дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, и прибылью ея отъ дождей, и впадающихъ въ озеро рѣкъ и источниковъ; эти же двѣ причины, очевидно, будутъ обусловливать собою соленость водъ въ озерѣ и пониженіе его уровня.

Но разсмотрѣніе геологическихъ породъ показываетъ, что водораздѣлъ образовался въ эпоху, предшествовавшую образованію сѣрой вахки, которая составляетъ восточныя стороны какъ Мертваго моря, такъ и Арабы, и что переворотъ, сообщившій странѣ настоящее ея орографическое очертаніе, и распредѣлившій воды Арабы между двумя бассейнами Мертваго и Краснаго морей, совершился въ эпоху, предшествовавшую образованію существующей нынѣ долины, по появленіи которой не происходило уже никакихъ возвышеній почвы въ долинѣ Арабы. Кромѣ того, полное отсутствіе, на какомъ бы то ни было уровнѣ, какъ вдоль береговъ самаго Мертваго моря, такъ и на протяженіи всей страны, отдѣляющей его отъ Краснаго моря, какихъ-либо отложений, имѣющихъ исключительно морской характеръ, а также отсутствіе морскихъ органическихъ остатковъ заставляютъ отвергнуть предположеніе о существовавшемъ нѣкогда соединеніи Мертваго моря съ Краснымъ, и о впаденіи въ это послѣднее рѣки Иордана. Руссегерь разсматривалъ также вѣроятность существованія по направленію отъ Мертваго моря къ Красному склона, по которому до образованія перваго, протекала бы вода Иордана. Предположеніе это Руссегерь отвергнулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое прекращеніе теченія Иордана. Онъ, повидимому, предполагаетъ, что послѣ

Т. СLXVII. — Отд. II. 3

образованія бассейна, уровень водъ Иордана отъ испаренія опустился ниже высшей точки преграды, отдѣляющей Мертвое море отъ Краснаго, и что послѣ многихъ колебаній, воды этого моря постепенно уменьшались до тѣхъ поръ, пока не достигли настоящаго низкаго уровня. Мнѣніе свое онъ не подкрѣпляетъ никакими доказательствами. Андерсонъ же, подобно американцу Хичкоку (Hichcock), предположилъ существованіе значительной разсѣлины, которая, постепенно наклоняясь, простирается отъ Мертваго моря до залива Акаба. Разсѣлина эта первоначально служила русломъ Иордану. Геологическіе перевороты — какіе, онъ не объясняетъ — наконецъ нарушили однообразіе этой разсѣлины, и вызвали различныя возвышенія, которыя разъединили оба бассейна.

Послѣ всего вышесказаннаго, Лартэ приступаетъ къ изложенію собственнаго по этому вопросу взгляда, который въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Тщательное и подробное разсмотрѣніе, какъ различныхъ геологическихъ формаций, встрѣчающихся въ этой мѣстности (то-есть по обѣ стороны долины, образуемой Иорданомъ, и предполагавшимся его продолженіемъ), равно какъ направленіе и расположеніе ихъ приводятъ къ тому, что въ весьма отдаленныя эпохи совершилось въ этихъ мѣстахъ раздвоеніе земли по направленію вообще съ сѣвера на югъ, при чемъ, вслѣдствіе сопротивленія, оказываемаго дѣйствию подземныхъ силъ различными пластами земной поверхности, въ различной степени образовались неровности въ значительномъ количествѣ, какъ по обѣ стороны происшедшаго разрыва, такъ и по его направленію, то-есть по дну лощины. Такимъ образомъ, могъ возникнуть самый бассейнъ Мертваго моря, который явился какъ-бы хранилищемъ водъ этой мѣстности, по всей вѣроятности *присныхъ* первоначально, но сдѣлавшихся солеными въ скоромъ времени, благодаря солянымъ пластамъ, находящимся въ сосѣдствѣ отъ бассейна. Очевидно, что ключи и дождевыя воды до впаденія ихъ въ этотъ бассейнъ, протекая по различнымъ слоямъ земли, содержащимъ въ себѣ соль, выщелачивали понемногу землю, а сами дѣлались солеными. Бассейнъ этотъ подвергался дѣйствию солнечнаго тепла, въ силу котораго вода испарялась, оставивъ въ видѣ осадковъ на днѣ и по берегамъ бассейна, содержащуюся въ ней соль, вслѣдствіе чего вода въ бассейнѣ пріобрѣтала чрезвычайную степень солености. Допустивъ, что бассейнъ этотъ, то-есть Мертвое море, образовался этимъ путемъ, и что количество содержащейся въ немъ воды зависитъ слѣдовательно отъ равновѣсія между количествомъ воды какъ испаряющейся отъ солнца, такъ и вновь прибывающей въ море вслѣдствіе различныхъ причинъ, нельзя не спросить, былъ ли уровень воды въ Мертвомъ морѣ когда-либо выше уровня его, намъ современнаго, и не занимало ли оно когда-либо большую площадь? Отвѣты на это показали бы намъ свойство климата этой мѣстности въ прежнія времена и происшедшія въ немъ измѣненія; несомнѣнно,

однако, что принявъ вышеизложенное объясненіе образованія Мертваго моря, должно допустить по необходимости, что уровень воды въ этомъ морѣ подвергался измѣненіямъ, вмѣстѣ съ измѣненіями атмосферическихъ условій, и долженъ былъ оставить признаки подобныхъ измѣненій, которые становятся неопѣненными для желающаго изслѣдовать состояніе климата этой мѣстности во времена весьма отъ насъ отдаленныя. Подобныя отдѣльныя водохранилища можно считать орудіями вполне пригодными для лицъ, занимающихся изслѣдованіями прошедшаго, точно свидѣтельствующими о тѣхъ очень отдаленныхъ явленіяхъ, которые находятся внѣ сферы наблюденій современныхъ людей. Эти водохранилища можно принять за большіе гидрометры, устроенные для опредѣленія отношенія между количествомъ воды, выпадающей и испаряющейся. Правда, они указываютъ не наименьшіе, а только наибольшіе предѣлы этого отношенія путемъ послѣдовательныхъ осадковъ, оставляемыхъ озеромъ на его берегахъ по мѣрѣ поднятія уровня его водъ, но имѣютъ преимущество предъ нашими метеорологическими инструментами въ томъ отношеніи, что показываютъ не только одну высоту уровня воды, но и тотъ составъ, который она имѣла, достигая той или другой высоты.

Изслѣдованія мѣстности на сѣверъ и на югъ отъ современныхъ намъ береговъ Мертваго моря, открыли на довольно большомъ отъ нихъ разстояніи слѣды прежнихъ предѣловъ этого моря. Слѣды эти состоятъ изъ отложеній мергеля и песку, въ которыхъ иногда содержатся примѣси различныхъ солей. Наносы эти состоятъ изъ слоевъ до крайности незначительной толщины, не болѣе одного или двухъ дециметровъ, и довольно легко отличаются отъ прочей мѣстности по своему цвѣту, и какъ-бы ленточному виду. Принимая во вниманіе необычайную толщину всего наноса, и въ то же время до крайности большое число отдѣльныхъ тонкихъ слоевъ, составляющихъ эти наносы, нельзя не придти къ заключенію, что наносы эти образовались въ продолженіе весьма значительнаго времени. Всѣ эти отложенія представляютъ поразительное сходство съ отложеніями, встрѣчаемыми въ настоящее время на днѣ самаго моря; обстоятельство это позволяетъ вполне удовлетворительно объяснить происхожденіе ихъ тѣмъ основательнымъ предположеніемъ, что въ весьма отдаленную эпоху, уровень моря былъ значительно выше настоящаго, и что вода его была до крайности соленая и неблагоприятная для развитія какой-либо животной жизни, что можно заключить изъ того, что въ отложеніяхъ этихъ не встрѣчается совсѣмъ органическихъ остатковъ. Такая вода была въ состояніи образовать гипсовые и соляные осадки, до крайности сходные съ современными отложеніями Мертваго моря.

Коснувшись однажды Мертваго моря, встаетъ ны сообщимъ уже, что въ теченіе 1865 года въ Лондонѣ образовалось особенное общество для изслѣдованія Палестины, въ числѣ членовъ котораго встрѣчаемъ мы Овена, Раулссона, Фергюссона, Станлея,

Мортон-Цето и пр.; необходимы же денежные средства, довольно значительныя, собраны были по подпискѣ. Общество это отправило еще въ ноябрѣ 1865 года въ Палестину капитана Вильсона и еще нѣкоторыхъ лицъ для различныхъ топографическихъ и геологическихъ изысканій. Вильсонъ, извѣстный уже своею съемкою Иерусалима и нивелировкой Мертваго моря, высадився въ Бейрутѣ, 10 декабря отправился въ Дамаскъ и въ двадцатыхъ числахъ января былъ уже на западномъ берегу Тиверіадскаго озера. Онъ получилъ отъ общества полное уполномочіе нанимать рабочихъ, дѣлать раскопки и изслѣдованія и т. д., и вездѣ расходовать столько денегъ и времени, сколько потребуется, по его усмотрѣнію, для достиженія цѣли экспедиціи, которая обойдется довольно дорого, какъ это можно заключить изъ того, что экспедиція, доѣхавъ до Дамаска, израсходовала уже 3,000 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. столько же, сколько стоила вся нѣмецкая экспедиція во внутреннюю Африку.—Прежнія изслѣдованія и тщательныя нивелировки Вильсона показали, что 12 марта 1,865 года уровень Мертваго моря находился на 1,292 англійскихъ фута ниже уровня Средиземнаго моря. Цифра эта оказывается поразительно сходной съ измѣреніями, сдѣланными лейтенантомъ Винъ по порученію герцога де-Люинъ (duc de Luynes), на основаніи которыхъ разница въ уровнѣ этихъ двухъ морей составляетъ 392 метра или 1,286 англійскихъ футовъ, и довольно близко къ полученнымъ прежде при различныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ разновременно Симондсомъ (1,312 ф.), Пулемъ (1,316 ф.), Ливчемъ (1,317 ф.), Бриджемъ (1,367), де-Верту (1,377 фут.) и т. д. На основаніи различныхъ частей дерева, оставленныхъ водою на берегахъ этого моря, Вильсонъ могъ заключить, что уровень воды въ Мертвомъ морѣ въ нѣкоторые времена года подымается нѣсколько выше, на $2\frac{1}{2}$ фута. Отъ бедуиновъ и различныхъ европейцевъ, проживающихъ въ Палестинѣ, Вильсонъ узналъ, что въ началѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ уровень Мертваго моря понижается по крайней-мѣрѣ на шесть футовъ.

— Въ торфяныхъ болотахъ близъ Рабенгаузена въ Цюрихскомъ кантонѣ Швейцаріи, сдѣлавшихся извѣстными открытіями въ нихъ свайными постройками, произведены въ весьма недавнее время еще новыя изслѣдованія на пространствахъ ста футовъ длины и шестидесяти ширины, давшія столь же важныя, какъ и цѣнныя результаты. Къ числу наиболѣе интересныхъ находокъ принадлежатъ остатки плетеныхъ и тканыхъ вещей, изъ коихъ нѣкоторыя повидимому еще не обуглились, а также наконецъ и для стрѣлъ, сдѣланные изъ кремня и горнаго хрусталя, нѣсколько тщательно отдѣланныхъ каменныхъ молотковъ, деревянныя ножи и тарелки и нѣкоторыя орудія, совершенно новой формы изъ кости и оленьяго рога. Среди свайныхъ построекъ, до настоящаго времени не найдено пока никакихъ металлическихъ издѣлій, хотя таковыя нерѣдко встрѣчаются вблизи отъ берега Цюрихскаго озера,

въ верхнемъ слоѣ озерной тины, и по ошибкѣ причислялись иногда къ предметамъ, находимымъ въ свайныхъ постройкахъ.

Въ доказательство древности рода человѣческаго, ученые обыкновенно ссылаются, какъ извѣстно, на различные признаки, какъ-то на свайныя постройки въ Швейцаріи, глиняныя издѣлія, найденныя въ Египтѣ въ наносахъ, образуемыхъ Ниломъ, каменные орудія, открытыя въ Аббевиллѣ, на пещеры съ костями, раковинами (*débris*), встрѣчающіяся въ Даніи и другихъ мѣстахъ и т. д., которымъ всѣмъ приписывается весьма значительная древность. Въ доказательство того же самого положенія, президентъ общества литературы и философіи въ Шеффилдѣ, Давидъ Парксъ (*Parke*) предлагаетъ, какъ узнаемъ мы это изъ № X «*Journal of Science*» (1866 года), обратиться къ *сравнительному языкованію*, которое, по его мнѣнію, можетъ опредѣлить мѣсто человѣка въ природѣ съ большею точностію и основательностію, нежели всѣ внѣшніе признаки и свойства его физическаго организма, на томъ основаніи, что языкъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ также нѣчто психологическое, будучи дѣйствительнымъ воплощеніемъ мысли или выраженіемъ всѣхъ умственныхъ понятій и представленій человѣка. На земномъ шарѣ существуетъ до четырехъ тысячъ языковъ, большею частію, быть можетъ, на столько отличныхъ другъ отъ друга, какъ языки англійскій, французскій, нѣмецкій и т. д., но подобно имъ представляющихъ *родство* между собою, которое даетъ намъ возможность заключать и о родствѣ самихъ народовъ, говорящихъ тѣмъ или другимъ языкомъ. Корни словъ указываютъ, какъ извѣстно, на родство языковъ и общее ихъ происхожденіе. На этомъ основаніи, Максъ Мюллеръ раздѣляетъ всѣ языки рода человѣческаго на три большія группы, именно языки арійскіе, семитическіе и туранскіе, замѣчая, что только первыя двѣ группы собственно могутъ считаться совершенно отдѣльными. Если мы будемъ въ состояніи указать на слова и граматическія формы, общія этимъ двумъ группамъ, то мы будемъ вправѣ заключить, что арійцы и семиты не только принадлежать къ одному и тому же виду, но и къ одному и тому же семейству человѣческаго рода, и опровергнуть этимъ возрѣніе тѣхъ ученыхъ, которые принимаютъ нѣсколько исходныхъ точекъ для человѣчества, а слѣдовательно и полное племенное различіе между различными семействами, принадлежащими къ роду *homo*. Было какъ-то опредѣлено, что присутствіе въ двухъ языкахъ только *восьми* тождественныхъ словъ, можетъ служить доказательствомъ общаго происхожденія этихъ языковъ; подобное доказательство очень мало отличается отъ безусловной истины, если мы станемъ придерживаться математической теоріи вѣроятностей. Но, оставляя въ сторонѣ такое остроумное исчисленіе, имѣющее въ основаніи своемъ теорію вѣроятностей, должно заключить, что между языками арійскими и семитическими находится такое *множество* словъ, общихъ обѣимъ группамъ, что нельзя не сдѣлать заключенія, что всѣ

языки эти, несмотря на ихъ значительныя отличія другъ отъ друга и далекое распространеніе въ настоящее время, получили первоначальное свое происхожденіе въ одномъ общемъ мѣстѣ, въ первыя времена рода человѣческаго. Сравненіе множества словъ, одинаково общихъ какъ индо-европейскимъ, такъ и семитическимъ племенамъ, приводитъ Пэркса къ несомнѣнному убѣжденію, что первоначально обѣ эти группы народовъ представляли собою одну группу, то-есть что онѣ имѣютъ *одно*, общее происхожденіе, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и притомъ не отъ различныхъ исходныхъ точекъ созданія, а отъ *одного семейства*, которое говорило первоначально однимъ общимъ языкомъ. Представляется до чрезвычайности любопытнымъ изслѣдовать такимъ же образомъ различныя языки и нарѣчія Азіи, Африки, Полинезіи и Америки съ тѣмъ, чтобы узнать, не приведутъ ли п они къ подобному же заключенію и не докажутъ ли они положительно, что всѣ люди—члены одной семьи, потомки одной пары родоначальниковъ. Въ настоящее же время можно, по мнѣнію Пэркса, только утверждать, что арійцы и семиты происходятъ отъ одного и того же родоначальника, при чемъ необычайное различіе въ разнообразныхъ языкахъ, свойственныхъ этимъ двумъ племенамъ, объясняется тѣмъ, что въ весьма раннюю пору существованія рода человѣческаго совершилось раздѣленіе его на два большія семейства или отдѣла, и что языки обоихъ семействъ, не имѣя никакого матеріальнаго между собою соотношенія, образовались и развились постепенно изъ одного какого либо, первоначально общаго имъ языка, состоявшаго изъ очень небольшого числа словъ и грамматическихъ формъ. Какое же значительное число лѣтъ потребовалось для того, чтобы первоначально бѣдный и грубый языкъ могъ постоянно дойти до того утонченнаго развитія, которое представляютъ собою съ одной стороны языкъ санскритскій, а съ другой еврейскій или арабскій? Отвѣчать на это положительно невозможно; но несомнѣнно, что число это должно быть очень значительно, если припомнимъ только, до какой степени медленно измѣняются и развиваются языки, и что тысячелѣтія оказались недостаточными, чтобы произвестъ значительное измѣненіе въ языкахъ санскритскомъ и еврейскомъ, какъ это мы можемъ судить изъ сравненія современнаго состоянія этихъ языковъ съ прежнимъ, сохранившимся для насъ въ письменныхъ памятникахъ этихъ языковъ, относящихся ко временамъ довольно отъ насъ отдаленнымъ. Выводъ свой Пэрксъ находитъ возможнымъ изобразить діаграмою, которая имѣла бы видъ остраго угла, при чемъ крайнія точки его обѣихъ сторонъ находились бы на значительномъ разстояніи отъ вершины. Одна крайняя точка изображала бы собою языки арійской группы, а другая семитической, самый же уголъ былъ бы крайне незначителенъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить величину сторонъ, которая изображаетъ собою количество годовъ, протекшихъ съ того времени, какъ обѣ группы, находившіяся сперва соединенными въ

одно цѣлое при вершинѣ угла, достигли при движеніи своемъ внизъ занимаемаго ими въ настоящее время положенія при окончности обѣихъ линій. Переложенныя на время, линіи эти, по мнѣнію Пэркса, представили бы собою не только тысячи, но и *десятки тысячъ* лѣтъ.

— Островъ Варекаури или Чатама I въ Южномъ океанѣ. Генрихъ Хамерслей-Трэверсъ, отправившійся на кораблѣ «Цесилія» изслѣдовать островъ Чатама I или Варекаури, который находится въ Тихомъ океанѣ, подъ 44° южной широты и 177° западной долготы отъ Гринвича, сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія, помѣщенныя въ № II «Mittheilungen» за 1866 годъ. Туземцы Море-оре, обитавшіе эту группу мелкихъ острововъ до завоеванія ихъ въ 1832 или 1835 году ново-зеландцами, были довольно многочисленны; ихъ было не менѣе 2,500 человекъ, тогда какъ теперь ихъ не болѣе 200. Они менѣе ростомъ, но сильнѣе и лучше сложены, нежели ново-зеландцы; имѣютъ темный цвѣтъ кожи, гладкій, но жесткій волосъ, круглое лицо, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ, и римскимъ носомъ, какъ у евреевъ. Они никогда не татуировались, и оставили еще до нашествія ново-зеландцевъ сильно распространенное между ними людодѣство. Образъ жизни ихъ отличался крайнею безпечною и простотою. Они не строили себѣ даже шалашей или хижинъ, но для защиты отъ непогоды втыкали въ землю нѣсколько вѣтвей, и укрывались за ними; питались же они рыбою, птицами, раковинами и кореньями; женщины никогда не ѣли въ одномъ мѣстѣ съ мужчинами. Подобно прочимъ дикимъ племенамъ до крайности лѣнивые, отправлялись они прискивать себѣ добычу, принуждаемые къ тому голодомъ. Лодокъ они не имѣютъ, потому что на островахъ этихъ нѣтъ строевого лѣса; но дѣлаютъ себѣ особые плоты изъ тростника. Оружіемъ имъ служатъ каменные топоры и палки изъ твердыхъ кустарниковыхъ растений; при первомъ пролитіи крови, обыкновенно прекращается сраженіе, возникшее большею частію изъ-за обладанія мертвою морскою собакою, или кускомъ китоваго жира, случайно принесенными водою, и составлявшими самое лакомое блюдо этихъ дикарей. Они не имѣли наслѣдственныхъ начальниковъ, но болѣе счастливый рыболовъ или птицеловъ, или кто-либо другой изъ племени, отличающійся необычайною величиною роста или другимъ полезнымъ физическимъ качествомъ, признавался ими за законнаго начальника. О Богѣ или злыхъ духахъ они не имѣли понятія, но считали мѣсто, благоприятное для ловли рыбы или птицъ — подаркомъ отъца, то есть добраго духа, или точнѣе, состоящимъ подъ его покровительствомъ.

Обращеніе ихъ съ трупами умершихъ имѣло соотношеніе съ особеннымъ призваніемъ или наклонностями послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, если умершій былъ хорошій рыболовъ, то тѣло его въ сидячемъ положеніи и съ удочкою въ рукахъ привязывалось на плотъ, который и пускался въ море. Опытный птицеловъ

укрѣпился въ наклоненномъ положеніи между двумя деревьями, причемъ лицо его обращалось къ тому мѣсту, которое онъ чаще всего посѣщалъ. Неймѣншаго же нивакого особеннаго призванія въ жизни, просто опускали въ открытую яму, и втыкали передъ нимъ какое-либо украшеніе изъ дерева. Крайняя недостаточность хронологіи у племенъ Море-оре не даетъ возможности опредѣлять хотя и приблизительно время прибытія ихъ на эти острова. По ихъ преданіямъ, они прибыли на двухъ лодкахъ, изъ которыхъ одну унесло въ море, а другая долгое время сохранилась; но откуда они прибыли — имъ рѣшительно неизвѣстно. Принимая въ соображеніе, что они имѣютъ много общаго съ индійцами Мангайа-Канакасъ, составляющими большую часть матросовъ и рабочихъ на американскихъ вѣтоловныхъ судахъ, можно сдѣлать предположеніе, что они происходятъ отъ этихъ индійцевъ.

Въ 1832 или 1835 году, напали на эти острова Маори съ Новой-Зеландіи, недалеко находящейся, убили и съѣли большую часть туземцевъ. Можно сказать, что все это предпріятіе было совершенно ими только для достиженія этой послѣдней цѣли. Одинъ маори, бывший матросомъ на торговомъ кораблѣ, шедшемъ изъ Сиднея, посѣтилъ эти острова, и сообщилъ своимъ единоплеменникамъ, что туземцы народъ мясистый, хорошо выкормленный, но не храбрый. Ново-зеландцы пустились на добычу, и выказали самую утонченную жестокость: они заставили туземцевъ наносить дрова и устроить очаги, на которыхъ имъ предстояло быть изжаренными. Назначенныхъ къ пиршеству клали въ рядъ около очага, и одинъ изъ вождей маори убивалъ ихъ ударами палицы. Истребивъ большую часть туземцевъ, а остальныхъ обративъ въ рабство, маори основали главное свое поселеніе Вайтанги, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ юго-восточный уголъ бухты Св. Петра, построили себѣ такіа же хижины, какія встрѣчаются въ Новой Зеландіи, и обнесли ихъ рвомъ. Кромѣ значительнаго числа лошадей, свиней и рогатаго скота, которые пасутся въ мѣстахъ, состоящихъ въ общемъ пользованіи, маори занимаются разведеніемъ въ большомъ количествѣ картофеля, маиса, тыквы и лука, которые и продаютъ американскимъ вѣтоловнымъ судамъ и вывозятъ даже въ Новую Зеландію. Подобныя же населенія маори встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ острова, общее народонаселеніе котораго не достигаетъ 600 человѣкъ, оставившихъ весьма недавно людоѣдство, вслѣдствіе распространенія между ними христіанства. Поверхность же острова Чатама довольно низкая, слегка холмистая и раздѣляется почти на двѣ половины большою лагуною, простирающеюся почти вдоль всего острова, восточная часть котораго нигдѣ не достигаетъ высоты 50 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Почва иногда состоитъ изъ торфянистовъ толщиной до 50 футовъ, горѣвшихъ мѣстами въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего образовались значительные провалы и котловины.

Растительность состоитъ, за исключеніемъ вустарниковъ, по

преимуществу изъ злаковъ, но можно съ вѣроятностію принять, что множество туземныхъ растений уничтожены частію пасущимися вездѣ стадами домашнихъ животныхъ, а частію постоянными пожарами почвы, дѣлаемыми самими жителями. Птиць, за исключеніемъ морскихъ, встрѣчается до крайности мало и истребленіе ихъ приписывается множеству дивныхъ кошекъ, расплодившихся тутъ отъ привезенныхъ домашнихъ кошекъ. Тутъ же встрѣчаются въ большомъ количествѣ странствующая крыса и англійская мышь; сухопутныя же млекопитающія, хотя бы то даже и летучія мыши, едва-ли естественны этимъ островамъ. Въ близи береговъ встрѣчаются различные виды морской собаки, киты и дельфины. Островъ Питта, лежащій въ небольшомъ разстояніи на югъ отъ сейчасъ только что описаннаго нами острова Варекаури или Чатама I, имѣеть съ нимъ очень много общаго.

— Развитие въ настоящее время географическихъ свѣдѣній сопровождается не только изученіемъ странъ, долгое время извѣстныхъ намъ только по названію, но и точными топографическими съемками этихъ мѣстностей.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ особенностями и сущностію подобнаго рода работъ, съ необходимыми для нихъ предварительными трудами, а также съ тою медленностію, съ которою изготовляются топографическія карты, тотъ легко представитъ себѣ, какое значительное количество времени, труда, стараній и денегъ тратится на изготовленіе какаго либо отдѣльнаго листа топографической карты. Топографическія съемки и карты Саксоніи на двадцати листахъ и Швейцаріи на двадцати-пяти считаются самыми извѣстными и замѣчательными произведеніями своего рода, составившими какъ-бы эпоху въ картографіи. Карту Франціи предположено издать на 274 листахъ, и несмотря на значительныя средства и старанія, употребляемыя на этотъ предметъ безпрерывно съ 1818 года, до настоящаго времени изготовлены вполне только 219 листовъ. Но всѣ эти работы, говоритъ Петерманъ, значительно уступаютъ предпринятому русскимъ правительствомъ изданію карты государства по отдѣльнымъ губерніямъ въ размѣрѣ 1:126,000. Съ самаго начала изданія, то-есть съ 1846 года по 1865 годъ включительно, изданы карты 27 губерній, не менѣе, какъ на 739 прекрасно изготовленныхъ листахъ, т.-е. среднимъ числомъ издавалось по 27 листовъ въ годъ. Тогда-какъ карта Саксоніи обнимаетъ собою площадь въ 272 квад. миль, Швейцаріи — 240 квад. миль, а вышедшіе листы карты Франціи — 7,880 квад. миль, изданныя по сіе время карты различныхъ частей Россійской имперіи обнимаютъ собою пространство въ 28,606 квад. миль, что почти равняется по пространству всѣмъ работамъ, произведеннымъ офицерами генеральныхъ штабовъ всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Гигантскій размѣръ работъ, произведенныхъ Россією, объясняется нѣсколько тѣмъ, что русское военное картографическое депо и

состоящий при немъ корпусъ топографовъ-заключаютъ въ себя болѣе тысячи человекъ офицеровъ топографовъ, граверовъ, литографовъ, печатниковъ и т. д.

И несмотря на эти гигантскія работы русскаго правительства, нѣтъ возможности надѣяться въ продолженіе настоящаго столѣтія получить полную карту Европейской Россіи, потому что остальные губерніи и Финляндія, которыя должны быть еще сняты, представляютъ собою площадь въ 71,231 квад. миль.

То же самое видимъ мы и въ прочіихъ странахъ Европы; ни одно сколько-нибудь значительное государство не имѣетъ своей карты въ полномъ составѣ, ни Германія, ни Франція, ни даже Великобританія. Поэтому до настоящаго времени является рѣшительно невозможнымъ составить общую карту Европы—наиболѣе извѣстной намъ части свѣта—на основаніи точныхъ и вѣрныхъ топографическихъ съемокъ.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго. Брошюра. Москва. 1866. Составилъ И. *Блалевъ*.

Путешествіе московскаго купца Трифона Коробейникова въ Палестину въ 1582 году. Брошюра. Москва. 1866 г.

Овъ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Сиб. 1866 г. Составлено А. *Кваческимъ*.

Новая русская литература (отъ Жуковскаго до Гоголя включ.). Сиб. 1866 г. Составилъ В. *Водовозовъ*.

Жизнь и смерть пьяницы. Разсказъ дяди Адама. Брошюра. Сиб. 1866 г. Переводъ съ шведскаго. Н. *Ивановой*.

Иллюстрированная жизнь животныхъ. А. Брѣма. Т. II, выпускъ XXVII. Изданіе В. *Ковалевскаго*. Сиб. 1866 г.

Еврейскіе мотивы. Неизвѣстнаго. Стихотворенія на русскомъ языкѣ. Изданіе Бор. *Окса*. Одесса. 1866 г.

Адамъ Смитъ. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, съ примѣчаніями Бентама, Блани и другихъ. Томъ I со статьей Блани «Жизнь и труды Адама Смита», съ предисловіемъ Гарнье. Томъ. Сиб. 1866 г. Перевелъ П. *Бибиковъ*.

Руководство къ соціальной наукѣ Кери. Перевелъ съ англійскаго кн. Д. *Шаховской*. Выпускъ I. Изданіе Н. Некудова и кн. Шаховскаго. Сиб. 1866 г.

Русскій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ нѣмецкимъ. Рига. 1866 г. Составилъ С. *Шафрановъ*.

О жизненномъ вѣществѣ селезени. Диссертация на степень д-ра медицины. Сиб. 1866 г. Н. *Фененко*.

КНИЖКА. Рассказы для юношества изъ естественной исторіи млекопитающих птицъ, пресмыкающихся и рыбъ. Съ французскаго втораго изданія. Москва. 1866.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ Дон-Кихоту. Дон-кихотизмъ и демонизмъ. Критическій этюдъ по поводу Дон-Кихота, съ приложеніемъ жизнеописанія Сервантеса. Брошюра. Спб. 1866 г. В. *Карелина*.

ЦАРИЦА Евдокія Теодоровна, съ ея портретомъ. Шестой выпускъ русскихъ достопамятностей. Изданіе Мартынова. Москва. 1866 г. Сочиненіе Г. *Есипова*.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ ЖВОТНЫХЪ, А. Э. Брэма. Т. II. Спб. 1866 г. Выпускъ XVIII.

ПРИРОДА и человекъ на крайнемъ сѣверѣ. Сочиненіе *Гартмана*. Переводъ съ нѣмецкаго С. Усовъ. Изданіе второе, исправленное. Москва 1866 г. Изданіе А. Глазунова.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. Грановскаго. Томъ I. Москва. 1866 г. Изданіе (второе) К. Солдатенкова.

ПОВѢСТИ и РАССКАЗЫ Погоскаго. Часть II. Книжки 1-я, 2-я, 3-я и 4-я. Спб. 1866 г.

ADVENTURES in the Far Interior of South Africa, including a Journey to Lake Ngami and Rambles in Honduras. By J. *Leyland*. (Приключенія въ глубинѣ Южной Африки; путешествіе къ озеру Нгами и поѣздки въ Гондурасъ, Дж. *Лейланда*).

BEAUTIES of Tropical Scenery, Lyrical Sketches and Love-Songs. By R. N. *Dunbar*. (Красоты тропической природы, лирическіе очерки и гимны любви, Р. Н. *Дунбара*).

CASSSELL'S Bible Dictionary. Illustrated with nearly Six Hundred Engravings. In 2 Vols. (Библейскій словарь Кассела).

A SKETCH of Painters of the English School; with Critical Notices of their Works and an Account of the Progress of Art in England. By Richard Redgrave and Samuel *Redgrave*. 2. Vols. (Взгядъ живописцевъ англійской школы, съ критическими замѣчаніями о ихъ произведеніяхъ и т. д., Р. и С. *Редгревовъ*).

THE DAYVELLS: A Domestic Story. By the Viscountess *Enfield*.

THE ENGLISH and their Origin: a Prologue to Authentic English History. By Luke Owen *Pike*. (Англичане и ихъ происхожденіе, Л. О. *Пейка*).

FELIX Holt, the Radical. A Story of English Provincial Life. By George *Eliot*. **FOUR YEARS in the Saddle.** By Colonel Harry *Gilmer*. (Четыре года на сѣдлѣ, Г. *Джилмора*).

A HISTORY of Banks for Savings in Great Britain and Ireland, including a full Account of the Origin and Progress of Mr. Gladstone's Financial Measures etc. By William *Lewis*. (Исторія сберегательныхъ кассъ въ Великобританіи и Ирландіи, съ подробнымъ рассказомъ о происхожденіи и услугѣхъ финансовыхъ кассъ г. Гладстона и т. д., Уильяма *Льюиса*).

Hymn Writers and their Hymns. By S. W. *Christophers*.

Lymton Grange. A Novel. By J. R. S. *Harington*.

Memoirs and Correspondence of Field-Marshal Viscount Combermere etc. From his Family Papers. By Mary Viscountess Combermere and C. W. Knollys. (Мемуары и переписка фельдмаршала виконта Комбермера и т. д. Изъ его семейныхъ бумагъ. Изданіе Мери Комбермеръ и Уил. Ноллиса).

The New Story. A Novel. (Новая исторія. Романъ).

Our Social Bees. Second Series. By Andrew Wynter. (Нашч общественныя пчелы, Эндрю Уинтера).

The Royal Drama: An Historical Essay. By Thomas H. Gill.

Remains of the Early Popular Poetry of England. Collected and Edited, with Introduction and Notes, by W. Carew Hazlitt. (Остатки древнѣйшей народной англійской поэзіи, собранныя и издаванныя, съ предисловіемъ и замѣчаніями, У. К. Гэзлитта).

Sun worship Papers. By And. Halliday. (Освященныя солнцемъ бумаги, Эн. Гэллiday).

Treasury Craniumum. Catalogue of Skulls of the Various Races of Man, in the Collection of Joseph Barnard Davis. (Каталогъ череповъ разныхъ расъ человѣчества, въ коллекціи Дж. Б. Дэвиса).

Wayside Flora; or, Gleanings from Rock and Field towards Rome. By Nona Bellairs. (Придорожная флора, или сборъ растеній съ горы и поля на пути въ Риму, Нонн Белерс).

Affaire Clémenceau. Mémoire de l'accusé, par Alexandre Dumas fils. (Дѣло Клемансо. Мемуаръ обвиненнаго; Александра Дюма-сына).

L'Age de pierre et les sépulcres de l'âge de bronze dans le département de l'Aisne, par Ad. Watetet. (Каменный вѣкъ и могилы бронзоваго вѣка въ вискомъ департаментѣ, Ад. Вателе).

Des causes de la stérilité chez l'homme et chez la femme, et de leur traitement, par le docteur Henri L. Mourier. (О причинахъ безплодіи у мужчинъ и женщины, и объ ихъ уничтоженіи, доктора Г. Л. Мурье).

Suicides de fer. Les employés d'Orléans, par Maurice Valette. (Железные дороги. Орлеанскіе чиновники, М. Валета).

La visite agricole, prise de loin et vue de haut, par M. le comte de Saint-Signan. (Земледѣльческій визитъ, взятый издали и виденный сверху, графа Сент-Энны).

Deuxième conférence de 10 avril 1866, sur l'oxygène et l'ozone, par M. Frémy. (Вторая конференція 10-го апрѣля 1866 о кислородѣ и озонѣ, Фреми).

De l'emprisonnement pour dettes, par B., ancien magistrat. (О тюремномъ заключеніи за долги).

Etat présent de la noblesse française. (Настоящее состояніе французскаго дворянства).

De feu et de la combustion, par Gillot Saint-Evre. (Объ огнѣ и горѣніи, Сент-Эвора).

La Guerre en 1866. Ses causes, son but, ses principaux événements et ses conséquences, par Thomas Anquetil. (Война въ 1866. Ея причины, ея цѣль, главныя событія и слѣдствія. Т. Анкетил).

Наша **патриэ**, par C. *Fallet*. (Честь и отечество, К. *Фалле*).

Le **Comte Du-Guesclin**, histoire du XVI-me siècle, suivie d'autres épisodes, par *René-de-Mont-Louis*. (Молодой Дю-Гескленъ, исторія XVI вѣка, дополненная другими эпизодами, *Рене-де-Мон-Луи*).

Le **MARÉCHAL de Montmorency**, tragédie en quatre actes et en vers, par François *Combes*. (Маршалъ Монморанси. Трагедія въ 4 дѣйствіяхъ, написанная стихами, Франсуа *Комба*).

LES **MONTRES** historiques. Jules César, sa vie, sa politique et ses moeurs, par Benjamin *Gastineau*. (Историческія чудовища. Юлій Цезарь, его жизнь, политика и нравы, Бенжамена *Гастино*).

LA **PAIX** et la guerre devant la science agricole, par E. *Doury*. (Миръ и война передъ земледѣльческою наукою, Э. *Дури*).

Premières **chasses**. Papillons et oiseaux, par M. *Carteron*. (Первыя охоты. Бабочки и птицы, *Картерона*).

M. **RÉNAUD** et Bossuet, par l'abbé H. *Fabre*.

SOUVENIRS de la Terreur. Mémoires inédits d'un curé de campagne, publiés d'après les documents originaux, par le baron *Ernouf*. (Воспоминанія о терорѣ. Неизданные мемуары сельскаго священника, Эрнуфа).

LE **TELEOGRAPHE**, par A. *Devoille*.

DE LA **THÉORIE** de terrains salés et des moyens pratiques de les rendre à la fertilité. Mémoire, par Emile *Causse*. (О теоріи солончачовъ и о средствахъ сдѣлать ихъ плодородными. Мемуаръ Э. *Коса*).

LA **TURQUIE** devant l'Europe, par Ernest *Balensi*.

ÄSTHETIK, von Dr. Karl *Köstlin*. Zweite Hälfte.

Die **ALT-ÄGYPTISCHE** Elle und ihre Eintheilung, von R. *Lepsius*. (Древне-египетскій аршинъ (локоть) и его подраздѣленіе, Р. *Лепсиуса*).

Denkmäler altniederländischer Sprache und Literatur. Nach ungedruckten Quellen herausgegeben von E. v. *Kausler*. (Памятники древне-нидерландскаго языка и литературы, изданные по ненапечатаннымъ источникамъ, Э. *Кауслеромъ*).

Fünf neue Novellen, von Paul *Heuse*. (Пять новыхъ повѣстей, П. *Гейзе*).

Гegenwart und Zukunft. Ein Zeitbild. (Настоящее и будущее. Картина вре мени).

Geschichte des modernen Geschmacks, von Jacob *Falke*. (Исторія новаго вкуса, Я. *Фальке*).

Geschichte der modernen französischen Malerei seit 1789, von Dr. Julius *Meyer*. (Исторія новой французской живописи съ 1789, Ю. *Мейера*).

Die **GRABFLÄNDE**, von *Riebel*. (Знаки, *Рибелл*).

Gustav Kühne's gesammelte Schriften. 7 Bände. 1862—1866. (Сочиненія Густава Кюне. 7 томовъ).

Die **HOHENKOLLEGEN**—Könige in der Culturgeschichte. Nach den Quellen dargestellt, von Venanz *Müller*. (Короли въ дома Гогенколмерновъ, по отношенію ихъ къ исторіи культуры, Фенанца *Милера*).

MUSIKALISCHES Skizzenbuch, von D. L. Nohl.

MUSIKGESCHICHTE der Stadt Regensburg. Aus Archivalien und anderen Quellen bearbeitet von Dr. Dom. Mettenleiter. (Исторія музыки города Регенсбурга, по архивнымъ и другимъ источникамъ обработанная Д. Меттенлейтеромъ).

NOVELLEN, von Melchior Meyr.

REAL-ENCYCLOPÄDIE für Bibel und Talmud, von Dr. I. Hamburger.

REISEN durch Chile und die westlichen Provinzen Argentiniens, von August Kahl. (Путешествія по Чили и западнымъ провинціямъ Аргентинской республики, Ав. Кала).

REISEN durch Süd-Amerika, von I. I. von Tschudi.

DIE SONNE und die Astronomie, von K. Nagy. (Солнце и астрономія, К. Ная).

DIE STAATSANWALTSCHAFT in Deutschland. Ihre Geschichte, Gegenwart und Zukunft, von Dr. Gustav Keller.

DIE STAATSEINNAHMEN. Geschichte, Kritik und Statistik derselben, von Eduard Pfeiffer. (Государственные доходы. Ихъ исторія, критика и статистика, Эд. Пфайфера).

DIE VERWALTUNGSLEHRE, von Dr. Lorenz Stein. 2 Theil. Die Lehre von der innern Verwaltung. 1 Theil. (Теорія правленія, Лоренца Штейна. 2-я Часть. Теорія внутреннего управленія. 1-я Часть).

DIE VÖLKER des östlichen Asiens. Studien und Reisen, von Dr. Adolf Bastian. 2. Bde. (Народы восточной Азіи. Этюдъ и путешествія, А. Бастіана).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1866

І Ю Л Ъ

КНИЖКА ВТОРАЯ

СТР.

- I. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ. *Часть пятая.* Голодные и холодные. Главы XXIII—XXVI. В. КРЕСТОВСКАГО..... 205
- II. ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ. Историко-экономическіе очерки. *Статья вторая.* Утопія Томаса Мура. Д. Ф. ЩЕГЛОВА..... 239
- III. КАЛИФОРНІЯ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНІЯ ЕЯ АМЕРИКАНЦАМИ. Отрывокъ изъ записокъ русскаго странника. *Окончаніе.* В. А. РИТТЕРА..... 257
- IV. ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. Сочиненіе А. Т. ГРИММА. (Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Leipzig. 1866). *Статья вторая*..... 276
- V. ПОЛМИЛЬОНА. Романъ миссъ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ. *Вторая часть.* Главы I—VI..... 300
- VI. ПОВѢТРИЕ. Комедія въ пяти актахъ. Н. Е. ГОГНИКВА. 317
-
- VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. Значеніе перемѣны англійскаго министерства для европейской политики. — Пруссій и національный нѣмецкій парламенты. — Союзная реформа. — Уступка Венеціи императору Наполеону. — Ходъ военныхъ событій въ Германіи и Италіи..... 47
- VIII. ГРАФЪ БИСМАРКЪ..... 64
- IX. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Иностранная литература. 75
- X. НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ..... 90

Приложеніе. Новымъ подписчикамъ «Отеч. Зап.» на 1866 г., которые до сихъ поръ не могли быть удовлетворены обещаннымъ изданіемъ «Петербургскихъ Трущобъ» (первыхъ четырехъ частей романа), приложеніе это выдается во второмъ изданіи, вновь изпечатанномъ.

ПОДПИСКА НА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Въ типографіи А. А. Браунаго (Литейная, № 88).

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

—
XXIII.

К Р И С А.

Вонь, въ смрадной загѣ Малинника, одна, небольшого росту, очень худощавая на видъ дѣвочка; лѣтъ ей можетъ быть около тринадцати, но во всей ея маленькой, болѣзненной фигурѣ сказывается уже нѣчто старческое, немощное, нѣчто отжившее даже не жива. Какое-то ситцевое лохмѣтышко, грязное, оборванное и штопанное-перештопанное, кое-какъ прикрываетъ ея худенькое тѣльце; сбоку вырванъ, очевидно въ драгѣ, значительный клокъ этого лохмотья и волочится по полу, а подолъ обтрепался до послѣдней возможности и дражными бѣсами бьется по голымъ голенямъ; сверху у рукава—большая прорѣха и сквозь нее выставляется наружу блѣдное костлявое плечико; вѣроть разорванъ и растегнутъ, такъ что позволяетъ видѣть часть плоской, болѣзненно впалой дѣтской груди; спутанные и богъ-вѣсть откогда нерасчесанные темно-каштановые волосы липнуть на влажномъ лбу и спадаютъ слабо-вьющимися недлинными космами на плечи, еще болѣе выдавая худобу вытянутой шеи; а лицо—боже мой, на него и взглянуть невозможно безъ сжимающаго душу состраданія! Лицо это въ очертаніяхъ своихъ носитъ слѣды нѣкоторой красоты; но какая голодная алчность свѣтится въ этихъ лихорадочно-горящихъ запалыхъ глазахъ, обведенныхъ темными, синеватыми кругами — явный признакъ неестественнаго истощенія; какимъ наглымъ, вызывающимъ безстыдствомъ подернуты

углы этих сжатых и сухо-воспаленных дѣтскихъ губокъ; какою слѣдъ безпутныхъ дней и ночей легъ на этихъ выдавшихся скулахъ, на этихъ впалыхъ щекахъ, и сколько, наконецъ, безпощадной озлобленности — озлобленности вполнѣ ненормальной, неестественной въ столь раннемъ возрастѣ, сказывается въ общемъ выраженіи всей ея фізіономіи! И здѣсь уже развратъ успѣлъ наложить свое неизгладимое клеймо на это дѣтское личико, которое можно бы было назвать прекраснымъ, еслибы не это выраженіе. И это дитя цинично сидитъ на колѣняхъ какого-то огромнаго джюга атлета, курия предложенную имъ трубку кисловато-горькой крѣпчайшей махорки и залпомъ, стаканъ за стаканомъ, съ небольшими промежутками, пьетъ его водку.

Эта дѣвочка — дитя Малинника и Вяземскаго дома. Тамъ она растетъ, тамъ и родилась—отъ кого? неизвѣстно; и какъ успѣла дорости до этого возраста—тоже одинъ только Богъ святой знаетъ. Ни разу въ жизни еще не встрѣтила она материнской ласки, ни разу въ жизни не видала ни отъ кого изъ постороннихъ людей добраго слова, привѣтливаго взгляда, и только холодала да голодала до послѣдней минуты своей жизни. Это было какое-то отверженное и всѣмъ ненавистное существо. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только стала она себя помнить, ее вездѣ и повсюду встрѣчали однѣ только щедро и съ избыткомъ сыпавшіяся колотушки. Колотушки да брань, пренебреженіе да общій посмѣхъ являлись ея обыденнымъ удѣломъ—и билъ ее всякій, кто и когда, бывало, захочетъ. Особенно не любили ее женщины, и имъ доставляло истинное удовольствіе дразнить ее, щипать, дергать за волосы и колоть булавами. Это, подчасъ, была ихъ пьяная потѣха, доходившая до своего апогея особенно въ тѣ минуты, когда приведенная въ кошачью ярость дѣвочка, безъ слезъ, со стиснутыми, скрежещущими зубами, съ свергающими кровавою злобой взорами, дикою кошкой, съ визгомъ начинала кидаться на первую попавшуюся изъ своихъ мучительницъ, вскакивала ей на плечи, цѣпко обхватывала ножонками и старалась укусить да исцарапать лицо своими острыми ногтями. Это былъ какой-то звѣренышъ, да еѣ и звали по звѣриному: кто-то, гдѣ-то и когда-то назвалъ ее Крысой—такъ она Крысой и пошла на всю жизнь свою, и должно полагать, эта кличка была присвоена ей еще въ раннемъ дѣтствѣ, такъ-какъ никому изъ трущобныхъ обитателей не было извѣстно ея настоящее имя. Въ ней уже не осталось ничего дѣтскаго, ничего такого, что бы хотя мало-мальски нравственно на помнило ея полъ и возрастъ—ни одного кроткаго взгля-

да, ни одного вѣжнаго движенія — одно только вѣчно хмурое недовольство и одичалая нервная озлобленность. Съ языка ея срывались только звуки площадныхъ ругательствъ, наглыхъ пѣсень да циническія рѣчи наглаго разгула. Странное и почти невозможное, немислимое существованіе! да оно и казалось бы вполне невозможнымъ, еслибы, къ прискорбію, не довелось въ очію видѣть и наблюдать его.

Никогда не замѣчалъ я слезъ на глазахъ этой дѣвочки, хотя она была очень нервна. И эта болѣзненная нервность поминутно проявлялась у нея въ странныхъ, порывистыхъ и быстрыхъ движеніяхъ, въ гримасахъ и подѣргиваньяхъ вялаго, поблѣвшаго лица. Она кашляла кровью и страдала падучей болѣзнью. Часто, бывало, послѣ того, когда задиричивые щипки съ тумакаму да поддразнивающее приставанье приводили ее въ изстуженное остервененіе, съ нею вдругъ дѣялся припадокъ. Несчастная падала на полъ, съ клобчачей пѣной у рта, и начинало ее бить и коробить. Тогда ее лицо накрывали какой-нибудь тряпичей и оставляли въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока нервный припадокъ не переходилъ въ состояніе изнуреннаго, обморочнаго сна.

Я никогда не забуду одной маленькой, совѣмъ ничтожной сценки, въ которой отчасти самому мнѣ довелось быть дѣйствующимъ лицомъ и которая съ тѣхъ самыхъ поръ болѣзненно врѣзалась въ мою память.

Это было часу въ первомъ ночи. Захожу я въ малиннинское «заведеніе» съ однимъ изъ моихъ тогдашнихъ трущобныхъ пріятелей. Спросили мы себѣ по порціи селянки и усѣлись къ одному свободному столишкѣ. Подлѣ этого же самаго стола, съ другого конца, сидѣла Крыса. Я зналъ, что она Крыса и видѣлъ ее здѣсь неоднократно, но знакомъ не былъ и ни въ какіе разговоры доселѣ вступать мнѣ съ нею не доводилось. Подали намъ по мисочкѣ жидкой бурды, поспившей нмя селянки; но ѣсть мнѣ нисколько не хотѣлось, а спросилъ я этого яства только «ради компаніи»; да оно, признаться, нѣсколько и мудрено ѣсть произведенія малиннинской кухни, при всей окружающей обстановкѣ и атмосферѣ; развѣ ужъ надо быть для этого очень голоднымъ, или, по крайней-мѣрѣ, имѣть неприхотливый, неразборчивый вкусъ и большую привычку.

Въ то самое время, какъ собесѣдникъ мой съ видимымъ апетитомъ уплеталъ свою порцію, я замѣтилъ, что Крыса, со своего мѣста, искося кидаетъ на него и особенно въ его миску нетерпѣливые алчные взоры, то и дѣло нервно повода мускулами своихъ щокъ.

Очевидно, Крыса была голодна, вѣрно потому, что на сей день ей не довелось ничего заработать себѣ на насущный кусокъ хлѣба.

— Хочешь ѣсть? неожиданно спросилъ я дѣвочку; но она даже и вниманія не обратила на мой вопросъ, повидимому, никакъ не предполагая, чтобы онъ могъ именно къ ней относиться.

Я снова и притомъ яснѣе повторилъ его. Крысу нервно передернуло и она съ величайшимъ изумленіемъ, молча повела на меня своими глазами.

Молчаніе.

Пришлось въ третій разъ повторить то же самое предложеніе.

— Ёсть? недоумѣло проговорила она.

— Ну, да, ёсть!... Мнѣ сдается, словно бы тебѣ очень хочется.

— А хоть бы и хотѣлось, тебѣ-то что?

Видно было, что Крыса подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе дразнить и издѣваться. Голосъ ея сипѣлъ и дыханіе было хрипкое, короткое, перерывчатое.

— А коли хочешь, такъ ѣшь вотъ, сказалъ я и подвинулъ къ ней свою миску; но дѣвочка не рѣшалась до нея дотронуться, несмотря на свое смертельное желанье, и все продолжала глядѣть на меня недоувѣрчивыми, изумленными глазами. Ей было непривычно, а потому дико и странно слушать такое предложеніе, дѣлаемое не въ шутку.

— Да ты это какъ? спросила она наконецъ, послѣ значительнаго колебанья:—ты какъ это? на смѣхъ ведешь, или взаправду?

— Чего тутъ на смѣхъ! просто, ёсть не хочется.

Крыса еще разъ поглядѣла, колеблясь; затѣмъ недоувѣрчиво протянула руку и робко подвинула къ себѣ мою порцію. Еще того робче сдѣлала она первый глотокъ и, несмотря на сильный апетитъ, пріостановилась на минуту и глянула на меня искоса, изподлобья, желая повѣрнѣй удостовѣриться, не намѣренъ ли я тотчасъ же выкинуть надъ нею какую нибудь скверную штуку. Такъ точно, съ такими же приѣмами и почти съ такимъ же выраженіемъ, берутъ голодные, бездомныя и запуганныя собаки кусокъ пищи, брошенный имъ рукою близкаго стоящаго, незнакомаго имъ человѣка. Еще два-три такихъ движенія, два-три такихъ взгляда—и Крыса, наконецъ, удостовѣрилась, что я скверной штуки надъ нею выкидывать, кажись, не намѣренъ. И боже мой, съ какою жадностью, съ какою голодной быстротой, въ тотъ же мигъ принялась она пожирать эту селянку! Мнѣ казалось, и вѣроятно, не безъ основанія, что она нарочно ёсть съ такой быстротой, торопясь

поскорѣй очистить миску, изъ боязни, чтобы я, ради злостной штуки, не отнялъ бы вдругъ отъ нея пищи. Было жалко и больно глядѣть на это несчастное созданье. Миска очень скоро оказалась пустою; но Крыса далекó еще не насытилась.

— Хочешь еще чего нибудь? обратился я къ ней:—коли хочешь, такъ скажи — я закажу тебѣ.

— Битва хочу, отрывисто и не глядя на меня отвѣтилъ ребѣногъ.

Пока тамъ готовили битокъ, я захотѣлъ поближе разсмотрѣть этого дикаго звѣрка.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я, къ новому ея удивленію, лишь бы завязать разговоръ.

— Зовутъ? повторила она: — Крысой зовутъ.

— Нѣтъ, это стало быть, тебя только дразнить Крысой, а имя... есть же у тебя имя какое?

— Имя? — имя есть.

— Какое жь?

— Да Крыса же, говорятъ тебѣ!

Очевидно, она даже не знала своего имени, или быть можетъ, съ дѣтства забыла его.

— А мать у тебя есть? продолжалъ я.

— Какъ это мать?... Какая мать?

— Ну, какъ обыкновенно бываетъ.

Крыса поглядѣла на меня пристальнымъ и совсѣмъ недоумѣлымъ взглядомъ. Ей казался дивнымъ и страннымъ этотъ естественный вопросъ, потому что доселѣ едва-ли ей кто предлагалъ его.

— Можетъ, есть... не знаю... не слыхала, раздумчиво проговорила она, послѣ нѣкотораго размышленія.

Но въ то же время, показалось мнѣ, будто въ этомъ лицѣ появилось что-то тихо-грустное, задумчиво-тоскливое, однимъ словомъ, что-то человѣческое; какъ будто слово «мать», показавшееся ей сначала дивнымъ, инстинктивнохватило ее за какую-то чуткую струнку души и пробудило минутный отблескъ новаго сознанія: словно бы ей стало жалко и больно, что она никогда не знала своей матери, не знала что такое мать.

— А сколько тебѣ лѣтъ-то? спросилъ я.

— Да кто жь его знаетъ, сколько!.. Развѣ я считала! вырвалось у нея съ нервно-досадливымъ раздраженіемъ: — чего ты присталъ ко мнѣ... Эка, чертомъ-ли, лѣшій!

Въроятно, среди охватившаго ее новаго чувства и сознанія, ее болѣзненно раздражилъ этотъ вопросъ, естественно соединявшійся съ мыслью о прожитыхъ годахъ, о началѣ ея существованія, о днѣ рожденія и, стало-быть, опять-таки о матери — и ни о томъ, ни о другомъ, ни о третьемъ она не имѣла понятія. Казалось, Крыса была бы рада, еслибы чтонибудь постороннее—хоть бы новый вопросъ въ другомъ тонѣ — отвлекло ее отъ этого чувства и мысли.

Вокругъ худошавой шейки ея обвивалось убогое украшеніе — алая бархатная ленточка, которая своею свѣжестью сильно рознилась со всею остальной внѣшностью Крысы.

— Ишь ты, еще и бархатку нацѣпила, замѣтилъ мой собесѣдникъ, ткнувъ на нее пальцемъ: — откуда у тебя бархатка-то? Кто далъ?

— Украла, совершенно просто, естественно и нисколько не стѣсняясь отвѣтила Крыса: — на Сѣнной у доскутницы стирала! похвалилась она, очень нагло улыбаясь, и съ новою жадностью принялась за принесенный битокъ. Когда же и это яство было истреблено, дѣвочка выждала съ минутку и, поднявшись, обратилась ко мнѣ съ необыкновенно наглымъ, циничнымъ выраженіемъ физиономіи:

— Ты это даромъ кормилъ меня? какъ-то странно протянула она, продолжая оглядывать.

— А то какъ же еще?

— Хи... Нѣтъ, взаправду даромъ?

— Да я жъ тебѣ говорю.

— Дуракъ! отрывисто, съ пренебрежительнымъ презрѣніемъ буркнула Крыса и быстро удалилась отъ нашего столишка.

Жалкое существо! Она даже не могла и представить себѣ возможности, чтобы кто либо рѣшился, безъ задней мысли, безъ преднамѣренной цѣли, накормить ее! Можетъ ли быть что либо горше подобнаго сознанія? — У меня невольно скалось сердце за этого ребѣнка, за эту жизнь. — «Пошли тебѣ, Господи поскорѣе смерть!» подумалось мнѣ въ ту минуту—и, кажется, что Крыса дѣйствительно умерла; по крайней-мѣрѣ, въ послѣднее время я не встрѣчалъ ее больше ни въ одной труппѣ, и у кого ни спрашивалъ — никто не могъ мнѣ сообщить о ней никакого отвѣта. Даже и память исчезла объ этой дѣвочкѣ.

XXIV.

Капельникъ.

Хотите вы видѣть парію парій?—Это капельникъ. Это—нѣчто такое, передъ чѣмъ даже Крыса и «бродячія» Сѣнной площади могутъ показаться существами, неутратившими человѣческаго достоинства и гордости. Еслибы классической памяти Діогенъ могъ бы какими нибудь судьбами заглянуть со своимъ фонаремъ въ Малинникъ и увидалъ тутъ капельника, то, несмотря на множество внѣшнихъ признаковъ, обличающихъ въ немъ новѣйшій видъ стараго идеала, киникъ, положительно затруднился бы опредѣлить, что это такое, и едва-ли бы у него хватило рѣшимости сказать: «се человѣкъ»!

Нѣсколько выше чѣмъ средняго роста, съ изогнутымъ отъ ослабленія позвоночнымъ столбомъ, что всегда придаетъ видъ сутуловатости, плѣшивый и дрябло-тощій — человѣкъ этотъ казался дряхлымъ старикомъ, тогда такъ на самомъ дѣлѣ ему было немного за тридцать. Припухлыя вѣки его красноватыхъ, поблекшихъ глазъ придавали всей фізіономіи апатически-сонное выраженіе, посинѣлыя губы углами свѣспались книзу и вѣчно слюнявились, а самъ онъ весь трясся, постоянно, не переставая — вслѣдствіе страстной наклонности и привычки къ пьянству. Чѣмъ прикрывалъ онъ изсохшую наготу свою — и сказать затруднительно: нѣчто въ родѣ женской рубахи служило ему единственнымъ безперемѣннымъ костюмомъ во всякомъ положеніи и во всякое время года, такъ что даже и на обычныхъ малинникскихъ завсегдатаевъ откровенный видъ капельника производилъ своего рода шокирующее впечатлѣніе.

— Ты бы хоть грѣшное тѣло чѣмъ нибудь прикрылъ, свинья ты эдакая, нѣчемъ промежъ людей такъ-то слоны слоняты!—Срамъ вѣдь, безстыжія твои бельмя! укоризненно замѣчали ему, подчасъ, и мужчины и женщины, въ отвѣтъ на что онъ въ полоборота къ нимъ дѣлалъ руками и фізіономіей отвратительно смѣшную гримасу, и съ глупой, почти идіотической улыбкой, начиналъ издавать шипящія и рычащія звуки, удачно подражая хриплому лаю комнатной собачонки, или фырканью оцетинившагося кота. Но это бывало съ нимъ въ минуты не то чтобы веселости, а нѣкоторой бодрости духа—весьма впрочемъ рѣдкой и, въ сущности своей, очень ничтожной. Въ обыкновенномъ же состояніи, встрѣчая

подобныя замѣчанія, капельникъ только озирался искоса, съ тупою и принижено пугливой робостью, подобно блудливой, забитой и трусливой собачонкѣ. Въ эти минуты, по обыкновенію, трясая всѣмъ тѣломъ, онъ корчился и ежился, и старался поскорѣе забиться въ какойнибудь темный уголъ, гдѣ бы на него менѣе обращали вниманія. Есть на крайнихъ, низшихъ граняхъ жизни такого рода положенія, когда униженный, падшій человекъ, даже по безотчетнымъ вѣдшимъ своимъ проявленіямъ, въ родѣ взглядовъ, поступи и вообще движеній, весьма близко начинаетъ походить на бессловесное животное, и именно на тѣхъ изъ животныхъ, которыя наиболѣе чувствуютъ надъ собою тяготѣющую руку человека; въ такого рода положеніяхъ есть сходство съ приниженой, поджатою походкой нелюбимой, отколоченной собаки, со взглядомъ нещадно избиваемой ломовой лошади. Тяготѣющая рука людей, въ этомъ случаѣ, совершенно ровняетъ человекъ и животное, а судьба, сблизивъ ихъ нравственное положеніе, постаралась сблизить и вѣдшія проявленія инстинктовъ и воли.

Кромѣ обычной клички «капельникъ», люди пренебрежительно зовутъ иногда этого человекъ Стѣпкой, и самъ себя онъ Стѣпкой называетъ—развѣ только въ минуты уничтоженнаго шутовства, на потѣху людей, измѣняя иногда это имя на болѣе нѣжное и ласкательное «Стѣпинька».

— Приважите Стѣпинькѣ представить какуюнибудь кятру, сударики! говоритъ онъ съ ужимками и пригибаньями, робко подкрадываясь къ какойнибудь гулящей компаніи.

Стѣпинька въ Малинникѣ играетъ шутовскую роль общаго посмѣшища.

— Представляй, пожалуй! соглашается ктонибудь изъ пьющихъ состольниковъ.

Капельникъ ухнетъ какимъ-то пчеловѣческимъ голосомъ и перекувырнется. Это называется «кятра». Компанія хохочетъ.

— А ну-ко, валяй собаку!... Собаку валяй, сучій сынъ! поощряютъ его пирующие.

Капельникъ, идиотски улыбаясь, съ ужимкой кланяется имъ не головой, какъ обыкновенно, а какъ-то особенно, всѣмъ тѣломъ, сгибая впередъ колѣнки; затѣмъ становится на четвереньки и хрипло рыча и лая, лѣзетъ подъ столъ.

— Что это, братцы, за собака забралась къ намъ? Откудава это? говоритъ одинъ изъ членовъ сидящей вѣкругъ стола компаніи:—надо бы выгнать ее! Эй, ты! Жучка! Дянка! Пшла вонъ!

И Стѣпиньку при этихъ словахъ пинають ногою, а Стѣпинька рычитъ и огрызается.

— Не трошь ее, надо лаской сперва, останавливаетъ другой столыжникъ и, опустивъ руку подъ столъ, начинаетъ поглаживать лысую голову капельника, потрепывать его щоки, приговаривая: «славная собачка! она у насъ важный песъ! вѣрная собака!» — И Стѣпинька, изображая, какъ юлить и визжитъ собака радостнымъ голосомъ, начинаетъ со всеусердіемъ лизать языкомъ руку и ноги ласкающаго. Въ компаніи раздается новый взрывъ хохота. Поднимается третій собесѣдникъ и, взявъ корочку хлѣба, выманиваетъ ея изъ-подъ стола человѣка-собаку.

— Ну! Служи!... Служи!... Служи, Жучка! обращается онъ къ капельнику, а тотъ ужъ свое дѣло знаетъ: съ четверенекъ подымается на корточки и ругамъ своимъ придаетъ положеніе переднихъ лапъ служащей собачонки. Голова его сильно закинута назадъ, для того, чтобы съ кончика носа не могъ свалиться положенный на него кусочекъ хлѣба.

— Азь, буки, вѣди, глаголь, добро—*ЕСТЬ!* восклицаетъ шутникъ—и при послѣднемъ звукѣ Стѣпинька дѣлаетъ головой быстрое движеніе, отъ котораго кусочекъ летитъ вверху, а онъ въ это время съ удивительной ловкостью схватываетъ его налету зубами и проглатываетъ съ видимымъ наслажденіемъ — потому что Стѣпинька постоянно голоденъ.

Этотъ фокусъ повторяется обыкновенно по нѣскольку разъряду, и капельникъ очень любитъ его, ибо такимъ образомъ въ желудокъ его все жъ таки перепадаетъ лишній комокъ пищи.

Но вотъ компаніи надоѣло любоваться на повтореніе одного и того же, она желаетъ еще какимъ нибудь инымъ способомъ распотѣшиться надъ собакой, и потому капельника снова загоняютъ подъ столъ—и снова раздается оттуда лай да рычанье.

— Э, да какая она злая!... Цыцъ, ты, лѣшій! Молчать!—И Стѣпинька вмѣстѣ съ этимъ получаетъ чувствительный пинокъ сапогомъ въ фізіономію; но онъ уже вошелъ въ свою роль и потому, въ отвѣтъ на пинокъ, взвизгнувъ пособачьи, какъ приличествуетъ обстоятельству, старается поймать эту ногу и жамкнуть ее зубами. Непосредственно вслѣдъ за послѣднимъ пассажемъ, при новомъ взрывѣ дружнаго хохота, на капельника сыплется градъ нещадныхъ ударовъ: его пинають ногами по чѣмъ вп попало, такъ что и бовамъ, и спинѣ, и лицу достается волю. А капельникъ, знай, только взвизгиваетъ отъ боли, да рычитъ и лаетъ, тщетно

хватая зубами уже кого ни попало. Это, если угодно, пожалуй, может служить ему единственнымъ утѣшеніемъ въ подобной роли, А то, случается и такъ, что кто нибудь сдѣлаетъ видъ, будто хочетъ погладить, приласкать его, а самъ, гляди, всей пятерней цапнетъ за скудный остатокъ слабыхъ волосѣнковъ и давай таскать его подъ столомъ во всѣ стороны, такъ что только черепъ обь ножки колотится.

— Стой, братцы! да никакъ она бѣшеная! восклицаетъ кто нибудь изъ любующейся публики. И это обыкновенно служить послѣднимъ актомъ представления, финаломъ quasi-собачьей комедіи.

— Бѣшеная?! какъ-бы съ испугомъ подхватываетъ остальная компанія: — бѣшеная!... Сталь-быть, коли такъ, она безпремѣнно должна воды бояться?

— Воды!... Воды давай!... Лей на нее воду! Лей живѣе! Плесни-ко въ самое рило! раздаются крики въ публикѣ, сопровождаемые самымъ веселымъ хохотомъ — и капельница обдають мутною чайною водою изъ полоскательной чашки, а коли очень ужъ расходятся, что называется, «во вся широты» своей природы, то льютъ и изъ большого чайника, и пиво изъ недопитыхъ стакановъ.

— Сударивъ! не лейте! не лейте пива-то! словно бы очнувшись, кричить жалобнымъ голосомъ избитый и ошпаренный Стѣпинька, и вмѣстѣ съ этимъ голоднымъ крикомъ, можно замѣтить, какая сильная алчка и жадность страсти звучитъ въ нотахъ его голоса и отражается въ глазахъ.

— Не лейте попусту! Дайте лучше мнѣ — я выпью! Не лейте христа-ради! ужъ лучше кипяткомъ! Кипяткомъ, сударивъ! молить онъ, выползая на четверенькахъ изъ-подъ стола, и стараясь удержать руки съ поднятыми стаканами.

Компанія въ награду «за утѣшеніе» великодушно жертвуетъ Стѣпинькѣ стаканъ пива.

— На! Ловай-себѣ, псѣра! говоритъ ему обыкновенно одинъ изъ сочленовъ, поднося напитокъ: трепещущими руками хватается онъ за полный стаканъ и съ жадностью цѣдитъ его сквозь зубы, въ засосъ, чтобы посредствомъ такого способа, хоть немножко болѣе продлить свое отравленное наслажденіе.

— Что же, сударивъ, за клятву-то!... Ученой собачкѣ на крупку... на овсяночку! несмыло произносить онъ дрожащимъ голосомъ, минуту спустя, весь согнувшись, и съ униженно умильнымъ, вымалывающимъ видомъ, протягивая компаніи закорумлюю горстку.

— Э-э! да ужъ ты, братъ Стѣпка, больно тово... завнался! Ишь

ти, чего еще выдумалъ — на крупку! возражаетъ компанія: — будетъ съ тебя и того, что пивкомъ угостили!

— Ахъ, сударики-съ мой, сударики! со вздохомъ въ минорномъ тонѣ качаетъ головой Стѣпинька: — такъ вѣдь это, по милости по вашей, выпивка была — ну, собачка и полакала!... А вѣдь собачкѣ тоже и кушать надо... ей вѣдь и кушать хочется... Такъ ужъ прикажите хоть косточку... собачкѣ-то... косточку!

— Ну, нѣтъ быть по твоему! Служи!... Проси!... Только чуръ! — жрать пособачьему!

И капельникъ вновь начинаетъ входить въ едва лишь оставленную роль, попрежнему становится на корточки, въ позитурѣ служащей собаки, а въ это время на одну тарелку сгребаютъ ему со всѣхъ остальныхъ различныя объѣдки и ставятъ на полъ, непремѣнно примолвивъ: «пиль»!

Стѣпинька, на четверенькахъ, съ жадностью принимается пожирать это нелѣпное мѣсиво и въ заключеніе, совершенно пособачьи, до чиста вылизываетъ языкомъ всю тарелку.

Но вообще, роль собаки является еще самою сносною изъ репертуара несчастнаго капельника. Пьяная и дикая арава заставляетъ его иногда и не такія штуки продѣлывать.

— Можешь ли ты хоша бы, примѣрно, многи принять? вызы-ваетъ его какойнибудь подгулявшій жоржъ.

— Могу! даже и не думая, соглашается Стѣпинька.

— А сколько, примѣрно, ты вытерпишь?

— Сколько потребуется, — на это у Стѣпиньки своя цѣна стоять — значить, по такци.

— А какъ цѣна?

— Съ вашей милости, сударикъ мой, недорого-съ: по копеечкѣ за пятокъ.

— Много! бери за десятокъ копейку.

— Хе-хе!... Себѣ дороже стоитъ! ей богу-съ, дороже.

— Да что тебѣ на спину-то скупиться! — Товаръ свой, некупленный!

— Какъ же-съ можно! все-жь таки оно — спина!... вѣдь больно, сударикъ мой, очинно больно...

— Ну, хочешь — бери полторы копейки за десятокъ! больше не дамъ! рѣшительно произноситъ жоржъ — и для Стѣпиньки начинается нравственная борьба: нѣсколько копеекъ представляютъ ему великій соблазнъ, въ жертву которому онъ рѣшается наконецъ принести свою спину. Тогда свивается крѣпкій и тонкій жгутъ,

мазурикъ владеть на полъ нѣсколько мѣдяковъ, а капельникъ становится опять-таки на четвереньки и круто выгибаетъ свою худую, большую спину. Начинается нещадная мѣрная лупва, съ медленнымъ счетомъ при каждомъ ударѣ.

— Ассъ!... два!... три!... четыре!... пять! словно ружейные темпы, отсчитываетъ въ полный голосъ капельникъ, и послѣ каждыхъ двадцати ударовъ акуратно откладываетъ изъ кучки въ свой барманъ по три копейки. Лицо его все поспивѣло и выражаетъ жестокое страданье, зубы судорожно стиснуты, изъ воспаленныхъ глазъ каплютъ на полъ крупныя слѣзы, а онъ межъ тѣмъ стончески переноситъ свою пытку, усиливаясь вытерпѣть возможно большее число ударовъ, чтобы заработать побольше грошей.

Нелегко доставались капельнику его скудныя, тяжелыя деньги! Нелегко потому, что иногда, въ самыя крайнія, критическія минуты своей жизни, когда ему, что-называется, все нутрѣ выворачивало отъ нестерпимаго, болѣзненнаго алканія выпивки, онъ рѣшался предлагать на пари всякому охотнику поддержать на ладони горячіе уголья. — И нельзя сказать, чтобы не находилось охотниковъ полюбопытствовать, какъ это Стѣпинька за нѣсколько копеекъ будетъ жечь свои руки.

Но онъ, весьма спокойно, окруженный любопытными зрителями, отправлялся въ кухню, и тамъ-то къ общему удовольствію, дрыгая и ворчась отъ боли всѣмъ тѣломъ, держалъ около минуты горсточку угольевъ на своей ладони и получалъ за то условленную плату — около двадцати или тридцати копеекъ. Нужды нѣтъ, что на ладоняхъ накаливались пузыри — вскорѣ у него руки ужъ до того огрубѣли и закорузли, что имъ почти ни почему стала и эта операція; за то сколько водки-то, водки могъ выпить Стѣпинька на эту сумму! — Водочнымъ наслажденіемъ утолялись всѣ его раны.

Случалось иногда (впрочемъ весьма рѣдко), что любители, послѣ подобныхъ вѣтровъ, чувствовали охоту полюбоваться, не въ счетъ абонеента, еще новою сценой, и для этого не давали ему ни условленныхъ денегъ, ни своихъ объѣдковъ, ни своихъ опивковъ. — Тогда Стѣпинька искренно и глубоко оскорблялся. Тогда шель онъ подальше отъ ненавистныхъ ему глазъ малинkinской публики, робко и уничиженно забивался на какойнибудь стулъ въ самый темный уголъ, кручинно и тяжело опустивъ на руки свою горемычную голову — и по омраченному, угрюмому лицу его въ молчаніи текли горькія, тихія слѣзы...

О чемъ тогда плакалъ шутъ малинkinскихъ парій? Съ досады

ли отъ своей неудачи? О неудовлетворенномъ ли голодѣ и жадѣ водки? О своей ли сладкой, но обманутой мечтѣ и надеждѣ на эту водку, или о своемъ погибшемъ, поруганномъ и раздавленномъ достоинствѣ человѣческомъ?—О чемъ онъ такъ горько и тихо плакалъ — богъ-вѣсть! — быть можетъ, и о томъ, и о другомъ, и... быть можетъ, даже и о послѣднемъ.

«Господи!... Господи! что-жь это такое!... Жизнь ты моя жизни!» нечаянно подслушалъ я однажды шопотомъ сорвавшійся у него вопль, въ одно изъ такихъ ѣдко-отчаянныхъ мгновений.

Кто онъ, изъ какихъ онъ, откуда взялся и какъ дошелъ такихъ степеней — никто не зналъ, да никто и не интересовался. Самъ же капельникъ никогда объ этомъ не говорилъ ни слова. Однажды, въ удобную минуту, я попытался-было навести съ нимъ разговоръ на эту тему, но онъ только рукою махнулъ, да скорчивъ уморительную рожу, съ ужимками и присѣданьемъ, подергивая колѣнками, предложилъ мнѣ лучше какую нибудь вѣтру поглядѣть. Больше ужъ нечего было и пытаться! Одно только можно предположить съ наибольшею долею вѣроятности: довела его до этого положенія отчаянная, неодолимая, болѣзненно-мучительная страсть къ пьянству и бездѣлю, ибо повидимому—ему не была знакома, не скажу уже привычка, но даже способность или потребность къ какой бы то ни было работѣ и труду. Но главное, все-таки—пьянство. Вѣрно, и въ прежнее время, по присущей ему слабохарактерности, онъ позволялъ какимъ нибудь товарищамъ безнаказанно потѣшаться надъ своею личностью; можетъ быть, даже въ дѣтствѣ, среди своей семьи, которая, пожалуй, могла и не быть для него вполне своею, ему точно такъ же приходилось выносить пассивную роль забитаго поsmithища; такъ что потѣмъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ весьма возможныхъ причинъ, переходъ къ публичному и самому униженному шутовству не былъ для него особенно рѣзокъ и оскорбителенъ. Онъ не успѣлъ и не умѣлъ выработать себѣ ни малѣйшей самостоятельности въ жизни. Можетъ показаться страннымъ, какъ при такой страсти къ пьянству, этотъ человѣкъ не нашелъ себѣ болѣе выгоднаго и легкаго средства для добыванія денегъ, водки и хлѣба? Какъ онъ не сдѣлался нищимъ, или воромъ, или наконецъ даже грабителемъ-убійцей?—Когда нибудь онъ вѣроятно и былъ-таки нищимъ, но почему не нищенствуетъ теперь, объ этомъ скажется ниже. Для того же, чтобы сдѣлаться грабителемъ-убійцей, необходимо нужны извѣстнаго рода энергія, рѣшительность, воля и характеръ, нужно до извѣстной степени убѣжденіе въ собствен-

ной силѣ и сознание личной самостоятельности—и ровно ни одного изъ этихъ качествъ не было отпущено природой жалкому капельнику. Что же касается воровства, которое, послѣ нищенства, дѣйствительно, представляло бы наиболѣе подходящий и легчайшій способъ, то, мнѣ казалось, отъ этого удерживало его нѣчто другое: быть можетъ, душѣ этой парн когда-то были доступны иные инстинкты и чувства, чѣмъ тѣ, какіе можетъ выработать въ человѣкѣ малининская среда, буде она охватитъ его, какъ на примѣръ, Крысу, со дня рожденія. Быть можетъ, когда нибудь ему было знакомо нѣчто другое—болѣе хорошее, болѣе честное, — да бѣда!—все это заставила умолкнуть передъ собою провятая похоть на водку!... И не потому ли, что сердцу его нѣкогда было доступно это что-то хорошее и честное, онъ не хотѣлъ и избѣгалъ вспоминать о своемъ прошломъ? Не потому ли не сдѣлался онъ и воромъ, а предпочелъ ужъ лучше, съ ущербомъ для собственныхъ боковъ, быть шутомъ-собакой малининскихъ парій?

День свой безвыходно проводилъ онъ въ Малинникѣ. И хотя пользовался тутъ всеобщимъ и величайшимъ презрѣніемъ, но отсюда его не гнали, ради шутовского образа, доставлявшаго столько утѣхи многочисленнымъ посѣтителямъ. И капельникъ крѣвко дорожилъ Малинникомъ, потому тутъ ему было тепло и являлась возможность сколько нибудь поѣсть и выпить. Внимательно высматриваетъ онъ изъ своего угла, за какими столами и что именно пьютъ да ѣдятъ различные гости, и чуть удалится они отъ своего мѣста, покончивъ явства и питія—капельникъ, озираючись, съ робостью, почти подкрадывается къ столу и досасываетъ изъ стаканчиковъ капли воды, доглатываетъ пивные опивки, и доѣдаетъ огрызки хлѣба да со всѣхъ тарелокъ оставшіеся куски. Этими только онъ и питался, и потому снискалъ общее прозвание капельника. Но потомъ добылъ онъ себѣ черепокъ битаго горшка съ уцѣлѣвшимъ донышкомъ, да банку изъ-подъ помады. Въ эту банку сливалъ онъ по каплямъ, за разъ, всѣ возможные опивки водокъ, настоекъ, меду и пива — затѣмъ, чтобы можно было дѣлать болѣе значительный глотокъ; а въ черепокъ сметалъ съ опроставшихся столовъ объѣдки и крошки.

Въ Малинникѣ вообще господствуетъ своего рода безцеремонный коммунизмъ, да и не въ одномъ лишь Малинникѣ, а во всѣхъ трущобахъ низшаго разряда. Существуютъ тамъ особенныя личности, пользующіяся нѣкоторыми мелочными удобствами трактирнаго засѣданія, съ помощію самой наглою безцеремонности. Это—

попрошайки на затыжку, на стаканъ пива, на чашку чая. Сидитъ, напимѣръ, у стола какой нибудь человѣкъ, курить сквернѣйшую папиросу и пьетъ мутное пиво. Попрошайка подходитъ къ нему — и нужды нѣтъ, что совсѣмъ незнакомъ съ нимъ и вовсе не знаетъ кто онъ и даже видить-то впервые, обращается за позволеніемъ хлѣбнуть изъ стакана и затынуться табакомъ, а самъ, не дожидаясь отказа и даже, повидимому, совершенно не предполагая и возможности его, беретъ одною рукою стаканъ, а другою вытягиваетъ изъ губъ папироску. Отпиваетъ, сколько захочетъ, покурить-себѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, ставитъ стаканъ на прежнее мѣсто, папироску тычетъ въ ротъ прежняго курильщика и, обыкновенно сплюнувъ сквозь зубы всторону, отходитъ отъ него, даже не буркнувъ спасибо. И на попрошайку никто не обижается; напротивъ, всѣ находятъ это столь естественнымъ, обычнымъ и законнымъ, что ежели какой либо посѣтитель, изъ новыхъ и непривычныхъ, покажетъ ему чувство брезгливости, или вздумаетъ какъ нибудь выразить свое неудовольствіе на такую безцеремонность, то рискуетъ быть побитымъ. Попрошайка никогда не прочь завязать исторію, а малинкинская завсегдатошь никогда не прочь оказать его кулакамъ союзъ и поддержку своими кулаками, особенно же если при этомъ представляется еще возможность задать, среди азарту и драги, нѣкоторую рекогносцировку карманамъ избиваемаго. Но коммунизмъ этого рода былъ совершенно чуждъ для Степняки, ибо Степняка до такой степени былъ привиженъ, что даже не осмѣливался и помыслить о подобномъ проявленіи своей личности.

На улицу ему показаться было невозможно, потому костюмъ не позволялъ, да и на обувь ни малѣйшаго намега не оказывалось, такъ что и зиму и лѣто онъ щеголялъ босикомъ. По этой же причинѣ и милостыни просить не отваживался, ибо, не говоря уже о попрошайствѣ, полиція тотчасъ же забрала бы его за одну лишь непозволительную наружность, а Степняка очень боялся полиціи, потому ни законныхъ, ни незаконныхъ видовъ при себѣ не имѣлъ и, стало быть, рисковалъ, съ появленіемъ въ уличную публику, весьма непривлекательной перспективой. И вотъ такимъ образомъ, этотъ человѣкъ всю жизнь свою проводилъ, не выходя изъ одного дома.

Одна изъ квартирныхъ хозяекъ, какъ-то разъ, сжалившись надъ положеніемъ Степняки, дала ему пріютъ въ своей темной и тѣсной кухнѣ. Степнякъ болѣе негдѣ было помѣститься, какъ только подъ диваномъ (на диванѣ же обитала какая-то женщина), но онъ и это-

му приюту былъ необыкновенно радъ, и постоянно, съ искреннимъ чувствомъ, называлъ свою хозяйку благодѣтельницею. Полѣно заимѣяло ему подушку, а въ подстилкѣ съ покрывкой капельникъ не находилъ ни малѣйшей нужды: бока его давнымъ давно привыкли и къ побоямъ, и къ жесткому полу. Но для того, чтобы не занималъ Степінъка ужъ такъ-таки совсѣмъ задаромъ своего ночнаго мѣста подъ кухоннымъ диваномъ, то сердобольная хозяйка вмѣнила ему въ обязанность отпирать и затворять дверь за ея гостями—значить, Степінъка и сномъ повоиннымъ не пользовался.

И вотъ, такимъ образомъ, драная рубаха, изъ милости подаренная ему какою-то малингиной женщиной, черепокъ съ помадной банкой, подобранные самимъ владѣльцемъ изъ грязной кучи, да подголовное полѣно сполна составляли всю наличную собственность Степінъки, такъ что если кто и имѣлъ бы наиболѣе неоспоримое право сказать про себя: «omnia mea pesum porto»—то это, безъ сомнѣнія, малингиной капельникъ.

XXV.

Ч у х а.

Старуха помѣстилась съ Машей у столика, въ углу задней комнаты, гдѣ вообще было нѣсколько просторнѣе и даже чище, если только понятие о чистотѣ на сколько-нибудь можетъ быть вообще примѣнимо къ Малиннику. Коптильная лампа, совершенно подобная той, что озаряетъ первую залу, и здѣсь точно такъ же кидала сверху мутно-красноватый отблескъ на лица и стѣны, сохранившія кое-какъ слѣды желтой краски и украшенныя почернѣлыми масляными картинами, изъ коихъ одна изображала жертвоприношеніе Исаака, а двѣ другія—портретъ Петра I и какого-то архіерея.

Чуха, совершенно спокойно усѣвшись на своемъ стулѣ, съ безразличнымъ и равнодушнымъ вниманіемъ принялась осматривать и наблюдать присутствующихъ, а Маша воспользовалась этимъ самымъ временемъ, чтобы получше и поближе разглядѣть свою спасительницу.

Наружность и выраженіе лица этой женщины производили на нее какое-то странное и совсѣмъ новое впечатлѣніе.

Это была старуха пятидесяти лѣтъ, но на видъ казалась еще гораздо старше — свойство, общее почти всѣмъ обитателямъ трущобъ, которыхъ преждевременно и сильно старить самый родъ

безшабашной и горькой ихъ жизни. Она была высока ростомъ, и даже теперь можно было замѣтить, что этотъ станъ отличался когда-то замѣчательной красотой и стройностью. Прѣлая духота маглиннской атмосферы заставила ее сбросить съ себя сильно и пестро-заплатанную кацавейку — и Маша съ удивленіемъ замѣтила, что на старухѣ надѣто грязное кисейное платишко съ значительно открытой грудью, что называется, декольте. Ей невольно бросилась въ глаза страшная худоба ея костлявыхъ плечъ и выдавшіяся ключицы: казалось, будто это сидѣлъ скелетъ, обтянутый пергаментной кожей. Съ лица она была тоже весьма худощава, такъ что это лицо могло бы даже показаться отвратительнымъ, еслибы въ немъ не проскальзывало порою выраженіе чего-то мягкаго, человѣческаго, да не мелькалъ бы иногда оттѣнокъ какого-то подавленно-скрытаго и глубокаго страданья — въ этомъ лицѣ сказывалось присутствіе мысли и чувства. Но первый и притомъ бѣгло поверхностный взглядъ на него производилъ весьма невыгодное впечатлѣніе. Представьте себѣ женскую голову, вконецъ обезображенную развратомъ, съ двумя жидкими и тощими косицами, которыя были переплетены съ какими-то ленточками и двумя крысеныти хвостиками болтались позади ушей, не достигая даже до плечъ; голову съ значительной лысиной посрединѣ темени, на мѣстѣ женскаго пробора, съ морщинистымъ лбомъ, подъ которымъ, словно два калѣные угля; горѣли два черные глаза; эти глаза глубоко и грустно глядѣли изъ своихъ впадинъ, окруженные сухими, воспаленными вѣками и буроватыми подглазьями; во рту торчало только два-три зуба — остальные были искрошены скорбутомъ, и дряблая, морщинистая кожа на этомъ лицѣ, несмотря на его худобу, казалась мѣстами припухшей и имѣла какой-то странный болѣзненный цвѣтъ, словно бы подъ нею зрѣлъ и наливался изжелта-зеленоватый нарывъ. И это свойство ея выдавалось тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе старуха старалась прикрыть его, обмазывая лицо свое толстымъ слоемъ бѣлилъ и румянъ: послѣдними для нея служила свекла, а роль первыхъ исполнялъ, кажись, просто-напросто мѣлъ или крахмалъ, разведенный водою. Самодѣльные бѣлила Чухи неровными и густыми пластами слоились на лбу, на щекахъ и подбородкѣ, оставляя прочія части лица въ ихъ естественномъ видѣ. Но, несмотря на все это поражающее безобразіе, въ старухѣ не потухла живая божія искра: ея глаза иногда горѣли доброю теплотой и тихимъ горемъ; улыбка губъ ея не утрачивала порою мягкой привѣтливости, и общее выраженіе этого лица, когда долго и присталь-

но вглядѣться въ него — казалось одушевлено такою кроткою покорностью своей судьбѣ, осмыслено такимъ лучомъ человѣчной любви и вмѣстѣ съ тѣмъ столь глубокимъ горемъ, несходнымъ, безпредѣльнымъ страданіемъ, что вы невольно забывали яркое влеймо безобразія, наложенное долгимъ и самымъ ужасающимъ развратомъ, а видѣли въ этомъ лицѣ одну лишь его лучшую, осмысленную, нравственно-человѣческую сторону. И по ея сохранившимся еще глазамъ, и по очерку этихъ губъ, особенно во время улыбки, можно было предположить, что когда-то она была замѣчательно хороша собою...

Такова-то была эта женщина, окрещенная въ трущобномъ мірѣ дикою вличкой Чухи, и если вы усвоили въ своемъ воображеніи намѣченныя нами черты, то вы исполнѣ съ нею познакомились: это будетъ ея полный, живой портретъ.

Таковую показалаь она теперь и Машѣ. Дѣвушка долго вглядывалась въ это лицо — и въ душѣ ея вставало чувство новое и странное для нея своею двойственностью. Она видѣла ея внѣшнее безобразіе, чуткимъ инстинктомъ угадывая въ немъ — именно безобразіе разврата, но не испытывала при этомъ ни малѣйшаго отталкивающего отвращенія; только сердце ея ныло, болѣло и щемило отъ жалости и состраданія къ Чухѣ, и не столько за безобразіе, за этотъ внѣшній признакъ разврата, сколько за самый развратъ ея. «Можетъ, она дошла до него тою же самой дорогой, на которой и я стою» съ участіемъ и снисхожденіемъ помыслила дѣвушка: «можетъ быть... почему знать! — можетъ быть, и мнѣ предстоитъ то же самое!» И отъ этой мысли, ее всю передернуло холодомъ. Но улавливая порою во взорѣ и улыбкѣ старухи то особенное выраженіе, которое такъ отличало ее отъ наглыхъ и скотски-безсмысленныхъ, пришибленныхъ фізіономій множества другихъ здѣшнихъ женщинъ, Маша невольно начинала чувствовать къ ней самую теплую симпатію, испытывала задушевное желанье подѣлиться съ нею своимъ сердцемъ, облегчить на ея груди свое неисходное горе, вылить передъ нею все свое оскорбленное, поруганное чувство, такъ невнимательно и грубо оттолкнутое любимымъ человѣкомъ; словно бы что-то свое, близкое, родное влекло ее къ этой женщинѣ, подъ добрымъ и ласковымъ обаяніемъ ея мимолетно-теплага и грустнаго взора — и Машѣ какъ-то невольно чувствовалось, что въ ея одинокой, заглобленной жизненными холодами душѣ все растетъ и растетъ безпредѣльное довѣріе къ этому существу, погрязшему въ мрачной тишѣ. Она инстинктивно почуяла въ немъ родную,

теплую душу. Ей показалось, будто съ этой самой минуты она уже не совѣмъ одинока въ мірѣ, будто нашлась чья-то другая воля и сердце, которыя поддержать и согрѣютъ ее на этомъ жизненномъ распутѣ — и ей захотѣлось не разставаться, какъ можно дольше не разставаться со своей случайной спасительницей. Но опять-таки и то, что разъ уже сказавъ себѣ: «да будетъ Его святая воля», и вмѣстѣ съ этимъ словомъ слѣпо отдавшись судьбѣ—куда ни вынесетъ! ей было покамѣсть нѣ на что больше рѣшиться и ничего не оставалось, какъ только держаться около Чухи, пока случайная судьба или жизнь не подставятъ неожиданно какого либо иного исхода.

— Mon Dieu, comme je veux boire!... Comme je veux boire!... et comme j'ai faim! Mais... personne ne m'a donné nul copek aujourd'hui! съ какимъ-то жгуче отчаяннымъ и вакхически растерзаннымъ видомъ подошла вдругъ къ Чухѣ какая-то молодая еще женщина, тоскливо заламавъ свои руки.

Чуха отвѣтила ей только печальнымъ пожатіемъ плечъ и быстро глянула на Машу. Эту, казалось, необычайно поразили звуки французскаго языка, услышанные въ Малинникѣ.

Вакханка молча постояла еще съ минутку, съ озабоченной тоскою озираясь во всѣ стороны, и со вздохомъ пошла-себѣ искать дальнѣйшихъ приключеній.

— Что, милая дѣвушка, тебя, кажись, удивило? съ тихой улыбкой обратилась къ Машѣ ея спутница.

— Да... французская фраза... здѣсь... Я не ожидала, смущенно прошептала она.

— Мало-ль чего ты тутъ не ожидаешь еще! съ горько-иронической грустью покачала головой старуха:—а между тѣмъ, мудренаго ничего нѣтъ: тутъ не одна она, тутъ на Сѣнной и много такихъ-то есть... много ихъ!...

— Что жъ это значить?... французенка? прошептала пораженная дѣвушка.

— Нѣтъ, русская... все такъ же грустно возразила Чуха. — Это вотъ что значить, если хочешь знать, продолжала она:— случается, что дѣвушка этого «порядочнаго» круга собьется съ истиннаго пути — несчастіе, обстоятельства, обманъ — всякое вѣдь бываетъ въ жизни! И если ужъ она попала на эту дорогу, вернуться почти невозможно: затагиваетъ! словно тина какая засосетъ тебя! Ну, а стыдъ и гордость-то не всегда вѣдь сразу убьешь, и становится ей совѣстно встрѣчаться въ «пансіонѣ-то» съ

людьми прежняго круга: на знакомыхъ, пожалуй, можетъ натолкнуться; поэтому она въ видныхъ пансіонахъ и сама не остается, а спускается куда-нибудь пониже, гдѣ народъ бьвается попроще. Да вотъ бѣда — и это у нихъ у всѣхъ почти общее — со стыда да съ горя начинаетъ пить, и сильно пьютъ онѣ, привыкають къ пьянству, а за пьянство сперва бьютъ, а потомъ выгоняють, перепродаютъ въ другія руки; и вотъ, такими-то судьбами, дѣвушка спускается все ниже да ниже и доходитъ наконецъ до Сѣнной. Тутъ ужъ изъ прежнихъ-то ни съ кѣмъ она не рискуеть встрѣтиться, да и за пьянство здѣсь не взыскивають — ну, на Сѣнной онѣ всѣ и кончаютъ, на Сѣнной-то особенно ихъ и отыщешь. Такъ-то милая дѣвушка! закончила Чуха, вздохнувъ тихо, но невыразимо тяжело.

Маша слушала и глядѣла на нее въ невольномъ ужасѣ: послѣ этого разказа, ей еще сильнѣе стало казаться, что и ее ждетъ та же роковая судьба.

Чуха тревожно угадала ее мысли.

— Я тебѣ вотъ что скажу, начала она, видимо торопясь успокоить волненіе дѣвушки:—ты съ нами не оставайся. Тутъ тебѣ нѣмѣсто: тутъ тебя вѣрная погибель ждетъ. А ты только первое время пережди у меня, пока тебѣ кромѣ Фонтанки дѣваться некуда — а тамъ я ужъ какъ бы то ни было раздобуду тебѣ деньжонками хоть маленькими, дамъ тебѣ... въ займы, прибавила она въ скобкахъ съ доброй, хорошей улыбкой: — отдашь, когда разбогатѣешь; ты мѣста себѣ поищи какового, а съ нами оставаться... Нѣтъ, не допущу я до такого грѣха! Не на это я тебя отъ проруби оттащила! Ты вотъ смотри на меня, поднялась Чуха съ мѣста:—что, какова я?.. А вѣдь когда-то тоже, какъ ты, была хороша — *женщина*, была... Да только это — именно *когда-то* было. А теперь-то... Чуха, и только!

И старуха съ ѣдко-горькой улыбкой, отчаянно махнула рукой.

— Охъ, давно бы я бросила все это, тихо продолжала она, спустя нѣсколько времени: — противно, гадко оно... Пора бы иначе пристроиться... Хотѣлось бы хоть сеledвами на Сѣнной торговать, хоть гнилушницей промышлять апельсинами да яблочами! Кажется, ужъ на что не велика торговля, а возможности нѣтъ... Нѣтъ, да и только!... Десяти-двѣнадцати рубляшекъ не могу сколотить на обзаведеніе! — Повѣришь ли ты этому? И вотъ, хочешь не хочешь — а поневолѣ, продолжай каторгу да позорь...

Старуха замолкла и угрюмо понурилась, отдавшись какой-то

безпросвѣтной думѣ; а между тѣмъ, въ этой комнатѣ, подъ звуки торбана и гусаваго пѣнія Ивана Родивоньча, составила осьми-парная кадрили. Танцевали исключительно однѣ только женщины, подъ куплеты чего-то въ родѣ «чижина»; мужчины же оставались зрителями. Но какъ танцевалась эта кадрили! Каждый изъ читателей, конечно, вмѣстѣ болѣе или менѣе приблизительное понятіе о томъ, какимъ наглымъ и циническимъ образомъ отплясывается этотъ танецъ у различныхъ Ефремовыхъ, Марцинъевичей и Гебгардъ, которому придано здѣсь все дикое руссiйское безобразіе и воплѣнъ отнята французская грація и изящество. Казалось бы, чего же послѣ этого должно ожидать отъ Малинникова?—А между тѣмъ, представьте себѣ самую крайнюю противоположность! Кадрили, танцуемая въ Малинникѣ, въ этомъ вертепѣ крайняго разврата и безобразія, отличается образцовою скромностью и приличіемъ, такъ что хоть бы впору любому пансіону «благородныхъ дѣвицъ». И—какъ знаты! — быть можетъ, въ средѣ этихъ осьми паръ, найдется и не одна женщина, у которой воплѣнъ разорваны всякія связи съ прежнею жизнью нвого общества, и для которой эта скромность и приличіе въ танцахъ составляютъ теперь уже единственную сладкую иллюзію, напоминающую ей это безвозвратно-погибшее прошлое. — Вѣдь кромѣ скромности въ танцахъ, для нея уже не существуетъ болѣе ни въ чемъ остальномъ никакой скромности — рѣшительно ничего, напоминающаго нравственный идеаль женщины.

— У тебя есть еще деньги, или ужъ ничего больше не осталось? тихо спросила Чуха у Машы, во время этой кадрили.

— Нѣтъ, я послѣднія проѣла... нѣсколько смущенно отвѣтила ей Маша.

— Ну, и у меня всего на всего три копейки... на ночлегъ обѣимъ не хватить... надо бы какъ пибудь добыть... Я добуду, раздумчиво проговорила старуха и стала кого-то отыскивать глазами.

Вскорѣ она замѣтила слонавшагося у столовъ капельника и отошла съ нимъ въ сторону.

— Слушай, голубчикъ Стѣпиньва, чтд я тебѣ скажу, начала она ему вкрадчивымъ голосомъ:—хочешь добыть деньгу?

Капельникъ вмѣсто отвѣта только крякнулъ съ ужимкой да языкомъ прищолкнулъ.

— Въ той комнатѣ, кажись, море разливанное? продолжала женщина:—кто это тамъ такъ шибко?

— Летучій, Лука... нонѣшній сламъ юрдѣнить*.

— Стало быть, при деньгахъ?

— Въ большихъ деньгахъ!... Сѣтельную бумажку самъ сейчасъ видѣлъ.

— Ну, если его потѣшить теперь, такъ онъ разщедрится съ живостью и надеждой подхватила Чуха:—а мы съ тобой подѣлимся. Хочешь, что ли?

— Да ничего не въванючишь — надругательство развѣ какое, а больше ничего! съ унылымъ вздохомъ возразилъ Стѣпинька.

— Ужь тамъ мое дѣло! удостовѣрила его старуха:—ужь тамъ я знаю, какъ!... А ты теперь подойди только къ нему, да попроси хорошенько, чтобы позволилъ для себя поплясать... Скажи ему: Чуха, молю, вмѣстѣ со мною желаетъ.

— Ладно, я пойду... Для чего не пойти?! согласился капельникъ и направился въ большую залу, гдѣ дымъ и чадъ стоялъ боромы-сломя и тѣснилось видимо-невидимо всякаго народу.

Тамъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, окруженный достойною компаніей своихъ приспѣшниковъ, воссѣдалъ и безобразничалъ во вся тяжкія Лука Лувичъ Летучій, тотъ знаменитый и уже нѣсколько извѣстный читателю герой, который въ отдѣльномъ номерѣ «Утѣшительной» съ полтора мѣсяца назадъ собственноручно удушилъ дворника Селифана Ковалева. Нынче Летучій угарно прокучивалъ выгодный сламъ съ большого воровскаго дѣла, направо и налѣво, безъ толку, соря своими деньгами.

Какое-то внутреннее чувство больно укорило-было Чуху за ея рѣшимость прибѣгнуть къ добычѣ нечистыхъ денегъ отъ таково челоуѣва, но... дѣваться больше было некуда, жаль бросить Машу, жаль оставить ее безъ ночлега, безъ пріюта, когда она того и глади опять, пожалуй, вздумаетъ съ отчаянія идти на Фонтанку. Старуха не могла сама себѣ дать отчета, какъ и почему, но только сердцемъ своимъ чувала, будто что-то инстинктивное тепло привязываетъ ее къ спасенной ею дѣвушкѣ, и для нея-то она рѣшилась на послѣднее средство.

— Э! что тутъ думать! съ твердой рѣшимостью помыслила она:—вѣдь не впервой кувѣркаться изъ-за куска хлѣба!

И черезъ минуту, по мановенію Летучаго, передъ его столомъ расчистился кружокъ, тѣсно обрамленный досужими зрителями. Скромная кадрили была прервана, потому что Лука потребовалъ

---

* Добычу прогуливаетъ.

къ себѣ музыкантовъ, а еще черезъ минуту говоръ толпы покрывался уже гнусавымъ теноркомъ Ивана Родивонныча, которому, по обыкновенію, вторилъ пьявенькій басомъ Мосей Мармыча, подъ акомпаниментъ звенящихъ ложекъ и торбана.

Какъ у насъ Чуха—красотка —
По всему тѣлу чесотка —
Очень хороша!
Ахъ! очень хороша!

раздавалось по залѣ отвратительное пѣніе, которое подхватывали иные голоса изъ хохочащей толпы — и безобразная Чуха, ставши въ позитуру противъ безобразнаго Степиньки и высоко поднявъ юбку задрыпаннаго кисейнаго платишка, лихо отхватывала трепака. Эти два вѣшніи безобразія, соединенныя въ откровенно-цинической пляскѣ, во вкусъ Луки Летучаго, являли собой донельзя отвратительную картину. И хорошо, что не видѣла ее Маша, которая осталась, въ ожиданіи ссрывшейся Чухи, на прежнемъ мѣстѣ, и боялась удалиться съ него, потому что, въ отсутствіи ея, испытывала крайнее безпокойство и смущеніе.

Чухъ!... Чухъ!... Чухъ!
Ни молодокъ, ни старухъ!

размахивая руками и валяя то кувыркомъ, то въ присядку, мчались расходившіися Степинька, тогда какъ многіе изъ зрителей громко отбивали въ ладоши тактъ, а самъ Лука, схватившись за животикъ, надрывался отъ неудержимаго смѣху, и дико взвизгивалъ по временамъ:

— Ухъ-тыя!... Жарь его!... Валяй!... Поддавай пару!... Лихо!...

И черезъ нѣсколько мгновеній все это смѣшалось въ такой безобразный лай, гамъ и свистъ, и топанье, и хохотъ, что стѣны дрожали и за людей становилось страшно. Послѣ прерванной скромной кадрили, весь этотъ безобразный трепакъ, и всѣ эти неистовые вопли ссучившихся зрителей, по истинѣ, являлись живою сценой изъ шабаша вѣдьмъ на Лысой горѣ, переполненной всякою адской сволочью.

Трепакъ, съ каждымъ мгновеніемъ, разгарался все живѣй и быстрѣе; Мосей Мармычъ все болѣе и болѣе учащалъ тактъ, до того что струны его торбана звенѣли уже безъ всякаго толку—тутъ, откуда ни возмись, на помощь въ нему явилась какая-то посторонняя гармоника, визжавшая не въ тонъ — и танецъ длился до тѣхъ поръ, пока запыхавшаяся пласунья, выбившись изъ силъ, не пова-

лилась на полъ. Последнее обстоятельство наиболѣе всего развеселило зрителей, но въ душѣ Чухи было мрачно, она думала: «что, если все это было понапрасну, что если Лука не дастъ ни гроша!» — но Лука Летучій запустилъ уже руку въ карманъ и выгребавъ оттуда горсть мелкой монеты да двѣ-три скомканныя ассигнаціи, швырнулъ ихъ на полъ передъ собою. Въ тотъ же мигъ, передніе изъ кучи зрителей жадно кинулись ловить деньги, предназначившіяся танцорамъ и, дѣйствительно, захватили большую часть. Поднялась свалка и драка, но Чуха успѣла-таки проворно схватить серебрянный двугривенный и юрко улизнула изъ схватки, которая теперь чуть ли не болѣе пляски потѣшала Луку Летучаго.

— Лука Лукинъ — моей матери сынъ — нониче гуляетъ! Знай, моль, насъ народъ до самыхъ трукмальныхъ воротъ! кричалъ онъ, вскарабкавшись на столъ, и кидая оттуда новую горсть въ самую середину свалки: — потому мы нониче и въ Италиі, и далѣе, и въ Парижѣ, и ближе бывали!

— Пойдемъ теперь отсюда... спать пойдемъ, едва переводя духъ, сказала Чуха, вернувшись къ Машѣ, которая все это время, слыша визгъ и гвалтъ, наполнявшій большую залу, не смѣла подняться съ мѣста и только все пуще робѣла, тщетно отыскивая глазами свою старуху.

XXVI.

Малинкинскій самосудъ.

— Гей, ребята!... Мазурика!... Мазурика поймали! мазурика!... Держи его, держи-и! раздалось вдругъ въ эту самую минуту нѣсколько громкихъ голосовъ въ большой залѣ — и въ комнату вбѣжалъ, растерянный, и блѣдный съ перепугу, молодой человекъ, за которымъ гнался малинкинскій хлѣбный маритантъ и нѣсколько личностей, ошалѣвшихъ отъ пьянаго разгула.

Маша глянула на вбѣжавшаго и сразу узнала его.

То былъ Вересовъ.

Но изъ этой комнаты ему уже больше некуда было бѣжать; тутъ же его и схватили.

— Ахъ ты, мазурика! вопилъ маритантъ, хвативъ одною рукою за воротъ Вересова, въ то же время не выпуская изъ другой свою булочную корзину: — ахъ ты, воришка!... Гляди-кось, почтенные, булку у меня станулы!... Я только что отвернулся, а онъ и станулы! Ахъ ты...

И полился снова дѣлный мутный потоѣкъ бранныхъ восклицаній и безконечныя повторенія о булкѣ.

У Вересова дѣйствительно изъ-за пазухи торчала враюшка бѣлаго хлѣба, которую онъ прирывалъ рукою, не то бы въ намѣреніи припрятать, не то готовясь защищать ее, буде отнимать начнутъ. Самъ же вконецъ потерялся и бессмысленно глядѣлъ на всѣхъ бѣглымъ, испуганнымъ взоромъ.

— Мазурника, мазурника поймали! пошелъ быстрый говоръ по всей малопеньковской толпѣ, которая съ этимъ извѣстіемъ, по большей части, хлынула въ желтую комнату, гдѣ маркитантъ со своими охочими приспѣшниками, вопя о булкѣ, держали Вересова, который, впрочемъ, и не думалъ вырваться отъ нихъ.

Маша рѣшилась ждать, чѣмъ это кончится: она чуяла, что ему грозитъ что-то нехоршее.

— Надо его выручить... надо его выручить! быстро шепнула она Чухѣ, и схвативъ ее подъ руку, старалась протискаться поближе къ Вересову; но сдѣлать это было нѣсколько мудрено за плотно-скупившейся и все болѣе прибывавшей толпою. Однакоже, дѣвушка не терала надежды и рѣшительно, хотя и понемногу, грудью и плечомъ подавалась впередъ.

— Мазурника поймали?... Гдѣ онъ? гдѣ значить, эфтотъ соколиятъ? Покажите вы мнѣ его! говорилъ Лука Летучій, съ развалистой и гордо-самодовольной важностью, входя вслѣдъ за другими.

— Здѣсь, батюшка Лука Лукичъ!... Здѣсятки, вотъ онъ! вопилъ маркитантъ: — обокралъ меня!... Теперича — шутка ли! важинная булка вѣдь не даромъ достается, важинная трѣшку*, значить, стоить, а онъ, подлець, накосъ тебѣ!... а?... Ахъ ты...

— Ашмалашъ ему, ашмалашъ! ** Обмыскать его, коли онъ мазурникъ! надо во всемъ пунѣту эту самую соблюсти, чтобы, значить, было оно по закону... безъ закону ни-ни! авторитетно подалъ свой голосъ Летучій.

И едва успѣлъ онъ подать свой голосъ, какъ уже два человѣка изъ его же шайки, съ необыкновенною ловкостью и сноровкой, принялись шарить по карманамъ Вересова и ощупывать всего, съ головы до ногъ. Прежде всего была торжественно вынута изъ-за пазухи его трехкопеечная булка.

* Трешка—три копейки.

** Ашмалашъ—ощупка.

— Ге-ге-е! вонъ оно что! смѣховниѣмъ ревомъ пронеслось по толпѣ.

Затѣмъ, одинъ изъ обыскивавшихъ вынулъ изъ его кармана старый, потертый и замазанный бумажникъ.

— Эй, вы! Публика почтенная! Чей лопатошникъ? * Не признаетъ ли кто? Можетъ, тоже стыренное **, вослякнулъ нашедшій, высоко, во всевидѣніе, поднявъ надъ головою бумажникъ.

— Ахъ-ти! да никакъ, братъ, мой!... Э-э!?... И взаправду, мой! Ну, такъ и есть: у меня подтырилъ! вмѣшался, пробравшись сквозъ толпу, какой-то человѣчекъ, въ виду прямой жоржъ, и пошаривъ для пущаго удостовѣренія въ карманахъ и за голенищемъ, принялся разглядывать находку.

— Мой, мой! вотъ и наши ребята сичасъ признаютъ, что мой, говорилъ онъ, развертывая бумажникъ, и вдругъ скорчилъ притворно испуганную и пораженную рожу.

— Батюшки! голубчики!... Отцы родные! жалобно возопилъ человѣчекъ, отчаянно хлопнувъ объ полы руками: — вѣдь у меня тамъ двадцать рублей денегъ было, а теперь — ни хера! все выкралъ! все выкралъ, подлецъ! расплатиться за буфетомъ теперича, какъ есть — ну, нечѣмъ да и только! Благодарители! какъ же это?... За чтò же это?... Господи! батюшка! Микола Чудотворецъ! Святители вы мои! Караулъ!... Кара-у-уль!...

— Не горлопаны! сурово осадилъ его Летучій, легонько давнувъ за плечо, отчего человѣченку вдругъ болѣзненно скорчило. Тѣмъ не менѣе, онъ не преминулъ воспользоваться удобною мнutoй чтобы, подъ шумокъ, опустить въ свой карманъ вещь, вовсе ему не принадлежащую.

Вересовъ, дѣйствительно, укралъ и бумажникъ, и булку. Пропатавшись весь день безъ пріюта, ища какой ни на есть работишки и нигдѣ не находя ее, онъ въ вечеру снова почувствовалъ голодь. Подобное существованіе вконецъ уже ожесточило его — и онъ рѣшился украсть — не повчерашнему, а дѣйствительно, взаправду и во что бы то ни стало украсть, что ни попадетъ подъ руку, на насущный кусокъ хлѣба. Вересовъ видѣлъ вчера, что въ Малинникѣ собирается множество народу, бываетъ много цѣнныхъ — «авось въ этакой толпѣ сойдетъ! авось не замѣтятъ!» подумалъ

* Бумажникъ.

** Украденное.

онъ и рѣшился отправиться прямо сюда, благо дорога ужь знакома. Вошелъ, поклонялся нѣкоторое время по комнатамъ, оглядѣлся и видить, что у одного столишка, опустя голову на руки, одиноко дремлетъ захмѣлѣвшій матросикъ, а передъ нимъ лежитъ бумажникъ. Вересовъ присѣлъ къ тому же столу — морякъ не просыпается. Тогда, уловивъ минутку, когда никто не обращалъ особаго вниманія въ ихъ сторону, онъ съ величайшею робостью потянулъ къ себѣ чужую вещь. Матросъ и тутъ не проснулся. Вересовъ быстро опустилъ бумажникъ въ карманъ и тихо удалился въ другую комнату. Дрожа отъ волненія, съ невольной и назойливо навязывающейся мыслию, что его сейчасъ захватятъ и обличатъ, развернулъ онъ этотъ бумажникъ—пусто; заглянулъ во всѣ отдѣленія его—и кромѣ какой-то засаленной, исписанной бумажонки да двухъ папирсовъ, ничего не нашелъ, и въ злобномъ отчаяніи, бессильно опустилъ свои руки.

«Нѣтъ, я все же припрячу его; не сегодня, такъ завтра кому-нибудь продамъ — копейки три или пять дадутъ за него», рѣшилъ онъ, снова пряча въ карманъ свое приобрѣтеніе. А въ это время въ большой залъ происходила свалка, затѣянная по милости щедротъ разгулявашагося Летуаго. Вересовъ бросился-было туда, и вдругъ видить, что маритантъ, позабывъ про висѣвшую у него на рукѣ корзинку, все свое вниманіе устремилъ на эту свалку. При видѣ хлѣба и при надеждѣ добыть его съ помощью кражи, аппетитъ Вересова вдругъ разыгрался гораздо сильнѣе, чѣмъ за минуту до этого, такъ что онъ, ни мало не медля, подерался къ маританту и запустилъ руку въ корзинку. Вотъ — булка уже схвачена, но торопясь выдернуть свою руку, онъ неловко зацѣпилъ и дѣрнулъ эту корзинку — маритантъ живо обернулся на него и замѣтилъ кражу. Вересовъ ударился въ сторону, на ходу запихивая булку къ себѣ за пазуху.

— Мазурикъ! крикнулъ тотъ, поспѣшая за нимъ вдогонку — и отъ этого слова молодой человекъ мгновенно сталъ бѣлѣе полотна, растерялся и бросился бѣжать, куда попало.

А что было вслѣдъ затѣмъ — читатель уже знаетъ.

— Рожа-то его что-то мнѣ незнакома, пробурчалъ Летуцій, подойдя къ Вересову и взглядываясь въ лицо: — ребятки! обернулся онъ къ толпѣ:—не признаетъ ли кто молодца? Хороводный онъ отколь нибудь, азь съ вѣтру?

— Не надо быть, чтобы хороводный! Кабы хороводный, ми бы

знали, кто-нибудь да узналъ бы безпремѣнно, отозвались изъ толпы нѣсколько записныхъ жоржей *.

— Такъ, стало быть, съ вѣтру? снова обернулся Летучій.

— Съ вѣтру!... На особняка, значить, ходитъ! подтвердила жоржи.

— Ну, коли такъ, надо оправосудить его! порѣшилъ Лука и обратился къ помертвѣлому Вересову:

— Такъ ты, собачій сынъ, мазурить сюда явился? Такъ ты это наше общество осквернять? Честное заведеніе порочить?... А?... Ребята! какъ скажете: поиграть ему маненечко на скрипкѣ, чтобъ напередъ половчѣе былъ? ась?

— Задай ему хорошую концертну! задай!... Пушай прѣхтѣе будетъ! согласились обружающіе. Все же прочее, что наполняло эту комнату, оставалось безучастнымъ и равнодушнымъ зрителемъ, и только у одной Маши, какъ у пойманной въ руку касатки, хватывало и ёкало сердчишко, отъ страха за Вересова, да отъ негодованія на эту бездушную толпу.

— Приде жите-ка его, ребята! тихо распорядился Летучій, гивнувъ двумъ обыскивавшимъ молодцамъ изъ своей шайки, а самъ весьма медленно, внушительно и съ торжествующимъ самодовольствомъ, видимо красуясь передъ толпою, сталъ засучивать свои рукава.

Въ это же самое время двое другихъ молодцовъ засучили и Вересову рукава выше локтей, и вытянули впередъ худощавыя руки, привели ихъ въ прямое, горизонтальное положеніе. Онъ весь дрожалъ, дыша тяжело и медленно, и дико озирался во всѣ стороны, какъ-бы ища спасенія.

Неторопливо подошелъ къ нему Летучій, съ тою подлою улыбкой, которая обличала ясно всю его безпощадность. Спокойно глянулъ онъ на Вересова, и обѣими руками, то-есть собственно двумя только пальцами каждой — большимъ и указательнымъ — взялъ его за руки, повыше кистей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходится восемь косточекъ запястья, и именно со стороны большого пальца и мизинца. Въ то же самое мгновеніе, сильно нажавъ эти косточки запястья, Летучій началъ мѣрно передвигать своими пальцами, отнюдь не отрывая ихъ отъ рукъ своей жертвы.

* *X. роводный* — принадлежащій къ какой-нибудь изъ извѣстныхъ менестрельскихъ ассоціаций; съ *оттру* — пришлій невідомо откуда, и занимающійся вороствомъ въ одиночку.

Вересовъ поблѣднѣлъ еще болѣе, лицо его искажались и изъ груди вырвался глухой стонъ.

Эта игра на скрипкѣ представляетъ одну изъ самыхъ невыносимыхъ пытокъ. Острой боли собственно при этомъ нѣтъ ни малѣйшей, но перебирание хрустящихъ косточекъ производитъ такое тяжелое и въ высшей степени неприятно-нервное ощущеніе, что человѣкъ даже съ самыми грубыми нервами, едва-ли болѣе двухъ минутъ въ состояніи будетъ спокойно вынести эту пытку, послѣдствіемъ которой, при извѣстной продолжительности манипуляцій, явится сперва изступленіе, а потомъ обморокъ. Говорятъ, что бывали примѣры, когда эта пытка доводила и до эпилепсическаго состоянія. Мудренаго, впрочемъ, ничего нѣтъ. Невмощное нервное ощущеніе можно еще хотя нѣсколько уменьшить, если крѣпко сжать кулакъ, къ чему инстинктивно и прибѣгнулъ въ эту минуту Вересовъ; но Лука Летучій отменно зналъ эту штуку.

— А ну-ко, живчикъ ему поддержни! мигнулъ онъ своимъ приспѣшникамъ, державшимъ молодого человѣка, и тѣ въ сію же минуту, концомъ большого пальца начали снизу толкать его въ сочлененіе локтевой кости, гдѣ находится, такъ-называемая, въ просторѣчій жилка-живчикъ, отъ мгновеннаго и достаточно сильнаго прикосновенія къ которой, по всей рукѣ тотчасъ же побѣгутъ нестерпимые мураши.

Приспѣшники Летучаго не заставляли повторять себѣ приказаніе и весьма усердно принялись поддергивать живчика Вересову, отчего пальцы его въ тотъ же мигъ разогнулись и по обѣимъ рукамъ пошли конвульсивныя движенія. Эти пальцы, если можно такъ выразиться, судорожно прыгали, при каждомъ толчкѣ въ живчикъ.

— Воруи — не воруи, а будь ловокъ, приговаривалъ, пытая, насмѣшливо-поучительнымъ тономъ Летучій: — напредки помни да не попадайся, чтобы и себя не страмить, да и насъ, добрыхъ людей, въ камфюзъ не вдавать. Воруи половчѣе, буде Богъ тебѣ далъ на то дарованье такое, дѣя тово и пальчики тебѣ теперь розминаются. А не будешь ловокъ—будешь битъ отъ начальства. Вотъ тебѣ и притча во языцехъ—отъ писанія слово сказано; а ты, какъ есть ты молодой человѣкъ, такъ ты поучайся, да заруби себѣ на носу, что это, молъ, учить тебя уму-разуму Лука Лукинъ — моеи матери сынъ — по прованію Летучій — человѣкъ выпучій. Чтò, братъ, каково? Складно? — Затѣмъ и складно, чтобы въ память припаять.

Вересовъ сначала только зубами скрежеталъ, но потомъ не выдержалъ и сталъ стонать, и порываться изъ рукъ своихъ мучителей.

— Э-э! любезный человекъ!... Потерпи, потерпи малость самую! Это ничего, это очинно даже приятно, издѣвался Лука, не переставая мучить.

Вдругъ въ эту самую минуту, съ яростнымъ крикомъ, пробралась сквозь толпу Маша, и стремительно винулась къ Летучему, крѣпко схвативъ его за руку. Щеки ея пылали, грудь высоко поднималась отъ труднаго дыханія, волосы взбились въ беспорядкѣ отъ тѣхъ усилій, которыя употребила она, чтобы пробиться сквозь густую толпу, и смѣлые глаза метали злобныя искры. Въ эту минуту она была замѣчательно хороша собою: гнѣвъ и волненіе придали ей совсѣмъ новый, небывалый еще оттѣнокъ восторженной энергій и рѣшительной воли, такъ что даже самъ Летучій, остановивъ пытку, перенесъ на нея свои изумленные взоры, въ которыхъ начинало уже заисприваться дикое, животненное сластолюбіе.

— Оставь его!... Оставь, или я задушу тебя! сдѣлавъ свои зубы и задыхаясь, прошипѣла дѣвушка.

— Ну, нѣтъ, задушить-то ты меня не задушишь, спокойно возразилъ Летучій, пожирая ее пьянымъ глазами: — для эфтого у вашей сестры руки изъ рѣпы крѣдены, капустой подстѣганы! А вотъ покѣлева живу, отродясь не видалъ еще, чтобы баба во мнѣ эдакъ-то подлетѣла! Вотъ, что правда, то правда! Ай да, звѣрь-дѣвка! Право, звѣрь!... Люблю такихъ!... Одначежъ ты отселева отчаливай, потому неравно второпяхъ зашибу, прибавилъ онъ ей, снова обращаясь къ Вересову съ прежнимъ намѣреніемъ.

— Не троны! съ сидюю вырвался отчаянный крикъ изъ груди Маши: — влявусь, задушу! Слышишь!

И она съ неестественной, нервной и невѣдомо откуда вдругъ появившейся у нея силой, опять схватила его за руки. Глаза ея грозно и зловѣще сверкали изъ-подъ сдвинутыхъ бровей.

— Ай, да и что жъ это за дѣвка! въ какомъ-то звѣрообразномъ довольствѣ воскликнулъ Лука, любуясь дикою красотою дѣвушки: — любо мнѣ это да и только!... Слышь ты, звѣрь-дѣвка, вотъ бы мнѣ такую полюбнцу! — лихо!

— Палачъ!... съ ненавистнымъ презрѣніемъ бросила ему въ лицо свое слово Маша.

Летучій вздрогнулъ и хмуро насуписья.

— Палачъ? повторилъ онъ медленно и тихо: — ну, пѣтъ, брать-дѣвка, это ты врешь!... Не говори ты мнѣ, никогда не говори ты мнѣ такого слова! Слышишь?... Палачомъ Луку Летучаго не обзывать!

Лука зналъ, что рано ли—поздно ли, онъ попадется въ палачовскія лапы, и по естественной ненависти къ нимъ, свойственной всей братин, считалъ это слово, примѣненное къ самому себѣ, большимъ оскорбленіемъ, жестокой обидой и тяжелымъ уворомъ. Оно его словно ножомъ рѣзнуло по сердцу, спазанное съ такой презрительной прямою, въ глазахъ огромной толпы, значительную часть которой человѣческой поступокъ Маши заставилъ вдругъ человѣческими глазами взглянуть на это дѣло.

Но самолюбіе Луки Летучаго не позволяло ему оставить Вересова вслѣдствіе одного только слова и энергической воли какой-то шальной дѣвчонки: «пожалуй подумаютъ, что испугался», и въ то же время онъ чувствовалъ, что послѣ «палача» негодится мучить мальчонку. Лукѣ нужно было съ достоинствомъ выдти изъ этого положенія, и потому онъ тотчасъ же сметливо придумалъ исходъ, который могъ польстить и его самолюбію, и его сластолюбивымъ инстинктамъ.

— Такъ, вашему здоровью, стало быть желательно-съ, чтобы я его оставилъ? съ заигрывающей улыбкой обратился онъ къ Машѣ.

— Ты его не тронешь больше! твердо и рѣшительно проговорила она.

— Не трону, коли на стачку пойдешь. Поцалуй, дѣвка, Луку Летучаго, тогда—вотъ тебѣ богъ! не трону. И онъ, выжидая поцалца, сталъ передъ ней, избоченаясь.

Маши отвѣтила однимъ лишь презрительнымъ взглядомъ.

— Не хочешь? медленно проговорилъ мучитель, сдвигая свои брови; положеніе становилось для него еще болѣе затруднительнымъ:—не хочешь? Ну, такъ ужъ не пеняй! Держите-тебя его, братцы.

И онъ снова взялъ руки Вересова.

Маши дикою кошкой бросилась на него, но Летучій однимъ легкимъ движеніемъ локтя отбросилъ ее въ сторону, такъ что она ужъ разомъ поняла всю невозможность мѣряться съ этою силой.

Лука держалъ руки своей жертвы, но почему-то медлил приступать къ новой пыткѣ, а положеніе Вересова, межъ тѣмъ, становилось все болѣе и болѣе критическимъ.

Несчастный бросилъ на Машу долгій, невыразимо-страдающій и молящій взглядъ, послѣ котораго тотчасъ же раздался его крикъ.— Летучій началъ свое дѣло.

Дѣвушка уловила этотъ взглядъ, столь много говорящій, и слышавъ новый вопль, съ отчаянной тоской оглянулась вокругъ себя, почти готовая упасть безъ чувствъ отъ потрясенія—и

вдругъ — не успѣлъ еще замереть голосъ Вересова — какъ она уже стремительно бросилась къ Летучему и, закрывъ глаза, чтобы преодолѣть отвращеніе, громко поцаловала его.

Тотъ, какъ звѣрь, охватилъ ее своими лапами, и сталъ покрывать подалауями все лицо безчувственной Маши.

Чуха подоспѣла на помощь. Съ ругательствами и крикомъ старая волчиха принялась отбивать отъ него дѣвушку, и Лука Летучій черезъ минуту опомнился: онъ хоть и былъ шибко хмѣлень, однакожь увидѣлъ и понялъ, что дѣло дошло до обморока.

— Тьфу!... это я словно мертвеца цаловалъ! ажно похолодѣла! пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ, и передавъ Машу съ рукъ на руки Чухѣ, мигнулъ своимъ приспѣшникамъ:

— Отпустите мальчика! Будетъ съ него!

Вересовъ былъ оставленъ.

Съ помощью двухъ женщннъ, старуха утащила дѣвушку отъ постороннихъ глазъ, въ маленькій темный чуланъ, за перегородку, куда обыкновенно сваливаютъ въ Малинникѣ мѣбель, пострадавшую до окончательной негодности, среди ночныхъ оргій. Тамъ ее два раза всырынули водой, потеряли грудь да виски — и дѣвушка очнулась.

— Гдѣ онъ?... спросила она, поднимаясь на ноги: — гдѣ онъ?... Пустья меня къ нему — она снова стануть мучить его...

Чуха начала-было уговаривать и успокоивать ее, но Маша ничего не хотѣла слушать, и порывалась изъ чулана. Пришлось отвести ее въ прежнюю комнату.

Вересовъ, оставленный Летучимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею остальною толпой, долго еще не могъ придти въ себя и стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, ошеломленный всѣмъ случившимся, не зная, куда изъ этой комнаты направиться къ выходу, и въ то же время страхась сдѣлать шагъ, изъ опасенія подвергнуться опять какинъ-нибудь новымъ мученіямъ.

— Пойдемъ отсюда... Бога-ради, пойдемъ скорѣе! стремительно проговорила Маша, подведенная къ нему Чухой, и безъ сопротивленія взявъ руку молодого человѣка, повела его вслѣдъ за собою.

— Вотъ дѣвка, такъ дѣвка! Молодецъ дѣвка!... одобрительно замѣчали нѣкоторыя личности, когда Маша вмѣстѣ съ Чухой и Вересовымъ проходила малинникскія комнаты.

А въ это время въ большой залѣ, опять уже вокругъ Летучаго кучилась большая толпа, и опять брнчалъ торбанъ, и звенѣли ложки и пѣвцы отхватывали «величальную» въ честь этого героя

Ахъ, и кто же таровать у насъ?
Таровать да свѣтъ Лука Лунить!
Онъ со гривенки на гривенку ступалъ,
Онъ полтиною ворота припиралъ,
По пяти рублець въ окошечко вѣдалъ.

И Лука Летучій, при этихъ послѣднихъ словахъ величальной пѣсни, снова швырнулъ въ толпу направо и налево двѣ горсти серебряной медочи и мѣдяковъ, а самъ, поднявшись съ мѣста, началъ съ савоитой повадкою, подтопывая, и помахивая развернутымъ платкомъ, плясовымъ ходомъ похаживать по кругу, и вдругъ лихо гаркнулъ вмѣстѣ съ пѣвцами:

Ахъ, вы, Сашки, банашки мои!
Прразмѣняйте-д'миѣ бумажки мои,
Вы бумажки миѣ новенькія-да
Двадцати-пятирублевенькія!

И при этомъ снова нѣсколько скомканныхъ ассигнацій полетѣло въ толпу, гдѣ давно уже шла, изъ-за этихъ грошей, великая свалка и драка.

Трое малиннинскихъ бѣглецовъ вышли на площадь, откуда было слышно, какъ гудѣлъ и неистовствовалъ весь этотъ Малинникъ.

Чуха бережно поддерживала трепещущую Машу, которую теперь благодѣтельно освѣжила и придала новой бодрости струя свѣжаго воздуха.

— Спасибо... это второй разъ... второй разъ вы меня выручили... спасли... безсвязно проговорилъ ей глубоко-потрясенный Вересовъ, удерживая въ груди тяжелое рыданье: — я... никогда, никогда не забуду... Спасибо!

Маша протянула ему руку, и они молча простились однимъ вѣпнимъ, горячимъ пожатіемъ.

— Хорошо, что ты привела меня сюда. Я рада... съ чувствомъ промолвила дѣвушка своей спутницѣ, когда онѣ однѣ переходили площадь по направленію къ Вяземскому дому.

— Да, безъ тебя-то онъ, пожалуй бы, такъ не отдѣлался, съ тяжелымъ вздохомъ и мрачнымъ лицомъ проговорила старуха: — они бы его, пожалуй, и на смерть забили.

— На смерть? съ удивленнымъ ужасомъ, широко раскрыла Маша свои глаза.

— На смерть, подтвердила спутница: — въ нашихъ хорошихъ мѣстахъ это случается: убьютъ невзначай человѣка, въ драгѣ тамъ что ль, или какъ; нахлбучать на мертваго шапку, да словно пьянаго и потащатъ вдвоемъ или втроемъ, подъ руки, къ Фонтанкѣ, а тамъ внизу у спуска и въ воду — поминай, какъ звали! Они на это молодцы у насъ!

Вересовъ остался одинъ на распутьѣ.

— Нѣтъ, воля хороша сытымъ... голодному воля — смерти рѣшилъ онъ самъ съ собою: — тюрьма лучше... лучше, чѣмъ такая воля!... Пойду къ слѣдственному, сейчасъ же пойду — чего тутъ ждать еще? — попрошусь снова въ Литовскій замокъ... Пова, въ части, въ арестантской, дадутъ ночлегъ, а можетъ... можетъ и хлѣба тамъ себѣ выпрошу...

И онъ рѣшительно шелъ къ возврату въ прежнее, но теперь уже добровольное заточеніе, послѣ двухъ съ половиною сутокъ голодной свободы.

Всеволодъ Крестовскій.

ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Omne ignotum pro magifico habemus.

Статья вторая.

УТОПИЯ ТОМАСА МУРА.

Платоновы идеи о государствахъ такъ и остались неосуществленными. Были только попытки, но совершенно безуспѣшны; такъ самъ Платонъ не одинъ разъ отпралялся въ Сиракузы, чтобы попытаться убѣдить тирановъ Діонисія Старшаго и Діонисія Младшаго къ реформамъ, въ духѣ своей политической системы; но за эти попытки онъ едва не заплатился свободою и даже жизнью; онъ уже былъ проданъ въ рабство, и только щедрости друзей обязанъ выкупомъ. Надобно удивляться, однако, тому, что плѣнъ Платона не произвелъ большаго вліянія на его понятія касательно рабства; въ разговорѣ о законахъ онъ допускаетъ рабство, хотя и говоритъ о необходимости поступать справедливо даже и съ рабами. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ разговоръ написанъ послѣ того, какъ Платонъ освободился изъ плѣна — послѣ того, какъ онъ собственнымъ опытомъ могъ убѣдиться, что рабство само въ себѣ есть такая общая несправедливость, которую нельзя загладить никакими частными случаями справедливости. Очевидно, что входя въ сдѣлку съ дѣйствительностью въ этомъ разговорѣ, Платонъ, въ этомъ случаѣ, дѣлалъ ей гораздо больше уступокъ, нежели сколько долженъ былъ ихъ дѣлать. Впослѣдствіи была еще одна попытка осуществить Платоновы идеи о государствахъ. Плотинъ, неоплатоникъ III-го вѣка по Р. Х., получилъ позволеніе императора Галліена устроить въ Италіи государство, или правильнѣе, политическую общину по образцу государства, описаннаго Платономъ; но и эта попытка окончилась въ самомъ началѣ.

Гораздо болѣе серьезнымъ политическимъ опытомъ были общины пнеагорейцевъ, возникшія въ южной Италіи почти двумя столѣтіями раньше Платона. Между этими общинами и между государствомъ Платона есть большое сходство. Подобно государству Платона, онѣ видимымъ образомъ стремятся передѣлать общество посредствомъ нравственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ религіознаго перевоспитанія его. Въ пнеагорейской общинѣ, такъ же какъ и у Платона, власть принадлежитъ философамъ, и чтобы получить высшія права—кандидаты подвергаются строгому, хотя совершенно своеобразному испытанію. Пнеагорейскія общины не устроились въ государства, но онѣ стремились къ этому. Существова въ городахъ южной Италіи рядомъ съ обществами, построенными на началахъ обыкновенныхъ, господствовавшихъ въ то время, онѣ уже приступили къ дѣлу, указанной впоследствии Платономъ, къ перевоспитанію общества, и ихъ пропаганда не была безуспѣшна; но онѣ скоро возбудили подозрѣніе въ гражданахъ тѣхъ городовъ, гдѣ жили, и были насильственнымъ образомъ разогнаны; съ тѣхъ поръ пнеагорейзмъ продолжалъ существовать только, какъ философская школа. Съ политической системою пнеагорейцевъ произошло то, что должно было постигнуть и систему Платона, еслибы она была осуществлена. Демократическое народонаселеніе Кротона, гдѣ былъ центръ пнеагорейзма, неблагопріятно взглянуло на аристократическія тенденціи Пнеагора, не захотѣло стать въ то положеніе, которое Пнеагоръ, а вслѣдъ за нимъ и Платонъ, приготовили «платишцивамъ». Справедливость, осуществляемая философамъ, не показалась справедливостью въ глазахъ людей, небольщенныхъ любимую теоріей.

Другихъ подобныхъ попытокъ обновленія общества въ греко-римскомъ мірѣ не было. Между тѣмъ зло, противъ котораго прінсипиаль средства еще Платонъ, продолжало существовать, даже усиливалось. Къ концу римской республики все населеніе Рима, Италіи и провинцій состояло изъ немногихъ богачей, которые могли на свой счетъ содержать дѣла арміи, и изъ массы пролетаріевъ, неимѣвшихъ ничего; людей обезпеченныхъ въ своемъ пропитаніи, людей съ умѣреннымъ состояніемъ было сравнительно очень мало. Нравственное состояніе общества соотвѣтствовало его экономическому быту. Развратъ и неправды достигли своего предѣла; древній міръ видимымъ образомъ умиралъ. Люди потеряли вѣру не только въ политическія теоріи, но и во всякія человѣческія средства; надежды обратились въ другую сторону. Востоку, колыбель всѣхъ религіозныхъ ученій, обѣщала обновленіе, но уже не человѣческое, а божественное. Пнеагорейзмъ,

продуктъ двухъ цивилизацій, греческой и восточной, еще не умеръ, и появился неоплатонизмъ — философская школа, очень близкая къ пифагорейзму, такъ же, какъ и онъ, обозначенная характеромъ этихъ двухъ цивилизацій. Лучшіе умы человечества обратились къ религиозному созерцанію. Но религиозное созерцаніе лучшихъ умовъ не могло удовлетворить цѣдыхъ народовъ; это было сдѣлано ученіемъ, которое проповѣдывали люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ народа, изъ пастуховъ, плотниковъ и рыбаковъ. Ученіямъ высочихъ умовъ уже не вѣрили, потому что въ нихъ извѣрились; нужно было ученіе изъ болѣе надежнаго источника. И вотъ когда явились простые проповѣдники, которые говорили, что ихъ ученіе идетъ отъ самого Бога, избравшаго ихъ, простыхъ людей, орудіемъ распространенія этого ученія, изнуренные и физическими и нравственными страданіями народы дали имъ вѣру, съ одушевленіемъ приняли ихъ ученіе, которое дѣйствительно составляло новость неслыханную въ мірѣ. Въ то время, когда политическія и экономическія неправды перешли всякую мѣру, когда развратъ достигъ чудовищныхъ формъ, когда во внутреннихъ смутахъ, во внѣшнихъ войнахъ, въ проскрипціяхъ десятки тысячъ человѣческихъ жизней приносились въ жертву властолюбію или солдатской жадности, когда на человѣческую жизнь смотрѣли не съ болѣшимъ уваженіемъ, какъ на жизнь дикаго звѣря, когда добродѣтельнѣйшіе люди приходили къ убѣжденію, что добродѣтель есть пустое слово — казимъ живительнымъ источникомъ въ то время показалось ученіе, котораго существенныя черты заключались въ правдѣ, любви къ ближнему, и нравственной чистотѣ — то ученіе, которое, въ противоположность прежнему міровоззрѣнію, обоготворяло природу человѣка, производило его отъ самого божества, и въ будущей, безконечной и совершеннѣйшей жизни указывало ему цѣль его бытія! Въ этомъ ученія народы видѣли свое спасеніе, свое обновленіе: и христіанство распространилось по всему греко-римскому міру. Но сущность христіанства, духъ его были усвоены немногими; большинство, принявши его, усвоило изъ него почти одну внѣшнюю сторону; и оттого римское государство не нашло въ немъ опоры; собственно римская имперія пала уже черезъ 150 лѣтъ послѣ того, какъ христіанство сдѣлалось въ ней господствующею религіею; Византія существовала гораздо дольше; и этому она бесспорно обязана тѣмъ, что христіанскія понятія глубже вошли въ духъ греческаго населенія имперіи, потому что оно гораздо раньше убѣдилось въ несостоятельности своего древняго міровоззрѣнія и имѣло больше времени, чтобы убѣдиться умомъ и чувствомъ въ необходимости новаго, основаннаго

на другихъ началахъ. Но и въ Византіи духъ христіанства былъ усвоенъ немногими, огромное большинство народа и здѣсь принявши догматическую сторону христіанства, не усвоило себѣ его нравственности; византійская исторія въ продолженіе тысячелѣтняго своего существованія представляетъ почти тѣ же явленія, какъ и исторія западной римской имперіи въ продолженіе полутора тысячелѣтняго. Такіе императоры, какъ Зенонъ, Михаилъ III и Константинъ Мономахъ не выше западныхъ Валентиніановъ и Гоноріевъ. Массы народа въ Византіи составляютъ какъ будто прямое нравственное потомство римской черни временъ Цезарей; и для тѣхъ и для другихъ главнымъ дѣломъ жизни были грубыя удовольствія почти съ однимъ и тѣмъ же характеромъ, только съ разными именами; римская чернь свою конечную цѣль считала забавы цирка, а византійская—забавы ипподрома. Такимъ образомъ греко-римскій міръ не обновился вопліть христіанствомъ. Новые народы Западной Европы, вскорѣ смѣнившіе римскую имперію на историческомъ поприщѣ, усвоили духъ христіанства лучше; ихъ собственная, первобытная нравственная чистота гораздо больше гармонировала съ нравственнымъ ученіемъ Евангелія; но при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ римскою жизнью, новые народы нашли больше привлекательности въ остаткахъ язычества, сохранившагося въ ней, чѣмъ въ строгихъ предписаніяхъ христіанства; эти остатки также находили себѣ соотвѣтствующія качества въ древнихъ варварскихъ нравахъ германскихъ и кельтическихъ племенъ; и римская церковь очень рано оказала подчиненнымъ ей народамъ ту нравственную терпимость, которою въ послѣдствіи столько прославились іезуиты. Оттого средневѣковая жизнь рядомъ съ самыми возвышенными явленіями челоувѣческой добродѣтели представляетъ рядъ общественныхъ несправедливостей, жестокостей и распутства, неуступающихъ подобнымъ явленіямъ изъ временъ Цезарей. Сама римская церковь въ лицѣ своего клира не разъ доходила до такого состоянія, что ея паства не хотѣла болѣе оставаться съ нею въ единеніи. Такъ произошли секты албигойцевъ и вальденсовъ (каваровъ), которые смотрѣли на римскую церковь, какъ на вавилонскую блудницу. Но и римская церковь и средневѣковая монархія Западной Европы въ подобныхъ явленіяхъ не видѣли никакого особеннаго указанія для себя; онѣ продолжали идти своею дорогою; являлись новыя секты, увлекавшія цѣлыя народы, которые возставали, будучи выведены изъ терпѣнія политическими несправедливостями и нравственнымъ паденіемъ самой церкви, руководительницы народовъ. Но возстанія были усмирены, секты истребляемы мечомъ и огнемъ, а жизнь народовъ продолжала идти прежнимъ порядкомъ.

Пятнадцатый вѣкъ, вѣкъ знаменитыхъ открытій и изобрѣтеній, долженъ былъ казаться особенно тяжелымъ современному наблюдателю, нераздѣлявшему пороковъ своихъ современниковъ. Римская церковь въ это время достигла до послѣднихъ предѣловъ разврата; достаточно упомянуть о томъ, что пятнадцатый вѣкъ начался временемъ великаго раскола и окончился папствомъ Александра Борджіа. Въ государствахъ Западной Европы нестроеніе достигло до своихъ крайнихъ предѣловъ; въ Англии въ это время была война Бѣлой и Алой розъ, однимъ изъ героевъ которой былъ Ричардъ III; во Франціи, послѣ окончанія столѣтней войны съ Англіею, царствовала Лудовикъ XI, которому наследовалъ Александръ Македонскій своего времени, Карлъ VIII; въ Германіи свирѣпствовала война гусситовъ и войны князей съ городами и между собою. Внутреннее состояніе государствъ соотвѣтствовало всему этому. Правосудія не было; произволъ сильныхъ и кулачное право еще господствовали; низшіе классы народа находились въ крайней нищетѣ; число преступленій было громадно; и жестокость наказаній того времени превосходить всякое вѣроятіе.

Впрочемъ, теперь мы подошли къ тому времени, когда появилась «Утопія» Томаса Мура, которая должна составить предметъ этой статьи, и такъ-какъ въ самомъ этомъ сочиненіи изложены причины, вызвавшія появленіе ея, то мы и представимъ говорить самому автору. Но напередъ скажемъ нѣсколько словъ объ немъ самомъ. Томасъ Муръ родился въ 1480 году, стало быть во время войны Бѣлой и Алой розъ; онъ получилъ образованіе въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ превосходно изучилъ древніе языки и литературу. По выходѣ изъ университета онъ посвящалъ себя адвокатурѣ, и на этомъ поприщѣ достигъ такой извѣстности, что въ скоромъ времени правительство привлекло его въ свою службу, гдѣ его образованіе, способности и трудолюбіе доставили ему быструю карьеру. Пройдя послѣдовательно нѣсколько важныхъ должностей (между прочимъ, ему дѣлали не разъ очень важныя дипломатическія порученія) онъ наконецъ получилъ важнѣйшій постъ въ государствѣ: былъ сдѣланъ канцлеромъ королевства на мѣсто кардинала Вольсея. Томасъ Муръ былъ совершенною противоположностью кардиналу Вольсею. Насколько Вольсей былъ жаденъ до пріобрѣтенія богатства, и надмененъ со всѣми, настолько Томасъ Муръ былъ безкорыстенъ, честенъ и доступенъ всякому, имѣвшему къ нему какое нибудь дѣло. Томасъ Муръ былъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, гражданскихъ и семейныхъ; это былъ лучший сынъ и слуга своей родины, уважаемый всѣми членъ общества и прекрасный отецъ семейства. Канцлерство Томаса Мура

продолжалось немного времени; предвидя, что желаніе Генриха VIII развестись съ Екатериною Аррагонскою поведетъ его далеко, и не желая въ этомъ дѣлѣ противъ своего убѣжденія принимать участіе, онъ отказался отъ своей должности, и удалился въ частную жизнь съ очень ограпиченными средствами къ жизни. Но это не спасло его отъ бури, которую онъ предвидѣлъ. Король-реформаторъ пожелалъ, чтобы его подданные одобрили его реформу; подобострастный парламентъ сдѣлалъ это, и провозгласилъ его главою англиканской церкви; частные люди присягали на вѣрность королю, получившему это новое качество. Томасъ Муръ не одобрялъ поступковъ короля и парламента и вѣроятно высказывалъ свое неодобреніе. По крайней-мѣрѣ его позвали въ судъ, гдѣ и осудили за государственную измѣну на вѣчное заключеніе. Измѣна состояла въ томъ, что онъ отказался признать короля главою церкви. Черезъ годъ его вывели изъ тюрьмы, опять стали судить, и на этотъ разъ засудили совсѣмъ, приговорили къ смертной казни (1535 г.). Замѣчательно, что Томасъ Муръ, защищавшійся съ большимъ достоинствомъ, принялъ свое осужденіе не только съ спокойствіемъ, но и съ благодушною веселостью, въ родѣ той, которую показалъ Сократъ, осужденный на смерть. Его осужденіе было такъ несправедливо, что Томасъ Муръ даже сердиться на него не могъ, оно его какъ будто только забавляло; и эту благодушную веселость онъ сохранилъ до самой смерти; онъ шутилъ даже тогда, когда вѣшалъ голову на плаху. — Томасъ Муръ не былъ, однако, мученикомъ католицизма; онъ былъ мученикомъ только своихъ понатій о свободѣ совѣсти. Съ римскою церковью онъ расходился, правда, не хотѣлъ; но онъ самъ находилъ въ ней недостатки; и не соглашаясь признать короля главою церкви, онъ не противопоставлялъ этому требованію какихъ нибудь католическихъ положеній о главенствѣ папы; онъ требовалъ только свободы совѣсти и утверждалъ, что парламентъ не имѣетъ власти рѣшать вопросы, подобные вопросу о главѣ церкви, что такіе вопросы выходятъ изъ предѣловъ его юрисдикціи. Такое отношеніе Томаса Мура къ католицизму вѣроятно и было причиною того, что онъ до сихъ поръ не канонизированъ римскою церковью.

Утопія Томаса Мура издана въ 1516 году на латинскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia», то-есть о наилучшемъ устройствѣ государства и о новомъ островѣ Утопія. Сочиненіе это приобрѣло такую извѣстность, что названіе его сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, обозначающимъ всякую и особенно политическую, несущественную мечту.

Что же это за новый островъ Утопія, гдѣ онъ находится?— Сочиненіе Томаса Мура явилось въ такое время, когда вся Европа была наполнена рассказами о новыхъ открытіяхъ, только что сдѣланныхъ Колумбомъ, Ам. Веспуччи и ихъ продолжателями. Томась Муръ нашель, что и ему весьма удобно воспользоваться этимъ временемъ открытій и чудесныхъ рассказовъ для того, чтобы подвергнуть критикѣ существующій въ Европѣ порядокъ вещей и изложить свои идеи касательно лучшаго устройства общественнаго порядка. Для этого онъ избралъ слѣдующую форму. «Будучи посланъ королемъ во Фландрію для переговоровъ съ повѣренными Карла V—рассказываетъ Томась Муръ—я познакомился въ Антверпенѣ съ однимъ образованнымъ молодымъ человѣкомъ. А этотъ молодой человѣкъ познакомилъ меня съ замѣчательною личностью, прибывшею передъ тѣмъ въ Антверпенъ. Эта личность называлась Рафаэль Гиелодей; онъ былъ родомъ португалець и совершилъ съ Америкомъ Веспуччи три путешествія и даже побѣхалъ въ четвертый разъ, но не возвратился, а остался въ Новой Кастиліи, то-есть въ Южной Америкѣ, для изслѣдованія новооткрытыхъ странъ». Не надобно забывать, что книга Томаса Мура явилась въ свѣтъ раньше открытія Мексики и Перу, то-есть тогда, когда о материкѣ Америки еще почти ничего не знали. Томась Муръ былъ очень радъ такому знакомству; для него было интересно слышать отъ очевидца, и притомъ отъ человѣка весьма почтеннаго, какимъ былъ Гиелодей, рассказы о новомъ свѣтѣ, о которомъ въ то время богъ-знаеть что рассказывали. Гиелодей оказался, какъ и слѣдовало ожидать, очень разговорчивъ. Томась Муръ пригласилъ его къ себѣ, и здѣсь Гиелодей рассказалъ ему о своихъ путешествіяхъ, во время которыхъ онъ самъ познакомился съ островомъ Утопіею.

Подъ экваторомъ—такъ рассказывалъ Гиелодей—ужасная страна; тамошній жаръ невыносимъ и тамъ живутъ только грубые дикари, дикіе звѣри да ядовитыя змѣи. Но побѣжайте дальше, тамъ вы найдете страны болѣе умѣренныя съ прекраснымъ климатомъ и съ богатою растительностью. Тамъ много государствъ, которыхъ жители кротки и трудолюбивы, занимаются земледѣіемъ, ремеслами и торговлею, даже морской. Гиелодей былъ прекрасно принятъ государями всѣхъ этихъ странъ, а король одной страны былъ къ нему особенно милостивъ; онъ повелѣлъ, чтобы по всей его землѣ Гиелодею давали все, что ему было нужно для путешествія; такъ что Гиелодей путешествовалъ по этой странѣ со всѣми удобствами, то въ экипажѣ, то въ лодкѣ. Но этого мало; добрый король рекомендовалъ Гиелодею другимъ королямъ, сво-

имъ сосѣдамъ, и тѣ такъ же старались доставлять ему всѣ удобства для путешествія; Гнелодей даже отправлялся изъ этихъ странъ въ дальнія путешествія за моря, въ тѣ земли, съ которыми эти страны ведутъ торговлю. Въ благодарность за всѣ эти любезности, Гнелодей научилъ тамошнихъ мореходовъ употребленію компаса, за что признательности ихъ не было границъ. Во время всѣхъ этихъ путешествій, Гнелодей видѣлъ очень много странъ; многія изъ нихъ понравились ему во многихъ отношеніяхъ, но больше всѣхъ онъ былъ очарованъ одною, въ которой даже прожилъ нѣсколько лѣтъ и едва совсѣмъ не остался. Это и есть счастливый островъ Утопія. Гнелодей уже собирался начать свой разсказъ объ учрежденіяхъ Утопіи, какъ былъ перебитъ словами молодого человѣка, черезъ котораго Томасъ Муръ съ нимъ познакомился.

— Мнѣ кажется, сказалъ молодой человѣкъ, что вы, г. Гнелодей, могли бы остаться въ одной изъ этихъ странъ, на примѣръ, въ той, государь которой показалъ къ вамъ столько расположенія. Этими вы совершенно обезпечили бы свою будущность, составили бы себѣ завидную карьеру и были бы весьма полезны вашимъ родственникамъ.

— Моимъ родственникамъ? возразилъ Рафаэль Гнелодей:—нѣтъ, покорно благодарю. Я и безъ того, отправляясь въ путешествіе, раздѣлялъ между ними все мое имущество, не дожидаясь смертнаго часа, какъ это дѣлаютъ другіе. А еще для нихъ закрѣпостить себя при какомъ нибудь дворѣ—это уже слишкомъ.

— Я не говорю о томъ, чтобы вы закрѣпостили себя; напротивъ, вы извели бы изъ этого для себя самого пользу, вы устроили бы свое собственное счастье.

— Нѣтъ, я этого не считалъ бы за счастье. Мое счастье заключается въ независимости, которую я люблю больше всего. И безъ меня довольно такихъ, которые ищутъ придворныхъ почестей; и потеря для государей невелика, если они не будутъ имѣть въ своихъ совѣтахъ меня, или подобныхъ мнѣ.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Томасъ Муръ. Онъ замѣтилъ Гнелодею, что тутъ еще есть одна сторона, забытая имъ; онъ, при своихъ обширныхъ познаніяхъ, при основательномъ знакомствѣ съ учрежденіями государствъ, какъ древняго міра, такъ и современныхъ, могъ бы своими совѣтами государямъ принести огромную пользу странамъ, управляемымъ тѣми государями. Государь есть постоянный источникъ добра и зла, для своего народа. Поэтому полезный совѣтникъ, имѣющій на него вліяніе, можетъ принести большую пользу самому народу; а это уже такой высокій интересъ, которымъ пренебрегать нельзя.

— Вы ошибаетесь вдвойнѣ, любезный г. Муръ, отвѣчалъ Гюелодей. — Впервыхъ, я совсѣмъ не былъ бы такимъ искуснымъ совѣтникомъ, какъ вы думаете. Вовторыхъ, государи всего больше занимаются войною; они стараются дѣлать завоеванія, справедливыя или несправедливыя, и совсѣмъ забываютъ о томъ, чтобы управлять ими справедливо. А въ военномъ дѣлѣ, я ровно ничего не понимаю, да и понимать не хочу. Потому—какъ дѣлается дѣло въ совѣтахъ государей? одни ихъ совѣтники, ровно ничего не смыслятъ ни въ чемъ; другіе не имѣютъ ни малѣйшей гражданской храбрости и всегда соглашаются съ фаворитами государя, хотя бы они предлагали самыя крайнія нелѣпости. Дальше, начните вы говорить чтонибудь о томъ, какъ дѣло дѣлается въ другихъ странахъ или какъ оно дѣлалось въ древнихъ государствахъ, если вы читали древнихъ писателей. Тотчасъ противъ васъ всѣ поднимутся, закричатъ, что вы унижаете достоинство націи и совѣта государя, что совѣтники государя и безъ чужихъ прихвѣровъ знаютъ, какъ дѣло вести, потому что совѣтъ государя не изъ глупцовъ состоитъ. Да еще приплетутъ сюда и предковъ; скажутъ, что дѣды и отцы были не глупѣ насъ и т. д. Подите вы сдѣлайте чтонибудь въ подобныхъ совѣтахъ.

Наши читатели, безъ сомнѣнія, поняли, къ чему мы приводимъ этотъ разговоръ. Это и есть часть той критики учрежденій и порядковъ начала XVI вѣка, которую дѣлаетъ Томасъ Муръ. Здѣсь излагаются недостатки управленія почти всѣхъ тогдашнихъ государствъ Западной Европы, гдѣ усилившаяся къ концу среднихъ вѣковъ монархическая власть исключительно въ своихъ рукахъ имѣла веденіе общественныхъ дѣлъ, и гдѣ, при недостаткѣ нравственныхъ качествъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ личностяхъ такихъ государей, какъ Генрихъ VIII или Францискъ I, государи нерѣдко предоставляли управленіе государствомъ фаворитамъ, которые были искусны только въ томъ, чтобы угождать грубымъ страстямъ государей.

— Мнѣ случилось однажды быть въ Англии, продолжалъ Гюелодей:—я провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ это время познакомился съ достойнѣйшимъ человѣкомъ, кардиналомъ Мортономъ, канцлеромъ государства. Однажды, я у него обѣдалъ, обѣдъ былъ довольно многолюдный; между прочимъ, за столомъ сидѣлъ какой-то господинъ, законовѣдъ, который, не помню по какому поводу, началъ восхвалять строгіе англійскіе законы противъ воровъ.

Но, прибавилъ этотъ господинъ, несмотря на то, что иногда на одной вислицѣ вѣшаютъ по двадцати воровъ, все-таки количество воровъ не уменьшается.

— И напраснъ, вы думаете, что ваши строгіе законы въ этомъ дѣлѣ помогутъ сколько нибудь, возразилъ Гнелодей. — Надобно позаботиться о томъ, чтобы доставить ворами возможность достать себѣ кусокъ хлѣба, чтобы они не были въ необходимости воровать.

— Но есть много ремесль, существуетъ земледѣліе; почему же они не займутся тѣмъ или другимъ? отвѣчалъ законникъ.

— На это есть много причинъ: вопервыхъ, посмотрите, сколько народу остается безъ рукъ или безъ ногъ, благодаря тому, что войны междоусобныя и внѣшнія такъ часто слѣдуютъ одна за другою. Повторныхъ, какое множество прислуги у каждаго дворянина, которая безъ дѣла и безъ пользы вездѣ сопровождаетъ его! И какова участь этой прислуги, если умереть господинъ, и на слѣдникъ его не захочетъ держать такого множества ея? Да и раньше смерти господина, захвораетъ кто нибудь изъ прислуги, его тотчасъ удаляютъ, потому что кормить большого считаютъ для себя бременемъ, въ то время, какъ кормить бездѣльниковъ не отказываются. Куда дѣнутся всѣ эти люди, потерявши мѣста? крестьянинъ не возьметъ ихъ къ себѣ въ работники, потому что ему нужны дѣйствительные работники, а что такіе люди знаютъ, и могутъ ли они трудиться, проведя полжизни въ праздности?

— Но такіе люди составляютъ неоцѣненное сокровище для страны, возразилъ законникъ: — потому что изъ нихъ выходятъ самыя храбрыя солдаты; нужно, чтобы такіе люди не переводились.

— Тогда придется сказать: нужно, чтобы воры не переводились. Во Франціи идутъ дальше: тамъ не довольствуются тѣмъ, чтобы имѣть подобный неизсякаемый источникъ храбрыхъ солдатъ. Тамъ во время мира, какъ и во время войны — постоянно содержатъ большія арміи, такъ что Франція постоянно имѣетъ видъ страны, подпавшей подъ власть непріятеля, такъ много тамъ солдатъ! — Изъ этого происходитъ одно большое неудобство: французы сами ищутъ войны, чтобы своихъ солдатъ приучить къ ней. Но я не на то хочу обратить вниманіе ваше. Франція часто воевала съ Англіею, но ея приученные къ войнѣ солдаты часто-ли побѣждали ремесленниковъ и земледѣльцевъ, составлявшихъ англійское войско? Надѣюсь, что это вы не примете за лесть. — Именно трудящіеся классы способны и на войнѣ быть храбрыми солдатами; у нихъ есть все, что для этого необходимо: и развитая физическая сила, и бодрость духа. Напротивъ, голодный и нетрудящійся человекъ не имѣетъ ни того, ни другого. Мало того; даже дворяне, пребывая въ праздности и предаваясь роскоши, способны потерять военскія качества. Но во всякомъ случаѣ странно изъ-за соображеній военныхъ, дѣлать

несноснымъ мирное время, и притомъ какимъ образомъ? Допускаемая существованіе безчисленнаго множества людей, ничего недѣлающихъ. Впрочемъ, я не сказалъ еще всѣхъ причинъ, которыя ставятъ вашихъ островитянъ въ необходимость воровать. Есть еще одна важная причина, существующая только у васъ въ Англіи!

— Какая же это? спросилъ кардиналъ.

— Ваши овцы, отвѣчалъ Гиолодей:—тѣ самыя, которыя прежде были такъ смиренны и довольствовались зеленью вашихъ луговъ. Теперь онѣ стали неукротимы и жадны, и мало того, онѣ стали кровожадны. Онѣ поѣдаютъ людей, онѣ опустошаютъ дома, деревни, города! Вамъ пзвѣстно лучше нежели мнѣ, что въ послѣднее время въ Англіи начало распространяться разведеніе тонкорунныхъ овецъ; оно доставляетъ владѣльцамъ земли больше выгодъ, нежели земледѣліе. И вотъ принялись ваши землевладѣльцы обращать пашню въ пастбище. Для овцеводства не нужно много рабочихъ рукъ; п землевладѣлецъ гонитъ прочь своихъ фермеровъ и ихъ рабочихъ; дома и селенія исчезаютъ съ лица земли; развѣ храмы, въ которыхъ собирались прежде жители, остаются цѣлы; но и они уже не служатъ для молитвъ, и ихъ обращаютъ въ стойло для скота. Сколько людей черезъ это лишаются пропитанія и крова? Но это еще не все. Часто богатый землевладѣлецъ, чтобы округлить свое имѣніе, желаетъ купить мелкіе участки, лежащіе въ чертѣ его владѣнія. Бѣдный владѣлецъ не желаетъ продать участка; потому что безъ своего клокка земли онъ пропадетъ, и онъ это хорошо знаетъ. Тогда начинаются хитрости и притѣсненія, которыя наконецъ и заставляютъ его сбыть съ рукъ участокъ. И вотъ бездомные сквотальцы ищутъ работы на сторонѣ; но гдѣ ее найдти, когда земледѣліе вездѣ сокращается?—Тогда они продаютъ пожитки; а когда и этотъ послѣдній ресурсъ истощится, они принимаются просить милостыню; но за это ихъ сажаютъ въ тюрьму, какъ бродягъ. А между тѣмъ, ѣсть имъ что нибудь надобно; хлѣбъ, благодаря сокращенію запашки, вздорожалъ. И вотъ они, чтобъ не умереть съ голоду, принимаются за воровство. Кромѣ хлѣба, и все другое вздорожало. Шерсть вздорожала не только потому, что она теперь получается лучшаго качества, но и потому, что Богъ наказалъ жадныхъ землевладѣльцевъ-овцеводовъ; скотскіе падежи значительно уменьшили ихъ стада, такъ что они и продавать шерсть за умѣренную цѣну не могутъ. Въ то же время вздорожала говядина и другіе припасы; а масса бездомныхъ бѣдняковъ увеличилась еще вслѣдствіе того, что дворянство, по причинѣ дороговизны, нашлось вынужденнымъ отпустить часть ничего недѣлавшей прислуги. Наконецъ, и еще одна причина доставляетъ значительную долю бѣдныхъ. У васъ въ

Англіи, какъ, впрочемъ, и вездѣ, пользуются терпимостью домъ проституціи, кабаки, которые очень нерѣдко представляютъ не что иное, какъ маскированные эти же самые дома, потому разные азартныя игры. Все это вмѣстѣ развращаетъ и разоряетъ народъ, и увеличиваетъ число не только нищихъ и воровъ, но и разбойниковъ. Уничтожьте вы все это, и зло прекратится само собою. Но уничтожить придется многое. Вопервыхъ, нужно избѣгать войнъ, нужно оградить сельскихъ рабочихъ отъ жадности овцеводовъ, нужно, чтобъ дворянство не держало при себѣ громадныя толпы дармоѣдовъ; нужно, чтобъ бѣдный человѣкъ былъ огражденъ правосудіемъ отъ притязаній богатаго сосѣда, и наконецъ, нужно устранить всѣ поводы къ разврату и разоренію народа. Въ такомъ случаѣ, вамъ и вѣшать будетъ некого.

— Г. Гюлодей, скажите мнѣ, возразилъ кардиналъ Мортонъ:— почему же вы думаете, что воровъ нельзя вѣшать? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, и теперь ихъ такъ много; а если ихъ не наказывать, то ихъ будетъ еще больше.

— Должна быть разница между наказаніями, какъ она существуетъ между преступленіями. Нельзя одно наказаніе назначать за убійство человѣка и за кражу нѣсколькихъ монетъ. Да это опасно и для самого общества. При такой системѣ вору невыгодно только обокрасть человѣка; а онъ всегда постарается и убить того, кого обокрадетъ, чтобъ, по крайней-мѣрѣ, скрыть концы въ воду; а наказаніе ему одно и за воровство и за убійство. Мнѣ кажется, что здравый смыслъ римлянъ отлично понималъ это; у нихъ воровъ осуждали на работы въ минахъ и каменоломняхъ. А во время моихъ путешествій, я видѣлъ въ странѣ полилеритовъ юридическій обычай, повидимому, еще болѣе разумный. Тамъ воровъ заставляютъ трудиться на какихъ-нибудь публичныхъ работахъ, безъ цѣпей и безъ чегонибудь подобнаго. И съ ними даже обходятся хорошо, если они хорошо работаютъ; но если они не хотятъ работать, то ихъ подвергаютъ тѣлесному наказанію. Содержать ихъ на казенный счетъ, потому что своимъ трудомъ они приносятъ пользу. Въ другихъ мѣстахъ, подобныхъ людей содержать на счетъ добровольнаго подаванія жителей. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ даже не употребляютъ на общественныя работы, а отдають въ поденщики частнымъ людямъ, съ тѣмъ что эти люди, за лѣность, могутъ ихъ наказывать. Въ такомъ случаѣ, преступники содержатся на свой счетъ, и даже обязаны каждый день внести незначительную сумму въ общественную казну. Такой порядокъ дѣлъ имѣетъ то удобство, что онъ не только сохраняетъ преступникамъ жизнь, но и исправляетъ ихъ

самихъ; потому что за трудолюбіе, терпѣніе, послушаніе ихъ наконецъ освобождаютъ, и вполнѣ восстанавливаютъ ихъ права.

Доказательства Гиелодea, повидимому, не произвели на собесѣдниковъ никакого дѣйствія. По крайней-мѣрѣ, когда законъ-вѣдъ замѣтилъ ему, что подобныя законы нельзя ввести въ Англіи, что они приведутъ въ опасность все королевство — все общество одобрило это замѣчаніе. Но кардиналъ Мортонъ въ свою очередь замѣтилъ, что это еще нужно испытать, быть можетъ, и очень вѣроятно, что такіе законы принесутъ пользу. Напримѣръ, можно попробовать, прочитавши преступнику смертный приговоръ, отложить исполненіе его, и подвергнуть преступника этой системѣ принужденной работы. Не удастся эта система, можно будетъ возвратиться и къ прежней. Даже было бы полезно, прибавилъ кардиналъ, попробовать приложить эту систему и къ бродягамъ, съ которыми въ Англіи никакъ не могутъ справиться. Лишь только кардиналъ сказалъ это, тотчасъ вся компанія принялась восхвалять его мысли, несмотря на то, что только-что передъ этимъ съ тавимъ же усердіемъ всѣ осудили ихъ, когда ихъ излагалъ Гиелодей. Гиелодей такая грубая лестъ и такое неуваженіе къ правдѣ показались отвратительными. На этомъ разговорѣ о ворахъ и остановился.

Но одинъ изъ собесѣдниковъ прибавилъ нѣсколько словъ о томъ, что кромѣ воровъ и бродягъ общество должно подумать еще о бѣдныхъ, вслѣдствіе болѣзни или старости, которые заслуживаютъ по крайней-мѣрѣ столько же вниманія, какъ воры и бродяги. За столомъ, между прочимъ, сидѣлъ человекъ, игравшій роль очень близкую къ роли шута, паразитъ кардинала. «Я, сказалъ онъ: — уже думалъ о судьбѣ этихъ людей, и сейчасъ же надоужу вамъ мои мысли о томъ, какъ помочь злу. Мнѣ довольно докучали нищіе, но никогда ничѣмъ отъ меня не пользовались; теперь они стали благоразумны, и больше меня не беспокоятъ, знаютъ, что это бесполезно. Мое мнѣніе касательно ихъ то, чтобы распредѣлить ихъ всѣхъ по бенедиктинскимъ монастырямъ; пусть они будутъ тамъ *monachi laici*, а женщины разослать по женскимъ монастырямъ, пусть сдѣлаются монашенками.

На это съелъ нужнымъ отвѣтитъ сидѣвшій здѣсь же за столомъ братъ-богословъ, хранившій до сихъ поръ суровый и мрачный видъ:

— Но вы никогда не поможете нищимъ вполнѣ, если въ то же время не позаботитесь о судьбѣ насъ, братьевъ нищенствующихъ орденовъ.

— О, отвѣчалъ шутъ: — ваша судьба уже устроена; когда его преосвященство предложилъ свой проектъ относительно бродягъ,

которых слѣдуетъ заставлять работать, онъ не могъ предложить ничего лучшаго для васъ; потому что самые первые бродяги въ мірѣ — это вы, братья нищенствующихъ орденовъ. При этихъ словахъ, вся компанія посмотрѣла на кардинала, и такъ какъ онъ не былъ ими недоволенъ, то вся компанія принялась смѣяться. Только нищенствующій братъ сдѣлался еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Черезъ мгновеніе онъ разразился потокомъ брани противъ шута, котораго называлъ клеветникомъ, плутомъ, сыномъ погибели, перемѣшивая свою брань текстами изъ священнаго писанія.

— Не гнѣвайся, брате, отвѣчалъ шутъ:—въ писаніи сказано: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша».

— Да я не гнѣваюсь, или по крайней мѣрѣ, не грѣшу, ибо псалмопѣвецъ говоритъ и т. д. И пошелъ опять честить веселаго собесѣдника, приводилъ тексты, ссылаясь на папскія буллы, сравнивалъ себя съ пророкомъ Елисеѣмъ, подвергшимся поруганію, и т. п.

Наконецъ, кардиналъ едва рознялъ спорщиковъ, перемѣнивши разговоръ и велѣвши шуту удалиться.

— Вотъ, любезный господинъ Муръ, какъ разсуждаютъ придворные, заключилъ свой разсказъ Гиолодей.—Нетолько въ совѣтѣ государя, но и за обѣдомъ у кардинала вы не услышите правды, не увидите искренности, а услышите и увидите грубую лезть и подобострастное поддаиваніе. Чтò можетъ тутъ сдѣлать одинъ честный и правдивый голосъ?

— Нѣтъ, я все-таки не могу согласиться съ вами, возразилъ Муръ:—вы все-таки могли бы принести пользу гдѣнибудь въ совѣтѣ государя. Вы объявили бы войну льстецамъ и угодникамъ, и вы могли бы преклонить государя на свою сторону.

— Хорошо, предположимъ, что я нахожусь въ настоящее время въ совѣтѣ короля французскаго. Тамъ разсуждаютъ о томъ, какъ королю сохранить за собою Миланъ и возвратить потерянный Неаполь, затѣмъ уничтожить могущество венеціанцевъ, подчинить себѣ всю Италію, покорить Фландрію и Брабантъ, присоединить Бургундію и наконецъ приобрѣсти другія страны, на которыя издавна французскіе короли простираютъ свои завоевательные взоры. И вотъ совѣтники излагаютъ свои мнѣнія: одинъ скажетъ, что нужно заключить союзъ съ Венеціей до тѣхъ поръ, пока можно будетъ напасть и на нее самое; другой посоветуетъ нанять въ военную службу нѣмцевъ и швейцарцевъ, римскому двору послать денегъ, королю аррагонскому отдать Наварру, государю Кастиліи польстить союзомъ и подкупить его грандовъ, съ Англіею заключить союзъ, но въ то же время подстрекать противъ нея Шотландію. А я буду говорить королю: оставьте

вы въ покоѣ Италію, и довольствуйтесь тѣмъ, что у васъ есть. Франція сама на столько велика, чтобы вамъ доставить довольно заботъ въ управленіи ея. Воспользуйтесь благодѣяніями мира, и постарайтесь, чтобы ваше государство процвѣтало, чтобы ваши подданные были счастливы. По вашему мнѣнію, какъ будутъ приняты мои слова, г. Муръ? — Но будемъ продолжать: государь разсуждаетъ съ своими совѣтниками о томъ, какъ увеличить королевскую казну. Одинъ совѣтникъ предлагаетъ ему понизить цѣну монеты; но если дѣло коснется до уплаты королевскихъ долговъ, тотъ же самый совѣтникъ предлагаетъ возвысить цѣну монеты. Другой совѣтуетъ собрать чрезвычайныя подати, какъ будто для войны; и когда деньги будутъ собраны, объявить, что государь, чтобы не проливать кровь своихъ подданныхъ, рѣшился не начинать войны. Третій вспоминаетъ о старыхъ законахъ, которые наказываютъ за преступленія денежною пеней. Онъ совѣтуетъ возстановить ихъ, находя, что таковой источникъ доходовъ будетъ имѣть хорошій видъ заботы государя о правосудіи. Четвертый совѣтуетъ государю запретить употребленіе какихъ-нибудь предметовъ, преимущественно такихъ, которые народу нравятся, несмотря на то, что они ему вредятъ, и запретить подъ страхомъ большого штрафа. Это будетъ имѣть два результата: во первыхъ, государя будутъ благословлять, какъ благодѣтеля народа, который заботится о томъ, чтобы народъ себѣ не вредилъ; зовторыхъ, это обогатитъ казну королевскую посредствомъ штрафовъ и посредствомъ особыхъ разрѣшеній. Если въ такомъ совѣтѣ я обращаюсь къ совѣтникамъ короля и скажу имъ: всѣ ваши совѣты безстыдны, губительны и имѣютъ въ виду не честь вашего государя, а его безславіе и даже опасность для него, потому что они разорятъ народъ до такой степени, что съ него и взять будетъ нечего, и наконецъ народъ, доведенный до крайности, можетъ возмутиться противъ него—какой эффектъ, думаете вы, будутъ имѣть слова мои?—Представьте вы себѣ, что въ самый разгаръ веселой комедіи является на сцену философъ и начинаетъ обличать испорченность нравовъ современнаго общества; не сдѣлается ли онъ предметомъ всеобщаго смѣха? И не лучше ли было бы, еслибы онъ и рта не открывалъ?

— Но зачѣмъ же поступать такимъ образомъ?—Можно всегда найти благопріятный случай для того, чтобы заставить людей подумать о своихъ поступкахъ. И если вы не достигнете результатовъ положительно добрыхъ, то вы, по крайней мѣрѣ, уменьшите зло существующее.

— Знаю я, что это значить и къ чему это можетъ повести. Такъ поступаютъ наши проповѣдники слова божія. Въмѣсто того, Т. СLXVII. — Отд. I.

чтобы учить людей высокимъ нравственнымъ правиламъ Спасителя, они входятъ въ компромисъ со страстями человѣка, дѣлають имъ уступки. Сколько я знаю, слѣдствіе изъ этого одно: они отрываютъ черезъ это широкую дорогу для несправедливостей всякаго рода. Въ подобныхъ случаяхъ, при подобной нравственной практикѣ, мало надежды на то, что философъ или проповѣдникъ принесетъ пользу обществу, а скорѣе самъ онъ наберется отъ него дурныхъ правилъ.—Я вамъ открою мою душу, г. Муръ. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что при современномъ порядкѣ вещей, когда всѣ служатъ золотому тельцу, никакая справедливость, никакая нравственность невозможны. А служеніе золотому тельцу не прекратится до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено самое право собственности.

— Но это невозможно, г. Гнелодей; право собственности есть источникъ всеобщаго благосостоянія на землѣ. Безъ этого права никто не захотѣлъ бы ничего дѣлать; и еслибы необходимость заставила кого-нибудь трудиться, то, естественно, такъ-какъ произведеніе его труда не можетъ принадлежать ему по закону, всегда найдутся люди, которые совершенно сообразно съ существующими законами захотятъ овладѣть произведеніемъ его труда. Отсюда постоянныя убійства и смятенія.

— Вы говорите такъ потому, что вы никогда не видали государства, основаннаго на началахъ общей собственности. А я больше пяти лѣтъ прожилъ въ Утопіи, и повѣрьте, никогда не оставилъ бы ее, еслибы не желаніе сообщить въ Европѣ о моемъ драгоценномъ открытіи. Я надѣюсь, что мои рассказы доставятъ европейцамъ возможность позаимствовать многое у жителей Утопіи, такъ-какъ жители Утопіи уже больше тысячи лѣтъ назадъ не отказались заимствовать въ Европѣ то, что нашли въ ней хорошаго.

— Развѣ утопійцы бывали когда-нибудь въ Европѣ?

— Нѣтъ, это было таинъ образомъ: за 1200 лѣтъ до нашего времени (то-есть до 1500 года), нѣсколько римлянъ и египтянъ были занесены бурей къ берегамъ Утопіи; найдя народа утопійцевъ весьма хорошими, эти люди не захотѣли возвратиться назадъ; и отъ нихъ-то утопійцы заимствовали все, что было дорого въ римской имперіи. Такъ объ этомъ говорится въ лѣтописяхъ Утопіи.

— Однако все это дѣйствительно любопытно, сказалъ Томасъ Муръ.—Такъ опишите же намъ, г. Гнелодей, и расскажите все, что вы видѣли. Не старайтесь быть краткимъ; потому что намъ будутъ интересны всѣ малѣйшія подробности утопійской жизни.

Рафаэль съ видимымъ удовольствіемъ собирался уже начать

разказъ; но такъ-какъ пришло время обѣда и собесѣдники уже наговорились довольно, то Томасъ Муръ попросилъ ихъ обѣдать. Послѣ обѣда Гвелодедъ началъ свой разказъ объ островѣ Утоши и ея жителяхъ.

И такъ, какия же причины имѣеть Томасъ Муръ для того, чтобы быть недовольнымъ современнымъ ему обществомъ?

Онъ недоволенъ очень многимъ: прежде всего политикою современныхъ ему государей, которые вели почти настоящія войны съ завоевательными цѣлями. — Онъ недоволенъ тѣмъ, что при дворахъ европейскихъ государей, въ ихъ совѣтахъ царствовали лести, интриги, неправда; онъ недоволенъ духовенствомъ, недумавшимъ о нравственности вѣрнопой ему паствы, а думавшимъ только о своихъ выгодахъ; недоволенъ братствами нищенствующихъ орденовъ, забывшихъ свое назначеніе; недоволенъ роскошью и суетностью дворянства; недоволенъ всеобщимъ развратомъ, его возмущаютъ десятки тысячъ нищихъ, бродягъ и воровъ, поставленныхъ въ свое положеніе почти необходимостью. — Всѣ эти явленія такого рода, что ими никакъ моралистъ не можетъ быть доволенъ; всѣ они уже осуждены исторіею. Но будто противъ этихъ золъ лекарьствомъ можетъ служить только коммунизмъ? — Въ англійскомъ законодательствѣ собственность уважается, быть можетъ, больше, нежели гдѣ нибудь; коммунизма тамъ нѣтъ и никогда не было. А между тѣмъ большая часть золъ, указанныхъ Томасомъ Муромъ въ Англій, или совсѣмъ не существуютъ, или существуютъ въ слабой степени. Англійскіе государи не отличаются страстью къ завоеваніямъ; парламентъ тоже отличается миролюбіемъ; совѣтники государя, т.-е. люди, управляющіе страной, принадлежатъ къ честнѣйшимъ и способнѣйшимъ людямъ въ цѣлой странѣ; духовенство, и не одно оно, а вся страна, дѣлаеть большія усилія и пожертвованія для распространенія религіозно-нравственнаго образованія въ народѣ. Англійское дворянство не таскаетъ за собою толпы слугъ; извѣстно, что оно служитъ странѣ и служитъ такъ, что по справедливости ставится въ образецъ дворянствамъ другихъ странъ. — Потому въ настоящее время Англія есть страна наиболѣе религіозная въ цѣлой Европѣ. Развратъ, нищенство и воровство тамъ существуютъ, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде. Воровъ уже не вѣшаютъ; и все-таки воровство не особенно страшно. Да наконецъ, гдѣ же и когда не было этихъ золъ? — Даже въ апостольскомъ обществѣ нашелся человекъ, который захотѣлъ утаить

часть общественнаго имущества; т.-е. это бываетъ даже при коммунизмѣ; и именно въ этомъ случаѣ это было при коммунизмѣ религиозной общины, только что сформировавшейся и въ высшей степени одушевленной святостью своего назначенія. Природа человѣческая всегда и вездѣ одна и то же.

Англія, безспорно, въ настоящее время есть первая страна міра во многихъ отношеніяхъ и преимущественно въ тѣхъ, на которыя обратилъ вниманіе Томасъ Муръ; но чему она этимъ обязана? Главнымъ образомъ своей практичности — тому, что она старалась лечить свои общественныя язвы ближайшими средствами, не тѣми, которыя представляются въ облакахъ, а тѣми, которыя находятся подъ рукою. Вскорѣ послѣ изданія Утопіи Томаса Мура, тамъ начались волненія, сначала религиозныя, а потомъ политическія. Но замѣчательно, что во время самыхъ сильныхъ волненій, когда королевская власть пала, когда торжествующая крайняя партія получила полную побѣду, и устроила государство по своимъ воззрѣніямъ, принципъ собственности не подвергался нападеніямъ. Да и новое государственное устройство представляло болѣе перемѣну лицъ и именъ, нежели перемѣну вещей. Король былъ замѣненъ протекторомъ, а парламентъ продолжалъ существовать попрежнему, только въ другомъ составѣ. Правительство продолжало внѣшнюю и внутреннюю политику лучшихъ изъ правительствъ предшествовавшихъ и теченіе народной жизни ~~обширъ~~ шло чередомъ. — Утопія Томаса Мура для англичанъ осталась литературнымъ упражненіемъ; передѣлывать свою жизнь по этому образцу они никогда не покушались. — Да нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Томасъ Муръ не имѣлъ этого въ виду; недаромъ онъ назвалъ свой новооткрытый островъ Утопіею, безмѣстною странюю, такою, которой на землѣ нѣтъ мѣста, да и быть не можетъ, отъ *до* и *токоз*, а мореплаватель, открывшій его, называется Гиелодей, шутникъ, мастеръ на выдумки, отъ *бдлос* и *даіос*.

Томасъ Муръ, при его высокомъ образованіи, при необыкновенномъ практическомъ умѣ, не могъ не видѣть, что общественныя язвы лечатся не фантазіями, а практическими мѣрами. Его нравственное чувство было возмущено многими ненормальными явленіями общественной жизни; была потребность указать на нихъ современникамъ, что онъ и сдѣлалъ. Разсказъ объ Утопіи былъ только поводомъ къ этому. Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ нашихъ читателей съ этимъ необыкновеннымъ островомъ, съ его жителями и съ ихъ жизнью, и постараемся указать, что въ ней есть хорошаго и дурнаго, возможнаго и невозможнаго.

КАЛИФОРНІЯ ВО ВРЕМЯ ЗАВОЕВАНІЯ ЕЯ АМЕ- РИКАНЦАМИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО СТРАННИКА.

(Окончаніе).

IV.

Прошло 4 дня, какъ гонецъ отправился въ Сан-Діэго, и это время, свободное отъ визитовъ, я укоротилъ мечтами о родинѣ и своимъ журналомъ. Около полудня на пятый день пришли три члена магистрата и еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и гонецъ. Одинъ изъ магистрата, дон-Антоніо Любо, сказалъ мнѣ, что дон-Мигеля Игеры въ Сан-Діэго нѣтъ; онъ уѣхалъ въ Южную Калифорнію; однако нѣкоторые обыватели, которымъ разспрашивалъ дон-Сальвадоръ (гонецъ), описывая мою фигуру, подтвердили мое показаніе, но альбадъ тамошній письменнаго отзыва не далъ, по простой причинѣ, что не умѣетъ писать. Итакъ, я могу идти куда желаю, тѣмъ болѣе, что и el Senor Cambuston ручается имъ, что я не американецъ. Г. Камбустонъ, бывшій тутъ же, просилъ меня извинить его, что онъ не приглашаетъ меня къ себѣ на домъ, потому что онъ сейчасъ отправляется въ Санта-Инесъ, куда ему уже давно очень нужно ѣхать, и онъ только дожидался моего освобожденія. «Но я васъ—сказалъ онъ мнѣ любезно—рекомендовалъ мистеру Темплю, англичанину, живущему здѣсь уже давно, и онъ черезъ меня просить васъ отправиться отсюда прямо къ нему. Это богатый купецъ; всякій укажетъ вамъ, гдѣ онъ живетъ. Онъ же похлопочетъ на счетъ паспорта для васъ, когда вы будете отправляться на сѣверъ».

Въ Пуэбло де-Ласъ-Анхелесъ считаютъ нынѣ около 2000 жителей съ индійцами, которые живутъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, въ слободѣ, недалеко отъ города, только за рѣчкой. Самъ городъ стоитъ при мелкой, но довольно широкой рѣчкѣ, въ обширной бугристой равнинѣ, верстахъ въ 10 отъ высокаго голаго края, на послѣднихъ его отрогахъ и около 70 верстъ отъ морского

берега. Началомъ его была миссія съ церковью (построенная въ восьмидесятихъ годахъ), которая и находится въ центрѣ города, составляя двѣ стороны обширной четырехугольной площади, безъ которой, какъ я говорилъ уже, ни одинъ испанскій городъ существовать не можетъ. Отъ этой площади уже идутъ улицы; вообще всѣ города здѣсь похожи одинъ на другой. Пуэбло же отличается отъ другихъ городовъ Калифорніи тѣмъ, что окруженъ фруктовыми садами и виноградниками. Изъ послѣднихъ самый значительный принадлежитъ двумъ братьямъ, французамъ г-зъ Ангулема, Жану и Алтуану Винья (Vignat), которые выдѣлываютъ ежегодно до 300 бочекъ краснаго вина. Церковь построена изъ тесанаго камня; такихъ во всей Калифорніи только двѣ: здѣсь и въ Монтерей; и здѣсь, также какъ въ Сан-Діэго, стоятъ по улицамъ лужи съ смолою, только обильнѣе. Въ городѣ есть нѣсколько двухэтажныхъ домовъ и до 10 лавокъ. Изъ нихъ лавка мистера Темпла не послѣдняя. Онъ строитъ новый двухэтажный деревянный домъ съ галлерейми, и очень обрадовался, узнавъ, что новый гость его не только позументный мастеръ, но и столяръ, хотя мало-мало. У него не было недостатку въ работѣ, а работниковъ нѣкого нѣтъ. За одну раму онъ общалъ мнѣ 2 песо, или за всякую работу по 2 песо въ день, кромѣ пищи. Первою заботою моею было завести себѣ саране и испанскую шляпу, такъ-какъ мнѣ предстоялъ путь во внутренность страны, и я испыталъ уже, сколько зависить здѣсь отъ платья. Оставалось пріобрѣсти себѣ лошадь съ принадлежностями, потому что все равно, человекъ въ испанскомъ костюмѣ, путешествующій нѣшномъ, обратилъ бы на себя здѣсь столько же вниманія, какъ и настоящій американецъ. Хозяинъ мой, мистеръ Темплъ, родъ космополита. Онъ землякъ англичанамъ, американцамъ, и испанцамъ тоже; дѣло въ томъ, что онъ родомъ англичанинъ, въ молодыхъ лѣтахъ эмигрировалъ въ Соединенные Штаты, прожилъ тамъ лѣтъ десять, пріобрѣлъ право гражданства, и пришелъ въ Калифорнію, гдѣ живетъ уже тоже лѣтъ десять и женился на туземкѣ, почему и почитается уже за испанца. У него часто собираются самыя знатныя особы, предводители, магистратъ и другіе. Сколько плановъ предложено на этихъ собраніяхъ для истребленія непріятелей! Сколько израсходовано храбрости, на словахъ разумѣется, и насмѣшекъ на счетъ американцевъ! Но никогда и двое не могли сойтись въ одномъ планѣ истребленія язычниковъ. Объ укрѣпленіи города, или о средствахъ къ защитѣ его, говорилъ только мимоходомъ, потому что рѣшено было, что ни одинъ американецъ не подойдетъ и на двадцать миль къ Пуэбло.

— Гдѣ пмѣ, моржамъ, устоять противъ нашихъ пикъ и напора нашей конницы, когда мы встрѣтимъ ихъ въ полѣ, кричалъ дон-Хосе-Маріа Флоресъ, одинъ изъ претендентовъ въ главные начальники.—Да мы ихъ арканами расхватываемъ, безъ единого выстрѣла; да, арканами расхватываемъ! Говорено было много о сформированіи отряда на помощь Монтереху, но никто не хотѣлъ пожертвовать лошадей или инастромъ. Главная надежда была еще на генерала Бустамети, который будто бы идетъ уже изъ Мексики съ 10,000 войскомъ на помощь калифорнцамъ. Откуда произошла эта молва—никто не зналъ; еще менѣе зналъ, что имъ отъ Мексики ждать нечего—даже и тогда, когда бы Калифорнія отъ нее не отложила, потому что Мексика сама себѣ не могла помочь. Американскій генералъ Захарія Тэлоръ въ это самое время быстрыми шагами подходилъ къ самой столицѣ астековъ*, а генералъ Кэрри (Keary) съ сильнымъ отрядомъ былъ уже на рѣкѣ Гилъ по дорогѣ въ Южную Калифорнію.

Пробывъ 10 дней въ Пуэбло, я увидѣлъ съ горестью, что долженъ оставить надежду достать себѣ лошадь въ скоромъ времени. По случаю предстоящей войны, лошади, сбруя, ценнѣшія прежде почти никакой цѣны здѣсь, а особливо первыя, вздорожали необыкновенно, и каждый увѣрялъ, что ни за что не разстанется съ своими.

«Наше главное преимущество передъ этими матросами, говорили мы, состоитъ въ нашей богатѣйшей конницѣ. Нѣтъ, теперь

* Какъ глубоко вкоренилось въ Калифорніи это пелѣное мнѣніе (о помощи отъ Мексики), можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ маѣ мѣсяцѣ 1840 года, слѣдственно когда Калифорнія уже 2 года принадлежала Соединеннымъ Штатамъ, и тамъ было уже около 50,000 американцевъ (золотонискателей), мнѣ случилось съ некоторыми русскими съ корабля російско-американской компаніи «Князь Меншиковъ» быть на ранчѣ одного зажиточнаго калифорнца, дон-Хосе-Лакрусъ Санчеса, на берегу залива Сан-Франциско, куда мы прѣѣхали для закупки скота на мясо. Хозяинъ, одинъ изъ самыхъ почетныхъ людей въ тѣхъ мѣстахъ, по заключеніи торгова, и послѣ ужина, выпувъ изъ кармана нѣсколько долларовъ, изъ полученныхъ за скотъ, сталъ раскладывать ихъ съ таинственнымъ видомъ на столъ въ кружокъ около одного, который онъ положилъ въ центрѣ. Мы не знали, что онъ хочетъ дѣлать, но онъ скоро вывелъ насъ изъ недоумѣнія. Съ пресерьезной миной онъ назвалъ долларъ, лежавшій въ центрѣ, Калифорніей, занятою американцами; потомъ, указывая пальцемъ по порядку на кругомъ лежащіе доллары, называлъ каждый по имени какой-нибудь націи, но его мнѣнію, желавшей заступиться за Калифорнію. «Эго, говорилъ онъ, будетъ El Pasa, это el Ingles, вотъ el Frances, это el Ruso, а это el general Bustamente съ 10,000 мексиканцевъ. Посмотрите, продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ съ триумфомъ:—что не пробьетъ и году, какъ всѣ эти народы награнуть на американцевъ, и не оставить ни одного въ живыхъ! Ни одного!»

лошади намъ дороже всего, съ ними мы кончимъ войну шута, одними арканами.

Впослѣдствіи, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, я увидѣлъ, что эти люди отчасти говорили правду, что лошади имъ нужны для войны. Онѣ имъ точно пригодились; но только отнюдь не для того, чтобъ нагрязнуть на враговъ и раскватать ихъ арканами, а для того, чтобы, при первомъ извѣстїи о приближенїи американцевъ къ Пуэбло, ускакать какъ можно скорѣе и дальше въ лѣса и горы.

Однажды вечеромъ индеецъ принесъ мистеру Темплю письмо откуда-то. Мы были одни дома. Я открылъ ему свое горе, что не вижу способа, какъ бы поскорѣе и безопаснѣе добраться до Ierba buena.

— По моему, сказалъ мистеръ Темплъ:—вамъ гораздо лучше отправиться водою.

— Какимъ же образомъ?

— Изъ Сан-Педро я получилъ извѣстїе, что шкуна «Иглъ» (Eagle), принадлежащая мистеру Вальсону изъ Сан-Луиса, теперь тамъ, и идетъ на дняхъ въ Ierba buena. Проводъ будетъ вамъ стоить много-много три доллара, а пробудете вы въ дорогѣ никакъ не болѣе недѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ я:—чудесный планъ! Ничего не можетъ быть лучше. Завтра же иду въ Сан-Педро, мистеръ Темплъ.

— Хорошо, сэръ; хоть и жалко отпустить васъ, но я вижу, что напрасно сталъ бы васъ удерживать.

Рано утромъ 30 іюля, на третїй день по выходѣ изъ Пуэбло, я всходилъ уже на послѣднюю прибрежную гору; за нею лежитъ высокій и крутой берегъ открытаго порта Сан-Педро, а по-сю сторону горы, гдѣ я въ долинѣ провелъ послѣднюю ночь безъ огня, безъ воды и безъ ужина, было такъ же тихо и мертво, какъ въ странѣ совершенно необитаемой. По всей дорогѣ сюда, сухой, пустынной, печальной, встрѣчались мнѣ только неговорящїе индїйцы-пастухи. Ничто не возвѣщало, что портъ Сан-Педро кипитъ жизнью, и что тамъ около 300 человѣкъ готовятся на брань. А пуэблоскимъ патриотамъ какъ будто и дѣла нѣтъ до того, что непрїятельскїй корветъ, почти въ виду ихъ, беретъ воду и закупаетъ мясо.

При видѣ океана, открывшагося взорамъ моимъ съ вершины берегового холма, я мысленно уже переносился на родину. Въ портѣ видѣлись двѣ шкуны и немного поодаль отъ нихъ красивый трехмачтовый корабль, всѣ три на якорѣ. Въ Сан-Педро всего шесть домовъ, въ томъ числѣ два огромныхъ сараевъ для складки шкуръ, сала и жиру, вывозимыхъ отсюда въ Соединен-

ине Штаты и въ Англію. Одинъ англичанинъ и одинъ ирландецъ, оба женатые на калифорнкахъ, составляютъ, съ семействами своими, бѣлое народонаселеніе порта; около нихъ питаются кой-какою работою нѣсколько индійскихъ семействъ, необходимое дополненіе каждаго хозяйства въ Калифорніи. На берегу было теперь много народу. Нѣкоторые, одѣтые поматроски, занимались выгрузкою товаровъ (со шкунъ); бѣольшая же часть находилась на небольшой площадкѣ между домами и берегомъ, разбѣстившись около пяти или шести огней и суетясь около сковородъ, или просто зѣвая. Поодаль лежали внутренности недавно убитой скотины, а около нихъ трудились усердно съ дюжину собакъ разной величины. Между строениями, гдѣ около опрокинутой лодки, гдѣ на ящикахъ съ товарами или на бочкѣ, тоже были собраны разнообразныя группы людей, очевидно готовящихся завтракать. Бѣольшая часть этихъ людей были одѣты на манеръ рабочаго класса Соединенныхъ Штатовъ, то-есть въ куртки, сюртуки и фраки всевозможныхъ покрововъ, цвѣтовъ и матерій, остальные же на манеръ охотниковъ Скалистыхъ горъ или горцевъ (Mountaineers), какъ ихъ называютъ, въ лосиныхъ курткахъ и брюкахъ. Последніе украшены на наружныхъ швахъ бахромой изъ того же матеріалу, какъ-бы на мѣсто кантовъ; нарядъ этотъ довершается мокасинами или лосиными башмаками, съ узорами на нихъ изъ краснаго шелку, и широкополой соломенной шляпой. На самомъ берегу, отдѣльно отъ всѣхъ, стояли два флотскіе офицера.

Все это сборище привело меня сначала въ нѣкоторое недоумѣніе, но я скоро оправился: «вѣдь это янки (Yankee), чего мнѣ ихъ опасаться; это не испанцы». Притомъ же воротиться возбудило бы подозрѣніе и погоню; а тутъ же стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей и наконецъ мнѣ необходимо поговорить со шкиперомъ «Иглы», во что бы то ни стало. Итакъ, я смѣло и довѣрчиво пошелъ прямо къ нимъ, и подойдя къ крайней кучкѣ, привѣтствовалъ ихъ поанглійски; однако одинъ изъ нихъ отвѣчалъ мнѣ поиспански и потомъ спросилъ на томъ же языкѣ, но ломаномъ:

— Откуда вы пришли, сибъуръ?

— Изъ Пуэбло, сэръ, отвѣчалъ я, опять поанглійски:—я не испанецъ. Около меня только и есть испанскаго, что сарапе и шляпа.

Когда я рассказалъ имъ вкратцѣ, кто я, откуда и куда иду, почему одѣтъ поиспански, и зачѣмъ пришелъ въ Сан-Педро, кто-то закричалъ стоящимъ около меня: «да идите же завтракать, все просто». Они пошли, пригласивъ меня съ собою. Во вре-

мя завтрака, состоявшаго изъ крѣпкого кофе съ краснымиъ песочными сахаромъ и изъ жаренаго мяса съ морскими сухарями, меня разспрашивали о положеніи вещей во внутренности Калифорніи и въ Мексикѣ. Все, что я зналъ, я разсказалъ имъ подробно и откровенно, и эта разговорчивость повредила мнѣ. Офицеръ, лейтенантъ Haggisson, извѣщенный молвою, что пришелъ человекъ изъ Мексико, подошелъ къ намъ и съ большимъ вниманіемъ слушалъ меня. По окончаніи завтрака онъ подозвалъ къ себѣ одного американца, и сталъ говорить ему что-то тихо, но съ жаромъ. Я это замѣтилъ, но нисколько не подозрѣвалъ въ то время, что рѣчь шла обо мнѣ и что лейтенантъ приказывалъ этому человеку задержать меня до тѣхъ поръ, покуда онъ, лейтенантъ, сообщитъ о томъ капитану корвета.

Между тѣмъ я освѣдомлялся о шкунѣ «Игла», кто ея шкиперъ и скоро ли она подниметъ якорь. Мнѣ сказали, что мистеръ Грѣ, шкиперъ, теперь на своемъ суднѣ и что отъ него я лучше узнаю все. У берега было четыре лодки съ матросомъ во всякой, для прісмотра; двѣ изъ нихъ по форменной окраскѣ, чистотѣ и по одеждѣ матросовъ, нетрудно было признать за базенныя, съ корвета. Обратившись къ одному изъ остальныхъ лодочниковъ, я узналъ, что онъ съ «Иглы», и черезъ часъ, можетъ быть, поѣдетъ на судно.

— Мнѣ бы нужно поговорить съ мистеромъ Грѣ. Нельзя ли мнѣ будетъ съѣздить съ вами на судно, когда вы туда поѣдете?

— Отчего же нельзя? Да вошь уже идетъ нашъ суперкарго, спросите его.

Суперкарго шкуны, рыжій, высокій япкн съ сигарою въ зубахъ, спускался въ это время по крутой узкой тропикѣ, ведущей къ пристани. За нимъ шли три матроса, несшіе разныя вещи въ узлахъ и въ корзинахъ. Они опередили его, вскочили въ лодку, каждый къ своему веслу, сложивъ поклажу въ кормѣ лодки. Суперкарго, безъ дальнихъ разговоровъ, согласился взять меня съ собою, и я ужъ хотѣлъ входить въ лодку, какъ тотъ же человекъ, съ которымъ говорилъ лейтенантъ во время завтрака, быстро подбѣжалъ ко мнѣ съ двумя еще какими-то и спросилъ:

— Что вы хотите дѣлать, сэръ?

— Хочу съѣздить на шкуну «Игла», вотъ съ г. суперкарго.

— А зачѣмъ, сэръ?

— По своему дѣлу.

— Однако, зачѣмъ? Не намѣрены ли вы отправиться съ нимъ въ Сан-Франциско, сэръ?—Я все еще не подозрѣвалъ ничего неприязненнаго, а полагалъ, что у этого человека есть, можетъ быть, порученіе туда, интересное для него, и потому отвѣчалъ

утвердительно и спросить, не прикажет ли онъ что-нибудь. Довѣрчивость моя и готовность услужить тронули его.

— Благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ онъ очень ласково.— У меня нѣтъ никакого порученія въ Сан-Франциско. Но мнѣ велѣно объявить вамъ, что вы пока еще не можете оставить берега. Теперь военное время, видите, и временный капитанъ падъ портомъ, лейтенантъ HARRISSON...

Въ это время супербарго, услыша что мнѣ нельзя съ нимъ отправиться, велѣлъ отчаливать, не сказавъ мнѣ ни слова и живувъ только головою въ знакъ прощанья лейтенанту, стоявшему наверху, на самомъ краю обрывистаго берега, и, вытянувъ шею, наблюдавшему за нами съ явною опасностью оборваться оттуда.

Лодка удалилась, а я пошелъ къ лейтенанту.

Мистеръ HARRISSON, человекъ средняго росту, худой, блѣдный, съ оловянными глазами и съ волосами и бакенбардами пепельно-желтаго цвѣта, на вопросъ мой, сталъ съ большою флегмою и плачущимъ голосомъ объяснять мнѣ, что онъ поступилъ бы противъ всѣхъ правилъ войны и противъ особеннаго приказанія капитана Дюпона, еслибы не задержалъ меня.

— Но я вѣдь еще не отправляюсь отсюда, а хотѣлъ только переговорить со шкиперомъ.

— И мы васъ не задерживаемъ взаправду. Что же вы торопитесь; шкуна еще не уходитъ. Я только доложу капитану объ васъ, и тогда отправляйтесь съ Богомъ куда угодно.

Въ это время другой офицеръ спросилъ меня, какъ моя фамилія.

Я сказалъ ему.

— Какой же вы русскій! У васъ чисто-пѣмецкая фамилія.

— Я не удивлялся, отвѣчалъ я:— что испанцы въ Пуэбло придрались къ моей фамиліи. Но что офицеръ Соединенныхъ Штатовъ сдѣлалъ мнѣ такое замѣчаніе, это мнѣ кажется очень странно. У васъ больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, есть людей съ французскими, пѣмецкими, итальянскими, короче—не англійскими именами, но кто ихъ назоветъ не американцами, если не только они сами, но отцы и дѣды ихъ родились и воспитывались въ вашей странѣ?

— Это правда. У васъ, вѣроятно, есть доказательства, что вы русскій?

— Письменные свои доказательства я утратилъ, по несчастію, въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Не знаю, сказалъ онъ, пожмая плечами.— Услышимъ, что скажетъ капитанъ.

При этихъ словахъ оба офицера отошли отъ меня; и чрезъ полчаса лейтенантъ отправился на корабль.

Я видѣлъ ясно, что попался какъ «куръ въ-щипъ». Столько же ясно было, что отсюда нельзя уйти ни силою, ни хитростью, потому что за мной присматривали. Оставалось возложить свою надежду на капитана.

Изъ разговоровъ съ своими милыми товарищами я узналъ, что почти $\frac{2}{3}$ войска Фремона набраны такъ же, какъ и я былъ взятъ: врасплохъ и неволею. Капитанъ Фремонъ (Frémont) въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1846) изъ инженернаго офицера вдругъ превратился въ полководца, и своихъ людей, набранныхъ въ штатѣ Миссури и въ Скалистыхъ горахъ, для производства геодезическихъ работъ, присоединилъ къ шайкѣ американцевъ, челоувѣкъ въ 30, изъ поселившихся въ долинѣ рѣки Сакраменто, которые на кускѣ полотна нарисовали какъ умѣли окроу и ваксою медвѣдѣ, и приклеивъ это полотно къ палкѣ и назвавъ его флагомъ (bear-flagg), устремились на уединенный небольшой городокъ Соному, лежащій на сѣверо-западномъ берегу залива Сан-Пабло (продолженіе къ сѣверу залива Сан-Франциско). Послѣ этого было тутъ сраженіе * или вѣрнѣе сгичка между соединенными американцами въ числѣ 80 челоувѣкъ подъ начальствомъ Фремона, и калифорнцами въ числѣ 150 челоувѣкъ подъ начальствомъ Дон-Хосе-Кастро. Испанцевъ прогнали, а Фремонъ устроилъ въ Сономѣ американскій порядокъ, и распустивъ старыхъ своихъ сподвижниковъ, пошелъ опять въ долину Сакраменто за свѣжимъ наборомъ. Тутъ-то и набралъ онъ команду, которую теперь ведутъ въ Сан-Діэго въ числѣ 100 челоувѣкъ; изъ нихъ 30 челоувѣкъ были теперь на берегу, а остальные на суднѣ. Наборъ происходилъ съ помощію небольшого числа горцевъ: приходили въ домъ и приглашали хозяина, или кого находили способнымъ носить оружіе — присоединиться къ нимъ. Если онъ соглашался, то хорошо; а если отговаривался, то ему объявляли, что онъ долженъ идти, если не хочетъ быть разстрѣлянъ, какъ врагъ отечества и сообщникъ испанцевъ.

Всѣ эти рассказы не могли подавать мнѣ большой надежды къ скорому освобожденію отъ американцевъ. Пока мы разговаривали такимъ образомъ, показались наверху прибрежной горы три всадника въ саране. Вмигъ всѣ были на ногахъ. Тогда я узналъ, для чего эта толпа была здѣсь высажена. Ею прикрывались челоувѣкъ 10 матросовъ, бившихъ скотъ на мясо для корабля.

---

* На берегу залива Сан-Франциско между Сономомъ и миссією Сан-Рафалъ, лежащею верстахъ въ 20 ближе къ городу Сан-Франциско.

Надежда вспыхнула во мнѣ. Я уже воображалъ, что будетъ сраженіе, и тогда въ суматохѣ мнѣ, можетъ быть, удалось бы какъ нибудь скрыться. Но, увы! все кончилось тревогою. Когда мы поднялись на гору, то увидѣли нашихъ испанцевъ далеко въ подѣ, скачущихъ отъ насъ безъ оглядки.

Подъ вечеръ наконецъ шлюбка съ корвета пристала къ берегу, но въ ней были только, кромѣ 6 гребцовъ, четыре marina. Одинъ изъ нихъ, капраль Мюнценгаммеръ, взойдя на берегъ, сталъ разспрашивать стоявшихъ тутъ людей о чемъ-то; ему указали на меня. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Ваша фамилія такая-то?

— Да.

— Капитанъ прислалъ за вами, пойдите съ нами.

— Пойдемте. Посмотримъ, что вашему капитану угодно отъ меня.

Лодка отчалила не безъ труда, по причинѣ довольно сильнаго вѣтра съ моря и большого прибоя волнъ. Морской вѣтеръ подъ вечеръ здѣсь обыкновенно затихаетъ. Но если онъ дуетъ на закатѣ солнца, то ужь продолжается всю ночь и часто оканчивается штормомъ, что въ этотъ вечеръ, казалось, предвѣщали и стаи морскихъ птицъ, пугливо и съ пронзительнымъ крикомъ пролетавшія мимо насъ такъ низко, что крыльями задѣвали за пѣнистые гребни волнъ. Корабль стоялъ не болѣе версты отъ берегу, но мы въ цѣлые два часа подошли къ нему лишь на половину разстоянія. Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, и только фонарь, поднятый на суднѣ на концѣ бизань-рея, руководилъ насъ. Унылая картина гармонировала съ состояніемъ моей души. Я проклиналъ свою неосторожность, отъ которой изъ огня попалъ прямо въ полымя, и не было средствъ избавиться, или предвидѣть долго-ли продолжится эта новая задержка и чѣмъ кончится все это; я зналъ, что американцы, вообще говоря, народъ очень разсудительный и не фанатики, какъ испанцы; но въ то же время часто слыхалъ, что флотскіе офицеры ихъ бываютъ характера довольно безцеремоннаго. Чтобы разсвѣять мрачныя мысли, я разсматривалъ интересную сторону моего положенія. Новость предметовъ на военномъ кораблѣ, можетъ быть, морское сраженіе, кораблекрушеніе, чудесное спасеніе на доскѣ... какъ обогатится мой путевой журналъ.

Между тѣмъ лодку качало все сильнѣе и сильнѣе. Мы давно были уже всѣ совершенно мокры отъ брызговъ, происходящихъ оттого, что сильный вѣтеръ, несясь по поверхности воды, какъ-бы срѣзывалъ верхушки волнъ и уносилъ эту воду съ собой. Гребцы разговаривали, marina молчали. Желая вступить съ ними въ разговоръ, я спросилъ:

— Какъ называется вашъ корветъ?

— Сайяпъ, отвѣчалъ одинъ изъ маршповъ.

— Когда вы вошли въ этотъ портъ?

— Да по-послѣ того времени будетъ, бабъ ты брнзса въ по-слѣдній разъ.

— Ты вѣрно ирландецъ? замѣтилъ я.

— Должно быть такъ, потому что отецъ мой *ирландецъ* и мать моя *тоже* *.

Это самая обыкновенная острота у нихъ.

Желая быть остроумнымъ въ свою очередь, я спросилъ:

— Американцы всегда ходятъ вчетверомъ за однимъ чело-вѣкомъ?

— Да развѣ мы могли знать, подхватилъ капралъ:—что офи-церъ на берегу не велитъ намъ взять еще боганибудь? Вѣдъ тамъ не одинъ ты такой.

— Какою же я такой?

— А такой, что охотнѣе служатъ Кастро, чѣмъ дядѣ Саму.

— Но правдѣ сказать, я не умеръ бы съ горя, когда бы они и оба потонули. А еслибъ были тамъ съ десятокъ табнхъ, куда бы вы ихъ дѣвали на этой шлюбкѣ?

— Тогда бы мы прѣехали за ними съ корабля верхамп, а не въ лодкѣ, отвѣчалъ ирландецъ и тѣмъ развеселилъ всю компа-нiю.—У насъ теперь пронасть сѣделъ.—Послѣ того разговоръ и шутки уже не умолкали. Желая согрѣться хоть немного, я по-просилъ одного матроса позволить мнѣ погрестн вмѣсто его.

— Изволь. Только смотри, чтобъ китъ не откусилъ у тебя полвеса.

Наконецъ мы приблизились къ корвету: Огъ стоялъ кормой къ берегу. Саженахъ въ 10 отъ него, дежурный квартирмейстеръ обликнулъ насъ съ юта:

— Boat ahoy! (ей на шлюбкѣ!)

— Marines! отвѣчалъ капралъ.

Когда мы подплыли, намъ сверху бросили на голозы бонецъ веревки, чтобъ ею притянуться къ самому судну; влѣзать на па-лубу изъ лодки надо по веревочной лѣстницѣ съ деревянными ступенькамп, висящей снаружи корабля противъ грот-мачты и до самой воды. На палубѣ капралъ сказалъ мнѣ вѣжливо: «Те-перь помѣститесь гдѣнибудь здѣсь на палубѣ или внизу—вотъ лѣстница, продолжалъ онъ, указывая на грота-люкъ:—по пей вы можете спуститься на нижнюю палубу. Теперь поздно. Ужъ за-втра помѣстятъ васъ въ каюкунибудь артель».

* My father and mother are both Irishmen.

Сказавъ это, онъ ушелъ. Матросы, съ которыми я прибылъ, разошлись еще прежде; маринны тоже, и я остался одинъ у грот-люка *. Первый предметъ, поразившій меня, была вуча сѣдель у самой мачты. Скоро я увидѣлъ, что вся палуба отъ грот-мачты къ носу, а особенно всѣ промежутки между пушками, были завалены тѣмъ же и еще разными мѣшками. По ближайшемъ осмотрѣ я нашелъ, что не вся эта поклажа была неодушевленная, и гдѣ только можно, тамъ былъ засунуть человекъ, всѣ закутавшись, потому что вѣтеръ дулъ съ большою силою. На шканцахъ, или пространствѣ отъ грот-мачты до юта (гдѣ была каюта капитана), не было никакой поклажи, и тутъ человекъ десять матросовъ расхаживали или сидѣли между пушками. У дверей капитанской каюты стоялъ часовой маринъ съ тесакомъ; на ютѣ расхаживалъ вахтенный лейтенантъ, а поодаль отъ него квартермейстеръ.

Я пробрался нѣсколько разъ вдоль всей палубы, и вѣто не обращало на меня ни малѣйшаго вниманія; только около фок-мачты (передней мачты), гдѣ трудно было бы и кошкѣ пройти не задѣвъ за что нибудь, такъ-какъ при тѣснотѣ и судно еще очень качало, я слышалъ отъ времени до времени возгласи:

— Ну, какой тамъ дьяволъ ходитъ по моимъ ногамъ! или God-damn; если у тебя бурная слѣзота, такъ не броди почью и проч. Изъ фор-люка слышался голоса и смѣхъ, очевидно происходившій изъ африканской глотки, и внизу видѣлся свѣтъ. Я спустился внизъ по среднему или грот-любу, но никакъ не могъ отойти одного шагу отъ подножія лѣстницы. Каждый дюймъ нижней палубы былъ заваленъ поклажею и пиддѣцами, а подъ потолкомъ висѣли койки на крючкахъ, вдѣланныхъ въ брусны или перекладны; воздухъ былъ здѣсь нестерпимо душный. Вся нижняя палуба, занятая впрочемъ матросами и кухнею только отъ средней мачты до носа корабля, освѣщалась двумя тусклыми фонарями, подвѣшенными одинъ у гротъ, а другая у фок-мачты и у бѣздаго фонаря былъ маринъ-часовой съ тесакомъ впереди; около вѣрабельной кухни суетились негры, убирая посуду и проч. Постоявъ тутъ нѣсколько минутъ, я долженъ былъ опять выйти на палубу, исгнать почлега. Хотѣлъ прилечь на шканцахъ, но матросъ сказалъ мнѣ, что тутъ нельзя ложиться. Наконецъ, у грот-мачты на веревкахъ я нашелъ уголокъ, гдѣ прилечь, закутавшись какъ могъ въ модрое сарапе; но отъ холоду и голоду нельзя было спать. Скоро по пробитіи четырехъ стѣлапоѣ (въ

* Отверстію въ верхней палубѣ у средней мачты, въ которое по лѣстницѣ спускаются на нижнюю палубу, или кубрикъ.

два часа утра), лейтенантъ скомандовалъ что-то вполголоса. Нѣсколько человекъ подбѣжали къ грот-мачтѣ и сбросили какія-то веревки со шпикетъ, за которыя крѣпятъ снасти (кофель-нагелей). Одинъ изъ нихъ наступилъ мнѣ на животъ и вскричалъ: «Goddamn! кто это! это ты Браунъ?»

— Да развѣ ты не видишь, подхватилъ другой матросъ:— что онъ не бурый (brown), а зеленѣе капусты, иначе онъ не легъ бы спать на тепенанты (lifts) и бейфуты (trusses)!

— Послушай, мистеръ Гринъ (green—зеленый), продолжалъ первый матросъ:— мнѣ очень жаль васъ потревожить, да дѣлать-то нечего, какъ сказалъ передовой въ вельботѣ вѣту, когда пустилъ въ него острогой.

Уйдя оттуда, я снова обошелъ всю палубу, но всѣ мѣста, доставлявшія малѣйшую защиту отъ вѣтра, были заняты. Дрожь, пробиравшая меня, начинала принимать лихорадочный характеръ. Тогда я рѣшился идти внизъ и во что бы то ни стало завоевать себѣ мѣстечко. Я сѣлъ у грот-люба и дожидался, не пойдетъ ли кто-нибудь внизъ; я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ пробираться, и воспользоваться примѣромъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро два матроса, какъ-бы украдкой и оглядываясь на ютъ, гдѣ стоялъ вахтенный лейтенантъ, стали спускаться по трапу (лѣстницѣ), и я пошелъ за ними. Задній, оглянувшись, спросилъ меня:

— Ты куда, Чипсъ *?

— Туда же, куда и ты, отвѣчалъ я.

— Почему ты знаешь, куда я иду?

— Я полагаю, что ты идешь спать.

— Вотъ и совралъ, Чипсъ; я иду за бобами.

— Ну, и я тоже.

— А у тебя много бобовъ, Чипсъ?

— Столько же, какъ и у тебя.

— Стало быть, три тонна, сказалъ онъ, оглядываясь опять ко мнѣ. Въ это время мы были уже на нижней палубѣ у самого фонаря, и при свѣтѣ его я увидѣлъ, что разговаривавшій со мною былъ одинъ изъ гребцовъ, съ которыми я прибылъ на корабль, тотъ самый, которому я помогъ грести. Онъ меня тоже узналъ.

— Halloa! да это нашъ Рүшенъ (Russian, русскій)! что жъ ты не спишь, Прүшенъ (Prussian, прусакъ)? Надо замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ люди пообразованнѣе нашего матроса безпрестанно смѣшиваютъ эти два названія: Russian и Prussian,

* Чипсъ (буквально: Щенникъ, отъ ship—щелка)—фамилія всеобщая, въ родѣ русской: финтифлюшкинъ.

также какъ Liberia (часть сѣверо-западнаго берега Африки) и Siberia—нашу Сибирь!

— Не могу сыскать мѣсто, другъ, отвѣчалъ я матросу:—а ты отчего не спишь?

— Да вотъ проклятый Haggisson, чортъ его знаетъ зачѣмъ, держигъ насъ на вахтѣ.

— Теперь шиваль притихаетъ и ты идешь спать?

— Нѣтъ, ужъ надо будетъ до четырехъ часовъ пробыть на вахтѣ. Я пришелъ за бобами, говорю тебѣ, сказалъ онъ, отворяя одинъ изъ артельныхъ сундуковъ, разставленныхъ у стѣнъ корабля кругомъ на нижней палубѣ. Я прображся за нимъ сюда, потому что еще не зналъ, куда пуститься одному въ этомъ лабиринтѣ, по которому матросъ мой однако пробирался съ искусствомъ, вовсе недоступнымъ для меня. Товарищъ его исчезъ куда-то.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я:—здѣсь пахнетъ сѣбстнымиъ. Если ты богатъ чѣмъ нибудь и можешь со мной подѣлиться, то этимъ очень обяжешь меня, потому что мнѣ обѣдать не хотѣлось, а ужинъ я проѣздилъ сегодня.

— Вчера, хочешь ты сказать. И я тоже проѣздилъ и за тобой же. Изволь, изволь Прушень:—вотъ держи эту золотую вазу со стола королевы Викторіи — такъ онъ называлъ жестяную, грязивѣйшую, измятую кружку—я тебѣ отдѣлю ровно половину. При этихъ словахъ онъ складнымъ ножомъ своимъ отдѣлилъ ко мнѣ въ кружку съ жестяной тарелки половину бывшихъ въ ней красныхъ (испанскихъ) бобовъ съ свинымъ саломъ. Вотъ тебѣ и сухарей, продолжалъ онъ:—а если захочешь пить, то вонъ тамъ на бакѣ (in the brigg) найдешь воду. Теперь мнѣ надо идти скорѣй на палубу съ этимъ сокровищемъ, пока еще не хватилъ меня. Когда ты кончишь ѣсть, Рушень, сунь кружку вотъ за этотъ сундукъ.

— Постой! кричалъ я ему вслѣдъ:—куда бы можно прилечь здѣсь?

— Какъ куда? Здѣсь вездѣ можно, только на сундукахъ не велятъ; тутъ тѣсно, да это ничего. Куда можешь всунуть колено и локоть, туда и ложись. Небось разодвинутся понемногу. А кому будетъ тѣсно, тотъ пусть убирается въ адъ, такъ и скажи ему отъ меня. Черезъ секунду онъ былъ уже на палубѣ, а я, поужинавъ, послѣдовалъ его совѣту и на счетъ ночлега.

V.

На 22-пушечномъ корветѣ Соединенныхъ Штатовъ «Саянъ» было въ это время, кромѣ 200 человекъ своего народу—офицера Т. CLXVII. — Отд. I.

ровъ, матросовъ, мариновъ и негровъ, еще около 100 человекъ фремоновой команды, состоявшей изъ смѣси американцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, французовъ, канадцевъ и индейцевъ, всѣ съ долины рѣки Сакраменто и изъ Скалистыхъ горъ, особенно канадцы и американцы или янки. Нашли неудобнымъ отправить это войско въ южную Калифорію берегомъ, почему, оставивъ небольшое число такъ-называемыхъ волонтеровъ въ Санъ Франциско и въ Монтерей, остальныхъ препроводили въ Санъ-Діэго водою, взявъ съ собою лишь сѣдла и прочую сбрую, оружіе и багажъ. Съ этими людьми мы впоследствии познакомимся короче. Теперь скажу только, что на военномъ кораблѣ уже въ обыкновенное время и со своимъ комплектомъ людей, всякій уголокъ имѣетъ назначеніе; такъ какъ же должно быть тамъ тѣсно съ такою прибавкою, и все людей, непривыкшихъ къ морю и къ тѣснотѣ, а напротивъ жившихъ съ давняго времени, а бѣльшая часть и съ малолѣтства, въ раздольѣ пустынь и горъ или въ почти вовсе незаселенной долинѣ Сакраменто.

Пронзительный свистъ разбудилъ меня часовъ въ шесть утра, и въ то же время я почувствовалъ прикосновеніе ногтей къ моему лицу и сильнѣйшій запахъ поту. Положеніе моихъ сосѣдей на полу было не лучше моего. Вездѣ матросы, поднятые боцманматами (boatsmans-mate), торопились вылѣзть изъ коекъ, которыя теперь опять были всѣ заняты, потому что въ три часа утра позволяли всѣмъ идти спать, кромѣ небольшого числа очередныхъ. Матросы одѣвались, завязывали каждый свою койку и несли ихъ наверхъ по обѣимъ лѣстницамъ, передней и задней; но на полу повсюду лежали люди, а матросы съ просонковъ, иные же и нарочно, вылѣзая изъ койки, становились куда попало, дѣлая видъ, будто не замѣчаютъ ничего. Несмотря на сильную головную боль, я пробрался на четверенькахъ сквозь густой лѣсъ голыхъ ногъ и чрезъ всѣхъ лежавшихъ на полу, на середину кубрика, гдѣ залѣзъ на бочки, стоявшія тамъ и привязанныя къ стойкамъ или подпоркамъ вдоль середины палубы. Здѣсь я рѣшился подождать конца суматохи и посмотрѣть, что будетъ дальше.

Минуть съ десять, гвалтъ и толкотня были ужасны. Master-at-arms, какъ непосредственный начальникъ нижней палубы, высочій, плѣшивый, старый матросъ (онъ получаетъ 20 долларовъ или 25 рублей серебромъ жалованья въ мѣсяцъ), кричалъ во все горло и не переводя духъ: «показывайте ноги, молодцы, живѣе» (Show your legs, boys, quick!); вставайте, бычки (bullies), всѣ на палубу! всѣ до одного, бычки! бѣгите какъ на пожаръ, бычки» и проч. Это же повторяли въ разныхъ мѣстахъ боцман-

маты. Матросы тоже всё говорили и острили разомъ; а когда кто-нибудь изъ лежащихъ на полу кричалъ отъ боли, особенно индейцы съ длинными волосами, то матросы хорошо вторили крику; иные смѣялись, а другіе ругались, особенно на трапахъ; мастер-мать порою кричалъ, чтобъ не шумѣли, но безуспѣшно, потому что самъ съ своими помощниками шумѣлъ больше всѣхъ. Все это происходило въ темнотѣ, потому что фонари уже потушили, а по трапамъ безпрестанно тѣснились матросы, выносящіе койки, и загораживали собою единственныя отверстія, пропускающія свѣтъ и воздухъ. Наконецъ, когда оставалось уже не болѣе десяти коекъ, мастеръ все еще кричалъ, какъ-бы машинально: «живѣе, живѣе, молодцы! А кому-то сегодня чистить колоколъ? а! кто у насъ послѣдній, бычьи! а?»... Послѣдняго не оказалось. Послѣ матросовъ и пассажиры стали выходить наверхъ, и я съ другими.

Здѣсь пестро и тѣсно. Матросы и пассажиры, перемѣшавшись, суетились каждый около своего дѣла. Изъ пассажировъ одни вытаскивали свои мѣшки изъ-подъ груди другой поклажи; другіе, въ томъ числѣ и я, умывались, то-есть намочивъ носовой платокъ или какую-нибудь тряпку спустиа ее за бортъ, на концѣ снасти, терли себѣ ею лицо и руки, потому что на палубу воду лить не позволяли по причинѣ поклажи. Другіе разсѣялись по пушкамъ съ видомъ истинныхъ страдальцевъ; а большая часть, особенно индейцы, не знали куда дѣвать себя, толкались и зѣвали другъ на друга и на всѣхъ.

Я мысленно приготовлялъ рѣчь, которую скажу капитану, когда меня потребуютъ къ допросу, и даже очень удивлялся, что до сихъ поръ никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Даже испанскій нарядъ мой не удивилъ никого, можетъ быть, потому что тутъ нѣкоторые изъ пассажировъ, особенно изъ индейцевъ, были одѣты такъ же. Чтобъ менѣе развлекаться, я опять спустился внизъ, теперь здѣсь было ужъ чисто, просторно и довольно свѣтло. По настоящему, днемъ и въ хорошую погоду внизу могутъ быть только артельные и другіе повара; но теперь дозволялось это и пассажирамъ, изъ состраданія къ ихъ невѣдѣнію морскихъ уставовъ, и потому—говорилъ старый ворчунъ, Master-at-arms, что теперь ужъ все здѣсь идетъ вверхъ ногами, пока не прибудемъ въ Сан-Діэго.

Наконецъ послѣ завтрака, часовъ въ десять, я сталъ терять надежду, что капитанъ позоветъ меня, и потому рѣшился идти къ нему самъ. Но прежде желалъ посоветоваться насчетъ этого съ кѣмъ-нибудь — и сыскалъ вапрала, который привезъ меня. Этотъ привелъ меня къ старшему сержанту (фельдфебелю), ко-

торый имѣеть свой уголокъ внизу. Тутъ были другіе капралы и ботсман-мать. Отъ нихъ я узналъ, что меня привезли на судно совсѣмъ не къ допросу, а такъ, по приказанію лейтенанта Гаррисона, вѣроятно изъ предосторожности, чтобъ я ночью не могъ уйти къ испанцамъ.

— Теперь тамъ еще человекъ тридцать на берегу, говорилъ сержантъ:—ихъ привезутъ на суднѣ, когда мы будемъ отправляться отсюда, вѣроятно завтра. А теперь не хотятъ тѣснить ихъ безъ нужды.

— Но мнѣ нужно поговорить съ вашимъ капитаномъ.

— О чемъ вамъ говорить съ нимъ?

— О своихъ дѣлахъ. Мнѣ необходимо надобно въ этомъ мѣсяцѣ быть въ Сан-Франциско; когда же капитана можно видѣть?

— Его во всякое время можно видѣть. Но увѣрю васъ, что онъ неразговорчивъ. Послѣ кампаніи — такъ. А теперь онъ съ вами и говорить не станетъ.

— Я путешествовалъ въ Соединенныхъ Штатахъ и знаю, что американцы никого, кромѣ негровъ, не неволятъ ни въ какую службу.

— То во время мира и у себя дома. А здѣсь теперь военное время и мы въ непріательской землѣ. Отсюда онъ ни за какія блага не отпуститъ. Отчего вы не хотите понять, что теперь могутъ быть только двѣ партіи въ Калифорніи: наша и испанская? Здѣсь нейтральной партіи нѣтъ; а кто не съ нами, тотъ противъ насъ.

— Такъ я напишу къ капитану. Онъ не имѣеть права меня задерживать. У меня нѣтъ ничего общаго ни съ вами, ни съ испанцами.

— Пожалуй, напишите. Только увѣрю васъ, что вы потеряете время.

Хотя они были противнаго мнѣнія со мной, однако охотно согласились помочь мнѣ. Простая бумага у меня была, сержантъ далъ мнѣ листъ почтовой бумаги и пригласилъ переписать письмо начисто у своей конторы и, наконецъ, обѣщалъ просить у своего лейтенанта позволенія передать письмо капитану.

Въ письмѣ къ капитану Дюпону я изложилъ, что я русскій путешественникъ; пришелъ въ Калифорнію только для того, чтобъ изъ порта Сан-Франциско отправиться черезъ колоніи наши въ Россію; что возможность къ тому представится непременно въ этомъ же или въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; и если я пропущу этотъ случай, то долженъ буду цѣлый годъ ждать другого. Преодоливъ охотно, писалъ я, множество препятствій, и избавившись почти чудомъ отъ многихъ опасностей, сперва въ Мексикѣ, потомъ

въ пустынь между Мексикою и Калифорніею и, наконецъ, еще недавно здѣсь въ Пуэбло, все у народовъ варварскихъ, и дождавшись, наконецъ, того времени, когда имѣю возможность, послѣ пятилѣтняго странствованія, возвратиться на родину, я никакъ не могъ ожидать, и все еще не вѣрю, что буду задержанъ, на самомъ, такъ-сказать, порогѣ своего отечества, образованными, человѣколюбивыми и справедливыми американцами.—Далѣе, что года четыре назадъ я имѣлъ несчастіе потерять свои документы, а теперь, по другому несчастію, пришелъ въ Сан-Педро именно въ то время, когда здѣсь находится американскій военный корабль. Я заключалъ просьбою—если ужъ неумолимый уставъ войны того требуетъ—дать меня хоть съ рукъ въ руки шкиперу Игля, съ отношеніемъ, пожалуй, къ американскому начальству въ Сан-Франциско, содержать меня подъ стражею до прибытія туда русскаго судна; и если я тогда не докажу имъ ясно и положительно, что я русскій, то я готовъ, и обязуюсь симъ, служить американцамъ не только эту кампанію, но и всю свою жизнь.

Сержантъ, мистеръ Форвергъ, точно взялъ письмо мое и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что лейтенантъ мариновъ, Маддоксъ (Maddox) позволилъ ему отнести письму къ капитану; что капитанъ взялъ его и спросилъ только, отъ кого оно, положилъ его на столъ, потому что былъ занятъ съ казначеемъ. Это было уже часа въ четыре послѣ обѣда.

Черезъ часъ steward или баталеръ капитана сказалъ сержанту, а этотъ мнѣ, что капитанъ велѣлъ позвать въ каюту человѣка, который написалъ письмо.

Капитанъ Дюпонъ—высокій, полный и смуглый мужчина, на лицѣ его доброта и разсудительность, но вмѣстѣ упрямство и лукавство. Онъ говоритъ тихимъ голосомъ и медленно. Съ нимъ были лейтенантъ мариновъ, другой лейтенантъ и капитанъ Фремонъ. Первый вопросъ его былъ:

— Вы написали это письмо, сэръ?

— Да, сэръ.

— Гдѣ вы научились поанглійски?

— Въ Соединенныхъ Штатахъ, сэръ.

— Вы русскій?

— Да.

— Какимъ образомъ потеряли вы свои бумаги?

— Онѣ утонули вмѣстѣ съ моими вещами и съ вещами человѣкъ семидесяти другихъ пассажировъ, въ рѣкѣ Миссиссипи, при устьѣ рѣки Огіо, когда разбился пароходъ «Denizen» въ 1842 г.

— Какія же доказательства вы представите по прибытіи русскаго судна въ Сан-Франциско?

Этотъ вопросъ нѣсколько озадачилъ меня и, должно быть, капитанъ замѣтилъ это. Однако я отвѣчалъ:

— На первый случай, доказательства, пронстекающія изъ признанія языка и обычаевъ страны. Прибывшимъ русскимъ, я представлю такіе признаки, что ни одинъ русскій офицеръ не боится дать письменное свидѣтельство, что я точно русскій.

— Какія же это доказательства? Это будетъ значить только, что вы бывали въ Россіи, больше ничего. Вы знаете и нашъ языкъ, нашу страну и наши обычаи, и потому, въ случаѣ нужды, можете тоже довазать, что вы американецъ. Да я самъ готовъ во всякое время дать вамъ письменное свидѣтельство, что вы американецъ, еслибы вы меня о томъ попросили, не правда-ли, капитанъ? прибавилъ, онъ обращаясь къ Фрежону.—Нѣтъ мистеръ, продолжалъ онъ:—вамъ пока нельзя оставить насъ, по крайней-мѣрѣ до окончанія кампаніи.

— Однако, капитанъ, я задержанъ безъ всякой причины, и, сколько могу понять, только оттого, что я пришелъ въ Сан-Педро, или что не пришелъ сюда недѣлю раньше или недѣлю позже, когда бы васъ не было здѣсь. Хуже не могли бы поступить со мною, еслибы было навѣрно довазано, что я соединился съ вашими непріателями, или еслибы вы воевали не съ мексиканцами, а съ русскими.

— Но по вашей фамиліи я тоже не вѣрю, что вы русскій, потому...

— Да какой бы націи я ни былъ, прервалъ я его:—я не подалъ вамъ никакого повода задержать меня; и нигдѣ въ Европѣ не поступили бы такимъ образомъ съ путешественникомъ...

— Вздоръ, прервалъ онъ меня въ свою очередь:—не думайте этого. Вездѣ во время войны задержать подозрительнаго чело-вѣка; а путешественникомъ всякій можетъ назваться.

— Въ чемъ же вы меня подозрѣваете, сэръ?

— Вы намъ подозрительны тѣмъ, что пришли, по собственному вашему показанію, изъ страны, давно тайно враждующей съ Соединенными Штатами и съ которою мы теперь въ открытой войнѣ, въ Калфорнію, съ которою мы тоже теперь воюемъ, какъ вы видите. Ваши остальные показанія могутъ быть справедливы; но они также могутъ быть только прикрытіемъ какихъ-нибудь интригъ. И развѣ вы важнѣе особы французскаго консула, къ которому тотчасъ приставили караулъ, какъ скоро заподозрили его въ сношеніяхъ съ калифорнцами?

Въ это время вошелъ вахтенный лейтенантъ и отпортовалъ, приложивъ два пальца къ козырьку фуражки, что ужинъ готовъ

для команды. Капитанъ кивнулъ ему головой. Черезъ минуту по выходѣ лейтенанта, раздакъ на палубѣ продолжительный свистъ.

Я продолжалъ:

— Неужели-жъ вамъ кажется вѣроятнымъ, капитанъ, что я пришелъ бы такъ неосторожно къ вамъ, еслбъ былъ замѣшанъ въ казія-побудъ интриги, какъ вы говорите?

— А кто поручится, что вы не придете, разсчитывая для безопасности своей именно на эту отговорку?

— Но отчего же, сэръ, не хотите вы отправить меня въ Сан-Франциско съ Иглемъ? Вѣдь Сан-Франциско давно уже во власти американцевъ?

— Да съ какимъ Иглемъ? Игль идетъ на Сандвичевы острова, а не въ Сан-Франциско. Теперь довольно. Ступайте на палубу въ сержантскую артель, пока ужинъ не простылъ, прибавилъ онъ съ шуткою.

По выходѣ изъ каюты, первый встрѣтилъ меня сержантъ.

— Вы необыкновенно счастливы, вскричалъ онъ:—что капитанъ разсуждалъ съ вами такъ долго. Этого никогда еще съ нами не бывало.

Итакъ вотъ что случается, думалъ я, спускаясь на нижнюю палубу, съ тѣми, которые, не спросясь броду, идутъ въ воду. Теперь мнѣ оставалось выбрать одно изъ трехъ: или ссориться съ американцами и заставить ихъ запереть себя, и такимъ образомъ утратить послѣдній способъ къ освобожденію—бѣгство, какъ скоро буду опять на твердой землѣ; еще я могъ броситься за бортъ, или же покориться своей судьбѣ. Я избралъ послѣднее.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Соч. А. Т. ГРИММА.

ALEXANDRA FEODOROWNA, Kaiserin von Russland, von A. Th Grimm.
1866. Leipzig.

Статья вторая.

V.

Прошло пять лѣтъ; настали и миновались событія 14-го декабря, и кровавая заря новаго царствованія уступила мѣсто новой, блистательной порѣ. Молодую великую князю, теперь уже императрицу всероссійскую. осадили новыя заботы, новыя трудности, преимущественно, впрочемъ, въ границахъ непосредственно подвѣдомственной ей семейной и общественной дѣятельности, такъ-какъ Александра Феодоровна въ эту первую пору ея вцаренія, равно какъ и во всю послѣдующую свою жизнь, не принимала почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Рѣдко даже, и не всегда съ успѣхомъ, прибѣгала она къ своему женскому, смягчающему вліянію надъ супругомъ. Неоднократно императоръ Николай высказывался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Милосердія мы всѣ ожидаемъ отъ Бога; отъ меня же, самодержца, страна должна ожидать правосудія и строгаго примѣненія законовъ». Но и предоставленная ей сфера дѣйствій обѣщала молодой императрицѣ почву, далеко нескудную полезными трудами и живымъ, хотя и не всегда непосредственнымъ, вліяніемъ на общественный бытъ въ государствѣ. Воспитаніе царскихъ дѣтей, въ особенности восьмилѣтняго наслѣдника, начинало уже требовать ея неотступныхъ заботъ; женскія учебныя заведенія, попеченія о которыхъ она раздѣляла съ императрицей Маріей Феодоровной до кончины ея и впоследствии приняла исключительно на себя, отрывали обширное поле самой неутомимой дѣятельности; наконецъ ей же предстояло опредѣлить направленіе и тонъ придворной и общественной жизни въ столицѣ.

Впрочемъ, окончательное устройство своей новой обстановки и занятій, которыми впредь должна была наполниться большая часть ея часовъ, императрица вынуждена была отчасти отложить до сравнительно болѣе свободнаго времени, которое не должно было наступать для нея до совершенія коронаціи. Самое же это событіе было еще замедлено кончиной императрицы Елисаветы, послѣдовавшей на возвратномъ пути ея изъ Таганрога, въ мѣстечкѣ Бѣловѣ, и многочисленными торжественными обрядами, которыми этикетъ окружаетъ погребеніе царственныхъ лицъ наравнѣ съ ихъ роженіемъ и бракосочетаніемъ.

Между тѣмъ Москва дѣятельно занималась приготовленіями въ коронаціи, для которой Успенскій соборъ убирался съ заповѣданнымъ вѣковыми обычаями великолѣпіемъ. Уже за много недѣль до назначеннаго дня, въ древнюю столицу со всѣхъ концовъ имперіи начали стекаться любопытные и депутаты всѣхъ областей, какъ европейской, такъ и азіатской Россіи, и по обыкновенно мало оживленнымъ московскимъ улицамъ задвигались странныя фигуры въ еще болѣе странныхъ костюмахъ. Жители Крыма, Кавказа, степи, мусульмане и православные переищаивались пестрой толпою; одни привлекали взоры любопытнаго народа богатимъ оружіемъ и драгоценными каменьями, которыми сверкала ихъ нарядъ, другіе—восточными кафтанами и высокими мѣховыми шапками или даже члмами. Многіе изъ этихъ посѣтителей въ предѣлахъ своей родины могли похвастаться титулами хана и потомковъ Тамерлана. И русскіе вельможи не отставали въ роскоши отъ азіатскихъ гостей. Въ Москвѣ тогда еще были боярскіе дома, которые могли бы состязаться не только богатствомъ и блескомъ, но и щедростію, съ дворянами шестнадцатаго столѣтія. Къ этимъ страннымъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ явленіямъ присоединялись послы европейскихъ державъ, и если взоры народа веселили чужеземные наряды, участіе и вниманіе образованныхъ классовъ обращалось на многія достославныя европейскія имена. Но все оживленіе, которымъ кишѣла Москва въ ожиданіи предстоящаго торжества, не могло сравниться съ той лихорадкой, которая овладѣла ея, когда прибыла царская фамилія, въ полномъ составѣ, начиная отъ императрицы Маріи Федоровны до маленькаго, девятилѣтняго наследника.

Императоръ и императрица остановились ненадолго въ Петровскомъ дворцѣ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Отсюда до Кремля 50,000 человекъ солдатъ, по большей части гвардейцевъ, образовали одну непрерывную улицу, по которой медленно двинулся царскій поѣздъ; въ главѣ его ѣхали самъ императоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Карломъ

прусскамъ, верхами; тотчасъ за ними, въ запряженной восьмернею раззолоченной каретѣ, слѣдовали императрица и послѣднiй. Тысячи колоколовъ, и между ними знаменитый колоколъ Ивана Великаго, напрасно сплпсь заглушить неистовые «ура!», возгласы народа и войска покрывали даже громъ пушекъ въ тѣхъ улпцахъ, по которымъ проѣзжалъ поѣздъ. Съ обнаженной головою императоръ вѣхалъ въ Кремль черезъ Спаскія ворота, и, по псконному обычаю, отправился прямо къ Успенскому собору, гдѣ онъ вмѣстѣ съ императрицею приложился ко кресгу, вынесенному имъ на встрѣчу московскимъ духовенствомъ; затѣмъ кучечество поднесло имъ хлѣбъ-соль на золотыхъ блюдахъ, послѣ чего царская фамилія скрылась отъ любопытной толпы въ стѣнахъ небольшого чудовскаго дворца.

На другое утро, къ радостному удивленію семьи, изъ Варшавы прибылъ великій князь Константинъ Павловичъ. Въ польскомъ мундирѣ, съ докладомъ въ рукахъ, какъ первый русскій подданный, онъ явился передъ удивленнымъ государемъ, который со слезами прижалъ его къ груди. Этимъ Константинъ Павловичъ доказалъ добровольность своего отреченія и искренность чувствъ, съ которыми онъ призналъ воеареніе брата. Съ этой минуты всѣ три брата показывались публично вмѣстѣ, и народъ понималъ значеніе такой неразлучности.

Когда наступилъ деѣ коронаціи, ограда Кремля, несмотря на свой значительный объемъ, могла вмѣстить въ себѣ только весьма небольшую часть желающихъ присутствовать при торжествѣ; для пяти тысячъ приглашенныхъ зрителей уступами были устроены возвышенія между которыми шествіе прошло изъ чудовскаго дворца въ Успенскій соборъ—всего нѣсколько сотъ шаговъ. Съ ранняго утра колокола стали сзывать народъ съ самыхъ отдаленныхъ концовъ города; но привалившимъ къ Кремлю толпамъ приходилось оставаться внѣ кремлевскихъ стѣнъ, или смотрѣть на привлекшее ихъ зрѣлище съ далекихъ крышъ. Сама церковь наполнялась приглашенными высшими сановниками, депутатами различныхъ областей, членами дипломатическаго корпуса тоже съ ранняго утра. Въ десять часовъ появился первый отрядъ царскаго шествія. Во главѣ его была вдовствующая императрица, въ третій разъ въ свою жизнь шедшая по этому пути: въ первый разъ за тридцать лѣтъ назадъ, когда она сама короновалась вмѣстѣ съ императоромъ Павломъ; во второй—чтобы присутствовать при коронаціи ея старшаго сына, а теперь, въ третій разъ, чтобы участвовать въ совершеніи того же обряда надъ ея третьимъ сыномъ. Увѣнчанная короной, въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, шла шестидесятисемилѣтняя царица въ сановитомъ

величіи, котрымъ облакали ее престарѣлыя годы и высокае званіе. Ее сопровождали великая княгиня Елена Павловна, и припѣцъ Карлъ прусскій, который велъ за руку наслѣдника. Чась спустя, появилось и главное шествіе. Впередѣ шелъ обѣ короны, скипетръ, державу, и порфиру. Императоръ шелъ съ обнаженной головою впередѣ балдахина, поддерживаемаго шестнадцатью генералъ адъютантами, а по сторонамъ его шли оба его брата, и нѣсколько генераловъ, изъ которыхъ графъ Орловъ несъ обнаженный государственный мечъ; подъ балдахиномъ шли императрица, въ простомъ платьѣ изъ серебрянаго газа, безъ всякихъ украшеній. Затѣмъ слѣдовали государственный совѣтъ, сепать, старшины различныхъ городовъ и гильдій, казацкій атаманъ и множество офицеровъ. Духовенство, и во главѣ его митрополитъ Серафимъ, въ облаченіи, сверкающемъ драгоценными каменьями, встрѣтило царственную чету съ животворящимъ крестомъ и святой водою. Дойдя до ступеней, ведущихъ къ престолу, государь и государыня три раза поклонились на всѣ стороны и взошли по нимъ на возвышеніе, гдѣ, подъ балдахиномъ, ожидали ихъ два трона. На первомъ изъ нихъ, назначеномъ для императора, нѣкогда короновался первый Романовъ; другой тронъ, который заняла императрица, былъ присланъ въ даръ Борису Годунову шахомъ Аббасомъ; на немъ блестяли 1,500 рубиновъ и бесчисленное множество бриллы. Церковное торжество началось пѣніемъ псалмовъ и чтеніемъ Евангелія, потомъ слѣдовало облаченіе императора царскими украшеніями. Когда онъ, въ коронѣ и порфирѣ, снова сѣлъ на тронъ, императрица встала съ своего мѣста и преклонила передъ царемъ колѣна; тогда онъ снялъ съ себя корону, слегка дотронулся ею головы императрицы и надѣлъ на нее другую, нарочно для нея приготовленную; въ то же мгновеніе ее облачили въ порфиру и андреевскую ленту. Хоры грянули «Боже Царя Храни», и исполнскій колоколь Ивака Великаго, а за нимъ всѣ тысячи колоколовъ безчисленныхъ московскихъ церквей и пушечная пальба возвѣстили народу объ окончаніи торжественнаго обряда, послѣ котораго коронованная чета приняла поздравленія сперва вдовствующей императрицы и великаго князя Константина Павловича, затѣмъ другихъ членовъ царской фамиліи и иностранныхъ припѣцевъ крови. Оставалось еще помазаніе муромъ, по совершеніи котораго императоръ и императрица причастились св. Тайнъ, и наконецъ приложившись еще разъ къ кресту, и поклонившись св. мощамъ, возвратились черезъ Благовѣщенскій соборъ во внутренніе дворцовые покои.

По обычаю, низшедшему къ нашему времени отъ древнихъ царей, праздничный пиръ слѣдовалъ въ залѣ Грановитой Па-

латы, гдѣ, еще до начала его, императоръ принялъ поздравленія духовенства, высшихъ сановниковъ и дипломатическаго корпуса. Вечеромъ роскошная иллюминація залила весь городъ моремъ разноцвѣтныхъ огней, при свѣтѣ которыхъ народъ ликовалъ на просторѣ, наслаждаясь царской щедростью. На огромной площади съ неимоверной быстротою возникъ цѣлый городъ балагановъ, горъ, качелей, палатокъ, посреди которыхъ красовались двѣтисорокъ длинныхъ столовъ, нагруженныхъ любимыми національными яствами; вблизи отъ нихъ, изъ шестнадцати фонтановъ били вино, пиво, квась, медъ и водка. Въ данный часъ на площадь явился весь дворъ; самъ государь вышелъ изъ коляски, и подавъ сотнямъ тысячъ народа, ожидавшимъ его съ обнаженной головою, знакъ приступить къ приготовленной для нихъ трапезѣ, сопровождаемый своей свитой, обошелъ столы во всю ихъ длину, среди восторженныхъ возгласовъ и ликованія. Этимъ народнымъ празднествомъ закончился день, ознаменованный единственнымъ государственнымъ торжествомъ, право на которое Москва не уступила младшей столицѣ.

VI.

Съ возвращеніемъ коронованной четы въ Петербургъ, наступила для нея пора сравнительнаго досуга и свободы, по крайнемѣрѣ отъ тѣхъ нескончаемыхъ придворныхъ и церковныхъ торжествъ и обрядовъ, которые почти исключительно наполняли собою первые мѣсяцы ея воцаренія. Молодая императрица имѣла наконецъ возможность осмотрѣться въ новомъ положеніи и приступить къ преобразованіямъ, которыя она давно готовилась ввести въ бытъ болѣе тѣснаго придворнаго кружка, образующаго какъ-бы домашнюю обстановку царской фамиліи, наконецъ — приняться за серьезныя общественныя обязанности, налагаемыя на нее ея новымъ званіемъ. Первое свое вниманіе она обратила на учебныя заведенія, въ особенности на патріотическій и елисаветинскій институты, специально ввѣренныя ея попеченіямъ послѣ кончины императрицы Елисаветы. Желаніе ея тѣснѣе ознакомить и сблизить съ собою порученныхъ ея заботамъ дѣтей побудило государя разрѣшить переводъ всѣхъ воспитанницъ патріотическаго института на лѣто въ новый царскосельскій дворецъ, собственную лѣтнюю резиденцію царской фамиліи, которая по этому случаю удовольствовалась однимъ флигелемъ дворца, а другой предоставила въ полное владѣніе воспитанницамъ со всѣми надзирательницами и классными дамами. Одна изъ большахъ залъ

была превращена въ рекреационную, другая въ церковь. Два дѣта воспитанницы пользовались дачнымъ привольемъ въ этомъ мѣстопребываніи, раздѣляя игры и прогулки съ великою княжною Маріей Николаевной, которая даже носила институтское платье. Впрочемъ, при всей дѣятельной заботливости государыни объ этихъ и другихъ институтахъ, верховный надзоръ надъ всѣми женскими заведеніями оставался за императрицей Маріей Теодоровной до самой ея смерти. По странной случайности, каждая изъ трехъ императрицъ, завѣдывавшихъ этими учрежденіями, сохранила верховную власть надъ ними по 32 года: императрица Екатерина отъ 1764 до 1796 г., императрица Марія Теодоровна—отъ 1796 до 1828 г., императрица Александра Теодоровна—отъ 1828 до 1860 г.

Болѣе непосредственную и близкую ея сердцу заботу около того же времени начало составлять для Александры Теодоровны воспитаніе собственныхъ ея дѣтей, изъ которыхъ старшія, наследники и великая княжна Марія Николаевна, выходили уже изъ перваго дѣтскаго возраста. Еще будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ приставилъ къ сыну военнаго наставника, Мердера, изъ кадетскаго корпуса, а руководителемъ его гуманитарныхъ занятій былъ выбранъ В. А. Жуковскій. Въ первую пору своего воцаренія, императоръ болѣе чѣмъ когда либо сознавалъ, что воспитаніе наследника престола должно быть ведено иначе, нежели какъ велось его собственное воспитаніе. Прежде всего онъ положилъ себѣ поручить надзоръ надъ всѣмъ ходомъ воспитанія наследника исключительной бдительности одного отвѣтственнаго лица, съ присоединеніемъ ему помощника, который, однако, замѣнялъ бы его только на короткое время и дѣйствовалъ бы строго въ томъ же духѣ, какъ этотъ высшій воспитатель. Происшества, ознаменовавшія воцареніе императора, породили въ немъ убѣжденіе, что въ многостороннемъ образованіи, подобающемъ царствующему лицу, военныя качества должны стоять на первомъ планѣ. Поэтому его волей было, чтобы наследникъ не оставался чуждымъ лагерныхъ и военныхъ трудовъ и лишеній: постель его была жестка, пища проста, отдохновеніе его заключалось въ военныхъ играхъ, его организмъ укрѣпляли всевозможными тѣлесными упражненіями. Начальству онъ долженъ былъ оказывать военныя почести и повиновеніе, и въ случаяхъ нарушенія этой обязанности, самъ государь взымалъ вину съ великаго князя строгимъ наказаніемъ. Между тѣмъ, какъ императоръ таиннымъ образомъ подготовлялъ въ сынѣ будущаго военнаго правителя, императрица заботилась о развитіи въ немъ чисто-человѣческой стороны — собственно ума и сердца,

и во всемъ государствѣ едва-ли бы нашелся другой человекъ, болѣе подходящій къ этой цѣли по своей глубокой, дѣтски-безхитростной душѣ, чѣмъ именно Жуковскій. Онъ не могъ назваться ученымъ по какой-нибудь специальности, онъ не могъ бы преподавать курса ни одной науки въ особенности, но онъ былъ поэтъ, самый чистый, благородный пэзъ людей, все существо его дышало человѣчностью въ ея высшей прелести, онъ былъ вполне отрѣшонъ отъ того мелочнаго честолюбія, которое такъ часто душитъ внутреннюю жизнь, особенно при дворахъ. Ему стояло большого труда и усилій надъ собою свѣгнуться съ назначенной ему задачей, примѣниться къ различнымъ методамъ, которыхъ держались подчиненные ему преподаватели; вмѣшательство его въ ихъ занятія даже нерѣдко было скорѣе помѣхой, нежели пособіемъ, возрѣнія его иногда отзвучивались нѣкоторою фантастичностью; но личное его вліяніе на воспитанника было слишкомъ благотѣльно, слишкомъ велико, чтобы не покрыть эти маленькія погрѣшности. Съ самаго рожденія наследника, Жуковскій былъ предназначенъ къ занимаемой имъ теперь должности, къ которой онъ приготавлился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отчасти путешествіями за границею, отчасти тщательными наблюденіями за малюткой, своимъ будущимъ воспитанникомъ. Вступивъ уже официально въ свою должность, Жуковскій выбралъ подвѣдомственныхъ ему преподавателей между членами одного учебнаго учрежденія, процвѣтавшаго въ то время въ Петербургѣ подъ руководствомъ реформатскаго проповѣдника, Іоганна фон-Муральта, друга и ученика Песталоцци, и государыня, глубоко уважающая имя знаменитаго педагога, такъ часто слышанное ея отъ матери, съ полнымъ довѣріемъ подтвердила этотъ выборъ. Наследникъ не былъ разлученъ съ родительскимъ домомъ, какъ нѣкогда оба младшіе сына императора Павла, а продолжалъ развиваться подъ глазами отца и матери. Кромѣ того ему были даны два товарища, которые раздѣляли съ нимъ его жизнь и занятія. Ихъ съ умысломъ выбрали различныхъ національностей и характеровъ, чтобы устранить всякое однообразіе и односторонность. Жители столицы съ любопытствомъ видѣли, какъ наследникъ и его товарищи, въ сопровожденіи полковника Мердера, каждый день пѣшкомъ гуляли по городу, направляя свои прогулки во всѣ части его, какъ будто съ цѣлію топографическаго изученія его. Ни дождь, ни морозъ ихъ не удерживали; за то и балы и общественныя удовольствія никогда не нарушали заведеннаго порядка. Сыновья и дочери императора Павла провели дѣтство свое, строго отдѣленные другъ отъ друга; Александра Ѳеодоровна, напротивъ, въ собственномъ дѣт-

ствѣ приученная къ тѣсной семейной жизни, неизмѣнно старалась соединять около себя всѣхъ своихъ дѣтей и одушевлять ихъ однимъ духомъ любви и согласія. Каждый вечеръ, прежде нежели приступить къ исполненію своихъ общественныхъ обязанностей, она дарила часть дѣтскому міру. Въ романовской портретной галерей есть картина, произведеніе мастерской кисти, на которой покойная императрица представлена играющей съ двумя старшими своими дѣтьми. Она одна изъ всѣхъ русскихъ императрицъ изображена, какъ мать, и дѣйствительно именно въ этой сферѣ ея дѣятельность и вліяніе были въ особенности благотворны сравнительно съ дѣятельностію всѣхъ ея предшественницъ. По воскресеньямъ и праздникамъ приглашалось довольно многочисленное общество мальчиковъ изъ лучшихъ фамилій, причемъ наследникъ престола имѣлъ случай ознакомиться со своими сверстниками и тѣмъ духомъ, въ которомъ воспитывались они. Государь и государыня оба въ эти дни принимали дѣятельное участіе въ играхъ веселаго дѣтскаго кружка и добродушно отстраняли все, что могло бы напоминать этикетную натянутость. Они разговаривали свободно и милостиво съ приглашенными мальчиками и ихъ воспитателями, и нерѣдко императоръ Николай, одной наружностію своею часто внушавшій трепетъ, бесѣдовалъ съ Жуковскимъ такъ же фамиллярно, какъ нѣкогда Генрихъ VIII съ Гольбейномъ. Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ въ то время рѣдко можно было слышать звуки русскаго языка, и молодой великій князь находился между своими товарищами точно во Франціи, такъ-какъ бѣольшая часть ихъ воспитывалась дома французскими гувернёрами. Ему самому съ умысломъ былъ данъ въ учителя французскаго языка нѣкто Флорандъ Жилье, незнавшій ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Скоро императоръ убѣдился, что между этими, столь старательно воспитываемыми мальчиками родной языкъ оставался предметомъ почти умышеннаго пренебреженія, и тотчасъ же принялъ мѣры для устраненія этого, по его мнѣнію, ненормальнаго и вреднаго явленія.

Помимо гуманитарнаго образованія, наследнику преподавались и высшія военныя науки, на практикѣ приучали его къ трудамъ военной службы, и въ то же время знакомили съ различными ремеслами, водили по фабрикамъ, заводамъ и другимъ центрамъ гражданской дѣятельности, такимъ образомъ сближая его со всѣми жизненными интересами страны. На дачѣ, въ Царскомъ Селѣ, часы отдохновенія проводились имъ еще иначе. Ему и его двумъ товарищамъ предоставленъ былъ находившійся среди большого пруда цѣлый островокъ, и они не только сами обсадили его де

ревьями и цвѣтами, но еще собственноручно выстроили на немъ домикъ и собственноручно же соорудили всю мѣбель къ нему. Въ позднѣйшее время государь-наслѣдникъ поставилъ въ этомъ домикѣ бюстъ Жуковскаго, въ знакъ благодарной памяти о прекрасной дѣтской порѣ своей жизни. На другомъ мѣстѣ того же сада, мальчиши устроили крѣпость, и раздѣлили цѣлую компанію товарищей на нападающихъ и защитниковъ. Наконецъ, дня нихъ была очищена еще цѣлая часть сада, исключительно для тѣлесныхъ и гимнастическихъ упражненій. Всѣ члены царской фамилии отличались вкусомъ и талантомъ къ рисованію, и это дарованіе разрабатывалось въ великомъ князѣ упомянутымъ уже художникомъ Зауервейдомъ, давно уже причисленнымъ къ личнымъ домашнимъ друзьямъ императора. Музыку государь-наслѣдникъ тоже любилъ, и занимался ею на сколько ему это дозволяли болѣе серьезныя занятія. Но этому искусству, по правамъ большей легкости и преимущественно изящнаго направленія женскаго воспитанія, сестры его могли посвятить больше времени и старанія. Всѣ три великія княжны обнаруживали значительный музыкальный талантъ, и въ послѣдующіе годы прибавляли большую прелесть къ семейнымъ вечернимъ собраніямъ исполненіемъ лучшихъ произведеній германскихъ великихъ мастеровъ, съ аккомпаниментомъ лучшихъ артистовъ и дилеттантовъ, между которыми первое мѣсто занималъ графъ Вильгорскій своею художническою игрою на виолончели.

Воспитаніе великихъ княженъ было поручено надзору графини Барановой, дочери графини Адлербергъ, избранной въ начальницы Смольнаго монастыря. Имъ не были даны постоянныя подруги, которыя бы раздѣляли ихъ занятія и игры, какъ товарищи наслѣдника дѣлили его жизнь, потому что онѣ болѣе его имѣли возможность проводить большую часть своихъ дней вмѣстѣ съ матерью, которая всѣ заботы свои подавала въ томъ, чтобы сблизить съ собою дочерей такими тѣсными узами, чтобы никогда ничто постороннее не могло стать между ними и ею. При всемъ томъ нѣжная любовь родителей и для нихъ не переходила въ неумѣстное баловство; онѣ, напротивъ, содержались въ почти военной простотѣ и строгости обстановки. Жилыща ихъ были просты и лишены всякой царственной роскоши, которой онѣ не нашли бы впоследствии въ Германіи, куда, какъ по всѣмъ вѣроятностямъ можно было предвидѣть, ихъ могло переселить замужество. Подобно государю-наслѣднику, онѣ во всякое время года гуляли на вольномъ воздухѣ, столъ ихъ строго подвергался цензурѣ медика. Занятія ихъ начинались въ 8 час. утра, а въ 10 ч. вся семья, и самъ государь во главѣ ея, собиралась въ ка-

бинетъ государыни къ завтраку; иногда, впрочемъ, дѣла лишали государя этого часа семейнаго отдыха, и дѣти ходили здороваться къ нему въ кабинетъ. «Государь у своего письменнаго стола—говаривала въ этихъ случаяхъ великая княжна Александра Николаевна—совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ нашъ папа, когда онъ приходитъ къ матери въ кабинетъ. Тамъ онъ сидитъ закрытый въ бумаги, съ мрачнымъ лицомъ, министры окружаютъ его стоя, въ тревожномъ ожиданіи, и онъ всегда такъ долго даже не замѣчаетъ, что мы къ нему вошли; даже страшно подойти къ нему и отвлечь его отъ его размышленій». Дѣйствительно, суровый царь оставался въ дѣловомъ кабинетѣ, когда нѣжный мужъ и счастливый отецъ вступалъ въ семейный кружокъ. Онъ обыкновенно цаловалъ государыню въ лобъ, губы и руку, изъ дѣтей же онъ въ молодые годы по три за разъ поднималъ на свои могучія руки, и раздѣлялъ съ ними радости нестѣсеннаго дѣтства, которыхъ самъ онъ почти никогда не зналъ. Въ этомъ кружкѣ исчезали всѣ мрачныя заботы, въ эти минуты онъ забывалъ тяжесть трудовъ, лежащихъ на немъ, и всегда съ омраченнымъ лицомъ отрывался онъ отъ своихъ, когда ему докладывали о прибытіи кого либо изъ министровъ или флигель-адъютантовъ, но отрывался немедленно, потому что имѣлъ правиломъ никого не заставлять ждать себя; ожидаемымъ же лицамъ онъ давалъ семь минутъ времени свыше назначеннаго часа. Кромѣ этого утренняго часа, дѣти бывали съ родителями еще за обѣденнымъ столомъ, впрочемъ, тогда только, когда за нимъ не бывало никого изъ постороннихъ. Вечера государь тоже любилъ посвящать семьѣ, но дѣла слишкомъ часто отрывали его, и это лишеніе было для него тѣмъ ощутительнѣе, что именно въ кругу семьи онъ находилъ свою главную радость, такъ-какъ въ своемъ образѣ жизни онъ былъ до того строгъ, что для него не существовали мелкія наслажденія застольнаго веселья, игры или даже куренія. Государыня съ своей стороны тоже могла располагать своимъ временемъ далеко не всегда по собственному усмотрѣнію. Подвѣдомственныя ей дѣла, по части благотворительности и воспитанія, отнимали у нея огромную часть каждаго дня, и въ теченіе недѣли ей случалось лично видѣться и переговорить съ большимъ числомъ лицъ, нежели самъ императоръ. Два раза въ недѣлю она постоянно принимала государственныхъ секретарей съ докладами о различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и занималась съ ними нерѣдко до совершеннаго изнеможенія. Первые часы каждаго утра посвящались ею корреспонденціи по этимъ же дѣламъ, которая была такъ обширна, что, кромѣ своего секретаря, она должна была брать въ помощницы еще статс-дамъ и фрей-

ливъ, и при всемъ томъ она, кромѣ семейной переписки, писала еще огромное количество писемъ собственноручно. Съ двѣнадцати часовъ до двухъ былъ назначенъ приемъ самыхъ разнообразныхъ личностей; съ двухъ до четырехъ—государь съ государыней иногда вмѣстѣ катались по городу, чаще же Александра Теодоровна въ эти часы посѣщала институты, а Николай Павловичъ объѣзжалъ городъ по всевозможнымъ направленіямъ, по большей части появляясь именно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали.

Такимъ образомъ установился домашній порядокъ въ семейныхъ царскихъ покояхъ Зимняго дворца; точно такимъ же, въ общихъ чертахъ, удержался онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, только повременамъ прерываясь болѣе или менѣе продолжительными поѣздками и путешествіями, болѣе или менѣе важными семейными и политическими событіями. Первымъ печальнымъ нарушеніемъ мирнаго теченія домашней жизни была кончина вдовствующей императрицы Маріи Теодоровны, послѣдовавшая въ 1827 г., въ самый годъ рожденія великаго князя Константина Николаевича, перваго изъ сыновей Николая Павловича, родившихся уже послѣ его водаренія. По случаю погребальнаго торжества, въ Петербургѣ въ послѣдній разъ видѣли великаго князя Константина Павловича, который, вмѣстѣ съ братьями, пѣшкомъ шелъ за гробомъ царственной покойницы, оставившей такую благодатную о себѣ память, не только въ сердцахъ боготворившей ее семьи, но и всѣхъ русскихъ, которые благоговѣйно чтили ее при жизни, и долго съ теплою любовью поминали по смерти.

Одной изъ наиболѣе тягостныхъ для императрицы обязанностей была необходимость сопровождать государя въ Варшаву для коронаціи. Тревожно прожила она немногіе дни своего пребывания въ завоеванной столицѣ, и хотя государь, всегда съ нѣжной предусмотрительностію отстранявшій отъ нея всякое безпокойство, могущее вредно отозваться на ея потрясенномъ здоровьѣ, и въ этомъ случаѣ по возможности тщательно срывалъ отъ нея, на какой жгучей, вулканической почвѣ они находились, но она вѣрнымъ женскимъ чутьемъ сознавала глухую вражду, охватившую ее какой-то тяжелой, сдавливающей атмосферой. Съ невольнымъ страхомъ и чувствомъ гнетущей тоски прошла она черезъ всѣ обряды коронаціи, за то съ удвоенной радостію повинила немилый городъ тотчасъ послѣ совершенія ихъ, чтобы спѣшить на родину, гдѣ ее нетерпѣливо ожидалъ отецъ, еще не видавшій ее императрицей. Король Фридрихъ-Вильгельмъ нѣсколько лѣтъ уже жилъ въ грустномъ сердечномъ одиночествѣ,

въ своемъ берлинскомъ дворцѣ, неоживляемомъ болѣе веселымъ кружкомъ его дѣтей. Дочери его всѣ уже зажили самостоятельной жизнію: старшая, императрица всероссійская, вполне оправдала пророческія слова о ней матери; вторая была наслѣдной великой герцогиней мекленбург-шверинской; третья — принцессой нидерландскою. Впрочемъ, послѣднія двѣ дочери поочередно почти ежегодно навѣщали прусскую столицу, а изъ сыновей короля двое уже женились: наслѣдникъ на принцессѣ Елисаветѣ баварской, принцъ Карлъ — на принцессѣ Маріи саксен-веймарской. Но давно не переживавъ король Фридрихъ-Вильгельмъ такихъ радостныхъ минутъ, какія должно было принести ему лѣто 1829 г. Нетолько обѣ его младшія дочери одновременно пріѣхали гостить къ нему въ Берлинъ вмѣстѣ съ своими мужьями, нетолько предстояло ему привѣтствовать новую невесту — принцессу Августу, сестру принцессы Маріи саксен-веймарской, избранную его третьимъ сыномъ, принцемъ Вильгельмомъ — его ожидала еще радость, величайшая изъ всѣхъ для него — обнять свою любимицу, старшую дочь, послѣ долгой, болѣе чѣмъ пятилѣтней разлуки, наполненной для нея отчасти грозными и тяжелыми, отчасти отрадными, и во всякомъ случаѣ незабвенными впечатлѣніями, наложившими на нее неизгладимые болѣзненные слѣды. Къ довершенію радости короля, Александру Теодоровну неожиданно для него сопровождали: самъ государь и одиннадцатилѣтній наслѣдникъ, которые, впрочемъ, уже черезъ нѣсколько дней, тотчасъ послѣ свадьбы принца Вильгельма, отпразднованной 11-го іюня, выѣхали обратно въ Варшаву.

«1-го іюля императрица праздновала день своего рожденія; ей исполнилось 31 годъ. Ничто не туманило радости, съ которой былъ встрѣченъ этотъ праздникъ всѣми членами многочисленной семьи, съѣхавшимися на него изъ столь далекихъ странъ. Отецъ, братья, сестры окружали дорогую гостью своей любовью, съ неизсякаемой изобрѣтательностью придумывали для нея все новыя увеселенія, новыя развлечения, и наконецъ въ этотъ день удивили ее празднествомъ, устроеннымъ безъ ея вѣдома и названнымъ, въ честь ея, «празднествомъ Бѣлой Розы». Дѣйствительно, среди блеска своего новаго положенія, она никогда не измѣняла своей страстной любви къ цвѣтамъ, и съ неизмѣннымъ удовольствіемъ любила похвалиться передъ посѣтителями цвѣтами, раскрывшимися зимою въ ея кабинетѣ, подъ собственнымъ ея присмотромъ. Но изъ всѣхъ цвѣтовъ она съ ранней молодости предпочитала бѣлую розу, въ которой она видѣла особенную прелесть, такъ что въ кругу своихъ она и до сихъ поръ была известна подъ ласкательно шутивнымъ названіемъ «*Blanchefleur*».

«Для празднества былъ назначенъ новый потсдамскій дворець, часть котораго была открыта для публики, въ большомъ множествѣ прибывшей изъ Берлина. Главный дворъ былъ устроенъ для турнира; ристалище отгородили отъ помѣщенія, отведеннаго зрителямъ, балюстрадами, увѣшанными алыми съ золотомъ драпировками. самыя же трибуны отдѣлялись сотнями шестовъ, на которыхъ развѣвались значки всевозможныхъ цвѣтовъ, украшенные бѣлыми розами. По самой срединѣ, подъ зеленымъ багдахиномъ, возвышалась трибуна, назначенная для царицы празднества. Приглашенные зрители считались тысячами, но и за оградой еще столпились безчисленные прїѣзжіе изъ столицы, хотя небо весь день грозило дождемъ. Наконецъ, однако, часамъ къ шести, погода прояснилась, и императрица явилась объ руку съ отцомъ, сопровождаемая всѣми принцессами. На ней было бѣлое платье средневѣковаго покроя, съ богатымъ шитьемъ изъ жемчуга и брильянтовъ; у всѣхъ дамъ на головахъ были вѣнки изъ бѣлыхъ розъ. Едва всѣ размѣстились, къ средней трибунѣ подъѣзжаетъ главный герольдъ съ двумя помощниками, и проситъ императрицу разрѣшить въѣздъ въ арену нѣсколькимъ рыцарямъ, которые желаютъ величать ее военными играми. Она даетъ испрашиваемое разрѣшеніе, и съ дворцовой колонады приближается поѣздъ, опережаемый трубаками въ зеленой съ оранжевымъ одеждѣ. Поѣздъ состоялъ изъ десяти отрядовъ, каждый отрядъ изъ знаменосца, двухъ пажей, несущихъ щитъ и оружіе, четырехъ рыцарей и еще нѣсколькихъ оруженосцевъ. Во главѣ каждаго отряда ѣхалъ принцъ крови, шесть принцевъ прусскаго королевскаго дома, принцъ Фридрихъ нидерландскій, герцогъ Карлъ мекленбургскій, герцогъ Вильгельмъ брауншвейг-эльскій, и наслѣдникъ великій герцогъ мекленбургскій. Разнообразіе знаменъ, цвѣтовъ, оружія, блестящая роскошь костюмовъ, принадлежавшихъ къ давно минувшему вѣку, придавали поѣзду средневѣковой видъ, какъ будто онъ былъ вторженіемъ прошлаго въ настоящее. Поѣздъ сперва два раза объѣхалъ арену, затѣмъ остановился передъ трибуной, и герцогъ Карлъ мекленбургскій обратился къ императрицѣ съ слѣдующей рѣчью:

«Привѣтъ тебѣ, высочайшая между царствующихъ жонъ! Цвѣтъ красоты! Солнце счастья! Диво великое привело эту рыцарскую дружину передъ твои взоры: всякому изъ насъ явился на небѣ знакъ, заповѣдавшій насъ волшебной силой—роза, бѣлая какъ источникъ свѣта. Кто узрѣлъ ее, того невозможно влечь въ даль, тотъ не находитъ себѣ покоя, пока не дойдетъ онъ до того очарованнаго замка, гдѣ раскрывается ему тайна розы. Вотъ онъ, желанный замокъ, а всесильная чара—твое око, полное любви,

величія и кротости. Рыцари жаждутъ состязанія въ честь бѣлой розы, но взглядъ розы воспрещаетъ враждебное состязаніе. Поэтому дружина проситъ дозволенія возвеличить праздникъ розы—общую радость—только рыцарскими играми.

Императрица даетъ желаемое дозволеніе и избираетъ двухъ судей, герцога Карла мекленбургскаго и принца Фридриха нидерландскаго, которые остаются передъ трибуной, между тѣмъ какъ арена готовится для игръ. Посреди ея наставляются колонны съ кольцами, мишенями и головами, обвитыми бѣлыми розами. Четыре сына короля открыли состязаніе; сперва они цѣпились копьями въ кольца, сплетенныя изъ бѣлыхъ же розъ, потомъ, въ головы мавровъ, потомъ бросали пиками въ мишени; за прусскими принцами слѣдовали по очереди прочіе принцы, а потомъ уже остальные сорокъ рыцарей.

По окончаніи игръ, вся дружина, какъ и передъ началомъ ихъ, два раза объѣхала арену; каждый съ поклономъ проѣзжалъ передъ императорской трибуной, и наконецъ они сошли съ коней, чтобы проводить царицу праздника во дворецъ, куда уже съезжало всѣхъ отдаленное хоровое пѣніе. Этимъ первымъ отдѣленіемъ праздникъ кончалось для публики; второе его отдѣленіе происходило уже въ залахъ дворца. Оно заключалось въ рядѣ туманныхъ картинъ, смѣняющихся въ волшебномъ зеркалѣ. Зала освѣщалась только матовымъ полусвѣтомъ, исходящимъ отъ прозрачной гирлянды изъ бѣлыхъ розъ, протянутой вдоль верхней галлерей. Всю сцену занимало одно только волшебное зеркало. Оно было темное, и только рама его свѣтилась, и на ней красовались богатыя арабески изъ бѣлыхъ розъ и воздушныхъ геніевъ. Темное зеркало должно было получить свѣтъ и жизнь только когда глядѣла въ него императрица, одушевляя его своимъ взоромъ, и тогда въ немъ пробуждались картины, олицетворяющія лучшія, задушевные воспоминанія изъ жизни ея. Картины исполнялись придворной драматической труппой, и были устроены такъ, что переходила одна въ другую, переливаясь какъ туманныя явленія сна. Первая картина представляла Берлинъ, мѣсто рожденія императрицы, со всѣми воспоминаніями ея дѣтства и первой молодости; затѣмъ слѣдовали картины жизни ея въ Силезіи, гдѣ она сдѣлала первый шагъ въ области болѣе суровой дѣйствительной жизни; далѣе являлась Москва, рожденіе наследника, первое свиданіе ея съ отцомъ послѣ замужества, наконецъ коронація. Императрица была не только тронута, но глубоко потрясена, тѣмъ болѣе что именно въ этотъ день силы безопасно измѣняли ей. Такъ-какъ всѣ глаза были обращены на зеркало, то никто не замѣтилъ, что взоръ ея увлажнился, и

что слабый организмъ ея не могъ вынести столько радостныхъ впечатлѣній. Въ третьемъ отдѣленіи празднества она участвовала только своимъ присутствіемъ, но уже не сердцемъ, которое она не могла оторвать отъ только что вызванныхъ передъ нею картинъ. Все общество перешло въ залу, убранную въ видѣ грота, гдѣ игралъ оркестръ, скрытый за кустами изъ бѣлыхъ розъ, и танцовали двадцать паръ въ средневѣковыхъ костюмахъ. Этимъ окончилось празднество, самое изящное, какое было дано въ этомъ столѣтіи, словно послѣдній разъ средніе вѣка съ своей романтической обстановкой заглянули въ наше время. Никогда не видали короля болѣе счастливымъ, нежели въ этотъ памятный день; во время турнира онъ расхаживалъ за креслами гостей, весело и шуточно заговаривая то съ одними, то съ другими, и выказывалъ не скрываясь полноту своей отеческой радости.

Уже на третій день послѣ празднества, императрица оставила Потсдамъ, чтобы возвратиться въ Россію. Чѣмъ блаженнѣе были для нея дни, проведенные въ кругу семьи, тѣмъ грустнѣе было разставаніе съ ними.

VII.

Послѣ изображенія, сдѣланнаго съ нѣкоторой подробностью, занятій и порядковъ, установленныхъ императрицей въ тѣсно домашнемъ кругу ея дѣятельности, неумѣстно было бы умолчать и о болѣе обширныхъ общественныхъ ея сношеніяхъ, а слѣдовательно и о лицахъ, съ которыми она приходила въ наиболѣе близкое и частое прикосновеніе. Лица эти каждому извѣстны, какъ государственные и дипломатическіе дѣятели, но здѣсь они упоминаются только какъ члены избраннаго общества, допущеннаго въ болѣе или менѣе интимный вечерній кружокъ императрицы, и такимъ образомъ составляющаго какъ-бы ея личную обстановку.

Изъ людей, пережившихъ императора Александра и нѣкогда почтенныхъ его довѣріемъ или дружбою, всѣ почти, за исключеніемъ ненавистнаго Россіи графа Аракчеева, который удалился изъ столицы въ самомъ началѣ новаго царствованія, пользовались расположеніемъ Николая Павловича и доступомъ не только въ его дѣловую кабинетъ, но и въ пріемную государыни. Изъ нихъ ввязъ Петръ Волконскій находился въ самыхъ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ царской фамиліей, въ силу занимаемой имъ только что учрежденной должности министра двора. Онъ отличался изумительной дѣятельностью и большой добро-

совѣстностью въ управленіи громаднымъ и переполненнымъ всякими злоупотребленіями вѣдомствомъ, ввѣреннымъ ему, что приобрѣло ему названіе «каменнаго князя» — prince de pierre, но вѣстѣ съ тѣмъ и неограниченное царское довѣріе. Самъ онъ почти безъ отдыха занимался дѣлами, вслѣдствіе чего усвоилъ себѣ нѣсколько сухой и лаконическій тонъ, придававшій не совсѣмъ пріятную рѣзкость его обращенію; за то дѣти его получили самое изящное, многостороннее образованіе, и въ особенности сынъ его Григорій отличался гуманностью и блестящими талантами. Другимъ домашнимъ другомъ царской фамиліи, былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, тоже одинъ изъ приближенныхъ императора Александра, поступившій ко двору еще при Екатеринѣ, и вывешій изъ своего долготѣннаго пребыванія при немъ неисчерпаемый запасъ опытности и житейской мудрости, которыми онъ охотно дѣлился съ новичками, добродушно совѣтуя имъ, между прочимъ, съ особенной, свойственной ему лукавой улыбкой, «сидитесь заблаговременно, пока оказывается еще свободный стулъ». Онъ во всякое время и безъ доклада пользовался доступомъ въ царскіе покои, и въ отсутствіи императора считался опекуномъ царскихъ дѣтей, ежедневно ихъ навѣщалъ, обѣдывалъ съ ними и нерѣдко по вечерамъ присутствовалъ при играхъ ихъ. Звѣздами первой величины еще были въ началѣ этого царствованія князь Кочубей и безконечно всѣми уважаемый Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, впоследствии графъ. Имя графа въ особенности сіяло самымъ чистымъ, непорочнымъ блескомъ. Онъ переживалъ послѣднюю, самую свѣтлую полосу своей труженической, много испытанной жизни. Послѣдніе годы царствованія Александра онъ провелъ въ уединеніи и тишинѣ, но съ воцареніемъ Николая снова началась для него пора полезнаго труда на пользу чело-вѣчества и родины—пора, уже незатмѣваемая ненавистью, которая лишила его нѣкогда возможности привести въ исполненіе свои широкіе, благотѣльные замыслы, несмотря на восторженное сочувствіе имъ самаго императора Александра, его друга и сподвижника, и ввергла его въ мучительную праздность, болѣе тяжелую для него, нежели даже далекое, почти десятилѣтнее изгнаніе. Теперь же злостныхъ завистниковъ давно не стало, и Сперанскій снова занялъ свое мѣсто близъ престола, какъ другъ и совѣтникъ государя. Бѣлые какъ серебро волосы украшали прекрасное лицо старца, въ чертахъ котораго сказывался скорѣе апостоль гуманнаго просвѣщенія, нежели сухой, строгій государственныи чело-вѣкъ. Его высокочтимое имя громко звучало во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ частяхъ имперіи; онъ давно искупилъ страданіями слишкомъ быстрое свое возвышеніе, и те-

перь осталась одна живая память о его заслугахъ. Его наружность и приемы въ обществѣ отличались протостью и скромностью, разговоръ его былъ богатъ внутреннимъ содержаніемъ, хотя и не особенно оживленный; несмотря на самое изящное свѣтское обращеніе, онъ никогда не оставлялъ впечатлѣнія придворной приторности.

Между людьми, возникшими подъ сѣнью новаго правительства и сдѣлавшимися его надежными опорами, а вмѣстѣ съ тѣмъ внешними богатымъ человѣчный элементъ въ придворный и высшій общественный кругъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ графу Нессельроду, министру иностранныхъ дѣлъ. Въ качествахъ, составляющихъ славу государственнаго человѣка, этотъ великій дипломатъ не уступалъ своимъ современникамъ — Талейрану, Меттерниху, Поццо-ди-Борго, но къ этимъ качествамъ онъ присоединялъ еще особую, своеобразную жизненную философію, какое-то свѣтлое пониманіе тѣхъ прекрасныхъ сторонъ, которыми, при всемъ горѣ, всей борьбѣ, наполняющихъ ее, жизнь все же такъ богата, и это своеобразное воззрѣніе, которому онъ никогда не пзмѣнялъ въ своемъ частномъ быту и частныхъ сношеніяхъ съ людьми, ставя его личность внѣ и выше всякихъ придворныхъ интригъ, придавало ей поразительную самостоятельность и въ то же время нѣчто примиряющее, укрощающее. Домъ его былъ, до послѣдняго угла, образцомъ благоустройства и изящества; въ немъ было все, что можетъ возвысить благороднѣйшіе инстинкты жизни: ученый тутъ находилъ богатую избранную бібліотеку, художникъ — лучшія произведенія первыхъ мастеровъ, музыкантъ — превосходнѣйшіе инструменты и развитыхъ, полныхъ участія слушателей и цѣнителей. Неудивительно, если графъ вскорѣ сдѣлался душой вечерняго кружка государыни, царавнѣ съ графами Вильгорскими; изъ которыхъ старшій, Михайлъ, тогдашній музыкальный оракулъ Россіи, былъ ею особенно цѣнимъ, доставляя ей своей чудной игрой на виолончели одно изъ самыхъ любимыхъ ея наслажденій.

Графъ Бенкендорфъ, министръ полиціи, и графъ Панинъ, сынъ знаменитаго генерал-губернатора временъ Павла I, тоже считались въ Зимнемъ дворцѣ домашними, «своими»; частыми посѣтителями являлись туда и князь Меншиковъ, съ своимъ неизскаемымъ юморомъ и остроуміемъ, и графъ Канкринъ — русскій Кольбертъ, какъ его въ то время называли -- съ своей безпощадной, почти до грубости доходящей откровенностью и своей нѣмецкой трубкой, которой онъ сумѣлъ завоевать право гражданства даже въ самомъ дворцѣ. Императрица часто и съ удоволь-

ствіемъ слушала его бесѣду, рѣзкую и невязщную, но вѣскую мыслями и званіями, и во всякомъ случаѣ представлявшую разительный контрастъ съ стереотипными придворными формами рѣчи, или полнѣйшею безъинтересностью разговоровъ, которые ей приходилось вести въ приемные дни съ лицами, иногда весьма достойными, но лишенными всякой образованности; такъ, напримеръ, одинъ, впрочемъ, весьма заслуженный, господинъ, которому государыня показывала находящуюся въ ея кабинетѣ картину Доминичино, св. Іоанна, хладнобровно замѣтилъ: «Прекрасная картина, но сходство съ вашимъ величествомъ не вполне удовлетворительно».

Въ совершенно исключительныхъ отношеніяхъ ко двору стояли графъ и графиня Бобринскіе, въ особенности послѣдняя. Графиня, урожденная Самойлова, была фрейлиной при императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, и пользуясь постоянною близостью къ ней, сдѣлалась одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени. Молодая императрица находила въ ея натурѣ полный отвѣтъ на всѣ лучшія струны своей собственной души, сошлась съ нею интимно, и между ними свѣтскія и этикетныя отношенія въ скоромъ времени уступили мѣсто искренней душевной дружбѣ. Графиня являлась къ государынѣ въ кабинетъ такъ же часто, какъ государыня къ ней въ домъ. Забредетъ ли горе, или тоска въ сердце государыни, она спѣшила къ графинѣ, за то и каждой семейной или личной радостью дѣлилась съ этимъ дорогимъ, рѣдкимъ другомъ. Когда болѣзнь, занятія или другія обстоятельства нѣсколько времени мѣшали имъ видѣться, онѣ вознаграждали себя за разлуку дружеской перепиской. Собственно же при дворѣ графиня показывалась очень рѣдко, и немного чаще бывала и въ обществѣ: большую часть времени ея поглощала домашняя дѣятельность и воспитаніе ея трехъ сыновей. Точно также и мужъ ея, графъ Бобринскій, былъ исключительнымъ явленіемъ между людьми его званія и состоянія. Совершенно чуждый честолюбія, онъ являлся ко двору, не имѣя никакой служебной должности, за то въ области промышленности занималъ видное и полезное для государства мѣсто. Онъ рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ, для постройки первой русской желѣзной дороги—царскосельской; изъ его сахарныхъ заводовъ выходила девятая часть всего потребляющагося въ Россіи сахара. Эти занятія, отрѣшенность отъ придворной и даже государственной службы, и постоянныя сношенія съ мыслящей Европой, придали графу необыкновенную самостоятельность и независимость характера, такъ что онъ не задумывался въ вечерней бесѣдѣ отстаивать свои убѣжденія противъ самаго государя съ такимъ упор-

ствомъ и увѣренностью, что Николай Павловичъ, рѣдко въ чемъ соглашавшійся съ нимъ, столь же рѣдко и спорилъ съ нимъ.

Представители русской дипломатіи тоже въ эту пору составляли одинъ изъ элементовъ общественной жизни Зимняго дворца, когда они бывали въ столицѣ. Замѣчательно, что почти ни одинъ изъ нашихъ дипломатовъ того времени не былъ рожденнымъ русскимъ. Начиная съ графа Нессельрода, принадлежавшаго къ старинному нѣмецкому роду, они всѣ почти были иностраннаго происхожденія; нѣкоторые изъ нашихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, даже не знали ни слова порусски: такъ, напримѣръ, въ Парижѣ герцогъ Ришельё, за королевскимъ столомъ, нерѣдко заговаривалъ съ своими сосѣдами порусски, чтобы не быть поняту русскимъ посланникомъ, графомъ Поццо-ди-Борго. Императоръ, хотя вообще очень заботился о сохраненіи національнаго элемента и распространеніи русскаго языка въ обществѣ, относился къ своимъ дипломатическимъ агентамъ съ совершенно другой точки зрѣнія, и говорилъ, что знаніе русской литературы вовсе не есть одно изъ главныхъ условій, требующихся для удачныхъ переговоровъ съ иностранными державами. За то другими качествами ловкаго дипломата, лица, избираемаго Николаемъ Павловичемъ, обладали въ высокой степени, чему, между прочимъ, служить примѣромъ только что упомянутый графъ Поццо-ди-Борго. Урожденный корсиканецъ, адвокатъ по профессіи, онъ, въ началѣ французской революціи, засѣдалъ въ національномъ собраніи, какъ представитель своего отечества. Политическія убѣжденія его, при различныхъ фазисахъ исполнскаго переворота, много разъ подвергались измѣненіямъ; неизбежной осталась въ немъ одна только ненависть къ Наполеону, и это чувство вкоренилось въ душѣ его со всею цѣлостью и упорствомъ корсиканской *vendetta*. Съ 1798 г. онъ переходилъ изъ австрійской въ англійскую службу, изъ англійской въ русскую, равно преданный всякому правительству, лишь бы оно ненавидѣло и преслѣдовало Бонапарте. Послѣ ватерлоскаго сраженія, онъ съ мрачной радостью говорилъ: «Если я не былъ на столько счастливъ, чтобы повалить его самъ своими силами, то, по крайней-мѣрѣ, я бросаю послѣднюю горсть земли на его могилу». Не имѣя въ сущности отечества, не имѣя ни семьи, ни частныхъ интересовъ, этотъ человѣкъ напоминаетъ грозныхъ легатовъ среднихъ вѣковъ, о которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что они были самыми меткими, вѣрными орудіями въ рукахъ папъ. На евронеискую государственную систему онъ смотрѣлъ не какъ на организмъ, а какъ на машину, существующую для того, чтобы служить видамъ одного верхов-

наго правителя. Государство для него было мертвой величиною, и конечно, если бы оно въ дѣйствительности было таково, то никто лучше Поццо-ди-Борго не сумѣлъ бы рассчитать его силы и управлять ими. Онъ былъ совершеннѣйшимъ образцомъ покорнаго и умнаго слуги абсолютнаго властителя. Домъ его въ Парижѣ превышалъ всѣ другіе русскіе посланническіе дома блескомъ и великолѣпнымъ неограниченнымъ гостепріимствомъ, которое графъ оказывалъ безразлично лицамъ всѣхъ націй и партій. Это давало ему возможность основательно изучить всѣ отгѣнки общества и снискать довѣріе многихъ лицъ, обыкновенно избѣгающихъ дома дипломатовъ. Дешени его — мастерскія произведенія по формѣ и содержанію, по глубинѣ его воззрѣній и пониманія, по полнотѣ его кругозора, по краткости и ясности изложенія. Всѣхъ дипломатовъ, сформировавшихся въ школѣ Поццо-ди-Борго, легко было узнать по необыкновенной изящности ихъ свѣтскаго обращенія, но въ то же время непроницаемой замкнутости во всякомъ политическомъ разговорѣ, въ веденіи же дѣлъ — по рѣдкой, граничащей съ педантизмомъ добросовѣстности. Не менѣе замѣчательнымъ дипломатомъ, хотя совершенно иного личнаго закала, былъ генералъ Сухтеленъ, урожденный голландецъ, представитель русскаго двора въ Стокгольмѣ. Поццо-ди-Борго былъ человекъ видный, собою величавый, появленіе котораго, несмотря на античную простоту его приемовъ, неизмѣнно производило глубокое впечатлѣніе. Сухтеленъ, напротивъ того, былъ маленькій, худенькій, невзрачный старичокъ, постоянно нѣсколько согнутый напередъ, словно отъ избытка вѣжливости. Вѣрный русскимъ придворнымъ преданіямъ екатерининскихъ временъ, онъ въ публикѣ показывался не иначе, какъ въ каретѣ, запряженной шестернею — и это въ такомъ городѣ, гдѣ министры по большей части ходятъ пѣшкомъ — и любезнымъ раскланиваніемъ располагалъ къ себѣ массу публики. Домъ его былъ настоящимъ музеемъ, по множеству хранившихся въ немъ произведеній искусствъ. У него бывали королевская фамилія, весь дипломатическій корпусъ, все высшее стокгольмское общество — аристократія, литераторы, художники, и онъ сумѣлъ утвердить за собою многостороннее и прочное вліяніе не только при самомъ дворѣ, но и во всемъ обществѣ столицы, въ которой онъ находился представителемъ Россіи. Рибопьерръ въ Берлинѣ, князь Ливень въ Лондонѣ, баронъ Николай въ Копенгагенѣ, не съ меньшимъ умѣніемъ поддерживали блескъ русскаго имени.

Женскій списокъ непосредственно окружавшаго императрицу придворнаго штата не могъ похвастать столькими же замѣчательными именами, какъ мужская половина двора. Причиной

тому, между прочимъ, легко могло быть частое замѣненіе лицъ, состоявшихъ при особѣ государыни, новыми, и слѣдующая изъ того измѣчивость ея женскаго штата. Рѣдко проходилъ годъ или два, чтобы которая нибудь изъ ея фрейлинъ не вышла замужъ, нерѣдко удаляясь при этомъ на неопредѣленное время или даже навсегда, не только отъ двора, но и изъ самой столицы. Впрочемъ, въ 1834 г. около нея установился небольшой кружокъ приближенныхъ дамъ, который соотвѣтствовать ея желаніямъ и вкусамъ, и долгое время оставался неизмѣненнымъ. Первой изъ этого избраннаго кружка была графиня Елатерина Тизенгаузенъ, которая, вступивъ въ службу императрицы въ качествѣ статс-дамы, занимала это мѣсто до самой своей смерти и не переставала во все это время пользоваться ея довѣріемъ и расположеніемъ. Государыня находила въ ней много общаго съ собой, какъ по одинаковому возрасту, такъ и потому, что графиня, при многостороннихъ званіяхъ, пріобрѣтенныхъ ею во время долгихъ путешествій, отличалась скромностью, дѣлавшей ее не слишкомъ блистательнымъ членомъ многочисленнаго общества, но неопытенной собесѣдницей *dans l'intimité*. Во время своей долголѣтней службы, эта достойная женщина оказалась незамѣнимымъ другомъ для слабой, хворой государыни: въ болѣзни ли, въ дорогѣ ли, она съ одинаковой преданностью ухаживала за нею, одинаково умѣла развлекать, покоить ее, раздѣлять съ нею и легкую и тяжелую сторону жизни; нельзя не вспомнить ее и тѣмъ, что она всегда послышно облегчала доступъ къ государынѣ лицамъ, нуждающимся въ царской милости. Сестра графини была замужемъ за австрійскимъ посланникомъ, графомъ Фикельмономъ, занимавшимъ первое мѣсто между членами иностраннаго дипломатическаго корпуса. Около того же времени въ упомянутый избранный кружокъ была допущена молодая дѣвушка, которая до самой смерти Александры Θεодоровны оставалась одною изъ ея любимицъ, Полина Бартенева, которая сперва обратила на себя ея вниманіе своимъ дивнымъ голосомъ и замѣчательнымъ талантомъ, но впоследствии пріобрѣла ея полное расположеніе многими прекрасными, истинно-женственными душевными качествами. Въ 1834 г. одною изъ самыхъ частыхъ посѣтительницъ дворца и лучшей красой интимныхъ вечернихъ собраній была княгиня Ливенъ. «По мѣсту, занимаемому ею въ обществѣ и личнымъ умственнымъ достоинствомъ, княгиня стояла неизмѣримо выше Бартеневой и даже графини Тизенгаузенъ, такъ-какъ она, въ качествѣ жены русскаго посланника въ Лондонѣ, цѣлыхъ тридцать лѣтъ находилась въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ со всей европейской дипломатіей, и, первая

изъ женщинъ того времени, была обязана своему перу и краснорѣчю значительнымъ личнымъ вліаніемъ и громкимъ именемъ. Княгиня по уму и положенію въ свѣтѣ не имѣла себѣ равной между всѣми приближенными императрицы, вслѣдствіе чего могла относиться къ послѣдней съ значительной самостоятельностью; казалось, она хотѣла занять при дворѣ мѣсто первой княгини Ливень—ея свекрови, о которой говорили, что она никогда не имѣла врага и никогда не терала друга. Хотя личность ея имѣла весьма мало общаго со старой княгиней, она пользовалась такимъ же какъ и она почетомъ, и даже появленіе ея въ обществѣ и при дворѣ сопровождалось болѣе громкой славой. Но княгиня не имѣла въ жилахъ своихъ ни одной капли русской крови и слишкомъ долго безвыѣздно жила за границей, вслѣдствіе чего новая для нея петербургская атмосфера не пришлась ей по душѣ, какъ лондонская, или парижская, ея либеральныя воззрѣнія не цѣнились здѣсь такъ, какъ за границей, и даже то общество, которое ближе къ ней привасалось, не вполне отдавало ей почести, въ какомъ она привыкла въ остальной Европѣ. Бесѣда ея вращалась почти исключительно на политикѣ, въ Петербургѣ же она на этой почвѣ не находила столь горячихъ приверженцевъ или противниковъ, какъ прежде въ Лондонѣ и впоследствии въ Парижѣ. Столичное общество, казалось, не вполне ее понимало, и прозвало домъ ея политической биржей. Поэтому она чаще нежели въ частныхъ домахъ являлась при дворѣ, гдѣ и заняла мѣсто, еще болѣе значительное, нежели какое занималъ мужъ ея. Бесѣда княгини была крайне интересна: она преимущественно распространялась на внутреннее общественное положеніе Англии и Франціи, на тайныя пружины, побуждающія дѣйствія различныхъ кабинетовъ, на ходъ текущихъ событій и раздѣленіе ролей въ нихъ; едва-ли бы любой дипломатъ могъ поспорить съ нею познаніями и умѣніемъ владѣть перомъ и словомъ. Бесѣда ея имѣла особую цѣну для мыслителей, дипломатовъ, въ особенности для политиковъ, которые внимали ей, какъ нѣкогда царь Нума внималъ Эгерію. Для женщинъ, правда, ея разговоры были немного тягостны, потому что при всемъ остроуміи, въ нихъ не было ничего задушевнаго, и притомъ они до извѣстной степени отзывались желаніемъ блеснуть, которое многихъ отталкивало. Императрица во всякое время съ участіемъ слѣдила за современной политикой, но то было чисто-человѣчное участіе, данъ гуманности. Княгиня обнимала все настоящее взоромъ обширнымъ и твердымъ, но лишеннымъ всякой исторической глубины, тогда какъ государыня, хотя бы издали, но постоянно слѣдила за всѣми историческими изслѣдованіями. Она съ живѣйшимъ интересомъ читала зачатку Валленштейна

Форстера, описаніе жизни королевы Елисаветы и Маріи Стюартъ, Раумера, она даже непременно хотѣла основательно узнать, какія именно заслуги оказала Нибуръ относительно римской исторіи. Новѣйшія историческія произведенія французской литературы не оставались ей чуждыми, и она имѣла громадныя познанія по части генеалогическихъ связей, существующихъ между правящими домами Германіи и Европы. Такимъ образомъ, внутреннее я этихъ двухъ женщинъ было совершенно различно; но общая имъ обѣимъ истинная женственность, также какъ полная достоинства кротость, которая придаетъ особую прелесть женщинамъ, перешедшимъ за-пору молодости, одинаково ихъ отличала. Второстепенная роль была для княгини немислима, и она, во время отсутствія царской фамиліи, нѣкоторымъ образомъ замѣняла ее, подобно князю Голицыну, исполняя впрочемъ эту роль съ большей энергіей, нежели послѣдній. При всемъ томъ, какъ ни высоко стояла княгиня своимъ умомъ, но при болѣе продолжительныхъ сношеніяхъ съ ней, нельзя было не пожалѣть объ упомянутой уже односторонности, въ которую она вдавалась, избѣгая всякихъ бесѣдъ, кромѣ политическихъ — по всей вѣроятности вслѣдствіе ея долгаго, исключительнаго участія въ дипломатическихъ дѣлахъ, потому что, отъ природы, она была одарена богаче многихъ другихъ, и въ пору ея молодости и красоты, столько же славилась своимъ музыкальнымъ талантомъ, какъ вполнѣдствіи краснорѣчіемъ. Княгиня пробыла въ Петербургѣ всего одинъ годъ, и оставила его съ безутѣшнымъ горемъ въ сердцѣ, не только лишившись мужа, скончавшагося въ Римѣ во время ея пребыванія на сѣверѣ, но еще скоротивъ двухъ сплывей въ Петербургѣ, котораго она послѣ этого уже не видала болѣе». Въ 1833 г. императрица познакомилась съ молодой баронессой Крюденеръ, славившейся въ Баваріи, ея отечествѣ, красотой и умомъ. Она въ равной степени обратила на себя благосклонное вниманіе государя и государыни, которые оба искренно желали удержатъ ее въ Петербургѣ. Но исполнить это желаніе на этотъ разъ не оказалось возможнымъ, потому что баронесса пріѣхала только на время погостить къ брату своему, баварскому посланнику. За то, когда два года спустя, случай снова свелъ баронессу съ царской фамиліей въ Прагѣ, Николай Павловичъ позаботился устроить дѣло такъ, чтобъ государыня уже не лишалась общества этой милой, образованной женщины, къ которой она душевно привязалась. Мужъ ея, до тѣхъ поръ занимавшій скромную должность секретаря при русскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ, былъ произведенъ въ камергеры и члены совѣта министерства, и поставленъ въ такое положе-

ніе, которое дало ему возможность содержать домъ свой на равной ногѣ съ первыми столичными домами. Съ этой поры баронесса пользовалась постояннымъ доступомъ, какъ другъ, къ государынѣ, и находилась при ней около восьми лѣтъ почти безотлучно. Сынъ ея, ровесникъ великому князю Константину, сдѣлался его постояннымъ товарищемъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ раздѣлялъ жизнь его, какъ на кораблѣ, такъ и во дворцѣ.

Одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ приобрѣтеній было сдѣлано столицей и дворомъ въ 1830 г. въ лицѣ знаменитой пѣвицы Генриетты Зонтагъ. Балованная любимица западнаго артистическаго міра не побоялась, подобно чудаку Паганини, «простудиться» на берегахъ Невы. Прибытіе ея обѣщало петербургской публикѣ, тогда еще неизвѣстной причинѣ хвастаться составомъ своей итальянской оперы, зиму, богатую высокими и еще неизвѣданными наслажденіями, хотя великая артистка не намѣревалась являться на оперной сценѣ, а думала ограничиться одними концертами. Два раза, впрочемъ, отступала она отъ этого намѣренія, уступая просьбамъ царской фамиліи, которая пожелала полюбоваться ея игрой въ двухъ россиіевскихъ операхъ, *Севильскомъ цирюльникѣ* и *Отелло*, въ которыхъ она славилась, какъ неподражаемая Розина и Дездемона. Для этого съ возможной скоростью былъ устроенъ въ Царскомъ Селѣ театръ и созваны туда лучшіе члены итальянской оперы. Приемъ, оказанный пѣвицѣ на этихъ блестящихъ представленіяхъ, при которыхъ, кромѣ царской фамиліи, присутствовалъ одинъ только дворъ, былъ слишкомъ восторженъ и радушенъ, чтобы не внушить ей желаніе поселиться въ столь гостепріимно привѣтствовавшей ее сѣверной столицѣ, что, однако, ей удалось исполнить только нѣсколько лѣтъ спустя, и то ненадолго. Императрица отнеслась къ великой артисткѣ болѣе чѣмъ съ благоволеніемъ: она дружески расположилась къ ней, полюбила ее душевно, и включила въ число самыхъ дорогихъ гостей на своихъ избранныхъ, интимныхъ вечернихъ собраніяхъ.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

—
—
I.

Двипись изъ Италіи.

— Люблю я эту террасу, сказала мисъ Колонна: — она такъ напоминаетъ мнѣ террасы при итальянскихъ домахъ.

— Поэтому-то я всегда радуюсь, когда весна на столько установится, что позволяетъ намъ выставить апельсиновые деревья, возразилъ лордъ Кастельтауерсъ.

Завтракъ только что кончился и всѣ сидѣвшіе за нимъ вышли на воздухъ черезъ растворенныя стеклянныя двери. Посторонніе гости уже разѣхались, такъ что общество ограничивалось прежнимъ своимъ числомъ.

— Да, замѣтила Олимпія: — эти славныя деревья вмѣстѣ съ вазами изъ *terra-cotta* много способствуютъ къ оптическому обману, пока не обернешься и не взглянешь на домъ.

— Или на окружающій ландшафтъ, прибавилъ Сайенсъ съ улыбкой: — деревья парка имѣютъ чисто-англійскій характеръ, также какъ и архитектура самого дома. Кстати, Кастельтауерсъ, въ какомъ стилѣ онъ построилъ?

— Право, не знаю. Въ елисаветинскомъ, тюдорскомъ, англоготическомъ: я думаю это все одно. А что, мисъ Колонна, не срубить ли мнѣ моихъ бѣдныхъ стариковъ—дубы, и насадить вмѣсто нихъ маслинъ и тополей?

— Да, если вы въ то же время замѣните суррейскіе холмы—сабинскими, и развернете надъ нашими головами покровъ итальянскаго неба.

— Чего бы лучше! Очень бы я желалъ, чтобы это было возможно, сказалъ Кастельтауерсъ, искреннимъ тономъ.

— Я и езь того всегда вижу передъ собою природу и небо моей родины, возразила Олимпія, со вздохомъ:—вотъ и теперь, я какъ будто тамъ.

— Но вѣдь у васъ, итальянцевъ, никогда не бываетъ тоска по родинѣ, замѣтилъ Саксенъ.

— Какъ вы можете говорить это съ такой увѣренностью, мистеръ Трефольденъ? Мнѣ кажется, что бываетъ.

— Нѣтъ, не то. Вы вашу Италію любите; но не страдаете вдали отъ нея такъ, какъ страдаемъ мы вдали отъ нашей родины. Настоящая тоска по родинѣ бываетъ только у однихъ швейцарцевъ, у нихъ она въ крови.

— Никогда вы меня не убѣдите, чтобы вы любили Швейцарію болѣе, нежели мы любимъ Италію.

— Да я-то въ этомъ убѣжденъ, возразилъ Саксенъ:—ваша любовь къ родинѣ, быть можетъ, болѣе разумная страсть, нежели наша. Она неразрывно связана съ вашей дивной исторіей, съ вашей кровной и мѣстной гордостью; но ничто меня не разувѣритъ въ томъ, что мы, швейцарцы, питаемъ болѣе сильное чувство привязанности собственно къ нашей родной почвѣ.

— Собственно къ почвѣ? повторилъ Кастельтауреръ.

— Да; къ землѣ, что подъ нашими ногами, къ горнымъ хребтамъ, что надъ нашими головами. Горы наши такъ же намъ милы, какъ будто онѣ — живыя существа и могутъ платить намъ за нашу любовь любовью же. Онѣ вѣдряются въ нашу внутреннюю жизнь; онѣ чѣмъ-то неуловимымъ вліяютъ на нашу душу, а черезъ душу и на тѣло наше. Онѣ—часть насъ самихъ.

— Говоря переноснымъ языкомъ, замѣтилъ графъ.

— Но дѣйствіе ихъ далеко не принадлежитъ къ области воображенія, возразилъ Саксенъ.

— Въ чемъ же оно заключается?

— Именно въ томъ, о чемъ мы сейчасъ говорили: въ тоскѣ по родинѣ, въ болѣзни, которой мы страдаемъ вдали отъ нея.

— Но это—болѣзнь душевная, сказала Олимпія.

— Извините, это—физическій недугъ.

— Нельзя ли узнать, какъ недугъ этотъ сказывается на больныхъ? недовѣрчиво спросилъ графъ.

— Иные бываютъ скоропостижно сражены, другіе увядаютъ медленно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ болѣзнь происходитъ отъ невъяснимой тоски, отъ которой нѣтъ спасенія нигдѣ, кромѣ Швейцаріи.

— А если больной вашъ почему бы то ни было не можетъ вернуться на родину съ чужой стороны—что тогда?

— Тогда пожалуй что умереть.

Графъ громко засмѣялся.

— А я думаю, что больной пожалуй что преспокойно будетъ себѣ жить, да поживать, сказалъ онъ: — повѣрьте, Трефольденъ,

это принадлежит къ числу тѣхъ хорошенькихъ вымысловъ, въ которые всѣ вѣрятъ, но доказать которыхъ никто не въ состояніи.

— Милый Джервэзъ, сказала леди Кастельтауерсъ, проходя мимо разговаривающаго кружка, возвращаясь съ прогулки:— синьоръ Колонна ждетъ тебя: ему нужно что-то сказать тебѣ.

Колонна стоялъ на другомъ концѣ террасы, облокотившись на балюстраду, и читалъ письмо. Онъ поднялъ глаза, когда подошелъ къ нему графъ, и съ жаромъ проговорилъ:

— Депеша отъ Бальдизеротти! Гарибальди отплылъ изъ Генуи на «Пьемонте», а Биксіо на «Ломбардо». Наконецъ-то обнаженъ мечъ, и ножны отброшены далеко.

Лицо графа вспыхнуло отъ волненія.

— Это важное извѣстіе, сказалъ онъ:— когда вы его получили?

— Въѣстъ съ другими письмами; но чтобы сообщить его вамъ, я выжидалъ отсутствія вашей матери.

— А Воанъ уже знаетъ?

— Нѣтъ еще. Онъ ушелъ въ свою комнату какъ только всталъ изъ-за стола, и я съ тѣхъ поръ его не видалъ.

— Какъ сильна экспедиція?

— Тысяча-шестьдесятъ-семь человѣкъ.

— Не больше?

— Еще готовы много тысячъ, только въ настоящую минуту не имѣются средства къ перевозкѣ ихъ. Это только передовой отрядъ, состоящій изъ испытанныхъ храбрецовъ, по большей части старыхъ *cacciatori*. Но Генуя полна волонтерами, и всѣ они ждутъ-не-дождутся минуты отплытія.

— Десять лѣтъ жизни отдалъ бы я, чтобы быть между ними, съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Кастельтауерсъ.

Итальянецъ съ ласкающимъ движеніемъ положилъ свою руку на руку молодого человѣка.

— *Pazienza, caro!* тихо сказалъ онъ. — Вы и здѣсь приносите много пользы. Пойдемте въ мою комнату. Намъ сегодня много дѣла.

Графъ взглянулъ въ сторону Олимпіи и Савсена, раскрылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но удержался и не всѣмъ охотно послѣдовалъ за своимъ другомъ.

II.

Нарушенное обвѣщаніе.

Надо сознаться, что мисъ Колонна не вполне воспользовалась случаями, представлявшимися ей до сихъ поръ для достиженія ея цѣли. Она не отказалась отъ начатой игры, но послѣ перваго,

смилаго хода, не дѣйствовала такъ наступательно, какъ сдѣлать бы это болѣе увлекающійся игрокъ. Между тѣмъ она твердо положила себѣ сыграть до конца роль, взяту на себя. Она понимала, что это возможно только цѣною ея спокойствія, ея женскаго достоинства; она вполне сознавала и то, что поступает жестоко и несправедливо съ Саксеномъ Трефольденомъ. Но для нея, какъ и для всѣхъ энтузіастовъ, болѣе долгъ заключалъ въ себѣ меньшій, и она считала, что хотя поступать такимъ образомъ для всякой другой цѣли было бы дѣломъ нравственно непозволительнымъ, но въ настоящемъ случаѣ тотъ же поступокъ извиняется и освящается тѣмъ, что онъ совершается ради блага Италіи. Если Олимпія не могла пересилить себя на столько, чтобы безъ внутренней борьбы завлечь пылкое молодое сердце своей избранной жертвы, если она жалѣла объ участи юноши и гнушалась своей собственной, если съ трудомъ рѣшалась ступить на стезю, по которой она обязалась идти—то эти чувства возникали въ ней невольно, вслѣдствіе врожденнаго благородства ея натуры, но вопреки и противно ея понятіямъ о долгѣ, потому что, для нея, долгомъ была Италія; и каждый разъ, какъ между нею и этимъ долгомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, становилось ея нравственное чутье, она жестоко карала себя за такую слабость.

Но извѣстія, принесенныя утренней почтой, привели дѣло къ кризису. Она это прочла въ лицѣ отца, когда онъ, за завтракомъ, черезъ столъ подаль ей полученную депешу, и поняла, что теперь или никогда—минута дѣйствовать рѣшительно. Поэтому, едва увидѣла она себя на террасѣ наединѣ съ Саксеномъ, то, почти не давъ себѣ времени подумать какъ приступить къ дѣлу, безотлагательно принялась за него.

— Я не хочу, чтобы вы думали, что мы любимъ родину менѣе страстно, нежели швейцарцы, мистеръ Трефольденъ, сказала она быстро: — не въ одной тоскѣ по родинѣ сказывается чувство народа, и когда вы насъ лучше узнаете, я увѣрена, вы сами первый въ этомъ сознаетесь. И я до тѣхъ поръ не буду спокойна, пока мнѣ не удастся убѣдить васъ.

— Мнѣ весьма лестно, что вы считаете меня достойнымъ быть предметомъ вашихъ стараній, возразилъ Саксенъ.

— Еще бы! Вѣдь вы—патріотъ и республиканецъ.

— Всѣмъ сердцемъ и душою! отвѣтилъ Саксенъ, съ загорѣвшими глазами.

— У насъ съ вами должно быть много общаго въ чувствахъ и убѣжденіяхъ.

— Нетолько должно быть, но да и есть, и много есть. Любовь къ родинѣ и любовь къ свободѣ—чувства, общія намъ обоимъ.

— То-есть, должны бы быть общими, поправила его Олимпія:— но, увь, между счастьемъ и бѣдствіемъ едва-ли возможно истинное товарищество. Ваше отечество, мистеръ Трефольденъ — счастливѣйшая страна въ Европѣ, мое же—самая жалкая.

— Отъ души желалъ бы я, чтобы было иначе, сказалъ Саксенъ.

— Да—желайте, чтобы участь Италіи измѣнилась; желайте, чтобы не даромъ лились слезы женщинъ и кровь храбрецовъ; чтобы цѣлый народъ не былъ снова затоптанъ въ неволю, по неимѣнію хотя бы незначительной, но своевременной помощи въ минуту великой нужды!

— Чтѣ вы хотите сказать? спросилъ Саксенъ, который невольно заражался ея волненіемъ, самъ хорошенько не зная, какъ и почему.

— Я хочу сказать, что дѣло, которому отецъ мой посвятилъ всю свою жизнь, наконецъ началось. Вамъ извѣстно—всему міру извѣстно—что Сицилія подняла оружіе; но вы еще не знаете, что на сѣверѣ страны ополчаются отряды освободителей.

— На сѣверѣ? Значить, король сардинскій...

— Викторъ-Эммануилъ весьма не прочь воспользоваться жатвою, орошенною нашей кровью, запальчиво перебила его мисъ Колонна:—но въ настоящее время онъ даже не скажетъ намъ: «Богъ помочи!». Нѣгъ, мистеръ Трефольденъ, войско наше состоитъ изъ однихъ волонтеровъ и патриотовъ—изъ молодыхъ, безстрашныхъ, благородныхъ сердецъ, преданныхъ Италіи и свободѣ, и готовыхъ положить жизнь за то, чему они преданы.

Олимпія Колонна была хороша во всякое время, но никогда Саксенъ такъ не былъ пораженъ ея красотою, какъ въ ту минуту, когда она произносила эти слова. Онъ почти не понималъ ихъ смысла, такъ заглядѣлся онъ на дѣвushку въ то время, какъ она говорила. Въ отвѣтъ на нихъ онъ что-то невнятно пробормоталъ, и она продолжала:

— Гарибальди отплылъ въ Палермо въ главѣ передового отряда. Въ Геную безпрестанно прибываютъ волонтеры изъ Венеціи и Милана. Со всѣхъ сторонъ отгрываются подписки — въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Америкѣ. Еще мѣсяцъ, и южная Италія будетъ свободна или закована въ двойныя цѣпи. Покуда же, намъ нужна помощь; помощи этой мы ждемъ отъ каждаго любителя свободы. Вы сами любитель свободы, гражданинъ образцовой республики. Чтѣ вы сдѣлаете для насъ?

— Скажите, чтѣ мнѣ дѣлать, и будетъ сдѣлано, сказалъ Саксенъ.

— Не мнѣ говорить: я, можетъ быть, стала бы просить слишкомъ многого.

— Вы не можете просить болѣе того, чтѣ я готовъ съ радостью исполнить.

Олимпія обратилась къ нему съ своей ослѣпительной улыбкою.

— Берегитесь, сказала она:—смотрите, чтобы я не приняла слова ваши за чистую монету. Помните, что для меня это дѣло болѣе чѣмъ жизнь, и люди, которые записываются въ его ратники, дѣлаются моими братьями.

Увы! куда дѣвались неуязвимость Саксена и память о многократныхъ увѣщаніяхъ его родственника! Куда дѣвались его объщанія, благія намѣренія! Въ эту минуту онъ готовъ былъ схватить ружье, и тутъ же на мѣстѣ стать во фронтъ, чтобы сдѣлать пріятное мисъ Колоннѣ.

— Уэтихъ людей, продолжала она: — нѣтъ ничего, что нужно солдатамъ, кромѣ храбрости. Они всѣ готовы на всякое лишеніе, но все же не могутъ жить безъ пищи, драться безъ оружія, и переноситься съ берега на берегъ безъ средствъ къ перевозкѣ. И такъ, мистеръ Трефольденъ, берегитесь, не предлагайте болѣе того, что вы въ самомъ дѣлѣ готовы дать. Вѣдь я могу спросить васъ, достаточно ли вы любите свободу, чтобы снабдить нѣсколько тысячъ храбрецовъ хлѣбомъ, кораблями и ружьями. Что бы вы на это отвѣтили?

Саксенъ вынулъ изъ бумажника бланковый чекъ, и положилъ его на балюстраду, на которую облокотилась Олимпія. Онъ готовъ былъ среди бѣлаго дня пасть на колѣни, и положить даръ свой къ ея ногамъ, но еще на столько сохранилъ здраваго разсудка, что во время вспомнилъ, до какой степени подобная пантомима сдѣлала бы его смѣшнымъ.

— Вотъ мой отвѣтъ, сказалъ онъ.

Сердце Олимпіи сильно всколыхнулось, чувство торжества яркимъ румянцемъ разлилось по ея лицу. Она отстегнула отъ своей цѣпочки крошечный рейсфедеръ, настоящую золотую игрушку—и торопливо начертила какую-то цифру въ одномъ углу чека.

— Пожертвуете ли вы такой суммою ради Италіи? спросила она задыхающимся шопотомъ.

— Я пожертвую суммою вдвое большею ради *васъ*! страстно возразилъ Саксенъ.

— Ради меня, мистеръ Трефольденъ?

Саксенъ опѣмѣлъ. Его взялъ страхъ, не оскорбилъ ли онъ ее. Онъ дрожалъ при мысли о своей дерзости, и не смѣлъ поднять глазъ къ ея лицу.

Не дождавшись отъ него отвѣта, Олимпія снова заговорила, тихимъ, трепещущимъ голосомъ, отъ котораго потемнѣло бы въ глазахъ у святого.

— Почему же ради меня? почему вамъ жертвовать большею суммою ради меня, нежели моей родины?

— Я... я на все готовъ для васъ, пролепеталъ Саксенъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что я...

Онъ остановился. Ему хотѣлось сказать: «какъ въ томъ, что я васъ люблю», но у него не хватило храбрости произнести эти слова. Но мисъ Колонна такъ же хорошо знала, что у него было на языкѣ, какъ будто онъ договорилъ прерванную фразу.

— Ужь не соскочили ли бы вы въ море, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, подобно Шиллерову «Водолазу»? спросила она, внезапно переходя въ другой тонъ, со смѣхомъ, подобнымъ заливчатому звону нѣсколькихъ серебрянныхъ колокольчиковъ.

— Соскочилъ бы, нп минуты не думая.

— Или не бросились ли бы вы разнимать разъяренныхъ львовъ, подобно графу Делоржу?

— Я ничего не знаю про графа Делоржа; а знаю только одно: что для васъ я пошелъ бы на все, на что можетъ отважиться человекъ съ сердцемъ и мужествомъ ради красавицы, смѣло возразилъ Саксенъ.

— Благодарю васъ, сказала она, и при этихъ словахъ улыбка ея снова сдѣлалась серьезною.—Я думаю, что вы говорите искренно.

— Вполнѣ, клянусь вамъ.

— Вѣрю. Когда-нибудь, быть можетъ, я на дѣлѣ испытаю васъ.

Она протянула ему руку, а онъ — едва сознавая, что онъ дѣлаетъ, но чувствуя, что ему весело было бы идти прямо на батарею, или выпрыгнуть изъ воздушнаго шара, или лечь поперекъ рельсовъ ради нея—онъ поцаловалъ эту руку! Потомъ остался до того подавленнымъ сознаниемъ того, на что рѣшился, что едва замѣтилъ, какъ мисъ Колонна тихо высвободила свою руку и отошла отъ него.

Онъ смотрѣлъ вслѣдъ за нею, когда она сходила съ террасы. Она не оглянулась. Она шла задумчиво и медленно, сложивъ руки и слегка наклонивъ голову; но въ наружности ея и походѣй не выразалось ни раздраженія, ни гнѣва. Когда она прошла въ домъ, Саксенъ глубоко вздохнулъ, съ минуту простоялъ въ нерѣшимости, затѣмъ легко перепрыгнулъ черезъ парапетъ и исчезъ въ чащѣ парка. Голова у него шла кругомъ; около получаса блуждалъ онъ въ чадѣ восторга и радостнаго недоумѣнья — и вдругъ вспомнилъ, что онъ нарушилъ слово, данное Вильяму Трефольдену!

Между тѣмъ Олимпія прошла въ кабинетъ своего отца, и стала передъ нимъ, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, словно она была мраморнымъ изображеніемъ самой себя.

Колонна взглянулъ на нее, и оттолкнулъ отъ себя бумага.

— Ну, что? сказалъ онъ быстро: — что скажешь?

— Вотъ что.

И она, взявъ перо, спокойно написала на бланкѣ цифру двойную противъ той, которую начертила карандашомъ на поляхъ его, и положила чекъ Саксена на столъ передъ отцомъ.

III.

Дѣло своводы.

Еслибы Саксена вдругъ окунули въ холодную воду, это ощущение едва-ли скорѣе бы заставило его очнуться, чѣмъ воспоминаніе о словѣ, данномъ и несдержанномъ, и мысль о томъ, что скажетъ на это его родственникъ.

— И вѣдь не могу отговориться тѣмъ, что онъ меня не остерегалъ, вотъ бѣда, рассуждалъ онъ почти вслухъ, садясь, въ совершенномъ упадкѣ духа, у подножія большого дуба, въ рѣдко посѣщаемомъ закоулкѣ парва. Затѣмъ одно неприятное воспоминаніе вызвало множество другихъ: ему вспомнилось, какъ Вильямъ Трефольденъ подшучивалъ надъ нимъ по поводу «ововъ изъ лилій и розъ», такъ что почти разсердилъ его, и какъ онъ хвастался, увѣряя, что онъ неуязвимѣ Ахиллеса. Еще вспомнилось ему, что его родственникъ съ особенной заботливостью освѣдомлялся, не просили ли его Колонны подписаться на денежную ссуду итальянскому предпріятію, и надѣялся его множествомъ добрыхъ совѣтовъ на тотъ случай, еслибы представилось подобное обстоятельство. Записаться на умѣренную сумму и далѣе не давать себя завлечь ни на шагъ, вотъ въ чемъ состояли наставленія Вильяма Трефольдена, и какъ же онъ исполнилъ ихъ? Исполнилъ ли онъ и другое свое обѣщаніе: не подписывать болѣе крупныхъ чекъ, не посовѣтовавшись предварительно съ своимъ родственникомъ? и какую вѣру послѣдній можетъ отнынѣ полагать на его слово?

Саксенъ въ душѣ застоналъ, размышляя обо всемъ этомъ; и чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ болѣе становилось ему жутко.

Ему нисколько не было жаль денегъ, хотя, по правдѣ сказать, его наказали на громадный кушъ; но онъ не выносилъ мысли, что измѣнилъ своему слову, и ясно видѣлъ, что поставленъ въ необходимость измѣнить ему съ той или другой стороны. Онъ очень хорошо понималъ и то, съ какой стороны будетъ перевѣсъ. Онъ отдалъ чекъ мисъ Колоннѣ, и мисъ Колонна должна получить деньги: ясное дѣло, что тутъ нечего разсуждать. Но тутъ взяло его другого рода раздумье—сомнѣніе, окажется ли у его банкира достаточная сумма его денегъ, чтобы уплатить по чеку? А если нѣтъ, что тогда дѣлать? Деньги, само собою разумѣется, нужно

достать, но кто достанетъ? гдѣ и какъ достать? Неужели подвернуть себя таинственному процессу, извѣстному подъ названіемъ «реализированія капитала»?

Стараясь распутать эти темные финансовыя вопросы, Саксенъ шевелить мозгами до тѣхъ поръ, пока у него голова разболѣлась, и все-таки не добился толку. Наконецъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что разрѣшить задачу можетъ одинъ Вильямъ Трефольденъ, съ которымъ и слѣдуетъ безотлагательно посоветоваться; но въ то же время онъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что его родственникъ не откажется наотрѣзъ пособить ему въ этомъ дѣлѣ. Такое предположеніе приводило его въ ужасъ и почти повергало въ отчаяніе. Саксенъ, по своему, просто и честно любилъ страпачаго, не столько, можетъ быть, потому, чтобы онъ представлялъ его себѣ одареннымъ особенно привлекательными качествами, какъ просто потому, что онъ былъ ему родственникъ и что онъ вполне ему довѣрялъ. Онъ почему-то смутно воображалъ, что Вильямъ Трефольденъ оказалъ ему множество важныхъ услугъ, и что онъ обязанъ ему глубокою признательностію. Какъ бы то ни было, онъ ни за что на свѣтѣ не оскорбилъ бы его, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшилъ, что мистъ Колонна получить по чеку всю сумму сполна.

Тутъ ему вспомнилось, что онъ уполномочилъ ее удвоить назначенную ею сперва сумму. А что, если она и въ самомъ дѣлѣ удвоитъ ее?

— Въ такомъ случаѣ, клянусь Юпитеромъ, получить! вскричалъ онъ, обращаясь къ дородному кролику, уже нѣсколько минутъ важно слѣдившему за его движеніями съ почтительнаго разстоянія. — Деньги-то, наконецъ, мои, и я имѣю полное право распорядиться ими какъ вздумаю. Къ тому же я жертвую ими для дѣла свободы!

Но сердце говорило ему, что во всемъ этомъ дѣлѣ свобода играла самую незначительную роль.

IV.

Военный совѣтъ.

Между тѣмъ, въ восьмиугольной башенѣ происходило засѣданіе общаго совѣта. Членами его были сеньоръ Колонна, лордъ Кастельтауерсъ и майоръ Воанъ; предметами преній служили депеша Вальдизеротти и чекъ Саксена Трефольдена.

Депеша, безъ сомнѣнія, имѣла большую важность, и заключала въ себѣ извѣстіе болѣе расшевеливающего свойства, нежели всѣ тѣ, которыя современн наполеоновской кампаніи доносились изъ Италіи; но и другой документъ, съ красовавшимся на немъ

отрядомъ цифръ, имѣлъ немельшій интересъ. По мнѣнiю майор-Воана, онъ даже положительно имѣлъ перевѣсъ надъ депешю; однако майоръ какъ будто принахмурился надъ нимъ, и его товарищамъ показалось, что онъ не такъ обрадованъ, какъ бы можно было ожидать.

Кастельтаурерсъ приходилъ въ неподдѣльный восторгъ и въ меньшее удивленiе.

— Царскiй подарокъ! воскликнулъ онъ.—Мнѣ и не снилось, что Трефольденъ такъ преданъ итальянскому дѣлу.

— И мнѣ до сей минуты совершенно не было извѣстно, чтобы мистеръ Трефольденъ словомъ или дѣломъ интересовался Италiей, холодно замѣтилъ майоръ Воанъ.

— Видно, интересуется, да и не однимъ словомъ. Вѣдь онъ только-что вступилъ во владѣнiе своимъ состоянiемъ.

Синьоръ Колонна молча разгладилъ чекъ, лежавшiй передъ нимъ на письменной конторкѣ, выставилъ число, сумму, и написалъ свою фамилiю, какъ предъявителя.

— Не знаю, какъ бы лучше съ этимъ распорядиться, въ раздумьѣ проговорилъ онъ.

— Съ чѣмъ? спросилъ графъ.

Колонна указалъ перомъ на чекъ.

— Очень просто: размѣняйте на наличныя деньги и безотлагательно отправьте ихъ куда слѣдуетъ.

Итальянецъ улыбнулся и покачалъ головой. Онъ былъ лучшимъ дѣловымъ человѣкомъ, чѣмъ его молодой хозяинъ, и отчасти предвидѣлъ тѣ самыя затрудненiя, которыя для Саксена были причиной столькихъ тревогъ.

— Не всегда легко получить наличныя деньги на большiя суммы, сказалъ онъ:—мнѣ необходимо переговорить съ мистеромъ Трефольденомъ, прежде, нежели предириму что бы то ни было съ его чекомъ. Дома ли онъ въ настоящую минуту?

Графъ взялся удостовѣриться въ этомъ и вышелъ изъ комнаты.

По уходѣ его, Колонна и Воанъ возвратились къ депешѣ, и принялись обсуждать положенiе дѣлъ въ Сицилiи. Затѣмъ они перешли къ вопросу о продовольствiи волонтеровъ, и стали совѣтоваться, какъ бы съ возможно большей пользой употребить пожертвованiе Саксена. Наконецъ рѣшили на томъ, чтобы большую половину суммы отправить наличными деньгами, остальное же истратить на военные припасы.

— Кушъ немалый, замѣтилъ драгунъ.—Если у васъ еще нѣтъ въ виду вѣрнаго человѣка для пересылки его, я къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ. Можете ли вы отправиться послѣ завтра?

— Хоть сегодня. Въ настоящую минуту все мое время принадлежитъ мнѣ. Кстати, кто банкиръ мистера Трефольдена?

Онъ при этихъ словахъ протянулъ руку за чекомъ, и Колонна не могъ не передать ему бумагу. Майоръ нѣсколько мгновений молча разглядывалъ ее, и возвращая, сказалъ:

— Эти цифры его рукой написаны, синьоръ Колонна? Я вижу, что не ваша.

На что итальянецъ весьма спокойно отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ихъ писала Олимпія.

Майоръ Воанъ всталъ и прошелся къ окну.

— Я попрошу Бертальди дать мнѣ какое нибудь дѣло, какъ только попаду туда, сказалъ онъ:—съ моего возвращенія изъ Индіи мнѣ ни разу не приводилось подраться и смертельно наскучило болтаться безъ дѣла.

— У Бертальди вамъ найдется дѣло, возразилъ Колонна:—одинъ опытный офицеръ теперь для насъ болѣе дорогая находка, чѣмъ цѣлый эскадронъ новобранцевъ.

Майоръ нетерпѣливо вздохнулъ, и принялся крутить усы; это движеніе всегда означало въ немъ тревогу и озабоченность.

— Жаль мнѣ Кастельтаурера, замѣтилъ онъ минуту погодя. — Онъ далъ бы себѣ отсѣчь правую руку, чтобы ѣхать со мною, и хоть разъ стрѣльнуть въ неаполитанцевъ.

— Знаю, но этому не бывать: нельзя, не должно. Я ни за что на свѣтѣ не допустилъ бы его ѣхать, послѣшно перебилъ итальянецъ:—это поразило бы мать его въ самое сердце.

— Въ число моихъ соображеній никогда не входило предположеніе, чтобы у леди Кастельтауреръ было сердце, сказалъ майоръ Воанъ:—но вы долѣе меня пользуетесь знакомствомъ съ нею, и я полагаюсь на ваше сужденіе.

Въ эту минуту дверь отворилась, и графъ вошелъ одинъ.

— Не могъ нигдѣ найти Трефольдена, сказалъ онъ:—я искалъ его по всему дому, даже въ конюшняхъ, исходилъ всѣ сады. Последній разъ какъ его видѣли, онъ стоялъ на террасѣ и разговаривалъ съ мисъ Колонною, и никто не знаетъ, куда онъ дѣвался съ тѣхъ поръ.

— Онъ вѣрно гдѣ нибудь въ паркѣ, сказалъ Колонна.

— Не думаю. Возвращаясь къ дому, я встрѣтилъ мою мать; она все утро гуляла въ паркѣ и не видала его.

— На вашемъ мѣстѣ, Кастельтауреръ, я бы приказалъ отвести воду въ Сленъ, сказалъ майоръ Воанъ съ короткимъ, отрывистымъ

смѣхомъ.—Онъ, должно быть, раскаялся въ этомъ чекѣ и утопился въ припадкѣ отчаянія.

— Вздоръ какой! почти сердито прервалъ его Колонна; но и ему исчезновеніе Саксена показалось страннымъ, и графу тоже.

V.

Мавзолей.

Въ кастельтауерскомъ паркѣ находилось одно весьма любопытное строеніе изъ сѣраго гранита, съ вида похожее на фонарь ночного сторожа. Оно стояло на небольшой возвышенности въ отдаленномъ уголѣ имѣнія, въ концѣ двойного ряда малорослыхъ кипарисовъ, и заключало въ себѣ бранные остатки любимой охотничьей лошади графа. Называли его «Мавзолеемъ».

Болѣе отчаянно-безобразное созданіе рукъ человѣческихъ трудно было бы вообразить себѣ; но покойный графъ думалъ сдѣлать изъ этого памятникъ образецъ изящной простоты, и не одну сотню уложилъ на сооруженіе его. Будучи за границей, когда узналъ о кончинѣ своей старой лошади, онъ набросалъ на листѣ почтовой бумаги бѣглый эскизъ чего-то въ родѣ храма Весты, и переслалъ рисунокъ къ своему управляющему съ приказаніемъ передать его для исполненія работы какому-то гильдфордскому каменщику. Но графъ былъ плохимъ чертежникомъ, а каменщикъ, въ жизнь свою не видавшій никакого храма Весты, не былъ геніемъ; такимъ образомъ случилось, что кастельтауерскій паркъ обогатился такимъ архитектурнымъ феноменомъ, въ сравненіи съ которымъ *акцизныя будки* на ватерлоскомъ мосту являются классически-изящными строеніями. Къ счастью, графъ скончался въ Неаполѣ, въ блаженномъ невѣдѣніи объ архитектурномъ страшилищѣ, воздвигнутомъ въ его отсутствіи, и преемникъ его счелъ лишнимъ трудомъ сломать его.

Когда Саксенъ оторвался отъ безотраднхъ размышленій, которыми онъ предавался у подножія большого дуба, было еще такъ рано, что онъ соблазнился красотой утра и рѣшился продолжать прогулку. Безцѣльно пробираясь по высокому папоротнику, онъ подстерегалъ кроликовъ, и думалъ о мисъ Колоннѣ, какъ вдругъ совершенно неожиданно очутился у самой подошвы маленькой возвышенности, увѣнчанной мавзолеемъ.

Хотя онъ въ Кастельтауерсѣ пробылъ уже болѣе десяти дней, но именно въ этотъ закоулокъ парка онъ какъ-то еще не заходилъ ни разу. Слѣдовательно феноменъ доморощенного искусства былъ для него новостью, и онъ съ недоумѣвающимъ удивленіемъ обо-

шелъ его кругомъ, со всѣхъ сторонъ, любуясь его безобразіемъ; затѣмъ поднялся на возвышенность, и попробовалъ отворится ли дверь, выкрашенная подъ цвѣтъ зеленой бронзы, и усьянная сверху до низу большими шестигульными шишками. Дверь легке пода-лась на первый толчокъ, и Саксенъ вошелъ.

Внутри мавзолея такъ было темно, а день былъ такъ ослѣпительно ясенъ, что прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели Саксенъ могъ что нибудь разглядѣть. Наконецъ, въ самой серединѣ строенія, изъ мрака выдѣлился коренастый обрубокъ въ видѣ колонны на массивной четырехъугольной подставкѣ, и Саксенъ могъ удостовѣриться по высѣченной на немъ надписи (составленной на полуграмотномъ латинскомъ нарѣчій), что поводомъ ко всему этому уродливому великолѣпнiю была память лошади. Тогда онъ усьялся на квадратную подставку, и углубился въ изученіе внутренности мавзолея.

Она была, если только возможно, еще безобразнѣе, чѣмъ наружность его, то-есть сходство строенія съ фонаремъ было еще разительнѣе изнутри, нежели снаружи. Колонна какъ разъ походила на исполнскую свѣчу, а стѣны, выложенныя гладкимъ гранитомъ, напомнили бы стекло самому ненаходчивому на сравненія зрителю. Имѣй каменщикъ хоть искру оригинальности или самобытности таланта, онъ снаружи придѣлалъ бы къ своему произведенію добрую солидную гранитовую ручку, и оно было бы совершенствомъ въ своемъ родѣ.

Такъ думалъ Саксенъ, лѣниво критикую познанія покойнаго графа въ латинскомъ языкѣ, какъ вдругъ онъ замѣтилъ женщину, медленно поднимающуюся на возвышенность по кипарисовой аллеѣ.

Онъ сначала принялъ ее за мисъ Колонну, и уже поднялся, чтобы идти къ ней на встрѣчу, но въ ту же минуту увидалъ, что это была другая, незнакомая ему женщина. Она шла съ потупленными глазами и поникшей головою, такъ что онъ не могъ разглядѣть ея чертъ. Но въ фигурѣ ея было болѣе дѣтскости, чѣмъ въ фигурѣ мисъ Олимпіи, и поступь ея была робче и нерѣшительнѣе. Почти можно было подумать, что она считаетъ маргаритки въ травѣ, окаймляющей аллею.

Саксенъ находился въ большомъ недоумѣніи. Онъ всталъ съ своего мѣста и отошелъ дальше назадъ, въ болѣе темную часть мавзолея. Пока онъ еще колебался, выйти ли ему или остаться, молодая дѣвушка остановилась и оглянулась кругомъ, какъ будто того-то дожидаясь.

Не успѣла она поднять лицо свое, какъ Саксенъ вспомнилъ, что онъ эти черты уже гдѣ-то видалъ. Онъ бы не могъ сказать, когда и гдѣ, хотя бы отъ этого зависѣла его жизнь, но въ самомъ фактѣ

онъ былъ такъ же увѣренъ, какъ будто всѣ обстоятельства, сопряженныя съ нимъ, въ полной свѣжести остались въ его памяти.

У незнакомки были очень нѣжный цвѣтъ лица, мягкіе каштановые волосы, и большіе каріе, можно сказать — дѣтскіе глаза, съ тѣмъ полуниспуганнымъ, трогательнымъ выраженіемъ, которымъ поражаютъ глаза запертой въ клетку дикой козочки. Саксенъ помнилъ даже взглядъ этихъ глазъ, помнилъ какъ образъ дикой козочки представился ему въ первый же разъ, какъ онъ на нихъ взглянулъ — и вдругъ, передъ его воображеніемъ мелькнули станція желѣзной дороги, пустой поѣздъ, и группа изъ трехъ человѣкъ, стоявшихъ у дверцевъ вагона второго класса.

Ему все вспомнилось вмигъ, даже сумма, которую онъ заплатилъ за билетъ дѣвушки, и то, что потерянный билетъ былъ взятъ на седжбрукской станціи. Онъ невольно углубился еще далѣе въ мракъ мавзолея. Ни за что на свѣтъ не показался бы онъ ей, чтобы не дать ей случая благодарить его, или даже расчитаться съ нимъ.

Въ эту минуту она вздохнула, съ видомъ усталости или обманутаго ожиданія, и приблизилась еще на нѣсколько шаговъ, и по мѣрѣ того, какъ она приближалась, Саксенъ уходилъ все дальше назадъ, пока она не остановилась почти у самаго входа въ мавзолей, а онъ совсѣмъ спрятался за колонну. Это напоминало сцену изъ какой нибудь комедіи, съ тою разницею, что тутъ актеры импровизировали свои роли, и разыгрывали ихъ безъ зрителей.

Въ ту самую минуту, какъ Саксенъ разсуждалъ о томъ, что ему дѣлать, въ случаѣ если она войдетъ, и не лучше ли ужъ сразу смѣло выдти изъ своей засады, хотя бы рискуя быть узнаннымъ ею, молодая дѣвушка рѣшила вопросъ, садясь на порогъ строения.

Этимъ она вывела Саксена изъ затрудненія. Правда, онъ очутился плѣнникомъ, но спѣшить ему было некуда, и онъ могъ, не жалѣя, употребить нѣсколько лишнихъ минутъ на разглядываніе изъ-за колонны шляпки и затылка молодой дѣвушки. Притомъ же, подобное занятіе отзывалось чѣмъ-то таинственнымъ и необыкновеннымъ, что было рѣшительно въ его вкусѣ.

Итакъ, онъ совершенно притаился, едва рѣшаясь дышать, изъ боязни испугать дѣвушку, и въ видѣ препровожденія времени, пустился въ догадки о томъ, что могло бы привести мысль Ривьеръ изъ Камбервеля именно въ этотъ закоулокъ гастельтауерскаго парка. Возможно ли, напримѣръ, чтобы графу пришла сумасшедшая фантазія снять фотографію съ феномена, и не затѣмъ ли она пришла, чтобы раскрасить фотографію акварелью съ натуры? Но подобная мысль была слишкомъ чудовищно-нелѣпа, чтобы быть допущенной хоть на одну минуту. Тутъ молодая дѣвушка снова вздохнула, и

такимъ тяжелымъ, долгимъ, трепещущимъ, болѣзненнымъ вздохомъ, отъ котораго у Саксена сердце перевернулось въ груди.

Въ этомъ вздохѣ слышалась не одна усталость. Какъ ни мало было его пониманіе людей, все равно мужинъ или женщинъ, но онъ сразу почувствовалъ, что такой вздохъ могъ вырваться только изъ тяжко-удрученнаго сердца. Онъ естественно пустился въ новыя догадки о томъ, что могло быть причиной ея горя, и не можетъ ли онъ, какъ-нибудь анонимно, способствовать къ облегченію этого горя? Не послать ли ей стофунтовый билетъ въ конвертѣ безъ адреса? Она на видъ казалась ему небогатою и...

На этомъ мѣстѣ размысленія его были прерваны. Чья-то тѣнь заслонила входъ въ мавзолей, мисъ Ривьеръ поднялась съ порога, и передъ изумленными взорами Саксена стояла леди Кастельтауерсъ.

VI.

Что Саксенъ слышалъ въ мавзолеѣ.

Леди Кастельтауерсъ первая заговорила размѣреннымъ, надменнымъ голосомъ.

— Вы опять пожелали меня видѣть, мисъ Ривьеръ, сказала она.

— Я была къ тому вынуждена, раздался почти неслышимый отвѣтъ.

— Я пришла сюда по вашей просьбѣ.

Леди Кастельтауерсъ приостановилась на этихъ словахъ, какъ-бы въ ожиданіи выраженія благодарности за такое снисхожденіе; но благодарности не послѣдовало.

— Я должна, однакоже, просить васъ уразумѣть какъ можно яснѣе, что я дѣлаю это въ послѣдній разъ, продолжала она:—я никакимъ образомъ не могу имѣть съ вами дальнѣйшихъ сношеній иначе какъ письменно, и то въ назначенные сроки, какъ это было до сихъ поръ.

Молодая дѣвушка пролепетала что-то такое, изъ чего Саксенъ не могъ разслышать ни одного слова.

— Въ такомъ случаѣ вы меня обяжете, если скажете мнѣ сразу въ чемъ дѣло и, по возможности, въ короткихъ словахъ, отвѣчала леди Кастельтауерсъ.

Саксену становилось очень неловко. Онъ понималъ, что ему бы не слѣдовало тутъ быть. Онъ понималъ, что это — разговоръ нѣкоторымъ образомъ секретный, и вполнѣ сознавалъ, что ему не слѣдовало слышать его, но въ то же время, что же ему было дѣлать? Правда, онъ могъ выдти изъ мавзолея, и разъяснить причины своего невольнаго заточенія, но онъ инстинктивно чув-

ствовадь, что леди Кастельтауерсъ не назначила бы свиданія мисъ Ривьеръ въ паркѣ, еслибы она не желала сохранить свиданіе это тайнымъ, и что его присутствіе въ этомъ мѣстѣ, какъ бы онъ ловко ни извинился въ немъ, удивить гордую леди самымъ непріятнымъ образомъ. Еще могъ бы онъ заткнуть себѣ уши, и, такимъ образомъ, въ сущности быть столько же далекимъ отъ собесѣдницъ, какъ будто онъ находился въ своей лондонской квартирѣ; но опять-таки онъ былъ вполне убѣжденъ, что эта молодая дѣвушка, которую онъ разъ уже выручилъ изъ непріятнаго положенія, въ настоящую минуту находится въ большомъ горѣ, и ему отъ души хотѣлось узнать, въ чемъ заключается это горе, чтобы имѣть возможность еще разъ помочь ей. Итакъ, пока эти мысли быстро чередовались въ его головѣ, Саксенъ рѣшилъ на томъ, чтобы не трогаться съ мѣста, и ушей не затывать—по крайней-мѣрѣ до поры до времени.

Леди Кастельтауерсъ просила молодую дѣвушку изложить то, о чемъ она желаетъ говорить съ нею, какъ можно скорѣе, и, по возможности, въ короткихъ словахъ. Но это было дѣломъ, какъ видно, нелегкимъ, потому что дѣвушка все еще медлила.

Наконецъ она начала, съ чѣмъ-то въ родѣ подавленнаго рыданія:

— Леди Кастельтауерсъ, мать моя очень больна!

И Саксенъ ясно видѣлъ, что она плакала.

— Вы хотите сказать, что мать ваша умираетъ? холодно спросила графиня.

— Нѣтъ, но что она умретъ, если не будутъ приняты надлежащія средства къ спасенію ея.

— Что вы называете надлежащими средствами?

— Докторъ Фишеръ говоритъ, что ей необходимо отправиться куда нибудь на югъ, на какое-нибудь итальянское приморье — въ Ниццу или въ Ментоне, отвѣчала дѣвушка, дѣлая надъ собою огромное усиліе, чтобы придать твердость измѣняющему ей голосу, и не давать слезамъ заглушить его:—онъ полагаетъ, что тамъ она можетъ прожить еще много лѣтъ, при постоянной заботливости и надлежащемъ леченіи, но что...

— Почему бы ей не прожить и здѣсь, при заботливости и леченіи? перебила ее леди Кастельтауерсъ.

— Онъ говоритъ, что здѣшній измѣнчивый климатъ убиваетъ ее, что она угасаетъ день ото дня, оставаясь въ немъ.

— Но вѣдь она въ немъ родилась, замѣтила леди Кастельтауерсъ.

— Такъ—но она была такъ молода, когда уѣхала отсюда, и провела столько, столько лѣтъ жизни своей за границею!

— Что же изъ этого?

Дѣвушка подняла лицо свое, блѣдное, покрытое слезами, и взглянула на нее—только взглянула, не произнося ни одного слова. То не былъ негодующій взглядъ, и не умоляющій, ни даже укоризненный взглядъ; но, во всякомъ случаѣ, леди Кастельтауерсъ поняла значеніе его, потому что она на него отвѣтила, и отвѣтъ ея, хотя произнесенный съ прежнимъ высокоомѣриемъ, слегка отзывался чѣмъ-то въ родѣ извиненія.

— Вамъ извѣстно, сказала она: — что пенсія вашей матери выплачивается ей изъ моихъ личныхъ средствъ, безъ вѣдома моего сына. А личные мои средства ограничены—такъ ограничены, что для меня обременителенъ даже этотъ, хотя и незначительный расходъ.

— Но вы не дадите ей умереть, леди Кастельтауерсъ! Вы не можете на это рѣшиться—вы не дадите ей умереть!

И молодая дѣвушка ломала руки, въ страстномъ порывѣ отчаянной мольбы.

Леди Кастельтауерсъ опустила глаза, и, казалось, выводила узоры по дерну кончикомъ своего зонтика.

— Какую сумму вамъ нужно? медленно спросила она.

— Докторъ Фишеръ говоритъ, что фунтовъ до тридцати.

— Невозможно! Постараюсь доставить вамъ двадцать фунтовъ; даже положительно могу обѣщать вамъ двадцать фунтовъ, но болѣе не могу.

Мисъ Ривьеръ хотѣла что-то сказать, но графиня слегка приподняла руку и не дала ей говорить.

— Пенсія, продолжала она:—будетъ, по обыкновенію, выплачиваться въ контору любого заграничнаго банкира, по вашему выбору, но прошу васъ обѣихъ не забывать, что я не желаю, чтобы ко мнѣ болѣе обращались съ подобнаго рода просьбами.

Щоки молодой дѣвушки мгновенно зардѣлись гнѣвомъ.

— Васъ болѣе не будутъ беспокоить, сударыня, сказала она:—еслибы былъ на свѣтѣ хотя одинъ человекъ, къ которому я могла бы обратиться за помощью, я бы не просила васъ пособить намъ.

Глаза ея расширились, и губы ея дрожали; она проговорила слова эти твердо и гордо — такъ гордо, какъ могла бы говорить сама леди Кастельтауерсъ. Но графиня прошла мимо ея, какъ будто не слыхала ея, и величаво спустилась по маленькой випарисовой аллеѣ, не обращая болѣе никакого вниманія на ея присутствіе.

Мисъ Ривьеръ сохранила свою гордую позу до тѣхъ поръ, пока сквозь деревья не промелькнула послѣдняя складка шелкового шлейфа графини. Тогда силы вдругъ измѣнили ей, она снова опустилась на мрачный порогъ мавзолея, и зарыдала, точно сердце у нея разорваться хотѣло.

ПОВѢТРІЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Погодѣевъ, заслуженный старикъ.

МАРІЯ Львовна Тѣмина, его дочь, 22-хъ лѣтъ.

СЕРГѢЙ Платоничъ Тѣминъ, ея мужъ, 32-хъ лѣтъ, имѣющій независимое состояніе, отставной штабс-ротмистръ.

ОЛІВ ЗАРЯНСКАЯ, 24-хъ лѣтъ.

Евдокимъ Ѳомичъ, ея мужъ, за 60 лѣтъ, капиталистъ.

Зміевская, Ирина Павловна, лѣтъ подъ 40, тѣтка Зарянскоѣ.

Нерадина, 28 лѣтъ, жена одного изъ официальныхъ лицъ, и короткая пріятельница Маріи Львовны.

Запутинъ, Петръ Петровичъ, 50-ти лѣтъ, занимающій видное мѣсто, и только что возвратившійся изъ-за границы.

Свельтскій, гусарскій офицеръ, родственникъ Маріи Львовны.

Крутичъ, лѣтъ подъ 50-ть, служившій прежде въ одномъ полку съ Тѣминимъ, теперь въ родѣ дядьки при одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній.

Вечеринъ, 25-ти лѣтъ.

Берѣзинъ, 30-ти лѣтъ.

Звѣричскій, тоже.

} Товарищи по университету.

Пройдинъ, офицеръ.

Д.   тоже.

Н. отставной военный.

} Товарищи Тѣмина.

Давида Свистичъ, сухое существо 34-хъ лѣтъ.

Давида Блюмъ, 19-ти лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1865; первое—*въ Павловскѣ*, второе—*на дачѣ Тѣминыхъ*, за Невой; третье, четвертое и пятое—*на дачѣ Погодѣева*, тамъ же.

(Между первымъ и остальными актами, проходитъ одинъ мѣсяць).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Павловскѣ, въ 1865 году.

Нѣсколько отдаленная въ сторону отъ воксала аллея; ясный июльскій вечеръ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕЗИНЪ съ ЗВОНЧЕНСКИМЪ сидятъ на скамейкѣ.

БЕРЕЗИНЪ (*ударяя по плечу товарища*).

Ну, что панъ Звонченскій? зѣвается? Когда жь
Вновь за границу ты? въ Парижъ свой благодатный?
А здѣсь, какъ видятса, и шумный Павловскъ нашъ
Не по сердцу твоей натурѣ деликатной.
То-ль дѣло, чай, Парижъ! потѣхи въ Баль-мабилы!
Не терпите нравственность отъ полицейской стражи.
Я, чай, и публика и музыка поглаже,
И ком-вальфотнѣе какая хочешь гниль?

ЗВОНЧЕНСКІЙ.

Смѣшно и спрашивать—неужли-жь въ самомъ дѣлѣ
Ты съ удовольствіемъ проводишь время здѣсь?

БЕРЕЗИНЪ.

Зачѣмъ же бѣ и не такъ? къ чему такая спѣшь?
Случается, разъ пять бываю на недѣлѣ.

ЗВОНЧЕНСКІЙ.

Ну!... Кто къ чему привыкъ! рожденъ, воспитанъ какъ!
А мнѣ пересоздать нельзя свою натуру.

БЕРЕЗИЦЪ.

Э! можно, братъ! у насъ въ свой вѣкъ судили такъ
Лишь царство темное да трутень праздный съ дуру.
Да ты давно здѣсь?—здѣсь обѣдалъ?

ЗВОНЧЕНСКІЙ.

Нѣтъ.

Съ обѣда прямо я сюда пріѣхалъ съ княземъ.

БЕРЕЗИНЪ.

Фу, чортъ возьми, опять! однако этимъ связямъ
Обязанъ много ты, спасенъ отъ всякихъ бѣдъ.
Давно-ль на службѣ—а какое дали мѣсто!
Вотъ содрогнется-то, чай, каждая невѣста.
Вѣдь дѣну страшную теперь заломилъ съ нихъ?

ЗВОНЧЕНСКІЙ.

Кто жь врагъ себѣ? Хандра поэтовъ лишь однихъ
Вниманья на прикладъ невѣсть не обращаетъ.

(*Въ это время, не замѣчая ихъ, и мурлыча какой-то мотивъ,
живо, проходитъ Вечеринъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

БЕРЕЗИНЪ (*толкая Звонченскую*).

Смотри, смотри, бѣжить и насъ не замѣчаетъ.

(*Кричитъ*) Вечеринъ! оглянись!

ВЕЧЕРИНЪ (*оглянувшись и узнавъ товарищя*).

А!!!

БЕРЕЗИНЪ.

Что ты такъ, куда

Слѣшишь? ну, посиди; ступай сюда.

ВЕЧЕРИНЪ (*подходя и садясь*).

Дамъ потерялъ!

БЕРЕЗИНЪ.

Да самъ, скажи, гдѣ пропадаешь,

Проводишь время ты?

ВЕЧЕРИНЪ.

Вольно же не зайдешь!

До двухъ всегда я твой, всегда меня найдешь.

БЕРЕЗИНЪ.

Ну что? по прежнему, все пишешь, сочиняешь?

Не прачешь въ землю даръ? во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,

И композиторъ и поэтъ

И Богъ тамъ знаетъ что! въ себѣ на половину

Соединяющій...

ВЕЧЕРИНЪ.

И Пушкина и Глинку,

Не хочешь ли сказать?—Ахъ, нѣтъ, любезный другъ,

Едва-ль что путное изъ жалкихъ выйдетъ рукъ!

Охота смертная, да участь... остальное

Самъ знаешь...

Звонченскій (*къ Вечерину*).

Ну, такъ что жъ, шоп срег, такое?

Литературные не повезутъ труды —

На службу! лишь патронъ будь, выдвинуть успѣеть

На ней вась!

БЕРЕЗИНЪ.

Нѣтъ, братъ! онъ, какъ мы съ тобой, нужды

Въ насущномъ хлѣбѣ не имѣеть.

Звонченскій.

Дался тебѣ лишь хлѣбъ! Смѣшно-жъ, чтобъ человекъ

Стихи, и все стихи писалъ свой цѣлый вѣкъ!

Невелика была-бъ и выгода и слава!

Цѣль жизни нашей—трудъ, стихи-жъ—одна забава.

Вечеринъ.

Съ чужова голоса и проповѣдь и судъ!
 Насколько остроты, а пуще смысла тутъ,
 Рѣшаютъ головы пусть нашихъ посвѣжѣ!
 Панъ Звонченскій въ мундиръ облечь бы всѣхъ хотѣлъ!
 На ясный взглядъ вашъ *суть* еся въ крестикѣ на шеѣ,
 И департаментъ лишь одинъ всему предѣлъ!
 Нѣтъ, батюшка мой! злыхъ не слушайте извѣтовъ.
 Нельзя рубить съ плеча всѣхъ наповаль поэтовъ!
 Народъ шальной!... за то не терпите ни цѣпей,
 Ни ласкъ начальничьихъ, ни княжескихъ обѣдовъ!
 И въ сущности, едва-ль, пожалуй, недѣльнѣй
 Иныхъ раслившихся чиновныхъ дармеѣдовъ!

А сколько ихъ, смотрите-ка, у насъ!
 Въ ущербъ и логикѣ, и труженниковъ сирыхъ,
 Съ какимъ блаженствомъ этотъ классъ,
 Безъ дѣла при дѣлахъ, на тѣленькихъ квартирахъ
 И ѣсть и лечится н... всё на счетъ мирской!!
 И съ этимъ къ истинѣ пришли мы съ вами той,
 Что въ людяхъ разный саладъ и мозга и желудка.
 Что много значить кровь, различіе породъ:

Дай мнѣ вашъ трудъ—не насмѣшу народъ;
 А вы за мой примись, плохая вышла бъ шутка.

Березинъ.

Ну, ну! напалъ! экстазъ до крайности возросъ.
 Забудь афронть. И вотъ въ чемъ дѣло, въ чемъ вопросъ:
 Вещь интересная; дамъ свѣтскихъ знаю мало.
 Скажи пожалуйста, съ вѣмъ это у воксала
 Ты давеча сидѣлъ?—Одна—какъ смоль коса;
 Чудесный профиль, лобъ; глядитъ прямой Минервой;
 Другая старше.—Страхъ какъ я прельстился первой.

Вечеринъ (*восторженно*).

Ну, что? вѣдь чудо! ночь восгочная! Глаза
 Такъ и палятъ тебя!—а что за умъ!!!

Березинъ.

Нѣтъ, плечи!

Ахъ, что за плечи, братья!

Вечеринъ.

Я съ первой съ нею встрѣчи
 Ужасно одурѣлъ! въ огнѣ душа и кровь!
 Къ ней просто адская, арабская любовь! —

Березинъ.

Вонъ онъ поэтъ! составъ совсѣмъ нечеловѣчій.
 Что жъ? мужъ есть?

Вечеринъ.

Да; гусарь какой-то, Тёминъ... но,
Живуть... какъ-кажется... понять ихъ мудрено.
Другая же — Нерадина, мужъ дѣльный,
Солидный человекъ; цѣнитель, замятой
Любителъ музыки; у нихъ въ дому я свой.
Зимою вечера; квартетъ еженеѣльно...
И тутъ-то Тёмину увидишь каждый разъ.

Березинъ.

Ну, а пожалуйста скажи мнѣ откровенно,
Она съ тобою какъ? есть что-нибудь межъ васъ?
Надѣромъ сходитесь въ пріютъ благословенный?

Вечеринъ.

Попробовалъ бы ты! нѣтъ, братъ, подумать страхъ.
Умна, горда; себя ведетъ чертовски строго.
Печальныхъ рыцарей ужъ тутъ вдыхало много —
Всѣ оставались въ дуракахъ!

Березинъ.

Ну, а какъ больше-то она? Изъ правовѣрныхъ?
Благонамѣренныхъ?

Вечеринъ.

Съ начала, изъ примѣрныхъ,
Прямыхъ характеровъ.—Ну, заповѣди чтѣть,
Съ вниманьемъ слушаетъ глухихъ, косноязычныхъ;
И всѣхъ апостоловъ системъ и школъ различныхъ
На свой аршинъ и мѣрить и честить.

Березинъ.

Ого! вонъ какова! нѣтъ; отъ такихъ подаль! —
То-ль дѣло глазки потомнѣй!
Головка, мудростью налитанная въ малѣ.
Вопьешься въ плечи поскорѣй.

Вечеринъ.

Такъ дюжинность за то. Сушь, холодъ въ интересѣ.
Радъ самъ бѣжать, пожалуй, отъ такой.
Да вотъ тебѣ примѣръ, и собственно со мной.
Я осень прошлую провелъ въ Одессѣ.
Капиталистъ одинъ тамъ здѣшній тоже жилъ
Съ женой, и съ молодой; а самъ порядкомъ хилъ.
Лечились что ли тамъ. Открытъ впрочемъ жили.
Романсъ мой слышали: къ себѣ меня просили.
Ужъ богъ-вѣсть, чѣмъ я такъ понравился женѣ!
Буквально, вамъ не лгу, мнѣ кинулась на шею!
И писемъ, писемъ тутъ! записочекъ ко мнѣ!
Ну... нѣсколько сперва повѣжничали съ нею.

Довольно недурна; но что за сухота!
 Во что ты ни ударь—ни отзыва, ни звука!
 А мною между тѣмъ ужасно занята.
 Я видѣлъ, что конца не будетъ... скука, мѣла...
 И долженъ былъ сюда тайкомъ почти бѣжать.
 Тамъ встрѣтилъ ихъ сейчасъ... гуляетъ важно съ мужемъ.
 Звонченскій.

А какъ фамилія?

Вечеринъ.

Еще бы вамъ назвать!

Березинъ.

Да это владѣ! ее нехудо бы мнѣ знать.

(Поднимая Звонченскаго).

А вотъ поищемъ-ка; вниманье понатужимъ.

Увидишь, что сейчасъ узнаю по глазамъ.

Звонченскій.

А интересно бы!

(Къ Вечерину).

Вы счастливы на дамъ.

Вечеринъ *(расходясь съ ними)*.

Ну, мнѣ сюда; прощай, Березинъ.

Да брось пожалуйста свою къ скандаламъ страсть.

Твой поискъ будетъ бесполезенъ.

Обманешься; возьмутъ въ больницу или въ часть.

(Расходятся въ разныя стороны).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

*Являются: Тѣминъ, офицеръ Проидинъ, Крутичъ и
 усаживаются.*

Проидинъ *(къ Тѣмину)*.

Да послѣ этого, ей-богу, ты чудакъ!

Вѣдь отдаю тебѣ коня почти за даромъ.

И не берешь! Вѣдь ты взгляни, что за рысакъ.

Поговори-ка ты о немъ съ любимымъ гусаромъ.

Безденежье! проклятая нужда!

Вотъ заставляешь что? Иначе никогда

Съ такимъ конемъ бы не разстался.

Тѣминъ.

Вотъ человѣкъ! какъ Ноздревъ привязался!

Да ты подумай, ну, на кой мнѣ чортъ твой конь?

Своихъ есть четверня, и тѣхъ держу черезъ слугу.

Къ тому жъ ты видишь, я чуть живъ, гляжу въ могилу,

Ну, гдѣ жъ на рисакахъ твоихъ мнѣ развѣзжать.

Пройдинъ.

Купи женѣ; умрешь, она кататься станетъ.
 Повѣрь ужъ, за коня всегда тебя вспомнятъ.—
 А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тебя нельзя узнать!
 Ты съ нѣкоторыхъ поръ чертовски измѣнился.

Какимъ-то постникомъ глядишь.

Не видѣвъ на пирахъ, отъ прелестей бѣжишь.
 Неужли въ руки взять? Неволя покорился?

Поди-ка, чортъ возьми, вотъ искупись,
 Да заведись женой, ревнивою, уярамой.

Крутичь.

Да, милый другъ, не суйся въ омутъ прямо,
 А прежде всѣмъ святымъ усерднѣй помолись.

Тѣминъ (къ *Пройдину*).

Священный, стало, долгъ и ты свершить намѣренъ?
 Жениться хочешь; пылъ къ Марихенъ понсчезъ?

Пройдинъ.

Да... какъ тебѣ сказать... смущаетъ бѣсъ.
 Но самъ еще ни въ чемъ порядкомъ неувѣренъ.

Тѣминъ.

Ну, что жъ? красавица? богата? есть домъ?

Пройдинъ.

Да, тысячь пятьдесятъ возьму, и то нехудо.
 Небезобразна...

Тѣминъ.

Ну... а какъ на счетъ ума?

Пройдинъ.

Не знаю, братецъ: вещь закрытая покуда.

Тѣминъ.

Дай-богъ! есть, впрочемъ, текстъ, который говорить:

Кто женится—добро творить,

Не женится—умнѣ поступаетъ.

Да тексту, на бѣду, не всякій довѣряетъ.—

И согласится съ нимъ вполнѣ уже потомъ...

Такъ... послѣ разныхъ разностей. . вѣдомъ,

Братъ, не шути; въ такія пути втянеть,

Что жизни будешь ты не радъ.

Крутичь.

Не хлопочи; про текстъ твой не вспоминаетъ.

Пройдинъ.

Но... мало ль что вѣдь говорятъ!

А между тѣмъ всѣ женятся; плодятся

Родъ человѣческій; конечно, могъ бы быть

Другой законъ—да жди, когда онъ утвердится!

Крутичь (къ *Пройдину*).

Ну, ты не жди; женись; найдешь секретъ прожить
Со всякою женой; пусть міръ тебя забудеть;

Постраждешь малость отъ оковъ,
За то авось нужды не будетъ

Сбывать за даромъ съ рукъ хорошихъ рысаковъ.

Пройдинъ.

А почему жь и не сбывать бы?

Какой же офицеръ не бѣдствуетъ до свадьбы!

Тѣминъ.

Одинъ тебѣ совѣтъ: отъ умницъ женъ — бѣжаты!

Отъ этой нѣмочи злой съ голосомъ свободнымъ.

Къ высокимъ истинамъ съ стремленьемъ благороднымъ,

Мечтающей на ладъ свой міръ пересоздать!

Вотъ язва, братья! для тѣхъ мужей по крайней-мѣрѣ,

Которымъ попростѣи хотѣлось бы пожить.

Что въ мірѣ подъ рукой, лишь то одно ловить.

Съ женой же умницей, въ иной вражайся сферѣ.

Гдѣ изученъ твой мозгъ, замѣченъ каждый шагъ;

Гдѣ колютъ, школютъ насъ: и судишь-то не такъ,

И смотришь ты на вещи-то не эдакъ.

И чортъ бы ихъ побралъ!... чего, чего

Тутъ не потребуютъ отъ мозга твоего!

Калейный миръ въ семьѣ подобной рѣдокъ;

Въ обоихъ жолчъ вишеть, горячка въ головѣ;

Ты пьку ей, тебѣ въ отмѣстку двѣ!

И заживуть супругъ съ супругой напоследокъ

Днемъ вмѣстѣ, ночью врознь! — Вотъ доля, милый другъ!

Въ аду натерпишься едва-ли больше мукъ.

А все изъ-за чего? что волею, неволей,

Женился не на той! въ иной воспитанъ школъ.

Она — огонь; ты — ледъ; она — хитра, ты — простъ.

Ну, словомъ — не во всемъ подъ мѣрку ей, подъ ростъ.

Повѣсишь голову ты; жизни даль затмится.

А чѣмъ помочь? —

Шумѣть — не въ духѣ... не годится! —

Одинъ исходъ, какъ ни печаленъ онъ:

Куда бь нибудь, да изъ дому лишь вонъ!

А въ этомъ случаѣ, безъ страсти, безъ призванья,

Извѣстно, гдѣ тебя, какая радость ждеть.

И братья пьяная, и падшія созданья,

Все, все тебѣ на умъ, какъ разъ тогда придетъ.

А тамъ послѣдствія... Но кто, конецъ свой зная,

Вздвогнѣтъ отъ нихъ? — Одна бѣда вѣдь — хворы! — одно

Рѣшенье—смерть!—такъ это вещь такая,
 Что рано ль, поздно ль—все равно!
 Вотъ, братъ, тебѣ эскизъ чудовищаго брака
 Давнишняго знакомца одного.

Пройдишь.

Да ужъ не брака ли, пожалуй, твоего?
 Во всякомъ случаѣ вещь скверная однако.

Крутичь.

Супругъ путемъ держать поводишь не умѣлъ.
 Жена блажить, а онъ со страху плачетъ.
 Плохая часть; порусски это значить,
 Одинъ другаго вѣкъ заѣлъ.

Тѣминъ.

Да!... Крутичь.—Часть твоя не та; не озадачить
 Тебя судьба; какимъ

Сколоченъ ты, такимъ

И въ гробъ пойдешь.—Но къ чорту ихъ, печали! *(Вставая)*
 Все забьется; давно ужъ мы не пировали.
 Идѣмте, господа; покуда жизнь въ рукахъ,
 Поддержимъ слабую цѣлительною пѣной.
 Ей-ей вещь славная: и свѣтъ другой въ глазахъ,
 И точно, что вездѣ ужъ море по колѣно!

Пройдишь.

Бравд!—ну, а рысакъ?

Крутичь.

Да отвяжись ты съ нимъ.

Тѣминъ.

Увидимъ тамъ, поговоримъ. *(Всѣ трое удаляются)*

*(Вслѣдъ за ушедшими проходятъ
 двое пріятелей Тѣмина: Д. военный
 и Н. статскій).*

Д. *(указывая на ушедшихъ)*

Кто это? Тѣминъ?

Н.

Да.

Д.

И вѣрно ужъ къ буфету *(увлекая товарища).*

А ну-ка, врѣжемся и мы въ компанью эту. *(Уходятъ).*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Запутинъ, *ведя подъ руку Марію Львовну.*

Марія Львовна *(садясь на скамейку).*

Однако, садѣмте; давно ужъ я ловлю
 Самеечку: отъ горокъ страхъ устала.

Запутинъ.

А я-то? цѣлый день хожу, и все-то мало.
 Такъ эти горки всѣ, весь Павловскъ я люблю.
 Немудрено: была пора, на каждомъ мѣстѣ
 Я жилъ душой; мечталь о смугленькой невѣстѣ. (*вздыхая*)
 Ахъ, горе въ парикѣ на счастье уповать!
 Сгубили вы меня, богъ только съ вами!

МАРІА ЛЬВОВНА (*чертя зонтикомъ по дорожке*).

Съ ума вы скодите; охота убивать

Себя такими пустяками!

Нашли сокровище!—Случилось такъ: другой
 Представился—ему пришлось дать слово.

Запутинъ.

И какъ бы съѣлъ тогда я этого *друова*!
 Злодѣй четвертый годъ на счетъ гуляетъ мой.
 Но не шута, чтò онъ? какой идетъ дордогой?
 Васъ любить ли? какимъ народомъ окружонъ?
 Ну, словомъ, васъ прошу, скажите, радп-бога,
 Съ умѣлъ-ли васъ счастливой сдѣлать онъ?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Благодарю васъ за участие.

Но прямо на вопросъ вашъ трудно отвѣчать.

Сперва необходимо знать:

Какого рода васъ интересуеть счастье.

Живу, какъ и большая часть людей:

Ни лишннхъ радостей, ни лишннхъ черныхъ дней.

Здорова; нуждъ большихъ не знаю.

Занятые есть—снжу; свободна—я гуляю.

Благодаренье небесамъ,

Свой теплый уголокъ; ну—дачака есть на лѣто.

Чего же болѣ вамъ?

Запутинъ.

Отлично, все прекрасно это.

Но мужъ васъ любить ли? всегда-ль къ вамъ добръ, хорошь?

На вашего похожь ли идеала?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Идеалическихъ красотъ, пожалуй, мало.

А на людей порядочныхъ похожь.

Что жъ до любви... смѣшно мнѣ слово это, право.

Ну, въ нашемъ ли быту найдете вы ее?

Пускай живетъ чета, вѣкъ въ мирѣ, съ доброй славой,

И чтò жъ это? любовь?—Привычка, вотъ и всё.

Снжу по своему объ этомъ я предметъ.

Какъ тамъ ни красъ очагъ домашній мудрецы,
 Другъ въ друга жѣнъ, мужей влюбленныхъ нѣтъ на свѣтѣ.
 А есть, и я зову ихъ просто—сведенцы.
 И такъ живетъ весь свѣтъ; и мы живемъ такъ съ мужемъ.
 Спимъ, пьемъ, ѣдимъ; чѣмъ богъ послалъ другъ другу служимъ.

И такъ опять, чего же боля вамъ?

Ну... слабъ Сергѣй... немножко малодушенъ.
 Довѣрчивъ черезчуръ къ друзьямъ,
 Предосудительнымъ страстямъ подъ часъ послушенъ,
 И пусть его! пройдутъ тревожные годъ,
 Мужъ перебѣсится и будетъ хоть-куда!

Запутинъ (*про себя*)

Хитритъ; онъ боленъ—и по справкѣ
 Извѣстно мнѣ, давно у ней въ отставкѣ

Пропаци! износился весь!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*послѣ продолжительнаго
 съ обѣихъ сторонъ молча-
 нія*).

О чемъ же-бъ намъ еще поговорить?—да!... здѣсь
 Madame Змидевская!

Запутинъ.

Вотъ чудо!

Ирина Павловна!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

У ней вы не были?

Запутинъ.

Да нѣтъ еще покуда.

Ну, а что съ ней? въ коломенской тиши
 Ведеть попрежнему жизнь ту же?
 Все о спасеніи заботится души?
 Иль чего добраго, не ищетъ ли ужъ мужа?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Шутите!—а межъ тѣмъ не худо бъ потѣснѣй
 Вамъ сблизиться съ ней городскимъ сосѣдствомъ.
 Представьте, счастье вѣдь какое! въ руки ей
 Богъ невидимо шлетъ наслѣдство за наслѣдствомъ.
 Безъ васъ досталось два, большія, да и вдругъ.

Запутинъ.

Ого! вещь славная для добрыхъ рукъ!
 Поди вотъ у судьбы какіе часто взгляды.
 Излишки шлетъ кому совсѣмъ почти не надо.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, судить съ стороны своей она не такъ.
 Ирина Павловна бѣтъ крѣпко на наслѣдство.

Вотъ вамъ! рискните-ка, рѣшитесь-ка на бракъ.
Раздѣляться съ бѣдой удобнѣе нѣтъ средства.

Запутинъ.

Ахъ, нѣтъ-съ! богъ съ ней! зашла моя звѣзда!
Теперь свобода мнѣ дороже всякихъ денегъ.

А на секретъ вашъ батюшка слабенеетъ.

Небезызвѣстна ужь и вамъ моя бѣда.

Неотразимый рокъ! переберись за Нѣмань.

Спасенъ бы былъ, а то замѣшкалъ, запоздалъ,

И тысячь на тридцать подрѣзалъ въ Вѣнѣ демонъ.

Хотѣлъ пожить чужимъ, свое все потерялъ.

Вотъ есть же вѣдь народъ, такъ обдуть безбожно!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*качая головой*).

Да! съ вашей головой, и такъ неосторожно!

Добро бѣ неопытность, излишекъ простоты!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Подходятъ Нерадина съ Вечеринимъ.

Нерадина.

Marie! куда дѣвалась ты?

Ищу вездѣ и не встрѣчаю.

Я за тобою; насъ ждуть къ чаю.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*вставая*).

О, вещь хорошая!— а я почти безъ ногъ.

Всѣ здѣсь измѣрила и вдоль и поперѣкъ.

(*Къ Вечерину, показывая на Запутина*).

Какъ отъ него избавиться бѣ я рада!

Нерадина (*къ Запутину*).

Вы съ нами же?

Запутинъ.

Ахъ, нѣтъ-съ; благодарю; мнѣ надо
Знакомыхъ поискать.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*подавая руку Запутину*).

Ну, вспоминайте старь,

Своихъ знакомыхъ здѣсь ищите.

(*Къ Вечерину, отдавая ему свое манто*).

А вы же, милостивый государь,

Позвольте васъ просить, благоволите

Мнѣ это повести.

(*Вечеринъ торопливо беретъ манто и всѣ трое уходятъ*).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Запутникъ (*одина*).

Знакъ дружбы вѣжной! — да!

Кто-бъ это былъ таковой? — борода, хоть куда!

Примѣтно, прогресистъ. Членъ тунейдцевъ модныхъ,

Или одинъ изъ цѣха путешествовъ,

Такъ-называемыхъ, сатириковъ голодныхъ,

На тоны всякіе невольныхъ свистуновъ.

А можетъ, и изъ душъ высокоблагородныхъ,

Подъ пару книжицѣ по складу... по всему.

Вѣдь вотъ досталась же чортъ-знаетъ тамъ кому!

И дѣло такъ-то ужъ устроилось неловко.

Мужъ плохъ; питается иллюзіей одной;

У ней же... ухъ! не такова головка,

И темпераментъ, какъ взглянуть, совсѣмъ другой. (*Уходитъ*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

*(Вбѣгаетъ Зарянская; за нею мужъ).*Зарянская (*съ бѣшенствомъ*).

Нѣтъ! это наконецъ убійственно! вамъ стыдно!

Терпѣнья всякаго лишаете меня!

Мужъ.

И тутъ обманчивость! характеръ несолидный!

Въ терпѣнья-то не вы, а я нуждаюсь, а!

Зарянская.

Ужасно хороши и льготы и потачка!

А обѣщали! я ждала ихъ въ васъ найти!

Вотъ точно вѣрная за мной вездѣ собачка!

Какъ дикій вепрь во всѣ бросаетесь пути,

По всѣмъ аллеямъ! Ну, къ какому это благу,

Къ какой васъ радости водить?

Гдѣ это видано? Кто васъ не осмѣетъ?

Отъ мужа-старика жена не сдѣлай шагу!

Мужъ.

Да ужъ могу повстинѣ сказать,

Особая на домъ не льется благодать!

Вѣкъ буду казнить за глушю отвагу!

Съ тѣхъ поръ, какъ папеньки прожившагося дочь

Послалъ мнѣ въ жены Богъ, спокойно спать не ляжемъ.

Куда становится невмочь

И лошадямъ и экипажамъ!

Я въ публикѣ, сударыня, хочу
Имѣть и вѣсь себѣ и цѣну.

О добромъ имени, почетѣ хлопочу,
Да врядь успѣю ль въ томъ. Плохую перемѣну
Все въ васъ-то вижу я. Отъ вѣтрениости нѣтъ
До сихъ вотъ поръ прямого излеченья.
Нерѣдко любите такой все странный свѣтъ,
Такія странныя прогулки, развлеченья!
Случается-жь, чтобъ гдѣ нибудь васъ отыскать,
Я долженъ, человекъ ужъ пожилой, солидный,
По паркамъ мыкаться, по улицамъ скакать,
Гдѣ и слѣдовъ людей порядочныхъ не видно,
Куда едва ли-власть гоняетъ почтарей;

Да это что! въ душѣ моей
Вы чувство жалости, расчетъ убили даже!
Я мучу лошадей, ломаю экипажи,
Не говорю ужъ про бока,

Простуду; ни почему вамъ это ровно!
А все изъ-за чего? что Юлія Петровна
Красива личикомъ, характеромъ легка,
Чтобъ не споткнулась гдѣ, или въ пропасть не упала!

Зарянская.

Ну-съ! кончили? И мнѣ позвольте же хоть мало,
Хоть что нибудь да и про васъ сказать.
Мы развѣ чѣмъ нибудь другъ на друга похожи?
Подите вы! да будь вы и моложе,
Не знаю, чѣмъ къ себѣ могли бы привязать.
Ужъ вовсе не до snow, ни до восторговъ дивныхъ!
Пѣвицамъ-барышнямъ на васъ бы указаль!
Отъ кашля вашего, лекарствъ однихъ противныхъ,
Богъ-знаетъ иногда куда бы убѣжалъ!

Мужъ.

А все-жь, была пора, ласкали, завлекали,
Монъ-анжемъ, душечкой, и чѣмъ не величали!

Зарянская.

Далось одно! И вотъ хоть бы теперь,
За что вы на меня накинудись какъ звѣрь?
Особенное что я сдѣлала такое?

Мужъ.

Оставьте вашего Вечерина въ покоѣ!
Я видѣлъ все, какъ вы, вотъ словно егоза,
Сейчасъ предъ нимъ металиса, юлили,
Ему попасть старались на глаза,

Поймать его! Вѣдь стыдъ! съ нимъ дамы были.
Въ чемъ разсчитаться съ нимъ, стаянуться вы забыли?

ЗАРЯНСКАЯ.

Однакожь, вспомните, онъ съ нами былъ знакомъ.

Мужъ.

Да успокойтесь ужъ, забудется съ трудомъ.
Сорвалъ бы голову я этому повѣсѣ!
Бойсь, не состою-ль какъ у него въ долгу.
Темно, а въ ясный свѣтъ привести еще могу
Я все жите-бытье его у насъ въ Одессѣ.

ЗАРЯНСКАЯ.

Къ чему-жь Одесса тутъ и нале тамъ жите?

Мужъ.

Да... такъ! оглядчивость, гаданіе мое.
Теперь забудете Одессу мы покуда. (*Смотря сурово на жену*).
Но если вы еще съ нимъ... вѣрьте, будетъ худо.

ЗАРЯНСКАЯ.

Ухъ, какъ любезно вы глядите на меня!
Пожалуйста не съѣшьте, страхъ боюся!

СПЕНА ВОСЬМАЯ.

Зміевская (*подходя къ Зарянскимъ*).

Ну, господа! въ послѣдній разъ, клануса,
Мы вмѣстѣ здѣсь, не образуясь я!
Помилуйте! с'едь бѣла-дна
При публикѣ, и вы пустилися считатьса!
Другъ друга за полн ловить! чуть-чуть не драться!
И чтѣ произошло у васъ такое вдругъ?
Съ чьей стороны, какой проступокъ уголовный?

Мужъ.

Да не угодно ли, вотъ Юлія Петровна
Вамъ пояснить, дѣла ея все рукъ.

Зміевская (*вздыхая*).

Конечно ужъ! а какъ поглубже въ дѣло вникнуть,
И вамъ ей-ей не честь! Да, Евдокимъ Фомичъ!
Не къ мѣсту деспотизмъ! — пора къ всему привыкнуть;
Вы рады бы жену въ монахини постричь!
Сама я не люблю... смотрю на вольность строго...
Но...

Мужъ (*махая рукой*).

Ахъ, пожалуйста, увольте ради-бога.
Живи подалѣе отъ тетушки святой,

Племянница была бѣ навѣрно не такой. (*Къ жетъ*)
 Но будетъ намъ гулять; пора мнѣ отправляться.
 Я за билетами, сударыня, пойду;
 И очень бы просилъ васъ, вдалѣ не забираться,
 Надѣюсь, что однихъ здѣсь съ тетушкой найду. (*Уходитъ*).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ И ЗМІЕВСКАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ.

Противный дикобразъ! и вотъ моя вамъ доля!
 И вѣчно-то, вездѣ такъ съ нимъ у насъ.

ЗМІЕВСКАЯ.

Что дѣлать мой дружокъ! положимъ — дикобразъ,
 А надо слушаться; его и судъ и воля!
 Да чѣмъ вы такъ, сважи, раздражены?
 Изъ-за чего раздоръ? что вы неподѣлили?

ЗАРЯНСКАЯ.

Э, пустяки! съ моей немножко стороны
 Исторія!... Когда мы съ нимъ въ Одессѣ жили...

ЗМІЕВСКАЯ.

Еще исторія! и третья нынче вотъ!

ЗАРЯНСКАЯ (*съ досадой*).

Ахъ!... да вы слушайте... такъ вотъ ужъ скоро годъ...
 Сейчасъ вы видѣли, къ вокзалу, передъ нами,
 Рисуюсь плечами, съѣдая всѣхъ глазами,
 Шла Тѣмина Магіе и молодой
 Съ ней человекъ... фамилія—Вечеринъ...

ЗМІЕВСКАЯ (*протяжно вздохнувъ*).

Да! Эта Тѣмина... мужъ очень будь увѣренъ,
 Дѣлъ натворить ему! сойдетъ онъ въ гробъ живой!

ЗАРЯНСКАЯ.

Ухъ, какъ хитра! ужъ какъ ее я изучила!

ЗМІЕВСКАЯ.

Бѣсъ! Еретичка! — свой и духъ и жизни родъ!
 Кокетка! ужъ на что Запутинъ, да и тотъ...
 Какъ вышла замужъ... грѣхъ подумать что тутъ было!
 Теперь пріѣхалъ онъ; и вѣрно съ нимъ опять
 Начнетъ проказничать, глаза хоть завязать!

ЗАРЯНСКАЯ.

Коварная! Вѣдь что Запутинъ ей? — потѣха!
 А вамъ-то между тѣмъ препятствіе... помѣха...

ЗМІЕВСКАЯ.

Да кончи-жь мнѣ свою исторію.

ЗАРЯНСКАЯ.

Ахъ, да!

Такъ вотъ, вы помните, когда

Мы осенью въ Одессѣ жили...

Тамъ и Вечеринъ былъ; его страхъ всѣ любили;

Своей онъ музыкой всѣхъ восхищалъ.

И Евдокимъ Ѳомичъ, мнѣ на большое дѣво,

Съ нимъ познакомился; онъ очень неспѣсивый;

Нашъ домъ нерѣдко посѣщалъ.

Да тоже, знаете, съ умомъ такимъ воздушнымъ,

И стихотворецъ и пѣвецъ,

Вдругъ сдѣлался ко мнѣ неравнодушнымъ...

Зміевская (*махая рукой*).

Довольно, мой дружокъ! Извѣстенъ мнѣ конецъ.

Зарянская.

Ну, ошибаетесь! невѣрныя догадки!

Вся глупость только въ томъ была,

Что переписку съ нимъ безъ должной я оглядки,

Отъ *дальше-ничего* вела!Зміевская (*всплеснувъ руками*).

Съ нимъ переписку! о, владыко! царь небесный!

Не тонко жъ дѣйствуешь; нетруднымъ же путемъ

Ты губишь честь свою и борешься съ грѣхомъ!

Ну, что же мужъ? ему какъ сдѣлалось извѣстно?

Зарянская.

Кто вамъ сказал! мой мужъ не знаетъ ничего!

Вся и исторія теперь изъ-за того,

Что я поймать Вечерина хотѣла,

Съ нимъ объясниться; упросить

Всѣ письма мнѣ скорѣе возвратить;

Да этотъ дикобразъ... конечно, не успѣла...

Мучители! — Ну, зачѣмъ такъ въ городъ онъ спѣшитъ!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Мужъ Зарянской (*подходя къ своимъ*).

Ну, я готовъ.

Зміевская (*вставая*).

Да и за нами дѣло,

Какъ видите, отецъ мой, не стойтъ.

(Они уходятъ; чрезъ нѣкоторое время, встрѣтятся съ ними, являются Марія Львовна и Вечеринъ).

Г. СЛХVІІ — Отд. I.

22

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (съ хохотомъ).

Опять-таки они! — вотъ точно

. Сама судьба на нихъ толкаетъ насъ нарочно!

(Садясь на скамейку).

Ну, такъ вотъ здѣсь мы Софью будемъ ждать.

А далеко-ль ей до больной знакомой?

ВЕЧЕРИНЪ (стоя передъ Маріей Львовной).

Сейчасъ за паркомъ вонъ (указывая въ сторону).

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Боюсь опоздать.

Къ двѣнадцати мнѣ надобно быть дома.

Люблю я Павловскъ! паркъ—другого поискать!

Прекрасныхъ сколько дачъ!

ВЕЧЕРИНЪ.

Удушливыхъ избушекъ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

На музыкѣ веселыхъ, добрыхъ лицъ!

ВЕЧЕРИНЪ.

Грызущихъ родъ людской, подкрашенныхъ старушекъ...

Озлобленныхъ невѣсть, соломенныхъ вдовицъ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

И вотъ что васъ спросить забыла:

Да вы съ Зарянскими знакомы? и у нихъ

Бываете? — съ мадамъ раскланялись такъ мило!

ВЕЧЕРИНЪ (съ замѣшательствомъ).

Какъ вамъ сказать? Въ Одессѣ это было.

Въ прошедшемъ годѣ, тамъ видать случалось ихъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, что жъ она? какъ вы находите?

ВЕЧЕРИНЪ.

Но... право,

Такъ мало знаю ихъ... боюсь

И заключать и мудрствовать лукаво.

Мадамъ привѣтлива... боява... но, признаюсь,

Во вусѣ не моемъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Но... да... неосторожна

На рѣчь. — Заходить умъ за разумъ иногда.

Но эта вѣтреность въ ея еще года

Такъ свойственна... прощать еѣ Зарянской можно.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ знакома съ ней,

Въ одномъ училищѣ пансіонѣ.

Вечеринъ.

Ну, вотъ! а я въ такомъ вамъ выразился тонѣ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*дурачася*).

Скажите, дѣвственность какая! ужъ скорѣй.

На покаяніе! въ вериги облекитесь! (*держая Вечерина за плечу*).

Да ну, садитесь же; чего вы такъ бовтаетесь?

Слышнѣй, что говорю.

Вечеринъ (*садясь*).

Вотъ слово! я боюсь!...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Хотите, повторю? (*Перемѣнивъ тонъ*).

А Штраусъ до сихъ поръ съ ума полъ нѣжный сводить.

Довольно еще густъ его поклонницъ рядъ.

Вечеринъ.

Да-съ! аханье иныхъ до крайности доходить;

По моему смѣшно, а нѣмецъ очень радъ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Еще бы! барынямъ немного надо русскимъ.

За вѣкомъ вслѣдъ идутъ подъ нѣсенку, слегка!

Лишь только и беремъ все языкомъ французскимъ,

Головки же у насъ буда звонки пова! (*Стучитъ себя по лбу*).

Такъ намъ ли не блеснуть восторженной натурой!

Но Богъ съ нимъ, съ Штраусомъ.

Небезъизвѣстно мнѣ,

Что кромѣ музыки, въ келейной тишинѣ

Вы занимаетесь литературой...

И сами пишете — вдвойнѣ хвала и честь!

Я видѣла... тетрадь стиховъ у Софьи есть...

Немало чудныхъ мѣстъ... а пуще же такого,

За что, случается, въ недобрый часъ инова,

Какъ ни высокъ его и духъ и геній будь —

Въ извѣстный каждому сироваживаютъ путь.

Жаль. — Что жъ онъ... явится ль когда вашъ трудъ въ печати?

Вечеринъ.

Не понимаю васъ, съ какой же-бъ это стати?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Чтобъ свѣтъ васъ одѣнилъ. Иначе назовутъ

Жолчь вашу хвастовствомъ, бравурствомъ втихомолку.

Къ чему жъ и божій даръ, и вдохновенный трудъ,

Когда подъ спудомъ онъ скрывается безъ толку?

Вечеринъ.

Да! — Очень этотъ даръ въ ходу у насъ!... Увы!

Путь скользкій! отъ него не жду большого прова.

Я даже васъ боюсь: не съ жалостью ль и вы,
Пожалуй, смотрите на вѣщаго пророка.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Благодарю! — прекрасный комплиментъ!
За то хоть искренность... продала безъ обмана!
Не знала жъ я, живя на свѣтѣ столько лѣтъ,
Что на бездушнаго похожа истукана.
Нѣтъ-съ... Этотъ божій даръ въ грязь топчетъ лишь нога
Однихъ поклонниковъ извѣстнаго кумира. —
Я жъ вовсе не изъ тѣхъ, которые Шекспира

Считаютъ ниже сапога.

Словечко дѣтское, но крайне туповато;
Запишется, гдѣ слѣдуетъ, навѣкъ.
Но вотъ что вамъ хочу сказать: вы человекъ
Не той среды; съ умомъ, съ натурою богатой.
Поэзія, какъ я слышала ужъ не разъ,
И отъ другихъ и отъ самихъ вотъ васъ —
Не вашъ путь; на него вы волею, неволей,
Не съ страстью смотрите, а такъ... со страхомъ болѣ.
Съ чего такой абсурдъ?... богъ-знаетъ! — вашъ секретъ.
А между тѣмъ идетъ своимъ порядкомъ свѣтъ.
Считаю лѣнь весьма невыгодной отрадой,
Стремится къ цѣли все по разнымъ въ немъ путямъ.
Трудится, дѣйствуетъ... такъ стало быть и вамъ
Хоть чѣмъ-нибудь да вѣдь заняться тоже надо.

Вечеринъ.

А чѣмъ же бѣ, напримѣръ? на службу поступить,
Гдѣ у меня ни племени, ни роду?
Средь мелочи, интригъ различныхъ вѣчно жить?
Чиновъ въ ней надають, значковъ мнѣ за свободу
Почѣтно и пестро... да формою глядить.
Ну... корень золотой не вовсе въ ней подсѣченъ...
Хоть я не Крезъ, но все жъ довольно обезпеченъ,
Такъ стало и корысть не очень-то манить.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Корысты!! и это вы! Вечеринъ говорить!!
Второй Обломовъ вы, заищу вамъ по дружбѣ.
Такъ судить эгоистъ юродивый одинъ;
У васъ отчизна есть .. вы русскій дворянинъ....
И затрудняетесь, что дѣлать вамъ на службѣ!!
Теперь, когда всему заботливимъ царемъ
Кладутся новыя начѣла, основацѣя,
Такое у живыхъ головъ соревнованье

Въ борьбѣ съ отсталостью, съ закоренѣлымъ зломъ.
Цѣль благородная! завидное служенье!
А вы... отъ всякихъ требъ, отъ общаго движенья
Лишь вамъ спокойно руки бы умыть.)
Вотъ случай божій даръ вамъ къ дѣлу примѣнить.
Поэтъ ли гдѣ себя способенъ уронить!
Ни родъ, ни знатность—мозгъ теперь намъ свѣжій нуженъ,
Вожатый дѣловыхъ галекъ.

Немало дастъ плода средь духомъ нищихъ дюжинъ
Одинъ съ умомъ, съ благимъ стремленьемъ человекъ.

Вечеринъ.

О! да какая жъ вы, я вижу, патриотка!

Марія Львовна.

Да! Нравственной себя не назову сироткой.
Сухой космополитъ не въ силѣ занести
Сюда свой бредъ...

(Показываетъ на свой лобъ).

И будь я вами... во плоти

Въ мужчину Богъ меня... по своему бѣ шла къ цѣли.
Принципъ мой... правило—во всякомъ дѣлѣ
Впередъ или назадъ—не стой на полпути!
Иначе хворый духъ ты будешь въ хворомъ тѣлѣ.

Вечеринъ *(онъ какъ-бы растерянный, домо не знаетъ что отвѣчать).*

Вы страшны; васъ боюсь я съ нынѣшняго дня,
Вы отуманили рѣшительно меня.
Небесной васъ назвать смѣшно бѣ довольно было.
Но въ васъ какая-то разумная есть сила,
Духъ, формирующий людей на новый строй.
Что сознаю теперь, пожалуй, надъ собой.
И убѣжденъ, что для любого человекъ
Подобной женщины совсѣмъ не стыдъ опека,
Такъ дѣльны, опытны вы, духомъ высоки!
И вѣрьте мнѣ, что съ легкой здѣсь руки *(показывая на грудь).*
Посѣвъ не пропадетъ.—Одно страшить ужасно:
Сношу ли голову я, справлюсь ли съ собой.

Я чувствую, какой-то роковой

Насталъ мнѣ часъ; борьба душа съ умомъ напрасна!
Меня, съ какихъ ужъ поръ, накрыла... душить ночь...
Ночь темная, въ звѣздахъ, безъ этого свѣтила...

(Показывая на луну).

И это—вы!—Въ одномъ бы еще было
Спасенье мнѣ—скорѣй отъ язвы страшной прочь!

Но... ни за что! одна въ насъ кровь... одна... нѣтъ, сила
 Въ груди не та же! духъ, расудокъ мой слабѣй.
 Чѣмъ строже Веста, тѣмъ влеченье жарче къ ней.
 Во мнѣ бушуетъ адъ; пожара не тушите...
 Лишь объ одномъ прошу—скажите мнѣ, рѣшите:
 Къ добру ли это все? иль близьокъ я отъ мѣсты,
 Куда сажаютъ всѣхъ такихъ?

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*Она вся впиалась глазами въ лицо
 Вечерина; и не сводя иль съ него,
 послѣ нѣкотораго молчанія*).

Да... богъ ужъ знаетъ!

Не жди добра, кто умъ до срока свой теряетъ.
 И столько неудобствъ отъ строгихъ терпять Вестъ.

(*Молчаніе; Марія Львовна пожираетъ глазами Вечерина*).

(*Въ это время къ нимъ подгонитъ
 Свельтскій. Марія Львовна быстро вскакиваетъ*).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

МАРЬЯ ЛЬВОВНА (*Подавал руку Свельтскому*).

А!!! да и ты здѣсь! и ни разу

Нигдѣ не встрѣтился со мной.

Ну что же? съ дамами? по волѣ, по приказу?

СВЕЛЬТСКІЙ.

Кто жъ мнѣ приказъ? и я бѣ сейчасъ домой,

Да нужны вы; кой-что вамъ передать намѣренъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Лишь не худое; Боже сохрани;

А пуще на ночь... Ну-съ... Мг Вечеринъ.

(*Подаетъ ему руку*).

Такъ отправляйтесь вы за Софьей ужъ одни.

ВЕЧЕРИНЪ (*Къ Марью Львовну*).

Съ послѣднимъ поѣздомъ вы?... съ нами?

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*Нерешительно*).

Нн.. ну, едва-ли.

ВЕЧЕРИНЪ (*Уходитъ*).

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

А мы Нерадину съ нимъ все здѣсь поджидали.

Другъ дома ихъ. Ну, что жъ? рассказывай скорѣй.

СВЕЛЪТСКІЙ.

Разсказъ нерадостный; къ вамъ жалости немало!
Что дѣлать съ ними! все вашъ безумствуетъ Сергѣй.

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(съ удивленіемъ)*.

Да развѣ здѣсь онъ? Я нивасъ не полагала!

СВЕЛЪТСКІЙ *(Показывая въ сторону, идѣ вокзалъ)*.

Кутить съ товарищами тамъ!

Забавять публику, а пуще же онъ самъ,
Спектаклемъ самымъ безобразнымъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(Ломая руки)*.

Ну, вотъ онъ! прибѣгай съ нимъ къ мѣрамъ, средствамъ раз-
нымъ,

О, испытаніе! смѣялся ли надъ кѣмъ
Еще такъ зло судьба! и долго-ль продолжится,
И кончится все это только чѣмъ!

СВЕЛЪТСКІЙ.

Шумятъ! какъ знать, что съ ними тамъ случится.

Немудрено свидѣтельницей быть

Прескверныхъ сценъ... такъ васъ хотѣлъ предупредить.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Такъ ты бѣги къ нему; возьми скорѣй какъ можно;
Вези, да въ городъ оставь — ночуетъ тамъ.

(Вскакивая со скамейки).

Иль я сама...

СВЕЛЪТСКІЙ *(удерживая ее)*.

Нельзя, Маріе! къ лицу ли вамъ

Такъ рисковать неосторожно.

Ну, стѣитъ ли вашъ мужъ того?

Вещь благородная отвага,

Да только ужъ не тутъ.

Да вонъ они! сюда вся шествуетъ ватага!

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(смотря вдаль)*.

Смотри, смотри! его вѣдь подъ руки ведутъ!

И это... это мужъ мой! о!... и нѣтъ закона!...

СВЕЛЪТСКІЙ.

Пожалуйста, скорѣй отсюда прочь!

Я провожу васъ до вагона...

Васъ усажу.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ!... темно ужъ... скоро ночь...

Останусь здѣсь! я сверюсь за кустами;

Одно ужъ къ одному! своими пусть глазами

Увижу, какъ друзья забавятся надъ нимъ.

А ты тутъ около меня побудь покуда.

(Уходятъ и скрываются за кустами).

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ясная, лунная ночь, около 11-ти часовъ.

Тѣминъ, Крутичъ, Проидинъ, *офицеръ Д. штат. Н. Крутичъ и Проидинъ вѣдутъ Тѣмина подъ руки.*

Тѣминъ (*остановясь*).

Нѣтъ, братцы, не могу!

Проидинъ.

Ну, Тѣминъ, не такимъ

ты прежде былъ!

Тѣминъ.

Въ глазахъ темнѣ.

Крутичъ.

Брр... дѣло худо!

Н.

Вотъ и провѣтрился! напрасно, господа,

вы отвели его далеко отъ дороги.

Д.

Куда жъ теперь мы съ нимъ? едва вѣдь тащить ноги.

Крутичъ.

Эхъ, Тѣминъ, братъ! (*показывая на скамейку*).

Да вотъ усадимъ хоть сюда.

Тѣминъ (*сидя на скамейкѣ*).

Да! северно! прежде меньше спотыкался;

вѣда вся — слабости! — духу нѣтъ!

Характера! — смѣшу я васъ, смѣшу весь свѣтъ.

А сколько разъ ужъ зарекался?

Крутичъ.

Да ужъ позднеенько, братъ! Домой, домой пора!

Тѣминъ.

Нѣтъ Крутичъ! гдѣ-бъ остаться до утра!

Домой, жены боюсь!

Проидинъ (*хохоча*).

Да вѣдь соскучится!

Тѣминъ (*махая рукой*).

Э! чортъ ли ей во мнѣ!

Давно ужъ никуда совсѣмъ, братъ, не гожуся!

Ей нуженъ не такой!

Д. (*хохочетъ*).

Горюнь же ты вдвойнѣ!

Крутичь.

Да ты не все же міру исповѣдай;

Иной секретъ самъ только вѣдай. (*Тѣминъ дремлетъ; Крутичь сидитъ около него; прочіе въ некоторомъ отдаленіи столпились въ кучку*).

Д. (*къ Проидину*).

Да что его жена? Иль въ самомъ дѣлѣ чортъ?

Знакомъ ты?

Проидинъ.

Нѣтъ; но слышно, первый сортъ,

Что называется *артистка*:

Съ двухъ людямъ видится сторонъ:

То чистый ангель, то какъ будто *нигилистка*.

Д.

То-есть, на Кушкину помахиваетъ близко?

Н.

Чортъ насылаетъ же, поди, такихъ вотъ жонъ!

Жаль бѣднака!

Проидинъ.

Да, братъ, попробуй-ка, послушай,

Что поразскажетъ онъ... зажмешь неволью уши.

Тѣминъ (*въ дремотѣ*).

Несчастливъ, Крутичь, я!

Крутичь.

Что дѣлать, братъ, смиришь.

Такіе горькіе родятся ужъ макары:

Какъ нищихъ ни корми, святимъ какъ ни молись,

А только шлютъ тебѣ несчастія, да кары.

Самъ виноватъ; куда совался—не смевнулъ.

(*Смотря въ лицо Тѣмину и присвистывая*).

Конецъ! Ночь добрая! заснулъ! (*къ товарищамъ*).

Ну, братцы, спать! и что твой отрокъ малолѣтній!

Не бросить же его; полиція возьметъ.

Проидинъ.

Э, вздоръ! до завтра здѣсь никто и не пройдетъ.

Нарочно выбрали мѣстечко посекретишѣй.

Я самъ ужъ такъ-то бы всхрапнулъ,

Да поѣздъ пропушу; а завтра въ караулъ.

Д.

Я тоже; ночью, ждемъ, не будетъ ли тревоги.

(*Удаляются одинъ за другимъ*).

Н. (*угодя за ними*).

Вотъ и провѣтрился! Напрасно отъ дороги
Далеко отвели.

Крутичъ (*одинъ*).

Льстецы! чортъ васъ бери!
Одинъ съ нимъ провожусь кой-какъ, хоть до зари.
(*Толкая Тѣмина*).

Да ну же, Тѣминъ, просыпайся!
Домой пора.

Тѣминъ (*несвязно*).

Ахъ... нѣтъ... мой домъ... Богъ съ нимъ...
Марія тамъ...

Крутичъ.

Да я съ тобой! не опасайся!
Доставлю; будешь здоровъ и невредимъ.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Свельтскій (*подбѣгая къ Крутичу*).

Благодарю васъ; какъ любезны вы, Игнатій
Ильичъ...

Крутичъ.

А! Свельтскій! вотъ, братъ, кстати!
Не прогнѣвись, бери какой ужъ есгь.

Свельтскій (*хлопоча около Тѣмина*).

Какъ намъ, отсюда бы скорѣй его отвезть. (*Къ Тѣмину*)
Сергѣй! опомнись же! пойдемъ; эхъ, братъ, нечесты!

Тѣминъ (*смотря робко на Свельтскаго*).

А! Свельтскій, ты? не близко-ль и Марія?
Ужасно стыдно, братъ... и ты не осуди.

Свельтскій (*поднимая его*).

Э, полно, брось! ну, что за пустяки такіе!
Вставай-ка! да бодрѣй... лишь молодцомъ иди.

(*Оба поддерживаютъ Тѣмина*).

Тѣминъ (*къ Свельтскому*).

Послѣдній, братецъ, разъ! вотъ Богъ тебѣ свидѣтель!

Крутичъ (*удаляясь*).

Не худо! Значить, есть въ натурѣ добродѣтель!
То-есть подъ старость за кутѣжъ
Стыдить самъ будешь молодѣжъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*выходя въ сильномъ волненіи*).

Вотъ тутъ ужъ некого впнить! Самой хотѣлось!
Проклятіе! Какъ силъ достало мнѣ!

- Чтò я тутъ слышала! Чего не наглядѣлась!

И все вѣдь это не во снѣ!

Хорошъ и судъ, и гласъ народный! Очень лестно!

Отградный выигрышъ! выигъ стало мнѣ извѣстно,

Чтò я за женщина, *похожа на кого!* (*Съ большимъ ожесточеніемъ*).

Пускай же!... будь такъ!... да!... рѣшаюсь... ничего!

Оно и съ пользою, и въ духѣ вѣва...

Чѣмъ ближе, тѣмъ прочнѣй, удобнѣе опева!

(*Показывается Вечеринъ; Марія Львовна, бросаая къ нему*).

Вечеринъ, вы?...

Вечеринъ.

Одни!

МАРІА ЛЬВОВНА (*отрывисто*).

Одна!

(*Она говоритъ скоро; въ голосъ смущеніе и какая-то судорожность*).

Сейчасъ лишь Свельтскаго по дѣлу отослала;

Мнѣ нужно... и во что бъ ни стало,

Я съ этимъ поѣздомъ отправиться должна;

Путь черезъ паркъ; живу въ такомъ пустынномъ мѣстѣ...

При Софѣ мужъ... ей въ васъ убытокъ невеликъ...

И... стало... вмѣстѣ?

До дачи вы мой проводникъ?...

Рѣшаетесь? Надъ островами

Разсвѣтъ увидите... Зарю!

Вечеринъ (*пламенно*).

Въ огонь и въ воду! Въ рай и въ пропасть, только-бъ съ вами!

МАРІА ЛЬВОВНА (*живо подавая ему руку*).

Отважный рискъ! благодарю!! (*Быстро увлекаетъ его*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Послѣ перваго акта проходитъ мѣсяць.

Ясное, раннее утро; полудикій, густой садъ; на площадкѣ незатѣливая бесѣдка съ террасой, на ней столъ, кругомъ нѣсколько мягкихъ кресель; направо отъ бесѣдки дорожка, ведущая къ дачному дому, налево—въ дачную рощу; третья, въ глубину сцены—на берегъ Невы. Марія Львовна въ утреннемъ туалетѣ, она раскинулась весьма комфортабельно въ креслѣ; предъ ней на столѣ тетради, нѣсколько книгъ; предъ открытїемъ сцены, она укладываетъ въ пакетъ листки писемъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

МАРІА ЛЬВОВНА (*бросивъ небрежно пакетъ на столъ*).

Ну, въ это утро плохъ для головы запасъ!

Вотъ посмотрѣлъ бы кто, чѣмъ душу освѣжала!

Отличное занятъе!... битый часъ

Julie записочки къ Вечеринѣ читала (*подумава*).

О, слабый сынъ боговъ!... невольнo хотъ, а стало
Не прочь и ты былъ. Въ чемъ, подумаешь, народъ
Проводить жизнь, когда въ Одессу попадетъ (*Пауза*).

Заранская жалба!—куда тянула руки!

Что значить—такта нѣтъ! жить съ разумомъ въ рПзлукѣ.

Вечеринъ и,—она!—Воображаю, какъ

Навязанный восторгъ пилъ съ божьей онъ коровкой!

И все жь умно: а то бь онъ варваръ былъ, простакъ,—

Ждутъ, страдаютъ и—отказъ!—И вредно, и неловко!

(*Подумава*) И стало съ ней теперъ не разнюсь я ничѣмъ?—

О, безобразіе! какъ жизнь людей мѣняетъ!

И скажешь вотъ: чего на свѣтѣ не бываетъ!...

Но вздоръ, тамъ *слабость*, здѣсь—другая *цѣль* совсѣмъ.

Не очень прямъ путь, но, пусть мыслить умъ смѣлѣе.

Вопросы разныя такъ сконваны въ нашъ вѣкъ,

Такъ перепутаны правъ, что человекъ

Не вдругъ пойметъ: какой путь кривъ, какой прямѣе.

Къ чему нибудь да нуль прибавить бы свой мнѣ.

Хоть цѣль и невѣрна, сладка за то отвага.

Римлянки были же; на то-ль еще онъ

Рѣшались въ видахъ общественнаго благо!

(*Останавливается, и схвативъ себя за голову:*)

Ахъ, голова моя!—Но что жь?—безвредна благ.—

(*Беретъ со стола письма и пряча ихъ въ карманъ*)

Однако, этотъ вздоръ припрятать долгъ велить.

Узнаетъ мужъ—жену на части распилить.

Глупъ и Вечеринъ. Такъ шутить неосторожно!

Богъ-знаетъ, на себя навлечъ что этимъ можно!

Безпечность, вѣтреность!—а главное нечестъ!

Чужія тайны въ свѣтѣ пускать! нѣтъ смысла, цѣли.—

Съ нимъ плохо видѣлась я на этой недѣлѣ:

Сегодня-бъ не рассчитать; другое дѣло есть.

А все же *юноша* ждать долженъ, гдѣ велѣли.

СЦЕНА ВТОРАЯ..

МАРІЯ ЛЬВОНА, *скрестя на груди руки, покоится въ креслѣ;
въ это время со стороны берса подходитъ СВЕЛЬСКІЙ.*

МАРІЯ ЛЬВОНА (*оборотясь къ нему*).

Такъ рано! что это, въ-за Невы?

СВЕЛЬСКІЙ (*подходя къ Мар. Львовнѣ*).

Кухина, здравствуйте!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Никакъ не ожидала!

Ужъ ты и выспался!

СВЕЛЬТСКІЙ (*садясь подлѣ Маріи Львовны*).

Да такъ же, какъ и вы.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, что? здоровъ? вчера ни ногъ ни головы

Не утомилъ? не потерялъ?

СВЕЛЬТСКІЙ.

Ни мало!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Да ты давно здѣсь? что жь, у мужа былъ?

Сергѣя видѣлъ?

СВЕЛЬТСКІЙ.

Да и кофе съ нимъ ужъ пилъ,

И завтракалъ...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, вотъ, голубчикъ, и прекрасно!

А что за утро!

СВЕЛЬТСКІЙ.

Здѣсь; а въ городѣ ужасно!

Да что съ Сергѣемъ? страхъ какъ занятъ! отъ хлопотъ,
Какъ говорить, едва несчастный дышетъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну... да... оставь его, полгода ровно вотъ

Имѣнье продаетъ, о немъ все что-то пишеть.

СВЕЛЬТСКІЙ.

А нынче, какъ вы? гдѣ?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ахъ, да! ты не слыхалъ?

Сегодня вечеромъ сговоръ сестры Надины:

Всѣхъ батюшка родныхъ къ себѣ пораньше звалъ.

Надѣюсь, ты не быть не выищешь причины?

СВЕЛЬТСКІЙ.

Вотъ какъ! сговоръ! Эпоха для отца.

А еще болѣе для дочки.

Какъ разъ и свадьба, чай?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Конечно ужъ; отсрочен

У бѣдныхъ дѣвушекъ лишь портятъ цвѣтъ лица,

И въ этомъ батюшка обычьямъ вѣренъ старымъ.

(Смотря пристально на Свельтскаго).

А вѣдъ признайся, ты ко мнѣ теперъ недаромъ?
Ужъ вѣрно въ трепетѣ пришлось ночь провести?

Свельтскій.

Да... ежели хотите, то *почти*.

Опасной вы такой добычей завладѣли.

Я страшно глушь былъ, что вамъ письма показаль.

За эти шалости, не разъ примѣръ бываль,

Съ предателемъ расчетъ кончался на дуэли.

Вы женщина сама; неумудрено

Зарянской пострадать, отъ переписки вздорной.

Марія Львовна.

Какія нѣжности! прошу покорно!

А впрочемъ, судишь ты и честно и умно;

И будь спокоенъ, на дуэли

Ты не умрешь.—Теперь спрошу я объ одномъ:

Какъ ты замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ?

Какимъ къ тебѣ дошли посланія путѣмъ?

Свельтскій.

Путь этимъ нѣжностямъ всегда одинъ, неновый;

Заманчивая вещь. Я взялъ отъ одного,

Тотъ отъ кого-то тамъ другого,

А первый же отъ самого

Царя души они къ одной попали дамѣ.

Не знаю, почему счелъ нужнымъ ей поднести.

Марія Львовна.

Ну... да; его *coqsine*.—При раздушонномъ хламѣ,

Къ ней и завсочка поанглійски тутъ есть.

По обѣщанью шлѣтъ, для смѣха лишь, прочесть.

Мнѣ этотъ *царь-души* знакомъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло:

На нынѣшній лишь день, оставь мнѣ письма смѣло.

Зарянская глупа, какъ разъ мнѣ по плечу.

Я побѣсить ее за вещь одну хочу.

До самыхъ писемъ дѣла мало.

Интересуюсь я *дружимъ*:

Мнѣ только хочется, чтобъ въ руки ей попала

Записочка, приложенная къ нимъ.

Свельтскій.

Чтѣ-бъ это значило? пожалуйста, прочь тайны.

Навѣрно сплетни.

Марія Львовна.

Ты ихъ любишь?

Свельтскій.

Чрезвычайно!

МАРІА ЛЬВОВНА.

Полезный для кружка Зміевскій офицеръ!
Вотъ новость свѣжая... послушай...

СВЕЛЬТСКІЙ.

Напримѣръ?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Въ день достопамятной исторіи съ Сергѣемъ...
Ну, помнишь, въ Павловскѣ... ты встрѣтилъ одного
Со мною юношу...

СВЕЛЬТСКІЙ (*любезничая*).

Да-съ, помнить честь имѣемъ...

Вечеринъ... сумасбродъ, какъ всѣ зовутъ его.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Ну... врядъ-ли... этого я въ немъ не примѣчала.

А впрочемъ пусть, будь онъ и сумасбродъ.

Равнехонько мнѣ горя мало.

Но дѣло въ томъ, какъ золь, безжалостенъ народъ!

Есть въ мірѣ тѣтушка, Зміевская прозванье.

И есть племянница, вся рукъ ея созданье—

М-те Зарянская. У нихъ-то вотъ вполнѣ

Наперечетъ всѣ дѣла и тайны свѣта.

И вотъ, благодаря усердью ихъ, онѣ-то

Теперь болѣютъ такъ, хлопочуть обо мнѣ.

Сказанье про меня, исторію сложили,

Въ которой вывели, порядкомъ объяснили,

Что вовсе я не та, какой теперь тебѣ, какой

Всему казусь я праведному свѣту.

Но будто не слыхалъ ужъ ты про сплетню эту?

СВЕЛЬТСКІЙ.

Божусь вамъ, нѣтъ!

МАРІА ЛЬВОВНА.

Ну, такъ придетъ чередъ и твой.

Короче: ты изъ ихъ узнаешь разглашенья,

Что съ мужемъ я теперь въ ужасномъ неладу.

Забыла домъ свой и веду

Съ Вечеринимъ секретныя сношенья!

СВЕЛЬТСКІЙ.

Мудреный вымыселъ! но только взять съ чего?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Мудренаго тутъ вовсе ничего!

Но живость, быстрота въ разноскѣ этой вѣсти!!

Всему граница есть, и нѣжностямъ и мести,

Онѣ жъ *чужанности* знать вовсе не хотятъ.

Движеньямъ слѣдуютъ лишь собственно-сердечнымъ,
И въ уши встрѣчнымъ-поперечнымъ.
Про вещь такъ страшную морали ихъ трубать!
Ни тѣни тактики! назадъ оглядки должной!
Вопросъ запутанный—съ разсудкомъ, осторожно,
Къ нему порядочный свѣтъ долженъ приступить,
Его обсуживать и наконецъ рѣшать.

Гонимое Зміевской заблужденье
Подъ общій подводить нелѣпо же уставъ.
Есть мало ли причинъ, гдѣ строгій судъ неправъ.
Должны имѣть и Богъ и люди снисхожденье...
Такъ, разумѣется, объ этомъ я сузѣ
Въ защиту Магдалинъ всѣхъ, плачущихъ отъ брака.
Повѣтріе!—на тѣму примѣровъ уважу:
Жена грѣшитъ—и кто жъ тутъ виноватъ, однако?

А ты? какой бы твой былъ въ этомъ дѣлѣ судъ?

Свельтскій.

По правдѣ вамъ сказать... немножко ужъ растерянъ;
Я вовсе ничего не понимаю тутъ.
Зарянская, Зміевская, Вечеринъ...
Кузина между нихъ... а пуще вашъ вопросъ,
Который бы рѣшить давно, конечно, надо...
Все это, видите-ль, какая-то шарада,
Какой-то для меня туманъ густой, хаосъ...
И вотъ чтò, года нѣтъ, какъ я съ Кавказа:
Перезабылъ всѣ ваши здѣсь кружки;
Зарянскую видалъ; не важной типъ руки;
Но эта тѣтушка? мнѣ кажется, ни разу
Нигдѣ ее я не встрѣчалъ.—
Чтò это за лицо?—жена? вдова? дѣвица?

Марія Львовна.

О, это, такъ-сказать, начало всѣхъ началъ!
И возникающихъ и гаснущихъ въ столицѣ.
Пророкъ въ своей землѣ, всѣхъ вѣстовщицъ царица.
Короче: цѣновщикъ и мертвыхъ и живыхъ,
На темя праведныхъ и злыхъ
Огонь и жупель сыплющая жрица!
Какъ видишь, типъ необщій, то имѣй
Терпѣнье выслушать подробности объ ней.
Ирина Павловна чтитъ *сильнаго*, льститъ *знати*.
Между тѣмъ, домъ ея пріютъ убогихъ братій.
И схимницъ Нимфодоръ и странницъ Прасковей.
Тутъ благъ-подательницъ честить отецъ Ипатій,

Мѣсть злачныхъ красоту поѣтъ слѣпецъ—Агей.
 Разнокалиберность повѣрій, суетъ, идей—
 Все пріютилось тутъ! живетъ нельзя просторіѣй.
 Но какъ ни грѣль сиротъ въ дому ея свѣтъ горній,
 Не той была сама *попрежде* госпожа:
 Ипатій крѣпко спалъ—нерѣдко только дворянъ
 Въ части отъ барскаго спасалась правеха!

СВЕЛЬТСКІЙ.

Суди по очерку—не съ райскаго плодъ древа!
 Да кто жъ она, вдова?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Покуда дѣва.

Осталась безъ отца довольно молода.
 Будь распреумница, но скромные доходы—
 Засѣла дѣвушка! танцуй и жди погоды.
 И, стало, некрасно текли ея года.

Заранѣ дѣва потушила
 Всю неурядицу въ кровѣ.
 И замужъ, видишь, по любви

Къ пути духовному она не выходила.
 Теперь, когда ей Богъ тьму благъ земныхъ наслалъ,
 Другой и образъ жизни сталъ.

Хоть маска та же, но корсетъ затянуть туже.
 Духовный путь совсѣмъ приманку потерялъ.
 И вотъ, затворница загрезила о мужѣ.
 Запутинъ—цѣль. — Возня, и бой ужасный съ нимъ!
 Дай-богъ, чтобъ цѣль бѣднякъ осталса!

Была пора, меня почтить онъ домогалса
 Превосходительствомъ своимъ—
 — Ирина Павловна и тутъ не безъ тревоги:
 — Не безъ особаго чутья:

Про это знаетъ... стало я,
 Какъ разъ и тутъ ей поперегъ дороги! —
 Ревнуетъ страшно! — Вотъ народъ!
 Чудовища, глупцы... одинъ другого злѣе!
 И это все тебѣ покоя не даетъ! —

(*Опускаетъ голову, и нѣсколько помолчасть*).

(Горько). Ахъ! лишній человекъ, ей-богу, на землѣ я!
 Проходить молодость, послѣдніе годъ
 Чаръ тайныхъ въ женщинѣ... а вспомнишь... Воже, Воже!—

Куда безсмысленна, темна моя звѣзда!
 На чтѣ вся жизнь, на чтѣ сама я вся похожа!
 А между тѣмъ, того ль я отъ судьбы ждала!

Т. СLXVII. — Отд. I.

Осталась тою-ли, чѣмъ прежде я была! —
 Молитвы юности, душъ чистыхъ упованье —
 Все это затемнилъ, разбилъ тревожный цуть!
 И лишь одно теперь о нихъ воспоминаанье,
 Какъ дальній благовѣсть мою волнуешь грудь...

(Закрываетъ обѣими руками лицо, и опускаетъ на грудь голову; продолжительное молчаніе).

СВЕЛЬТСКІЙ.

Кузина бѣдная! — Кто думать могъ, чтобъ вы
 Страдали такъ!... ужель ядъ силетницъ... звонъ молвы...
 Да чтò тутъ... Богъ суди васъ, сами виноваты,
 Что слѣпо такъ судьба устроила когда-то.
 Не воротать, печалью не помочь,
 Но церемонію бѣ давно пустую прочь!
 А то секретничать, ждаты дальше тамъ чего же!
 Супруга покрывать во всемъ... охота!

Ужь знаю этотъ я народъ...

Сто лѣтъ живи хотъ — проку будетъ мало...

Пусть запрещенъ у насъ разводъ,
 Чтò жь такъ бы вамъ развѣхаться мѣшало?

МАРІЯ ЛЬВОНА *(Вытягиваясь съ кресла и закинувъ назадъ голову).*

Э-э-эхъ! мало ль чтò!

СВЕЛЬТСКІЙ *(Примтивъ подходящему Тѣмину).*

— Но вотъ

И самъ недужный къ намъ идетъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Входитъ Тѣминъ; лицо его болѣзненно; одѣтъ изящно, но не по тѣмному; шея обвита пледомъ.

СВЕЛЬТСКІЙ.

Ну, чтò, братъ? кончена? бумажность вся готова?

ТѢМИНЪ.

Но нашъ братъ, знаешь самъ, бумажность какъ ведетъ.
 До завтра отложилъ, прочесть придется снова.

МАРІЯ ЛЬВОНА.

А по имѣнью моему
 Пожалуйста, ужь брось ты попеченье.
 Чтò надобно, сама составлю я; къ чему
 Упрямство гордое, напрасное мученье?

Тѣминъ (*ѣжась и потирая руки*).

Мнѣ кажется, сивозить... да и свѣжо какъ здѣсь!

СВЕЛЬТСКІЙ.

Что значить отставной! сталь просто тряпка весь.

Носилъ мундиръ, не трепеталъ отъ стужи.

А дальше поживешь, еще, братъ, будешь хуже.

Тѣминъ.

Что дѣлать, батюшка! и радъ бы съ плечъ бѣду,

Да такъ написано ужъ видно на роду.

Самъ — дѣло кончено! подчасъ о прочихъ плачу.

(*Марія Львовна, окинувъ мужа испытующимъ взглядомъ, вдругъ встаетъ и обращается къ Свельтскому*).

А ну-ка, пустимся опять на эту дачу,
Вчера гдѣ были... (*замытливъ нерышительность ея*).

Ну, что думать тутъ, живѣй!

День голубой! какъ разъ на вкусъ души моей.

Нева, окрестность — рай при эдакой погодѣ.

Ты правъ рулемъ, а я хоть не совсѣмъ по модѣ,

Грестъ стану веслами... (*обращаясь къ мужу*).

Вотъ еслибы... да ну,

Поѣдемъ-ка и ты, посмотришь на жену.

Что за хворанье тутъ! погода, благо, чудо!

Тѣминъ (*Печально*).

Боюсь; мнѣ на водѣ всегда ужасно худо.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Какъ хочешь!... Что жъ, Владиміръ? поскорѣй!

(*Свельтскій ищетъ фуражку*).

(*Къ мужу*). Ну, будь здоровъ, прощай, Сергѣй!

(*Уходя, вновь обращается и къ мужу*).

Сговоръ сестры вѣд нынче; не забудешь?

На дачу къ батюшкѣ хоть на минутку будешь? Навѣрно, время есть.

Тѣминъ.

Все страшно! пять заставить... много вѣсть.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

А ты будь умникомъ: на всякое даванье

Вросаться берегись; чти скромность, воздержанье.

Свати-ка заповѣдь ты эту съ давнихъ поръ,

Такой ли бы ты былъ!

Тѣминъ.

Ну, вотъ онъ, и укоры!

И докторально такъ! — ученья гласъ, разсудба!

(*Смотря умильно на жену*).

А все жь, твои слова, увѣрять, только шутка.
 Не отъ души вѣдь, знаю, сыплешь ты
 И эти тексты и... другія остроты.
 Такъ, впрочемъ, думаю... такъ прежде... встарь бывало.
 Теперь... какъ знать, Маріе не той, быть можетъ, стала.

МАРІА ЛЬВОВНА.

А напимѣръ?

Тѣмниъ.

Начать съ того — пустилась въ свѣтъ.
 Почаще выѣзды, построже туалеты.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Но туалетъ, какъ туалетъ... обычный.
 Всѣмъ лицамъ, барышнямъ руки моей приличныя.
 (Подавая мужу руку). И такъ, прощай! (Къ Свельтскому).

Готовъ ты лодку пескорѣй.
 (Оглядывая себя).

А мнѣ опять-таки покуда

Вниманье обратить на туалетъ не худо. (Уходитъ къ дому).

СВЕЛЬТОВІЙ (Ей вслѣдъ).

И я сейчасъ. (Подавая руку Тѣмни)

До вечера, Сергѣй! (Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣмниъ (одинъ).

Однакожь, какъ мое пріятно положеніе!
 Чортъ-знаетъ, что за роль приходится играть.
 Сровъ минулъ. — Конечно прошедшему служеніе!
 Настало то, чего должно же было ждать.
 Мечтать о счастья супружескомъ ужъ поздно.
 (Хватаясь за сердце).

Мой аневризъмъ не дремлетъ. Гровно, гровно
 Онъ расширяется, торопитъ въ гробъ меня.
 Спасибо, докторъ прямъ; сказать, что день отъ дня
 Ждать можно... все пройдетъ! — Марія пусть не знаетъ
 Про страшный приговоръ; все жь близкая душа!
 (Показывая на сердце).

А это, это какъ теперь по ней страдаетъ.
 Какъ хороша-то вѣдь, какъ хороша!
 И этотъ гордый духъ... есть явныя примѣты,
 Смирился, палъ ужъ! — Но Богъ съ ней; такія лѣты.
 Пускай пѣтъ жизнь, смотрѣтъ недолго мнѣ на это.
 Прошли года, какъ связь межъ нами прервана.

И поводъ къ этому, причина... не жена!
 Какъ ни была бъ съ тѣхъ поръ строга ея свобода,
 Борьба не впродъ — свое должна же взять природа.

(Онъ задумывается и уходитъ медленно по дорожкѣ къ дому).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спустя нѣсколько времени по уходѣ Тѣмина, изъ роуцн прокрадывается Вечерня, робко и осторожно осматривая издали бесѣдку и приближаясь къ ней:

Ну, вотъ и уголокъ отшельницы моей.

(Наконецъ, обойдя осторожно вокругъ бесѣдки).

И здѣсь нѣтъ! — Что жъ теперь? на что рѣшаться?

Гдѣ отыскать ее, увидѣться мнѣ съ ней?

Не въ домъ же къ ней, не въ комнаты вороваться!

Но странно то: встаетъ почти чѣмъ свѣтъ;

Обычный часъ ея здѣсь утреннихъ занятій.

Прогулокъ по саду, и какъ нарочно — нѣтъ!

А видимо была. *(Начинаетъ перебирать предметы, лежащіе на столѣ).*

Вотъ нашей плодъ печати.

Журналъ — сухой! А все жъ знать хочеть. — Что тутъ есть.

(Беретъ маленькій въ роскошномъ переплетѣ томикѣ).

И эта книжечка... о свѣтломъ мірѣ вѣсть!

Ковчегъ людскихъ надеждъ и теплою благодати!

(Кладя книжечку на прежнее мѣсто).

О, о Маріа!

(Отходя отъ бесѣдки).

Какъ не во время, не кстати

Затѣялъ этотъ бой со мой артилеристъ!

Охота глупыхъ пулъ его мнѣ слушать свистъ!

Свой лобъ имъ подставлять! — Э, пусть! Не въ этомъ дѣло.

Душа насытиться, упиться бы хотѣла

Теперь однимъ: увидѣть это существо,

Въ чьемъ взорѣ, голосѣ такое волшебство,

Успокоенье, власть! — Одно бъ, хотъ на мгновенье —

Съ ней слово... взглядъ одинъ... одно прикосновенье...

И въ путь бы, къ дѣлу! — Ахъ, удастся ли судьбѣ

Спаси меня! *(Озираясь).* Опять увижу ль эти сѣни?

Жизнь тагъ свѣжа, красна — и вдругъ види себѣ

Къ могилѣ страшныя отсчитывать ступени!

Будь не Маріа... но, мой жребій еще скрытъ.

Вѣдь глупость, варварство — а свѣтъ ихъ чтить велить.
 Обычай точно, что ужъ рыцарскій, дворянскій!
 Моей кузинѣ честь и всякая хвала!
 Изъ рукъ ея гулять по городу пошла
 Вся эта чепуха сердечная Зарянскоя!

Ищи теперь, какой корнетъ
 Читаетъ въ ухорскомъ кружкѣ ея секретъ. (*Омльдывается*)
 А гдѣ-то мой сопутникъ...

(*Идетъ по направленію къ рошѣ и кричитъ*).

Эй, Березинъ!

Ступай сюда, братъ, изъ своей глуши.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Березинъ (*выходя изъ роши*).
 Ну, что? И здѣсь не встрѣтилъ?

Вечеринъ.

Ни души!

Березинъ (*робко омльдываясь*).
 Приемъ гостямъ не очень-то любезенъ!
 Однако, братъ, смотри, вѣдь съ умной головой
 Сюда забрались мы, здѣсь дѣйствуемъ какъ воры.
 Тайкомъ чрезъ мостики махаемъ, черезъ рвы
 И всевозможные запретныя заборы.
 Не честь, какъ вдругъ нль мужъ, нль кто...

Вечеринъ.

Напрасный страхъ.

Мужъ человекъ недужный, хладнокровный,
 Весь день зарыть въ пуховникахъ.

Березинъ (*омльдывая садъ*).

А только странный вкусъ у этой Марьи Львовны
 На дачѣ нѣжится такой!

Не будь дорожекъ — просто лѣсъ глухой!
 Прямая Соховья-разбойника обитель!
 Повсюду дикость, мракъ...

Вечеринъ.

О вкусахъ ты судитель,
 Какъ вижу я, плохой.

Оставимъ критику на дачу.

Теперь попробуемъ послѣднюю удачу.
 Поди-ка, обойди ты весь легонько домъ,
 Поразмотри, какъ зоркій Мефистофель,
 Балконы, огни всѣ кругомъ:

Не промелькнетъ ли тамъ — гдѣ нашъ суровый профиль.

И если нѣтъ — то, конечно! — Домой
Идёмъ. — Пора приготовляться.
Кой въ чѣмъ устроимся, а тамъ и на убой!
Давай ребачиться, стрѣляться!

БЕРЕЗИНЪ.

Жаль мнѣ тебя, сердечный другъ!
Готовишься богъ-вѣсть къ какому рпску!

На кой-чортъ изъ своихъ ты руеъ

Въ свѣтъ кинулъ эту переписку?

Еще бы за сестру да не вступился братъ!

И не пѣняй; кругомъ здѣсь самъ ты виноватъ.

Самъ на свою накликалъ бѣду голову.

Вечеринъ (*схвативъ его за плечи и толкая*).

Ну, ну! ступай же! марши! на рекогносцировку.

(*Березинъ уходитъ по дорожку въ рошу*).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Вечеринъ (*одинъ*).

Онъ правъ; всему вина—довѣрчивость, моя
Безпечность. Да и было до того ли.

Весь этотъ мѣсяцъ съ рокового дня

Я въ странномъ былъ чаду, въ какой-то новой школѣ:

У духа чистаго въ чарующей неволѣ!

Чтѣ-бъ случай мнѣ теперь ни присудилъ,

Не всплачусь на небо—надъ мною посіяло.

Судьба изъ рѣдкихъ чашъ и мнѣ одну послала.

И я до дна, до дна ее испилъ

Подъ властью женщины высокой этой, чудной.

Для человѣчества безцвѣтный былъ я плодъ;

Не шелъ для благъ его стезею мнготрудной,

И предъ другими вдругъ такой мнѣ предпочѣты!

А чувствую, что съ этимъ свѣтлымъ жаромъ,

(*Показывая на грудь*)

Съ огнемъ въ моей kloчущимъ груди,

Я въ мѣрѣ прожилъ бы недаромъ,

Въ челѣ бъ слугъ роднымъ стоялъ не позади!

(*Вынимая изъ кармана листокъ*).

Ея ко мнѣ вчерашняя записка!

Приказъ—ждать вечеромъ уже ее къ шести.

Къ шести!—А въ три дуэль!—и поздно и неблизко.

И могутъ въ добрый часъ мнѣ голову снести.
Во всякомъ случаѣ день нынѣшній прости.

(Оглядывая кругомъ весь садъ).

Вотъ онъ, эдемъ ея и грезъ и строгихъ бдѣній!
Онъ первый нашихъ тайнъ свидѣтель мрачный былъ.
Въ свои широкія, раскидистыя сѣни
Въ ночь незабвенную насъ принялъ, пріютить.
Ночь возделъвиная!—Нева чуть-чуть плескала;
Ходили по небу густыя облака;
Луна то гасла въ нихъ, то снова выплывала;
Съ рѣки дулъ вѣтерокъ предъутренній легка.
И шумъ густой кругомъ! Симфонія дубравы!
Аккорды, слѣтше въ таинственной глуши
Съ неистощимой, бурной лавой
Маринной души!

Лѣсъ тѣмный пѣлъ... она жила... она сіяла...

И вотъ заря, заря вдругъ запылала...

(Схвативъ себя за голову).

Но... чара мимо!... часъ приходитъ... жди другой
Теперь я сцены... будь другому чувству вѣренъ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Вдали на берегу показывается Березинъ, онъ обращается къ Вечернну и, махая рукой, кричитъ:

Сюда, сюда! скорѣй ко мнѣ, Вечеринъ!

Смотри, вонъ онъ гдѣ, вдоль твоей.

Вечеринъ *(Подбѣжавъ къ нему и смотря съ берега).*

Она, она! съ какимъ-то офицеромъ.

Березинъ *(Толкая Вечерина, съ жаромъ).*

Да ты гляди, какинъ отличнымъ вѣдь манеромъ

Работаетъ-то, веслами гребетъ...

Какъ ловко, ровно... браво, браво!

Вечеринъ *(Произноситъ эти слова съ тактъ съ удивленіемъ веселья).*

Что? какова, братъ?

Березинъ.

Честь родителю и слава!

Натура сильная! въ бѣдѣ не пропадетъ!

Вечеринъ (*Смотря жадно вдаль*).

И стало-быть... скрѣпись душа... не захватили!

Темно въ глазахъ... чуть видится звѣзда.

А какъ они... давно ль... куда?

Березинъ.

Передо мной лишь отвалили.

На берегу мальчишка пояснилъ,

Гулять отправились къ какому-то тамъ парку.

Вечеринъ (*Продолжая смотреть*).

Скрываются, скрываются... за барку

Сейчасъ же поворотъ... (*Останавливается, и потомъ*)

Ну, вотъ и слѣдъ простылъ! (*Кланяясь*).

Прощай, голубушка! и можетъ быть навѣчно.

(*Онъ отворачивается и поспышно прикладываетъ платокъ къ глазамъ*).

Березинъ (*Дергая за руку Вечерина, тревожно*).

Эй, эй! стыдись!—готовъ ты плавать, другъ сердечный!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

На дачѣ Погодьева. Вечеръ того же дня; въ комнатахъ освѣщеніе. Отдѣльная отъ другихъ комната; три двери; двѣ изъ нихъ среднія; въ нихъ входятъ и выходятъ дѣйствующія; третья боковая; въ дальнихъ комнатахъ слышна бальная музыка.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*Выходя на сцену*).

Какъ ни стараюсь—нѣтъ! ничѣмъ не успокою

Пустыхъ тревогъ! все та жъ исторія съ душою.

Какая-то внутри разладица... тоска... (*подумавъ*)

Вечеринъ... да! меня онъ знаетъ... и со мною

Такъ поступить!—Бѣда, пускай, невелика...

А бѣситъ!—Не ждала подобной неудачи!

Нивакъ достаточной причины не понять!

Въ условный часъ проѣхала разъ пять—

И нѣтъ! одно—иль слѣгъ, иль въ ссылку прямо съ дачи!!

(*Задумывается*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПОГОДЬЕВЪ и МАРІЯ ЛЬВОВНА.

ПОГОДЬЕВЪ (*Подходя къ Маріи Львовнѣ*).

Вотъ встаетъ, что одна. Хоть счастье помогло

Немаловажное почти устроить дѣло;

Но какъ-то на сердцѣ все грустно, тяжело.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Немудрено: частица духа, тѣла

Вдругъ отрывается...

ПОГОДЬЕВЪ.

Да! остальная дочь

Идетъ въ безвѣстность, домъ отцовскій покидаетъ.

Останусь одинокъ; на добрую васъ ночь

Кто выше, тамъ, пусть онъ впередъ благословляетъ.

Довольно послужилъ царю и пожилъ я;

Путь прамъ ли былъ мой—свѣтъ пусть скажетъ и семья.

Не мнѣ добро и честь; иная въ тайнѣ сила

Во всѣхъ дѣлахъ, въ путяхъ меня руководила.

И приближается *другое* вотъ теперь.

Я вѣрилъ имъ, и ты, Марія, вѣрь:

Есть тайныя въ душахъ предвѣстья, предреченья...

Недолго жить мнѣ. Врагъ жемудраго ученя,

Я не преслѣдовалъ секретовъ бытія.

Химерамъ не внималъ досужаго невѣжды.

И пусть приходитъ часъ мой — не утрачу я

Отъ колыбели намъ завѣщанной надежды.

Забота о тебѣ: на жизненномъ пути

Вносишь бури ты; я знаю ихъ причину.

Но Вышній милосердѣ; ихъ можетъ пронести;

Не покидай твсей поддержкою Надину.

Себя побереги; не въ силахъ я тебя

Переучить; твоимъ порывамъ не судья...

Но долгъ отца велить...

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*Перебивая*).

Оставитъ монологи,

Которымъ вовсе здѣсь не мѣсто и не часъ;

И успокоится покуда отъ тревоги,

Теперь волнующей такъ васъ.

Скажу по вашему, по умной старинѣ я,

Что утро вѣчера гораздо мудренѣе.

ПОГОДЬЕВЪ.

Ахъ, да! никто какъ Богъ—у женщинъ голова

Подъ часъ ученостью болить въ кошунству близкой.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Что за намѣки, за слова!

Ужъ не считаете ль меня въ нигилисткой?

Избави Богъ! куда бъ я хороша была,

Когда бъ за мелюзгой на проповѣдь пошла

Какого тамъ нибудь семинариста!

И пастыръ не на вкусъ, и честь невелика.

ПОГОДЬЕВЪ (*Съ раздраженіемъ*).

Да явственнѣй скажу: подь словомъ нигилиста
Я разумѣю дурака.

Въ которомъ ни души, ни проку никакого!

МАРІА ЛЬВОВНА.

Немного жѣсткое, непринятое слово!

ПОГОДЬЕВЪ.

Да прямо русское за то, а не страшни
Наёмныхъ шалуновъ. Но вѣрю—придутъ дни,
Донѣльзя *слава* родъ бездарный не уронить;
Возникнетъ, явится народъ у насъ иной;
Со сцены мелюзгу торжественно погонять,
И дѣло поведетъ на ладъ совѣмъ другой.
По части всякихъ а теорій членъ побочный;

И утверждаю лишь одно:

Все, что не истина—непрочно;

И рано ль, поздно ли—окажется смѣшно.

МАРІА ЛЬВОВНА.

И такъ, аминь! Пусть Богъ услышитъ ваше слово,

И въ дѣло книжное у насъ прольетъ свѣтъ новыи.

(*Обнимая отца и поворачивая его къ дверямъ*).

Теперь пора туда—пророка гости ждутъ.

ПОГОДЬЕВЪ.

Пророкъ я, не пророкъ, а только здравый судъ

И истину люблю.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ЗАПУТИНЪ (*Входя въ друія двери*).

Ну, вотъ, старайся!

Мечись по всѣмъ угламъ, за ней гоняйся!

Богиня рѣдкого и духа и чутья!

Да нечего сказать, хорошъ и я!

Почти полвѣка прожилъ ровно,

А всё ребячится душа!

Соблазнъ, зараза мяѣ, Марія эта Львовна!

Мой совершенно сортъ! чертовски хороша! (*Подумавъ*).

Заманчивъ случай такъ... ни въ чѣмъ большаго чуда!

Ни друга милаго, какъ кажется, покуда.

Ни мужа дѣльнаго... оно хоть не безъ врагъ,

Хоть слухъ и есть... да вздоръ, не можетъ бытъ!—но какъ

Съ ней дѣйствовать? Вотъ что придумаю нутка!

Чѣмъ болѣе возьмешь,

Серьёзнымъ ли умомъ, посильною ли шуткой?
 Такъ изворотлива... злодѣлку не поймешь! (*Остановясь*).
 А между тѣмъ совсѣмъ другого рода
 Гнѣздится здѣсь червякъ (*Показывая на сердце*).

Лишь вспомнишь — стынетъ кровь!

Опять скажу: завидная природа!
 Надъ головой топоръ, а на сердцѣ любви!
 И день и ночь, какъ ржа желѣзо.
 Мнѣ эти *тысячи* нещадно гложутъ грудь.

Во что-бъ ни стало, гдѣ-нибудь,
 А приобрѣсть, на дняхъ, ихъ нужно до зарѣва!
 (*Показывается Зарянский*).

Зарянский!—э, да вотъ!—пройдоха, фарисей,
 А можетъ быть... какъ знать! приступимъ-ка скорѣй.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Запутинъ и Зарянский.

Запутинъ. (*Атакую Зарянскаго*).
 А! Евдокимъ Ѳомичъ! и васъ принёсъ Богъ!—ну-ка,
 (*Тащитъ его къ дивану*).

Сюда вотъ, батюшка... изъ города, чай?

Зарянский (*Садясь*).

Да! (*Отдуваясь*)

Усталъ! по мостовымъ ѣзда,
 Не приведи ты Богъ! всѣ кости... просто—мука!
 На чтѣ ни глянь—разладъ, бѣда!
 Скорбишь духовно и тѣлесно.

Запутинъ.

Да, батюшка! вашъ плачь не вымысль, не слухъ:
 По мостовымъ ѣзда у насъ... извѣстно:
 Не застоитъ кровь и не заспится духъ! (*Треплетъ его по плечу*).
 Ну, какъ скажите-ка, дѣла, доходцы ваши?

Отъ разныхъ ломогахъ, перемиѣнъ,
 Господь-Богъ милуетъ, не пьёте горькой чаши?

Зарянский (*Вздыхнувъ*).

Да! слава Вышнему! дождались мы времени!
 Что шагъ, то новое въ дѣлахъ постановленье.
 Такой-то ужъ по русской всей землѣ

И миръ сталъ и благоволенье,
 Что выступаетъ потъ холодный на челѣ!

Запутинъ.

Нельзя-съ!!—общественное благо!

Молитесь, батюшка; вся эта передрага
Дала Руси давно-желаемый толчокъ.

З а р я н с к і й *(иронично)*.

Какъ не молиться!—Кто ужъ толчку не благодарень.

Немалый сверху внизъ скачокъ:

Помѣщикъ, поглядишь, сталъ самъ слуга, самъ баринъ,

И вольной птицей мужичокъ!

Съ его ли долей жить ему теперь безъ дѣла;

Духъ благо бодръ, силѣнъ не по уму:

На улицѣ тебѣ заѣхалъ въ личность смѣло,

Сорвалъ съ плечъ голову—и нѣтъ суда ему!

Была вотъ плеть, хотъ та пугала...

З а п у т н ы ѳ .

Ну, батюшка! не впрокъ всесвѣтныи вамъ прогресъ!

Въ крови еще у васъ, по прихоти небесъ,

Остались цѣликомъ монгольскія начала.

Кривенекъ, доложу, на мужичка вашъ взглядъ;

Конечно, не маркизъ! размахистъ, ломоватъ,

Но есть же и изъ нихъ... святой долтъ честно правать!

Такия иногда дѣла спроста творять,

Что монументы имъ, почтеннѣйшій мой, ставать.

З а р я н с к і й .

Да, ставать... ставать... судъ потомства справедливъ.

Ну, какъ вы сами-то?

З а п у т н ы ѳ .

Да вотъ покуда живъ.

З а р я н с к і й .

И развлеченье все на прежнія манеры?

А я вѣдь съ предложеньемъ къ вамъ:

Заводимъ общество—хотите въ акционеры?

Цѣль—человѣчество, удобство бѣднякамъ.

З а п у т н ы ѳ .

Удвой Богъ милость къ вамъ за добрые примѣры!

Вотъ видите ль, я очень бы не прочь

И человѣчеству и обществу помочь,

Да... фонды, батюшка, въ такомъ всѣ обращеньѣ...

Удобствомъ собственнымъ никакъ не заведусь!

Во что ни брошусь, ни пушусь,

Вездѣ разладъ или взыскъ на мѣсто приращенья.

З а р я н с к і й .

Гм!.. развлеченье! нѣтъ сметки дѣло вестъ.

З а п у т н ы ѳ .

А знаете ль, проектъ и у меня вѣдь есть,

И тоже просьба къ вамъ о маленькой помогѣ.

ЗАРЯНСКІЙ.

Гм!... Что жь это?

Запутинъ (*видя вдаль ходящихъ гостей*).

Но мы здѣсь на большой дорогѣ,

Неловокъ дѣльный разговоръ. (*Поднимая Зарянскаго*).

Пойдемте-ка туда подалше, на просторъ. (*Онъ ведетъ Зарянскаго подъ руку въ боковую дверь и приовариваетъ*):

Эхъ, Евдокимъ Омичъ! лѣта свое брать стали.

Все боленъ, батюшка, а докторъ страшно плохъ.

Умрешь; запрячуть въ гробъ, и поминай какъ звали!

Вещь скверная! особенно въ расплохъ.

Не дай ни мнѣ, ни вамъ конца такого Богъ.

ЗАРЯНСКІЙ.

Смерть что? пусякъ; плошать, пока живъ, негодится!

Запутинъ (*про себя*).

Подика-ты вотъ съ нимъ! и смерти не боится!

Знать плоховать; удачи не бывать!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣвицы Блюмъ и Свистичъ.

Дѣвица Блюмъ (*обмахиваясь оперомъ*).

Ужасно душно какъ! Охота же въ такую

Жару и танцы затѣвать!

Дѣвица Свистичъ (*жemasя*).

Но все жь, ты сдѣга, пріятнѣй чѣмъ звать,

Иль слушать болтовню вокругъ себя пустую.

Хоть можеть и смѣшно имъжъ, а признаюсь

Вамъ, танцы страсть моя.

Дѣвица Блюмъ (*серьезнымъ тономъ*).

Меня лишь исключите

Изъ этихъ вы *иныхъ* — я не смѣюсь.

Дѣвица Свистичъ.

А почему жь вы говорите,

Что граціи нѣтъ въ танцахъ никакой?

Дѣвица Блюмъ (*дѣлая движеніе плечами*).

Но это лишь на вкусъ несчастный мой!

По мнѣ всѣ танцы лишь пустая

Работа бойкихъ ногъ и одурь головы;

Въ чемъ не сознается, конечно, ужъ большая

Часть балетмейстеровъ, ни вы...

Дѣвица Свистичъ.

Не понимаю, что за правила, за нравы
Теперь у насъ! Дѣвицѣ вашихъ лѣтъ,
И такъ судить! Смотрѣть сурово такъ на свѣтъ!
Ей надо жить, ловить невинныя забавы...

Дѣвица Блюмъ.

То-есть причудничать. Все пѣть бы да скакать?
И какъ балованной приличествуетъ дочкѣ,
Въ галантерейности сердечныя играть?

Водить собачекъ на шнурочкѣ?
Не правда ли? Куколкой быть? «Полинькою Саксъ?»

Дѣвица Свистичъ.

Опять-таки, та сѣге, не понимаю васъ!
Кто жь эта Полинька? Не помню я... забыла.

Дѣвица Блюмъ.

А это, видите ль, была одна
Смиренномудраго угодника жена.
Вѣкъ свой въ шелку да въ бархатѣ ходила.
Ребяческую дурь считая за красу
Души, различные скандальчики любила
Разъигрывать у мужа на носу.
А оттого, что все рѣзвилась, дѣломъ мало
Была въ дѣвицахъ занята.

Дѣвица Свистичъ (съ язвительной двусмысленностью).
Скажите, какъ была лѣнива, какъ пуста?

Дѣвица Блюмъ.

Но, въ счастью, на *такихъ* цѣна теперь упала;
Свѣтъ поумнѣлъ; ему не до причудъ.
Травгуешь *куколокъ* безъ нѣжныхъ онъ прелюдій;
Пошлякъ *шалуньями*, порядочныя жь люди
Ихъ *полудурьями* зовутъ.
Куда глаза глядятъ, отъ женъ такихъ бѣгутъ.

Дѣвица Свистичъ.

Такъ вотъ какъ судите, какъ вы на свѣтъ глядите!!

Блюмъ.

«Такъ судить всякій, кто свой тянетъ путь пѣшкомъ,
«И добываетъ хлѣбъ свой собственнымъ трудомъ»...
Ну, а на *вашъ* взглядъ, какъ? Скажите:
Надина и женихъ? другъ друга стоятъ?

Дѣвица Свистичъ (съ большою двусмысленностью).

Д... да.

Надина, впрочемъ, никогда
Роскошною не называлась розой.

Безстрастна... холодна, талантовъ никакихъ!

Онъ тоже, кажется, порядочная проза.

(Съ крайней живостью и язвительностью).

А знаете ли, ужасно, какъ женихъ

Похожъ на вашего *последняго*... который

На васъ посватался, да послѣ ужъ сговора

Ухалъ, говорятъ... исчезъ куда-то вдругъ?

Конфузъ немаленькій для дѣвушки-сиротки...

Блюмъ (пожавъ плечами).

Что дѣлать! не судьба! Изъ нашихъ съ вами ругъ

Такъ и скользятъ подобныя находки.

Погодьевъ счастливъ тѣмъ, всѣ дочери умны,

Благовоспитаны, а главное — такъ вротки.

Дэвица Свистичъ.

Свободнымъ духомъ не заражены!

Какъ, напримѣръ, Marie...

Дэвица Блюмъ.

А что же

По вашему, Marie?

Дэвица Свистичъ.

Да сохрани васъ Боже

Поддаться правиламъ, ея адепткой быть.

День стоитъ лишь провести, съ ней часъ поговорить,

Перевернется мозгъ, завянутъ просто уши!

Родятся жъ черствыя на свѣтъ такія души!

И не дивлюсь, что въ простотѣ своей,

Ирина Павловна при встрѣчѣ съ ней

Креститься всякій разъ готова.

Дэвица Блюмъ.

Ирина Павловна, какъ видно, нездорова;

А у Marie такъ свѣжъ моральныхъ силъ запасъ.

Дэвица Свистичъ.

Какъ это свѣжъ? Опять не понимаю васъ.

Marie безнравственна!

Дэвица Блюмъ (съ жаромъ).

Нѣтъ! это ей несродно!

Лишь вспомните ея поступокъ сумасбродный

Съ покойной матерью... Пожертвовать собой,

Чтобъ умирающей исполнить только волю,

Избрать не по сердцу — духъ надобенъ какой!!

Дэвица Свистичъ.

Что жъ? Вышелъ мужъ... дай Богъ и вамъ такую долю.

Она же... стыдъ ей, какъ пятнаетъ свой вѣнецъ!

Дѣвица Блюмъ (*зажимаетъ свои уши*).
 Но... но... Оставьте же... довольно наконецъ!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ТѢ ЖЕ И ЗАРЯНСКАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ (*къ Свистичъ*).

Александринъ! Тебя мнѣ надо. (*Показывая ей листокъ*)
 Вотъ драгоценность-то нашлая, посмотри.
 Я говорила тамъ сейчасъ съ Marie...
 Любезна нынче такъ, чему-то страшно рада.
 Казала карточки... и вынимая ихъ,
 Вещицу вотъ какую обронила.

Дѣвица Свистичъ.

А чтò же это бы такое было?
 Къ кому и отъ кого?

ЗАРЯНСКАЯ.

Недалека жъ въ своихъ
 Догадвахъ ты. Ну, какъ по крайней мѣрѣ
 Ты думаешь?

Дѣвица Свистичъ.

Да дай же мнѣ взглянуть...

(*посмотрѣвъ въ записку*).

Ни слова не пойму въ бессмысленной потерѣ!
 Да на какомъ это?

Дѣвица Блюмъ (*пробывая записку*)

Поанглійски; и суть

Вся въ томъ: какія-то къ сестрѣ рукописанья
 Шлеть кто-то, и чужимъ ихъ просить не давать.

ЗАРЯНСКАЯ (*вырвавъ изъ рукъ Блюмъ
 записку*).

О, гдѣ вамъ! вздоръ!

Да что тутъ много толковать.

Смыслъ очень ясенъ: *часъ и мѣсто для свиданья!* (*къ Свистичъ*)
 А главное, рука чья?—кто, узнай, писалъ?

Дѣвица Свистичъ.

Вечеринъ?

ЗАРЯНСКАЯ.

Да!

Дѣвица Свистичъ.

Фи, фи! Marie!... упасть такъ низко.

(*къ Блюмъ*) Ну, вотъ вамъ! вашъ каковъ прекрасный идеалъ!
 Замужней женщины съ мужчиной переписка!

Дэвица Блюмъ.

Такъ что жь? Магге умна.—Прекрасный почеркъ, слогъ.
Сноситься всякому полезно съ ней и лестно.

Дэвица Свистичъ (*показывая на Блюмъ*).

Резонъ, резонъ!!—Въ Магге ей все умно и честно!
Измѣна—не бѣда, грѣхъ смертный—не порокъ!

Дэвица Блюмъ.

Тутъ дива нѣтъ; но вотъ что пахнетъ чудесами.
(къ *Зарянской*). Почему же вы-то знать могли
Что это онъ писалъ? съ нимъ вѣроятно сами
Корреспонденцію когда нибудь вели?

Зарянская (*не зная, что отвечать,
въ сторону*).

Прошу покорно! вотъ невѣста отставная!
Какой вопросъ мнѣ задала!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тѣ же и МАРІЯ ЛЬВОВНА.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*обращаясь къ Блюмъ*).

Mein Liebe Блюмъ! въ васъ крайность тамъ большая,
За вами я пришла:

Кадриль кому-то обѣщали. (*Стоитъ обнявши Блюмъ*)
(къ *Свистичъ*) За васъ боюсь. Чтобъ вы у насъ не проскучали,
На демонскую глядя суету.

Дэвица Свистичъ (*подко*).

При танцахъ мнѣ скучать! — о, нѣтъ! сказать вамъ надо,
Годъ круглый демона я тѣшу до упада,
И въ мелкихъ слабостяхъ всѣхъ каюсь ужъ въ посту.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

А я такъ въ крупныхъ все!

Дэвица Блюмъ.

Какъ за Nadine я рада!

И долго не ждала я по сердцу нашла.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*беретъ за руку Блюмъ*).
Благодарю. Я въ васъ увѣрена была.

Дэвица Свистичъ.

Но... до вѣнца еще далеко отъ сговора.

Nadine покуда не жена:

Примѣта общая: что скоро, то неспоро;

Всего невѣста ждать должна.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*вздыхнувъ*).

Да-съ! дѣло тѣмное; зависить,
Кто у судьбы въ какой чести:

Однихъ до всяческихъ небесъ она возвыситъ,
 Другимъ дастъ крестъ, что и верблюду не снести.
 На всѣ манеры ихъ муштруетъ, дрессируетъ,
 Вичуетъ жертвъ съ-плеча! — Блаженъ, кому
 Творецъ духъ стойкости даруетъ:
 Не сломить шею крестъ ему.

Иначе трусь какъ разъ присесть на колѣни. —

Дэвида Блюмъ (*схвативъ руку Маріи Львовны*).

Сейчасъ примѣтно, что крестилъ васъ умный геній.

(*Постынно уходитъ*).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Зарянская (*къ Маріи Львовнѣ*).

А вотъ что, сѣге ашіе... съ тобою нужно мнѣ
 Пообъясниться кой-о чемъ наединѣ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Готова слушать.

ЗАРЯНСКАЯ.

Но... теперъ нельзя... танцую.

Ты слышишь, начали. (*Уходитъ съ большимъ самодовољствіемъ*).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

МАРІА ЛЬВОВНА (*къ двоицѣ Свистичъ*).

Парь, что хочеть злую

Какую мнѣ нибудь загадку объяснить.

Дэвица Свистичъ (*оглядывая насмѣшливо Марію Львовну*).

Немудрено; все очень можетъ быть.

Признательность, услуга за услуги (*уходитъ*).

МАРІА ЛЬВОВНА (*одна*).

Вотъ бѣдненькимъ дала занятъе на досугѣ!

И что за выродки — ни сердца, ни мозговъ!

И съ ними я возись! — День выдался таковъ.

Что шагъ, то рана въ грудь! — досада за досадою!

И дѣлать нечего; пить жолчь да капли надо.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

(*Приближается Запутинъ*).

МАРІА ЛЬВОВНА.

А Петръ Петровичъ вѣчно на ногахъ!

Въ движенъѣ! ищетъ все чего-то.
И что же? какъ дѣла?

Запутинъ.

Не въ розовыхъ лучахъ;
Всѣ поиски пока напрасная забота!

МАРІА ЛЬВОВНА.

И такъ нашъ не проходить Юрьевъ день?
Плоха удача?

Запутинъ (*показывая на свою шею*).

Да-съ! хоть петлю воиъ надѣны!
А впрочемъ, право, я философъ, хоть недалежный.
О чемъ тутъ горевать? предметъ матеріальный.

Пусть не теперь... не вдругъ...

А ужъ искомое не ускользнетъ отъ рукъ.

(*Вздыхая и смотря умильно на Марію Львовну*).

Другіе иски есть... тяжеле...

МАРІА ЛЬВОВНА.

Ну! едва-ли!

Окончись первые, *другіе* бѣ крѣпче спали.
И вотъ что васъ спроситъ работа мнѣ пришла:
Случиться можетъ, что иной историкъ станетъ
Присяжныхъ личностей обсуживать дѣла, —
Хотѣла бѣ знать: какимъ добромъ онъ васъ помянетъ?

Запутинъ.

Ну... этого нельзя рѣшительно сказать:
Коснись гдѣ служба... долгъ... стумѣемъ вонъ изъ ряда
И выступить и свой умишко показать,
Принять и чопорность и видъ какой гдѣ надо.
Есть струны слабыя... пусть тагъ... но кто жъ подь-часъ
Не поступалъ, не дѣйствовалъ изъ насъ
Подъ обаяніемъ, вліаніемъ минуты,
Не рвалъ присяжныхъ во имя сердца путы?

Съ натурой спорить мудрено;

Горбатаго исправить лишь могила.

Я что!—последнее въ быту своемъ звѣно!
А есть дѣльцы... съ какимъ умомъ, съ какою силой,
И тѣ безъ заднихъ думъ, критической борлбы,
Нерѣдко слабые божковъ своихъ рабы.
Да вотъ хоть *Буксъ*... куда, смотрите-ка, поставлены!
Обвѣшанъ почестыми, занятыи подавленъ...
Добрѣйшая душа! — а между тѣмъ...

Рабы сердца мученикы! предъ кѣмъ
Изъ этихъ гурій, міръ чарующихъ созданий,

Не таетъ онъ? какихъ онъ имъ не платить даней?
 А дѣятельность? гдѣ такая? у кого?
 На свѣтскомъ раутѣ, въ монашескомъ жилищѣ,
 На взморьѣ, на пескахъ, въ театрѣ, на кладбищѣ,—
 Вездѣ поспѣлы! вездѣ вы встрѣтите его! —
 Вотъ образецъ! не сушь пуриста-самодура,
 Который на кострѣ весь міръ готовъ спалить,
 А прямо русская, широкая натура!
 Куда ни поверни — на всѣ хватъ руки биты!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*смотря на него съ сожалѣніемъ*).

Счастливыи человѣкъ!

Запутинъ.

Да-съ! именно отъ счастья

Схожу съ ума! смотрю — не посмотрюсь.

На васъ молюсь — не намолюсь!

И все напрасно! хотѣ бы на волосъ участья!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну вонъ чтó на умѣ! Глотай вакую сласть я!

Безъ церемоніи скажу:

Вы мнѣ наскучили; терается терпѣнье!

Вы нерѣшительны — и я безъ затрудненья

Сама вамъ и языкъ и руки развяжу.

Такъ слушайте-жь: вамъ нравится немножко,

Быть можетъ, носъ... моя головка, плечи, ножка...

И... мало-ль чтó! — ну, вы... вы влюблены въ меня..

Но вѣдь я замужемъ, я связана... чего же

Хотите вы? — ну, чѣмъ помочь могу вамъ я?

Вы знаете, вѣнецъ... супружеское ложе...

По вашимъ правиламъ, какъ строго чтить должно.

Такъ разсудите же, подумайте, къ чему же

Сбивать съ пути жену, красть собственность у мужа?

Вѣдь какъ хотите вы... и стыдно и грѣшно!

Другъ дома вы отца, меня вы старше втрое;

Людей руководить должны въ мои года...

А вы межъ-тѣмъ... скажу вамъ разъ и навсегда:

Оставьте вы меня въ покоѣ—(*отвертывается и про себя*):

Подумать страшно, чтó я вру ему такое!...

Запутинъ.

Скажу и я: уму находчивому честь!

И цѣломудрію неслыханному слава! (*подумавъ*)

И такъ слѣпецъ прозрѣлъ! — Благодарю васъ, право!

По крайней мѣрѣ, фактъ на живость сплетенъ есть.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (съ сторону).

Какъ я низка предъ нимъ! — (вслухъ и смотря въ окно)

А воздухъ самый лѣтній!

(Беретъ подъ руку Замутина)

Пройдемтесь по саду, поговоримъ про сплетни. —

(Уходятъ въ боковую дверь, и въ это время выходитъ изъ дружки дверей Тѣминъ).

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тѣминъ (смотря въ слѣдъ жене).

О! — вотъ она! — мое мученье, свѣтлый духъ! (помолча)

Какъ въ это время жизнь всего меня измѣла!

Съ тѣхъ поръ, какъ мой усилился недугъ,

И въ сердце тяжкая увѣренность запала —

Вещь странная!... Она мнѣ почему-то вдругъ

Земнымъ сокровищемъ, первѣйшимъ благомъ стала!...

Моя!... но что же, что жъ мнѣ въ томъ? — Она вся — страсть —

И нѣтъ отвѣта ей! — Такъ близко обладанье —

И не моя имъ пользоваться часть! —

Не мученица-ль жизнь? не адское-ль страданье! —

(Схвативъ за голову).

О, что выносить крови! какъ мозгъ недужный мой

Безцѣльно ревность вдосталь сушить,

Когда вдругъ вспомнишь, какъ другой... чужой

Мою Маріе въ своихъ объятяхъ мучить... душить...

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тѣминъ и Зміевская.

Зміевская (подходя къ Тѣмину).

Мсьё Тѣминъ! — что это? больны?

Узнать нельзя! такъ худы! такъ блѣдны!

Скажите, отчего? — что въ самомъ дѣлѣ съ вами?

Тѣминъ (онъ принимаетъ тонъ совершенно обеззабоченнаго человека).

Да просто боленъ, какъ вы видите и сами.

Зміевская.

За то Маріе... жизнь такъ и пышетъ... ахъ!

Какая пламенность въ глазахъ, во всѣхъ чертахъ!

Невольно вѣришь, что въ какия-то смущенья

Въ восторги чудные приводятъ всѣхъ мужчинъ

Движенье каждое, ея лишь видъ одинъ.

Тѣмниъ.

Да-съ! демонъ ловкій! будь хоть кто — отъ искушенья
Отмолятся не вдругъ.

Зміевская.

Оно... конечно... такъ.

Вы застрахованы; а будь... неравенъ бракъ
И демонъ самъ! — сперва смущенья; искушенья,
А тамъ и слабости и клятвенарушенья. (*Вдругъ останавливается
и поднимъ глаза къ небу*).

О, Господи! прости мои ты прегрѣшенья,
Какую рѣчь веду! (*Вновь обращаясь къ Тѣмни*).

И что-бъ, тогда, спрошу,

Вы объ исторіи подумали подобной?

Тѣмниъ.

Но кончите, пожалуйста, прошу (*поддѣлываясь подъ ея тономъ*).
Храненье на уста и на языкъ незлобный!

Зміевская.

Mais à propos: Запутинъ генералъ
Здѣсь часто?...

Тѣмниъ.

Гость почти всегдашній.

Зміевская.

Вашъ демонъ въ садъ сейчасъ его умчалъ.
Родъ обращенья съ нимъ parfaitement домашній!
А этотъ, слышали, знакомый вашъ другой,
Забыла какъ... онъ ѣдетъ за границу.

Тѣмниъ.

Нѣтъ-съ, не слыжалъ. Но кто жъ это такой?

Зміевская (*припоминаетъ*).

Mais oui... c'est ça! Monsieur Вечеринъ. Въ Ниццу,
Лечиться ѣдетъ, говорятъ.

Тѣмниъ.

Вогъ помощи ему! я очень былъ бы радъ.
Но только ни съ какимъ Вечеринымъ не знаюсь.
И слышу про него едва-ль не въ первый разъ.

Зміевская.

Какъ! вы не знаете? такъ странно-жь... удивляюсь.
А я такъ думала, онъ свой въ дому у васъ.
Marie... вашъ этотъ бѣсъ... немножко впрочемъ ѣдкій,
Гуляетъ часто съ нимъ... бесѣдуетъ нерѣдко.

Тѣмниъ.

Немудрено.

ЗМИЕВСКАЯ.

Онъ живъ... хорошъ собой

И молодъ, наконецъ... съ *высокою душой*. —

ТѢМИНЪ.

И я вполнѣ увѣренъ,

Честнѣйшій человекъ вашъ господинъ Вечеринъ?

ЗМИЕВСКАЯ.

Подите вы! съ какой онъ стати мой!

Но, вѣроятно же, особенныхъ нѣтъ пятенъ.

ТѢМИНЪ.

А что-то вашъ языкъ не очень мнѣ понятенъ...

ЗМИЕВСКАЯ.

Не знаю... какъ же мнѣ... Но сохрани васъ богъ

Подумать, чтобы тутъ секретъ какой быть могъ.

Ну... а Нерадинныхъ вы знаете? Знакомы

Съ ихъ домою?

ТѢМИНЪ.

Самъ я—нѣтъ. Марія любитъ ихъ.

А пуще самоѣ жену... хозяйку дома.

ЗМИЕВСКАЯ.

Но... да! Какъ говорятъ, собранія у нихъ...

День каждый музыка... страхъ за Маріе я рада,

Что есть гдѣ музыку послушать... такъ и надо. —

ТѢМИНЪ.

Ну-съ... и Вечеринъ тутъ?

ЗМИЕВСКАЯ.

О, идолъ всей семьи!

Такъ говорятъ... вѣдь я не знаю... тамъ мой

Знакомые бывають... Но снесъ ТѢМИНЪ,

Ужасно я боюсь... вы человекъ больной...

Все можетъ въ голову придти...

ТѢМИНЪ.

Нѣтъ-съ! мужъ такой,

Какъ я, и ухомъ тугъ и духомъ очень скромнъ.

ЗМИЕВСКАЯ.

И слава-богу! честь вамъ дѣлаеть. — Всего

Не переслушаешь... Маріе строга довольно,

Чтобъ на какой пассажъ рѣшиться вольный.

Пронесся же вонъ слухъ... кто подтвердитъ его? —

Что будто бы она... тутъ какъ-то на разсвѣтъ,

Черезъ паркъ, богъ-вѣсть откуда и куда,

Одна, съ Вечеринимъ неслась въ ямской каретѣ!! —

Тѣмнѣнъ.

Что-жь? очень можетъ быть! какая-жь тутъ бѣда?

Навѣрно имъ была одна дорога.

Въ ночь экипажа онъ легко могъ не найти.

Что-жь стоило его до дому довести.

Зміевская.

Я такъ и говорю. Зачѣмъ судить такъ строго?

Въ ямскихъ каретахъ кто-жь не ѣздитъ въ ночь подъячасъ.

Тѣмнѣнъ.

Послушайте—про всѣхъ вѣдъ слуховъ много.

Прямая истина мнѣ собственный лишь глазъ.

И вы такому жъ слѣдуйте примѣру.

Кто про жену мнѣ что ни говори,

Не покраснѣю за Маріе.

Умру, въ ней не потеряю вѣру. (*Уходитъ и про себя*)

Вечеринъ! — незнакомъ! Такъ вотъ кому пришлось

Надъ ней взять власть; въ комъ ей все по сердцу нашлось!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Зміевская (*одна*).

Онъ черезчуръ уменъ, или простъ уже не въ мѣру.

Во всякомъ случаѣ не по женѣ! (*подумавъ*)

Невольню согрѣшишь... мѣшаетъ страшно мнѣ.

И кто пойметъ, кто разгадаетъ,

Что за виды у ней? какая стать

Злой еретичкѣ такъ Запутинимъ играть?

И разумѣтся, глупцу тутъ до меня ли.

Судя по шпилькамъ языка,

Намекамъ дружескимъ ея издалека,

Ужъ полуночницѣ едва-ли

Извѣстный неизвѣстенъ слухъ.

Да впрочемъ, не таковскій духъ!

Всѣ эти нехристи—сестрицы и ихъ братья—

Молвой не дорожатъ, свои у нихъ понятья!

(*Завидя приближающуюся Запутину*)

И онъ вотъ! Вырвался, несчастный, изъ когтей!

Опять скажу, какого только рода

Ея прибыль въ старикѣ?—на что онъ нуженъ ей?—

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Запутинъ (*издали*).

Ирина Павловна! въ вѣтн и средь народа

Все въ тайнѣ молится! умолитесь — не честь!

Хозяинъ — постникъ; чтить всѣ святости условия,
Ужъ здѣсь-то-бъ негрѣшно, хоть въ вистигъ вамъ присѣсть.

Зміевская.

Ахъ, суесловье, Петръ Петровичъ, суесловье!
Не доведутъ насъ карты до добра.

Запутинъ.

Ну... не скажите! въ вѣкъ разумный нашъ игра
Примѣтно дѣлъ людскихъ порядокъ измѣняется.
Пускаетъ равенства и братства въ ходъ законъ:
Нерѣдко изъ дому выводитъ Креза вонъ,
Оборвыша въ хитонъ богатый наряжаетъ.

Зміевская (*смиренно*).

Не тлѣнностью земной, Богъ милостью богатъ!

Запутинъ.

Ахъ, да, да!... кстати вотъ про тлѣнности земныя.
Повѣрите-ль, за васъ ужасно радъ!

Нѣтъ, нѣтъ, да вспомнишь... вамъ-то вѣдь какія
Богъ милости послалъ! — на безкорыстный взглядъ
— Оно и тлѣнность хоть, но въ видѣ самомъ прочномъ.—
На сколько тысячъ вѣдь! спастись намъ было бъ чѣмъ!
Ей-богу любу, поздравляю!

Зміевская.

Но милыхъ сердцу я лишилась вмѣстѣ съ тѣмъ.
До сихъ поръ слезъ о нихъ не осушаю!

Запутинъ.

Такъ вѣдь вольно же вамъ! пожалуй эдакъ я,
И скажутъ всѣ, что кормъ потраченъ не въ коня!
Такой ли вѣкъ? ну, гдѣ тутъ плавать намъ о *милыхъ*,
Да и покойникахъ еще!—миръ имъ въ могилахъ!
Былъ случай—пожили! чего же болѣ имъ?—

Зміевская.

Ахъ, Петръ Петровичъ! жалъ; до сихъ вы поръ такимъ
Зефиромъ кажетесь. Играете предъ свѣтомъ
Такия роли, что ни къ чину бы ни къ лѣтамъ.

Запутинъ.

Но преступленіе, скажите-жь, въ чемъ мое?

Зміевская.

Съ Marie себя чрезчуръ ведете несолидно.
Смотрѣть—душа болитъ за васъ и за нее!
Не вынче завтра, Богъ накажетъ васъ.—

Запутинъ.

Охъ, стыдно

Ирина Павловна! Богъ васъ, того смотри,

Скорѣй накажетъ. Грѣхъ такъ думать о Магіе!
 Къ чему жъ намъ и посты и сердца сокрушенныя!
 Хотите, такъ скажу: я человѣкъ живой...
 Мрачились мысли... бѣсъ вводилъ хотъ въ искушенье,
 Да право, толку нѣтъ! глядитъ совсѣмъ не той!
 Прибавлю кстатѣ: вкусъ разборчивъ мой и тонокъ.

Къ тому жъ я крошечку поѣтъ.

Любуюсь Тѣмной какъ радугой ребенокъ.
 И только; прочее напраслина, извѣтъ...
 Хотъ этотъ чудный взглядъ и этихъ плечъ овалы...

Зміевская (*отвертываясь и зажимая уши*).

Но пощадите жъ, Петръ Петровичъ! мочи нѣтъ!
 Страдаетъ скромность...

Запутинъ.

Весь я, право, *добрый-мамий*.

И вѣрно былъ бы мужъ порядочный... отецъ.
 Но извините, лишь на скрытность не хитрецъ.
 Да и къ чему? и вы и я — *свои мы люди*.
 Вы не невѣста, а тѣмъ больше не женихъ.
 Такъ свято смотрите... а что бы усть своихъ
 Не омочить съ кѣмъ въ брачномъ вамъ сосудѣ,
 Оставьте вѣчный бой съ разладомъ вы мирскимъ.

Супружество ей-ей богоугоднѣй,

И легче было бы самнѣй,

И человѣчество вздохнуло бы свободнѣй.
 Ей-богу вѣдь не такъ я золъ и худъ нашъ свѣтъ!

Зміевская (*язвительно*).

Благодарю васъ, сего Запутинъ, за совѣтъ.
 Но лучше что-нибудь о вашемъ бы вояжѣ.
 Жаль.—Вздять вѣдрили, а хворь осталась та же.
 Должно-быть, докторъ и просвѣщенныхъ странъ...

Запутинъ.

На шарлатанѣ шарлатанъ!!

Терзали шестеро, съ проклятемъ всѣхъ оставилъ!
 Не дай лечиться Богъ, сойдешь съ ума!
 Посты, условій разныхъ тѣма,
 Съ натурой несогласныхъ правилъ.

Зміевская.

Леченье и вояжъ! чего — я чай-нибудь
 Вѣдь стѣять это все?

Запутинъ.

Вояжъ и вспомянуты!

Да впрочемъ, къ этому и страсти не имѣю.
Рѣшительно скажу—въ долгахъ по-шею.—

Зміевская.

Вещь неприятная долги платить! къ тому жъ
Въ извѣстный срокъ внести какой придется кушъ!
Сказать легко вѣдь: тридцать тысячъ!—худо!
Добро-бъ еще въ виду источника откуда.
Судите-жъ, до чего доводить насъ игра!
Чего въ ней болѣе, вреда или добра?

Не демона-ль она приманка?

А тридцать тысячъ взяти не изъ банка.
И непременно въ срокъ внести вамъ надо ихъ.
Иначе... вѣкъ не тотъ...

Запутинъ.

Ого!! да до какихъ

Вамъ тонкостей извѣстно все!—Задача!
Ирина Павловна! откуда это? какъ?

Зміевская.

Неправды не сокроешь мразъ.

Господь сказалъ: въ юдоли золь и плача
Безумецъ лишь одинъ не бодрствуя живетъ.
А мнѣ и кредиторъ знакомъ вашъ заграничный.
Съ нимъ расплатились—честь; такъ здѣсь не безъ заботъ.

Запутинъ.

Да вы по всѣмъ частямъ, клявусь, агентъ отличный.
Что дѣлать: признаюсь—порядочныхъ жду бѣдъ.
А горю пособить ей-ей средствъ вовсе нѣтъ!...
Все перепробовалъ! во всѣ мѣста выдался—
Вездѣ отѣазъ!—Была надежда въ томъ, въ другомъ—
Но... эти померли, тѣ... сами съ домовомъ.—
Теперь одинъ источникъ лишь остался.
Надежда вся на васъ. Вѣдь вспомните—тюрьма!

Зміевская.

Вы вѣчно на меня!—мон какія жъ средства?
При общей нищетѣ нуждаюсь я сама.—
Конечно, вы расчетъ ведете на наследство...
Но... я ему еще законныхъ нѣтъ концовъ.
Немало въ городѣ богатыхъ есть купцовъ.
Посватайтесь... жену найдете... уваженъе,
А съ нимъ и нужное теперь такъ приложенъе...
А!... ахъ!—Небо множество шлетъ въ бракъ намъ даровъ!

Запутинъ.

Ну вотъ, давно бы такъ! теперь изъ вашихъ словъ

Я вижу, вы на бракъ не такъ глядите строго;
 Но сами почему, скажите ради-бога,
 Вы такъ пугаетесь его?

Въ такой еще порѣ, красѣ — и никого
 Себѣ въ сожители до сихъ порѣ не язбрали! —
 А сколько-бъ счастья-то съ нимъ, сладостей познали!

Змиевская.

Вы думаете?... но... въ мои лѣта... увы! —
 И гдѣ же суженный? конечно, ужъ не вы?
 Вашъ вкусъ разборчивъ такъ... а я... проста... невѣжда...
 И плечъ не тотъ овалъ, и нѣтъ тѣхъ вовсе глазъ...

Запутинъ.

Ну, нѣтъ-съ! когда была-бъ хоть малая надежда,
 На счетъ руки давно-бъ тревожилъ просьбой васъ.
 Такъ разрѣшите же мое сомнѣнье разомъ...
 Могу ли я...

Змиевская.

Убить васъ не хочу отвазомъ.
 Особенныхъ на счетъ руки препятствій нѣтъ.
 Порядку общему смѣшно жъ и вамъ быть чужду.
 Ужъ такъ устроенъ мудро свѣтъ:

Всегда, вездѣ, одинъ въ другомъ имѣетъ нужду.

Запутинъ.

Что значить искренность! разсудокъ зрѣлыхъ лѣтъ!
 Разумный бракъ въ одинъ уладится моментъ.

Змиевская (*охорашиваясь*).

Зачѣмъ же къ счастью идти дорогой дальней?

Запутинъ (*подавая руку Змиевской*).

Не правда-ль? безъ хлопотъ! и какъ оригинально:
 Сошлись, увидѣлись — и каждый въ свой чередъ...

Змиевская (*беря его подъ руку и уходя съ нимъ*).

Уступчивость нуждѣ побѣдою зоветъ! —

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация та же. Тотъ же вечеръ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Марія Львовна входитъ подъ руку съ Запутинимъ.

Запутинъ.

Я такъ и думалъ, что разстроены... и злой
 Урокъ вашъ былъ мнѣ вовсе не задача.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ахъ, да! — что дѣлать? день такой!

За неудачей неудача!

А замѣчаете, какъ всюду насъ

Ирина Павловна преслѣдуетъ?...

(Толкая Запутина подъ бока)

Ну, смѣло,

Безъ церемоніи, признайтесь... съ нею дѣло

Идетъ на ладъ? и все покончено межъ васъ?

Безъ тяжкихъ жертвъ, насилій, полюбовно?

ЗАПУТИНЪ.

Дивлюсь я, отъ Маріи Львовны

Не скроешь ничего!—И какъ, а чай, въ тиши,

Отъ всей вы полноты души

Теперь хохочете надъ жертвою безгласной!!

Что дѣлать! не совсѣмъ отрадно, безопасно...

Да выгода!—позиція,—хоть брось!

Изъ петли выскочить поможетъ Богъ, авось!

Вы-жъ предрекли; а я считалъ за небылицу.

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(примѣтя приближающуюся Зміевскую и вѣщая на руку Запутина).*

Но... да!... а между тѣмъ... Флоренція мнѣ... Римъ

Такъ и мерещутся...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же и Зміевская *(ясно разсмѣива по-слѣднія слова Маріи Львовны).*

Что это? за границу

Собирается Маріе?

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(не оставяя руку Запутина).*

Да, вмѣстѣ вотъ хотимъ

Съ Петромъ Петровичемъ.

ЗАПУТИНЪ *(освобождаясь отъ Маріи Львовны).*

Однако, тамъ играютъ

И ждутъ меня; съ Маріей Львовной чуть

Сойдись—заговорить...

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(отдаляя Запутина).*
Ступайте-жъ; добрый путь!
(Запутинъ уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Премилный этотъ Петръ Петровичъ! уважають,
Всѣ любить такъ его!—Вотъ батюшка, чуть нѣтъ
Петра Петровича — и свѣтъ ему не свѣтъ!

Зміевская (*съ большимъ смиреніемъ*).

Любовь, привязанность, дружочекъ мой, понятно!
Да, душка! навѣкъ запомните одно:
Любить намъ ближняго и сладко и пріятно,
А яму рыть ему и тяжело и грѣшно.
Нерѣдко за словцо, вещь самую пустую,
Всю жизнь иной провесть радъ съ недругомъ въ борьбѣ.
И только лишь о томъ хлопочеть зачастую,
Чтобъ дѣло было такъ... ни людямъ, ни себѣ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*съ стороны*).

Имѣй-ка уши вотъ; внимай святой рабѣ!

Зміевская.

Vous-êtes si sage... et vous savez qu'celui n'est pas juste... qui...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Но ахъ... пожалуйста, порусски вы, порусски!!
Что за французы мы!—противно... не терплю!

А между тѣмъ на яму васъ ловлю.

Начнемте говорить порусски, ясно, прямо.
По моему, вѣдь что такое яма?—
Работа аспида тлетворнымъ языкомъ;
Отрада смѣхомъ злымъ кружокъ потѣшать праздный.

Позатемнить на жертвѣ доскъ тайкомъ,
Надѣлать разныхъ клеймъ на лбу ея заглазно.
Случися,—попади вотъ я подъ прессъ такой—
Не потерялась бы!—Но есть народъ иной,
Другой сортъ жертвъ: за нихъ ломалась я бы:

Хоть сердцемъ чисты—духомъ слабы!
Ни вроши твердости —рѣчь злую перенести!
И были случаи: затронутая честь
Незаслуженная въ глуши скрывала пятна;
И проблинная край золь всякихъ и суеть,
Съ физиономіей ужасно непріятной,
Изъ здѣшняго на тотъ перебиралась свѣтъ!

Въ могилу, то-есть въ подземелье!

Вотъ яма! вонъ куда

Ведеть иныхъ людей злословье иногда.

Зміевская (*переминяясь*).

Бываютъ... есть, мой другъ, такіе люди—вселя!

И знаютъ всё, что вы, гдѣ страдаетъ правота—
 Съ слезой тамъ первая!—прекрасная черта!
 Но вы такъ молоды; не до кружковъ вамъ праздныхъ.

А стало быть, за то

Вамъ далеко невѣдомо и то,
 Что эти правоты въ видахъ бывають равныхъ.
 (Марія Львовна дѣлаетъ губами комически-сознательную гримасу).
 Къ тому-жъ неизбежно вамъ,

Терпачій до конца тераетъ въ мірѣ мало.
 И если здѣсь его награда не взыскала,
 То съ лихвою за все ему воздастся тамъ.

(показывая на небо).

МАРІА ЛЬВОВНА.

Надежда лестная! однако вѣдь и намъ
 Тамъ съ вами что-нибудь да есть же наготовѣ.
 Но вы хитры: у васъ въ рѣчахъ про лучшій свѣтъ,
 О тѣмъ кромѣшной и погину новсе нѣтъ,
 А только рай, одна корысть лишь въ каждомъ словѣ...
 (мазнувъ рукой).

Довольно.—Въ сторону и фарсы и мораль!
 Скажите—какъ Петра Петровича нашли вы?
 Въ здоровьѣ, кажется, поправился едва-ль?

ЗМІЕВСКАЯ.

Да кончалъ свой войяжъ не очень-то счастливо.
 Не честь, когда про все узнаетъ свѣтъ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Да... это про его *извѣстный вы секретъ*?
 Но вѣдь не богъ же вѣсть какія страсти!
 Вывааетъ горе и глупѣй:
 Живой народъ не безъ напасти,
 И не безъ добрыхъ свѣтъ людей.

Я первая помочь ему готова.

ЗМІЕВСКАЯ (съ удивленіемъ).

Такою суммой? да съ дохода же какого?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Ирина Павловна!—какой вопросъ!!
 И о такомъ предметѣ щекотливомъ!!
 Не вѣтеръ же мнѣ эту мысль прпрнесъ!
 Я въ положеніи всегда была счастливомъ.
 Другимъ чѣмъ... а насчетъ матеріальныхъ крохъ...

Надѣюсь, не обидѣлъ Богъ.

И вотъ мой планъ. Здоровье мужа
 День ото дня становится все хуже.
 Врачи совѣтуютъ, его шлютъ на Кавказъ.

Малютокъ милыхъ нѣтъ у насъ;
Вокругъ ни люлекъ, ни рыданья.

И потому давно беретъ меня желанье
Хотя годокъ въ Италию провесть...
Ну, а Запутинъ, благо случай есть,
Мнѣ посопутствуетъ. — За выкупъ воздаянье
Не очень важное. Какъ надо, безъ труда
Здѣсь рассчитаемся... и на зиму туда!!
Во всякомъ случаѣ, спасенный чичероне,
За насъ помолится и будетъ не въ уронѣ.
Вопросъ естественный: что скажутъ люди, свѣтъ?
Да что онъ ни скажи—мнѣ ровно горя нѣтъ!

Была бы только воля — съ силой
Ея... все ни по чемъ мнѣ!! (*Произноситъ съ крайней отвязой*).

Змиѣвская (*помолчаго*).

Господи помилуй!

(*Съ какимъ-то страхомъ смотритъ на
Марію Львовну и потомъ*).

Послушайте, не прочь отъ мысли я
Что вы рѣшительны; вамъ вздоръ — поступокъ всякой.
Но эта выходка вѣдь шутка же, однако?...
Извѣстна сдѣла вамъ съ Запутинимъ моя.
Вы ждали случая; вамъ хочется меня
Немногою наказать. Причинъ я вашей мести
Не буду разбирать... касаются онѣ
До поведенія... ну, пусть... до вашей чести...
Но только грѣхъ же вамъ обрушить все на мнѣ
Одной... пусть не совсѣмъ была я въ сторонѣ,
На вашъ шуткида счетъ... мой умъ на это гибокъ...
Но гдѣ жъ, какой святой спасенъ былъ отъ ошибокъ?
Да и помилуйте! кого займетъ, кому
Придетъ охота въ вѣкъ нашъ слушать злое слово?

(*Стараясь перейти въ дружески-шутливый тонъ*).

И вы за пустяки съ невѣстой такъ сурово...
Наперекоръ своимъ и сердцу и уму
Вы отнимаете у нищаго суму...
Э, душечка, чрезчуръ ужъ требуете много.
Живете въ свѣтѣ, такъ не будьте недотрога.
Теперь, узнавши васъ, влянусь...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, вотъ вамъ! Какъ
Порой людей въ обманъ лувавшій вводитъ врагъ.

Т. СЛXVII. — Отд. I.

Радъ очернить, будь хоть какая голубица!
 Не въ этомъ дѣло—какъ хочу, вольна я жить!
 Но неспасительно, будь правда ль, небылица,
 Въ набатъ про ближняго безъ всякой нужды бить!
 И я теперь спросить бы васъ хотѣла:
 Зачѣмъ въ чужой приходъ вносить вамъ свой уставъ?
 Въ какой бы омутъ я ни бросилась стремглавъ,
 Чтѣ за ущербъ, чтѣ вамъ до этого за дѣло?
 Вы жестки; жалости въ васъ нѣтъ,
 Умершаго за мѣръ нѣтъ правилъ сердобольныхъ;
 Вы въ сторонѣ; въ грѣхахъ и вольныхъ и невольныхъ
 Предъ Богомъ и людьми—на мнѣ одной отвѣтъ!
 (*Уходя*). Съ писаніемъ у васъ ужасная размолвка!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зміевская (*одна*).Актриса! (*подумавъ*).

Да! Богъ съ ней... могу сказать — голова!
 Отличнымъ бы гусаромъ быть могла!
 Какъ ни веду свои дѣла я съ міромъ ловко,
 А до притворства съ ней, подумать стыдъ, дошла!
 Унизилась! — И вотъ, желай имѣть супруга!...
 Пустая вещь, а какъ тебѣ дается туго.

(*Размышляетъ*).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Зарянская (*входя*).

Ну, чтѣ, та tante? мнѣ мужъ отказываетъ домъ?
 Съ нимъ про духовную потолковать успѣлъ?
 Вамъ надо поспѣшить, не вѣвъ ему съ трудомъ
 Со смертной вскакивать постели.

Зміевская.

Который разъ и все ты объ одномъ!
 Не о духовной рѣчь, поговоримъ о дѣлѣ.
 Ты знаешь, выхожу я замужъ... стало быть
 Всѣ хлопоты съ тобой мнѣ надо преградить.
 Теперь скажи мнѣ: чтѣ твои посланья?
 Вечеринъ возвратилъ? иль только обѣщанья?
 Того и жди — бѣда! Когда въ недобрый часъ
 Узнаешь мужъ...

ЗАРЯНСКАЯ (*безлечно*).

Вонъ что тревожить васъ!

Такъ будьте же спокойны:

Давно все кончено! — На этотъ счетъ, достойный

Вечеринъ человекъ; о письмахъ бздилъ самъ

Братъ Вольдемаръ съ нимъ объясняться.

И даже въ крайности далъ слово съ нимъ стрѣляться.

Но мы заботились по пустякамъ:

Вечеринъ увѣрялъ, божился,

Что выдать никогда меня бы онъ не могъ.

Что письма онъ давно всѣ уничтожилъ... сжегъ.

Зміевская (*тяжко вздыхая*).

Дай-богъ! — да вѣрить-то боюсь я Вольдемару.

На горе самъ-то онъ Вечерину подъ пару!

Теперь совѣтъ тебѣ: покудава цѣла,

Оставь на Тѣмнцу ты всякіе доносы.

Не намъ съ тобой судить ея дѣла.

Всѣ слухи — пустяки; одни еще вопросы.

Утѣшь Богъ всякаго подобною женой! (*Въ сторону*).

Снять можетъ хоть кому съ плечъ голову долой.

Зарянская (*въ большомъ недоумѣніи*).

Творецъ мой! тѣтушка! — да что же это съ вами?

Помилуйте! — Давно ли же вы сами...

Зміевская (*серьезнымъ тономъ*).

Что было — кончено, и ты не продолжалъ.

О честной женщинѣ суди какъ о святыхъ,

И безъ прямыхъ уликъ ее не обвиняй.

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ

Не всѣмъ хоть слышится; хоть знаю, не поймешь

Можь ты замысловъ, а все жь

Въ порывѣ немощнаго тѣла,

Не раздувай улаженнаго дѣла,

Какъ говорю, покуда ты цѣла...

Зарянская (*про себя*).

Она въ бреду; съ ума несчастная сошла!

(*Смотря тѣткѣ пристально въ глаза*).

Да что вы, тѣгушка, здоровы?

Зміевская.

Какъ видишь, мой дружокъ, на путь вступаю повий;

Гдѣ цѣли, тамъ нужна частичка и ума.

Да что подѣлаешь съ тобой!! обиняками

Никакъ не вразумишь! — Съ ними будь ушами,

Другая бы давно смегнула все сама. (*Махнувъ рукой, уходитъ*).

Зарянская (одна).

Поди, пойми вот! Чтò такое тутъ случилось!
Напрасно жь весело такъ лѣта я ждала!
И смерть совсѣмъ отъ мужа отступилась,
И тѣтушка съ ума нечаянно сошла!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Зарянская и дѣвица Свистичъ.

Дѣвица Свистичъ (озабоченная).

Ну, чтò же? времечка еще не улучила?
Не объяснилась съ ней?

Зарянская.

Помилуй, такъ хитра!

Какъ ни старалась — нѣтъ, не уловила!
То чѣмъ-то занята, то держать все сестра.

Дѣвица Свистичъ.

А замѣчаешь ты, въ какой она тревогѣ?
Нерадиной до сихъ поръ нѣтъ! ее все ждеть!
Но... будетъ! и дружка не броситъ безъ помощи:
На зорькѣ гдѣ-нибудь съ Вечериннымъ сведеть.

Зарянская (съ досадой).

Ахъ, перестань! досадно... слушать стыдно...
Срамъ, срамъ за госпожу! — Во чтò она вдалась!

Дѣвица Свистичъ (въ сторону, смотря му-
каво на Зарянскую).

Крушить не госпожа; связь Тѣминой завидна!
Попробую топить обѣихъ ужь заразы!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же и Марія Львовна.

Марія Львовна (къ Зарянской).

Дружочекъ, извини! по дому все забота!
Я не забыла... я нужна тебѣ на что-то.
Теперь къ твоимъ услугамъ, вся твоя...

(Дѣвица Свистичъ хочетъ уходить).

Марія Львовна (удерживая ее).

А вы куда же?

Дѣвица Свистичъ (съ самолюбствомъ).

Я?... довольно бѣ странно было...

L'affaire est si choquant! — дѣвица я!

Есть тайны... есть грѣшки... Кто какъ бы ни хитрила...
А все жь... Vous comprenez?... *(Останавливается)*.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Извѣстная вещь: шила

Въ мѣшкѣ не утаишь...

Дѣвица Свистичъ *(дѣлая гримасу, и быстро отвертываясь, про себя)*.

et... voilà!—что за мужикъ!

За выраженье! *(поднимаетъ кверху руки и важно уходитъ)*.

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(къ Зарянской)*.

Ну, развязывай языкъ!

Избыткомъ чувствъ томить грудь долго не годится!

ЗАРЯНСКАЯ *(жеманясь)*.

Послушай, chère amie, мы здѣсь наединѣ.

Признайся, слабости у насъ съ тобой однѣ.

Во мнѣ, въ тебѣ—одинъ и тотъ же бѣсъ гнѣздится.

Но... съ разницей лишь той:

Одной вся вѣтреность видна почти на свѣтѣ...

Поступки же другой... *(останавливается)*.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

О, Господи, туманъ какой!

Къ чему-то приведутъ насъ тонкости всѣ эти!

ЗАРЯНСКАЯ *(прижимаясь къ Маріи Львовнѣ)*.

Cette chère amie!... любезно такъ, умно,

Она дурачить свѣтъ пустой!... и дѣльно!—вѣрь мнѣ!

При взглядѣ на тебя, меня смѣшитъ одно:

Сейчасъ представится тартюфъ мнѣ у вечерни.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Хорошъ тартюфъ!—Съ чего жь это тебѣ

Вдругъ такъ представится?—представь себѣ

Лисицу лучше ты и виноградъ зеленый.

Тартюфъ хоть плуть былъ и смыслѣнный,

А все жь... ни капли въ сходствѣ лицъ!

ЗАРЯНСКАЯ.

Не знаю я твоихъ лисицъ!

На басеньки тебѣ лишь время было.

(подавая найденную записку).

На это вотъ взгляни... ты какъ-то обронула...

И драгоцѣнную потерю я спасла.

Къ тебѣ письмо.

МАРІЯ ЛЬВОВНА *(принимая листокъ)*.

Что? деньги? страховое?

ЗАРЯНСКАЯ (съ презрѣніемъ).

Что за мѣщанское понятіе такое!
За слово извини.—Всего не поняла,
Но почеркъ мнѣ знакомъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Такъ мнѣ-то что жъ за дѣло?

ЗАРЯНСКАЯ.

Вотъ мило!—такъ чего жъ еще бы ты хотѣла!
Улика! фактъ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Какъ такъ! улика въ чѣмъ?

ЗАРЯНСКАЯ.

Въ сомнительномъ святошествѣ твоемъ,
Въ твоей съ Вечериннымъ интригѣ... перепискѣ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Есть заниматься чѣмъ!—Такія средства близки
Къ недоумѣніямъ; опасный, старый тактъ.
Во всякомъ случаѣ листочекъ твой не *фактъ*.
Принадлежитъ не мнѣ, а одному гусару,
Который вовсе ужъ ничѣмъ мнѣ не подѣ парю.

ЗАРЯНСКАЯ.

Помилуй! что съ тобой! приди въ себя, очнись;
Откуда и куда гусары тутъ взялись!
Твоя интрига съ *нимъ*!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Дались тебѣ интриги!! —

Оставь ты ихъ: прошла и мода имъ и честь.
Поболѣ дѣльными читай почаще книги.
Что-бъ твой ни значилъ фактъ—все жъ грамотность въ немъ есть,
И что за интересъ—одинъ дрянной листочекъ!
А вотъ ты посмотри, я покажу, дружочекъ,
(показываетъ письма).

Коллекція такихъ!—безъ запятыхъ, безъ точекъ!
И все рука Julie!—Тяжелый трудъ
Одесскихъ вечеровъ!—Чего нѣтъ только тутъ?

И царь души, и идолъ вѣчный!

И это все не мужъ, не Евдовимъ Фомичъ!

ЗАРЯНСКАЯ (*раскрывъ отъ изумленія ротъ и молча посмотрѣвъ на Марію Львовну*).

Марія... Не могу постычь...

Какъ?... гдѣ ты ихъ... о, грѣхъ тебѣ... безчеловѣчно
Такъ притворяться зло, предательски шутить...
Я проща... подобрѣй со мной могла-бъ ты быть.

Я знаю... глупостямъ сама не рада старымъ.

И что же сдѣлать ты намѣрена изъ нихъ?

МАРІА ЛЬВОВНА (*разводя руками*).

Ужь воля не моя!—опять-таки къ гусарамъ

Вернемся мы (*показывая головой на дальнія комнаты*).

Одинъ тамъ изъ моихъ

Кузеновъ есть гусарь... ну, Свельтскій, не откажетъ.

Желаешь? обратись къ нему; спроси его:

Съ мажѣйшею подробностью расскажетъ

Про твой секретъ: и какъ досталъ, и отъ кого,

И сдѣлать наконецъ что хочеть изъ него.

ЗАРЯНСКАЯ.

Но пощади жь, Магіе, не будь же такъ сурова...

Вѣдь ты убьешь; взгляни, я плавать вѣдь готова...

Отдай мнѣ ихъ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

И радъ бь—не могу!

Чужую собственность какъ глазъ свой берегу. (*Уходитъ*).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ (*одна*).

Какая жестокость! зло! ожесточенье!

Вотъ наказанье-то! прямое гдѣ мученье!

И отъ кого гусаръ досталъ ихъ .. получилъ...

Ну, если мужъ... и хоть бы былъ

Здѣсь Вольдемаръ... все лучше бь Вольдемару...

А то самой... съ такой вдругъ просьбой и... къ гусару.

(*Она погружается въ глубокое раздумье и остается въ положеніи, похожемъ на остоленіе.*)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ П ДВВИЦА СВИСТИЧЪ.

Дввица Свистичъ (*подходя къ Зарянской*).

Ну, что? сконфузилась? призналась? расскажи

Подробно, какъ тутъ все у васъ происходило?...

(*Зарянская молчитъ*).

Да что же ты молчишь? (*трогаетъ ее*).

Послушай! развяжи

Языкъ... (*молчаніе*). Вотъ чудо-то! давно ль вѣдь говорилъ!

Неужли тотъ гусаръ... её такъ уходила!...

(*Зарянская остается въ томъ же положеніи, Свистичъ толкаетъ ее*).

Да ну, скажи жъ: Marie не вышла ль изъ себя?
И чего добраго, съ досады, отъ печали,
Не *словомъ* ли какимъ обидѣла тебя?...
Или рукамъ ужъ волю не дала ли?

Все можетъ статься отъ такой!
За мужиковъ стойтъ не даромъ.

Зарянская (*погода немного и не смотря
на Свистичъ*).

Послушай... мнѣ... хотѣлось бы домой...
Не можешь ли хоть ты поговорить съ гусаромъ?

Дѣвица Свистичъ (*смотря подозрительно
на Зарянскую*).

То-есть съ Marie?

Зарянская (*съ досадой*).

Совсѣмъ не то!

Дѣвица Свистичъ (*рѣшительно*).

Сошла съ-ума! (*повертываетъ ее*).

Пойдемъ на воздухъ.

Зарянская (*безсвязно*).

Да... хотѣла я... сама...

Что за жестокость!—какъ вѣдь зла-то! сколько фальши!

Дѣвица Свистичъ (*уводя Зарянскую*).

Я говорила—стой отъ эдакихъ подалше!

(*Онѣ уходятъ въ боковую дверь; вслѣдъ за ними входятъ въ сред-
нія двери Марія Львовна и д. Блюмъ*).

СЦЕНА ОДИНАДЦАТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Простите, liebe Блюмъ, что васъ,

На этотъ, право, только разъ

Въ такія тайны посвящаю.

Не знаю, предъ какимъ началомъ или концомъ,

Съ шутами сдѣлалась невольнымъ я шутомъ,

И съ ними разныя комедіи играю.

Отчасти знаете... я рассказала вамъ

Про пошлое ея маранье... (*показывая письма*).

Вотъ онъ, весь этотъ нѣжный хламъ...

Она проста, имѣть къ ней надо состраданье.

Могла бъ сама я... но пришлось такъ... свой расчетъ:

Иди спасенье къ ней, откудова не ждетъ.

Прошу васъ: какъ нибудь устройтесь... улучите

Часокъ удобный... и вздоръ этотъ ей вручите...

(*показывая ей письма*).

Блюмъ (*не принимая писемъ*).

Но... ловко-ль это?...

МАРІА ЛЬВОВНА.

О! не бойтесь! не секретъ.

Гдѣ Свистичъ впуталась, тамъ болѣ тайны нѣтъ.

Объ ней всѣмъ завтра же безъ васъ мамзель объявить.

Блюмъ (*береть письма*).

Въ угоду вамъ... рѣшаюся... вручу.

МАРІА ЛЬВОВНА.

И вы увидите, что не одну свѣчу

За ваше здравіе Зарянская поставитъ.

(*Послѣ краткой паузы, схвативъ
себя за лобъ, грустнымъ тономъ*).

А только, шу dear, Блюмъ, ужасно что-то я

Въ плохомъ настроеньи; какой-то тяготѣетъ

Грузъ на душѣ; какъ что-то вкругъ меня

Холоднымъ трупомъ все, сырой могилой вѣетъ.

Не правда ль, романтизмъ? васъ смѣхъ беретъ?

Блюмъ.

Усталость; выспитесь, и все пройдетъ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Послушайте... хоть смерть феноменъ повседневный.

А между нами, вѣдь признайтесь откровенно...

Вещь эта... (*содрогается*).

Бррр!!.. ужель остыть, покинуть свѣтъ,

И дальше, *ничего?*... продессъ безчеловѣчный!!

Блюмъ (*равнодушно*).

Порядокъ естества; извѣчный

Обмѣнъ матеріи.—Чудесь въ природѣ нѣтъ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Не сердца—разума холоднаго отвѣты!

Блюмъ.

Не надивлюсь: людей судьба тиранитъ, мучить,

Въ нихъ чувства лучшія насмѣшкою клеймить,

И эта глупая имъ шутка не наскучитъ.

Все тотъ же смерти страхъ и къ жизни апетитъ!

Въ ней тотъ же ядъ: во всемъ надеждъ обманъ, сомнѣнье,

Въ борьбѣ съ нуждой, съ трудомъ, убійство раннихъ силъ.

Не лучше ль смерть тогда, смерть вѣчная... забвенье.

Всѣхъ скорбей, золь, возвратъ къ тому, чѣмъ прежде былъ,

До вызова на свѣтъ случайностью слѣною.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Я понимаю васъ; вы ожесточены,

Озлоблены людьми, обижены судьбою.

Что дѣлать! жизни! за то такъ опытни, умны.
 Терпѣть, надѣяться, смириться духомъ надо.
 Какъ тамъ хотите вы, а есть... бывають дни,
 Мы ясно чувствуемъ—плохая намъ отрада
 Лишь этотъ мѣръ, его учителя одни.
 На все есть время, знать всему не худо мѣру.
 До сихъ вѣдь поръ, ей-ей, въ напущенномъ жару,
 Вдавались многіе въ смѣшную страшно вѣру,
 Играли напоказъ въ преглупую игру.

Блюмъ.

Однакоже... когда-то вы...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Но... да.

Была неопытна, строптивѣе, моложе...
 И ваша вѣдь лишь чуть попрояснись звѣзда,
 Въ вращенный мѣръ опять какъ разъ вернетесь тоже.
 И вслѣдъ намъ тьмы овецъ заблудшихся пойдуть.
 «*Всѣ будемъ тамъ*»—сказалъ одинъ зонгъ не даромъ.
 И такъ молитесь же богамъ вы лучше старымъ.
 Они скорѣй въ нуждѣ вамъ помощь подадутъ.

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Входятъ Нерадина.

Нерадина.

Марія, извини! пемножко запоздала.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*бросаясь къ ней*).

На силу-то!—а я и ждать ужь перестала.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорация та же. Вечеръ тотъ же.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА и Нерадина.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

О, драгоценность ты моя!
 Какъ рада, что тебя сегодня вижу я!
 Ты просто духу тьмы, какой-то ангелъ свѣта!
 Хоть вычурно, а такъ!

Нерадина.

Но мимо, мимо это!

МАРІА ЛЬВОВНА.

А какъ досадно, что вчера быть не могла
Я у тебя! Гораздо бѣ веселѣе,
Пріятнѣй время провела!

НЕРАДИНА.

Но вотъ что: о себѣ такъ сильно сожалѣя,
Не думаешь ты вовсе о другихъ.
Вечеринъ твой съ ума ей-богу сходить.
Хандрить ужасно; жизнь совсѣмъ не такъ проводить,
Какъ прежде... отъ причинъ... богъ-знаетъ тамъ какихъ!

МАРІА ЛЬВОВНА.

Ага!—серьезнѣе глядѣть, дохочетъ рѣже!
Не диво! — новый родъ занятій! — сталъ служить!
И разомъ сдѣлались мы тѣ же да не тѣ же!
А то не зналъ—зачѣмъ, и какъ на свѣтѣ жить! —

НЕРАДИНА.

Ну!—что-то не пойму, куда твоя нить вьется.
Какая цѣль хлопотъ неженственныхъ твоихъ.
Мнѣ кажется, съ пути кто если и свихнется,
То изъ видовъ... ужь очень-то другихъ.
Опомнись! сбрось съ себя неловкія верги,
Въ предосудительной не жди добра борбѣ.

Одно твержу: нелѣпыя все книги

Вздурили голову тебѣ.

Сама ты, впрочемъ, что! не промахъ, осторожна...

Нога на камень не найдетъ.

Но ты Вечерина осѣтила безбожно:
Его жаль; онъ въ конецъ съ тобою пропадетъ.
Сталъ страшно мраченъ, золъ, весь пламенъ, раздраженъ.

МАРІА ЛЬВОВНА.

Энергія!—живой природы проявленіе!
Что мнѣ и нравится... успѣшнѣй будетъ трудъ!

НЕРАДИНА.

Еще бы! —

МАРІА ЛЬВОВНА.

Э! миражъ!—А дѣло вотъ въ чемъ тутъ:
Ты—рѣдкость-женщина; примѣрныхъ, строгихъ правилъ;
Безукоризненный типъ матери, жены,

Ну, словомъ, съ этой стороны

Богъ высоко тебя надъ многими поставилъ. —
Но женщинъ иногда недугъ ломаетъ; есть
Въ мозгу ихъ странности, идеи, есть стремленья,
Которымъ бы хотѣлъ дать жизнь, осуществленья,

Въ мозги другихъ, живыхъ головъ ихъ перенестъ —
 Такъ вотъ ужъ эти-то затѣи, замышленья,
 По части не твоей!—за это у тебя
 И сумасшедшая и химеристка я,
 На нечестивомъ вѣкъ сидѣвшая совѣтъ. —

А были жъ женщины на свѣтѣ,
 Страдали хворью точно же такой!
 И презирая толкъ, не думая о страхѣ,
 За замыселъ любимый свой
 Нерѣдко головой платились на плахѣ!
 До этихъ мнѣ куда! ихъ дѣло мудро,
 Преступно... За мое жъ, рѣшительно грѣшно
 Малѣйшей хотъ меня подвергнуть укоризнѣ.
 Въ мозгу моемъ засѣло лишь одно:
 «Создать разумнаго работника отчизнѣ!»

Нерадина (*зажимая свои уши*).

Пожалуйста, конецъ! кружится голова!
 Боюсь понять твои намѣренья, слова.
 Жаль, глазъ нѣтъ за тобой! а какъ бы не мѣшало!
 Пророчу—безъ вѣсти, ей-ей, тебѣ пропасть! —
 Одно спасенье тутъ: имѣй я волю, власть,
 Хотъ съ мѣсяцъ бы тебя въ больницѣ продержала!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Благодарю!—и такъ Вечеринъ мрачепъ, золь?
 Не нужно ль и его куда-нибудь отправить?

Нерадина.

Несносно! давеча, не можешь ты представить,
 Что за тоску онъ на меня навелъ.

Куда-то ѣхать онъ собирался;

И, какъ сказалъ, «зашелъ проститься» къ намъ.
 Ты знаешь, рядомъ вѣдь онъ тутъ... сперва смѣялся,
 Шутилъ, но какъ-то все съ страданьемъ пополамъ,
 Потомъ за флигель сѣлъ... Изныла грудь отъ муки;

О, что за мрачные аккорды, боже мой!!
 За раздрающіе душу звуки!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, а часы?—часъ эдакъ былъ седьмой?

Нерадина.

О, нѣтъ; почти по утру, часъ второй.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*по некоторомъ разнмаленіи и довольно нервнншительно*).

А... вотъ что: ты возьмешь меня съ собой отсюда?
 Лишь на минутку... лишь узнать
 Вернулся ли, и какъ онъ и откуда.

Нерадина (*пожавъ плечами*).

Несчастливая!... а мужъ?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Онъ можетъ и не ждать.

Домой одинъ въ моей отправится каретѣ.

А я... дожду послѣ тахъ... въ твоей. —

(*Сдѣлавъ рукой рѣшительное движеніе*).

Эй! я-ль одна такъ дѣйствую на свѣтѣ!

Есть много барынь, жонъ, полегче, попошлѣй!

Госпожь и низменныхъ, и разныхъ прочихъ слоевъ! —

Тѣ, эти — по пути несутся одному.

Имѣютъ отъ мужей *удниковъ* — *ироевъ*

По страсти, немочи, иль просто — по нафму.

Лишь это прячется все въ темный уголочекъ,

Залакировано, прикрыто мишурой. —

Духъ фарисейства, дурь безъ цѣли; у иной

Шафранной маменьки на шеѣ пять-шесть дочекъ —

А сердцу милый другъ необходимъ и той. —

Да сколькихъ знаю — благъ какихъ имъ случай не далъ,

А отъ запретнаго не упаслись плода. —

Что жъ до меня... моя жизнь... Богъ, ее лишь вѣдалъ,

Да знаешь ты одна...

Нерадина.

Теперь, какъ и всегда —

Больная женщина! —

МАРІА ЛЬВОВНА.

Да! — мозгъ горитъ серьезно.

Мчусь не сама — потокъ несетъ; и радъ не радъ —

Служи, на что пошла! — Ворочаться жъ назадъ

Недобросовѣстно, и вѣкуда и поздно. —

Нерадина (*качая головой*).

Такая жизнь! —

МАРІА ЛЬВОВНА.

Страшнѣй, не правда ль, всякихъ книгъ?

(*Обнимая талию Нерадиной и повертывая ее*).

И такъ съ тобой — къ тебѣ... ей-богу, лишь на мигъ. —

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Входитъ объ руку Тѣминъ и Крутичъ.

Тѣминъ.

Ахъ, другъ сердечный мой, какъ ты заѣхалъ кстати.

Крутичь.

Да зналъ, что встрѣчу здѣсь тебя и прочихъ братій.

Тѣминь.

Такъ это нынче было? за Лѣснымъ?

Крутичь.

Да подь-вечерь вотъ.

Тѣминь.

Ну... и ты знакомъ былъ съ нимъ?

Крутичь.

Видаль!—Былъ... то-есть, такъ, бородка, фанаберій,
Механикъ, какъ и всѣ они.

Тѣминь.

По крайней-мѣрѣ

Покончили все за разъ.—Такъ рокъ ему судилъ!

Самъ не сзались, такъ бы другого повалилъ.

Ну, а болѣзнь моя? серьезно, есть надежда?

Пройдетъ?—хотя съ годокъ могу еще прожить?

Крутичь.

Э, братецъ, надоѣлъ!—нашелъ о чемъ тужить!

Повѣрь ужъ, вылечу. — Твой докторъ глупъ, невѣжда.

Ему ль хворь эту знать.

Тѣминь.

Ахъ, какъ бы удружили!

Да вотъ еще о чемъ спросить тебя забылъ.

Вещь очень важная: куда же

Убитый отвезенъ?

Крутичь.

Опять исторія та же!

Конечно, отвезенъ домой,

Гдѣ жилъ, куда-то тамъ на дачу.

Да что это, любезный другъ, съ тобой?

Скажи на милость, разрѣши задачу:

Съ Вечериннымъ ты не былъ вѣдь знакомъ,

Что жъ ты заботишься, жалѣешь такъ о немъ?

Тѣминь (*таинственно*).

Есть лица здѣсь. Узнай они, шумъ выйдти можетъ.

Такъ ты пожалуйста ни слова никому.

Спи съ богомъ: память вѣчная ему.

Веселости живыхъ путь мертвыи не тревожить.

Крутичь.

Да въ этомъ случаѣ ужъ, братъ, спокоенъ будь;

Въ обратный не вернется путь.

Всѣ эту пѣсенку, пора придетъ, отсвищутъ.

Въ среду вотрутса мертвыхъ душъ,

А что, и какъ и гдѣ тамъ—тьма и глушь!
Наслѣдники концовъ во вѣки не отыщутъ —
Замысловатый я скажу тебѣ предметъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТѢ ЖЕ И МАРІЯ ЛЬВОВНА.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*входя и подавая руку Крутичу*).

А!!! мистеръ Крутичъ!—къ вамъ нарочно...—мой привѣтъ!
Какимъ это путемъ? къ добру, или къ несчастью?
Ну, что? о чемъ тутъ рѣчь у васъ?

Крутичъ.

Да о дѣлахъ

Житейскихъ больше все, а частью
О мертвыхъ, такъ-сказать, душахъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*вспрсно*).

Что жъ съ ними? отъ заботъ житейскихъ ужъ не стонуть?
Живую воду пьютъ? въ блаженствѣ вѣчномъ тонуть?
Вотъ сторона! туда, туда бы съ вами намъ!

Крутичъ.

Зачѣмъ, сударня, поспѣшно такъ? Покуда
И здѣсь, бабъ посравнишь, пожалуй что не худо.
А батюшка вашъ?...

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*показывая головой на дальнюю комнату*).

Да пожалуйста, онъ тамъ.

Не знаю, что васъ тутъ къ Сергѣю приговало.

Тамъ болѣ по сердцу для васъ.

Бостончикъ, преферансъ, хорошенькихъ немало.

Крутичъ.

Ну, вѣтъ, сударня, ужъ это не для насъ.

Пора не та, здоровье слабо.

(*Угодя про себя*).

Вотъ конь, такъ конь! люблю тапихъ; лпхая баба!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ТѢМ ПНЪ.

Какъ радъ я, что ты такъ сегодня весела!
Табъ счастлива.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Вопъ чѣмъ неожиданно угодила! —

Да развѣ не всегда такою я была?

Повѣся голову когда же я ходила?

Я столюкомъ во всемъ стараюсь быть,
 Дойдти на легкую д: общей цѣли ногу.
 Какъ довелось или такъ, или сязъ денекъ прожить,
 Да кинулась въ постель, и слава-богу! —

Тѣминъ (*тяжело вздохнувъ*).

Ахъ! еслибы да вѣкъ

Такъ поступалъ и думалъ человекъ!
 Но только нѣтъ, дружочивъ мой, едва-ли!
 Бываютъ случаи, неожиданныя печали...
 На философію разсчесть, хоть кто будь, плохъ! (*Съ чувствомъ*).
 Предохрани тебя отъ всякихъ бѣдствій Богъ!
 А если... какъ знатъ! что когда случиться можетъ,
 Пусть силу дасть тебѣ, ихъ перенести поможетъ!
 Я слабъ, но прямъ; когда бы знала ты,
 (Скажу и прямизны нимало не нарушу)
 Съ какой бы радостью всѣ скорби, тяготы,
 Я изъ твоей въ свою переселилъ бы душу!

МАРІА ЛЬВОВНА.

Да эдакъ ты растрогаешь меня!
 Чтò сдѣлалось съ тобой? Не узнаю тебя!
 Всегда неговорливъ, уклончивъ былъ... небреженъ.
 А нынче цѣлый день внимателенъ такъ, нѣженъ.
 Точъ въ точъ во времена, когда былъ женихомъ!
 Амуромъ розовымъ!

Тѣминъ (*вздыхая*).

Къ чему поминъ о томъ,

Чтò было?

МАРІА ЛЬВОВНА.

Да! въ смѣшномъ мы оба положеньи!
 А впрочемъ, не вопросъ, кто этому виной.
 Ты знаешь, и теперъ я... дѣло не за мной...
 (*Кокетничая и кладя объ руки на плечи мужа*)
 Сюдна въ твоихъ рукахъ, въ твоемъ распоряженьи!

Тѣминъ (*отстороняясь и отчаяннымъ тономъ*).

О, что за йскусъ, Боже мой!
 Мнѣ тяжело... оставъ, Марія, злую шутку.

МАРІА ЛЬВОВНА (*быстро отвертываясь и схвативъ себя за голову*).

Несчастныи!!

(*потомъ рѣшительно махнувъ рукою*)
 Но... (*погружается въ раздумье; въ это время входитъ Нерадина*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(ТѢМНІНЪ, МАРІЯ ЛЬВОВНА И НЕРАДИНА).

НЕРАДИНА (*подходя къ Маріи Львовнѣ и отводя ее въ сторону*).

Маріе! лишь на минуту.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*мужу тихимъ голосомъ*).

Оставь, дружокъ, насъ; сказать

Ей что-то нужно мнѣ. (*Тѣминъ уходитъ*).

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*къ Нерадинѣ*).

Ну, слушать все готова.

НЕРАДИНА.

Вотъ дѣло въ чемъ: тебѣ дала я слово,
Но... кажется, его назадъ придется взять.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Но это почему?

НЕРАДИНА.

Сейчасъ вотъ, я не знаю,

Мой мужъ какую-то записку получилъ.

О чемъ и отъ кого—секретъ, не объяснилъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Но что-нибудь по службѣ, полагаю.

НЕРАДИНА.

Едва-ли. Прямо онъ отправился домой.

И жаль... разстроенный, встревоженный такой.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, бѣдная! всего бояться ужъ готова!

И что жъ такое? ну, по крабней-мѣрѣ я

Проѣдуюсь, развлекусь; а впрочемъ, власть твоя

(*съ неудовольствіемъ*)

Бери свое назадъ опасное такъ слово!

НЕРАДИНА (*дѣлая движеніе плечами*).

О, что за человекъ! трепещешь и грѣшишь

Сама съ тобою! а что съ несчастной дѣлать станешь!

Двлюсь тебѣ: молвой совсѣмъ не дорожишь,

Да и меня съ собою въ пропасть тянешь!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ма снѣге, не трусъ! Животъ за друга положи!

Отъ злыхъ рѣчей насъ не убудеть!

Днемъ настоящимъ дорожи,

А завтра будь, что будетъ!

(*Обнимая Нерадину и уходя съ нею*).

Какъ хочешь, а вези меня!

Т. СЛXVII. — Отд. I.

1/226

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ЗАРЯНСКАЯ и ДВУЦИ СВИСТИЧЪ.

ЗАРЯНСКАЯ!

Такъ ты рѣшительно до завтрашняго дня
Мнѣ пособить ничѣмъ не можешь?

ДВУЦИ СВИСТИЧЪ.

Предметъ, ша сѣге, такой, что, право, ни ума
И ничего тутъ ровно не приложишь!
Съ чего я вдругъ начну, подумай ты сама!
Добро-бъ еще была съ нимъ коротко знакома.
Гусаровъ смерть боюсъ!—Одинъ тебѣ совѣтъ:
Мужъ рано ль, поздно ли узнаеть твой секретъ:
Такъ лучше ужъ сама во всемъ признайся дома.
А то, пожалуй, я все объясню ему.

(Въ сторону) Старикъ не трусь: авось скандалъ покончить дракой!

ЗАРЯНСКАЯ (съ ужасомъ).

Все мужу объяснишь! помилуй ты! въ чему?
Мнѣ бъ эдакъ-то помочь и безъ тебя могъ всякой.
(подумавъ) Ну... и по твоему немудрено попасть
Въ печать всѣмъ письмамъ?

ДВУЦИ СВИСТИЧЪ.

Да! въ скандаламъ нынче страсть!
(въ сторону) О, что задуринце! (къ Зарянской). Ужасно будетъ скверно.
Ты знаешь, кѣмъ всегда Marie окружена:
Сейчасъ расскажутъ, кто ты, чья жена,
И въ «Искрѣ» явишься, увидишь ты, навѣрно.

ЗАРЯНСКАЯ.

Однако, чтò жъ мнѣ дѣлать-то теперь?
А мужу ни за что ни слова! лучше въ воду!

(погружается въ раздумье).

ДВУЦИ СВИСТИЧЪ.

Какъ хочешь!

Эдакой злой звѣрь

Твоя Marie! въ такому жъ точно роду
Принадлежить дѣвчонка эта Блюмъ.
Страхъ не терплю еѣ! типъ самый неприятный!
И говорить такъ вѣчно непонятно...

И судить!... ты представь, набить чѣмъ дерзкой умъ:

(показывая на дальнія комнаты)

Сейчасъ, вонъ тамъ, въ глазахъ сестры Татьяны,
Внушаетъ нашей милочкѣ Катись,
Что человекъ—«не человекъ», а мышъ

Летучая! отродье обезьяны!!!

Какъ это нравится тебѣ?

Зарянская (*очнувшись съ досадою*).

Ахъ, что за дрань

На мысляхъ у тебя! моя грудь въ свѣжихъ ранахъ,

А ты мнѣ о мышахъ, какихъ-то обезьянахъ!

Большая надобность, пожалуйста, отстань!

Дѣвица Свистичъ.

Нѣтъ! зелье бѣ на костеръ! кощунству знай предѣлы!

И что ей надо? Чуть куда мы шагъ лишь сдѣлай—

Какъ и она съ своимъ ужъ носомъ тутъ поспѣла!

(*Показывается дѣвица Блюмъ*).

Ну, вотъ тебѣ! Прошу покорно...

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Свистичъ (*къ Блюмъ*).

Вѣрно, насъ

Вы ищите?

Дѣвица Блюмъ.

А что жъ? вамъ развѣ непріятно?

Дѣвица Свистичъ.

Не то... чтобъ, душечка... да только непонятно...

Вы молодая дѣвушка... подчасъ

Секреты могутъ быть... гдѣ двумъ не нуженъ третій.

Дѣвица Блюмъ (*потупивъ смиренно глаза*).

Смотря, какъ ихъ дѣла идутъ на бѣломъ свѣтѣ.

Нелишнимъ, можетъ быть, и третій иногда.

Дѣвица Свистичъ (*нарастъ*).

Не понимаю!!

Дѣвица Блюмъ (*пожавъ плечами*).

Что жъ мнѣ дѣлать?

Зарянская (*къ Блюмъ язвительно*).

Вамъ быть ровней,

Какъ видно, хочется во всемъ Маріи Львовнѣ?

Дѣвица Блюмъ.

Великодушное созданіе!

Дѣвица Свистичъ (*отрывисто*).

Да!!

Желаю отъ души, а пуще вамъ, дружочекъ,

Поближе съ ней сойтись! авось, хотя разочекъ

Попробуйте и вы помѣги у небесъ,

Гдѣ нѣтъ для васъ ни музъ и никакихъ чудесъ.

А цѣлый міръ и все въ природѣ

Вертится на одномъ какомъ-то кислородѣ!
 Мнѣ такъ и кажется, что съ Тѣминой своей
 Вы выросли среди аптекъ да лаварей!

Дѣвица Блюмъ.

Такъ чтó жь худого тутъ?

Дѣвица Свистичъ.

Да какъ ужь вамъ угодно,

А только странно, что дѣвицѣ благородной

Не омерзять до тошноты

Всѣ эти газы, всѣ азоты, кислоты.

Зарянская (къ Свистичъ).

Оставь; и Тѣминой, повѣрь, настанетъ время.

Дѣвица Свистичъ (съ большой злобой).

О, такъ-то ужь судьба накажетъ злое сѣмъ!

Дѣвица Блюмъ (къ Свистичъ).

Судьба слѣпа; того обыкновенно бѣётъ,

Кто первый подъ руку врасплохъ ей попадетъ.

Марія—ангелъ; только не небесный,

А прямо нашъ, вполне практическій, тѣлесный.

Вы худосочны; кровь густа; и потому

Такъ раздражительны: пощадь никому!

Но разсудите вы безъ шпилекъ, хладнокровно

Хоть положенье бы вотъ Юліи Петровны...

(Показывая на Зарянскую).

Вѣдь согласитесь, что теперь иль черезъ годъ,

А безъ Магіе ему дурной бы былъ исходъ.

Хоть кромѣ мужа тутъ никто не страдаетъ лично,

Быль не укора намъ... дебютъ весьма обычный,

Дебютъ естественный... такъ вы... сузу такъ я...

Но мнѣнія людей, вы знаете, различны.

Есть пуритане, есть суровые мужья...

Заговорили бы про вѣтреность, про пятна...

Могло бъ все кончиться ужасно неприятно!

Извѣстно, чѣмъ у жонъ богаче организмъ,

Тѣмъ строже у мужей развитъ пуританизмъ,

И разныя тамъ выдумки другія...

Свистичъ (смотря съ изумленіемъ на Блюмъ).

Все это хорошо; выказываетъ умъ,

Большую опытность во всемъ дѣвицы Блюмъ...

Да вы-то какъ...

Зарянская (озабоченно).

Скажите, чтó жь Марія?

Намѣрена чѣмъ помощь мнѣ подать?

Блюмъ (*вынимая изъ кармана письма*).

А документы вотъ какіе

Мнѣ поручила вамъ секретно передать.

ЗАРЯНСКАЯ (*выхвативъ письма, и убѣгая*).

О, спасена! (*Свистичъ зепрски смотритъ на Блюмъ*).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Блюмъ (*кивнувъ головой вслѣдъ Зарянской*).

А, чай, вѣдь не поважить мужу?

Ну, что? вы рады за нее?

Свистичъ (*окинувъ Блюмъ съ головы до ногъ свирѣпыми взглядомъ*).

Вмѣшались въ дѣло вы ужъ вовсе не въ свое!

Безъ васъ ей оказать могли бъ услугу ту же!

(*Съ большой злобой и разводя руками*).

Ужъ точно опытни!—наука удалась! (*Качая головой*)

Такими дѣвочкѣ клеить людей словами!

Дебюты, организмъ!! (*Напирая на Блюмъ*).

Ну, а позвольте, сами

Какой вы организмъ?... я слышу въ первый разъ...

(*Уходя и свирѣпо смотря на Блюмъ*).

Еще бы женихамъ не убѣгать отъ васъ!

Да этой звѣзды подругамъ нечуждаться!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Блюмъ (*одна. Тряхнувъ головой*).

Вотъ другъ-то искренній! Изволь съ ней обниматься:

Мамзель фактически къ той истинѣ ведетъ,

Что радость добрака—зло-горе людоеду!

Межъ тѣмъ по пятницамъ чай съ сахаромъ не пѣть.

Зубрять безъ отдыха Домашнюю Бесѣду!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*входитъ съ мужемъ и подавая руку Блюмъ*).

Прощайте, Блюмъ! тамъ матушка васъ ждетъ.

А я въ субботу; да пораньше лишъ, къ обѣду. (*Тыто*).

Исполнили?

Блюмъ.

И какъ нельзя умнѣй. (*Уходитъ*).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

ТѢМИНЪ И МАРІЯ ЛЬВОВНА.

ТѢМИНЪ.

Всѣ развѣзжаются; гостей

Осталось очень мало.

Ты, мой дружочекъ, такъ устала —

Не время ли и намъ?

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Поговоримъ еще объ этомъ.

Отвѣтъ, увижусь съ Софьей, дамъ.

Во всякомъ случаѣ пріятнѣе съ разсвѣтомъ.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

(Входитъ Запутинъ со шляпою въ рукахъ; онъ примѣтно навеселъ).

ЗАПУТИНЪ.

Марія Львовна! путь далеку

Мой и пора. А все жь отправиться не могъ

Безъ этой ручки *(цалуетъ руку)**(Къ Тѣмину)*. Ты, другъ милый,

Ужъ какъ тамъ хочешь, извини.

Послѣднимъ пользуюсь, послѣдніе, братъ, дни

Надъ предстоящей мнѣ журною могиллой. *(Показывая на Тѣмина)*.

Вѣдь вотъ подумаешь! счастливъ твой богъ! — жена,

Съ огнемъ, братъ, поискать! Жги вѣкъ предъ ней лампаду.

Умна, вѣрна. А ты... вѣдь будь-ка не она —

Давно-бъ къ извѣстному причислился разряду.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Прекрасно! страхъ скромны! Но лошади ждуть васъ.

ЗАПУТИНЪ.

Заврался.. да! — что дѣлать? слабость... часъ

Такой... со словомъ дѣло рѣдко свяжешь;

Подумаешь одно, другое скажешь. *(Къ Маріи Львовнѣ)*.

Бью главное на то... предъ вами виноватъ.

Затѣвалъ поиски не въ тѣхъ совсѣмъ хоромахъ.

Простите жь! бѣсъ попуталъ. Старый фатъ.

Ужасный давеча далъ промахъ.

Сергѣй! прощай и ты, будь, милый, безъ заботъ:

Ночь безпокойная тебя ужъ вѣрно ждетъ.

А намъ Богъ помощи добрестъ лишь до кареты.

(Уходитъ пошатываясь).

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Прелѣгкій человѣкъ!

ТѢМНИНЪ.

И все съ тобой секреты.

Ну что же, ѣдемъ?

МАРІЯ ЛЬВОВНА (съ замѣщательствомъ).

Но... вотъ видишь ли, мой другъ...

Хоть, такъ-сказать, и не отрада...

И препорядочный придется сдѣлать крѣзь...

Но Софья слово я дала... къ ней надо

Мнѣ на минутку завернуть.

Ну... а домой ужъ тамъ вернусь въ ея каретѣ...

ТѢМНИНЪ (вздыхая).

Ахъ!... не совѣтую! подумай... на разсвѣтѣ!

Одна, чрезъ паркъ... такой далекій путь!

Да и Зміевская живетъ какъ-разъ въ томъ мѣстѣ.

Ни слова-бъ не сказала... *другое время* будь.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (запальчиво).

Но говорю—хочу я съ Софьей ѣхать вмѣстѣ!

Мнѣ нужно быть у ней!

ТѢМНИНЪ.

Пожалуйста, М.гіе,

Прошу тебя... чѣмъ хочешь умоляю,

Не ѣзди къ ней! на сердце не бери

Ты страшной тягости...

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Не понимаю!

Что хочешь ты сказать? одна—что жъ за бѣда!

ТѢМНИНЪ.

Какого стоитъ мнѣ, о Боже мой, труда

Тебѣ все пояснять!

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Да ты, скажи, въ умѣ ли?

Съ чего ты вздоръ несешь такой?

Что за мистерія... за цѣли

Играть такъ вечеръ весь со мной?

Въ тебѣ ужасную я вижу перемѣну!

Да ну, скажи же: страхъ основанъ твой на чѣмъ?

ТѢМНИНЪ.

Не ѣзди къ Софѣ. Вотъ одна мольба о чѣмъ.

Пренеприятную тамъ можешь встрѣтить сцену.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

А!! это что еще такое? стало ты...

Ну, дальше!—да прамѣй, безъ милой темноты.

Тѣминъ (*робко*).

Тамъ молодой жилъ человѣкъ...

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*съ живостью*).

Вечеринъ.

Ну, что-жь?... но погоди: такъ знаешь ты его?

Тѣминъ.

О, нѣтъ! но говорить... и я вполне увѣренъ...

Могъ взять умою и... всѣмъ.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*судорожно*).

Зачѣмъ же на него

Твой теперь лишь именно нацѣли?

Тѣминъ.

Но... такъ пришлось... на все свои есть сроки.

МАРІЯ ЛЬВОВНА.

Ну, такъ своди жь скорѣй начало ты съ концомъ.

Чего жь ты хочешь? тогдѣ теперь и дѣло въ чемъ?

Къ Нерадиной нельзя мнѣ ѣхать почему же?

Тѣминъ.

Чѣмъ больше скрывать съ тобой, тѣмъ, вижу, хуже:

Бурливѣй кровь твоя кипитъ.

Вечеринъ на дуэль былъ вызванъ и... убитъ!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*отступивъ отъ мужа*).

Убить! Вечеринъ?... Но за что жь? да какъ же можно?

И ты увѣренъ? радъ?

Тѣминъ.

Что за вопросъ таков!

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*ломая руки*).

Но вздоръ! не вѣрю! быть не можетъ! это злой

Лишь вымыслъ!... Это варварство... безбожно...

Убить! — Нѣтъ смысла! Жить теперь кому же должно?

Вечеринъ... да! еще онъ давеча былъ живъ!

(*Она, вытянувъ впередъ стиснутыя руки, смотритъ неподвижно, какъ будто въ забытъ, въ землю*).

Тѣминъ.

Ну, видишь ли? случись не здѣсь... Свѣтъ злорѣчивъ.

На счетъ твой сплетенъ бы явилось немало.

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*схвативъ себя за голову, и разсуждая сама съ собою*).

Убить!... и что жь теперь?... да! судъ небесный! — Стало

«Такъ надобно! — Плохой затѣй монхъ исходъ! (Подумавъ).

Въ прокъ не пошли души высокіе задатки! —

Едва лишь сдѣланъ рискъ — и вотъ

Исторіи конецъ! — Вновь въ прежнемъ кровъ порядкѣ.

(Робко ображается лицомъ къ мужу).

Но кто жь его убилъ?

Тѣминъ (довольно жрачно).

Зарянской братъ — вражда

Изъ-за какихъ-то писемъ...

МАРІЯ ЛЬВОНА (печально).

Знаю; да! (Она остается некоторое время безмолвною; потираетъ медленно рукою лобъ, какъ-бы собираясь съ мыслями; потомъ, обращаясь къ мужу, говоритъ со стоическимъ равнодушіемъ).

Ну, бѣдный мой Сергѣй! Судьба насъ не влюбила,

Какъ добрымъ людямъ намъ пожить не присудила.

Что дѣлать! — пусть! — Теперь твоя, моя

Карьера кончена! — Тебя жалѣла я,

И скрывать съ трудомъ пришлось. — Суди жь меня!

Иль такъ, иль иначе... какъ хочешь — нѣтъ мнѣ дѣла!

Причины, поводы, забыть ихъ можешь смѣло.

О правотѣ своей не хлопожу.

Теперь лишь отдыха, покоя я хочу. (Хватая себя за голову)

Устала голова отъ страшнаго разлада!

Мнѣ образумиться... придти въ себя мнѣ надо...

Пошире воздуха! мнѣ душно... сушить грудь

Вся эта безтолочь... безцвѣтный этотъ путь... (Помолчавъ)

Вотъ слушай, что, Сергѣй: одно изъ двухъ — иль воли

Мнѣ полная, иль смерть отъ здѣшней духоты. (Показывая на грудь)

Я обезпечена — мнѣ выдѣленной доли

Достаточно по смерти. — Самъ видишь, знаешь ты,

Давно чужіе мы; другъ другу не отрада. —

Я странствовать хочу!... рѣшалась я давно...

Молиться мнѣ... лечить... очистить душу надо...

Сушь, море-ль, Югъ, Востокъ-ли — всё равно!

Тѣминъ.

О, вѣчно крайности! Не вѣрь въ порывы эти!

Не успокойся тебѣ на этомъ свѣтѣ!

Со мною, знаю самъ, плохой тебѣ былъ рай!

Но все жь, сокровище мое, не отнимай

Послѣ дняго у мужа блага, счастья...

Т. СЛXVII. — Отд. I.

Въ судьбѣ моей возьми хоть нѣсколько участія.
 Мой близокъ часъ — ты такъ добра, отсторони
 Отчаянье: съ тобой мнѣ трудно разлучиться!
 Забудь, что было — дай послѣдніе хоть дни
 Твоимъ присутствіемъ, дыханьемъ мнѣ упиться.
 Свободой еще ты успѣешь насладиться —
 Меня лишь напередъ сама похорони...
 За жизнь... за все наказанъ я немало...

МАРІЯ ЛЬВОВНА (*смотря съ состраданіемъ на мужа*).

Несчастный мученикъ! мнѣ стоить ужасенъ твой! —
 До малодушія, до слабости какой...
 Болѣзнь тебя сгубила, пзломала!
 И кто же виноваты! (*Рѣшительно*).

Ну, стало о себѣ

Тутъ думать нечего! Планъ собственный разстроимъ
 Своими средствами, удобствами; покоемъ —
 Рѣшаюсь — жертвую тебѣ!
 Лишь вонъ отсюда! — Прочь отъ насъ всѣ эти люди!
 Авось еще тебя Италия спасетъ.

А если нѣтъ... и смерть тебя тамъ ждетъ,
 То умирай на этой груди! (*Охватываетъ его шею, и жметъ
 голову къ своей груди*).

И. ГОГНИВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Значеніе перемены англійскаго министерства для европейской политики. — Прусскій и національный нѣмецкій парламенты. — Союзная реформа. — Уступка Венеціи императору Наполеону. — Ходъ военныхъ событій въ Германіи и Италіи.

1-ое іюля.

Несмотря на то, что въ настоящее время общественное вниманіе сосредоточено почти исключительно на военныхъ событіяхъ въ Германіи и въ Италіи, нельзя однако не остававляться и на такихъ фактахъ, которые въ политической жизни Европы имѣютъ постоянно большое значеніе, но только утрачиваютъ теперь подобное значеніе потому единственно, что ихъ заслоняютъ собою другія, болѣе важныя событія. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ такого рода факты отражаются своимъ, то прямымъ, то косвеннымъ, вліяніемъ, обуславливающимъ развитіе или пріостановку важнѣйшихъ событій. Такъ, теперь перемена министерства въ Англіи прошла почти незамѣтно подъ шумомъ военной бури, разразившейся надъ Европою, хотя въ другое время подобное событіе надѣлало бы много шума и въ политическихъ кружкахъ и въ журналистикѣ. Вопросы о созваніи національнаго нѣмецкаго парламента и о реформѣ Германскаго Союза имѣютъ также громадное значеніе на дальнѣйшій ходъ событій, и разрѣшеніемъ перваго изъ этихъ вопросовъ обуславливается будущность Германіи, а слѣдовательно въ весьма-значительной степени и политической бытъ дѣлой Европы. Между тѣмъ, вопросы эти остаются въ сторонѣ. Политика императора Наполеона, по случаю уступки ему Венеціи Францомъ-Іосифомъ, движеніе пруссаковъ на Вѣну, продолженіе войны Италіи съ Австріею—вотъ вопросы, передъ которыми меркнутъ всѣ прочіе и которые исключительно овладѣли общественнымъ вниманіемъ. При этомъ и дѣла на Дунаѣ отодвигаются на задній планъ, хотя они должны возбуждать много тревожныхъ ожиданій и, въ добавокъ къ происшедшимъ уже столкно-

Т. СLXVII. — Отд. II.

веніямъ прибавить еще новыя. Признаніе парижскою конференціею принца Карла наслѣдственнымъ господаремъ Румыніи не обезпечиваетъ еще будущности княжествъ, такъ-какъ внутренній переворотъ или внѣшняя политика румынскаго правительства, въ особенности по отношенію къ Турціи, могутъ вызвать новыя замѣшательства. Для того, чтобы съ большею вѣроятностію можно было судить о нынѣшнемъ состояніи Европы и на этомъ основаніи предугадывать съ большею безошибочностію предстоящую ей близкую будущность, необходимо слѣдить и за такими событіями въ европейской политикѣ, которыя могутъ имѣть свое вліятельное значеніе. Политическая жизнь европейскихъ государствъ распадается на двѣ части: на взаимныя международныя отношенія, и на развитіе ихъ внутренняго быта. Послѣднее, такъ-сказать, подготавливаетъ почву и матеріалы для внѣшнихъ событій, устанавливаетъ весьма нерѣдко дружественныя или, напротивъ, непріязненныя отношенія между правительствами, давая средства къ составленію коалицій, въ войнѣ и къ дипломатическимъ столкновеніямъ. Короче сказать, ходъ внутреннихъ событій подготавливаетъ главнымъ образомъ все то, отъ чего зависать спокойствіе или потрясенія Европы.

Смотря съ такой точки зрѣнія на внутреннія событія въ европейскихъ государствахъ, нельзя не согласиться, что перемѣна министерства въ Англіи получаетъ значеніе нетолько для самой Англіи, но и въ отношеніи общеевропейской политики.

Со времени былія объ избирательной реформѣ, многіе члены палаты общинъ, слышіе за либераловъ, стали переходить на сторону оппозиціи, а вслѣдствіе этого начали все болѣе и болѣе рѣдѣть ряды министерской партіи. Это, наконецъ, дошло до того, что въ послѣднее засѣданіе палаты общинъ оказалось 11 голосовъ большинства противъ министерства, которому такимъ образомъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Мы уже имѣли случай говорить подробно о значеніи избирательной реформы въ Англіи, а потому, теперь замѣтимъ только, что рѣшеніе палаты, враждебное министерству, произошло по поводу поправки лорда Дункеллина, который требовалъ, чтобы за основаніе избирательнаго ценза, вмѣсто предлагаемой министерствомъ цифры годичной платы за наемъ дома, принята была цѣнность дома, опредѣляемая въ спискѣ распредѣленія налоговъ. Такъ-какъ цѣнность дома, опредѣленная для сбора налоговъ, всегда ниже стоимости его, выражаемой платою за наемъ, то предложенная лордомъ Дункеллиномъ поправка значительно уменьшила бы число новыхъ избирателей. Министерство энергически воспротивилось такой поправкѣ, и это сопротивленіе вызвало противъ него всѣхъ противниковъ реформы, какъ явныхъ, такъ и тайныхъ, которые и нанесли соединенными силами пораженіе либеральному въ отношеніи реформы министерству лорда Россея. Хотя все это касается собственно внутреннихъ распоряжковъ Англіи, тѣмъ не менѣе такой исходъ вопроса объ избира-

тельной реформѣ долженъ отразиться и на внѣшней политикѣ сен-джемсаго кабинета, такъ-какъ вопросъ этотъ повлекъ за собою выходъ въ отставку лорда Росселя и его товарищей. Такое значеніе этого факта объясняется тѣмъ, что одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Англіи, г. Гладстонъ, старался удержать министерство въ виду настоящаго критическаго положенія Европы, а лордъ Россель объявлялъ, что и королева находила неудобнымъ, во время нынѣшнихъ событій на материкѣ Европы, произвести перемѣну въ своемъ кабинетѣ. Дѣйствительно, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика каждаго правительства зависитъ отъ двухъ условій: отъ характера его главнаго представителя, и отъ образа мыслей, усвоеннаго сторонниками послѣдняго. Министерство лорда Росселя въ отношеніи къ дѣламъ внѣшней политики приняло такую систему, которую общественное мнѣніе въ Англіи было пока довольно, слѣдовательно въ виду перемѣны такого министерства могли возникнуть основательныя опасенія на счетъ измѣненія прежней системы. Министерство лорда Росселя, какъ извѣстно, держалось политики невмѣшательства вооруженною рукою. Оно было проникнуто новыми теоріями, въ силу которыхъ Англія не должна вмѣшиваться въ европейскіе споры, но должна только заботиться о своемъ торговомъ вліяніи, о свободѣ обмѣна и объ усовершенствованіи мореходства. Между тѣмъ событія на материкѣ Европы сложились теперь такъ, что въ Англіи возникъ вопросъ: полезно ли оставить власть въ рукахъ государственныхъ людей, упорно отвергающихъ политику вооруженнаго вмѣшательства? Такимъ образомъ министерскій переворотъ, происшедшій въ Англіи собственно вслѣдствіе былія объ избирательной реформѣ, сопрягается весьма близко къ вопросу и о внѣшней политикѣ сен-джемсаго кабинета. Съ измѣненіемъ личнаго состава тамошняго министерства, должна будетъ измѣниться и внѣшняя политика Англіи. Въ особенности Англію тревожить восточный вопросъ, который можетъ быть снова поднять при тѣхъ комбинаціяхъ, которыя приписываютъ нѣкоторымъ европейскимъ кабинетамъ относительно приднѣвскихъ княжествъ и которыхъ устранить окончательно не можетъ и признаніе Карла гогенцоллернсаго наслѣдственнымъ господаремъ Румыніи. При такомъ условіи, консервативный въ отношеніи внѣшней политики кабинетъ лорда Росселя наврядъ ли могъ удержаться даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ ему не былъ нанесенъ ударъ вопросомъ объ избирательной реформѣ. Собственно въ Англіи столкнулись теперь потребности внѣшней и внутренней политики. Первые относительно былія объ избирательной реформѣ находили для себя поддержку въ массахъ, но за то вторые, при настоящемъ оборотѣ дѣлъ въ Европѣ, заставляли опасаться, что министерство лорда Росселя относится слишкомъ равнодушно къ политическому значенію Англіи, какъ одной изъ первенствующихъ европейскихъ державъ. Въ виду этого, можно предпола-

гать, что новое министерство, во главѣ котораго сталъ лордъ Дерби, отстранить отъ себя вопросъ объ избирательной реформѣ и употребить свои усилія для возстановленія вліянія Англіи на ходъ европейскихъ дѣлъ. Такая система гораздо сильнѣе поддержитъ новое министерство, нежели вопросъ объ избирательной реформѣ, который встрѣчаетъ внутри страны немало самыхъ рьяныхъ противниковъ. Англію въ вѣдѣтельности въ континентальную политику вызываетъ теперь не только восточный вопросъ, но и успѣхи Пруссіи, захватившей Ганноверъ, на который Англія изъявляетъ свои притязанія, а также стремящейся къ развѣтвію своего морскаго господства на сѣверѣ Европы.

Теперь во главѣ англійскаго министерства сталъ лордъ Дерби. Мы не касаемся здѣсь той программы, которой, какъ надобно полагать, будетъ держаться новое министерство относительно внутреннихъ вопросовъ, какъ-то объ избирательной реформѣ и о преобладаніи въ Ирландіи государственной, «высокой» церкви. Должно только замѣтить, что относительно вѣдѣтельности та партія, то-есть партія тори, къ которой принадлежитъ новое министерство, всегда была извѣстна своимъ сочувствіемъ къ Австріи, нерасположеніемъ къ Франціи, въ особенности же къ нынѣшнему ея верховному правителю. Конечно, такое направленіе партіи тори утратило уже значительно свой прежній характеръ, такъ что противодѣйствіе ея планамъ Наполеона нельзя считать ея серьезной политической дѣлюю, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время выразилось весьма замѣтное сочувствіе этой партіи къ Австріи. При настоящемъ же сближеніи Австріи съ Франціей, по случаю уступки императоромъ Францомъ-Иосифомъ Венеціи, сенджемскій кабинетъ будетъ поставленъ въ другія отношенія къ императору Наполеону, такъ что вообще и съ переменою министерства нельзя ожидать слишкомъ усиленнаго вліянія Англіи на дѣла Европы. Стоить только вспомнить, что виги сочувствовали Италіи, но ничего не дѣлали въ ея пользу, точно также и тори, по всей вѣроятности, будутъ сочувствовать Австріи, и тоже ничего существеннаго не сдѣлаютъ для нея. Передъ паденіемъ министерства Росселя, итальянскія газеты высказывали свою радость, надеясь, что это министерство, устранившее себя отъ вѣдѣтельности въ дѣла Европы, будетъ замѣнено другимъ, готовымъ измѣнить вѣдѣтельную политику въ пользу Италіи. Такая преждевременная радость была, однако, напрасна, такъ-какъ при новомъ министерствѣ, если Англія и допуститъ съ своей стороны какое либо вѣдѣтельство въ континентальныя дѣла, то такое вѣдѣтельство склонится въ пользу Австріи, особенно въ виду захвата пруссаками ганноверскихъ владѣній.

Перемена министерства въ Англіи отразилась и въ Турціи. Оттоманское правительство обрадовалось этой переменѣ, надеясь, что тори въ отношеніи къ Турціи останутся болѣе вѣрными, чѣмъ виги, традиціонной политикѣ сенджемскаго кабинета. Если эта надежда оправдается, то легко можетъ быть, что

Турція въ скоромъ времени приметъ непосредственное участіе въ настоящихъ событіяхъ, вслѣдствіе чего должны будутъ измѣняться и ея отношенія къ другимъ европейскимъ кабинетамъ. Нельзя не замѣтить, что Порты, несмотря на серьезныя финансовыя затрудненія, продолжаетъ вооруженія и посылку войскъ на Дунай, въ Болгарію, Македонію, Фессалію и даже въ Анатолію между Эрзерумомъ и Карсомъ. Довѣріе Порты къ новому министерству можетъ дать ея политикѣ направленіе, которое къ настоящимъ замѣшательствамъ въ средней Европѣ прибавитъ еще новыя на Востокѣ. Впрочемъ, и теперь уже въ новомъ англійскомъ кабинетѣ обнаружилось разногласіе по вопросу о томъ, какою политикой слѣдуетъ держаться въ отношеніи иностранныхъ дѣлъ? Лордъ Стэнли желаетъ сохраненія нейтралитета; лордъ Дерби, напротивъ, склоняется на сторону Австріи. Многіе изъ членовъ новаго кабинета прямо высказались за политику, которая вывела бы Англію изъ сдержаннаго положенія, занимаемаго ею до сихъ поръ въ отношеніи европейскихъ событій. Вообще настоящее министерство не одобряетъ политики безусловнаго невмѣшательства, хотя лордъ Стэнли и объявлялъ, что онъ скоро выйдетъ въ отставку, чѣмъ будетъ слѣдовать политикѣ, которая можетъ вовлечь Англію въ войну.

Такимъ образомъ оказывается, что пережѣна министерства въ Англіи имѣетъ значеніе въ обще-европейской политикѣ. Въ виду такого значенія мы и сочли нужнымъ остановиться на этомъ фактѣ и опредѣлять его связь съ ходомъ событій, совершающихся нынѣ въ Европѣ.

Если внутреннія событія въ Англіи, оставшейся до сихъ поръ непричастной настоящей борьбѣ, имѣютъ, какъ мы это объяснили, вліаніе на общій ходъ дѣлъ въ Европѣ, то тѣмъ болѣе должны отражаться на нихъ внутреннія событія въ такихъ государствахъ, которыя выдвинулись впередъ въ нынѣшней борьбѣ. Особенную важность въ этомъ отношеніи представляетъ Прусія, такъ-какъ предпринятая ею война находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ конституціонной жизни въ Пруссіи и съ политическимъ устройствомъ цѣлой Германіи. Успѣхи прусскаго оружія должны, какъ кажется, примирить пруссаковъ съ политической системою графа Бисмарка, доказавъ боровшейся съ нимъ такъ настойчиво палатѣ депутатовъ, что первенствующій министръ короля прусскаго подготовилъ величіе Пруссіи, подавивъ ея соперницу Австрію и пуская, повидимому, въ ходъ идею объ единствѣ цѣлой Германіи. Существенными признаками пережѣны общественнаго мнѣнія въ Пруссіи въ пользу графа Бисмарка должны, конечно, служить не тѣ площадныя оваціи, которыя такъ недавно происходили въ честь его, но сочувствіе и довѣріе народа къ правитель-

ству, выраженное выборомъ депутатовъ. Теперь оказывается, что оконченные въ Пруссіи депутатскіе выборы сопровождаются слѣдующими результатами: избраны 143 кандидата консервативной партіи, 26 старой либеральной, 16 католической, 65 лѣваго центра, 74 прогресиста и 20 поляковъ. Такимъ образомъ, подъ влияніемъ военныхъ событій и побѣдъ прусской арміи, составъ берлинской палаты депутатовъ радикально измѣнился: консервативная партія, поддерживавшая политику министерства графа Бисмарка, имѣетъ теперь рѣшительный перевѣсъ. При этомъ условіи можетъ, однако, случиться, что самъ знаменитый прусскій министръ, въ видахъ утвержденія прусскаго господства въ Германіи, сочтетъ нужнымъ обратиться въ прогресиста, и тогда берлинская палата не подойдетъ подъ уровень его требованій.

Легко могло быть, что послѣ побѣдъ, которыми въ сущности обязана Пруссія внутренней и внѣшней политикѣ графа Бисмарка, прусскіе прогресисты перестанутъ быть противниками министра; такъ что онъ собственно въ Пруссіи будетъ въ состояніи распоряжаться еще свободнѣе, нежели прежде; но дѣло въ томъ, что окончательною цѣлью для графа Бисмарка служить не одна Пруссія, но цѣлая, или, по крайней-мѣрѣ, сѣверная Германія. Самое стремленіе прусскаго министра къ объединенію Германіи посредствомъ собранія общаго національнаго парламента принадлежитъ къ кругу прогресистскихъ идей. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, на какихъ основаніяхъ думаетъ графъ Бисмаркъ осуществить эту идею, но во всякомъ случаѣ, чтобы не встрѣтить при этомъ сильнаго отпора, ему необходимо искать поддержки той партіи, противъ которой онъ боролся въ Пруссіи. Какъ бы ни былъ, подъ руководствомъ прусскаго министра, обставленъ національный нѣмецкій парламентъ, все-таки идея о такомъ политическомъ представительствѣ нѣмцевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ идей, которыми увлекались и которыми увлекали другихъ германскіе агитаторы 1848 и 1849 годовъ. Такимъ образомъ, графъ Бисмаркъ начинаетъ примыкать къ партіи своихъ политическихъ противниковъ, обращаясь изъ консерватора, какимъ онъ былъ въ Пруссіи, въ обще-германскаго прогресиста. Занимая владѣнія германскихъ государей, несогласившихся быть на сторонѣ Пруссіи, пруссаки уничтожаютъ существовавшій тамъ прежде государственный порядокъ и дѣлаютъ распоряженіе о подготовленіи къ собранію національнаго нѣмецкаго парламента. Нетрудно предвидѣть, что если, вдобавокъ къ тѣмъ успѣхамъ, которые приобрѣла Пруссія силою оружія, присоединятся еще успѣхи новой политики графа Бисмарка, то Пруссія окончательно упрочитъ свое господство надъ цѣлою Германіей. Весь вопросъ состоитъ только въ томъ: не разойдутся ли нѣмцы со взглядомъ графа Бисмарка на единство Германіи, при существованіи на этотъ предметъ того взгляда, который уже усвоенъ нѣмецкими патріотами? Если же въ этомъ случаѣ не встрѣтится сильнаго разномнѣнія, то графу Бисмарку можно предсказать полное торжество.

Затруднительность положенія Пруссіи въ Германіи относительно національнаго единства, подготовленнаго послѣдней графомъ Бисмаркомъ, заключается въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Давно уже установилось общее и, надобно сказать, весьма справедливое мнѣніе, что главнымъ препятствіемъ къ развитію внутренней политической жизни Германіи, къ достиженію ею извнѣ того политическаго значенія, какое должна имѣть она какъ представительница одной національности, служить раздробленіе Германіи на множество мелкихъ герцогствъ и княжествъ. Понятно, что при такомъ условіи, Германія, въ смыслѣ политической единицы, не имѣетъ общей связи, необходимой для того, чтобы создать изъ Германскаго Союза силу, соответствующую его наличнымъ средствамъ. Притомъ, самое устройство союза давно ужъ оказалось несостоятельнымъ, такъ что для достиженія національнаго германскаго единства, хотя бы и не во всей его полнотѣ, необходимы, какъ уничтоженіе династическихъ правъ многихъ владѣтельныхъ германскихъ домовъ, такъ и реформа союзной конституціи по дѣламъ военнымъ и по дѣламъ внѣшней политики. Невзбѣжнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ послѣдствіемъ осуществленія идеи германскаго единства должна быть потеря нѣкоторыми германскими государствами ихъ самостоятельнаго политическаго существованія. Само собою разумѣется, что такая участь должна прежде всего постигнуть мелкихъ германскія княжества и герцогства. Между тѣмъ, эти мелкія государства стали на сторону Пруссіи при ея военномъ столкновеніи съ Австріей, тогда какъ второстепенныя государства, какъ-то Баварія, Саксонія, Ганноверъ, Виртембергъ и Кургессенъ оказались ея противниками. При такомъ невыгодномъ для Пруссіи условіи, ей, для объединенія Германіи, представляются два пути, а именно: стереть съ карты Германскаго Союза своихъ слабыхъ союзниковъ, и побороть своихъ болѣе сильныхъ противниковъ. Само собою разумѣется, что достигнуть перваго труднѣе нежели послѣдняго, а потому легко можетъ случиться, что Пруссія прежде всего поглотитъ своихъ союзниковъ, земли которыхъ окружены со всѣхъ сторонъ прусскими владѣніями, а потомъ примется за своихъ противниковъ, увлекая населенія второстепенныхъ государствъ идеєю о національномъ единствѣ Германіи. Такимъ образомъ, какъ дополненіе внѣшней войны, какъ заключительный ея актъ, можно предвидѣть и внутренніе перевороты въ Германіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что если Пруссія удастся осуществить созваніе національнаго нѣмецкаго парламента на тѣхъ началахъ, на которыхъ желаютъ основать подобное учрежденіе нѣмецкіе патріоты, то населенія примутъ сторону Пруссіи. Для этого необходимо допустить силу избирательнаго закона 1849 года, на что и соглашается теперь Пруссія.

Потеря самостоятельности мелкими германскими княжествами не представляетъ собственно для Германіи не только никакого ущерба въ какомъ бы то ни было отношеніи, но даже, напротивъ, послужитъ къ ея пользѣ, уничтоживъ ту территориальную раздро-

бленность, которая была вредна и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. По плану, составленному Прусіею, Германія должна быть преобразована, безъ Австріи, на подобіе американской федераціи, то-есть такъ, чтобы государства оставались независимыми, но чтобы контроль надъ иностранными дѣлами перешелъ въ Прусію, въ управленіи же арміею и флотомъ Прусія чередовалась бы съ прочими членами союза. Очевидно, что осуществленіе подобнаго проекта отзовется весьма невыгодно на обще-европейской политикѣ. До сихъ поръ раздробленность Германіи и борьба между Австріей и Прусіей за первенство въ Германскомъ Союзѣ препятствовали образованію изъ Германіи такой политической единицы, которая въ дѣлахъ европейскихъ имѣла бы одинъ голосъ и, слѣдовательно, вліяла бы на нихъ всею своею, неразрозненною силою. Между тѣмъ, контроль Прусіей вышнихъ политическихъ дѣлъ цѣлой Германіи, сдѣлаетъ Германскій Союзъ такою тѣсно-сплоченной федераціею, которая слишкомъ чувствительно нарушитъ европейское равновѣсіе. Тогда собственно Прусія, опираясь на Германію, будетъ господствовать въ цѣлой Европѣ. Опасенія эти дѣлаются еще важнѣе въ виду настоящей политики прусскаго кабинета, а также и тѣхъ успѣховъ, которые одержала прусская армія. Самостоятельность нѣмецкихъ государствъ, при осуществленіи прусскаго плана о реформѣ, будетъ только пустымъ призракомъ, такъ-какъ въ сущности они не замедлятъ сдѣлаться покорными спутниками Прусіи на томъ пути, по которому она вздумаетъ пойти, соображаясь съ своими собственными интересами. Безъ всякаго сомнѣнія, въ Германіи понимаютъ такое значеніе предлагаемой Прусіею реформы, и вотъ почему можно предполагать, что несмотря на успѣхи прусскаго оружія, замыслы графа Бисмарка относительно подчиненія Германіи сильному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исключительному вліянію Прусіи, встрѣтять немало затрудненій какъ въ правительствахъ, такъ и въ населеніяхъ.

Съ своей стороны Австрія хотя и высказываетъ свои притязанія на главенство въ Германіи въ формахъ болѣе скромныхъ, тѣмъ не менѣе въ сущности и ея притязанія не меньше прусскихъ. Австрійскіе императоры, какъ прямые наслѣдники римско-нѣмецкихъ кесарей, опираются въ этомъ случаѣ не только на современное положеніе дѣлъ, но и на преданія, представляющія фамилію Габсбурговъ первенствующею династіею въ Германіи, тогда какъ фамилія Гогенцоллерновъ, курфюрстовъ бранденбургскихъ, должна состоять въ васальной покорности передъ старѣйшимъ представителемъ австрійскаго дома. Но отживающія свое время преданія не имѣютъ уже прежней силы, и Прусія показала Австріи, что пора могущества Габсбурговъ миновала. Менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли — еще до битвы при Кенигсгрецѣ, прусскому правительству удалось измѣнить видъ сѣверной Германіи. Изъ нѣмецкихъ государей, непожелавшихъ сдѣлаться подручными короля прусскаго и стать противниками императора австрійскаго,

одинъ — король саксонскій, бѣжалъ къ императору со всею своею арміею, оставивъ государство на произволъ короля Вильгельма I; другой — курфюрстъ гессенскій, отвезенъ, какъ плѣнникъ, въ Прусію, а третій — король ганноверскій, сдался на капитуляцію. Другіе мелкіе государи пользуются терпимостію графа Бисмарка до тѣхъ поръ, пока ему не вздумается пригласить ихъ отречься отъ принадлежащихъ имъ верховныхъ правъ. Между тѣмъ, съ небольшимъ мѣсяцъ тому назадъ, Германія была союзомъ, въ которомъ Австрія занимала первое мѣсто. Ея уполномоченный предсѣдательствовалъ на франкфуртскомъ сеймѣ, власть котораго, хотя и слабая, простиралась однако отъ Гамбурга вдоль береговъ Балтійскаго моря до границъ Россіи.

Таковы были результаты настоящей войны въ Германіи. Они вели прямо къ окончательному, безусловному перевѣсу Прусіи надъ Австріей, особенно въ виду того, что Австрія, кромѣ Прусіи, пришлось еще имѣть дѣло и съ Италіей, но неожиданное событіе — отдача Венеціанской Области императоромъ Францомъ-Иосифомъ императору Наполеону — измѣнило прежній ходъ дѣлъ, и теперь они запутались едва-ли не болѣе прежняго.

Отдачу Венеціанской Области, съ двумя съ половиною миліоновъ итальянцевъ, императору французовъ нельзя считать совершившимся фактомъ, хотя Наполеонъ III и не отказался принять предложеніе Франца-Иосифа, но австрійскія газеты утверждаютъ, что область эта передается Франціи безусловно. На значеніе этого событія можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, но нельзя не видѣть прежде всего въ отдачѣ Венеціанской Области императору Наполеону нарушенія одного изъ основныхъ началъ международнаго права. По ученію этого права, спорная территорія не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ передаваема въ собственность или во временное распоряженіе нейтральнаго государства. Дипломатическая практика постоянно поддерживала это начало, такъ-какъ при отступленіи отъ него, не представлялось бы никакихъ гарантій къ поддержанію нейтралитета, и нейтральная держава, принимая подъ свою власть спорную территорію, тѣмъ самымъ выходила бы изъ занятаго ею нейтральнаго положенія, допуская уже съ своей стороны прямое вмѣшательство въ интересы воюющихъ сторонъ.

Рѣшеніе императора Франца-Иосифа — отказаться отъ Венеціанской Области, непременно должно приписать тому впечатлѣнію, какое произвелъ на него печальный для Австріи исходъ сраженія у Кенигсгреца. Правда, для гордости Австріи такое сочетаніе фактовъ весьма прискорбно, и потому австрійскія газеты стараются распространять въ Европѣ мнѣніе, что отказъ отъ Венеціанской Области былъ рѣшенъ еще до кенигсгрецкаго сраженія. Трудно,

или вѣрнѣе сказать, невозможно будетъ увѣрить въ этомъ Европу, потому что если императоръ Францъ-Иосифъ дѣйствительно былъ готовъ отказаться отъ Венеціанской Области, независимо отъ хода войны съ Пруссіей, то для этого представлялся уже вѣнскому кабинету самый благопріятный случай, послѣ пораженія итальянцевъ подъ Кустоцкой. Тогда уступка Венеціанской Области хотя бы непосредственно королю итальянскому не имѣла такого прискорбнаго значенія для Австріи, какъ теперь, когда трехсотъ шестидесятитысячная австрійская армія отступаетъ передъ торжествующими пруссавами, открывая имъ путь въ столицу имперіи. Какъ бы ни силнась Австрія представить отдачу Венеціи Франціи добровольнымъ поступкомъ со стороны императора Франца-Иосифа, уступка эта все-таки оказывается вынужденною вслѣдствіе побѣды пруссаковъ.

Нельзя впрочемъ отвергать, что среди обстоятельствъ, столь неблагопріятно сложившихся для Австріи, политическій маневръ со стороны императора Франца-Иосифа представляетъ одинъ изъ тѣхъ ловкихъ пріемовъ, которыми издавна славилась политика вѣнскаго кабинета. Уступая Венецію императору Наполеону, Францъ-Иосифъ съумѣлъ вызвать внимательство Франціи, и вызвать это внимательство такъ, что оно можетъ послужить во вредъ Италіи. Большая выгода для Австріи заключается при настоящемъ оборотѣ дѣлъ и въ томъ еще, что Австрія, освободясь отъ необходимости охранять Венеціанскую Область отъ нападенія итальянцевъ, можетъ сосредоточить на сѣверѣ всѣ свои силы для рѣшительной борьбы съ Пруссіей. Быть можетъ, несмотря на это, она потерпитъ отъ пруссаковъ новыя пораженія, но во всякомъ случаѣ только съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, Австрія могла надѣяться попытаться еще разъ на рѣшительную борьбу съ Пруссіей. Разсчетъ этотъ непременно входилъ въ соображеніе императора Франца-Иосифа, такъ-какъ отказъ отъ Венеціанской Области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженіе войны съ Италією были бы два несомнѣстимыхъ факта. Въ виду продолженія этой войны, для Австріи во всякомъ случаѣ выгодноѣе было бы удерживать за собою Венеціанскую Область съ знаменитымъ ея четырехугольникомъ, который, обезпечивая пріитальянскія границы имперіи, представлялъ для итальянцевъ громадныя затрудненія, такъ что какъ бы ни сложились обстоятельства, Австрія, удерживая за собою Венеціанскую Область, была бы поставлена въ болѣе выгодныя для нея отношенія къ Италіи, нежели послѣ происшедшей уступки.

Разсчету этому не удалось однако осуществиться, такъ-какъ уступка Венеціанской Области не сопровождалась непосредственно миромъ съ Италією. Напротивъ даже, событіе это возбуждало въ Италіи еще больше: ожесточеніе противъ Австріи. Италія должна получить теперь Венецію не иначе, какъ по милости Франціи, и притомъ, быть можетъ, съ нѣкоторыми уступками въ пользу императора Наполеона. Въ былое время, слабый Пье-

монть могъ искать поддержки Франціи для осуществленія своихъ унитарныхъ плановъ; но теперь, когда Италия напругла съ большими пожертвованіями всѣ свои силы, вступила въ рѣшительный бой съ Австріей и когда армія ея потерпѣла пораженіе, полученіе Венеціи при посредствѣ Франціи, непринимавшей въ войнѣ никакого участія, должно было оскорбить національную гордость итальянцевъ. Съ другой стороны, по самому ходу дѣлъ, даже прямая со стороны Австріи уступка Венеціи королю Виктору-Эммануилу не могла бы заставить Италію помириться съ Австріей. Италия начала войну съ своимъ врагомъ не отдѣльно, но въ союзѣ съ Пруссіей, которая отвлекла главныя силы Австріи на сѣверъ и тѣмъ съ самого начала облегчила для Италіи предстоящую борьбу. Было ли или нѣтъ заключено между двумя государствами, ополчившимися на Австрію, какое-либо условіе о непринятіи каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности сепаратнаго мира, все равно, военная честь, имѣющая еще, къ сожалѣнію, такое обаяніе во всѣхъ высшихъ интересахъ человѣчества, не позволяетъ Виктору-Эммануилу отстать отъ своей союзницы, Пруссіи. Очевидно, что при этихъ обстоятельствахъ война или миръ обуславливаются прежде всего образомъ дѣйствій Пруссіи, Пруссія можетъ, такъ-сказать, разрѣшить Италію удовольствоваться полученіемъ Венеціанской Области и затѣмъ дозволить ей прекратить военныя дѣйствія противъ Австріи. Въ такую зависимость поставлена теперь Италия отъ Пруссіи, если не въ силу существующаго трактата, то въ силу понятій о военной чести.

Такая зависимость получаетъ еще большій вѣсъ вслѣдствіе самаго хода военныхъ событій. Въ то время, когда первое нападеніе итальянцевъ на австрійцевъ за Минчіо сопровождалось неудачею при Кустоцѣ, прусскія войска одерживали побѣду за побѣдой, такъ что собственно отказомъ Австріи отъ Венеціи, Италия должна быть обязана успѣхамъ прусскаго оружія. Здѣсь снова къ заключенію мира Италіей съ Австріей явится препятствіемъ военная честь итальянскихъ знаменъ. Очевидно, что если Австрія, несмотря на раздробленіе ея силъ, могла сломить итальянцевъ, то она, негревожимая войною на сѣверѣ, должна была бы дать еще болѣе грозный урокъ Италіи. Такимъ образомъ Италіи, безъ собственныхъ ея побѣдъ надъ Австріей, пришлось бы, послѣ продолжительныхъ ея приготовленій къ войнѣ и при всемъ ея воодушевленіи, сознаться, что она сама по себѣ бессильна передъ Австріей, и что, освобождая итальянцевъ отъ нѣмецкаго ига, она въ то же время обязана осуществленіемъ своихъ патріотическихъ стремленій своей нѣмецкой союзницѣ. Затруднительное и щекотливое положеніе Италиі понятно, а потому понятенъ и общій взрывъ негодованія итальянцевъ противъ Австріи и ропоть ихъ противъ Франціи по полученіи извѣстія о передачѣ Венеціи въ распоряженіе императора французоваго.

Съ неудовольствіемъ было встрѣчено это извѣстіе и въ Пруссіи, которая можетъ считать себя оскорбленной такимъ исходомъ

войны. Въ то время, когда Прусія взяла такой очевидный перевѣсъ надъ Австріею, и когда, повидимому, весь дальнѣйшій ходъ событій зависѣлъ уже исключительно отъ нея, вдругъ явилось вмѣшательство державы, объявлявшей себя нейтральной. Оказалось, что успѣхами прусскаго оружія главнымъ образомъ воспользовалась Франція. Это, конечно, такое обстоятельство, которое никакъ не могло входить въ расчетъ графа Бисмарка при войнѣ Пруссіи съ Австріею. Напротивъ, въ виду у Пруссіи было, уничтоживъ свою исконную соперницу и усилившись насчетъ Германіи, стать въ дѣлахъ обще-европейской политики не только не ниже, но еще и выше Франціи.

Въ Германіи образъ дѣйствій Франца-Иосифа произвелъ весьма невыгодное впечатлѣніе, угрожающее Австріи потерей ея вліянія на Германію. Въ уступкѣ Венеціи императору Наполеону, нѣмцы увидѣли со стороны Австріи желаніе вмѣшаться въ дѣла Германіи Францію, а такое вмѣшательство не можетъ не раздражить нѣмецкихъ патріотовъ, въ какой бы партіи она ни принадлежала. Въ заискиваніи расположенія императора Наполеона, уступкою ему Венеціи, нѣмцы не могутъ не видѣть признанія Австріею ея безсилія передъ Пруссіей и даже Италіею. По всему этому, кредитъ Австріи долженъ былъ сильно поколебаться въ Германіи, и потому не будетъ ничего удивительнаго, если нѣмецкіе союзники Австріи, недовольные ея политикою, окончательно покинуть ее, предоставивъ монархію Габсбурговъ на произволъ Пруссіи, оберегающей до сихъ поръ національные интересы Германіи отъ посторонняго на нихъ вліянія.

Теперь, когда надъ Венеціею совершенно неожиданно, вмѣсто австрійскаго флага, будетъ развѣваться французскій флагъ и когда съ уходомъ австрійцевъ изъ Венеціанской Области, область эта сдѣлалась «нравственнымъ завоеваніемъ» Франціи, естественно рождается вопросъ, скоро ли французскій флагъ въ Венеціи будетъ замѣненъ итальянскимъ и на какихъ условіяхъ войдутъ туда итальянцы во имя единой Италіи? Вопросъ этотъ, по всей вѣроятности, не разрѣшится въ близкомъ будущемъ, если только императору Наполеону вздумается примѣнить въ Венеціи его военно-окупаціонную систему, поддерживаемую имъ въ Римѣ и водворенную въ Мексикѣ. Венеція въ настоящее время принадлежитъ Франціи, и отъ воли ея повелителя зависитъ ея грядущая жизнь. Комбинаціи при этомъ могутъ быть слѣдующія, если только императоръ французскій не найдетъ болѣе удобнымъ держать Венецію неопредѣленное время подъ прикрытіемъ своего знамени. Вопервыхъ, императоръ или уступитъ Венеціанскую Область Италіи безусловно. Повидимому, такая уступка вмѣстѣ на своей сторонѣ всего болѣе нравственныхъ побужденій, потому что при этомъ императоръ Наполеонъ, провозгласитель принципа національностей, поправилъ бы ошибку своего великаго дяди, отдавашаго до пяти миліоновъ итальянцевъ Австріи, и потому еще, что онъ сдержалъ бы свое обѣщаніе—сдѣлать Италію свободной

до Адриатическаго моря и, наконецъ, потому, что приобрѣтеніе Венеціи не стоило Франціи ни одного пушечнаго и даже ни одного ружейнаго выстрѣла, и слѣдовательно было бы крайне несправедливо требовать какого либо вознагражденія въ такомъ случаѣ, въ которомъ не принесено никакой жертвы. Повторяю, императоръ Наполеонъ можетъ примѣнить къ такъ неожиданно полученному имъ отъ Австріи подарку другой свой принципъ—изъявленіе народной воли, т.-е. спросить населеніе Венеціанской Области о томъ, подъ власть какого правительства желаетъ оно поступить? Судя по прежнимъ стремленіямъ венеціанцевъ, надобно ожидать, что на такой вопросъ они отвѣтятъ изъявленіемъ желанія примкнуть къ общему ихъ отечеству—Италіи. Впрочемъ, нельзя ручаться, чтобы подъ вліяніемъ французскихъ агентовъ, всеобщая подача голосовъ не кончилась выраженіемъ со стороны Венеціанской Области желанія сдѣлаться частью французской имперіи. Тогда, конечно, императору Наполеону не останется ничего болѣе, какъ только принять присягу отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Быть можетъ однако, что венеціанцы пожелаютъ образовать изъ ихъ территоріи независимое государство. Что жъ, и это осуществимо, конечно, съ извѣстными ограниченіями. Безъ всякаго сомнѣнія, независимая Венеція не явится въ видѣ республики. Учредитель имперіи въ Америкѣ не допуститъ подобнаго явленія въ Европѣ. За то Венеціанская Область можетъ образовать изъ себя королевство съ государемъ, или прямо назначеннымъ отъ императора французовъ, или избраннымъ по его указанію. Такое королевство можетъ состоять или подъ покровительствомъ Франціи, или присоединиться на федеральномъ основаніи къ Королевству Итальянскому. Послѣдній фактъ не окажется противорѣчіемъ императорской политикѣ, если только вспомнить, что послѣ разгрома австрійцевъ подъ Сольферино, самъ Наполеонъ хотѣлъ образовать изъ Италіи федеративное государство. Втретьихъ, наконецъ, Венеціанская Область можетъ быть передана Италіи за какое-либо вознагражденіе. Высказывается, впрочемъ, еще одно предположеніе, а именно, что императоръ Наполеонъ предоставитъ Италіи возможность еще разъ помѣриться силами съ австріяцами, и что затѣмъ, когда итальянцы одержатъ побѣду, и такимъ образомъ военная ихъ честь будетъ удовлетворена, императоръ Наполеонъ передастъ Венецію Италіи, какъ приобрѣтенія ея, купленной побѣдою. Такой поединокъ былъ бы чрезвычайно-страннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ явленіемъ въ исторіи Европы, такъ-какъ здѣсь пришлось бы жертвовать десятками тысячъ людей для удовлетворенія суетнаго политическаго самолюбія.

Такимъ образомъ, какая бы судьба ни постигла Венеціанскую Область, во всякомъ случаѣ, уступка ея Франціи доставила и можетъ еще доставить императору Наполеону прямыя и косвенныя выгоды. Этимъ окончился нейтралитетъ Франціи, который, какъ само собою разумѣется, и не могъ существовать иначе, какъ въ виду благоприятнаго для Франціи оборота дѣлъ.

Упомянемъ еще и о томъ, что вмѣстѣ съ передачею Франціи Венеціи, императоръ Наполеонъ принялъ на себя посредничество съ цѣлью склонить воюющія державы къ миру. Въ сущности, такое намѣреніе весьма похвально, но императоръ не могъ не предвидѣть, что при положеніи дѣлъ, вызванномъ успѣхами пруссаковъ надъ австрійцами и побѣдою австрійцевъ надъ итальянцами, посредничество его не можетъ имѣть успѣха. Каждой изъ воюющихъ сторонъ приходится теперь дѣйствовать самостоятельно, такъ-какъ въ противномъ случаѣ Прусія и Италія подчинились бы не только волѣ императора французовъ, но и волѣ императора Франца-Иосифа. Французское посредничество вызвано не съ общаго согласія воюющихъ сторонъ, но единственно сдѣлкою Австріи съ Франціею. Побѣжденная Австрія могла прибѣгнуть къ крайнимъ, чужимъ средствамъ, но у торжествующей Прусіи остаются инныя, собственныя средства для разчета съ своимъ врагомъ. Италія же должна разсчитывать на свои собственныя силы, чтобы избавиться отъ опеки, наложенной на нее императоромъ французовъ. Въ настоящее время посредничество Франціи не привело еще ни къ чему; вообще же можно сказать, что Прусія и Италія принимаютъ французское посредничество только для виду, какъ нѣкогда принимали онѣ предложеніе императора Наполеона о конгрессѣ, имѣя, однако, свои собственныя планы. Во всякомъ случаѣ, переговоры воюющихъ сторонъ о мирѣ при посредничествѣ Франціи составляютъ въ настоящей войнѣ такой эпизодъ, на которомъ нужно будетъ остановиться, когда уяснятся всѣ относящіяся къ этому обстоятельства.

Сраженіе при Кенигсгрецѣ, или иначе называемое сраженіемъ при Садовой, было событіемъ, давшимъ рѣшительный оборотъ ходу дѣлъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ. Битва эта убѣдила Австрію въ невозможности бороться съ Прусіею, особенно потому, что силы Австріи были развлечены на сѣверъ и югъ. Пораженіе, нанесенное въ упомянутомъ сраженіи австрійцамъ, сопровождалось въ политическомъ отношеніи уступкою Венеціанской Области, а въ военномъ—занятіемъ Богеміи, которая по своему географическому положенію, по бассейну рѣки Эльбы и, наконецъ, по средствамъ естественной защиты, заключающейся въ горахъ, составляла весьма важный стратегическій пунктъ. Богемію можно назвать цитаделью Австріи, господствующею надъ всѣмъ пространствомъ, разстилающимся между Одеромъ и Эльбою. Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ, какъ теперь оказывается, не сумѣлъ воспользоуваться нѣкоторыми пзъ этихъ благоприятныхъ для его арміи условій. Силы австрійцевъ покинули укрѣпленныя позиціи, находящіяся при входѣ въ горы, отдѣляющія Богемію отъ Силезіи, и старались обезпечить теченіе Эльбы, со-

единивъ Прагу, столицу Богеміи, расположенную въ центрѣ этой провинціи, съ двумя крѣпостями, командующими надъ Эльбою съ сѣвера-востока и запада. Пруссаки воспользовались отступленіемъ австрійцевъ отъ укрѣпленныхъ пунктовъ, лежащихъ на границѣ Богеміи, и вступили въ эту область двумя колоннами, которыя однако были отдѣлены одна отъ другой естественными преградами. Такое опасное разъединеніе требовалось многочисленностію прусской арміи, неимѣвшей возможность идти въ совокупныхъ силахъ по горнымъ дорогамъ. Битвы при Находѣ, Скалицѣ и Трутенау открывали пруссакамъ дальнѣйшій путь, а занятіе Гичина облегчило соединеніе обѣихъ прусскихъ армій. На другой день послѣ этого соединенія, т.-е. 21 іюня (2 іюля) произошло гибельное для Австріи сраженіе при Кенигсгрецѣ или Садовой, которому впрочемъ предшествовали и другія пораженія, нанесенныя пруссакамъ австрійцамъ.

Успѣхи свои въ настоящей войнѣ Прусія, кромѣ «правоты дѣла», за которое она вооружилась, объясняетъ еще заботою правительства объ организаціи армій, вооруженной игольчатыми ружьями. Само собою разумѣется, что къ этому присоединяются похвалы храбрости и неутомимости прусской арміи, а также способностямъ и энергіи ея вождей. Что же касается Австріи, то, конечно, ей не приходится объяснять свои успѣхи, а остается только выставлять на видъ причины потерпѣнныхъ ею пораженій.

Главная причина неудачнаго исхода кампаніи, предпринятой сѣверною австрійскою арміею, заключается, по словамъ ея представителей, въ отношеніяхъ, связывавшихъ Австрію съ германскими государствами. Передъ началомъ войны, въ Вѣнѣ хотѣли дѣйствовать противъ Прусіи наступательно, но при этомъ произошло замедленіе, имѣвшее однако ту выгодную для Австріи сторону, что давало возможность ея нѣмецкимъ союзникамъ образовать ихъ контингенты для совокупнаго дѣйствія противъ Прусіи. Прусія, однако, не откладывая похода на Австрію и съ неизмѣрною быстротою наводняла своими войсками сѣверную часть Богеміи, справляясь въ то же время и со своими германскими недругами. Вообще судя по объясненіямъ, дѣлаемымъ Австріею, надобно придти къ тому заключенію, что медленность ея нѣмецкихъ союзниковъ была первою причиною испытанныхъ ею неудачъ. Главной виновницей при этомъ выставляется Баварія, бездѣйствіе которой повлекло за собою капитулацію ганноверской арміи.

Слѣда внимательно за нашествіемъ пруссаковъ въ Богемію, нельзя не замѣтить, что Австрія, хотя и подготовленная къ этому, какъ будто растерялась въ виду той быстроты, съ какою происходило это нашествіе. Такъ, при приближеніи пруссаковъ, въ ущельѣ Исполиновыхъ горъ не было приготовлено никакого отпора, хотя позція и представляла здѣсь много удобствъ къ тому, чтобъ задержать вступленіе пруссаковъ въ Богемію. Подоб-

ный же промахъ, по словамъ знатоковъ военнаго дѣла даже изъ австрійцевъ, былъ сдѣланъ и въ отношеніи взгѣба Эльбы у Пардубица, гдѣ оказывались всѣ выгоды для устройства укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ, въ случаѣ пораженія, могла бы держаться австрійская армія.

Кажется, однако, что кромѣ всѣхъ указанныхъ выше обстоятельствъ, пораженію австрійцевъ содѣйствовала и та самоувѣренность, съ которою они начали войну, ожидая отъ тактики фельдцейхмейстера Бенедекка изумительныхъ чудесъ. Общественное мнѣніе до того склонялось въ пользу австрійскаго главнокомандующаго, что въ Австріи были увѣрены въ успѣшномъ исходѣ кампаніи даже и въ томъ случаѣ, еслибы Бенедекъ впустилъ пруссаковъ въ Вѣну, потому что это было бы ничего болѣе, какъ только военная хитрость со стороны австрійскаго полководца, неотрывавшаго никому своихъ стратегическихъ плановъ. Теперь, когда пруссаки заняли 26 іюня (8 іюля) Прагу и двигаются на Вѣну, вѣроятную отдачу пруссакамъ императорской столицы нельзя уже считать военнымъ маневромъ. Вообще, настоящее положеніе австрійской монархіи весьма бѣдственно: уступка Венеціанской Области не избавитъ Австрію отъ войны съ Италіей; посредничество императора Наполеона не принесло, да вѣроятности и не принесетъ результатовъ, благоприятныхъ для Австріи. Наконецъ, если вѣрить приходящимъ нынѣ извѣстіямъ, въ Венгріи растетъ волненіе, а въ Галиціи готовится возстаніе. Несмотря на это, императоръ Францъ-Іосифъ, по словамъ изданной имъ прокламаціи, готовится къ отчаянной борьбѣ, и дѣйствительно для Австріи не остается ничего болѣе, для сохраненія ея военной чести, какъ сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку и затѣмъ принять миръ, хотя бы онъ и былъ предписанъ ей въ Вѣнѣ. Австріи, судя по настоящему положенію дѣлъ, приходится думать уже не о соперничествѣ съ Прусіей въ Германіи, но только о сохраненіи собственной территоріи и занимаемаго ею мѣста въ ряду первоклассныхъ европейскихъ державъ. Содѣйствовать этому могутъ не сомнительные успѣхи ея оружія, но какойнибудь дипломатическій маневръ и перемѣна отношеній къ воюющимъ сторонамъ трехъ главныхъ европейскихъ державъ, Франціи, Россіи и Англіи, изъ которыхъ двѣ послѣднія соблюдаютъ до сихъ поръ строгій, ничѣмъ ненарушаемый нейтралитетъ. Этотъ строгій нейтралитетъ Россіи, скажемъ мимоходомъ, встрѣчаетъ полнѣйшее сочувствіе въ образованномъ русскомъ обществѣ. И, намъ кажется, оно, наше общество, право, по многимъ уважительнымъ причинамъ.

Что же касается германскихъ союзниковъ Прусіи, то при самомъ началѣ войны, они выказали большую поспѣшность къ образованію своихъ континентовъ. Притомъ успѣхи, приобретенные пруссаками въ Германіи, поставили въ самое затруднительное положеніе тамошняго государства, союзнаго съ Австріей. Теперь, съ занятіемъ Прусією Франкфурта-на-Майнѣ, она сдѣлалась

владѣтельницею мѣстопробыванія германскаго сейма, а это обстоятельство не лишено нравственнаго вліянія на всю Германію, показывая ей безсиліе Австріи и ея союзниковъ для защиты столь важнаго пункта. Хотя баварцы и взяли незначительный верхъ надъ пруссаками 4 іюня при Кальтенордгеймѣ, а при Ашафенбургѣ выказали большую стойкость, но за то черезъ нѣсколько дней они, при поддержкѣ ихъ австрійцами и гессенцами, потерпѣли сильное пораженіе при Кисингенѣ. Слѣдствіемъ этого было отступленіе австро-союзной арміи за Майнъ и занятіе Франкфурта пруссаками.

Военныя извѣстія изъ Италіи гораздо менѣе обильны замѣчательными фактами, нежели извѣстія, получаемыя изъ Германіи. Послѣ пораженія итальянцевъ при Кустоцѣ, со стороны Италіи замѣтна была какая-то нерѣшительность относительно продолженія наступательныхъ дѣйствій противъ Австріи, и это очень понятно, такъ-какъ послѣ первой неудачной попытки, слѣланной на австрійскій четверугольникъ, во Флоренціи предполагалось измѣнить планъ кампаніи. Передача Венеціи Франціи должна была еще болѣе затруднить военныя дѣйствія итальянцевъ въ Венеціанской Области, въ которой, по выраженію официальной вѣнской газеты, австрійская армія находится только въ гостяхъ, какъ на французской территоріи. Такимъ оборотомъ дѣлъ Италія была неизбѣжно поставлена въ самое затруднительное положеніе. Тѣмъ не менѣе, однако, итальянская армія, состоящая изъ 160,000 человекъ, перешла, подъ предводительствомъ генерала Чиадьини, По при Остиіи, нѣсколько сѣвернѣе итальянской крѣпости Мирандолы и юго-восточнѣе отъ Леньяно. Австрійцы не оказали итальянцамъ никакого сопротивленія. Все это произошло уже послѣ извѣстія объ уступкѣ Венеціи Франціи, такъ что наступленіе итальянской арміи на Венеціанскую Область при этомъ условіи усложняетъ еще болѣе ходъ событій вслѣдствіе особыхъ, установившихся теперь отношеній между Австріей и Франціей.

Въ Тиролѣ дѣйствія итальянскихъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ Гарибальди, не привели еще ни къ какимъ результатамъ. 21 іюня (3 іюля), гарибальдійцы первый разъ вступили въ серьезный бой съ австрійцами при Монте-Суэлло. Австрійцы приписываютъ себѣ успѣхъ этого сраженія, такъ-какъ гарибальдійцы понесли сильный уронъ, хотя и удержали за собою поле сраженія. Мы не будемъ приводить здѣсь извѣстій о небольшихъ стычкахъ, происходившихъ между австрійцами и итальянскими волонтерами; замѣтимъ только, что Гарибальди былъ противъ похода въ Тироль, имѣя въ виду, что для арміи, составленной изъ волонтеровъ, у которыхъ нѣтъ артиллеріи, Тироль представляетъ неодолимыя препятствія. Онъ согласился на этотъ походъ только по настояніямъ генерала Ламармора и по убѣжденіямъ Ривазоли. Собственный же планъ Гарибальди заключался въ высадкѣ на далматскомъ берегу, съ цѣлью вступить черезъ

Т. СLXVII. — Отд. II. 5

Далмацію въ прямиа сношенія съ Венгрією. Впрочемъ, до настоящаго времени планъ Гарибальди не могъ бы получить примѣненія, такъ-какъ Венгрія остается еще покорной передъ Австріей, хотя, какъ мы замѣтили выше, теперь начали ходятъ слухи о революціонномъ движеніи въ Венгріи, но слухи эти не подтверждаются никакими фактами.

ГРАФЪ БИСМАРКЪ.

Эта біографія, помѣщенная въ іюльской книжкѣ «Fortnightly Review», написана докторомъ Максомъ Шлезингеромъ. Она англійскаго происхожденія, хотя, основываясь на фамиліи автора, ее и можно было бы счесть переводомъ съ нѣмецкаго. Въ ученое и литературное кругу Англии нисколько не рѣдкость встрѣтить природнаго англичанина съ чисто-нѣмецкой фамилією. Извѣстный филологъ тамъ — Максъ Миллеръ, и очень замѣчательный химикъ — Гофманъ. Говоря объ англичанахъ, Шлезингеръ употребляетъ слово *мы*, и этимъ оборотомъ даетъ средство читателю понять, кто онъ по своей національности. Та часть сообщенныхъ имъ свѣдѣній, которая относится къ отертой, публичной дѣятельности г. Бисмарка, основана на такихъ источникахъ, которымъ нельзя, кажется, невѣрить. За остальное же онъ самъ не ручается. Мы умолчали о такихъ фактахъ.

Еслибы графъ Бисмаркъ былъ убитъ фанатикомъ Блиндомъ, или завтра же удаленъ бы въ монастырь, съ твердымъ намѣреніемъ не покидать его до конца жизни — такъ начинается статью свою г. Шлезингеръ — все же онъ въ продолженіе немногихъ лѣтъ общественной дѣятельности задумалъ и привелъ въ исполненіе столько недобрыхъ, возмутительныхъ для общаго спокойствія замысловъ, такъ матеріально замедлилъ внутреннее развитіе Пруссіи и такъ сильно встревожилъ европейскихъ монарховъ, ихъ кабинеты, парламенты, войска и мирныхъ подданныхъ, что невозможно не дать ему виднаго мѣста въ современной исторіи. Прусскій министръ-президентъ далеко не дюжинный человекъ. Въ характерѣ его находится удивительное смѣшеніе легкомыслія и фанатизма, страсти и флегматической расчетливости. Онъ пламенно желаетъ подавить всѣ либеральныя стремленія нашего времени, и однакоже нисколько не уважаетъ прошлаго. Онъ достигъ высокаго положенія, выставляя на показъ свою ненависть къ конституціонному образу правленія и революціи, но ему не стоило бы ни малѣйшаго труда примкнуть къ демократіи и социализму, еслибы такой маневръ приближалъ его къ предполагаемой цѣли. Графъ Бисмаркъ — револю-

ціонеръ реакціи, и въ голову ему каждый день приходитъ новая отважная мысль, хотя онъ и ни на шагъ не отступаетъ отъ своего главнаго принципа — расширенія власти Пруссіи въ Германскомъ Союзѣ. Мужественный, ловкій и рѣшительный, онъ знаетъ слабую сторону нашего вѣка и умѣетъ пользоваться ею, но въ немъ не видно способности понимать благороднѣйшія чувства, усилія и тенденціи новаго времени и дѣйствовать въ этомъ духѣ. Поверхностные судьи попадали часто въ заблужденіе, обвиняя его въ недостаткѣ принципа. Это — неправда; онъ поступаетъ безпринципно только въ отношеніи къ выбору средствъ. Упреки въ несообразительности и коварствѣ также неосновательны. Бисмаркъ только непостояненъ и безпокоенъ. Тѣ, которые, подобно приведеннымъ въ отчаяніе австрійцамъ, уподобляютъ Бисмарка сатанѣ, дѣлаютъ ему слишкомъ много чести, потому что онъ очень любитъ хорошую жизнь и недовольно испытанъ несчастіемъ, для того чтобы стремиться къ приобрѣтенію адскихъ достоинствъ. Люди, называющіе его гениемъ, также грѣшатъ противъ высокаго смысла этого слова. Могущество Бисмарка основано на разьединеніи его противниковъ и на отсутствіи въ ихъ дѣйствіяхъ системы и организаціи. Вся сила его заключается въ томъ, что онъ ясно понимаетъ цѣль своихъ желаній, тогда какъ нѣкоторые изъ государственныхъ людей нашего времени едва успѣли уяснить себѣ вопросъ о томъ, чего должны избѣгать они. Сверхъ того — и это очень замѣчательно — Бисмаркъ составилъ слишкомъ высокое мнѣніе о самомъ себѣ и очень невыгодное о большей части другихъ людей.

Сдѣлавъ этотъ общій очеркъ характера, авторъ приступаетъ къ описанію жизни и дѣятельности Карла-Отто Бисмарка-Шенгаузена и Книпгофа. Онъ принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ древнихъ прусскихъ фамилій, которыя приобрѣли извѣстность умнѣемъ жить не по тѣмъ средствамъ, какія доставляетъ небольшое состояніе. Родился онъ въ 1813 г. въ Бранденбургѣ и изучалъ законовѣдѣніе въ гетингенскомъ, грейфсвальдскомъ и берлинскомъ университетахъ, готовясь поступить въ гражданскую службу, но не по любви къ юриспруденціи, а по недостатку матеріальныхъ средствъ къ другой карьерѣ. Не будь этого препятствія — Бисмаркъ предпочелъ бы, конечно, военную службу, для которой, повидимому, назначила его сама природа. Онъ красивъ, строенъ, храбръ, надѣленъ чрезвычайной крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и вообще тѣми физическими и умственными качествами, которыя очень пригодны хорошему начальнику на полѣ сраженія. Невѣроятно, чтобы при такихъ условіяхъ онъ слишкомъ интересовался римскимъ правомъ и тратилъ небольшія деньги, которыя присылалъ ему отецъ, на покупу юридическихъ книгъ. Если и случилось г. Бисмарку, когда онъ былъ еще студентомъ, не ложиться въ постель до разсвѣта, то конечно ему препятствовала спать не жажда къ ученымъ познаніямъ, а что нибудь другое. Онъ былъ, какъ говорятъ нѣмцы, «ein flotter Bursche», дрался нѣсколько разъ на тѣхъ студенческихъ дуэляхъ, на которыхъ проливается больше пива, нежели крови, и наконецъ

доказал даже отцу своему, извѣстному охотнику, что онъ въ состояніи перепить его.

Въ Пруссіи не дѣлается по службѣ ни одного шагу впередъ безъ взамена. Неизвѣстно, какъ сходили они съ рукъ у г. Бисмарка, хотя злые языки и поговариваютъ, что онъ не успѣвалъ будто бы ни къ одному изъ нихъ приготовиться порядочно. Впрочемъ, это второстепенное дѣло. Нельсонъ все-таки былъ бы великимъ адмираломъ, еслибы даже положительно доказали, что въ двадцать лѣтъ онъ не умѣлъ отличить фрегата отъ суповой миски. Бисмаркъ занялъ сначала невидное мѣсто суперинтендента въ Альтмаркѣ, и здѣсь приобрѣлъ извѣстность приверженца юнкерской партіи, которая быстро перенесла его на высшій постъ въ Соединенномъ Сеймѣ (Vereinigter Landtag). Это случилось за годъ до парижской революціи. Собраніе Соединеннаго Сейма было дозволено Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, который такъ ограничилъ вдругъ дѣйствій этого собранія, что, казалось, не было никакой причины опасаться бурнаго развитія страстей. Король — какъ доказываютъ записки Фарнгагена — смотрѣлъ на все глазами дилетанта, нисколько не предчувствуя сбиравшейся грозы, тѣмъ болѣе, что его подданные не обнаруживали никакихъ признаковъ нетерпѣнія. Они были убѣждены, что старый порядокъ не выдержитъ борьбы съ духомъ новаго времени, и что конституціонный образъ правленія придетъ къ нимъ самъ собою. Потому-то либералы явились на сеймъ съ весьма умѣренными требованіями, и дебаты происходили бы очень покойно, еслибы на сцену дѣйствія не выступилъ г. Бисмаркъ, въ качествѣ бойца феодальной партіи, и своими необузданными нападками не вызвалъ противную сторону къ жаркой оппозиціи. Онъ неумоимо нападалъ на своихъ противниковъ и, нисколько не стѣняясь, высказывалъ публично такія мысли, которыми феодалы тайно дѣлились между собою. Въ тѣ дни прогресса даже самыя смѣлые приверженцы реакціи рѣдко сознавались, къ какой именно партіи принадлежатъ они. Всякій старался прикинуться либераломъ и вольнодумцемъ, какъ скоро заходила рѣчь о религіи и политикѣ. Но Бисмаркъ — надобно отдать ему справедливость — былъ совершенно чуждъ этой робости и лицемѣрія. Своимъ реакціоннымъ видамъ давалъ онъ нисколько недвусмысленную форму выраженія, и гордо называя себя юнкеромъ, увѣрялъ, что въ юнкерствѣ заключается государственная сила, и что хотя его идеи темны и отличаются средневѣковымъ характеромъ, однако же онъ не боится борьбы съ такъ-называемымъ умственнымъ прогрессомъ нашего вѣка. Впрочемъ, его средневѣковыя убѣжденія были совсѣмъ не такъ строги, какъ показывалъ онъ; такъ же точно и уваженіе Бисмарка къ тупоумнымъ юнкерамъ, которыхъ презиралъ онъ внутренно, было неслишкомъ-то глубоко; но неукротимой природѣ его нравилось дразнить и поражать умѣренныхъ либераловъ этими преувеличеніями. Теперь онъ былъ такъ же щедръ на яркія слова, какъ въ университетѣ на яркіе удары. Многие считали его Дон-Кихотомъ феодальной партіи. Но если въ рѣчахъ его и было боль-

ше остроумія, нежели метода, то все же онъ дѣйствовалъ согласно съ хорошо-обдуманнѣмъ планомъ. Ему хотѣлось играть видную роль и обратить на себя вниманіе короля.

Трудно представить себѣ г. Бисмарка сельскимъ хозяиномъ. Однакоже, обстоятельства сложились такъ, что онъ принужденъ былъ сойти на время съ политическаго поприща и заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ. Послѣ закрытія второго соединеннаго сейма, созваннаго въ 1848 г., былъ утвержденъ выборный законъ для національнаго собранія, и г. Бисмаркъ увидалъ двери парламента закрытыми для него. Въ тѣ революціонные дни, когда прусскій король долженъ былъ подписать конституцію, ѣздить по улицамъ Берлина, имѣя передъ собою трехцвѣтное знамя Германіи, и снявъ шляпу, смотрѣть съ балкона на проносимые мимо дворца гробы инсургентовъ, Бисмарку, который энергически противился стремленію своихъ соотечественниковъ къ политической свободѣ, нечего было и думать о выборѣ въ народные представители. Небольшое и притомъ разстроенное состояніе, заставило его отказаться отъ городской жизни и ѣхать въ деревню. Впрочемъ, не раздѣляя общественнаго мнѣнія о невозможности реакціи, онъ удалился туда не безъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Его сношенія съ членами феодалной партіи не прерывались, онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Берлинѣ и нетерпѣливо ждалъ того дня, когда обстоятельства позволятъ ему сказать «прости» красотамъ сельской природы. Періодъ его ожиданій былъ непродолжителенъ. Черезъ годъ обстоятельства измѣнились. На всемъ материкѣ Европы, реакція стала подыматься полегоньку изъ-подъ земли, которою былъ прикрытъ мнимо-бездушный трущъ ея. Сначала робко выставила она одну руку, потомъ другую, затѣмъ подняла голову, наконецъ бодро встала на ноги и явилась передъ изумленными взорами простодушныхъ людей со всеми атрибутами, которые были очень хорошо извѣстны имъ. Эти сцены повторились поочередно во Франціи, Пруссіи, Австріи и другихъ государствахъ Германскаго Союза. То, что годъ назадъ было невозможно, совершилось теперь дѣйствительно — г. Бисмаркъ явился въ палатѣ депутатовъ представителемъ округа Цаухе.

Невольное заточеніе еще болѣе раздражило и безъ того уже слишкомъ пылкій характеръ его. Онъ принялъ на себя званіе предводителя той партіи, представитель которой, князь Лихновскій, поплатился жизнью во Франкфуртѣ. Впрочемъ, этотъ примѣръ не могъ подѣйствовать на Бисмарка. Онъ смѣло вызывалъ на диспуты своихъ парламентскихъ опонентовъ, и хотя былъ не въ состояніи побѣдить ихъ, однакоже возбуждалъ иногда симпатію къ себѣ въ обществѣ этой неутомимой отвагою. Противниками его были теперь уже не либералы стараго покроя, но готская партія, въ наслѣдство которой досталась большая часть хорошихъ и дурныхъ качествъ ея предшественниковъ. Она составляла большинство. Брагами ея были радикалы лѣвой стороны и федералисты правой,

очень сильные въ дебатахъ, но рѣдко опасные вслѣдствіе недостатка единодушія.

Замѣчательно, что уже въ то время Бисмаркъ предпочиталъ соглашеніе съ демократами союзу съ центромъ. «Я знаю, чего вамъ хочется—сказалъ онъ однажды депутату крайней лѣвой стороны.— Вы желали бы обезглавить всѣхъ монарховъ, устроить германскую федеральную республику, сдѣлаться — если позволять обстоятельства — ея президентомъ, или по крайней-мѣрѣ предоставить этотъ важный постъ одному изъ своихъ родственниковъ, распустить войско, обратить храмы въ библіотеки и сдѣлать человѣчество невыразимо-счастливымъ. За исключеніемъ послѣдняго желанія, которое я исполнѣ раздѣляю съ вами, мы расходимся во всемъ остальномъ. Но такъ-какъ намъ извѣстно, чего пменно хотимъ мы, то по крайней-мѣрѣ и вы, и я можемъ понять другъ друга и даже согласиться кое въ чемъ между собою. Что же касается нашихъ умѣренныхъ либераловъ, то кто же въ состояніи постигнуть ихъ, когда сами они не вѣдаютъ, чего хочется имъ, и даже не хотятъ безпокоиться дѣйствовать въ пользу того, къ чему бы дѣйствительно должны были стремиться ихъ желанія?» Почти такъ же откровенно высказывалъ г. Бисмаркъ свои мнѣнія съ парламентской трибуны. Какъ и что говорилъ и думалъ онъ въ то время, можно лучше всего понять, руководствуясь нѣкоторыми изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ палатѣ депутатовъ. Разсуждая о верховной власти народа, онъ сказалъ: «Нѣтъ выраженія, которому въ послѣдніе годы давался бы такъ часто произвольный смыслъ, какъ слову *народъ*. Всякій опредѣляетъ его по своему, но преимущественно, какъ естественное тѣло, созданное для того, чтобы раздѣлять его взгляды». Бисмаркъ постоянно возставалъ противъ выраженій: «герои революціи» и «мученики за свободу». Людей, убитыхъ на баррикадахъ, онъ просто называлъ «бунтовщиками», и когда палата разсматривала предложеніе объ амнистіи всѣхъ, замѣшанныхъ въ это политическое движеніе, онъ высказался противъ «прощенія бунтовщиковъ», доказывая, что амнистія распространить въ народѣ идею о зависимости государственныхъ законовъ отъ воли націи, и что въ такомъ случаѣ, всякій, кому не нравится тотъ или другой законъ, могъ бы отмѣнить его, склонивъ на свою сторону вооруженную, или безоружную толпу, при содѣйствіи которой онъ сталъ бы управлять слабымъ правительствомъ. Вотъ собственныя слова его: «Столкновеніе началъ, такъ сильно поколебавшее Европу, не допускаетъ никакихъ соглашеній. Начала эти совершенно исключаютъ другъ друга. Одно изъ нихъ основано, повидимому, на правѣ народной воли, но въ дѣйствительности — на правѣ насилія и барикадъ. Источникъ другаго кроется въ верховной власти, Богомъ установленной и по милости божіей существующей во власти, которая ищетъ своего развитія въ органическомъ соединеніи съ порядкомъ вещей и въ гармоніи съ правомъ и конституціею. Представители одного изъ этихъ началъ — героическіе ратоборцы за истину, свободу и право; тогда какъ поборники другаго — бун-

товщики. Спора между такими началами нельзя рѣшить посредствомъ парламентскихъ преній. Рано или поздно, Богъ битвъ покончитъ его штыками и пулями».

Уже въ этихъ словахъ обнаружилось предпочтеніе, отдаваемое Бисмаркомъ теоріи «крови и желѣза» передъ другими способами рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Международныя распри Германіи онъ такъ же неохотно хотѣлъ бы отдать на судъ дипломатовъ, какъ предоставить конституціонныя недоразумѣнія парламенту. Въ обоихъ случаяхъ онъ смотрѣлъ на матеріальную силу, какъ на единственное средство рѣшить трудную задачу. Конечно, надобно было имѣть немало мужества для того, чтобы идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, и даже не только нравственнымъ, но физическаго мужества, потому что революціонный духъ не совсѣмъ еще угасъ тогда, несмотря на всѣ успѣхи реакціи. Кратеръ дымился еще въ Парижѣ, Австрія только-что усмирила венгровъ при содѣйствіи Россіи, и франкфуртскій парламентъ не совсѣмъ утратилъ свое вліяніе на германцевъ. Сгущенные пары могли ежеминутно произвести страшное изверженіе, если не въ Берлинѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ революціонныхъ силахъ много общаго съ вулканическимъ дѣйствіемъ, которое также имѣетъ широкое поле для своего проявленія, хотя и распространяется невидимо, подъ землю. Такъ, когда 4-го февраля 1794 г. прекратилось изверженіе кратера въ Пасто, городъ Риобамба былъ разрушенъ землетрасеніемъ; извѣстно также, что волнообразное колыханіе почвы, въ то время, когда погибъ Лисабонъ, чувствовалось въ Шотландіи. Подобно этому явленію природы, революціи вспыхиваютъ часто въ далекихъ другъ отъ друга странахъ, неимѣющихъ повидимому никакого сношенія между собою. Сверхъ того Прусія была въ то время далеко не такъ покорна, какою является она теперь, когда ея граждане пошли на войну, которая сначала возбуждала сильнѣйшую антипатію въ нихъ. Если же князь Лихновскій и графъ Ауэрсвальдъ погибли во Франкфуртѣ, гдѣ народъ — олицетворенная протость сравнительно съ жителями Берлина, то почему же подобная судьба не могла бы постигнуть Бисмарка? Неоспоримо, что только очень неустрашимый человекъ можетъ такъ смѣло вызывать народное противъ себя негодованіе. Можно сказать съ полной увѣренностью, что Бисмаркъ ничего не боится. Говорятъ, еще недавно, когда наслѣдникъ принца сдѣлалъ ему несовсѣмъ хладнокровно замѣчаніе на счетъ произвола внутренней полиціи, онъ отвѣчалъ: «Немудрено, что мнѣ накинуть петлю на шею—хуже этого ничего не можетъ случиться со мною. Но если моя гибель послужитъ къ большому скръбленію трона вашего высочества съ остальной Германіею, то стоитъ ли думать о ней?»

Бисмаркъ получалъ много письменныхъ угрозъ, и его часто упрекали въ палатѣ и въ газетахъ за близкое къ цинизму неприличіе, которымъ отличается онъ въ парламентскихъ дебатахъ, но народъ никогда не нападалъ на него. Смѣлость Бисмарка росла вмѣстѣ съ успѣхами реакціи. Въ новомъ парламентѣ, который составилъ

послѣ распущеннаго въ 1849 г. и не имѣлъ въ средѣ своей почти ни одного демократа, онъ еще неутомимѣе и злѣе, чѣмъ прежде, сталъ нападать на умѣренныхъ либераловъ, не обращая вниманія даже на историческую истину. Стоитъ только заглянуть въ газеты, памфлеты и парламентскія рѣчи 1848 г., чтобы окончательно убѣдиться, какъ далеко отъ социализма было тогдашнее движеніе Германіи. Оно имѣло чисто-народный характеръ и отличалось такимъ общимъ отвращеніемъ къ социальнымъ принципамъ, что въ каждомъ городѣ, гдѣ вспыхивалъ мятежъ, народная партія писала мѣломъ на лавкахъ: «Heilig ist das Eigenthum», то-есть «собственность священна». Несмотря на это, г. Бисмаркъ въ рѣчи своей 6-го сентября 1849 не затруднился выразить слѣдующее мнѣніе: «Я убѣжденъ—сказалъ онъ—что начала прошлогодняго движенія имѣли болѣе социальный, нежели народный характеръ. Национальное движеніе ограничилось бы небольшимъ числомъ передовыхъ людей въ тѣсныхъ кружкахъ, еслибы не была потрясена почва подъ нашими ногами введеніемъ въ это движеніе социальнаго элемента, и еслибы ложныя толкованія не распалили алчности бѣдняковъ къ чужой собственности и зависти низшихъ классовъ къ богатымъ людямъ. Эти страсти распространялись тѣмъ легче, что вслѣдствіе привычки къ вольнодумству, которая, поддерживаясь сверху, росла постепенно съ каждымъ годомъ, нравственныя начала оппозиціи были уничтожены въ сердцахъ людей. Я не думаю, чтобы такое дурное положеніе дѣлъ могло быть исцѣлено демократическими уступками и проектами германскаго единства. Корень недуга лежитъ глубже».

Прусскіе политики всегда ссылались на «интересы Германіи», когда хотѣлось имъ при помощи державъ Германскаго Союза, но вопреки волѣ ихъ двинуть впередъ частныя интересы Пруссіи. То же самое дѣлало всегда и австрійское правительство. Оно постоянно увѣряло, что удерживаетъ Венецію въ видахъ охраненія стратегическыхъ границъ Германіи. Это очень смѣлый вымыселъ. Исторія доказываетъ, что со временъ древней римской имперіи итальянцы никогда не нападали на нѣмецкія земли, но, напротивъ, очень часто подвергались нападеніямъ германскихъ императоровъ. Такъ же точно прусское правительство объявляло и теперь объявляетъ, что Пруссія должна присоединить къ себѣ герцогства для безопасности Германскаго Союза, потому что безъ герцогствъ стратегическая граница Германіи была бы открыта съ сѣвера для нашествія французовъ, англичанъ, шведовъ, датчанъ, русскихъ, лапландцевъ и самоѣдовъ! Г. Бисмаркъ никогда не забывалъ въ своихъ позднѣйшихъ депешахъ и циркулярахъ ссылаться на «общіе интересы Германіи», какъ скоро хотѣлось ему выгодать что-нибудь для Пруссіи. Но дѣйствительно ли онъ такой истинный германецъ? Нисколько. Въ немъ всегда было болѣе пруссизма, нежели во ста пруссакахъ, взятыхъ вмѣстѣ. То, чего теперь, какъ министръ и дипломатъ, не можетъ сказать онъ во всеуслышаніе, было часто говорено имъ въ 1849 г., когда исполнялъ онъ должность депутата. «Только пруссизмъ—говорилъ онъ—спасъ государство». Армія одушевлена

«не германскимъ, но прусскимъ энтузіазмомъ». Никогда не слыхаль онъ, чтобы прусскіе солдаты пѣли германскій народный гимнъ. «Мы пруссаки, и пруссаками хотимъ остаться», воскликнулъ Бисмаркъ въ заключеніе. Въ другой разъ онъ ясно выразилъ свою антипатію къ трехцвѣтной лентѣ: «Цвѣта инсуреціи», которые носятъ только демократы и «послушное, къ сожалѣнію, войско» (Прусская армія носила въ то время германскую кокарду рядомъ съ прусской). Но какъ бы желалъ графъ Бисмаркъ приказать этимъ, «къ сожалѣнію, послушнымъ солдатамъ» носить теперь германскую кокарду не только на каскѣ, но на всякой части мундира, гдѣ бы только можно было прикрѣпить ее, и съ какою радостью позволилъ бы онъ въ настоящую минуту развѣваться германскому флагу на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ Пруссіи, хотя и назвалъ его однажды въ Эрфуртѣ «траурнымъ знакомъ времени», еслибы только можно было ему привлечь этимъ средствомъ руки и сердце Германіи въ свой лагерь!

Сбылось одно изъ высказанныхъ имъ прежде желаній. Кровь и желѣзо должны теперь развязать тотъ узелъ, мирной развязкѣ котораго никогда не вѣрили онъ. Другія предсказанія, сдѣланныя графомъ Бисмаркомъ въ 1849 и 1850 г., далеко не всѣ исполнились. То, что сдѣлалъ и дѣлаетъ онъ, явно противорѣчитъ его прежнимъ словамъ и мыслямъ. Борьбу за Шлезвиг-Голштейнъ, казавшуюся ему прежде «жалкимъ дѣломъ революціи и нарушеніемъ правъ Даніи», принялъ онъ впослѣдствіи на свою собственную отвѣтственность, не уважая ни этихъ правъ, ни голоса Европы. На Австрію, въ которой видѣлъ Бисмаркъ «лучшаго федеральнаго союзника Пруссіи» и представительницу «былаго могущества Германіи», теперь напалъ онъ всей военной силою, какая находится въ его распоряженіи, намѣреваясь вытѣснить ее изъ Германіи. Съ Италіею, этимъ созданіемъ революціи, Бисмаркъ заключилъ тѣсный союзъ и, объявляя себя въ продолженіе четырнадцати лѣтъ заклятымъ врагомъ всѣхъ революціонеровъ, признаетъ теперь Гарибальди, этого представителя революціоннаго начала, самымъ достойнымъ изъ своихъ союзниковъ. Наконецъ, франкфуртскій сеймъ, надъ которымъ такъ издѣвался онъ, и общая подача голосовъ, признаваемая имъ несогласною ни съ какимъ порядкомъ и закономъ, призываются теперь къ бытію графомъ Бисмаркомъ. Однакоже, несмотря на все это, его нельзя назвать перемѣнчивымъ и непостояннымъ. Неруководствуясь никакимъ принципомъ въ выборѣ средствъ, онъ непоколебимо увѣренъ, что политическое значеніе Пруссіи должно ослабѣть, если не увеличитъ она своихъ территоріальныхъ владѣній въ Германіи вооруженной рукою. Въ этомъ убѣжденіи сосредоточивается вся его политическая религія. Онъ вѣруетъ въ него, какъ фанатикъ, и готовъ принести всякую жертву и отважиться на самое опасное предпріятіе, лишь бы достигнуть своей цѣли.

Либералы прусской палаты депутатовъ часто указывали на Англію, на ея свободу, соединенную съ повиновеніемъ закону, на прерогативы британскаго парламента, нисколько не препятствующія

оказывать глубокое уваженіе къ престолу, на личныя права всякаго англичанина, ни мало неослабляющія власти правительства внутри страны и его вліянія на международныя сношенія. Нетолько въ Берлинѣ, но повсюду, гдѣ учреждался парламентарный образъ правленія, Англія представлялась живымъ доказательствомъ возможности совмѣстнаго существованія свободы и монархіи, на нее указывали постоянно, какъ на удивительный результатъ раздѣла верховной власти между народомъ и короною. Съ этой общеизвѣстной истиною не можетъ не согласиться г. Бисмаркъ, но онъ часто потворялъ, не доказывая однакоже вѣрности своего мнѣнія, что обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ развилась политическая жизнь Пруссіи, не позволяютъ ей быть свободною по образцу Англіи. «Эти повторяемыя указанія на Англію — свазаль онъ — составляютъ наше несчастіе. Дайте намъ все, что есть въ Англіи, и чего нѣтъ у насъ: дайте намъ англійское благочестіе, англійское уваженіе къ закону, всю англійскую конституцію, всѣ отличительныя свойства англійскихъ землевладѣльцевъ, англійское богатство, общественный духъ англичанъ — и тогда мы могли бы управлять Пруссіею, какъ управляютъ англичане своею странюю. Прусская корона не можетъ допустить, чтобы ее повергли въ то немощное состояніе, въ какомъ находится она въ Англіи. Британская корона составляетъ только украшеніе на куполѣ государственнаго зданія, тогда какъ наша есть главный столбъ его». Но почему бы, кажется, не потребовать г. Бисмарку тетеревовъ сѣверной Англіи, барановъ Сут-Доунса, каменноугольныхъ рудниковъ Уэльса, желѣзныхъ заводовъ Уольвергэмптопа, испорченности мѣстечекъ, тумановъ и ревматизма Англіи? Если все, что имѣетъ Англія, должно быть перенесено въ Пруссію, прежде нежели стануть управлять ею, какъ слѣдуетъ, то пусть же г. Бисмаркъ вмѣстѣ съ хорошимъ беретъ и дурное, въ которомъ у Англіи тоже нѣтъ недостатка. Впрочемъ, прежнія похвалы Британіи онъ счелъ долгомъ поразбавить въ послѣднее время довольно оригинальнымъ порицаніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, г. Бисмаркъ возвѣстилъ въ парламентъ, что о свободѣ англійской печати распроетранено много невѣрныхъ слуховъ, что тамъ члены парламента подвергаются преслѣдованію, если напечатаютъ они свои собственныя рѣчи. Отсюда вывелъ онъ заключеніе объ излишней опрометчивости представителей прусскаго народа, которые любятъ ссылаться на свободу англійскаго парламента. Этимъ открытіемъ стараго парламентскаго акта, который давно уже отжилъ свой вѣкъ, и воспользоваться которымъ не можетъ ни одинъ англичанинъ, не сдѣлавшись предметомъ общей насмѣшки, обязанъ графъ Бисмаркъ одному изъ трехъ писцовъ, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Они бѣжали туда и были потомъ наняты Бисмаркомъ для занятій въ его канцеляріи.

Ни одинъ изъ германскихъ либераловъ, отъ Гервинуса и Дальмана до Твестена и Гнейста, ссылаясь на британскую конституцію, не мечталъ о ея полномъ перенесеніи на германскую почву. Это историческое роково, удерживаемое Англіею не безъ причины, такъ

же неспособно къ переносу въ другую страну, какъ и англійская набожность. Г. Бисмаркъ и его партизаны говорятъ, что для Пруссіи невозможно конституціонное правленіе, потому что тамъ нѣтъ свойственнаго англичанамъ уваженія къ закону. Но имъ нетрудно отвѣтить: «Если будутъ управлять въ Пруссіи такъ же законно, какъ управляютъ въ Англии, то англійское уваженіе къ закону скоро сдѣлается общимъ и на родинѣ г. Бисмарка. Если пруссаки преклоняются покорно передъ тѣмъ, кто нарушаетъ законъ, то, вѣроятно, не будутъ же они врагами людей, непозволяющихъ себѣ отступать отъ точнаго смысла закона». Только англійскую аристократію и палату лордовъ хотѣлось бы г. Бисмарку пересадить въ Пруссію. «Государства—говорилъ онъ, во время преній, возникшихъ по поводу предложенія объ организаціи верхней палаты—государства, развившіяся подъ вліяніемъ наслѣдственной аристократіи, оставались долѣе другихъ націй могущественными державами, и Англія обязана своимъ благосостояніемъ тому обстоятельству, что въ ней не было Ришельё, который рубилъ бы головы дворянамъ». Хотя графу Бисмарку очень извѣстно, что прусское дворянство, не имѣя того историческаго обаянія, того богатства, культуры и заслугъ, которыми отличается англійская аристократія, не можетъ составить вліятельной на ходъ государственныхъ дѣлъ палаты, однако же онъ отказывается признать эту истину. «Слова «вигъ» и «тори»—воскликнулъ онъ, обращаясь къ либераламъ—имѣли сначала невыгодное значеніе; но будьте увѣрены, мы также счумѣемъ сдѣлать почетнымъ и слово «юнкеръ»».

Графъ Бисмаркъ никогда не имѣлъ недостатка ни въ умѣ, ни въ остроуміи. Ему удалось даже пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность своей тонкой логикою между южными германцами, когда онъ былъ представителемъ Пруссіи на франкфуртскомъ сеймѣ. Но въ прежнее время онъ слишкомъ любилъ рѣзкій способъ выраженія мыслей, несогласный ни съ духомъ дебатовъ, ни съ достоинствомъ парламента. Впродолженіе одного только 1851 года онъ былъ призванъ къ порядку такъ часто, что звонъ колокольчика въ прусскомъ парламентѣ раздавался по его милости болѣе разъ, нежели раздается онъ въ англійской палатѣ общинъ впродолженіе десяти лѣтъ. Впрочемъ, г. Бисмаркъ не обращалъ на это вниманія. Президентъ, его колокольчикъ, протесты парламента и оппозиція общественнаго мнѣнія не производили на него никакого вліянія. Въ томъ же 1851 г. онъ явился поборникомъ старинной системы, стѣснительной для народной промышленности. Не обращая вниманія на то, что сдѣлано въ нашъ вѣкъ политической экономіею, онъ высказалъ мысль о необходимости опредѣлить число рабочихъ рукъ въ каждой отрасли промышленности и назначить постоянную цѣну товарамъ, сообразно съ ихъ качествами. Эти мѣры считалъ онъ единственнымъ способомъ защитить рабочій классъ отъ притѣсненій капиталистовъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ, занимавшихъ палату въ этомъ году, былъ вопросъ о правѣ ея вотировать бюджетъ расхо-

довъ. Графъ Бисмаркъ, какъ тогда, такъ и впоследствии, сдѣлавшись министромъ, не хотѣлъ признать за палатою этого права, составляющаго, безъ сомнѣнія, главную гарантію ея существованія. Вообще онъ велъ себя во время диспутовъ болѣе нежели странно, и когда напомили ему о конституціи, охраняя которую клялся король, то онъ отвѣчалъ, что не видитъ причины, почему бы все, имѣющее отношеніе къ конституціи, надобно было окружать какимъ-то сіяніемъ и считать всякую шутку надъ нею кощунствомъ. Онъ самъ—такъ говорилъ о себѣ г. Бисмаркъ—клялся конституціи, но не существующей только, а также и будущей, со всѣми ея измѣненіями. Послѣ этого онъ сталъ отзываться съ крайнимъ презрѣніемъ о гнѣвѣ либераловъ, который былъ вызванъ его насмѣшками надъ конституціею. Графъ Шверинъ, занимавшій кресло президента, замѣтилъ, что онъ долженъ будетъ призвать къ порядку почтеннаго члена. Бисмаркъ отвѣчалъ на это, что не приметъ никакихъ предостереженій. Когда же президентъ исполнилъ угрозу, то Бисмаркъ привелъ въ сотрясеніе свое тѣло, какъ собака, только что вышедшая изъ воды, и сдѣлалъ еще что-то, о чемъ умалчиваетъ авторъ. Подобныя сцены повторялись часто. Какимъ былъ графъ Бисмаркъ въ то время, такимъ остается онъ дониндѣ, а потому ни президента палаты Грабова, ни вице-президента Бокума-Дольфа нельзя винить въ томъ, что они не умѣли остановить г. Бисмарка и поддержать достоинство прусскаго парламента. Графъ Шверинъ тоже не могъ сдѣлать его почетельнѣе ни къ конституціи, ни къ парламенту, да и едва-ли кому удалось бы смирить неукротимую природу этого рѣшительнаго человѣка.

Изобразивъ графа Бисмарка, какъ депутата, авторъ переходитъ къ его дипломатической карьерѣ.

Какимъ образомъ удалось ему сдѣлать неслыханный въ Пруссіи скачокъ отъ должности депутата къ важной роли посланника—это остается до сихъ поръ загадкою. Шлезингеръ думаетъ, что рѣчи Бисмарка въ пользу дворянства и короны доставили ему сильную протекцію въ высшемъ правительственномъ кругу и обратили на него вниманіе короля, который, впрочемъ, былъ неспособенъ по своему характеру сочувствовать парламентскимъ приключеніямъ слишкомъ заносчиваго депутата. Сверхъ того онъ говоритъ, что Бисмаркъ не пропускалъ ни одного случая попасть на глаза королю въ офицерскомъ мундирѣ ландвера, который умѣлъ носить онъ съ особеннымъ достоинствомъ и граціею. Впрочемъ, какъ бы ни было, но дѣло въ томъ, что графъ Бисмаркъ, не подвергаясь установленному экзамену, былъ сдѣланъ въ 1851 году первымъ секретаремъ посольства, съ титуломъ тайнаго совѣтника прусскаго посольства во Франкфуртѣ. Если это быстрое повышеніе возбудило общее вниманіе его соотечественниковъ, то каково же было удивленіе ихъ, когда по прошествіи трехъ мѣсяцевъ онъ былъ назначенъ посланникомъ Пруссіи при франкфуртскомъ сеймѣ Представителемъ Австріи и, слѣдовательно, президентомъ этого

сейма былъ тогда графъ Рехбергъ. Послы второстепенныхъ государствъ Германскаго Союза старались подражать его недоступной важности и формализму. Одинъ только г. Бисмаркъ не слѣдовалъ общему примѣру, приглашая на вечера свои нетитулованныхъ особъ. Этой вольностью возбудилъ онъ неприязнь къ себѣ своихъ товарищей, но приобрѣлъ нѣкоторую популярность во Франкфуртѣ. Онъ давно уже утратилъ уваженіе въ австрійской имперіи, или, какъ самъ онъ выразился одинъ разъ — «то обожаніе Австріи, которое всосалъ въ себя съ молокомъ своей матери». Это чувство смѣнилось въ немъ убѣжденіемъ, что Прусія до тѣхъ поръ не исполнитъ своего призванія, пока Австрія не будетъ вытѣснена изъ Германскаго Союза. Еще прежде онъ велъ продолжительные переговоры объ этомъ предметѣ со многими предводителями оппозиціи, и его дипломатическая дѣятельность во Франкфуртѣ заключалась преимущественно въ томъ, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ являться оппонентомъ Австріи. Невозмутимая важность Рехберга нисколько не могла утратить его, и онъ дѣлалъ ему сцены въ родѣ тѣхъ, за одну изъ которыхъ имѣлъ уже дуэль съ предводителемъ либеральной партіи, Финке. Графъ Рехбергъ былъ однажды такъ оскорбленъ имъ, что вызовъ казался неизбежнымъ, но, къ счастью, друзья обоихъ посланниковъ успѣли предупредить этотъ скандалъ. Въ другой разъ, когда президентъ сейма явился въ засѣданіе, противъ установленнаго правила, въ траурѣ, г. Бисмаркъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, и закуривъ одну сигару, предложилъ другую своему сосѣду. Намекъ былъ понятъ, и съ тѣхъ поръ траурнаго костюма не являлось уже на президентскомъ креслѣ франкфуртскаго собранія. Эта постоянная неприязнь къ Австріи, на которую сталъ, наконецъ, жаловаться вѣнскаго кабинетъ, и особенное влеченіе г. Бисмарка къ Франціи, несогласное съ тогдашними видами прусскаго правительства, понудили короля отозвать его изъ Франкфурта, и назначить посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Впослѣдствіи гр. Бисмаркъ былъ министромъ внутреннихъ, потомъ иностранныхъ дѣлъ, посланникомъ въ Англіи и, наконецъ, по собственному желанію императора французовъ, не уважить котораго было невозможно, явился въ Тюильри представителемъ Прусіи. Этимъ фактомъ заключаетъ г. Шлезингеръ біографію графа Бисмарка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Иностранная литература.

Кабала, ея доктрины, развитіе и литература, Хр. Гинсбурга *.

Хотя кабалистическая система, характеръ которой довольно подробно объясненъ г. Гинсбургомъ, производила нѣкогда чрез-

* THE KABBALAH: its Doctrines, Development, and Literature. An Essay. By Christian D. Ginsburg.

вычайно сильное вліяніе не только на евреевъ, но даже и на многихъ христіанскихъ философовъ, однакоже самый духъ этой доктрины извѣстенъ преимущественно спеціалистамъ, занимающимся исторіею философіи. Кабалу называютъ евреи таинственной мудростію, которая была будто бы сообщена самимъ Богомъ небольшому числу избранныхъ ангеловъ. Ангелы передали ее Адаму, отъ него перешла она, какъ устное преданіе, къ патриархамъ, и, наконецъ, достигла до раввина Симона бен-Иоханн, казеннаго римскимъ императоромъ Титомъ. Говорятъ, что Іохаи прожилъ двѣнадцать лѣтъ въ пещерѣ, занимаясь усовершенствованіемъ этой доктрины, и что пророкъ Ілія усердно помогать ему своимъ содѣйствіемъ. Впрочемъ, несмотря на существующее преданіе о древности Кабалы, положительно извѣстно, что въ еврейскомъ мірѣ не было ни малѣйшаго слуха о ней до двѣнадцатаго столѣтія. Первые послѣдователи этого ученія приписывали происхожденіе его раввину Исааку Сѣбому, жившему въ концѣ помянутаго вѣка.

Вотъ главные тезисы Кабалы:

1) Богъ безграниченъ въ своей природѣ. У него нѣтъ ни воли, ни желаній, ни мыслей, ни языка, ни дѣйствія. Нельзя ни прикоснуться къ Богу, ни изобразить его, а потому и называется онъ «Эн-Софъ» или *непостижимый*, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ-бы совсѣмъ не существуетъ. 2) Богъ не есть непосредственный творецъ міра. Такъ-какъ онъ не могъ бы желать творить, то всякое созданіе, прямо отъ него происходящее, было бы такъ же безгранично и совершенно, какъ самъ онъ. 3) Богъ произвелъ сначала десять *сефиротовъ*, несозданныхъ, впрочемъ, но рожденныхъ имъ, и притомъ безконечныхъ и въ то же время ограниченныхъ. 4) Они были первообразомъ человѣка, и отъ нихъ произошли постепенно разные міры, представляющіе блестящее изображеніе своихъ родоначальниковъ, сефиротовъ, которые поддерживаютъ все сущее. 5) Сефироты воспроизвели, или создали по своему собственному подобію всѣ человѣческія души, существовавшія прежде міровъ. Души эти занимали особый чертогъ въ высшемъ мірѣ духовъ, и тамъ уже знали, хорошія или дурныя дѣла будутъ творить онѣ въ продолженіе своего временнаго пребыванія въ человѣческомъ тѣлѣ, которое составлено также по образцу прототипа. 6) Никто никогда не видалъ Эн-Софа. Онъ воплотился въ сефиротовъ, которые открылись намъ, и къ нимъ-то собственно относятся упоминаемая въ св. писаніи явленія Бога въ человѣческомъ видѣ. Слова: «Богъ сказалъ, сошелъ на землю, возшелъ на небо, обонялъ сладостный запахъ жертвъ, баился въ своемъ сердцѣ, прогнѣвался» и т. д., относятся не къ Эн-Софу, но къ этимъ посредствующимъ существамъ. 7) Душа должна необходимо возвратиться къ безконечному источнику, откуда вышла она, развивъ практически вложенныя въ нее начала совершенствъ. Если же не удастся ей исполнить этой

задачи, то она должна переселиться въ другое тѣло. Когда слѣшкомъ слаба она для тѣхъ доблестей, совершить которыя предназначено ей на землѣ, то она соединяется съ другой, сильнѣйшей душою, которая, находясь съ своею слабой подругою въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ, помогаетъ ей достигнуть того, за чѣмъ спустилась она долу изъ міра духовъ. 8) Послѣ того, какъ всѣ предвѣчныя души проживуть на землѣ свой періодъ испытанія, послѣдуетъ превращеніе всего міра. Сатана преобразится въ свѣтлаго ангела, адъ исчезнетъ, и всѣ души возвратятся въ лоно божіе, откуда изшли онѣ. Тварь не будетъ уже отлична отъ творца своего. Богоподобная душа начнетъ управлять вселенною: она будетъ приказывать, а Богъ—повиноваться ей.

Доктрины Кабалы заключаются въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ: въ *Летзиръ* или Книгѣ творенія, въ *Зохаръ* и въ *Объясненіи десяти сефиротовъ*. Древнѣйшею изъ нихъ считается первая. Ее признаютъ «монологомъ Авраама», и думаютъ, что высказанныя въ ней мысли заставили этого патріарха перейти отъ поклоненія звѣздамъ къ вѣрѣ въ истиннаго Бога. Въ «Летзирѣ» развита система, при помощи которой на міръ можно смотрѣть съ библейской точки зрѣнія. Она основана на мнимой таинственности 22 буквъ еврейской азбуки и на 10 основныхъ числахъ нумераціи. Все это названо *тридцатью-двумя путями тайной мудрости*, посредствомъ которой Богъ создалъ міръ. Кажется, «Летзира» была написана около девятаго вѣка, въ замѣну потерянной книги такого же названія, о которой упоминается въ «Талмудѣ»; но хотя кабалисты признаютъ ее древнѣйшимъ кодексомъ своей доктрины, однакоже въ ней нѣтъ ничего общаго съ этой доктриною. Истинное сокровище Кабалы составляетъ книга «Зохаръ», то-есть *сѣтъ*, заключающая въ себѣ толкованіе моисеева Пятикнижія и разныя философскія размышленія. Ее-то именно считаютъ евреи произведеніемъ Симона бен-Юхая, до котораго дошли будто бы изложенныя въ ней мысли путемъ устнаго преданія отъ Адама. Однакоже, Штейншнейдеръ и другіе знатоки еврейской литературы доказываютъ, что книга «Зохаръ» сочинена Моисеемъ Леонскимъ, который умеръ въ 1305 г. Этотъ испанскій еврей, желая какъ можно выгоднѣе продать свою рукопись, очень ловко придумалъ сказку о ея древнемъ и таинственномъ происхожденіи. Все объяснилось послѣ его смерти, но, разумѣется, большая часть знакомыхъ съ этой книгою евреевъ остается до сихъ поръ въ заблужденіи относительно ея традиціоннаго характера.

Третья книга кабалистической системы «Объясненіе десяти сефиротовъ» составлена Азарилломъ бен-Менахемомъ, ученикомъ Исаака-Слѣпого, прозваннаго *отцомъ Кабалы*. Азарилъ родился въ Вальядолидѣ около 1160 г.; книга его состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, развивающихъ доктрины объ Эн-Софѣ и сефиротахъ.

Въ Испаніи возникало нѣсколько школъ для изученія Кабалы. Появленіе «Зохара» составило эру въ исторіи развитія этой доктрины. Има «Зохаръ» присвоило себѣ позднѣйшее и самое вліятельное общество кабалистовъ, въ которомъ, безо всякаго плана и метода, совмѣстились всѣ отличительныя черты предшествовавшихъ ему школъ.

Г. Гинсбургъ, лишивъ Кабалу ея притязаній на божественное происхожденіе, задаетъ вопросомъ объ источникѣ этой теоріи и приходитъ къ заключенію, что Кабала въ своей первоначальной формѣ произошла изъ неоплатонизма. Самое слово «Эн-Софъ», придуманное для названія *непостижимаго*, заимствовано не изъ еврейскаго языка. Въ немъ ясно выразилось подражаніе греческому *αεῖρος*, и то понятіе, которое выражаетъ оно, имѣетъ чисто-неоплатоническій характеръ. Равинъ Азаріилъ самъ говорить, что, «лишая Бога отличительныхъ признаковъ, онъ слѣдуетъ мнѣнію философовъ». Кабала, считая Эн-Софа существомъ, недоступнымъ для нашего разума, говоритъ, что онъ проявилъ себя при созданіи вселенной посредствомъ сефиротовъ или *духовъ*. Эта же мысль высказана въ неоплатонизмѣ. Сефироты Кабалы подраздѣлены на тройственныя триады и отнесены къ умственному, чувствующему и матеріальному мірамъ. Это подраздѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ тремъ триадамъ неоплатонизма: *νοῦς*, *ψυχή* и *φύσις*. Кабала признаетъ сефиротовъ безконечными и ограниченными, совершенными и несовершенными, смотря по тому, въ какой мѣрѣ сообщилъ имъ источникъ, изъ котораго произошли они. Неоплатонизмъ тоже говоритъ, что всякое производное, хотя и не такъ совершенное, какъ то начало, изъ котораго произошло оно, имѣетъ, однакоже, сходство съ нимъ, и, на сколько простирается это сходство, пребываетъ въ своемъ началѣ, составляя съ нимъ одно существо и отдѣляясь отъ него только своими индивидуальными особенностями. Даже сравненіе сефиротовъ, происходящихъ отъ Эн-Софа, съ лучами, истекающими изъ свѣтлаго тѣла, для доказательства совершеннаго единства ихъ съ своимъ источникомъ, заимствовано изъ неоплатонизма. Сверхъ того греческія и латинскія слова, употребленныя для выраженія кабалистическихъ идей, ясно указываютъ на происхожденіе этой доктрины. Вліяніе Кабалы на умы христіанъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій объясняется именно сходствомъ ея съ неоплатонизмомъ. Извѣстный графъ Мирандола, жившій во второй половинѣ XV вѣка, нашелъ въ Кабалѣ «доказательства ученія о святой троицѣ, о божественности Христа, о грѣхѣ нашихъ прародителей и объ искупленіи отъ него челоувѣческаго рода Спасителемъ, о небесномъ Іерусалимѣ, паденіи ангеловъ, чистилищѣ и адѣ. Мирандола ознакомилъ Италію съ Кабалой и, по порученію папы Сикста IV, перевелъ на латинскій языкъ три коментарія этой доктрины для духовныхъ семинарій. Онъ сдѣлалъ еще болѣе для распространенія Кабалы между христіанами, обративши на нее вниманіе Іоанна Рейхлина,

отца германской реформаціи. Рейхлинъ такъ увлекся Кабалою, что написалъ два трактата: «De Verbo Mirifico» и «De Arte Cabalastica», въ которыхъ развили мысли этой теософіи, объяснили ключъ къ кабалистическому методу и старался доказать, что, руководствуясь имъ, можно составить чрезвычайно полезныя доктрины для христіанскаго міра. Его трактаты произвели необыкновенно сильное вліяніе на лучшихъ мыслителей того времени, и первые реформаторы считали ихъ «небеснымъ глаголомъ, возвыщающимъ божескую премудрость». Объясненная Рейхлингомъ Кабала заставила людей всѣхъ сословій и профессій заняться изученіемъ восточныхъ языковъ, для того, чтобы имѣть возможность глубже понять таинства религіи.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ Кабала проникла въ Палестину, гдѣ явились основатели двухъ новыхъ школъ: Мойсей Кордоверо и Лоріа. Первый занимался преимущественно умозрительною, а второй—творящею чудеса Кабалою. Последняя пользовалась особеннымъ предпочтеніемъ въ кругу кабалистовъ. Она была приведена въ систематическій порядокъ ученикомъ Лоріа, Хаджимомъ Виталемъ, и приобрѣла большую популярность подъ именемъ *Древа Жизни*. Вывозъ ея изъ Палестины былъ запрещенъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви, потому-то она долго ходила по рукамъ въ полныхъ и сокращенныхъ спискахъ, пользуясь почти одинакимъ авторитетомъ съ *Зохаромъ*. Эти два произведенія сдѣлались бібліею Кабалы. Въ половинѣ семнадцатаго вѣка, ученикъ іезуитъ Аванасій Кирхеръ напечаталъ очень подробный трактатъ о чудотворной отрасли Кабалы, и съ тѣхъ поръ она стала играть главнѣйшую роль во мнѣніи христіанъ и евреевъ. Въ то же время въ еврейскомъ населеніи Европы и Азіи произошло сильное движеніе, причиною котораго былъ уроженецъ Смирны, Сабатай Зевви. Онъ началъ изучать Кабалу, когда было ему не болѣе пятнадцати лѣтъ отроду, и скоро овладѣлъ ея таинственною стороною. Достигнувъ двадцатичетырехлѣтняго возраста, онъ объявилъ себя Мессіею, сыномъ Давида, явившимся въ міръ для искупленія Израиля, и произнесъ всенародно «тетраграмматонъ», священное имя, произносить которое могли только первосвященники во время существованія второго храма. Когда смирнскіе раввины отлучили его за эту дерзость отъ церкви, онъ отправился въ европейскую Турцію и потомъ въ Іерусалимъ, проповѣдая Кабалу и объявляя себя Мессіею. Зевви помазывалъ пророковъ и произвелъ такое впечатлѣніе на евреевъ, что они стали преобразовывать торговлю дѣла, продавать имущество и готовиться къ возврату въ Іерусалимъ подъ предводительствомъ мнимаго искупителя. Европейскіе консулы получили отъ своихъ правительствъ приказаніе узнать причину столь необыкновеннаго движенія между евреями, а восточные губернаторы донесли въ то же время султану о прекращеніи торговли. Вслѣдствіе этого Магомедъ IV велѣлъ схватить Сабатаю Зевви и представить его къ себѣ въ Адрианополь. Когда приказаніе его было исполнено, онъ отнесся къ

Зевы съ слѣдующими словами: «Я хочу убѣдиться, тотъ ли дѣйствительно ты, за кого выдаешь себя. Вотъ три отравленныя стрѣлы. Онѣ будутъ пущены въ тебя, и если ты не умрешь отъ нихъ, то я повѣрю, что ты Мессія». Зевы спасся отъ смерти только тѣмъ, что туть же, въ присутствіи султана, принялъ исламизмъ.

Впрочемъ, Кабала не осталась безъ возраженій даже со стороны евреевъ. Левъ моденскій доказывалъ въ 1639 году, что она написана совсѣмъ не тѣми людьми, которые считаются ея авторами, что доктрины эти ошибочны, и что послѣдователи кабалистической системы обманываютъ самихъ себя, думая, что имъ хорошо извѣстна природа Бога, и что будто бы они знаютъ ближайшій и вѣрнѣйшій путь приблизиться къ нему. Отступничество Сабатая Зевы значительно ослабило вліяніе Кабалы на евреевъ, которые усомнились наконецъ и въ авторитетъ Зохара, когда докторъ Максимилиана I-го, Павелъ Ричи, и извѣстнѣйшій кабалистъ прошлаго вѣка Яковъ Франкъ приняли христіанскую вѣру. Примѣръ послѣдняго такъ сильно подействовалъ на учениковъ его, что нѣсколько тысячъ евреевъ сдѣлались христіанами. Г. Гинсбургъ объясняетъ эти странныя факты нѣкоторымъ сходствомъ между Кабалою и христіанскимъ богословіемъ, что было замѣчено—какъ мы видѣли уже—еще въ XV-мъ вѣкѣ Мирандолою. Впрочемъ, еслибы это мнѣніе и было ошибочно, все же Кабала, какъ одна изъ системъ высшей философіи, вполне достойна внимательнаго изученія. Она не только волновала умы замѣчательныхъ европейскихъ мыслителей, но не осталась также безъ пракческаго вліянія и на жизнь еврейскаго народа. Потому-то книга Гинсбурга, который не полѣнился взглянуть на Кабалу съ разнахъ точекъ зрѣнія, должна значительно облегчить трудъ будущихъ изслѣдователей этой замѣчательной доктрины.

Исторія цыганъ. Вальтера Симсона.*

Книга эта написана лѣтъ двадцать назадъ тому. Но такъ-какъ Симсонъ очень боялся цыганъ и критики, думая, что первые не замедлятъ прибить, а вторая обругать его, какъ-скоро напечатаетъ онъ свое произведеніе, то вслѣдствіе этихъ опасеній изданіе книги откладывалось годъ за годъ, и только теперь, по смерти автора, явилась она въ печати, изданная братомъ его, Дэвисомъ.

Цыгане появились въ Европѣ едва-ли не въ началѣ XV вѣка, хотя англійскіе критики впервые упоминаютъ о нихъ только около 1512 года. Думаютъ, что въ среднюю Европу проникло это кочующее племя черезъ Трансильванію, гдѣ называли его «фарановымъ народомъ» и «цыганами» (*Cygenis*). Во Франціи извѣстны цыгане подъ именемъ «богемцевъ» (*Bohemiens*); въ Голландіи называютъ ихъ язычниками (*Heyden*); въ Италиі и Герма-

* A History of the Gipsies; with Specimens of the Gipsy Language. By Walter Simson.

ни—почти такъ же, какъ и у насъ (Cingari, Zigenner); въ Испаніи—гитанами (Gitanos) и въ Англіи—джипсами (Gipsies). Сами же они, при появленіи своемъ на европейскомъ материкѣ, называли себя «египетскими странниками», и пользовались въ продолженіе первыхъ пятидесяти лѣтъ нѣкоторыми привилегіями. Имъ охотно выдавались сперва паспорта и охранныя грамоты. Однакожь скоро обнаружилось, что цыгане очень безпокойный народъ. Италія, Швеція, Данія и Германія старались уже въ шестнадцатомъ вѣкѣ выжить ихъ изъ своихъ предѣловъ. Почти вездѣ, за исключеніемъ Венгріи и Трансильваніи, подверглись они страшнымъ гоненіямъ. Въ Англіи, за нѣсколько лѣтъ до восшествія на престолъ Карла II-го, одинъ суфольскій судъ приговорилъ къ смертной казни тринадцать цыганъ. Г. Симсонъ занимался преимущественно исторіею шотландской отрасли этого племени, и сообщаетъ изъ нея много интересныхъ фактовъ. Хотя въ 1540 году шотландскій король заключилъ договоръ съ «лордомъ и графомъ малаго Египта Джономъ Фоу», вслѣдствіе чего и былъ изданъ королевскій указъ въ пользу этого начальника цыганъ, однакожь вслѣдъ затѣмъ явилось предписаніе, предоставлявшее каждому шотландцу полное право застрѣлить или повѣсить одного изъ трехъ цыганъ, какъ-скоро соберутся они гдѣ либо даже въ такомъ незначительномъ количествѣ. Эта жестокость заставила преслѣдуемыхъ приписываться къ кланамъ и присвоивать фамиліи тѣхъ дворянъ, которые соглашались покровительствовать имъ. Потому-то очень многіе изъ тамошнихъ цыганъ носятъ до сихъ поръ извѣстнѣйшія шотландскія фамиліи, хотя у нихъ и есть свои собственные прованія. Предводители этого племени, при первомъ появленіи своемъ въ Европѣ, имѣли громкіе титулы, которые удерживаются еще въ Британіи. Тамъ живутъ «лордъ малаго Египта», «лордъ и графъ малаго Египта» и «египетскій герцогъ». Самый популярный титулъ «адскаго графа» принадлежитъ англійскому цыгану Юнгу. Едва-ли можно опредѣлять съ точностію дѣйствительную цифру этой подвижной расы даже въ одной Великобританіи. Извѣстный мисіонеръ Вернонъ Морвудъ думаетъ, что численность всѣхъ цыганъ не превышаетъ 900,000 человекъ, что большая часть ихъ держится въ Европѣ и около 100,000 живутъ на британскихъ островахъ.

Теперь со словомъ «цыганъ» соединяется вообще мысль о неопрятномъ, оборванномъ человекѣ, ведущемъ бродячую, полудивилизованную жизнь. Но прежде не такъ было. При первомъ появленіи въ Германіи, цыганскіе предводители путешествовали обыкновенно верхомъ на лошади, хорошо одѣтые, съ большой свитою, съ соколами и собаками. Еще въ прошломъ вѣкѣ нѣкоторые изъ шотландскихъ цыганъ отличались живописнымъ костюмомъ, носили башмаки съ серебряными пряжками, имѣли на пальцахъ золотые перстни и застегивали такими же пуговицами рубашки. Но они щеголяли одеждою преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда могли обмануть общину и поживиться на ея

счетъ. Между дурными склонностями этой расы главную роль играетъ воровство, которое признають они скорѣе доблестью, нежели преступленіемъ. Впрочемъ, имъ свойственны также и хорошія качества. Робъ-Рой представляетъ вѣрный типъ шотландскихъ цыганъ прежняго времени. Обворовывая богатыхъ, они всегда готовы помочь бѣдному. Цыгане не позволяютъ своимъ женамъ жениться на дѣвушкахъ другой расы, но дочерей охотно выдаютъ за людей не одного съ ними происхожденія, оставаясь въ полной увѣренности, что цыганка непремѣнно разовьетъ въ своихъ дѣтахъ родовыя качества. Бѣлокурныхъ цыганъ очень много въ Британіи, но они не пользуются уваженіемъ своихъ одноплеменниковъ, которые болѣе всего гордятся «чистой кровью». Впрочемъ, блондины этой расы отличаются сравнительно высшимъ развитіемъ умственныхъ способностей. Торговля лошадьми и кузнечное ремесло составляютъ двѣ главныя отрасли цыганской промышленности. Въ Венгріи существуетъ даже поговорка: «сколько цыганъ, столько кузнецовъ». Музыкальныя способности этихъ пришлецовъ очень извѣстны. Впрочемъ, британскіе цыгане не надѣлены той страстью въ пляскѣ и пѣнію, которая составляетъ отличительный признакъ ихъ братьевъ на материкѣ Европы. Г. Симсонъ слышалъ о хорахъ московскихъ цыганъ, и не повѣсивъ разсказа, сдѣлалъ забавную ошибку. Онъ говоритъ, что пѣвческіе хоры въ московскихъ церквяхъ состояются изъ молодыхъ цыганочекъ. Еслибы эта раса имѣла свою собственную религію, въ такомъ случаѣ вопросъ о происхожденіи цыганъ упростился бы значительно. Но они не принесли съ собою ни вѣры, ни религіозныхъ обрядовъ и до сихъ поръ остаются одинаково равнодушны ко всѣмъ европейскимъ вѣроисповѣданіямъ. Грельманъ говоритъ, что христіанамъ позволяютъ они крестить себя, а мусульманамъ — обрѣзывать. Съ греками они греки, съ католиками — католики и съ протестантами — протестанты. Вообще они очень непостоянны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ.

Шотландскіе цыгане женятся очень рано. Рѣдкій изъ нихъ остается холостякомъ, достигнувъ двадцати-одного года. Младшихъ дочерей не выдаютъ они замужъ прежде старшихъ и въ случаѣ развода закалываютъ лошадь, или осла, какъ-бы въ видѣ жертвоприношенія. Замѣчательно, что оба эти обычая соблюдаются индійцами.

Г. Симсонъ рѣшалъ вопросъ о происхожденіи цыганъ, придерживается давно уже брошенной теоріи. Онъ думаетъ, что родиною ихъ былъ Египетъ, и что они составляли «смѣшенную толпу», о которой говоритъ Моисей въ «Исходѣ». Не подвержено сомнѣнію, что цыгане были сперва извѣстны европейцамъ подъ именемъ египтянъ; но они могли называться такъ потому, что первая партія ихъ пришла въ Европу черезъ Египетъ. Тамъ и теперь живетъ довольно цыганъ, но египтяне смотрятъ на нихъ какъ на иноземцевъ, неимѣющихъ ничего общаго съ коптами,

или фелахами. Конечно, въ Турцію явились они подъ именемъ *рома*. Но это слово столько же коптскаго, какъ и индійскаго происхожденія. Притомъ же сами себя называютъ *цггане* и *сикалоро* и *синте*, вѣроятно, какъ прежніе жители береговъ Синда или Инда, и *кола*—отъ индійскаго *kālī*, *черный*, или можетъ быть, отъ *kōlī* или *koolī*, какъ называется дикое, разбойниче племя, населяющее лѣса и степи Гузерата. Въ восточныхъ провинціяхъ Хоросана они зовутся *карашмарамы*, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи—*мурамы*, *карашамы* и *каулами*, отъ испорченнаго слова «кабуль». Происхожденіе цыганъ могло бы лучше всего объясниться происхожденіемъ ихъ языка. Но, къ сожалѣнію, глава о немъ составляетъ самую слабую часть книги г. Симсона. Въ пользу ея можно сказать только, что авторъ съ большимъ трудомъ собралъ около сотни словъ, сообщенныхъ ему лично цыганами. Впрочемъ, такія же трудности встрѣчались составители подобныхъ словарей въ Испаніи, Венгріи, Германіи и другихъ странахъ. Цыганскіе лексиконы Бороу, Брейта, Когальничана, Пота и Бишофа значительно разногласятъ между собою. Словарь Пота, въ которомъ означено происхожденіе цыганскихъ словъ отъ индійскихъ, славянскихъ, нѣмецкихъ и другихъ корней, отличается особенной эрудиціею, тогда какъ лексиконъ Бишофа, заключающій въ себѣ болѣе четырехъ тысячъ словъ, считается полнѣйшимъ. Судя по нимъ, можно заключить, что цыгане вносили въ свое нарѣчіе слова изъ языковъ тѣхъ странъ, гдѣ селились они, но при всемъ томъ они удерживаютъ до сихъ поръ очень много словъ индійскаго происхожденія. Въ геттингенскомъ университетѣ хранится молитва Господня, переведенная на цыганскій языкъ. Въ нее вошло по крайней мѣрѣ двѣ трети словъ, принадлежащихъ разнымъ нарѣчіямъ Индостана. Максъ Мюлеръ говоритъ, что цыганскій языкъ столько же принадлежитъ Европѣ, какъ и Азіи. Онъ признаетъ его однимъ изъ нарѣчій арійскаго языка, вынесеннымъ изъ Индіи, и искаженнымъ разными заимствованіями. Кажется, эти факты могли бы служить яснымъ намекомъ на дѣйствительное происхожденіе цыганской расы. Что же касается сходства нѣкоторыхъ обычаевъ, также намекающихъ на единоплеменность между цыганами и индійцами, то къ упомянутымъ уже обычаямъ выдавать замужъ старшую дочь непременно прежде младшей и приносить жертву при разводѣ, можно прибавить пристрастіе цыганъ къ падали. Испанскіе *штанмы* ѣдятъ съ наслажденіемъ испорченную дичь, рыбу, тухлыхъ собакъ и кошекъ. Точно такимъ же вкусомъ отличаются индійскіе *намы*. Они употребляютъ въ пищу дохлыхъ шакаловъ, лошадей, коровъ и всякую падаль, какую случается имъ встрѣчать на дорогѣ. У цыганъ есть свой король, а у натовъ свой вардаръ була. И тѣ, и другіе одинаково равнодушны къ религіознымъ вопросамъ. Наты переходятъ съ одного мѣста на другое шайвами или таборами, любятъ пляску, пѣніе, музыку, воровку, извѣстную подъ именемъ хиромантіи, и вообще очень

слонны въ шарлатанству. Всѣ эти характеристическія черты свойственны также цыганской расѣ.

Антропологическіе трактаты *Иоганна-Фридриха Блюменбаха, съ мемуарами о немъ Маркса, Флурана и т. д. Переводъ съ латинскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ оригиналовъ Т. Бендаша.*

Англійскіе журналы благодарятъ лондонское антропологическое общество за изданіе этой полезной книги. Блюменбахъ признаетъ ся творцомъ антропологій. Онъ не только создалъ эту науку, но сверхъ того умѣлъ дать ей популярный характеръ. Онъ первый понялъ истинное значеніе, первый опредѣлилъ ученый характеръ антропологій и, освободивъ ее отъ оковъ специальныхъ книгъ и музеумовъ, ввелъ въ широкій кругъ любознательнаго общества. Блюменбахъ былъ неподражаемый учитель, и его школа—до какой бы степени совершенства ни достигла антропология—останется навсегда такой же знаменитою, какъ школа Рафаэля. Ему было двадцать-три года, когда написалъ онъ извѣстную диссертацию «О естественномъ измѣненіи человѣческаго рода» (*De Genere Humani Varietate Nativa*), и Марсъ говоритъ справедливо, что Блюменбахъ поступилъ очень умно, ограничивъ содержаніе своего перваго ученаго труда человѣческими расамп. Вслѣдствіе этого ограниченія физическая антропология сдѣлалась центромъ кристаллизаціи его ученой дѣятельности. «Главнымъ предметомъ его изслѣдованій—продолжаетъ Марсъ—всегда былъ человѣкъ, но онъ смотрѣлъ на него исключительно какъ на существо видимаго міра, не касаясь духовной стороны и предоставляя трансцендентальную точку зрѣнія на человѣчскій родъ философамъ и теологамъ. Блюменбахъ не только расширилъ кругъ положительныхъ знаній о человѣкѣ и оказалъ существенное содѣйствіе лучшему способу лечить людей, но онъ имѣлъ о нихъ такія практическія свѣдѣнія, какими обладаютъ очень немногіе спеціалисты даже въ наше время». Дѣйствительно, онъ занимался изученіемъ этого вопроса съ неутомимой энергіей въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни. Положивъ физическіе и анатомическіе факты въ основаніе своихъ изслѣдованій, Блюменбахъ старался приобрѣсть положительныя свѣдѣнія о былыхъ и существующихъ расахъ всѣхъ странъ свѣта. Самое замѣчательное изъ его ученыхъ произведеній «*Decades Craniogum*» появилось въ 1790 г., и онъ почти до самой смерти своей, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, не переставалъ заниматься его обработкою. Надобно замѣтить, что подъ рукою у Блюменбаха находились отличныя средства для установленія твердыхъ началъ краниологии. У него—говоритъ Флуранъ—было превосходнѣйшее собраніе че-

. THE ANTHROPOLOGICAL TREATISES OF JOHANN-FRIEDRICH BLUMENBACH, WITH MEMOIRS OF HIM BY MARX AND FLOURENS. ETC. TRANSLATED FROM THE LATIN, GERMAN, AND FRENCH ORIGINALS. BY T. BENDYSHE, M. A.

ловѣческихъ череповъ. Ученики Блюменбаха, студенты гёттингенскаго университета, расходились, по окончаніи курса, въ разныя стороны. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ велъ переписку, и они прислали ему отсюда человѣческія кости. Также многіе ученые дополняли эту коллекцію своими подарками. Баронъ Ашъ, бывшій главнымъ докторомъ русской арміи, доставилъ ему истинныя краниологическія сокровища изъ разныхъ частей Россіи; Сибирь занимала въ этомъ случаѣ первое мѣсто. Потому-то блюменбаховскій музей до сихъ поръ оглачается необыкновеннымъ богатствомъ якутскихъ, тунгусскихъ, чувашскихъ, киргизскихъ, бурятскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ череповъ. Думаютъ, что даже у нашего академика Бюра нѣтъ такой коллекціи. Сэръ Джозефъ Бэнксъ также доставилъ Блюменбаху много любопытныхъ экземпляровъ для его музея.

Главная мысль «Естественнаго измѣненія человѣческаго рода» заключается въ объясненіи того пути, которымъ шла природа въ дѣлѣ производства различныхъ расъ. Блюменбахъ былъ убѣжденъ въ единствѣ происхожденія людей. «Я писалъ эту книгу—говоритъ онъ въ первомъ ея изданіи—нисколько не увлекаясь мнѣніемъ какой нибудь партіи. Болѣе всего желалъ я, чтобы приведенныя здѣсь доказательства относительно единства видовъ человѣческаго рода могли показаться столько же удовлетворительны моимъ читателямъ, какъ мнѣ самому кажутся они» (стр. 98). Подражая Линнею, онъ раздѣлилъ сперва человѣчество на четыре расы и пришелъ къ заключенію, что «образъ жизни и искусство» дали человѣческой головѣ тѣ различныя формы, которыми отличается она у разныхъ народовъ. Блюменбахъ согласался съ Ипократомъ, что при содѣйствіи продолжительнаго времени нѣскусство можетъ сдѣлаться второй природою. Эта мысль удерживается до сихъ поръ многими авторитетами положительной науки, и дарвинизмъ нѣсколько, безъ сомнѣнія, не противорѣчитъ ей. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей по части краниологіи вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности Ипократовой доктрины, и даже думаетъ, что искусственнымъ сжиманіемъ головы можно измѣнить умственныя способности и нравственныя понятія людей. Однакожь опытъ противорѣчитъ этой гипотезѣ. Онъ доказываетъ, что членоврежденіе не передается потомству, и ни самъ докторъ Косъ, ни его послѣдователи не успѣли еще до сихъ поръ согласить этихъ двухъ противорѣчій.

Во второмъ, значительно дополненномъ изданіи своего трактата, Блюменбахъ раздѣлялъ человѣческій родъ уже на пять категорій. То же раздѣленіе удержано имъ и въ третьемъ изданіи, которое явилось въ 1795 г. Здѣсь Блюменбахъ вдается въ подробное изслѣдованіе причинъ, способствующихъ перерожденію вообще животныхъ, и потомъ переходитъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя производятъ видоизмѣненія въ человѣческой природѣ. Онъ говоритъ, что хотя кавказское, монгольское, египетское, американское и малайское племена вдаются, такъ-сказать, одно въ

другое, однакожь тѣмъ не менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга. Описавъ подробно ихъ отличительные признаки, онъ со-вѣтуетъ читателю не останавливаться на двухъ-трехъ характеристическихъ чертахъ даннаго типа, но принимать въ соображеніе общность признаковъ, и притомъ никакъ не допускать мысли, чтобы тутъ не было болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій отъ представленныхъ образцовъ. Изслѣдованія свои Блюменбахъ заключаетъ слѣдующими словами: «Нельзя сомнѣваться въ правильности нашего взгляда на происхожденіе всѣхъ человѣческихъ племенъ отъ одного и того же вида».

Какъ антропологъ, Блюменбахъ стоитъ, безспорно, выше Лянея и Бюфона, которые хотя и были убѣждены, что человѣчество, несмотря на его разнохарактерные признаки, происходитъ отъ одного первоначальнаго вида, однакожь, далеко уступая Блюменбаху въ анатомическомъ искусствѣ и не посвятивъ себя исключительно изученію естественной исторіи человѣка, не могли возвысить антропологию до значенія самостоятельной науки. Современникъ Блюменбаха, извѣстный анатомъ Зѣмерингъ опредѣлилъ зоологическіе признаки, которыми негръ отличается отъ европейца, а ученикъ его, знаменитый Рудольфъ, пошелъ далѣе своего учителя въ опредѣленіи характеристикъ человѣческихъ расъ, объясняя отличительныя черты ихъ не образомъ жизни и не искусствомъ, но дѣломъ самой природы. Рудольфъ Вагнеръ, бывшій сперва также ревностнымъ поборникомъ теоріи Блюменбаха, разошелся потомъ во взглядахъ съ нимъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ то время, когда писалъ Блюменбахъ, мысль о происхожденіи человѣческихъ племенъ не отъ одного первоначальнаго вида считалась несомнѣстной съ христіанской доктриною. Докторъ Мортонъ подвергся страшнымъ нападкамъ и обвиненіямъ въ нерелигиозности со стороны одного американскаго пастора, дерзнувши объявить печатно, что изслѣдованія привели его къ мысли о независимомъ другъ отъ друга происхожденіи первобытныхъ людей въ разныхъ частяхъ нашей планеты. Въ этомъ диспутѣ приняли участіе другіе люди науки, и дѣло кончилось тѣмъ, что вопросъ о происхожденіи человѣка былъ окончательно удаленъ съ почвы богословской полемики даже на родинѣ строго-религиозныхъ янки.

Скажемъ въ заключеніе, что небольшой домикъ Блюменбаха обращенъ теперь въ училище для бѣдныхъ дѣтей. Нѣкоторыя комнаты оставлены въ томъ видѣ, какой имѣли онѣ при жизни знаменитаго антрополога, и туристы могутъ видѣть тамъ гипсовый бюстъ его, сдѣланный въ 1837 г., когда Блюменбаху минуло уже восемьдесятъ-четыре года.

Начала животной фивіологін, Джона Анджела *.

Эта небольшая, но очень хорошая книга отличается столько

* *Elements of Animal Physiology.* By John Angell.

же полнотою, сколько и своей краткостью. Авторъ умѣлъ совмѣстить эти двѣ противоположности. Видно, что онъ знакомъ съ произведеніями лучшихъ физиологовъ, потому что въ его сочиненіе вошли результаты позднѣйшихъ изслѣдованій. Большую часть тома занимаетъ механизмъ пищеварительныхъ органовъ. Кровь, ея составъ и обращеніе, процессъ дыханія, нервная система, устройство и отправленія кожи—все это рассказано съ юнымъ языкомъ дѣловаго человѣка, который не любитъ терять словъ попусту. Къ физиологій Анджеля приложены очень хорошіе рисунки.

Исторія архитектуры во всѣхъ странахъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня, Джемса Фергюсона *

Планъ этой книги такъ широкъ, что едва-ли онъ по силамъ одному человѣку, какъ бы ни были обширны его архитектурныя свѣдѣнія. Авторъ говоритъ, что онъ лично изучалъ памятники древности и современныя постройки почти во всѣхъ странахъ, лежащихъ между Китаемъ и европейскими берегами Атлантики, что онъ собралъ о нихъ свѣдѣнія, никѣмъ еще до сихъ-поръ невысказанныя, и такимъ образомъ усвоилъ совершенно новый взглядъ на теорію искусства. О характеръ этого взгляда можно будетъ судить только въ то время, когда г. Фергюсонъ вполне кончитъ свой громадный трудъ. Теперь изданъ первый томъ, въ которомъ говорится о древней архитектурѣ Египта, Ассиріи, Греціи, Этрурціи и Рима. Тутъ личныя наблюденія автора перемежаются съ заимствованными изъ книгъ миѣніями. Эстетическая часть очень хороша. Вообще Фергюсонъ пишетъ умно и бойко. Но, разумѣется, оцѣнить достоинство его труда могутъ только специалисты, и притомъ такіе же, какъ онъ, прагматики, потому что Фергюсонъ отзывался съ гордымъ презрѣніемъ о книгоѣдахъ (bookworms). Онъ хочетъ извлечь исторію изъ камня и возсоздать бывшее при помощи археологій и этнографіи, которыхъ—скажемъ въ скобкахъ—все-таки не удалось бы узнать ему безъ пособія книгоѣдовъ.

Турція, Льюиса Фарлей **.

Едва-ли кто изъ англичанъ знаетъ такъ хорошо Турцію, какъ авторъ этой книги — по крайней-мѣрѣ въ такомъ смыслѣ относится о немъ англійская критика. Впрочемъ, въ изданномъ теперь произведеніи г. Фарлей не представилъ такихъ фактовъ и статистическихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы основывать вѣрное заключеніе о современномъ состояніи Турціи. Онъ восхищается гати - шерифомъ или танзиматомъ, издан-

* A History of Architecture in all Countries, from the Earliest Times to the Present Day. By James Fergusson. In 3 vols. Vol. I.

** Турция. By J. Lewis Farley.

нымъ въ 1839 году покойнымъ султаномъ Абдул-Меджидомъ. Но, къ сожалѣнію, документъ этотъ оставался всегда мертвой буквою. Отъ похвалы г. Фарлей переходитъ къ порицанію. Ему не нравится децентрализація Турціи, особенно вредная для нея въ экономическомъ отношеніи. «Въ каждомъ округѣ — говоритъ онъ — находится главный городъ, къ которому тяготеетъ вся торговля окружающихъ деревень и городковъ. Эти провинціальныя центры, съ исходящими изъ нихъ радіусами, составляютъ миръ, совершенно отдѣльные другъ отъ друга». Для уничтоженія такой разрозненности необходимо, по мнѣнію автора, лишить провинціальныя города столичнаго характера и централизовать — не исполнительную власть, но кредитъ и торговые интересы. Кажется бы, что достигнуть этой цѣли можно скорѣе всего желѣзными дорогами, но г. Фарлей думаетъ, что Турція не доросла еще до нихъ. Шоссе и вавалы кажутся ему болѣе пригодными для этой страны. Онъ сравниваетъ Турцію со взрослымъ человекомъ, который negliжировалъ своимъ воспитаніемъ, а потому и долженъ пройти, по крайней мѣрѣ, сквозь формы школьной дисциплины. Въ такомъ же покойномъ духѣ, нисколько нечуждомъ сладкихъ надеждъ на будущее, исчисляетъ авторъ ресурсы Турціи и указываетъ, на что именно должны быть употреблены они. Къ числу самыхъ любопытныхъ главъ его книги принадлежитъ, безспорно, та, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Турціи къ европейскимъ державамъ, поданные которыхъ пользуются особыми привилегіями на основаніи заключенныхъ въ разное время трактатовъ. Англійской національностью — говоритъ Фарлей — пользуются въ левантскихъ портахъ самымъ непростительнымъ образомъ. «Значительное число лицъ, неимѣющихъ ничего общаго съ Англіею, незнающихъ ни языка ея, ни законовъ — лицъ, утратившихъ доброе имя и очень склонныхъ къ преступленію, требуютъ покровительства британскаго флага, какъ скоро оно можетъ привести имъ пользу... Но Турція вошла въ общество европейскихъ націй; ея административная система преобразована; въ ней объявлено равенство *всѣмъ* передъ закономъ» и т. д. Впрочемъ, отсюда выведено очень дѣльное заключеніе, которое состоитъ въ томъ, что британскіе консулы не должны считать Турцію Ост-Индіею и распорядиться въ ней такъ, какъ распорядятся резиденты при дворахъ туземныхъ привневъ англійской колоніи. Книга г. Фарлей, богатая очень интересными подробностями, написана прекраснымъ языкомъ, дополнена приложеніемъ нѣсколькихъ официальныхъ документовъ и посвящена Фуад-Пашѣ.

Пожары, пожарныя трубы и команды, Чарльса Юнга.

Считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о содержаніи этой книги, которая написана знаткомъ дѣла и притомъ на тѣ-

Fire, Fire-Engines, and Fire-Brigades. By Charles Young.

му, сильно занимающую въ настоящее время жителей Лондона. Цѣль автора заключалась въ возможно-полномъ изложеніи причинъ, производящихъ пожары, и главныхъ способовъ предупредить и тушить ихъ. Всѣ знаютъ, что неосторожное обращеніе съ огнемъ влечетъ за собою нерѣдко очень дурныя послѣдствія, и г. Юнгъ, осуждая чтеніе въ постели и даже криолины, не сказалъ, конечно, ничего новаго. Мы узнаемъ только, что причины четверти или даже трети всѣхъ пожаровъ, случающихся въ Лондонѣ въ продолженіе года, остаются обыкновенно неизвѣстны. Лучшей предосторожностью противъ нихъ могла бы, кажется, считаться постройка домовъ изъ негараемыхъ матеріаловъ. Но камень трескается, а желѣзо расширяется и коробится отъ сильнаго жару. Сверхъ того найдено, что какъ скоро огонь усилится внутри зданія, построеннаго изъ этихъ матеріаловъ, то оно становится какъ-бы раскаленной печью, очень опасною для всѣхъ окружающихъ его строеній. Въ Парижѣ принято за правило наполнять всѣ пустоты въ полахъ, потолкахъ, перегородкахъ и лѣстницахъ цементомъ, составленнымъ изъ дикаго камня, щебня и алебастра. Уничтоженіе пустыхъ мѣстъ, въ которыхъ часто не можетъ проникнуть вода, препятствуетъ образовываться теченіямъ воздуха, и такимъ образомъ замедляетъ распространеніе пожара.

Пожарная труба, подобно другимъ изобрѣтеніямъ, имѣетъ свою исторію, которая и разсказана Юнгомъ. Онъ ожидаетъ самыхъ полезныхъ результатовъ отъ усовершенствованія паровой трубы, насколько не довѣряя угльной кислотѣ и другимъ химическимъ средствамъ, которыя не разъ примѣнялись къ дѣлу и всегда безъ успѣха. Очень хорошо описано общество, учрежденное для спасенія гибнущихъ отъ огня людей (The Royal Society for the Protection of Life from Fire). Это—одно изъ самыхъ полезныхъ филантропическихъ учрежденій. Имъ устроено въ Лондонѣ восемьдесятъ-пять станцій. Оно руководствуется хорошо организованною системою, и со времени своего основанія (1843) успѣло уже спасти 972 человѣкъ, едва-ли не отъ самой ужасной изъ всѣхъ смертей.

Что касается предпочтенія, отдаваемого авторомъ пожарной командѣ, составленной изъ вольнонаемныхъ людей, то противъ этого можно сказать, безъ сомнѣнія, очень многое.

О новыхъ англійскихъ романахъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Въ нашъ краткій обзоръ не могли войти, конечно, слишкомъ спеціальныя вѣдья, напримѣръ «Анатомія позвоночныхъ» Овена; равно какъ и тѣ произведенія, которыя отличаются преимущественно мѣстнымъ, такъ-сказать, національнымъ интересомъ. Причину этого пропуска понять нетрудно. Впрочемъ, мы сочли бы долгомъ, по крайней-мѣрѣ, назвать лучшія изъ нихъ, еслибы къ каждому

№ «От. Записокъ» не прилагался подробный каталогъ иностранныхъ книгъ, о содержаніи которыхъ можно судить по ихъ заглавіямъ, и отчасти о внутреннемъ достоинствѣ по именамъ авторовъ.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Пресвященный Августинъ, бывший епископъ уфимскій и оренбургскій. Свѣдѣнія о его жизни и учено-литературныхъ трудахъ. Брошюра. Спб. 1866 г. Н. *Калинникова*.

Дворцовою царское село Измайлово. Брошюра, съ двумя рисунками. Четырнадцатый и пятнадцатый выпуски Русскихъ Достопамятностей, изданіе А. Мартынова. Текстъ составленъ И. *Снегиревымъ*. М. 1866 г.

Вопросъ о трихинахъ и трихинной болѣзни въ примѣненіи къ Россіи. Спб. 1866 г. Брошюра. Ю. *Чудновскаго*.

Тысяча-восемьсотъ-пятый годъ. Гр. *Толстою*. Части 1-я и 2-я. М. 1866 г.

Гражданское право и общественная экономія. Этюды *Данкварта*. Спб. 1866 г. Переводъ Цитовича.

Глазда, норы и логовища. Постройки, производимыя безъ помощи рукъ, съ описаніемъ образа жизни, нравовъ, привычекъ и находчивости животныхъ. Сочиненіе Джона-Георга *Вуда*, съ 130-тью рисунками. Спб. 1866 г. Изданіе М. Вольфа. Переводъ Н. Страхова.

Руководство для присяжныхъ. Брошюра. Спб. 1866 г. Составилъ В. *Адрессъ*.

Руководство по всеобщей исторіи. Часть 2-я. Новая исторія, четвертое дополненное изданіе. Москва. 1866 г. Составилъ Д. *Иаковайскій*.

Отчетъ государственнаго банка по городскимъ сберегательнымъ кассамъ за 1865 г. Спб. 1866 г.

Народныя книги:

Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ, кочующихъ съ полуденной стороны Россіи. С. *Максимова*. Содержаніе: Мерзлая пустыня. — Лопари. — Остяки. — Шаманы. — Юнагры и Коряки. — Чувчи. — Алеуты съ сосѣдами. Цѣна 11 коп. Спб. 1866.

Дремучіе лѣса или рассказы о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса С. *Максимова*. Содержаніе: Дремучіе лѣса. — Жители Камчатки. — Рѣка Амуръ и ея обитатели. — Тунгусы. — Якуты. — Вогулы. — Зыряне. — Вотяки. — Черемисы. — Чуваши. — Мордва. — Корелы и Чухмы. — Эсты и Ливы. — Литваны и Латыши. Цѣна 9 коп. Спб. 1866.

Стены или рассказы о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи. С. *Максимова*. Содержаніе: Стены. — Монголы и Буряты. — Киргизы. — Калмыки. — Башкиры. — Мещеряки и Тентяры. — Татары. — Туркмены. — Цыгане. 9 коп. Спб. 1866.

Русскія горы и кавказскіе горцы. С. *Максимова*. Содержаніе: Горы. — Кавказскіе горы и народы. — Абхазцы. — Черкесы. — Чеченцы. — Лезгины. — Осетины. — Грузины. — Имеретины. — Минучельцы. — Гурийцы. — Савенты. — Пшавы. — Ховзуры. — Тушинцы. — Армяне. — Курды. — Персы и Татары. Цѣна 8 коп. Спб. 1866.

Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила. Николая *Костомарова*. Цѣна 7 коп. Спб. 1866.

ПЧЕЛА. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Составилъ и издалъ Н. *Щербинъ*. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1866.

ARCHITECTURE at Ahmedabad, the Capital of Guzerat, photographed by Colonel *Biggs*, with an Historical and Descriptive Sketch by Th. C. Hope, and Architectural Notes by James Fergusson. (Архитектура въ Амедабадѣ, столицѣ Гузерата, фотографированная *Биссомъ* и т. д.)

THE BRITISH People; or, the Non-Tentonic Origin of the English People and Language Completely Demonstrated. Being a Reply to the Dogmatic Theories, propounded on the Ethnology of These Isles by Germanic and Germanising *Writers*. (Британскій народъ, или нетентонское происхожденіе англійскаго народа и языка, вполне доказанное и т. д.)

A COURSE of English Literature. By James *Hannay*.

THE EASTERN Hunters. By Capt. James *Newall*. (Восточные охотники *Джема Ньюэлла*).

ELSTON'S Folly. A Novel. By Mrs. Henry *Wood*.

AN EXAMINATION of Mr. John Stuart Mill's Doctrine of Causation in Relation to Moral Freedom. By Patrick Proctor *Alexander*. (Исслѣдованіе доктрины Дж.-Ст. Милля о законахъ причинности въ дѣлѣ нравственной свободы, П. *Aлександера*).

FISHING Gossip; or, Stray Leaves from the Note-Books of Several Anglers. Edited by H. Cholmondeley *Pennell*. (Разсказы о рыболовствѣ, или растерянные листы изъ записныхъ книжекъ разныхъ удильщиковъ, Г. Чольмонделей *Пеннелла*).

THE HIDDEN Sin. A Novel. (Тайный грѣхъ. Романъ).

KISSING the Rod. A Novel. By Edmund *Yates*. (Лобзаніе розги. Романъ. Эдмонда *Ятса*).

THE LIFE and Death of Jeanne d'Arc. By Harriet *Parr*. (Жизнь и смерть Юанны д'Аркъ, Г. *Парра*).

LIZIE Lorton of Greyrigg. By Mrs. Lynn *Linton*.

THE MARRIED Life of Anne of Austria. By Miss *Freer*. (Замужняя жизнь Анны Австрійской, мисъ *Фривъ*).

MASTERS and Scholar etc. By E. H. *Plymptre*. (Учитель и ученикъ, Э. Г. *Плимпрта*).

MEMOIRS of Miles *Byrne*.

NO NAME. A Novel. By Wilkie *Collins*. (Безъ имени. Романъ *Уильяма Коллинса*).

ON THE Philosophy of Ethics. An Analytical Essay. By Simon S. *Laurie*. (О философіи этики. Аналитическій опытъ *Симона Лорри*).

OUR MAID-Servants: a Few Friendly Hints and Counsels. By A. F. G. (Наши служанки. Нѣсколько дружескихъ намековъ и совѣтовъ, А. Ф. *Дж.*).

THE REGENCY of Anne of Austria, Queen of France, Mother of Louis XIV. By Miss *Freer*. (Регентство Анны Австрійской, французской королевы, матери Людовика XIV, мисъ *Фривъ*).

THE SECOND Mrs. Tillotson. By Percy *Fitzgerald*.

TRODDEN Down. A Novel. (Поверженный. Романъ).

DE LA CONTAGION en général et celle du choléra en particulier, par A. Netter. (О заразительности вообще и о заразительности холеры, А. Неттера).

LA FIN de l'orgie, par Charles Monselet. (Конец орги, Шарль Монселе).

GALILÉE, sa vie, ses découvertes et ses travaux, par le Dr. Parchappe. (Галилей, его жизнь, открытия и ученые труды, Паршаппа).

LA GUERRE et la crise européenne, par Michel Chevalier. 2-me édition. (Война и европейскій кризисъ, Мишель Шевалье. 2-е издание).

HISTOIRE de l'épidémie de choléra à Marseille 1865, par Charles Ménière. (Исторія холерной эпидемии въ Марсели 1865 г., Шарль Менессье).

HISTOIRE d'un pauvre musicien, par X. Marmier. (Исторія бѣднаго музыканта, Кс. Мармье).

LES INSTITUTIONS ouvrières de Mulhouse et des environs, par Eugène Veron. (Ремесленные заведенія въ Мюльгаузѣ и его окрестностяхъ, Эжена Верона).

L'ITALIE en 1865, par C. Hippau.

LA JEUNESSE du roi Henri, par M. le vicomte Rolzon-du-Terrail. (Молодость короля Генриха, Ролсона-дю-Терраля).

JOURNAL d'un curé ligueur de Paris, publié par Ed. de Barthélemy. (Журналъ парижскаго священника лиги, изданный Эд. Бартеlemi).

LEÇONS sur les lois et les effets du mouvement, par M. Reynard. (Лекція о законахъ и дѣйствіяхъ движенія, Рейнара).

LA LUNE, par Amedée Guillemin.

ОВЕРКАМРР, par Alfred Labouchère.

QUELQUES mots sur le choléra, par le Dr. Haro. (Нѣсколько словъ о холерѣ, доктора Гаро).

LA RUINE des épées, par Paul Féval. (Королева шпагъ, Поля Феваля).

UN SALON de Paris (1824 à 1864), par M-me Ancelot.

TRAITÉ de la pêche à la ligne et au filet dans les rivières et dans les étangs, par A. René et C. Liersel. (Трактатъ о рыбной ловлѣ удочкою и сѣтями въ рѣкахъ и прудахъ, А. Рене и К. Лирселя).

LES VACANCES d'une parisienne, par M-me la comtesse Dash.

VOYAGE en Chine et en Mongolie de M. de Bourboulon, ministre de France, et de M-me de Bourboulon, par Achille Poussielgue.

BERNOULLI'S Dampfmaschinenlehre, 5 Auflage, gänzlich umgearbeitet und stark vermehrt durch E. Th. Böttcher. (Теорія паровыхъ машинъ Бернулли. 5-е издание, совершенно измѣненное и очень увеличенное Э. Т. Бѣтхеромъ).

BRIEF von Johann-Peter Uz an einen Freund aus den Jahren 1758—1782, herausgegeben von August Henneberger. (Письма І. П. Уца къ другу, откопчанныя къ 1758—1782 г. и изданныя Августомъ Геннебергеромъ).

DAS BUCH der Wahr- und Weissagungen. Eine vollständige Sammlung aus den Schriften aller wichtigen Propheten und Seher der Gegenwart und Vergangenheit. (Книга предсказаній. Полнѣйшій выборъ изъ сочиненій всѣхъ извѣстнѣйшихъ предсказателей какъ нашего, такъ и былаго времени).

ERLEBNISSE zum Geschichtskalender 1865, von H. Schulthess. (Дополнительная тетрадь къ историческому календарю 1865 года, Г. Шултесса).

DES FELDARZT, oder Selbsthilfe auf dem Schlachtfelde und in den Sanctionirungen. Vorzüglich nach den Regeln der Hydrotherapie, von Dr. Steinbacher. (Полковой медикъ, или самовспоможеніе на полѣ битвы и на квартирахъ. Преимущественно по правиламъ гидротерапіи, доктора Штейнбахера).

FRIEDEL und Oswald. Roman aus der Tiroler Geschichte, von Herman Schmid.

DIE GELD- und Handelskrisen, von E. de-Laveleye. (Денежные и торговые кризисы, Э. де-Лавелея).

GESCHICHTE des Drama's, von I. L. Klein. (Исторія драмы, I. Л. Клейна).

GUSTAV Adolf und sein Heer in Süddeutschland von 1631 bis 1635. I Band. Von Gustav Adolf Erscheinen in Süddeutschland bis zu seinem Tod. Von Franz v. Soden. (Густавъ-Адольфъ и его войско въ южной Германіи отъ 1631 до 1635. I томъ. Отъ появленія Густава-Адольфа въ южной Германіи до его смерти, Франца Содена).

DIE KRIEGSSCHAUPLÄTZE. In 4 colorirten Karten nebst militarischem und statistischem Text. (Разныя мѣстности военныхъ дѣйствій. 4 раскрашенныя карты съ военнымъ и статистическимъ текстомъ).

KRITISCHE Gänge. Neue Folge. Von Dr. Friedr. Th. Vischer. 5 Heft.

NEUE Erzählungen, von Otto Roquette. (Новыя повѣсти, Отто Рокета).

NEUE Gedichte, von I. G. Fischer. (Новыя стихотворенія, I. Г. Фишера).

SENEBLISCHE in die Zukunft. Eine Sammlung auserlesener Prophezeiungen mit Bezug auf unsere Zeit. Von C. B. A. Warnefried. (Пророческіе взгляды въ будущее. Собраніе избранныхъ предсказаній, относящихся къ нашему времени, Варнефрида).

SOCIALPOLITISCHE Studien, von Wilhelm Kiesselbach.

VIER chirurgische Briefe von Pr. Dr. I. N. Nussbaum an seine in den Krieg ziehenden ehemaligen Schüler. (Четыре хирургическія письма проф. докт. И. Н. Нусбаума къ отправляющимся на войну прежнимъ ученикамъ его).

DIE VORNEHMSTEN Kunstdenkmäler in Wien, von G. F. Waagen. (Важнѣйшіе памятники искусства въ Вѣнѣ, Г. Ф. Ваагена).

Въ статью «Птицы» въ № 12-мъ вѣрались слѣдующія опечатки:

		<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стр. 769	строк. 13	св. не подтверждала	не подтвердила
— 770	— 1	понятія	пониманія
— —	— 9	нити	науи
— 772	— 14	археологъ	орнитологъ
— 773	— 3	св. менѣе	яснѣе
— 775	— 12	св. мозга	глазъ
— —	— 3	тогда	когда
— —	— 20	(слова придуманныя)	(слово придуманное)
— —	— 10	св. породы	народъ
— 781	— 1	св. ложнымъ	смѣшною

